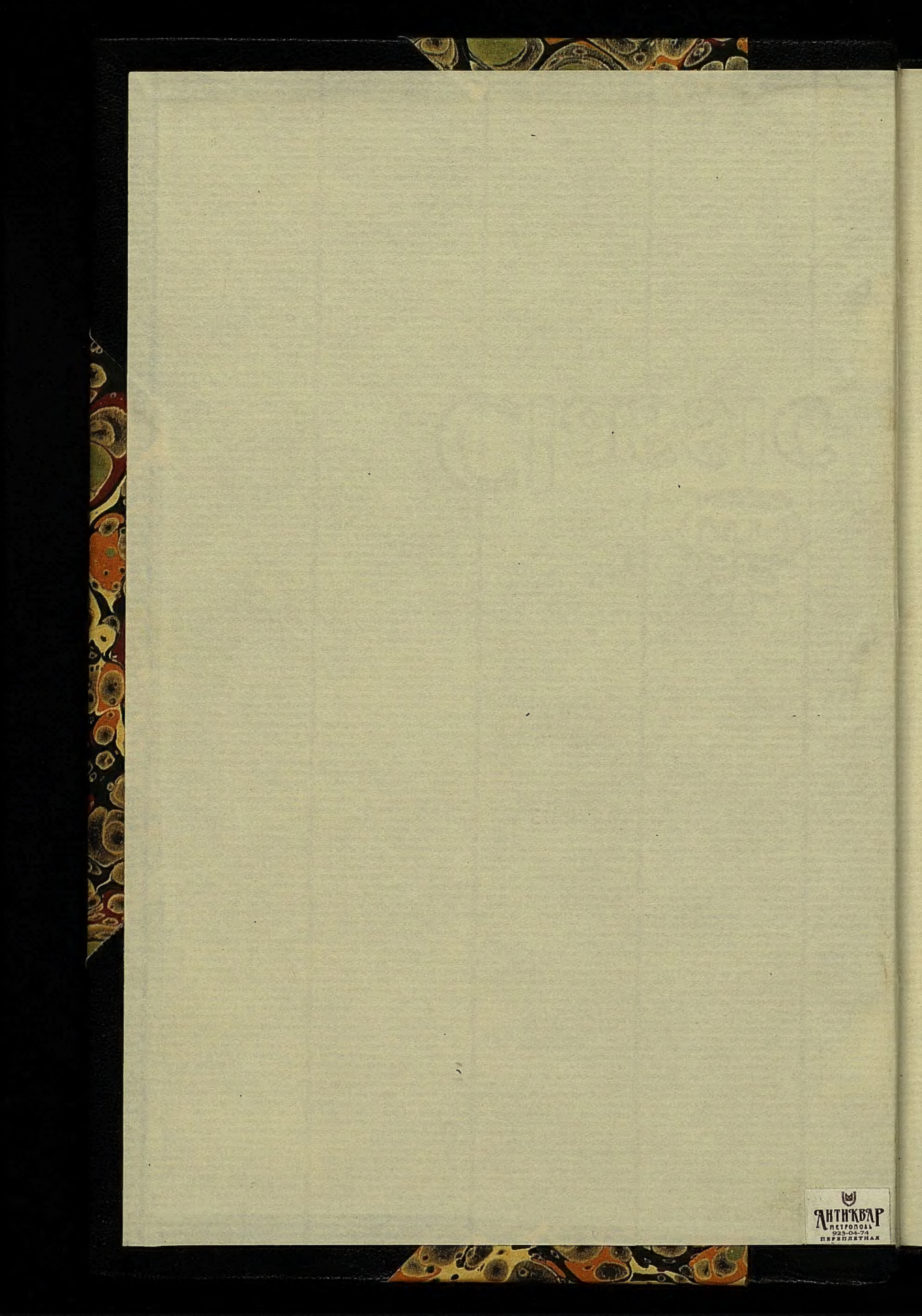

АНТИКВАР
МЕТРОПОЛЬ
923-04-74
ПЕРЕПЛЕТНАЯ

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ

ДУЭЛЬ и СМЕРТЬ ПУШКИНА

Изслѣдованіе и матеріалы

СЪ 15 ПОРТРЕТАМИ и ФАКСИМИЛЕ

Изд. 2-ое, исправленное

ПЕТРОГРАДЪ
„Литературная Книжная Лавка"
(Ижорская ул., д. 14, кв. 12)
1917

См. 3-ю стран. обложки

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Работы П. Е. Щеголева:

1. Пушкинъ. Очерки. Изд. 2-ое кн-ва «Прометей» Н. Н. Михайлова. Ц. 3 руб.
2. Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Разсказъ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. Съ послѣсловіемъ П. Е. Щеголева и Ѳедора Сологуба. Изд. т-ва писателей. Ц. 50 коп.
3. Историческіе этюды. Изд. 2-ое кн-ва «Прометей» Н. Н. Михайлова. Ц. 3 руб.

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ.

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Изслѣдованіе и матеріалы.

Изд. 2-ое, исправленное.

ПЕТРОГРАДЪ
„Литературная Книжная Лавка“
(Ижорска ул., д. 14, кв. 12)
1917

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе этой книги имѣетъ слѣдующія отличія отъ перваго.

Исправленія и дополненія, напечатанныя въ концѣ перваго изданія, введены во второмъ въ текстъ; документы и матеріалы, образующіе вторую часть книги, во второмъ изданіи получили иное, болѣе стройное расположеніе, причемъ въ документахъ, касающихся собственно Дантеса и его родныхъ, сокращены нѣкоторыя детали и подробности, не имѣющія рѣшительно никакого значенія для біографіи Пушкина и для исторіи его послѣдней дуэли. Самое же существенное отличіе состоитъ въ томъ, что всѣ матеріалы и документы, которые въ первомъ изданіи были напечатаны въ иноязычныхъ подлинникахъ, въ настоящемъ изданіи приведены въ русскомъ переводѣ съ опущеніемъ иностраннаго текста. Поступить такъ пришлось подъ давленіемъ многочисленныхъ заявленій о томъ, что многіе любопытные матеріалы на иностранныхъ языкахъ остаются недоступными широкой публикѣ.

Считаю нужнымъ подчеркнуть при появленіи второго изданія то, что я говорилъ въ предисловіи къ первому изданію. Разсказывая исторію послѣдней дуэли Пушкина, я останавливаюсь во всѣхъ подробностяхъ только на одной изъ причинъ трагическаго конца Пушкина,—правда на ближайшей—на исторіи семейныхъ отношеній. Но это не значитъ, что я склоненъ къ отрицанію вліянія многихъ другихъ и весьма важныхъ обстоятельствъ жизни Пушкина. Разъясненіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, приведшихъ жизнь Пушкина къ безвременному концу, является задачей изслѣдованія, надъ которымъ я работаю въ настоящее время.

7 декабря 1916 года.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Литература о Пушкинѣ растетъ съ каждымъ днемъ. Пушкиновѣдѣніе стало поистинѣ органической потребностью науки исторіи русской литературы. И за всѣмъ тѣмъ у насъ нѣтъ біографіи поэта, сколько-нибудь отвѣчающей современнымъ научнымъ требованіямъ. Основная причина такого положенія—въ недостаточной монографической обработкѣ отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи жизни поэта. Полнѣе разработана первая половина жизни: не трудно было бы дать біографію поэта по 1826 годъ—до отъѣзда изъ Михайловскаго въ Москву. Уже менѣе обслѣдованъ періодъ жизни съ 1826 года по 1831—годъ женитьбы. Годы семейной жизни и зрѣлаго творчества поэта (1831—1837) монографически почти не разрабатывались. Біографическіе матеріалы, относящіеся къ этому періоду, немногочисленны и критическому изслѣдованію, за малыми исключеніями, не подвергались. Съ особенной настойчивостью должно относить это утвержденіе къ исторіи послѣднихъ мѣсяцевъ жизни поэта, къ исторіи его послѣдней дуэли. Количественно литература о дуэли и смерти поэта весьма велика, но качественное ея значеніе прямо ничтожно. Кажется, ни объ одномъ періодѣ жизни поэта нѣтъ такого множества разсказовъ, воспоминаній современниковъ, писемъ, но матеріаловъ характера документальнаго въ этомъ обиліи крайне мало, а критическія изслѣдованія имѣющихся матеріаловъ просто отсутствуютъ въ пушкиніанской литературѣ; изъ-за скудости матеріаловъ, изъ-за ихъ отсутствія оказывалось невозможнымъ построеніе фактической исторіи дуэли Пушкина съ Дантесомъ, и біографы поэта, писавшіе о концѣ его жизни,

вынуждались такимъ положеніемъ дѣла ко внесенію въ свою работу непровѣренныхъ розсказней очевидцевъ и анекдотовъ современниковъ. Въ новѣйшее время особенно пособили въ этомъ отношеніи біографамъ Записки А. О. Смирновой, хотя при первомъ столкновеніи съ документально провѣренной дѣйствительностью обнаруживается совершенная беззаботность составительницы Записокъ по части фактовъ [1]).

Занимаясь біографіей Пушкина, я остановился на темномъ и необслѣдованномъ періодѣ послѣднихъ мѣсяцевъ жизни поэта, на исторіи его послѣдней дуэли. Слѣдующія задачи стоятъ передъ изслѣдователемъ этого періода: розыски матеріаловъ, критическая ихъ провѣрка и, какъ результатъ, попытка прагматическаго построенія исторіи дуэльныхъ событій. Эти задачи не исчерпываютъ еще, конечно, работы біографа, но безъ ихъ рѣшенія невозможны какія-либо дальнѣйшія біографическія изученія. Посильному осуществленію этихъ задачъ посвящена настоящая книга.

Къ собиранію матеріаловъ о дуэли Пушкина съ Дантесомъ и объ обстоятельствахъ его смерти я приступилъ лѣтъ тринадцать тому назадъ. Благодаря неустанному содѣйствію, которое оказывала мнѣ въ моихъ розысканіяхъ Комиссія по изданію сочиненій Пушкина, благодаря дѣятельной помощи лицъ и учрежденій, къ которымъ я обращался въ своихъ поискахъ, удалось собрать цѣлый рядъ матеріаловъ, цѣнность коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Розыски велись систематично и планомѣрно. Основная ихъ задача—нахожденіе документовъ, непосред-

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ работы, устанавливающей настоящую цѣну Запискамъ А. О. Смирновой, какъ историческому источнику. Только отсутствіемъ такой работы и можно объяснить, что кое-кто изъ изслѣдователей все еще считается съ сообщеніями этихъ Записокъ. 1914 годъ принесъ еще одно обличеніе исторической «правды» Записокъ. Изъ напечатанныхъ въ этомъ году писемъ А. Н. Карамзина къ матери («Старина и Новизна», кн. 17-ая, М. 1914) видно, что въ Парижѣ первое извѣстіе о смерти Пушкина было получено имъ, Андреемъ Карамзинымъ, въ письмѣ къ нему матери, поданномъ ему въ то время, когда онъ обѣдалъ у Смирновыхъ (стр. 292). А между тѣмъ въ «Запискахъ А. О. Смирновой» (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 г., ч. II, С.-Пб. 1897, стр. 2—3) имѣется правдоподобный, съ перваго взгляда, но необычайно далекій отъ дѣйствительности разсказъ о томъ же событіи, противорѣчащій точному извѣстію А. Н. Карамзина.

ственно относящихся къ исторіи дуэли и смерти, и свидѣтельствъ, исходящихъ отъ участниковъ событій.

На первыхъ же порахъ удалось разыскать очень важныя донесенія барона Геккерена своему правительству и письма его къ графу Нессельроде. Источникомъ первостепеннаго значенія являются конспективные наброски В. А. Жуковскаго по исторіи дуэли (часть 2, отд. V). Нѣсколько важныхъ документовъ извлечено изъ архива барона Геккерена-Дантеса. Въ печати не разъ появлялись свѣдѣнія о томъ, что въ этомъ архивѣ имѣются относящіеся къ дуэли документы; но доступъ къ этому архиву былъ впервые открытъ для изслѣдователя по нашей просьбѣ. Цѣннѣйшіе матеріалы оказались въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина—многочисленные черновики Жуковскаго, первоначальная редакція его письма къ отцу Пушкина, огромнѣйшее письмо къ Бенкендорфу. Изъ Тургеневскаго архива извлечены свѣдѣнія, имѣвшіяся въ дневникѣ А. И. Тургенева; изъ архива Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго—подлинное письмо князя П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу. Собраны всѣ извѣстія о дуэли и смерти Пушкина, заключающіяся въ посланныхъ изъ Петербурга депешахъ иностранныхъ дипломатовъ.

Нѣкоторые матеріалы, ранѣе извѣстные, мы ввели въ книгу отчасти по соображеніямъ о полнотѣ собранія, а отчасти потому, что въ нашемъ распоряженіи оказались подлинники, таковы записки врачей Спасскаго и Даля, лѣчившихъ Пушкина: таковъ—разсказъ князя А. В. Трубецкого. Перепечатка этого разсказа сопровождается критическими замѣчаніями и оцѣнкой этого разсказа.

Думается, что, послѣ систематически веденныхъ мною въ различныхъ направленіяхъ розысковъ, въ будущемъ врядъ ли можно будетъ разыскать много документальнаго матеріала въ дополненіе къ настоящему собранію. Въ V отдѣлѣ второй части книги изложена исторія моихъ поисковъ за матеріалами и указаны тѣ документы, которыхъ мнѣ, несмотря на всѣ усилія, не удалось получить въ свое распоряженіе и которые должны быть все-таки найдены и напечатаны. Къ этимъ документамъ надо присоединить и важныя для характеристики Н. Н. Пушкиной письма ея къ мужу, которыя хранятся въ Румянцовскомъ Му-

зеѣ и которыя будутъ вскрыты только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и письма весьма освѣдомленныхъ въ дѣлѣ Пушкина Карамзиныхъ—вдовы историка и ея дочерей—къ А. Н. Карамзину, находившемуся въ то время въ Парижѣ. По недавно опубликованнымъ его отвѣтнымъ письмамъ мы знаемъ, что мать и сестры сообщали ему въ письмахъ въ подробностяхъ семейную исторію Пушкина. Мѣстонахожденіе писемъ Е. А. Карамзиной и ея дочерей неизвѣстно.

Собранные матеріалы основательно мѣняютъ установившіеся взгляды, значительно дополняютъ наши свѣдѣнія и даютъ возможность дать фактическую исторію дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Документы, печатаемые нами, подвергаютъ сильному сомнѣнію достовѣрность той картины смерти поэта, которая, съ легкой руки В. А. Жуковскаго, вошла въ біографическій обиходъ. Анализъ первоначальной редакціи его знаменитаго письма къ отцу поэта вскрываетъ огромную работу Жуковскаго по приспособленію и пріукрашенію фактовъ. Документы, извлеченные изъ собранія А. Ѳ. Онѣгина, должны повлечь измѣненіе общераспространенныхъ взглядовъ на роль Императора Николая въ послѣдніе дни жизни и первые послѣ смерти Пушкина.

Матеріаламъ и документамъ предпослана попытка прагматическаго изложенія исторіи столкновенія и поединка Пушкина съ Дантесомъ. Мы поставили себѣ задачей, откинувъ въ сторону всѣ непровѣренныя и недостовѣрныя сообщенія, дать связное построеніе фактическихъ событій. Душевное состояніе, въ которомъ находился Пушкинъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни, было результатомъ обстоятельствъ самыхъ разнообразныхъ. Дѣла матеріальныя, литературныя, журнальныя, семейныя; отношенія къ Императору, къ правительству, къ высшему обществу и т. д. отражались тягчайшимъ образомъ на душевномъ состояніи Пушкина. Изъ длиннаго ряда этихъ обстоятельствъ мы считали необходимымъ—въ нашихъ цѣляхъ—коснуться только семейственныхъ отношеній Пушкина,—ближайшей причины рокового столкновенія[1]).

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо отмѣтить, что я не считалъ ни полезнымъ, ни нужнымъ перечислять и критически разбирать многочисленную литературу о дуэли. Библіографическія цѣли были мнѣ чужды, а опроверженіе всякихъ

Приношу глубокую благодарность всѣмъ, содѣйствовавшимъ моей работѣ, а прежде всего Комиссiи по изданiю сочиненiй Пушкина при Императорской Академiи Наукъ. Комиссiя оказывала полное вниманiе къ моимъ многочисленнымъ обращенiямъ съ просьбами о розыскахъ матерiаловъ, и безъ ея содѣйствiя многiе изъ матерiаловъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, не были бы извлечены изъ архивной темноты. Долгомъ своимъ почитаю выразить свою благодарность барону Жоржу-Альфонсу Геккеренъ-Дантесу, открывшему доступъ въ свой семейный архивъ. Особенную признательность я долженъ выразить г. А. Мазону и г. Луи Метману, содѣйствiе которыхъ было крайне важно при извлеченiи бумагъ изъ архива барона Геккерена-Дантеса. Дѣятельную помощь во все время работы оказывалъ мнѣ Б. Л. Модзалевскiй. Содѣйствiе въ розыскѣ матерiаловъ оказали мнѣ А. Ѳ. Онѣгинъ, С. А. Панчулидзевъ, П. Е. Рейнботъ; въ разработкѣ матерiаловъ я воспользовался указанiями и совѣтами Е. В. Аничкова, Ѳ. А. Браунa, И. И. Гливенко, Д. Н. Кудрявскаго, Н. К. Пиксанова, В. И. Саитова, Ивана Странника, М. А. Ященко. Всѣхъ названныхъ лицъ благодарю за содѣйствiе и помощь [1]).

16 апрѣля 1916 г.

сообщенiй, замѣтокъ и статей, вздорность которыхъ обнаруживается при первомъ же столкновенiи съ достовѣрнымъ матерiаломъ, положеннымъ въ основу моей работы, кажется мнѣ дѣломъ излишнимъ.

[1]) Съ появленiемъ настоящей книги теряютъ значенiе всѣ сдѣланныя мной частичныя публикацiи матерiаловъ и всѣ напечатанныя мной статьи и замѣтки, относящiяся къ дуэли Пушкина, за исключенiемъ статьи «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» («Историч. Вѣстн.», 1905, янв., февр., апр.; перепечатана въ моей книгѣ «Пушкинъ. Очерки», С.-Пб., стр. 306—410): въ этой статьѣ сообщены въ русскомъ переводѣ нѣкоторые изъ документовъ, появляющiеся въ настоящей книгѣ во французскомъ подлинникѣ. Матерiалы, напечатанные въ подлинникахъ на французскомъ языкѣ въ первомъ изданiи настоящей книги, я цитирую кратко «Дуэль»; названную свою статью цитирую по книгѣ «Пушкинъ. Очерки» также кратко «Пушкинъ». «Сочиненiя Пушкина. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Переписка. Подъ ред. В. И. Саитова», въ цитатахъ означаются однимъ словомъ «Переписка».

ИСТОРІЯ ПОСЛѢДНЕЙ ДУЭЛИ ПУШКИНА.

(4 ноября 1836 — 27 января 1837 года).

Снимокъ съ маски Пушкина, хранящейся въ библіотекѣ Юрьевскаго Университета

1.

Благополучіе рода Дантесовъ было прочно обосновано на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій Жаномъ-Генрихомъ Дантесомъ (1670—1733), крупнымъ земельнымъ собственникомъ и промышленникомъ. У него были доменныя печи, серебряные рудники, занимался онъ производствомъ жести и учредилъ фабрику холоднаго оружія. Имъ было пріобрѣтено имѣніе въ Зульцѣ, ставшее постояннымъ мѣстопребываніемъ семьи Дантесовъ. Въ 1731 году Жанъ-Генрихъ Дантесъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Его ближайшіе потомки ревностно служили своимъ королямъ и вступили въ родственныя связи со многими родовитыми семьями. Внукъ его Жоржъ-Шарль-Франсуа-Ксавье Дантесъ (1739—1803) былъ женатъ на баронессѣ Рейтнеръ де-Вейль; въ революціонную эпоху онъ долженъ былъ эмигрировать, но ему посчастливилось: онъ не потерялъ своего состоянія. Продолжателемъ рода былъ второй его сынъ—Жозефъ-Конрадъ (1773—1852). Во время бѣгства Людовика XVI въ Вареннъ онъ служилъ въ тѣхъ войсковыхъ частяхъ, которыя должны были подъ руководствомъ маркиза Булье содѣйствовать бѣгству короля. Эмигрировавъ изъ Франціи, онъ поселился въ Германіи, у своего дяди и крестнаго отца, барона Рейтнера, командира Тевтонскаго ордена. Вернувшись изъ Германіи на родину въ Зульцъ, онъ женился здѣсь въ 1806 году на графинѣ Маріи-Аннѣ Гацфельдтъ (1784—1832). Отъ этого брака родился Жоржъ Дантесъ, которому суждено было стать убійцей Пушкина [1]).

Графиня Гацфельдтъ принесла въ семью Дантесовъ значительныя родственныя связи. Ихъ слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ ими объясняются кое-

---

[1]) Г. Луи Метманъ, сынъ дочери барона Дантеса-Геккерена отъ брака ея съ генераломъ Метманомъ, по нашей просьбѣ, составилъ біографическую справку о своемъ дѣдѣ, которая изложена нами во второй части книги. Обстоятельная біографія Дантеса, составленная С. А. Панчулидзевымъ, помѣщена въ «Сборникѣ біографій кавалергардовъ» 1825—1899, стр. 75—92. Всѣ остальныя «біографіи» Дантеса лишены какого-нибудь фактическаго содержанія.

какія позднѣйшія отношенія Жоржа Дантеса. Мать Дантеса принадлежала къ роду Гацфельдтовъ. Отецъ ея—братъ перваго въ роду князя Гацфельдта, бывшаго губернаторомъ Берлина во время оккупаціи его французами. Одна изъ его сестеръ была замужемъ за графомъ Францемъ-Карломъ-Александромъ Нессельроде-Эресгофенъ (1752—1816). Эта вѣтвь Нессельроде родственна той вѣтви, отпрыскомъ которой является знаменитый «русскій» графъ Карлъ Нессельроде (1780—1862), канцлеръ и долголѣтній министръ иностранныхъ дѣлъ при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Мать графини Гацфельдтъ, вышедшей за Дантеса,—графиня Фредерика-Элеонора Вартенслебенъ; ея сестра, графиня Шарлотта-Амалія-Изабелла Вартенслебенъ, родившаяся въ 1759 году, вышла въ 1788 году замужъ за графа Алексѣя Семеновича Мусина-Пушкина, русскаго дипломата, бывшаго посланникомъ въ Стокгольмѣ. Умерла она въ Россіи и похоронена въ Москвѣ, на иновѣрческомъ кладбищѣ. На ея могильномъ камнѣ значится: «Графиня Елизавета Ѳедоровна Мусина-Пушкина, дѣйствительная тайная совѣтница и кавалерственная дама. † 27 августа 1835 года» [1]).

Жозефъ-Конрадъ Дантесъ, отецъ Жоржа Дантеса, получившій баронскій титулъ при Наполеонѣ I, былъ вѣрнымъ легитимистомъ. Въ 1823—1829 годахъ онъ былъ членомъ Палаты депутатовъ и принадлежалъ къ правой. Революція 1830 года заставила его уйти въ частную жизнь.

Жоржъ-Шарль Дантесъ родился 5 февраля 1812 г. нов. ст. Онъ былъ третьимъ ребенкомъ въ семьѣ и первымъ сыномъ. Учился онъ первоначально въ коллежѣ въ Альзасѣ, потомъ въ Бурбонскомъ Лицеѣ. Отецъ хотѣлъ отдать его въ пажи, но въ ноябрѣ 1828 года не оказалось свободной вакансіи: была одна, и ту Карлъ X обѣщалъ герцогинѣ Беррійской [2]). Поэтому Дантесъ былъ отданъ въ Сенъ-Сирскую военную школу. Зачисленіе его въ списки школы состоялось 19 ноября 1829 года. Кончить курса барону Дантесу не удалось: онъ не пробылъ въ школѣ и года, когда произошла іюльская революція 1830 года. Ученики Сенъ-Сирской школы были настроены въ это время совсѣмъ не либерально и въ огромномъ большинствѣ были преданы Карлу X. Чтобы избѣжать возможныхъ столкновеній съ народомъ, 1 августа 1830 года было предложено всѣмъ желающимъ ученикамъ взять отпускъ до 22 августа. Но трехнедѣльный отпускъ не помогъ и не истребилъ преданности законной монархіи. 27 августа 1830 года начальникъ школы

---

[1]) Московскій Некрополь, II, 298.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ архивѣ барона Геккерена письмо къ отцу Дантеса отъ 20 ноября 1828 г.

генералъ Менуаръ доносилъ военному министру, что на 300 учениковъ съ трудомъ найдется 60 человѣкъ, на подчиненіе которыхъ новому правительству можно разсчитывать. «Другіе,—писалъ генералъ,—обнаруживаютъ чувства прямо противоположныя: вчера свистѣли при видѣ трехцвѣтныхъ значковъ, принесенныхъ для упражненія; стѣны покрыли возмутительными надписями» [1]). Въ послужномъ спискѣ Дантеса, хранящемся въ архивѣ Сенъ-Сирской школы, отмѣчено, что 30 августа 1830 года онъ уволенъ былъ въ отпускъ, а 19 октября того же года уволенъ изъ школы по желанію семейства. Дантесъ былъ въ числѣ преданныхъ Карлу X. По разсказу г. Луи Метмана, «Дантесъ въ іюлѣ 1830 года примкнулъ къ той группѣ учениковъ школы, которая, вмѣстѣ съ полками, сохранившими вѣрность Карлу X, пыталась на площади Людовика XV выступить на его защиту. Отказавшись служить іюльской монархіи, онъ вынужденъ былъ покинуть школу. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ считался въ числѣ партизановъ, собравшихся въ Вандеѣ вокругъ герцогини Беррійской». Не сообщая болѣе подробныхъ свѣдѣній объ участіи Дантеса въ Вандейскомъ возстаніи, руководимомъ герцогиней Беррійскою, г. Метманъ едва ли не повторяетъ здѣсь извѣстные и ранѣе смутные слухи объ этомъ участіи, не имѣя другихъ источниковъ. Болѣе опредѣленныхъ указаній на этотъ фактъ изъ біографіи Дантеса мы не встрѣчали.

Послѣ Вандейскаго эпизода баронъ Жоржъ Дантесъ вернулся въ Зульцъ, къ отцу. Его онъ нашелъ «глубоко удрученнымъ политическимъ переворотомъ, разрушившимъ законную монархію, которой его родъ служилъ столько же въ силу расположенія, сколько въ силу традиціи».

О жизни Дантеса въ лонѣ семьи его біографъ сообщаетъ: «На другой день послѣ революціи, разсѣявшей всѣ его надежды, молодой человѣкъ живого и независимаго характера, какимъ былъ Жоржъ Дантесъ, не могъ найти приложенія своимъ склонностямъ въ открывавшемся ему монотонномъ провинціальномъ существованіи. Смерть баронессы Дантесъ въ 1832 году усилила уныніе родного очага. Жоржъ Дантесъ, котораго отдѣляли отъ тогдашняго правительства политическіе взгляды его семьи, рѣшилъ искать службы заграницей,—по обычаю, въ то время распространенному». Но изъ монотоннаго провинціальнаго существованія выталкивали Дантеса скорѣе всего обстоятельства чисто матеріальнаго характера. Іюльская революція не только разрушила законную монархію, но и сильно подорвала матеріальное

---

[1]) Eugène Titeux. Saint-Cyr et l'école spéciale militaire en France, Paris. 1898, pp. 293—298.

благополучіе семьи Дантесовъ. На рукахъ Дантеса была огромная семья въ шесть человѣкъ. Старшая дочь была замужемъ, но іюльская революція лишила ея мужа средствъ къ существованію, и отцу приходилось содержать ее съ мужемъ. У него же жила старшая его сестра, вдова графа Бель-Иля, съ пятью дѣтьми: Карлъ X назначилъ ей пенсію по 6.000 франковъ, но революція отняла ее. Приходилось тратиться на ученіе дѣтей: второй его сынъ Альфонсъ и младшая дочь учились въ Страссбургѣ. А прибытки барона Жозефа-Конрада Дантеса были невелики. Были долги и 18—20 тысячъ франковъ ренты [1]). При такомъ положеніи дѣлъ могъ явиться обузой и не кончившій курса сенъ-сирецъ, къ тому же заявившій себя участникомъ въ демонстраціяхъ противъ существовавшаго правительства. Ему, дѣйствительно, надо было искать счастья и удачи на сторонѣ; надо было собираться въ отъѣздъ.

Проще всего ему было бы устроиться въ Германіи, гдѣ у него было много нѣмецкихъ родственниковъ. Черезъ нихъ онъ нашелъ покровительство у прусскаго принца Вильгельма. Его готовы были принять, благодаря такой протекціи, въ военную службу, но въ чинѣ унтеръ-офицера, а это званіе казалось неподходящимъ не кончившему курса въ Сенъ-Сирской военной школѣ: ему хотѣлось сразу стать офицеромъ, и дѣло со службой въ прусскихъ войскахъ не устроилось. Тогда прусскій принцъ далъ Дантесу добрый совѣтъ ѣхать въ Россію и здѣсь искать своего счастья. Принцъ оказалъ активную поддержку молодому Дантесу и далъ ему рекомендательное письмо въ Россію. Этотъ принцъ прусскій Вильгельмъ (1797—1888), позднѣе Вильгельмъ, императоръ германскій (съ 1861 года) и король прусскій, былъ въ интимно-близкихъ, родственныхъ отношеніяхъ къ русскому императору Николаю Павловичу: онъ былъ женатъ на его родной племянницѣ. Письмо принца было адресовано генералъ-майору Адлербергу. Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ (1790—1884; съ 1847 года графъ), одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ Николаю Павловичу людей, въ 1833 году занималъ постъ Директора Канцеляріи Военнаго Министерства. Въ архивѣ Геккереновъ хранится и по сей день письмо адъютанта прусскаго принца слѣдующаго содержанія: «Его Королевское Высочество Принцъ Вильгельмъ Прусскій, сынъ короля, поручилъ мнѣ передать Вамъ прилагаемое здѣсь письмо къ генералъ-майору Адлербергу». Письмо датировано 6-мъ октября 1833 года

---

[1]) Данныя о матеріальномъ положеніи Дантесовъ въ письмахъ старшаго Дантеса къ Геккерену.

въ Берлинѣ. Дантесъ получилъ его здѣсь на руки, по пути въ Россію. Одного этого письма было достаточно для того, чтобы Дантесъ могъ питать самыя пылкія надежды на успѣхъ своего путешествія. Кромѣ того, онъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду использовать и связи отдаленнаго свойства съ графиней Мусиной-Пушкиной, приходившейся ему двоюродной бабушкой.

Чего только не приводили въ объясненіе блестящей жизненной карьеры Дантеса, на какія только положенія и обстоятельства не ссылались современники, а за ними и всѣ біографы Пушкина, писавшіе о Дантесѣ, не имѣя фактическихъ данныхъ и испытывая потребность объяснить карьеру Дантеса. Одни утверждали, что Геккеренъ — побочный сынъ короля голландскаго; другіе—что онъ былъ особо отрекомендованъ Николаю Павловичу Карломъ X [1]) и т. п. Наконецъ, пущенъ былъ въ ходъ разсказъ о случайной, а на самомъ дѣлѣ подстроенной встрѣчѣ Николая Павловича въ мастерской французскаго художника съ Дантесомъ, и о глубокомъ впечатлѣніи, которое послѣдній произвелъ на русскаго государя.

Въ дѣйствительности ходатайство и рекомендація принца Вильгельма были самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу Дантеса въ глазахъ императора Николая Павловича. Къ тому же, молодой баронъ говорилъ самъ за себя: онъ былъ легитимистомъ, манифестировалъ во имя Карла X, былъ въ рядахъ повстанцевъ подъ знаменемъ герцогини Беррійской. Извѣстно, какъ Николай Павловичъ цѣнилъ принципъ легитимизма и какъ онъ покровительствовалъ легитимистамъ разныхъ оттѣнковъ. Не даромъ французскіе легитимисты прибѣгали не разъ къ покровительству русскаго императора. Такъ въ 1832 году графъ Рошешуаръ искалъ поддержки планамъ Карла X и герцогини Беррійской при дворахъ нидерландскомъ и русскомъ: при первомъ онъ имѣлъ аудіенціи у супруги наслѣднаго принца Анны Павловны, при второмъ имѣлъ конспиративныя свиданія съ графомъ Нессельроде, Бенкендорфомъ и передалъ письмо герцогини русскому императору. И онъ былъ встрѣченъ сочувственно [2]).

Безъ сомнѣнія, одной рекомендаціи Вильгельма Прусскаго было бы достаточно для наилучшаго устройства Дантеса въ Россіи. Но Дантесъ былъ

---

[1]) Извѣстіе о томъ, что Дантесъ былъ рекомендованъ Карломъ X Николаю Павловичу, идетъ изъ освѣдомленнаго источника—отъ Р. Е. Гринвальда, командовавшаго Кавалергардскимъ полкомъ («Vier Söhne eines Hauses», I, 204; см. Панчулидзевъ, назв. соч., 76). Повидимому, здѣсь просто смѣшеніе: покровительство Вильгельма было отнесено къ Карлу X.

[2]) Comte de Rochechouart. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration, Paris, Plon-Nourrit. 1889.

исключительно счастливый человѣкъ. Во время своего путешествія по Германіи, Дантесъ не только заручился драгоцѣннымъ письмомъ Вильгельма, но и снискалъ покровительство, которое оказалось для него въ Петербургѣ полезнымъ въ высшей степени: онъ встрѣтилъ барона Геккерена, голландскаго посланника при русскомъ дворѣ и завоевалъ его расположеніе. Вмѣстѣ съ Геккереномъ онъ въѣхалъ въ Россію.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о Геккеренѣ, которому суждено было играть такую видную и незавидную роль въ исторіи послѣдней дуэли Пушкина.

Сынъ маіора отъ кавалеріи Эверта-Фридриха барона ванъ-Геккерена (1755—1831) и Генріетты-Жанны-Сузанны-Маріи графини Нассау, баронъ Геккеренъ де-Беверваардъ (полное его имя—Jacob-Théodore-Borhardt-Anne Baron van Heeckeren de Beverwaard) принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ голландскихъ фамилій [1]. Родился онъ 30-го ноября 1791 года. По словамъ г. Метмана, Геккеренъ началъ свою службу въ 1805 году добровольцемъ во флотѣ. Тулонъ былъ первымъ портомъ, къ которому было приписано его судно. Пребываніе на службѣ у Наполеона оставило въ Геккеренѣ самыя живыя симпатіи къ французскимъ идеямъ. Въ 1815 году было призвано къ существованію независимое Королевство Нидерландское (Бельгія и Голландія), и Геккеренъ перемѣнилъ родъ службы: изъ моряка сталъ дипломатомъ и былъ назначенъ секретаремъ нидерландскаго посольства въ Стокгольмѣ. Въ 1823 году онъ уже находился въ Петербургѣ: въ этомъ году нидерландскій посланникъ при русскомъ дворѣ Верстолкъ ванъ-Зеленъ выѣхалъ изъ Петербурга, а въ отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ вступилъ, 26-го марта 1823 года, баронъ Геккеренъ. Черезъ три года, представивъ 26-го марта 1826 года вѣрительныя грамоты, онъ сталъ посланникомъ или полномочнымъ министромъ нидерландскимъ въ Петербургѣ. За свое долговременное пребываніе въ Россіи Геккеренъ упрочилъ свое положеніе и при дворѣ, и въ петербургскомъ свѣтѣ. Въ 1833 году, отъѣзжая въ продолжительный отпускъ, онъ удостоился награды: Государь пожало-

---

[1]) Фактическія свѣдѣнія о Геккеренѣ даны въ моей статьѣ («Пушкинъ», стр. 340), въ статьѣ Н. В. Чарыкова «Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи» («Пушкинъ и его современники», вып. XI, стр. 71—72) и въ статьѣ г. Метмана въ настоящей книгѣ (ч. 2, отд. VI). Не всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднимъ, вѣрны. Такъ, онъ называетъ Геккерена le dernier-né, тогда какъ у него былъ младшій братъ, потомство котораго владѣетъ въ настоящее время, по свидѣтельству Н. В. Чарыкова, родовымъ имѣніемъ Геккереновъ-Беверваардъ.

Баронъ Луи де-Геккеренъ

(Съ портрета, рисованнаго въ 1843 г. Крихуберомъ)

валъ ему орденъ св. Анны 1-ой степени, какъ свидѣтельство своего высокаго благоволенія и какъ знакъ удовольствія по поводу отличнаго исполненія имъ обязанностей посланника. Среди дипломатовъ, находившихся въ срединѣ 1830-хъ годовъ въ Петербургѣ, баронъ Геккеренъ игралъ видную роль: по крайней мѣрѣ, княгиня Ливенъ, описывая въ письмѣ къ Грею петербургскихъ дипломатовъ, отмѣчаетъ только двухъ «gens d'esprit»—барона Фикельмона и Геккерена [1]).

Таковы внѣшнія, «формулярныя», данныя о Геккеренѣ. Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о его личности. Не случись роковой дуэли, исторія, несомнѣнно, не сохранила бы и самого его имени,—имени человѣка средняго, душевно мелкаго, какихъ много въ обыденности! Но прикосновенность къ послѣдней пушкинской дуэли выдвинула изъ историческаго небытія его фигуру. Современники единодушно характеризуютъ нравственную личность Геккерена съ весьма нелестной стороны. Надо, конечно, помнить, что всѣ эти характеристики созданы послѣ 1837 года и построены исключительно на основаніи толковъ и слуховъ о роли Геккерена въ исторіи дуэли. Поэтому въ этихъ сужденіяхъ о личности Геккерена слишкомъ много непровѣренныхъ, огульныхъ обвиненій и эпитетовъ—одинъ другого страшнѣе. Любопытно отмѣтить, что ни князь Вяземскій, ни В. А. Жуковскій—друзья Пушкина и ближайшіе свидѣтели всѣхъ событій—не оставили характеристики Геккерена, но, поминая его имя, не обнаружили того стремленія сгустить краски, которое проникаетъ всѣ отзывы современниковъ. Приведемъ отзывъ Н. М. Смирнова, мужа близкой пріятельницы Пушкина, извѣстной А. О. Смирновой: «Геккеренъ былъ человѣкъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли» [2]). Если Геккеренъ и былъ таковъ, то проникшихъ его до рокового исхода дѣла было всего на всего одинъ человѣкъ, а этотъ человѣкъ былъ Пушкинъ.

Любопытную характеристику Геккерена даетъ баронъ Торнау, имѣвшій возможность наблюдать его среди вѣнскихъ дипломатовъ въ 1855 году: «Геккеренъ, несмотря на свою извѣстную бережливость, умѣлъ себя показать, когда требовалось сладко накормить нужнаго человѣка. Въ одномъ слѣдовало ему отдать справедливость: онъ былъ хорошій знатокъ въ карти-

---

[1]) См. «Correspondance of Princess Lieven and Earl Gray, ed. and translat. by Guy le Strange. Vol. III, Lond. 1890, p. 22.

[2]) «Русск. Арх.». 1882, I, 234.

нахъ и древностяхъ, много истратилъ на покупку ихъ, мѣнялъ, перепродавалъ и всегда добивался овладѣть какою-нибудь рѣдкостью, которою потомъ любилъ дразнить другихъ, знакомыхъ ему собирателей старинныхъ вещей. Квартира его была наполнена образцами стариннаго издѣлія и между ними дѣйствительно не имѣлось ни одной вещи неподлинной. Былъ Геккеренъ уменъ; полагаю, о правдѣ имѣлъ свои собственныя, довольно широкія понятія, чужимъ прегрѣшеніямъ спуску не давалъ. Въ дипломатическомъ кругу сильно боялись его языка и, хотя не долюбливали, но кланялись ему, опасаясь отъ него злого словца» [1]).

Изъ всѣхъ характеристикъ Геккерена принадлежащая барону Торнау—наиболѣе безстрастная, наиболѣе удаленная отъ пушкинскаго инцидента въ жизни Геккерена, но и это его изображеніе сохранило отталкивающія черты оригинала. Въ нашей работѣ собраны письменныя высказыванія барона Геккерена, неизвѣстныя ранѣе, и сдѣлана попытка фактическаго выясненія его роли въ исторіи дуэли. На основаніи этихъ объективныхъ данныхъ можно будетъ возстановить образъ Геккерена. Крѣпкій въ правилахъ свѣтскаго тона и въ условной свѣтской нравственности, но морально неустойчивый въ душѣ; себялюбецъ, не останавливающійся и передъ низменными средствами въ достиженіяхъ; дипломатъ консервативнѣйшихъ по тому времени взглядовъ, неспособный ни цѣнить, ни раздѣлять передовыхъ стремленій своей жизни, не увидавшій въ Пушкинѣ ничего, кромѣ фрондирующаго камеръ-юнкера; человѣкъ духовно ничтожный, пустой—такимъ представляется намъ Геккеренъ.

Какъ и когда произошло знакомство и сближеніе Геккерена и Дантеса? Осенью 1833 года голландскій посланникъ возвращался изъ продолжительнаго отпуска къ мѣсту своего служенія въ Петербургъ. Какъ разъ въ это время въ поискахъ счастья и чиновъ совершалъ свое путешествіе и Дантесъ. «Дантесъ серьезно заболѣлъ проѣздомъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городкѣ; вскорѣ туда прибылъ баронъ Геккеренъ и задержался долѣе, чѣмъ предполагалъ. Узнавъ въ гостинницѣ о тяжеломъ положеніи молодого француза и о его полномъ одиночествѣ, онъ принялъ въ немъ участіе, и когда тотъ сталъ поправляться, Геккеренъ предложилъ ему присоединиться къ его свитѣ для совмѣстнаго путешествія; предложеніе радостно было принято». Такъ разсказываетъ А. П. Арапова, дочь вдовы Пушкина отъ второго ея брака. Источникомъ ея свѣдѣній является позднѣйшій разсказъ самого Дан-

---

[1]) Воспоминанія барона Ѳ. Торнау—«Истор. Вѣстн.» 1897 г., кн. I, январь, стр. 66.

теса одному изъ племянниковъ своей жены, т. е. одному изъ братьевъ Гончаровыхъ [1]).

Біографъ Дантеса г. Луи Метманъ ограничивается глухимъ сообщеніемъ: «Дантесъ имѣлъ счастливый случай встрѣтить барона Геккерена. Послѣдній, привлеченный находчивостью и прекрасной внѣшностью Жоржа Дантеса,

---

[1]) Намъ извѣстны два повѣствованія А. П. Араповой объ обстоятельствахъ послѣдней дуэли Пушкина. Одна запись была предназначена для С. А. Панчулидзева, историка Кавалергардскаго полка, и использована имъ въ біографіи Дантеса. Другая, позднѣйшая и пространнѣйшая, запись предназначалась для печати и была помѣщена въ приложеніяхъ къ «Новому Времени» въ декабрѣ 1907 и январѣ 1908 гг. (№№ 11406, 11409, 11413, 11416, 11421, 11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449). Первая запись, съ которой мы знакомы по отрывкамъ, приведеннымъ С. А. Панчулидзевымъ, носитъ дѣловой характеръ, написана сжато, безъ художественныхъ прикрасъ и лишнихъ подробностей. Вторая запись готова перейти изъ области мемуарной литературы въ область беллетристики. Для сравненія приводимъ по этой записи разсказъ о встрѣчѣ Дантеса съ Геккереномъ:

«Проѣзжая по Германіи, онъ простудился; сначала онъ не придалъ этому значенія, разсчитывая на свою крѣпкую, выносливую натуру, но недугъ быстро развился, и острое воспаленіе приковало его къ постели въ какомъ-то маленькомъ захолустномъ городѣ.

«Медленно потянулись дни съ грознымъ призракомъ смерти у изголовья заброшеннаго на чужбинѣ путешественника, который уже съ тревогой слѣдилъ за быстрымъ таяніемъ скудныхъ средствъ. Помощи ждать было неоткуда, и вѣра въ счастливую звѣзду покидала Дантеса. Вдругъ въ скромную гостинницу нахлынуло необычайное оживленіе. Грохотъ экипажей смѣнился шумомъ голосовъ; засуетился самъ хозяинъ, забѣгали служанки.

«Это оказался поѣздъ нидерландскаго посланника, барона Геккерена (d'Hekeren), ѣхавшаго на свой постъ при русскомъ дворѣ. Поломка дорожной берлины вынуждала его на продолжительную остановку. Во время ужина, стараясь какъ-нибудь развлечь или утѣшить своего угрюмаго, недовольнаго постояльца сопоставленіемъ несчастій, словоохотливый хозяинъ сталъ ему описывать тяжелую болѣзнь молодого одинокаго француза, уже давно застрявшаго подъ его кровомъ. Скуки ради, баронъ полюбопытствовалъ взглянуть на него, и тутъ у постели больного произошла ихъ первая встрѣча.

«Дантесъ утверждалъ, что состраданіе такъ громко заговорило въ сердцѣ старика при видѣ его безпомощности, при видѣ его изнуреннаго страданіемъ лица, что съ этой минуты онъ уже не отходилъ болѣе отъ него, проявляя заботливый уходъ самой нѣжной матери.

«Экипажъ былъ починенъ, а посланникъ и не думалъ объ отъѣздѣ. Онъ терпѣливо дождался, когда возстановленіе силъ дозволило продолжать путь, и, освѣдомленный о конечной цѣли, предложилъ молодому человѣку присоединиться къ его свитѣ и подъ его покровительствомъ въѣхать въ Петербургъ. Можно себѣ представить, съ какой радостью это было принято!»

заинтересовался имъ и вошелъ въ постоянную переписку съ его отцомъ, который высказывалъ живѣйшую признательность за покровительство, сослужившее свою пользу какъ въ военной карьерѣ, такъ и въ свѣтскихъ отношеніяхъ сына».

Г. Луи Метманъ подыскиваетъ объясненія увлеченію Геккерена: голландскій посланникъ, начавшій свою службу во Франціи, питалъ склонность къ идеямъ французской культуры. Его юношеская дружба съ герцогомъ Роганъ-Шабо (умеръ въ 1833 году въ санѣ Безансонскаго архіепископа) дала толчокъ религіозному перевороту. Геккеренъ принялъ католичество, и этотъ поступокъ уединилъ его и отдалилъ отъ его протестантской родни. Наконецъ, г. Луи Метманъ упоминаетъ и объ отдаленномъ свойствѣ, которое могло существовать между барономъ Геккереномъ и рейнскими фамиліями, съ которыми Дантесъ былъ въ родствѣ по отцу и матери. Въ русской литературѣ о Дантесѣ нерѣдко встрѣчается утвержденіе о родствѣ его съ барономъ Геккереномъ въ разныхъ степеняхъ близости вплоть до объявленія Дантеса побочнымъ сыномъ посланника. Родства никакого не было; при тщательномъ разборѣ, быть можетъ, можно установить отдаленнѣйшія линіи свойства. Во всякомъ случаѣ, до сближенія съ Дантесомъ Геккеренъ не былъ даже знакомъ съ отцомъ и семьей Дантеса [1]). Но тутъ даже не свойство, а тѣнь свойства.

Современники, реально настроенные, старались подыскать чисто реальныя основанія близости Геккерена и Дантеса, и выставленныя ими основанія были двухъ порядковъ: естественнаго и противоестественнаго. Въ русской литературѣ на всѣ лады повторялось утвержденіе о родствѣ Геккерена съ Дантесомъ и указывались разныя степени родственной близости. Нерѣдко современники заявляли о томъ, что Дантесъ доводился барону Геккерену просто на просто побочнымъ сыномъ. Фактическихъ данныхъ для подобнаго заявленія не имѣется, а на основаніи документовъ, опубликованныхъ въ нашей книгѣ, можно категорически утверждать невѣрность всѣхъ сообщеній о родствѣ Геккерена и Дантеса. Объясненія порядка, такъ сказать, противоестественнаго сводились къ утвержденію, что посланникъ былъ близокъ къ молодому французу по особенному,—извращенной близостью мужчины къ мужчинѣ [2]).

---

[1]) Невѣрны и наши сообщенія о родствѣ Дантеса и Геккерена въ книгѣ «Пушкинъ», стр. 344.

[2]) См. свидѣтельство князя А. В. Трубецкого въ VIII отдѣлѣ второй части нашей книги.

Какъ бы тамъ ни было, отношенія Геккерена къ Дантесу, поскольку они засвидѣтельствованы его письмами и фактической исторіей, проникнуты необычайной заботливостью и нѣжностью. По истинѣ, онъ былъ отцомъ роднымъ Дантесу, и Дантесъ-отецъ самъ признавалъ это и неоднократно выражалъ Геккерену свою глубокую признательность о сынѣ.

Но возвратимся къ исторіи Дантеса. Рекомендательное письмо прусскаго принца было вручено Дантесу 6-го октября (нов. ст.) 1833 года, и, вѣроятно, безъ замедленія Дантесъ прослѣдовалъ въ Петербургъ. Въ хроникѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» за 11-е октября 1833 года читаемъ: «Пароходъ «Николай I», совершивъ свое путешествіе въ 78 часовъ, 8-го сего октября прибылъ въ Кронштадтъ съ 42 пассажирами, въ томъ числѣ королевскій нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ». А съ нимъ вмѣстѣ «Николай I» привезъ и Дантеса.

На первыхъ порахъ Дантесъ поселился въ Англійскомъ трактирѣ на Галерной улицѣ.

Рекомендація была доставлена имъ по назначенію и произвела должное дѣйствіе. О Дантесѣ было доложено Государю, и Адлербергъ обнаружилъ большое расположеніе къ ученику Сенъ-Сирской школы и оказалъ ему мощное содѣйствіе въ дѣлѣ экзаменовъ. Онъ подыскалъ ему профессоровъ, которые должны были «натаскать» молодого сенъ-сирца по военнымъ предметамъ, заручился поддержкой самаго нужнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка,— Ивана Онуфріевича Сухозанета, въ это время занимавшаго должности члена Военнаго Совѣта, Директора Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ и Дворянскаго полка и члена Военно-Учебнаго Комитета. Въ архивѣ барона Геккерена хранятся два письма Адлерберга къ Дантесу. Въ первомъ, отъ 23-го ноября 1833 года, Адлербергъ писалъ: «Внезапный отъѣздъ, котораго я не могъ предвидѣть, когда видѣлъ васъ, мой дорогой баронъ, поставилъ меня въ невозможность завязать условленныя сношенія съ профессорами, которые должны руководить вашей подготовкой къ экзамену; я искренно огорчился бы, если бы не былъ убѣжденъ, что генералъ Сухозанетъ возьметъ цѣликомъ на себя одного это дѣло, часть котораго онъ уже взялъ. Если бы случайно онъ оказался не въ состояніи сдѣлать это, то нужно будетъ, дорогой баронъ, вамъ потерпѣть до моего возвращенія, и вы ничего не потеряете, такъ какъ мое отсутствіе не продолжится больше двухъ недѣль» [1]). А 5-го января 1834 года Дантесъ получилъ слѣдующую примѣчательную

---

[1]) Адресъ: «A Monsieur le Baron d'Anthès. Въ Галерной улицѣ, въ англійскомъ трактирѣ, во 2-мъ этажѣ въ квартирѣ № 11».

записку отъ Адлерберга: «Генералъ Сухозанетъ сказалъ мнѣ сегодня, дорогой баронъ, что онъ разсчитываетъ подвергнуть васъ экзамену сейчасъ же послѣ Крещенія, и что онъ надѣется обдѣлать все въ одно утро, если только всѣмъ профессорамъ можно будетъ быть одновременно свободными. Генералъ увѣрилъ меня, что онъ уже велѣлъ узнать у г. Геккерена, гдѣ васъ найти, чтобы увѣдомить васъ о великомъ днѣ, когда онъ будетъ фиксированъ; вы хорошо сдѣлаете, если повидаете его и попросите у него указаній. Онъ обѣщалъ мнѣ не быть злымъ, какъ вы говорите; но не полагайтесь слишкомъ на это, не забывайте повторять то, что вы выучили. Желаю вамъ удачи. Вашъ Адлербергъ». Въ этой запискѣ имѣется еще любопытнѣйшая приписка: «Императоръ меня спросилъ, знаете ли вы русскій языкъ? Я отвѣтилъ на удачу утвердительно. Я очень бы посовѣтовалъ вамъ взять учителя русскаго языка».

По Высочайшему повелѣнію 27-го января 1834 года баронъ Дантесъ былъ допущенъ къ офицерскому экзамену при Военной Академіи по программѣ школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ, причемъ онъ былъ освобожденъ отъ экзаменовъ по русской словесности, уставу и военному судопроизводству [1]). Экзамены Дантесъ выдержалъ, и 8-го февраля былъ отданъ Высочайшій приказъ о зачисленіи его корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. А въ приказѣ по Кавалергардскому полку 14-го февраля 1834 года было отдано: «Опредѣленный на службу по Высочайшему приказу, отданному въ 8 день сего февраля и объявленному въ приказѣ по Отдѣльному Гвардейскому Корпусу 11 числа за № 20, бывшій французскій королевскій воспитанникъ военнаго училища Сентъ-Сиръ баронъ Дантесъ въ сей полкъ корнетомъ зачисляется въ списочное состояніе, съ записаніемъ въ 7-й запасный эскадронъ, коего и числить въ ономъ на лицо» [2]).

Какимъ-то темнымъ предчувствіемъ вѣетъ отъ записи въ дневникѣ, сдѣланной Пушкинымъ 26-го января 1834 года: «Баронъ Дантесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію офицерами. Гвардія ропщетъ».

2.

Изъ приведеннаго выше письма Адлерберга, писаннаго 5-го января 1834 года, т. е. три мѣсяца спустя послѣ пріѣзда Дантеса въ Петербургъ, видно, что баронъ Геккеренъ являлся уже признаннымъ покровителемъ Дан-

---

[1]) В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина. Изд. 3-е, Спб. 1899, стр. 124.
[2]) Панчулидзевъ, назв. соч., стр. 76.

теса. Дѣйствительно, онъ выказалъ самую дѣятельную заботливость о молодомъ французѣ, хлопоталъ о помѣщеніи его на службу, заботился объ его экзаменахъ, устраивалъ ему свѣтскія и сановныя знакомства и, наконецъ, оказалъ ему самую широкую матеріальную поддержку. Дантесъ сообщилъ своему отцу въ Зульцъ о добромъ къ нему отношеніи Геккерена, а Дантесъ-старшій поспѣшилъ высказать свои чувства въ письмѣ къ Геккерену: «Я не могу въ достаточной мѣрѣ засвидѣтельствовать вамъ всю мою признательность за все то добро, которое вы сдѣлали для моего сына; надѣюсь, что онъ заслужитъ его. Письмо Вашего Превосходительства меня совершенно успокоило, потому что я не могу скрыть отъ Васъ, что я безпокоился за его судьбу. Я боялся, какъ бы онъ, съ его довѣрчивымъ и распущеннымъ характеромъ, не надѣлалъ вредныхъ знакомствъ, но, благодаря Вашей благосклонности, благодаря тому, что Вы пожелали взять его подъ свое покровительство и выказать ему дружеское расположеніе, я спокоенъ. Я надѣюсь, что его экзаменъ сойдетъ хорошо, такъ какъ онъ былъ принятъ въ Сенъ-Сиръ четвертымъ по порядку (изъ 180-ти принятыхъ вмѣстѣ съ нимъ)... Я принимаю съ благодарностью предложеніе Вашего Превосходительства выдать ему на первые расходы по его экипировкѣ и прошу Васъ соблаговолить сообщить мнѣ сумму Вашихъ издержекъ, дабы я могъ вернуть ихъ Вамъ. Доброе расположеніе Вашего Превосходительства даетъ мнѣ право войти въ подробности, которыя покажутъ Вамъ все, что я могу сдѣлать въ настоящій моментъ для моего сына». Далѣе Дантесъ-отецъ говоритъ о своемъ матеріальномъ положеніи. Сынъ просилъ отца выдавать ему 800—900 франковъ ежемѣсячно, но для отца такая выдача была не по силамъ. Онъ могъ ему дать всего 200 франковъ. Эта сумма вмѣстѣ съ жалованьемъ превосходила, по мнѣнію отца, въ три раза ту сумму, съ которой можно было обойтись на французской службѣ. Если бы понадобилось, то съ напряженіемъ онъ могъ бы еще увеличить выдачу, но лишь на время. Наконецъ, отецъ Дантеса соглашался и еще на нѣкоторыя жертвы, если бы сынъ его попалъ въ гвардію. Получивъ извѣстіе о зачисленіи сына въ Кавалергардскій полкъ, Дантесъ пишетъ восторженное письмо барону Геккерену: «Я сейчасъ узналъ отъ Жоржа о его назначеніи и о томъ, что̀ Вы соблаговолили для него сдѣлать. Я не могу въ достаточной мѣрѣ выразить Вамъ мою благодарность и засвидѣтельствовать всю мою признательность. Жоржъ обязанъ своей будущностью только Вамъ, господинъ баронъ,—онъ смотритъ на Васъ, какъ на своего отца, и я надѣюсь, что онъ будетъ достоинъ такого отношенія. Единственное мое желаніе въ этотъ моментъ—имѣть возможность лично засвидѣтельствовать вамъ всю мою признательность, такъ какъ со времени смерти моей жены

это—первая счастливая минута, которую я испыталъ... Я спокоенъ за судьбу моего сына, котораго я всецѣло уступаю Вашему Превосходительству»... Когда Дантесъ-отецъ писалъ послѣднюю фразу, онъ говорилъ просто изъ вѣжливости и врядъ ли имѣлъ въ виду реальное значеніе этихъ словъ и ужъ навѣрно не думалъ, что черезъ два года онъ дѣйствительно уступитъ своего сына барону Геккерену.

Въ дѣйствительности расположеніе и любовь барона Геккерена къ Дантесу росли съ каждымъ днемъ все больше и крѣпче. Можно сказать, что баронъ Геккеренъ души не чаялъ въ молодомъ офицерѣ, заботясь о немъ съ исключительной нѣжностью и предусмотрительностью. Родитель Дантеса и его семья не усматривали ничего страннаго въ преданности барона Геккерена къ Жоржу. Въ 1834 г. Дантесъ-старшій имѣлъ возможность лично познакомиться съ голландскимъ посланникомъ, который, путешествуя въ Парижъ, нашелъ время заглянуть въ Эльзасъ, на родину Жоржа. Съ теченіемъ времени у барона Геккерена возникла и окрѣпла мысль легализировать отношенія, существовавшія между нимъ и Дантесомъ: онъ рѣшилъ его усыновить; очевидно, неоднократно онъ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія Дантеса-старшаго и, наконецъ, въ началѣ 1836 года сдѣлалъ отцу Дантеса формальное предложеніе дать согласіе на усыновленіе имъ его сына. Дантесъ не удивился и согласился. Письмо его весьма любопытно, и нѣкоторыя выдержки изъ него необходимы для обрисовки взаимныхъ отношеній этихъ трехъ лицъ.

«Съ чувствомъ живѣйшей благодарности пользуюсь я случаемъ побесѣдовать съ Вами о томъ предложеніи, которое вы были добры дѣлать мнѣ столько разъ,—объ усыновленіи Вами сына моего Жоржа-Шарля Дантеса и о передачѣ ему по наслѣдству Вашего имени и Вашего состоянія.

«Много доказательствъ дружбы, которую Вы не переставали выказывать мнѣ столько лѣтъ, было дано мнѣ Вами, г. баронъ, и это послѣднее какъ бы завершаетъ ихъ; ибо этотъ великодушный планъ, открывающій передъ моимъ сыномъ судьбу, которой я не въ силахъ былъ создать ему, дѣлаетъ меня счастливымъ въ лицѣ того, кто для меня на свѣтѣ всѣхъ дороже.

«Итакъ, припишите исключительно лишь крѣпости узъ, соединяющихъ отца съ сыномъ, то промедленіе, съ которымъ я изъявляю вамъ мое подлинное согласіе, уже давно жившее въ моемъ сердцѣ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдя внимательно за тѣмъ ростомъ привязанности, которую внушилъ Вамъ этотъ ребенокъ, видя, съ какою заботливостью Вы пожелали блюсти его, пещись о его нуждахъ, словомъ, окружать его заботами, не прекращавши-

мися ни на минуту до настоящаго момента, когда Ваше покровительство открываетъ передъ нимъ поприще, на которомъ онъ не можетъ не отличиться,—я сказалъ себѣ, что эта награда вполнѣ принадлежитъ Вамъ и что моя отцовская любовь къ моему ребенку должна уступить такой преданности, такому великодушію.

«Итакъ, г. баронъ, я спѣшу увѣдомить Васъ о томъ, что съ нынѣшняго дня я отказываюсь отъ всѣхъ моихъ отцовскихъ правъ на Жоржа-Шарля Дантеса и одновременно даю Вамъ право усыновить его въ качествѣ Вашего сына, заранѣе и вполнѣ присоединяясь ко всѣмъ шагамъ, которые Вы будете имѣть случай предпринять для того, чтобы это усыновленіе получило силу предъ лицомъ закона».

5-го мая (нов. ст.) 1836 года формальности усыновленія были завершены королевскимъ актомъ,—и баронъ Жоржъ Дантесъ превратился въ барона Геккерена. 4-го іюня генералъ-адъютантъ Адлербергъ довелъ до свѣдѣнія вице-канцлера о соизволеніи, данномъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ на просьбу посланника барона Геккерена объ усыновленіи имъ поручика барона Дантеса, «съ тѣмъ, чтобы онъ именуемъ былъ впредь вмѣсто нынѣшней фамиліи барономъ Георгомъ-Карломъ Геккереномъ» [1]). Соотвѣтствующія указанія на этотъ счетъ были даны Правительствующему Сенату и Командиру Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.

Къ этому времени Дантесъ уже совершенно акклиматизировался въ Петербургѣ и пустилъ прочные корни въ высшемъ свѣтѣ.

Служебное положеніе Дантеса тоже сильно укрѣпилось, несмотря на то, что онъ оказался неважнымъ служакой. Хотя въ формулярѣ его и значится, что онъ «въ слабомъ отправленіи обязанностей по службѣ не замѣченъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ», но историкъ Кавалергардскаго полка и біографъ Дантеса, на основаніи данныхъ полкового архива, пришелъ къ иному заключенію. «Дантесъ, по поступленіи въ полкъ, оказался не только весьма слабымъ по фронту, но и весьма недисциплинированнымъ офицеромъ; такимъ онъ оставался въ теченіе всей своей службы въ полку: то онъ «садится въ экипажъ» послѣ развода, тогда какъ «вообще изъ начальниковъ никто не уѣзжалъ»; то онъ на парадѣ, «какъ только скомандовано было полку вольно, позволилъ себѣ курить сигару», то на линейку бивака, вопреки приказанію офицерамъ не выходить иначе,

---

[1]) См. «Дѣло объ усыновленіи» и т. д. въ книгѣ «Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ», Спб. 1900.

какъ въ колетахъ или въ сюртукахъ, выходитъ въ шлафрокѣ, имѣя шинель въ накидку». На ученіи слишкомъ громко поправляетъ свой взводъ, что, однако, не мѣшаетъ ему самому «терять дистанцію» и до команды «вольно» сидѣть «совершенно распустившись» на сѣдлѣ; «эти упущенія Дантесъ совершаетъ не однажды, но они неоднократно напредъ сего замѣчаемы были». Мы не говоримъ уже объ отлучкахъ съ дежурства, опаздываніи на службу и т. п. 19-го ноября 1836 г. отдано было въ полковомъ приказѣ: «Неоднократно поручикъ баронъ де-Геккеренъ подвергался выговорамъ за неисполненіе своихъ обязанностей, за что уже и былъ нѣсколько разъ наряжаемъ безъ очереди дежурнымъ при дивизіонѣ; хотя объявлено вчерашняго числа, что я буду сегодня дѣлать репетицію ординарцамъ, на коей и онъ долженъ былъ находиться, но не менѣе того... на оную опоздалъ, за что и дѣлаю ему строжайшій выговоръ и наряжаю дежурнымъ на пять разъ». Число всѣхъ взысканій, которымъ былъ подвергнутъ Дантесъ за три года службы въ полку, достигаетъ цифры 44 [1]).

Всѣ эти неисправности не помѣшали движенію Дантеса по службѣ. Мы знаемъ уже, что при назначеніи онъ получилъ чинъ корнета и зачисленъ былъ, при вступленіи въ полкъ, въ 7-ой, запасный, батальонъ. Переводъ его въ дѣйствующій батальонъ нѣсколько задержался, такъ какъ къ положенному для перевода изъ запасной части сроку Дантесъ еще не зналъ россійскаго языка. Кажется, россійскаго языка, какъ слѣдуетъ, Дантесъ такъ и не изучилъ. 28-го января 1836 года Дантесъ былъ произведенъ въ поручики, и на этомъ кончились его повышенія на русской службѣ.

Блистательно складывались дѣла Дантеса въ обществѣ или, вѣрнѣе, въ высшемъ свѣтѣ. Введенный туда барономъ Геккереномъ, молодой французъ быстро завоевалъ положеніе: онъ считался «l'un des plus beaux chevaliers gardes et l'un des hommes le plus à la mode» [2]). Своими успѣхами онъ обязанъ былъ и покровительству Геккерена, и собственнымъ талантамъ. Красивый, можно сказать, блестяще красивый кавалергардъ, веселый и остроумный собесѣдникъ, внушалъ расположеніе къ себѣ. Этому расположенію не мѣшала даже нѣкоторая самоувѣренность и заносчивость.

Отзывы современниковъ не въ отталкивающемъ освѣщеніи рисуютъ Дантеса.

Полковой командиръ Гринвальдъ отзывался о Дантесѣ, какъ о ловкомъ и умномъ человѣкѣ, обладавшемъ злымъ языкомъ. Его остроты смѣшили

---

[1]) С. А. Панчулидзевъ, назв. соч., стр. 77.
[2]) «Пушкинъ и его современники», вып. XIV, стр. 94.

молодыхъ офицеровъ. Нѣсколько такихъ остротъ сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. I. Злотницкій, вступившій въ полкъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ трагической исторіи: «Дантесъ, по его словамъ,—видный, очень красивый, прекрасно воспитанный, умный, высшаго общества свѣтскій человѣкъ, чрезвычайно цѣнимый, какъ это я видѣлъ заграницей, русской аристократіей. И Великому Князю Михаилу Павловичу нравилось его остроуміе, и потому онъ любилъ съ нимъ бесѣдовать. Въ то время командиръ полка Гринвальдъ обыкновенно приглашалъ всѣхъ четырехъ дежурныхъ по полку къ себѣ обѣдать. Однажды во время обѣда висѣвшая лампа упала и обрызгала столъ масломъ. Дантесъ, вышедши изъ дома генерала, шутя сказалъ: «Гринвальдъ nous fait manger de la vache enragée assaisonnée d'huile de lampe». Генералъ Гринвальдъ, узнавъ объ этомъ, пересталъ приглашать дежурныхъ къ себѣ обѣдать».

Въ воспоминаніяхъ полкового товарища Дантеса Н. Н. Пантелѣева Дантесъ остался съ эпитетомъ «заносчиваго француза» [1]).

Другой полковой товарищъ, князь А. В. Трубецкой, отзывается о Дантесѣ слѣдующимъ образомъ: «онъ былъ статенъ, красивъ; какъ иностранецъ, онъ былъ пообразованнѣе насъ, пажей, и, какъ французъ,—остроуменъ, живъ. Отличный товарищъ».

Въ полку Дантесъ пользовался полными симпатіями своихъ товарищей, и они доказали ему свою любовь, принявъ рѣшительно сторону Дантеса противъ Пушкина послѣ злосчастнаго поединка.

За свое остроуміе Дантесъ пользовался благоволеніемъ Великаго Князя Михаила Павловича, который считался изряднымъ острякомъ своего времени и круга и любилъ выслушивать остроты и каламбуры. Даже трагическій исходъ дуэли Пушкина не положилъ предѣла ихъ общенія на почвѣ каламбуровъ. Послѣ высылки изъ Россіи, Дантесъ встрѣтился съ Михаиломъ Павловичемъ въ Баденъ-Баденѣ и увеселилъ его здѣсь своими шутками и дурачествами [2]).

По словамъ К. К. Данзаса, бывшаго секундантомъ Пушкина, Дантесъ, «при довольно большомъ ростѣ и пріятной наружности, былъ человѣкъ не

---

[1]) Отзывы Гринвальда, Пантелѣева и Злотницкаго приведены у С. А. Панчулидзева, назв. соч., стр. 77.

[2]) Объ отношеніи Великаго Князя Михаила Павловича къ Дантесу см. разсказъ П. И. Бартенева, «Русск. Арх.» 1888, II, стр. 300. Уѣзжая поневолѣ изъ Россіи, Дантесъ заявлялъ, что «по пріѣздѣ въ Баденъ, онъ тотчасъ явится къ Великому Князю Михаилу Павловичу» (В.В. Никольскій. Идеалы Пушкина. Изд. 3-е. Спб. 1899, стр. 132).

глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имѣвшій какую-то врожденную способность нравиться всѣмъ съ перваго взгляда... Дантесъ пользовался хорошей репутаціей и заслуживалъ ее, если не ставить ему въ упрекъ фатовство и слабость хвастать своими успѣхами у женщинъ» [1]).

Вотъ отзывъ о Дантесѣ Н. М. Смирнова, мужа извѣстной Александры Осиповны,—человѣка, отнюдь не благорасположеннаго къ нему: «Красивой наружности, ловкій, веселый и забавный, болтливый, какъ всѣ французы, онъ былъ вездѣ принятъ дружески, понравился даже Пушкину, далъ ему прозваніе Pacha à trois queues, когда однажды тотъ пріѣхалъ на балъ съ женою и ея двумя сестрами» [2]).

Этихъ данныхъ вполнѣ достаточно для объясненія свѣтскаго успѣха Дантеса, но онъ былъ еще и прельстителемъ. «Онъ былъ очень красивъ,—говоритъ князь А. В. Трубецкой,—и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его: онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, и, какъ избалованный ими, требовательнѣе, если хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ». По отзыву современника-наблюдателя, «Дантесъ возымѣлъ великій успѣхъ въ обществѣ; дамы вырывали его одна у другой» [3]).

Въ свѣтѣ Дантесъ встрѣтился съ Пушкинымъ и его женой. Наталья Николаевна Пушкина, затмевая всѣхъ своей красотой, блистала въ петербургскомъ свѣтѣ и произвела на Дантеса сильнѣйшее впечатлѣніе. Роковое увлеченіе Дантеса завершилось роковымъ концомъ—поединкомъ и смертью Пушкина.

3.

На личности Натальи Николаевны мы должны остановиться. Въ нашу задачу не входитъ подробное изображеніе семейной жизни Пушкина; здѣсь важно отмѣтить лишь нѣкоторые моменты и подробности семейной исторіи Пушкина, не въ достаточной, быть можетъ, мѣрѣ привлекавшіе вниманіе изслѣдователей [4]). Для насъ же они важны съ точки зрѣнія освѣщенія се-

---

[1]) А. Аммосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина, Спб., 1863, стр. 5, 8.

[2]) «Русск. Арх.» 1882, I, стр. 233.

[3]) Тамъ же, 1878, I, стр. 455.

[4]) Въ послѣднее время исторія семейной жизни Пушкина изложена П. О. Морозовымъ—Сочиненія Пушкина. Редакція С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза-Ефрона, т. IV, стр. 201—225. См. еще статью П. В. Засодимскаго: «Чѣмъ была для Пушкина женитьба» («Наблюдатель» 1888, декабрь, стр. 338—382) и возраженіе А. Но-

мейнаго положенія Пушкина въ концѣ 1836 года. Обстоятельствами семейными объясняется многое въ душевномъ состояніи Пушкина въ послѣдніе мѣсяцы его жизни.

Поразительная красота шестнадцатилѣтней барышни Наталіи Гончаровой приковала взоры Пушкина при первомъ же ея появленіи въ 1828 году въ большомъ свѣтѣ Первопрестольной. «Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ», писалъ Пушкинъ въ апрѣлѣ 1830 года матери Натальи Николаевны, «ея красота была едва замѣчена въ свѣтѣ: я полюбилъ ее, у меня голова пошла кругомъ» [1]). Но красота Наталіи Гончаровой очень скоро была высоко оцѣнена современниками. О ней и объ А. В. Алябьевой шумѣла молва, какъ о первыхъ московскихъ красавицахъ. Пушкинъ, желая похвалить эстетическіе вкусы князя Н. Б. Юсупова, въ извѣстномъ посланіи «Къ вельможѣ» (дата—23 апрѣля 1829 года) писалъ:

Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

Князь П. А. Вяземскій сравнивалъ красоту Алябьевой avec une beauté classique, а красоту Гончаровой avec une beauté romantique и находилъ, что Пушкину, первому романтическому поэту, и слѣдовало жениться на первой романтической красавицѣ [2]).

Исторія женитьбы Пушкина извѣстна. Бракосочетанію предшествовалъ долгій и тягостный періодъ сватовства, рядъ тяжелыхъ исторій, непріятныхъ столкновеній съ семьею невѣсты. Налаженное дѣло нѣсколько разъ висѣло на волоскѣ и было наканунѣ рѣшительнаго разстройства. Пріятель Пушкина С. Д. Киселевъ въ письмѣ Пушкина къ Н. С. Алексѣеву отъ 26-го декабря 1830 года сдѣлалъ любопытную приписку,—конечно не безъ вѣдома автора письма: «Пушкинъ женится на Гончаровой,—между нами сказать,—на бездушной красавицѣ, и мнѣ сдается, что онъ бы съ удовольствіемъ заклю-

вицкаго на эту статью, подъ тѣмъ же заголовкомъ, въ «Русск. Арх.» 1889, III, 124—130; статью Е. Поселянина «Несчастье Пушкина» («Московскія Вѣдомости», 28 мая 1899 года); изслѣдованіе Н. Ѳ. Сумцова—Комментаріи къ стихотворенію «Красавица» (въ книгѣ «А. С. Пушкинъ. Изслѣдованія проф. Н. Ѳ. Сумцова», Харьковъ. 1900, стр. 243—252). Срвн. также очеркъ І. Филиппова «Стихи Н. Н. Пушкиной» (въ книгѣ «Неумирающія темы», Одесса. 1913, стр. 20—28). Не цитируемъ и не упоминаемъ, за незначительностью, многихъ и многихъ замѣтокъ и статеекъ о семейной жизни Пушкина.

[1]) Переписка, II, 130.

[2]) Переписка, II, стр. 139.

чилъ отступной трактатъ» [1]). И когда до свадьбы оставалось всего два дня, «въ городѣ опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходится». А. Я. Булгаковъ, сообщившій это извѣстіе своему брату въ Петербургъ, добавлялъ: «Я думаю, что и для нея (т. е. Гончаровой), и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась» [2]). Самъ Пушкинъ былъ далеко не въ радужномъ настроеніи передъ бракосочетаніемъ. «Мнѣ за 30 лѣтъ,—писалъ онъ Н. И. Кривцову за недѣлю до свадьбы.—«Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся—я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью» [3]).

Свадьба состоялась 18-го февраля. Тотъ же Булгаковъ писалъ брату: «Итакъ, совершилась эта свадьба, которая такъ долго тянулась. Ну, да какъ будетъ хорошій мужъ? То-то всѣхъ удивитъ,—никто не ожидаетъ, а всѣ сожалѣютъ о ней. Я сказалъ Гришѣ Корсакову: быть ей милэди Байронъ. Онъ пересказалъ Пушкину, который смѣялся только» [4]). Злымъ вѣщуномъ былъ не одинъ Булгаковъ. Можно было бы привести рядъ свидѣтельствъ современниковъ, не ждавшихъ добра отъ этого брака. Большинство сожалѣло «ее». Съ точки зрѣнія этого большинства Пушкинъ въ письмѣ къ матери невѣсты гадалъ о будущемъ Натальи Николаевны: «(Если она выйдетъ за него), сохранитъ ли она сердечное спокойствіе среди окружающаго ее удивленія, поклоненія, искушеній? Ей станутъ говорить, что только несчастная случайность помѣшала ей вступить въ другой союзъ, болѣе равный, болѣе блестящій, болѣе достойный ея—и, можетъ быть, эти рѣчи будутъ искренни, а во всякомъ случаѣ она сочтетъ ихъ такими. Не явится ли у нея сожалѣніе? не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на препятствіе, какъ на человѣка, обманомъ ее захватившаго? не почувствуетъ ли она отвращенія ко мнѣ»? [5]).

Злые вѣщуны судили по прошлой жизни Пушкина. Но нашлись люди, которые пожалѣли не «ее», но «его», Пушкина. Весьма своеобразный отзывъ о свадебномъ дѣлѣ Пушкина далъ въ своемъ дневникѣ А. Н. Вульфъ, близкій свидѣтель интимныхъ успѣховъ поэта: «Желаю ему быть щастливу, но

---

[1]) Переписка, II, стр. 204.
[2]) «Русск. Арх.» 1902, I, 52.
[3]) Переписка, II, стр. 223.
[4]) «Русск. Арх.» 1902, I, стр. 54.
[5]) Переписка, II, стр. 131.

не знаю, возможно ли надѣяться этого съ его правами и съ его образомъ мыслей. Если круговая порука есть въ порядкѣ вещей, то сколько ему, бѣдному, носить роговъ,—это тѣмъ вѣроятнѣе, что первымъ его дѣломъ будетъ развратить жену. Желаю, чтобы я во всемъ ошибся»[1]). Е. М. Хитрово, любившая поэта самоотверженной любовью, боялась за Пушкина по другимъ, благороднымъ основаніямъ: «Я опасаюсь для васъ прозаической стороны супружества. Я всегда думала, что геній можетъ устоять только среди совершенной независимости и развиваться только среди повторяющихся бѣдствій»[2]).

Первое время послѣ свадьбы Пушкинъ былъ счастливъ. Спустя недѣлю, онъ писалъ Плетневу: «Я женатъ—и щастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился»[3]). Свѣтскіе наблюдатели отмѣтили эту перемѣну въ Пушкинѣ. А. Я. Булгаковъ сообщалъ своему брату: «Пушкинъ, кажется, ужасно ухаживаетъ за молодою женою и напоминаетъ при ней Вулкана съ Венерою... Пушкинъ славный задалъ вчера балъ. И онъ, и она прекрасно угощали гостей своихъ. Она прелестна, и они какъ два голубка. Дай Богъ, чтобы все такъ продолжалось!»[4]) А Е. Е. Кашкина увѣдомляла П. А. Осипову, что «со времени женитьбы поэтъ—совсѣмъ другой человѣкъ: положителенъ, уравновѣшенъ, обожаетъ свою жену, а она достойна такой метаморфозы, потому что, говорятъ, она столь же умна (spirituelle), сколь и прекрасна, съ осанкой богини, съ прелестнымъ лицомъ. Когда я встрѣчаю его рядомъ съ прелестной супругой, онъ мнѣ невольно напоминаетъ одно очень умное и острое животное,—какое вы догадаетесь, я вамъ его не назову»[5]). Отмѣченный въ послѣднихъ словахъ, а также въ ранѣе приведенномъ сравненіи Пушкиныхъ съ Вулканомъ и Венерой физическій контрастъ наружности Пушкина и его жены бросался въ глаза современникамъ. Проигрывалъ при сравненіи Пушкинъ.

Любопытное свидѣтельство о Н. Н. Пушкиной и о семейной жизни Пушкина въ медовый мѣсяцъ оставилъ его пріятель, поэтъ В. И. Туманскій:

---

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. XXI—XXII, стр. 124.

[2]) Переписка, II, стр. 152; Князь П. П. Вяземскій, Собраніе соч. Спб., 526.

[3]) Переписка, II, стр. 228.

[4]) «Русск. Арх.» 1902, I, 56.

[5]) «Пушкинъ и его современники», вып. I, стр. 65. «Пушкинъ не любилъ стоять рядомъ со своей женой и шутя говаривалъ, что ему подлѣ нея быть унизительно: такъ малъ былъ онъ въ сравненіи съ нею ростомъ»—записалъ П. И. Бартеневъ со словъ князя Вяземскаго («Русск. Арх.» 1888, II, стр. 311).

«Пушкинъ радовался, какъ ребенокъ, моему пріѣзду, оставилъ меня обѣдать у себя и чрезвычайно мило познакомилъ меня съ своею пригожею женою. Не воображайте, однакожъ, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина—бѣленькая, чистенькая дѣвочка, съ правильными чертами и лукавыми глазами, какъ у любой гризетки. Видно, что она и неловка еще, и неразвязна. А все-таки московщина отражается въ ней довольно замѣтно. Что у нея нѣтъ вкуса, это видно по безобразному ея наряду. Что у нея нѣтъ ни опрятности, ни порядка,—о томъ свидѣтельствовали запачканныя салфетки и скатерть и разстройство мебели и посуды» [1]).

Очень скоро послѣ свадьбы опять начались нелады съ семьей жены, заставившіе Пушкина озаботиться скорѣйшимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Пушкинъ въ письмѣ къ тещѣ такъ резюмировалъ свое положеніе: «Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя, въ концѣ концовъ, могли бы нарушить болѣе, чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика, ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности; но, повидимому, я только напрасно трудился» [2]).

Пушкинъ мечталъ «не доѣхать до Петербурга и остановиться въ Царскомъ Селѣ». «Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей»—писалъ Пушкинъ Плетневу [3]). Плетневъ помогъ осуществленію мечты поэта и устроилъ его въ Царскомъ. Въ серединѣ мая Пушкины благополучно прибыли въ Петербургъ и остановились здѣсь на нѣсколько дней—до устройства квартиры. Е. М. Хитрово сообщала князю Вяземскому о впечатлѣніяхъ своей встрѣчи съ Пушкиными: «Я была очень счастлива свидѣться съ нашимъ общимъ другомъ. Я нахожу, что онъ много выигралъ въ умственномъ отношеніи и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной» [4]). Дочь Е. М. Хитрово, графиня Фикельмонъ, очень тонкая и умная свѣтская женщина, писала тому

---

[1]) Стихотворенія и письма В. И. Туманскаго, подъ ред. С. Н. Браиловскаго, Спб. 1912, стр. 310—311.

[2]) Переписка, II, стр. 259.

[3]) Переписка, II, стр. 231.

[4]) Князь П. П. Вяземскій, Собраніе сочиненій, Спб., стр. 531.

же Вяземскому: «Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ къ нашей большой радости. Я нахожу, что онъ въ этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется, что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ, который ему и подходящъ. Жена его прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастья... Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ. У Пушкина видны всѣ порывы страстей; у жены—вся меланхолія отреченія отъ себя. Впрочемъ, я видѣла эту красивую женщину всего только одинъ разъ» [1]). Предчувствіе несчастья не оставляло эту свѣтскую наблюдательницу и впослѣдствіи: въ декабрѣ 1831 года она писала князю П. А. Вяземскому: «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выраженіе ея лба заставляетъ меня трепетать за ея будущность» [2]).

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1831 г. Пушкины обосновались въ Царскомъ и стали жить «тихо и весело». Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, жившая въ это время въ Петербургѣ, въ письмахъ къ мужу оставила не мало подробностей о семейной жизни своего брата. Вотъ ея первыя впечатлѣнія: «Они очарованы другъ другомъ. Моя невѣстка прелестна, красива, изящна, умна и вмѣстѣ съ тѣмъ мила» («Ma belle-soeur est tout à fait charmante, jolie et belle et spirituelle, avec cela bonne enfant tout à fait»). А черезъ нѣсколько дней О. С. Павлищева добавляла: «Моя невѣстка прелестна, она заслуживала бы болѣе любезнаго мужа, чѣмъ Александръ». Спустя $2^1/_2$ мѣсяца она писала: «Съ физической стороны они—совершенный контрастъ: Вулканъ и Венера, Кирикъ и Улита и т. д. Въ концѣ концовъ, на мой взглядъ, здѣсь есть женщины столь же красивыя, какъ она: графиня Пушкина не много хуже, m-me Фикельмонъ не хуже, а m-me Зубова, урожденная Эйлеръ, говорятъ, лучше» [3]). Отличное впечатлѣніе произвели молодые и на В. А. Жуковскаго: «Женка Пушкина очень милое твореніе. C'est le mot. И онъ съ нею мнѣ весьма нравится. Я болѣе и болѣе за него радуюсь тому, что онъ женатъ. И душа, и жизнь, и поэзія въ выигрышѣ»—писалъ Жуковскій князю Вяземскому и А. И. Тургеневу [4]).

Періоду тихой и веселой жизни въ Царскомъ лѣтомъ и осенью 1831 года мы придаемъ огромное значеніе для всей послѣдующей жизни Пушкина. Въ это время завязались тѣ узлы, развязать которые напрасно старался Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни. Отсюда потянулись нити его

[1]) Тамъ же, стр. 532.

[2]) Тамъ же, 533.

[3]) «Пушкинъ и его современники», XV, стр. 67, 76, 84.

[4]) Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 256.

зависимости, внѣшней и внутренней; нити, сначала тонкія, становились съ годами все крѣпче и опутали его въ конецъ.

Уже въ это время семейная его жизнь пошла по тому руслу, съ котораго Пушкинъ впослѣдствіи тщетно пытался свернуть ее на иной путь. Уже въ это время (жизнь въ Царскомъ и первый годъ жизни въ Петербургѣ) Наталья Николаевна установила свой образъ жизни и нашла свое содержаніе жизни.

Появленіе девятнадцатилѣтней жены Пушкина при Дворѣ и въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ сопровождалось блистательнымъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ Н. Н. Пушкиной. Созданъ онъ былъ очарованіемъ ея внѣшности; закрѣпленъ и упроченъ стараніями свѣтскихъ друзей Пушкина и тетки Натальи Николаевны,—пользовавшейся большимъ вліяніемъ при Дворѣ престарѣлой фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской. Е. И. Загряжская играла большую роль въ семьѣ Пушкиныхъ. Она была моральнымъ авторитетомъ для племянницы, ея руководительницей и совѣтчицей въ свѣтѣ, наконецъ, матеріальной опорой. Гордясь своей племянницей, она облегчала тяжелое бремя Пушкина, оплачивая туалеты племянницы и помогая ей матеріально.

Въ письмахъ сестры Пушкина, О. С. Павлищевой, къ мужу мы находимъ краснорѣчивыя свидѣтельства объ успѣхахъ Н. Н. Пушкиной въ свѣтѣ и при Дворѣ. Въ серединѣ августа 1831 года Ольга Сергѣевна писала мужу: «Моя невѣстка прелестна; она является предметомъ удивленія въ Царскомъ; Императрица желаетъ, чтобы она была при Дворѣ; а она жалѣетъ объ этомъ, такъ какъ она не глупа; нѣтъ, это не то, что я хотѣла сказать: хотя она вовсе не глупа, но она еще немного застѣнчива, но это пройдетъ, и она—красивая, молодая и любезная женщина—поладитъ и со Дворомъ, и съ Императрицей». Немного позже Ольга Сергѣевна сообщала, что Н. Н. Пушкина была представлена Императрицѣ и Императрица отъ нея въ восхищеніи! Въ письмахъ Ольги Сергѣевны есть сообщенія и о свѣтскихъ успѣхахъ Натальи Николаевны. Ольгѣ Сергѣевнѣ не нравился образъ жизни Пушкиныхъ: они слишкомъ много принимали, въ особенности послѣ переѣзда, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Пушкина сразу стала самою модною женщиной. Она появилась на самыхъ верхахъ петербургскаго свѣта. Ее прославили самой красивой женщиной и прозвали «Психеей» («Quant à ma belle soeur, c'est la femme la plus à la mode ici. Elle est dans le très grand monde et on dit en général qu'elle est la plus belle; on l'a surnommée «Psychée») [1].

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. XV, стр. 84, 89, 101, 106.

Баронъ М. Н. Сердобинъ писалъ въ ноябрѣ 1831 года барону Б. А. Вревскому: «Жена Пушкина появилась въ большомъ свѣтѣ и была здѣсь отмѣнно хорошо принята, она нравится всѣмъ и своимъ обращеніемъ, и своей наружностью, въ которой находятъ что-то трогательное» [1]). Вотъ еще одно свидѣтельство объ успѣхахъ Н. Н. Пушкиной въ осенній сезонъ 1832 года: «Жена Пушкина сіяетъ на балахъ и затмеваетъ другихъ»—писалъ 4-го сентября 1832 года князь П. А. Вяземскій А. И. Тургеневу [2]). Можно было бы привести длинный рядъ современныхъ свидѣтельствъ о свѣтскихъ успѣхахъ Н. Н. Пушкиной. Всѣ они однообразны: сіяетъ, блистаетъ, la plus belle, поразительная красавица и т. д. Но среди десятковъ отзывовъ нѣтъ ни одного, который указывалъ бы на какія-либо иныя достоинства Н. Н. Пушкиной, кромѣ красоты. Кое-гдѣ прибавляютъ: «мила, умна», но въ такихъ прибавкахъ чувствуется только дань вѣжливости той же красотѣ. Да, Наталья Николаевна была такъ красива, что могла позволить себѣ роскошь не имѣть никакихъ другихъ достоинствъ.

Женитьба поставила передъ Пушкинымъ жизненныя задачи, которыя до тѣхъ поръ не стояли на первомъ планѣ жизненнаго строительства. На первое мѣсто выдвигались заботы матеріальнаго характера. Одинъ, онъ могъ мириться съ матеріальными неустройствами, но молодую жену и будущую семью онъ долженъ былъ обезпечить. Еще до свадьбы Пушкинъ обѣщалъ матери своей невѣсты: «Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какія-либо лишенія, чтобы она не бывала тамъ, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имѣетъ право этого требовать. Въ угоду ей я готовъ пожертвовать всѣми своими привычками и страстями, всѣмъ своимъ вольнымъ существованіемъ» [3]). Женившись, Пушкинъ долженъ былъ думать о созданіи общественнаго положенія. Ему, вольному поэту, такое положеніе не было нужно: оно было нужно его женѣ. Свѣтскіе успѣхи жены обязывали Пушкина въ сильнѣйшей степени, принуждали его тянуться изо всѣхъ силъ и прилагать усилія къ тому, чтобы его жена, принятая dans le très grand monde, была на высотѣ положенія и чтобы то мѣсто, которое она заняла по праву красоты, было обезпечено еще и признаніемъ за ней права на это мѣсто по свѣтскому званію или положенію ея мужа. Званіе поэта не имѣло цѣны въ свѣтѣ,—и Пушкинъ долженъ былъ подумать о службѣ, о придворномъ званіи.

[1]) Тамъ же вып. XXI—XXII, стр. 371.

[2]) «Тургеневскій Архивъ. Письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому». Ред. Н. К. Кульмана, стр. 104.

[3]) Переписка, II, стр. 131.

Если бы въ обсужденіи плановъ будущей жизни, въ принятіи рѣшеній Пушкинъ былъ предоставленъ самому себѣ, быть можетъ, онъ имѣлъ бы силы не ступить на тотъ путь, который намѣтился въ первые же мѣсяцы его брачной жизни, но онъ имѣлъ несчастіе попасть въ Царское Село. На его бѣду, въ холерное лѣто 1831 года въ Царское прибылъ Дворъ, пребываніе котораго тамъ первоначально не предполагалось. Вмѣстѣ съ Дворомъ переѣхалъ въ Царское и В. А. Жуковскій. Первые мѣсяцы своей женатой жизни по отъѣздѣ изъ Москвы Пушкинъ провелъ въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Жуковскимъ и подвергся длительному вліянію его личности, его политическаго и этическаго міросозерцанія [1]. Жуковскій жилъ по сосѣдству съ Пушкинымъ и часто съ нимъ видался; не мало вечеровъ провели они вмѣстѣ у извѣстной фрейлины А. О. Россетъ, помолвленной въ 1831 году съ Н. М. Смирновымъ. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ Пушкинъ дышалъ воздухомъ придворной атмосферы. Въ томъ освѣщеніи, которое создавалъ прекраснодушный Жуковскій, воспринималъ Пушкинъ и личность Императора.

Въ опредѣленіи и разрѣшеніи жизненныхъ задачъ, возникавшихъ передъ Пушкинымъ, Жуковскій принялъ ближайшее участіе. Онъ и раньше былъ благодѣтелемъ и устроителемъ внѣшней жизни Пушкина; такимъ онъ явился и лѣтомъ 1831 года. Подъ его вліяніемъ, по его совѣтамъ Пушкинъ сталъ искать разрѣшенія житейскихъ задачъ и затрудненій около Двора и отъ Государя. Пушкинъ долженъ былъ получить службу, добыть матеріальную поддержку. Жуковскій всячески облегчалъ Пушкину сношенія съ Государемъ; конечно, при его содѣйствіи было устроено и личное общеніе поэта съ Государемъ въ допустимой этикетомъ мѣрѣ. Жуковскій былъ иниціаторомъ царскихъ милостей и царскаго расположенія. Онъ докладывалъ Государю о Пушкинѣ и говорилъ Пушкину о Государѣ. «Царь со мною очень милостивъ и любезенъ»,—писалъ поэтъ П. А. Плетневу [2]. Царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярію, или придворную, или военную—нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: «Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas

[1]) До 1831 года Пушкину не приходилось общаться съ Жуковскимъ. До высылки изъ Петербурга въ 1820 году Пушкинъ не могъ быть интимно близокъ съ Жуковскимъ, его учителемъ въ поэзіи. Въ годы изгнанія Жуковскій былъ его благодѣтелемъ и старшимъ совѣтчикомъ. По возвращеніи изъ Михайловскаго въ скитальческіе годы своей жизни Пушкинъ видался съ Жуковскимъ только урывками.

[2]) Переписка, II, стр. 287

riche, il faut faire aller sa marmite». Ей Богу, онъ очень со мною милъ». Эти милости, это благоволеніе, подкрѣпленныя личнымъ общеніемъ съ Государемъ, обязали Пушкина навсегда чувствомъ благодарности, и росту, укрѣпленію этого чувства какъ нельзя больше содѣйствовалъ Жуковскій. Впослѣдствіи боязнь оказаться неблагодарнымъ не разъ сковывала стремленіе Пушкина разорвать тягостныя обязательства. «Я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности: это хуже либерализма»—писалъ однажды Пушкинъ [1]).

Но Жуковскій мощно вліялъ и на политическое міросозерцаніе Пушкина. Если на одинъ моментъ воспользоваться привычными теперь терминами, то придется сказать, что въ 1831 году убѣжденія Пушкина достигли зенита своей правизны: послѣ 1831 года они подвергались колебаніямъ, но всегда влѣво. Политическія обстоятельства этого года дали большую пищу для политическихъ размышленій; мысли Жуковскаго и Пушкина совпали удивительнѣйшимъ образомъ. Недаромъ ихъ политическія стихотворенія появились въ одной брошюрѣ, и Жуковскій сообщалъ А. И. Тургеневу: «Насъ разомъ прорвало, и есть отъ чего» [2]). Есть указанія на то, что «Клеветникамъ Россіи» написано по предложенію Николая Павловича, что первыми слушателями этого стихотворенія были члены царской семьи. «Графъ В. А. Васильевъ сказывалъ (Бартеневу), что, служа въ 1831 году въ лейбъ-гусарахъ, однажды лѣтомъ онъ возвращался часу въ четвертомъ утра въ Царское Село и, когда проѣзжалъ мимо дома Китаевой, Пушкинъ зазвалъ его въ раскрытое окно къ себѣ. Графъ Васильевъ нашелъ поэта за письменнымъ столомъ въ халатѣ, но безъ сорочки (такъ онъ привыкъ, живучи на югѣ). Пушкинъ писалъ тогда свое посланіе «Клеветникамъ Россіи» и сказалъ молодому графу, что пишетъ по желанію Государя» [3]). Поэтъ отражалъ, несомнѣнно, мысли и настроенія тѣснаго придворнаго круга. Князь Вяземскій, ближайшій пріятель Пушкина, весьма освѣдомленный объ эволюціи его политическихъ взглядовъ, былъ горестно пораженъ политическими стихотвореніями Пушкина 1831 года: взгляды Пушкина были *неожиданностью* для Вяземскаго, хотя со времени разлуки, съ отъѣзда Пушкиныхъ изъ Москвы, прошло всего какихъ-нибудь три мѣсяца. Читатели же и почитатели Пушкина, которымъ была неизвѣстна внутренняя жизнь Пушкина, судили несправедливо и грубо, дѣлая выводы изъ фактовъ внѣшней жизни,

---

[1]) Переписка, III, стр. 153.
[2]) Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, М. 1895, стр. 259.
[3]) «Русск. Арх.» 1912, II, стр. 516 «Изъ записной книжки».

узнавая о назначенiи его въ службу, о близости ко Двору. Близость, конечно, мнимая: Пушкинъ былъ близокъ къ Жуковскому и, только по Жуковскому,—ко Двору. Таковъ рѣзкiй отзывъ Н. А. Мельгунова въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 21-го декабря 1831 года. А этотъ отзывъ не единичный: «Мнѣ досадно, что ты хвалишь Пушкина за послѣднiя его вирши. Онъ мнѣ такъ огадился, какъ человѣкъ, что я потерялъ къ нему уваженiе даже, какъ къ поэту. Ибо одно съ другимъ неразлучно. Я не говорю о Пушкинѣ, творцѣ «Годунова» и пр.; то былъ другой Пушкинъ, то былъ поэтъ, подававшiй великiя надежды и старавшiйся оправдать ихъ. Теперешнiй же Пушкинъ есть человѣкъ, остановившiйся на половинѣ своего поприща, который, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ лицо Аполлону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ, для принесенiя имъ въ жертву своего дара. Упалъ, упалъ Пушкинъ, и, признаюся, мнѣ весьма жаль этого. О, честолюбiе и златолюбiе!» [1])

Нельзя отрицать того, что общiя черты были и раньше въ политическихъ взглядахъ Жуковскаго и Пушкина, но полнаго тожества не было: оно было создано лишь подчиненiемъ Пушкина политической мысли Жуковскаго. Но это подчиненiе приводило Пушкина не только къ зависимости теоретическаго характера, но и къ зависимости чисто практической, ибо центральный объектъ теоретической мысли воплощался на практикѣ въ лицѣ Императора Николая Павловича. Пушкинъ, конечно, не могъ успокоиться на безропотномъ подчиненiи; онъ пробовалъ протестовать,—но являлся на сцену, какъ это было лѣтомъ 1834 года, Жуковскiй и погашалъ протестъ призывомъ къ чувству благодарности. Пушкинъ уходилъ въ себя, замыкался и долженъ былъ тщательно заботиться въ процессѣ творчества о сокрытiи слѣдовъ своей критической мысли. Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» онъ такъ тщательно укрылъ свою политическую мысль, что только путемъ внимательнѣйшаго анализа ее начинаютъ обнаруживать новѣйшiе изслѣдователи.

Итакъ, уже въ первый годъ семейной жизни, въ 1831 году, жизнь Пушкина приняла то направленiе, по которому она шла до самой его смерти. Съ годами становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Разноцвѣтныя нити зависимости переплелись въ клубокъ. Ужъ трудно было разобрать, что отъ чего, съ чего надо начать перемѣну жизни: бросить ли службу, скрыться отъ государевыхъ милостей, вырвать жену и себя изъ свѣтской суеты, раздостать деньги, раздѣлаться съ долгами? По временамъ Пушкинъ могъ съ добро-

---

[1]) А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторiи новой русской литературы, т. II, М. 1903, стр. 169.

душной ироніей писать женѣ: «Какія вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать... Вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: «Hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal»[1]). Но иногда Пушкинъ не выдерживалъ добродушнаго тона. Горькимъ воплемъ звучатъ фразы письма къ женѣ: «Дай Богъ... плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость, особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя»[2]). Эти слова писаны въ маѣ 1834 года. Въ этотъ годъ Пушкинъ яснымъ окомъ взглянулъ на свою жизнь и рѣшился на рѣзкую перемѣну всего строя жизни, судорожно рванулся, но тутъ же былъ остановленъ въ своемъ движеніи Жуковскимъ, который просто накричалъ на него. Кризисъ не наступилъ, а съ 1834 года петли, образовавшіяся изъ нитей зависимости, медленно, но непрестанно затягивались.

Наталья Николаевна не была помощницей мужа въ его замыслахъ о перемѣнѣ жизни. Въ томъ же маѣ 1834 года Пушкинъ осторожно подготовлялъ жену къ мысли объ отъѣздѣ изъ Петербурга: «Съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль»[3]).

Доводы Пушкина не были убѣдительны для Натальи Николаевны. Не покидавшая Пушкина мысль объ отъѣздѣ въ деревню не воспринималась его женой. Годомъ позже, въ 1835 году, Наталья Николаевна отвергла предложеніе поѣздки въ Болдино. Сестра Пушкина въ характерныхъ выраженіяхъ сообщала объ этомъ отказѣ своему мужу: «Они (т. е. Пушкины) не ѣдутъ больше въ Нижній, какъ предполагалъ Monsieur, потому что Madame объ этомъ и слышать не желаетъ»[4]).

Въ процессѣ закрѣпленія нитей-петель, стягивавшихъ Пушкина, На-

---

[1]) Переписка, III, стр. 127.
[2]) Тамъ же, III, стр. 118.
[3]) Переписка, III, стр. 120.
[4]) «Пушкинъ и его современники», вып. XVII—XVIII, 162.

талья Николаевна, быть можетъ, безсознательно, не отдавая себѣ отчета и подчиняясь лишь своему инстинкту, играла важную роль. «Она медленно, ежеминутно терзала воспріимчивую и пламенную душу Пушкина»—говоритъ хорошо знавшая Пушкиныхъ современница. Никогда не измѣнявшая, по ея мнѣнію, чести, Наталья Николаевна была виновна въ чрезмѣрномъ легкомысліи, въ роковой самоувѣренности и безпечности, при которыхъ она не замѣчала той борьбы и тѣхъ мученій, какія выносилъ ея мужъ [1]).

Но кто же, наконецъ, она, эта поразительная красавица? Какую душу облекала прелестная внѣшность? Мы уже упоминали, что почти всѣ современныя свидѣтельства о Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной говорятъ только объ ея изумительной красотѣ и ни о чемъ больше: они молчатъ объ ея сердцѣ, ея душѣ, ея умѣ, ея вкусѣ. Перечтите письма князя Вяземскаго къ А. И. Тургеневу, наполняющія огромные томы «Остафьевскаго Архива»: вы найдете въ нихъ множество сообщеній о красавицахъ, которыми всегда интересовался Вяземскій; почти всякое сообщеніе даетъ одну, другую подробность къ характеристикѣ духовной личности, почти о каждой красавицѣ—Аврорѣ Мусиной-Пушкиной, А. В. Кирѣевой, о Долли Фикельмонъ и т. д.—изъ этихъ писемъ вы узнаете что-нибудь. Но сообщенія о Пушкиной, крайне немногочисленныя, говорятъ только объ ея бальныхъ успѣхахъ. Во всѣхъ свидѣтельствахъ о ней—не только князя Вяземскаго, но и всѣхъ другихъ—не приведено ни одной ея фразы, не упомянуто ни объ одномъ ея дѣйствіи, поступкѣ. Точно она—лицо безъ рѣчей въ драмѣ, и вся ея роль сводится только къ блистанію и затмеванію всѣхъ своей красотой. Въ этомъ молчаніи современниковъ нѣтъ ничего загадочнаго: молчатъ, потому что нечего было сказать, нечего было отмѣтить.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что въ нашемъ распоряженіи нѣтъ писемъ Натальи Николаевны, какихъ бы то ни было, а въ особенности къ Пушкину [2]). Въ настоящее время изображеніе личности Натальи Николаевны мы можемъ только проэктировать по письмамъ къ ней Пушкина. И вотъ, строя проэкцію, что̀ мы можемъ, напримѣръ, сказать о вкусахъ Натальи Николаевны? Писемъ Пушкина къ ней довольно много, и ни въ одномъ изъ нихъ Пушкинъ не подѣлился съ ней ни однимъ своимъ литературнымъ замысломъ. Если онъ и пишетъ о своемъ творчествѣ, такъ только съ точки зрѣнія количественной, матеріальной,—какую выгоду ему принесетъ то или иное произведеніе!

[1]) Княгиня Е. Н. Мещерская, дочь Н. М. Карамзина—Я. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-ое, Спб., 1899, стр. 262.

[2]) Въ счетъ не идетъ нѣсколько извѣстныхъ намъ писемъ Натальи Николаевны, преимущественно дѣлового характера.

Необходимость творчества оправдывается въ письмахъ матеріальными потребностями. О своей творческой, художественной дѣятельности Пушкинъ могъ говорить со своими друзьями,—княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ, съ А. О. Смирновой, съ Е. М. Хитрово,—съ дипломатами, но съ женой ему нечего было говорить объ этой, важнѣйшей сторонѣ его жизни: ей это было безразлично или непонятно. Только непонятливостью Натальи Николаевны или ея нечувствительностью къ литературѣ можно объяснить рѣшительное отсутствіе какихъ-либо замѣтокъ литературнаго характера въ письмахъ къ ней Пушкина.

Къ литературѣ Наталья Николаевна относилась такъ же, какъ къ театру. Укоряя какъ-то въ письмахъ жену за праздную, ненужную поѣздку изъ имѣнія въ Калугу, Пушкинъ писалъ: «Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишко, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? Что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернью губернскій фейоркъ,—когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ» [1]).

Точно также ни изъ писемъ Пушкина, ни изъ какихъ-либо другихъ источниковъ мы ничего не узнаемъ объ интересахъ Натальи Николаевны къ живописи, къ музыкѣ.

Всѣмъ этимъ интересамъ не откуда было возникнуть. Объ образованіи Натальи Николаевны не стоитъ и говорить. «Воспитаніе сестеръ Гончаровыхъ (ихъ было три) было предоставлено ихъ матери, и оно, по понятіямъ послѣдней, было безукоризненно, такъ какъ основами таковаго положены были основательное изученіе танцевъ и знаніе французскаго языка лучше своего родного. Соблюденіе строжайшей нравственности и обрядовъ православной церкви служило дополненіемъ высокаго идеала «московской барышни» [2]). Обстановка дѣтства и дѣвичьихъ лѣтъ Н. Н. Пушкиной отнюдь не содѣйствовала пополненію образовательныхъ пробѣловъ. Знакомства и

---

[1]) Переписка, III, стр. 160. Впрочемъ, справедливость требуетъ упомянуть, что Наталья Николаевна пробовала писать стихи, но Пушкинъ отнесся сурово къ ея попыткѣ: «Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ,—и свои надоѣли»—писалъ онъ женѣ (Переписка, II, стр. 356).

[2]) П. П. Каратыгинъ, Н. Н. Пушкина въ 1831—1837 г.г.—«Русск. Стар.», т. XXXVII, 1883, янв., стр. 56. Въ довольно пространныхъ воспоминаніяхъ дочери Пушкиной не сказано ни одного слова объ образованіи Н. Н. Пушкиной: см. «Н. Н. Пушкина-Ланская» въ приложеніяхъ къ газетѣ «Новое Время» за 1907—1908 годы.

интересы—затхлаго, провинціальнаго разбора [1]). «Какъ я не люблю,—писалъ Пушкинъ:—все, что пахнетъ московской барышней, все, что не comme il faut, все, что vulgar» [2]). Значитъ, московская барышня, какой и была дѣвица Наталья Гончарова,—не comme il faut, vulgar.

Въ сравненіи съ такими представительницами высшаго свѣта, какъ А. О. Смирнова, Е. М. Хитрово, графиня Фикельмонъ или Карамзины, Наталья Николаевна была слишкомъ проста, слишкомъ «безобидна», по ироническому выраженію Е. М. Хитрово.

Вспоминается разсказъ А. О. Смирновой о жизни Пушкина въ Царскомъ [3]). По утрамъ онъ работалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ наверху, а по вечерамъ отправлялся читать написанное къ А. О. Смирновой: здѣсь онъ толковалъ о литературѣ, развивалъ свои литературные планы. А жена его сидѣла внизу за книжкой или за рукодѣльемъ: работала что-то для П. В. Нащокина. Съ ней онъ о своемъ творчествѣ не говорилъ. Дочь Н. Н. Пушкиной, А. П. Арапова, въ воспоминаніяхъ о своей матери, объясняя отсутствіе литературныхъ интересовъ у своей матери, ссылается на то, что Пушкинъ самъ не желалъ посвящать жену въ свою литературную дѣятельность [4]). Но почему

---

[1]) См. нашу статью «Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 году»—«Ист. Вѣстн.», т. XCVI, 1904, апр., стр. 219 и сл.

[2]) Переписка, III, стр. 55.

[3]) «Русск. Арх.» 1871, стр. 1876 и сл.

[4]) Не лишнее привести повѣствованіе А. П. Араповой («Новое Время» 1907 г., № 11413), основанное на разсказахъ ея матери, хотя и не свободное отъ добавленій. «Когда вдохновеніе сходило на поэта, онъ запирался въ свою комнату, и ни подъ какимъ предлогомъ жена не дерзала переступить порогъ, тщетно ожидая его въ часы завтрака и обѣда, чтобы какъ-нибудь не нарушить приливъ творчества. Послѣ усидчивой работы онъ выходилъ усталый, проголодавшійся, но окрыленный духомъ, и дома ему не сидѣлось. Кипучій умъ жаждалъ обмѣна впечатлѣній, живость характера стремилась поскорѣе отдать на судъ друзей-цѣнителей выстраданные образы, звучными строфами скользнувшіе съ его пера. Съ робкой мольбой просила его Наталья Николаевна остаться съ ней, дать ей первой выслушать новое твореніе. Преклоняясь передъ авторитетомъ Карамзиной, Жуковскаго или Вяземскаго, она не пыталась удерживать Пушкина, когда знала, что онъ рвется къ нимъ за совѣтомъ, но сердце невольно щемило, женское самолюбіе вспыхивало, когда, хватая шляпу, онъ, со своимъ беззаботнымъ звонкимъ смѣхомъ, объявлялъ по вечерамъ: «А теперь пора къ Александрѣ Осиповнѣ (Смирновой) на судъ! Что-то она скажетъ? Угожу ли я ей своимъ сегодняшнимъ трудомъ?»—Отчего ты не хочешь мнѣ прочесть? Развѣ я понять не могу? Развѣ тебѣ не дорого мое мнѣніе?—и ея нѣжный, вдумчивый взглядъ съ замираніемъ ждалъ отвѣта. Но, выслушивая эту просьбу, какъ взбалмошный капризъ милаго ребенка, онъ съ улыбкою отвѣчалъ: «Нѣтъ, Наташа! Ты не обижайся, но это дѣло

Наталья Николаевна Пушкина

(Съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго во время вдовства и принадлежащаго А. П. Араповой)

не желалъ? Потому, что не было и не могло быть отзвука. «Наталья Николаевна была такъ чужда всей умственной жизни Пушкина, что даже не знала названій книгъ, которыя онъ читалъ. Прося привезти ему изъ его библіотеки Гизо, Пушкинъ объяснялъ ей: «синія книги на длинныхъ полкахъ» [1]).

Если изъ писемъ Пушкина къ женѣ устранить сообщенія фактическаго, бытового характера, затѣмъ многочисленныя фразы, выражающія его нѣжную заботливость о здоровьѣ и матеріальномъ положеніи жены и семьи, и по содержанію остающагося матеріала попытаться освѣтить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придется свести эту жизнь къ весьма узкимъ границамъ, къ области любовнаго чувства на низшей стадіи развитія, къ переживаніямъ, вызваннымъ проявленіями обожанія ея красоты со стороны ея безчисленныхъ свѣтскихъ почитателей. При чтеніи писемъ Пушкина, съ перваго до послѣдняго, ощущаешь атмосферу пошлаго ухаживанія. Воздухомъ этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена. При скудости духовной природы главное содержаніе внутренней жизни Натальи Николаевны давалъ свѣтско-любовный романтизмъ. Пушкинъ безпрестанно упрекаетъ и предостерегаетъ жену отъ кокетничанья, а она все время дѣлится съ нимъ своими успѣхами въ дѣлѣ кокетства и безпрестанно подозрѣваетъ Пушкина въ измѣнахъ и ревнуетъ его. И упреки въ кокетствѣ, и изъявленія ревности—неизбѣжный и досадный элементъ переписки Пушкиныхъ.

Покидая свою жену, Пушкинъ всегда пребывалъ за нее въ безпокойствѣ—не только по обыкновеннымъ основаніямъ (быть можетъ, больна; быть можетъ, матеріальныя дѣла плохи!), но и по болѣе глубокимъ: не сдѣлала ли она какого-либо ложнаго шага, роняющаго ее и его въ общемъ уваженіи? А ложные шаги она дѣлала,—и нерѣдко: то въ отсутствіе Пушкина дру-

---

не твоего ума, да и вообще не женскаго смысла».—«А развѣ Смирнова не женщина, да вдобавокъ и красивая?—съ живостью протестовала она.—«Для другихъ—не спорю. Для меня—другъ, товарищъ, опытный оцѣнщикъ, которому женскій инстинктъ пригоденъ, чтобы отыскать ошибку, ускользнувшую отъ моего вниманія, или указать что-нибудь, ведущее къ новому горизонту. А ты, Наташа, не жужжи и не думай ревновать! Ты мнѣ куда милѣй съ своей неопытностью и незнаніемъ».—Конечно, здѣсь важна не форма и не подробности этого разсказа, а общее содержаніе, общій смыслъ. Но въ какомъ незавидномъ освѣщеніи рисуется здѣсь образъ Н. Н. Пушкиной!

[1]) В. Я. Брюсовъ. Изъ жизни Пушкина—«Новый Путь», 1903 г., іюнь, 102, Цитата у В. Я. Брюсова невѣрна: не Гизо, а Монтень (Перешиска, III, стр. 230).

жится съ графинями, съ которыми неловко было кланяться при публикѣ, то принимаетъ человѣка, который ни разу не былъ дома при Пушкинѣ, то принимаетъ приглашеніе на балъ въ домъ, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Еще сильнѣе волновало и безпокоило Пушкина опасеніе, какъ бы его жена не зашла далеко въ своемъ кокетствѣ. «Ты виновата кругомъ... кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ». «Смотри, женка! Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня, изкокетничаешься»... «Не стращай меня, женка, не говори, что ты изкокетничалась»... «Не кокетничай съ Соболевскимъ»... «Не стращай меня, не кокетничай съ царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы»... Такими фразами пестрятъ письма Пушкина. Одинъ разъ Пушкинъ подробно изложилъ свой взглядъ на кокетство: «Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за сучкою, бѣгаютъ кобели, поднявъ хвостъ трубочкой и понюхивая тебѣ.....; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить, что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму» [1]). Смягчая выраженія, въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ возвращается къ темѣ о кокетствѣ: «Повторяю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія» [2]). Въ кокетствѣ раздражала Пушкина больше всего общественная, такъ сказать, сторона его. Интимная же сторона, боязнь быть «кокю» не волновала такъ Пушкина. Эту особенность взглядовъ Пушкина на кокетство надо подчеркнуть и припомнить при изложеніи исторіи столкновенія его съ Дантесомъ.

У Пушкина былъ идеалъ замужней женщины, соотвѣтствіе которому онъ желалъ бы видѣть въ Натальѣ Николаевнѣ,—Татьяна замужемъ.

---

[1]) Тамъ же, III, стр. 55.
[2]) Тамъ же, III, стр. 58.

Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива.
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный спимокъ
Du comme il faut...
. . . .
Съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar».

«Кокетничать я тебѣ не мѣшаю»,—обращался Пушкинъ къ женѣ: «но требую отъ тебя *холодности, благопристойности, важности*—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже важнѣйшему». И еще: «Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышней, *все, что не comme il faut, все, что vulgar*... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой *милый, простой, аристократическій* тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ». Но, несмотря на то, что жизнь въ петербургскомъ свѣтѣ сильно преобразила московскую барышню Гончарову, ей было далеко до пушкинскаго идеала. Ложные шаги, которые ей ставилъ въ строку Пушкинъ, снисходительная податливость на всяческія ухаживанія дѣлали этотъ идеалъ для нея недостижимымъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на постоянныя напоминанія мужа о кокетствѣ, Наталья Николаевна свои письма наполняла изъявленіями ревности; гдѣ бы ни былъ ея мужъ, она подозрѣвала его въ увлеченіяхъ, измѣнахъ, ухаживаніяхъ. Она непрестанно выражала свою ревность и къ прошлому, и къ настоящему. Будучи невѣстой, она ревновала Пушкина къ какой-то княгинѣ Голицыной; когда Пушкинъ оставался въ Петербургѣ, подозрѣвала его увлеченія А. О. Смирновой; обвиняла его въ увлеченіи невѣдомой Полиной Шишковой; опасалась его слабости къ Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной; сердилась на него за то, что онъ будто-бы ходитъ въ Лѣтній Садъ искать привязанностей; не довѣряла добротѣ его отношеній къ Евпраксіи Вульфъ; думала въ 1835 году, что между Пушкинымъ и А. П. Кернъ что-то есть... Когда читаешь изъ письма въ письмо о многократныхъ намекахъ, продиктованныхъ ревностью Натальи Николаевны, то испытываешь нудную

скуку однообразія и останавливаешься на мысли: а вѣдь это даже и не ревность, а просто привычный тонъ, привычная форма! Ревновать въ письмахъ значило придать письму интересность. Ревность въ ея письмахъ—манера, а не фактъ. Подчиняясь тону ея писемъ, и Пушкинъ усвоилъ особенную манеру писать о женщинахъ, съ которыми онъ встрѣчался. Онъ пишетъ о любой женщинѣ, какъ будто напередъ знаетъ, что Наталья Николаевна обвинитъ его въ увлеченіяхъ и измѣнахъ, и онъ заранѣе ослабляетъ силу ударовъ, которые будутъ на него направлены. Онъ стремится изобразить встрѣченную имъ женщину возможно непривлекательнѣе какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Таковы отзывы его объ А. А. Фуксъ, объ А. П. Кернъ и др. Справедливо говоритъ авторъ, собравшій указанія на ревность Н. Н. Пушкиной: «(О женщинахъ) Пушкинъ писалъ (въ письмахъ къ женѣ) не для себя и потомства, а для жены, и судить по нимъ объ его истинныхъ отношеніяхъ къ людямъ, особенно къ женщинамъ, не слѣдуетъ» [1]). Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить отсутствія хорошихъ отзывовъ о женщинахъ въ письмахъ Пушкина къ женѣ.

Не вдаемся въ разборъ вопроса, каковы фактическія основанія для ревности Н. Н. Пушкиной. Княгиня В. Ѳ. Вяземская передавала П. И. Бартеневу, что въ исторіи съ Дантесомъ «Пушкинъ самъ виноватъ былъ: онъ открыто ухаживалъ сначала за Смирновой, потомъ за Свистуновой (рожд. графиней Соллогубъ). Жена сначала страшно ревновала, потомъ стала равнодушна и привыкла къ невѣрностямъ мужа. Сама она оставалась ему вѣрна, и все обходилось легко и вѣтрено» [2]). Вѣрно, во всякомъ случаѣ, то, что любовь Пушкина къ женѣ въ теченіе долгаго времени была искреннѣйшимъ и завѣтнѣйшимъ чувствомъ. А. Н. Вульфъ жестоко ошибся, предположивъ въ 1830 году, что первымъ дѣломъ Пушкина будетъ развратить жену. Вульфъ, дѣйствительно, хорошо зналъ Пушкина въ его отношеніяхъ къ женщинамъ и ярко изобразилъ въ своемъ дневникѣ полный своеобразной эротики любовный бытъ своихъ современниковъ (или, по крайней мѣрѣ, группы, кружка); примѣромъ же и образцомъ онъ считалъ Пушкина [3]). Но Вульфъ не зналъ всего о любовномъ чувствѣ: ему была вѣдома феноменологія пушкинской любви, но ея «вещь въ себѣ» была для него за семью печатями.

---

[1]) «Ревность Н. Н. Пушкиной», статья Н. О. Лернера—«Русск. Стар.», т. CXXIV, 1905, ноябрь, стр. 424—425.

[2]) «Русск. Арх.», 1888, II, стр. 309.

[3]) Дневникъ А. Н. Вульфа въ изданіи «Пушкинъ и его современники» XXI—XXII; срвн. мои статьи: «Любовный бытъ въ пушкинскую эпоху»—«День», 11 и 20 ноября 1915 г.

Ему была близка любовь земная и чужда любовь небесная. Вульфъ и въ жизни остался достойнымъ гнѣва и жалости эмпирикомъ любви, а Пушкинъ, для котораго любовь была гармоніей, извѣдалъ высшій восторгъ небесной любви. Но Пушкинъ съ стыдливой застѣнчивостью скрывалъ свои чувства отъ всѣхъ и—отъ Вульфа. Этотъ «развратитель» упрашиваетъ жену: «Не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія» [1]). Не станемъ приводить доказательствъ любви Пушкина къ женѣ: ихъ сколько угодно и въ письмахъ, и въ произведеніяхъ. Надо только внести поправки: съ любовью къ женѣ уживались увлеченія другими женщинами, а затѣмъ въ исторіи его чувствъ къ женѣ былъ свой кризисъ.

Но, принимая къ свѣдѣнію свидѣтельства объ увлеченіяхъ Пушкина, вродѣ разсказовъ княгини Вяземской, мы все-таки думаемъ, что чувство ревности у Н. Н. Пушкиной не возникало изъ душевныхъ глубинъ, а выростало изъ настроеній порядка элементарнаго: увлеченіе Пушкина, его предпочтеніе другой женщины было тяжкимъ оскорбленіемъ, жестокой обидой ей, первой красавицѣ, заласканной неустаннымъ обожаніемъ свѣта, Двора и самого Государя. Итакъ, ревность Н. Н. Пушкиной—или манера въ письмахъ, или оскорбленная гордость красивой женщины.

Но попробуемъ углубиться въ вопросъ объ отношеніяхъ Пушкиныхъ, попробуемъ измѣрить глубину чувства Натальи Николаевны. Пушкинъ имѣлъ даръ строгимъ и яснымъ взоромъ созерцать дѣйствительность въ ея наготѣ въ страстные моменты своей жизни. Съ четкой ясностью онъ оцѣнилъ отношеніе къ себѣ дѣвицы Натали Гончаровой, отъ первой встрѣчи съ которой у него закружилась голова. Его горькое признаніе въ письмѣ къ матери невѣсты (въ апрѣлѣ 1830 г.) не обратило достаточнаго вниманія біографовъ Пушкина, а оно—документъ первоклассного значенія для исторіи его семейной жизни. Въ немъ нужно взвѣсить и оцѣнить каждое слово: «Только привычка и продолжительная близость можетъ доставить мнѣ ея (Натальи Николаевны) привязанность; я могу надѣяться со временемъ привязать ее къ себѣ, но во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мнѣ свою руку, то я буду видѣть въ этомъ только свидѣтельство ея сердечнаго спокойствія и равнодушія» [2]). Пушкинъ сознавалъ, что онъ не нравится семнадцатилѣтней московской барышнѣ, и надѣялся сни-

[1]) Переписка, III, стр. 101.

[2]) «L'habitude et une longue intimité pourroient seules me faire gagner l'affection de M-lle votre fille; je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire; si elle consent à me donner sa main, je n'y verrois que la preuve de la tranquille indifférence de son coeur» (Переписка, II, стр. 131).

скать ея привязанность (не любовь!) по праву привычки и продолжительной близости. Самое согласіе ея на бракъ было для него символомъ свободы ея сердца и... равнодушія къ нему.

Въ своей великой скромности Пушкинъ думалъ, что въ немъ нѣтъ ничего, что могло бы понравиться блестящей красавицѣ, и въ моменты работы совѣсти приходилъ къ сознанію, что Наталью Николаевну отдѣляетъ отъ него его прошлое. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ созданъ набросокъ:

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю —
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья —
Уныло слушаешь меня.

Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляну рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

Не прошлое Пушкина отдаляло отъ него Наталью Николаевну. Съ горькимъ признаніемъ Пушкина о равнодушіи къ нему невѣсты надо тотчасъ же сопоставить тѣснѣйшимъ образомъ къ признанію примыкающее свидѣтельство о чувствахъ къ нему молодой жены:

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, віясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.
О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,

Александра Николаевна Гончарова, позже баронесса Фризенгофъ

(Съ акварели, принадлежащей А. П. Араповой)

Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.

Пытаются внести ограниченія въ это признаніе. Такъ, Н. О. Лернеръ возражая противъ толкованія В. Я. Брюсова [1]), разсуждаетъ: «Брюсовъ видитъ здѣсь доказательство того, что Н. Н. Пушкина была чужда своему мужу. Между тѣмъ, это признаніе говоритъ, самое большее, лишь о физіологическомъ несоотвѣтствіи супруговъ въ извѣстномъ отношеніи и холодности сексуальнаго темперамента молодой женщины» [2]). Неправильность этого разсужденія обнаруживается при сопоставленіи признанія въ стихахъ съ признаніемъ въ прозѣ. Если въ началѣ любви было равнодушіе съ ея стороны и надежда на привычку и близость съ его стороны, то откуда же возникнуть страсти? откуда быть соотвѣтствію восторговъ? Да, Наталья Николаевна исправно несла свои супружескія обязанности, рожала мужу дѣтей, ревновала, и при всемъ томъ можно утверждать, что сердце ея не раскрылось, что страсть любви не пробудилась. Въ дремотѣ было сковано ея чувство. Любовь Пушкина не разбудила ни ея души, ни ея чувства. Можно утверждать, что кругъ, заключавшій внутреннюю жизнь Пушкина, и кругъ, заключавшій внутреннюю жизнь Натальи Николаевны, не пересѣклись и остались эксцентрическими.

Наталья Николаевна дала согласіе стать женой Пушкина,—и оставалась равнодушна и спокойна сердцемъ; она стала женой Пушкина—и сохранила сердечное спокойствіе и равнодушіе къ своему мужу.

4.

Зимній сезонъ 1833—1834 года былъ необычайно обиленъ балами, раутами. Въ этотъ сезонъ Наталья Николаевна Пушкина получила возможность бывать на дворцовыхъ балахъ. «Двору хотѣлось, чтобы она танцовала

[1]) В. Я. Брюсовъ писалъ по поводу этого стихотворенія: «Развѣ не страшно думать о тѣхъ «долгихъ моленіяхъ», съ которыми Пушкинъ долженъ былъ обращаться къ своей женѣ, прося ея ласкъ, о томъ, что она отдавалась ему «нѣжна, безъ упоенья», «едва отвѣтствовала» его восторгу и дѣлила, наконецъ, его пламень лишь «поневолѣ» («Изъ жизни Пушкина»—«Новый Путь», 1903, іюнь, стр. 102).

[2]) Сочиненія Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. VI, 426.

въ Аничковѣ»,—и Пушкинъ былъ пожалованъ, въ самомъ концѣ 1833 года, въ камеръ-юнкеры. Впрочемъ, кончился сезонъ для Натальи Николаевны плохо. «Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла»—писалъ Пушкинъ П. В. Нащокину въ началѣ марта 1834 года: «Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами. На масленицѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ Великимъ Постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой! Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается дурно—я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ» [1]). 15-го апрѣля Наталья Николаевна уѣхала съ дѣтьми въ Калужскую деревню своей матери, отчасти для поправленія разстроеннаго здоровья, а главнымъ образомъ для свиданія со своими сестрами. Обѣ сестры, Александра и Екатерина Гончаровы, были старше Натальи Николаевны, сидѣли въ дѣвахъ, почти теряя надежду выйти замужъ, и ужасно страдали отъ капризовъ своей матери, въ ужасающей обстановкѣ семейной жизни. По выраженію Пушкина, мать, Наталья Ивановна, ходуномъ ходила около дочерей, крѣпко-на-крѣпко заключенныхъ [2]).

Н. Н. Пушкина, безпредѣльно любившая сестеръ, во время лѣтняго пребыванія въ деревнѣ раздумалась надъ устройствомъ ихъ судьбы и рѣшила увезти ихъ отъ матери въ Петербургъ, пристроить во дворецъ фрейлинами и выдать замужъ. Своими проектами она дѣлилась съ мужемъ, но онъ отнесся къ нимъ безъ всякаго увлеченія. Онъ былъ рѣшительно противъ того, чтобы его жена хлопотала о помѣщеніи своихъ сестеръ во дворецъ. «Подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу. Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобы пускаться въ просительницы... Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подалѣе отъ Двора: въ немъ толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться» [3]). По поводу плановъ Натальи Николаевны выдать одну сестру за Хлюстина, а другую за Убри Пушкинъ шутливо пишетъ женѣ: «Ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя,—ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобы ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи» [4]). Наконецъ, къ рѣшенію жены взять сестеръ въ Петербургъ Пушкинъ отнесся отрицательно: «Эй, женка, смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть *одна* подъ *одной* кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда ужъ престарѣлы, а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ» [5]).

---

[1]) Переписка, III, 83.
[2]) Переписка, II, 255.
[3]) Тамъ же, III, 83.
[4]) Тамъ же, III, 133.
[5]) Тамъ же, III, 154.

Доводы Пушкина не убѣдили Наталью Николаевну, и осенью 1834 года сестры ея—Азинька и Коко—появились въ Петербургѣ и поселились подъ одной кровлей съ Пушкиными. Мать Пушкина сообщала дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ объ этомъ событіи 7-го ноября 1834 года: «Натали тяжела, ея сестры вмѣстѣ съ нею, нанимаютъ пополамъ съ ними очень хорошій домъ. Онъ (Пушкинъ) говоритъ, что въ матеріальномъ отношеніи это его устраиваетъ, но немного стѣсняетъ, такъ какъ онъ не любитъ, чтобы разстраивались его хозяйскія привычки» [1]). Сестры, несомнѣнно, способствовали заполненію досуговъ Натальи Николаевны, тотчасъ же по пріѣздѣ вошли въ кругъ ея жизни и вмѣстѣ съ нею стали выѣзжать въ свѣтъ [2]).

Красота Натальи Николаевны рядомъ съ сестрами казалась еще ослѣпительнѣе. Вотъ впечатлѣнія Ольги Сергѣевны Павлищевой: «Александръ представилъ меня своимъ женамъ: теперь у него цѣлыхъ три. Онѣ красивы, его невѣстки, но онѣ ничто въ сравненіи съ Натали, которую я нашла очень похорошѣвшей. У нея теперь прекрасный цвѣтъ лица и она чуть пополнѣла: единственное, чего ей не хватало» [3]).

Старшая—Екатерина Николаевна, «высокая, рослая» [4]), «далеко не красавица, представляла собою довольно оригинальный типъ скорѣе южанки съ черными волосами» [5]). Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, 6-го декабря 1834 года, она была взята, по желанію Н. К. Загряжской, фрейлиной ко Двору [6]).

Средняя—Александра Николаевна [7]), по словамъ А. П. Араповой, «вы-

---

[1]) «Пушкинъ и его современники», XIV, 21.

[2]) Тамъ же, XIV, 25. «Натали и ея сестры выѣзжаютъ ежедневно»—пишетъ 6 декабря 1835 года О. С. Павлищева; ср. тамъ же, XVII—XVIII, 197.

[3]) Тамъ же, XVII—XVIII, 168.

[4]) Слова княгини В. Ѳ. Вяземской—«Русск. Арх.», 1888, II, 309.

[5]) Слова А. П. Араповой—«Нов. Вр.», 1907, № 11413. Есть еще одинъ отзывъ о внѣшности Екатерины Николаевны: «elle ressemble assez à une grande haquenée ou à un manche à balai—comparaisons d'une galanterie caucasienne» («Пушкинъ и его современники», XXI—XXII, 397). Любопытно, что ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ не показанъ годъ ея рожденія: по косвеннымъ указаніямъ, даннымъ въ статьѣ А. В. Средина «Полотняный Заводъ» («Старые Годы», 1910, іюль—сент., 94), надо заключить, что родилась она въ 1808 году. Срвн. еще указаніе г. Луи Метмана въ его очеркѣ о Дантесѣ.

[6]) Архивъ Министерства Имп. Двора—дѣло о фрейлинахъ.

[7]) Александра Николаевна родилась 27 іюля 1811 года (А. В. Срединъ, назв. ст. въ «Старыхъ Годахъ», стр. 113). Во фрейлины она была пожалована уже послѣ смерти Пушкина, въ январѣ 1839 года (Арх. Мин. Имп. Двора—дѣло о фрейлинахъ).

сокимъ ростомъ и безукоризненнымъ сложенiемъ подходила къ Натальѣ Николаевнѣ, но черты лица, хотя и напоминавшiя правильность гончаровскаго склада, являлись какъ бы его каррикатурою. Матовая блѣдность кожи Натальи Николаевны переходила у нея въ нѣкоторую желтизну, чуть примѣтная неправильность глазъ, придающая особую прелесть вдумчивому взору младшей сестры, перерождалась у ней въ несомнѣнно косой взглядъ,— однимъ словомъ, люди, видѣвшiе обѣихъ сестеръ рядомъ, находили, что именно это предательское сходство служило въ явный ущербъ Александрѣ Николаевнѣ»[1]). Это свидѣтельство А. П. Араповой находитъ полное подтвержденiе во впечатлѣнiяхъ баронессы Е. Н. Вревской, которая видѣла двухъ сестеръ—Наталью и Александру—въ декабрѣ 1839 года: «Пушкина въ полномъ смыслѣ слова восхитительна, но за то ея сестра (Александра) показалась мнѣ такой безобразной, что я разразилась смѣхомъ, когда осталась одна въ каретѣ съ моей сестрой»[2]). Княгиня Вяземская говорила П. И. Бартеневу, что Александра Николаевна должна была заняться хозяйствомъ и дѣтьми, такъ какъ выѣзды и наряды поглощали все время ея сестеръ. Пушкинъ, по словамъ княгини, подружился съ ней[3])... Анна Николаевна Вульфъ 12-го февраля 1836 года сообщала своей сестрѣ Евпраксiи, со словъ сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, что Пушкинъ очень сильно волочится за своей невѣсткой Александрой и что жена стала отъявленной кокеткой[2]).

Сама Наталья Николаевна въ 1834—1835 годахъ была въ апогеѣ своей красоты. Даемъ мѣсто двумъ восторженнымъ отзывамъ современниковъ, пораженныхъ ея красотой. Одинъ изъ нихъ встрѣтилъ Наталью Николаевну въ салонѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, и эта встрѣча навсегда врѣзалась въ его память. «Вдругъ—никогда этого не забуду—входитъ дама, стройная, какъ пальма, въ платьѣ изъ чернаго атласа, доходящемъ до горла (въ то время былъ придворный трауръ). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывалъ—incessu dea patebat! Благородныя, античныя черты ея лица напоминали мнѣ Евтерпу Луврскаго Музея, съ которой я хорошо былъ знакомъ»[4]).

Другой отзывъ принадлежитъ графу В. А. Соллогубу: «Много видѣлъ я на своемъ вѣку красивыхъ женщинъ еще обаятельнѣе Пушкиной, но никогда не видывалъ я женщины, которая соединила бы въ себѣ такую закон-

---

[1]) «Новое Время», 1907, № 11413.

[2]) «Пушкинъ и его современники», XXI—XXII, 321.

[3]) Отношенiя Пушкина къ Александрѣ Гончаровой разсмотрѣны подробно во второй части нашей книги.

[4]) «Русск. Арх.», 1878, I, 442.

ченность классически правильныхъ чертъ и стана. Ростомъ высокая; съ баснословно тонкой тальей, при роскошно развитыхъ плечахъ и груди, ея маленькая головка, какъ лилія на стеблѣ, колыхалась и граціозно поворачивалась на тонкой шеѣ; такого красиваго и правильнаго профиля я не видѣлъ никогда болѣе, а кожа, глаза, зубы, уши? Да это была настоящая красавица, и недаромъ всѣ остальныя, даже изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ, меркли какъ-то при ея появленіи. На видъ всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. Въ Петербургѣ . . . она бывала постоянно и въ большомъ свѣтѣ, и при Дворѣ, но ее женщины находили нѣсколько странной. Я съ перваго же раза безъ памяти въ нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши въ Петербургѣ, который бы тайно не вздыхалъ по Пушкиной; ея лучезарная красота, рядомъ съ этимъ магическимъ именемъ всѣмъ кружила головы; я зналъ очень многихъ молодыхъ людей, которые серьезно были увѣрены, что влюблены въ Пушкину, не только вовсе съ нею незнакомыхъ, но чуть ли никогда собственно ее даже не видѣвшихъ» [1]).

И такіе невинные обожатели, какъ юный графъ В. А. Соллогубъ, привлекали раздраженное вниманіе Пушкина: въ началѣ 1836 года Пушкинъ посылалъ вызовъ и ему. Но опытные, свѣтскіе ловеласы были, конечно, страшнѣе: для нихъ само имя Пушкина не имѣло значенія. Вѣдь Пушкинъ былъ какой-то тамъ сочинитель и не чиновный камеръ-юнкеръ! Впрочемъ, въ этомъ взглядѣ сходилась съ ними и жена Пушкина. По заключенію недружелюбно настроеннаго наблюдателя, барона М. А. Корфа, «прелестная жена, которая любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ и—по странному противорѣчію—пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тѣмъ, что она, свѣтская женщина par excellence,—привязана къ мужу homme de lettres,—эта жена, съ семейственными и хозяйственными хлопотами, привила къ Пушкину ревность» [2])...

Самое близкое участіе въ семейной жизни Пушкиныхъ принимала родная тетка сестеръ—Екатерина Ивановна Загряжская, фрейлина Высочайшаго Двора (род. въ 1779 году, умерла въ 1842 году) [3]). Она была самымъ близкимъ лицомъ въ домѣ Пушкиныхъ и въ развитіи дуэльнаго недоразумѣ-

---

[1]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба, Спб. 1887, стр. 117—118.

[2]) Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-ое, Спб. 1899, стр. 251.

[3]) Петербургскій Некрополь, II, Спб. 1912, стр. 176.

нія въ ноябрѣ 1836 года играла видную роль, а потому не лишнее сказать о ней нѣсколько словъ. Тетушка замѣнила племянницамъ мать, устраивала ихъ положеніе при Дворѣ и въ свѣтѣ, оказывала имъ матеріальную поддержку, была для нихъ моральнымъ авторитетомъ, руководительницей и совѣтчицей—и пользовалась огромнымъ вліяніемъ. Особенно она любила Наталью Николаевну, баловала ее, платила за ея наряды. Какъ-то взгрустнувъ о своемъ матеріальномъ положеніи, Пушкинъ писалъ (21-го сентября 1835 г.) женѣ: «У меня ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны». Наталья Николаевна платила теткѣ такою любовью и преданностью, что мать ея, Наталья Ивановна Гончарова, ревновала свою дочь къ своей сестрѣ [1]). Если судить по письмамъ Пушкина къ женѣ, онъ хорошо относился къ Екатеринѣ Ивановнѣ за ея любовь къ своей женѣ. Онъ довѣрялся Загряжской и оставлялъ жену на тетку, когда уѣзжалъ изъ Петербурга. Въ письмахъ онъ не забываетъ переслать ей почтительный поклонъ, поцѣловать съ ермоловской нѣжностью ручку и поблагодарить ее за заботы о женѣ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Пушкина къ женѣ, рисующихъ отношенія Пушкиныхъ къ Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской: «Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить» (3-го октября 1832 г.). «Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей» (21-го октября 1833 г.). «А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю» 30-го октября 1833 г.). Когда уѣзжала Наталья Николаевна въ калужскую деревню, тетка тревожилась и постоянно справлялась о ней у Пушкина. «Тетка тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ» (22-го апрѣля 1834 г.). «Цѣлые девять дней отъ тебя не было извѣстій. Тетка перепугалась» (28-го апрѣля 1834 г.). «Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная!» (11-го іюня 1834 г.). «Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ: я ей жаловался на свое житье-бытье, а она меня утѣшала» (11-го іюля 1834 г.). Любовь Загряжской къ Натальѣ Николаевнѣ была хорошо извѣстна въ свѣтѣ и при Дворѣ. Когда Пушкинъ представлялся Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Императрица спросила у него о здоровьѣ уѣхавшей жены и добавила: «Sa tante est bien impatiente de la voir à bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption»... [2]). О близкомъ участіи За-

[1]) Переписка, III, 36.

[2]) Запись въ дневникѣ Пушкина—Соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова, Изд. т-ва «Просвѣщеніе», т. 6, стр. 554.

гряжской въ семейныхъ дѣлахъ Пушкиныхъ даетъ опредѣленное свидѣтельство сестра Пушкина Ольга Сергѣевна: «Загряжская бывала всякій день въ домѣ Пушкиныхъ, дѣлала изъ Натальи Николаевны все, что хотѣла, имѣла большое вліяніе на Пушкина» [1]).

Такъ складывались обстоятельства семейной жизни Пушкина съ зимы 1834—1835 года. Но еще до женитьбы своей, будучи женихомъ, Пушкинъ, отвѣчая Плетневу на его замѣчанія о свѣтѣ, писалъ 29-го сентября 1830 года: «Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ, но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна etc.» [2]). Пушкинъ вспоминаетъ тѣ оправданія женской невѣрности, которыя онъ вложилъ въ «Цыганахъ» въ уста старику, утѣшающему Алеко:

«Утѣшься, другъ; она дитя;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское—шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ нѣжно озаритъ,
И вотъ, ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ;
Люби одно, не измѣнись,
Утѣшься»...

5.

Дантесъ прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1833 года, въ гвардію былъ принятъ въ февралѣ 1834 года. По всей вѣроятности, тотчасъ же по пріѣздѣ (а, можетъ-быть, только по зачисленіи въ гвардію), при содѣйствіи барона Геккерена, Дантесъ завязалъ свѣтскія знакомства и появился въ высшемъ свѣтѣ.

---

[1]) «Пушкинъ и его современники», XII, 108.

[2]) Переписка, II, 176.

Если Дантесъ не успѣлъ познакомиться съ Н. Н. Пушкиной зимой 1834 года до наступленія Великаго Поста, то въ такомъ случаѣ первая встрѣча ихъ приходится на осень этого года, когда Наталья Николаевна блистала своей красотой въ окруженіи старшихъ сестеръ [1]). Почти съ этого же времени надо вести исторію его увлеченія [2]).

Ухаживанія Дантеса были продолжительны и настойчивы. Впослѣдствіи баронъ Геккеренъ въ письмѣ къ своему министру иностранныхъ дѣлъ отъ 30-го января 1837 года сообщалъ: «Уже годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину». Самъ Пушкинъ упоминаетъ о двухлѣтнемъ постоянствѣ, съ которымъ Дантесъ ухаживалъ за его женой [3]).

Встрѣтили ли его ухаживанія какой-либо откликъ, или остались безотвѣтными? Рѣшенія этого вопроса станемъ искать не у враговъ Пушкина, а у него самого, у его друзей, наконецъ, въ самыхъ событіяхъ.

Въ письмѣ къ барону Геккерену Пушкинъ пишетъ: «Я заставилъ Вашего сына играть столь плачевную роль, что моя жена, пораженная такой плоскостью, не была въ состояніи удержаться отъ смѣха, и *чувство, которое она, быть можетъ, испытывала къ этой возвышенной страсти,* угасло въ презрѣніи»... [4]). Уже намекъ, содержащійся въ подчеркнутыхъ строкахъ, приводитъ къ заключенію, что Н. Н. Пушкина не осталась глуха и безотвѣтна къ чувству Дантеса, которое представлялось ей возвышенною страстью. Въ черновикѣ письма къ Геккерену Пушкинъ высказывается еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе: «Поведеніе Вашего сына

---

[1]) «Данзасъ познакомился съ Дантесомъ въ 1834 году, обѣдая съ Пушкинымъ у Дюме, гдѣ за общимъ столомъ обѣдалъ и Дантесъ, сидя рядомъ съ Пушкинымъ», (А. Аммосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина, Спб., 1863, стр. 5).

[2]) Въ своемъ изложеніи исторіи рокового столкновенія Пушкина съ Дантесомъ я исхожу изъ достовѣрныхъ, документальныхъ, безспорныхъ данныхъ и совершенно не принимаю въ разсчетъ многочисленныхъ разсказовъ и сообщеній,—плодовъ досужей болтовни современниковъ. Съ особенною рѣзкостью изслѣдователь исторіи послѣдней дуэли долженъ оттолкнуть отъ себя такіе негодные источники, какъ пресловутыя «Записки А. О. Смирновой» (печатавшіяся въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и вышедшія отдѣльно) и разсказы Л. Н. Павлищева, какъ въ книгѣ «Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М. 1890, такъ и въ брошюрѣ «Кончина А. С. Пушкина», Спб., 1899.

[3]) «Переписка», III, 412.

[4]) Французскій текстъ цитатъ данъ въ первомъ изданіи книги, обозначаемомъ въ примѣчаніяхъ кратко «Дуэль». Во второй части второго изданія всѣ тексты приведены въ переводахъ, и указаній страницъ этой части не дѣлается. «Дуэль» 188.

Баронесса Екатерина Николаевна де-Геккеренъ-Дантесъ, рожденная Гончарова

(Съ портрета, писаннаго въ 1840 г. Н. Вельцомъ въ Зульцѣ
Собственность баронессы де-Геккеренъ-Дантесъ)

было мнѣ хорошо извѣстно..., но я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться, когда сочту это удобнымъ. Я зналъ, что хорошая фигура, несчастная страсть, двухлѣтнее постоянство всегда произведутъ въ концѣ концовъ впечатлѣніе на молодую женщину, и тогда мужъ, если онъ не дуракъ, станетъ вполнѣ естественно довѣреннымъ своей жены и хозяиномъ ея поведенія. Я признаюсь Вамъ, что я нѣсколько безпокоился»[1]). Князь Вяземскій, упоминая въ письмѣ къ Великому Князю Михаилу Павловичу объ объясненіяхъ, которыя были у Пушкина съ женой послѣ полученія анонимныхъ писемъ, говоритъ, что «невинная въ сущности жена призналась въ легкомысліи и вѣтрености, которыя побуждали ее относиться снисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена»[2]). Можно изъ этихъ словъ заключить, что Наталья Николаевна «увлеклась» красивымъ и моднымъ кавалергардомъ,—но какъ сильно было ея увлеченіе, до какихъ степеней страсти оно поднялось? Что оно не было только данью легкомыслія и вѣтрености, можно судить по ея отношенію къ Дантесу послѣ тяжелаго инцидента съ дуэлью въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ сватовства и женитьбы Дантеса на сестрѣ Натальи Николаевны. Наталья Николаевна знала гнѣвный и страстный характеръ своего мужа, видѣла его страданія и его бѣшенство въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года; казалось бы, всякое легкомысліе и всякая вѣтреность при такихъ обстоятельствахъ должны были исчезнуть навсегда. И что же? Вяземскій, озабоченный охраненіемъ репутаціи Натальи Николаевны, все-таки не нашелъ въ себѣ силы обойти молчаніемъ ея поведеніе послѣ свадьбы Дантеса: «Она должна бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера,—и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности»[3]). Ясно, кажется, что сила притяженія, исходившаго отъ Дантеса, была слишкомъ велика, и ея не ослабили ни страхъ передъ мужемъ, ни боязнь сплетенъ, ни даже то, что чувственныя симпатіи Дантеса, до сихъ поръ отдававшіяся ей всецѣло, оказались подѣленными между ней и ея сестрой. Дантесъ взволновалъ Наталью Николаевну такъ, какъ ее еще никто не волновалъ. Il l'a troublé—сказалъ

---

[1]) «Переписка», III, 413.

[2]) «Дуэль», 141.

[3]) «Дуэль», 145.

Пушкинъ о Дантесѣ и своей женѣ [1]). Любовный пламень, охватившій Дантеса, опалилъ и ее, и она, стыдливо-холодная красавица, пребывавшая выше міра и страстей, покоившаяся въ сознаніи своей торжествующей красоты, потеряла свое душевное равновѣсіе и потянулась къ отвѣту на чувство Дантеса. Въ концѣ концовъ, быть можетъ, Дантесъ былъ какъ разъ тѣмъ человѣкомъ, который былъ ей нуженъ. Ровесникъ по годамъ, онъ былъ ей пара по внѣшности своей, по внутреннему своему складу, по умственному уровню. Что грѣха таить: конечно, Дантесъ долженъ былъ быть для нея интереснѣе, чѣмъ Пушкинъ. Какой простодушной искренностью дышутъ ея слова княгинѣ В. Ѳ. Вяземской въ отвѣтъ на ея предупрежденія и на ея запросъ, чѣмъ можетъ кончиться вся эта исторія съ Дантесомъ! «Мнѣ съ нимъ (Дантесомъ) весело. Онъ мнѣ просто нравится, будетъ то же, что было два года сряду» [2]). Княгиня В. Ѳ. Вяземская объясняла, что Пушкина чувствовала къ Дантесу родъ признательности за то, что онъ постоянно занималъ ее и старался быть ей пріятнымъ [3]).

Итакъ, сердца Дантеса и Натальи Николаевны Пушкиной съ неудержимой силой влеклись другъ къ другу. Кто же былъ прельстителемъ и кто завлеченнымъ? Друзья Пушкина единогласно выдаютъ Наталью Николаевну за жертву Дантеса. Этому должно было бы повѣрить уже и потому, что она не была натурой активной. Но были, вѣроятно, моменты, когда въ этомъ поединкѣ флирта доминировала она, возбуждая и завлекая Дантеса все дальше и дальше по опасному пути. Можно повѣрить, по крайней мѣрѣ, барону Геккерену, когда онъ, позднѣе, послѣ смерти Пушкина, предлагалъ допросить Н. Н. Пушкину и, не имѣя возможности предвидѣть, что подобные разспросы не будутъ допущены, заявлялъ: «Она (Пушкина) сама можетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пропасти, въ которую она летѣла; она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся» [4]).

Какую роль игралъ въ сближеніи Дантеса и Пушкиной голландскій посланникъ баронъ Геккеренъ, ставшій съ лѣта 1836 г. пріемнымъ отцомъ француза? Былъ ли онъ сводникомъ, старался ли онъ облегчить своему

---

[1]) «Русск. Арх.», 1901, III, 619.
[2]) Тамъ же, 1888, II, 309.
[3]) Тамъ же, 311.
[4]) «Дуэль», 185.

пріемному сыну сношенія съ Пушкиной и привести эпизодъ свѣтскаго флирта къ вожделѣнному концу? Пушкинъ, друзья его и императоръ Николай Павловичъ отвѣчали на этотъ вопросъ категорическимъ да. У всѣхъ нихъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній о роли Геккерена было свидѣтельство Натальи Николаевны. «Она раскрыла мужу»—писалъ князь Вяземскій великому князю Михаилу Павловичу: «все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть» [1]). «Хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина», сообщалъ императоръ Николай I своему брату,—«столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, а въ особенности гнуснаго его отца... Порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіи Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто умиралъ къ ней любовью... Жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ»... [2]). Пушкинъ самому Геккерену такъ характеризовалъ его роль: «Вы, представитель коронованной особы,—вы были отеческимъ сводникомъ вашего побочнаго сына... Все его поведеніе, вѣроятно, было направлено вами: вы, вѣроятно, нашептывали ему тѣ жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и тѣ пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно развратной старухѣ, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной въ с..., оставался дома, принимая лѣкарства, вы увѣряли, что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: «отдайте мнѣ моего сына»... [3]).

На личности барона Геккерена мы уже останавливались, но согласимся сейчасъ съ самыми худшими о немъ отзывами, согласимся въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ человѣкъ низкихъ нравственныхъ качествъ; согласимся, что онъ не остановился бы ни передъ какой гадостью, разъ она была средствомъ къ извѣстной цѣли. Но все, что мы о немъ знаемъ, не даетъ намъ права на заключеніе, что онъ совершалъ гадости ради нихъ самихъ. Спрашивается, какой для него былъ смыслъ въ сводничествѣ своему пріемному сыну? Еще до усыновленія онъ могъ бы секретно оказывать Дантесу свое содѣйствіе, свое посредничество, но, связавъ съ нимъ свое имя, онъ не сталъ бы рисковать своимъ именемъ и положеніемъ. Свѣтскій скандалъ былъ неизбѣженъ, все равно—завершился бы флиртъ Дантеса тайной связью

---

[1]) «Пушкинъ», 314.
[2]) «Дуэль», 141.
[3]) «Переписка», III, 412.

и онъ увезъ бы Наталью Николаевну за границу, или же Дантесъ и его пріемный отецъ добились бы развода и второго брака для Н. Н. Пушкиной. Второе предположеніе, конечно, чистая утопія; разводы были въ то время очень затруднены и Николай Павловичъ не былъ ихъ покровителемъ. Но въ томъ или другомъ случаѣ баронъ Геккеренъ, полномочный нидерландскій министръ, представитель интересовъ своего государства, подвергалъ не только словесному сраму, но и серьезному риску всю свою карьеру. Надо признать, что въ жизненные разсчеты барона Геккерена отнюдь не могло входить поощреніе любовныхъ ухаживаній Дантеса. А если мы приложимъ къ барону Геккерену ту мѣрку, съ которой подходили къ нему многіе изъ обвинявшихъ его въ сводничествѣ, и если на минуту согласимся съ ними въ томъ, что любовь Геккерена къ Дантесу заходила далеко за предѣлы отцовской и была любовью мужчины къ мужчинѣ, то тогда обвиненіе въ сводничествѣ станетъ совсѣмъ невѣроятнымъ. И если Геккеренъ былъ дѣйствительно человѣкъ извращенныхъ нравовъ, то, ревнуя Н. Н. Пушкину къ Дантесу, не сводить его съ ней онъ былъ долженъ, а разлучать во что бы то ни стало.

До насъ дошли оправданія Геккерена какъ разъ противъ обвиненій въ сводничествѣ. Защищаясь отъ нихъ, онъ ссылается на признанія Пушкиной и на свидѣтельства лицъ постороннихъ. «Я будто бы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть она покажетъ подъ присягой, что̀ ей извѣстно, и обвиненіе падетъ само собой... Если г-жа Пушкина откажетъ мнѣ въ этомъ признаніи, то я обращусь къ свидѣтельству двухъ высокопоставленныхъ дамъ, бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ, которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь» [1]. Трудно допустить, чтобы Геккеренъ писалъ эти признанія графу Нессельроде на вѣтеръ, заранѣе будучи увѣренъ, что ни Пушкину, ни высокопоставленныхъ дамъ не спросятъ: вѣдь онъ зналъ, что его письма къ графу Нессельроде будутъ извѣстны императору Николаю, и долженъ былъ считаться съ возможностью того, что императоръ возьметъ да и прикажетъ разспросить всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтельницъ по дѣлу! Наконецъ, Геккеренъ въ своемъ оправданіи указываетъ на одинъ любопытный фактъ, остающійся невыясненнымъ для насъ и по сей день: «Мнѣ скажутъ, что я долженъ былъ

[1] «Дуэль», 185. Кто эти двѣ дамы? Можно дѣлать только догадки. Одна изъ нихъ, навѣрно, графиня Нессельроде. Объ отношеніи къ послѣдней Пушкина см. «Русск. Арх.», 1910, II, стр. 128.

бы повлiять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ, воспроизведя письмо, которое я потребовалъ отъ сына,— письмо, адресованное къ ней, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ какихъ бы то ни было видовъ на нее. Письмо отнесъ я самъ и вручилъ его въ собственныя руки» [1]). Если повѣрить Геккерену, то этотъ фактъ съ письмомъ заставляетъ многое въ исторiи Дантеса и Н. Н. Пушкиной отнести за ея счетъ. Къ вышеприведеннымъ словамъ Геккеренъ дѣлаетъ ехидное добавленiе: «Г-жа Пушкина воспользовалась имъ, чтобы доказать мужу и роднѣ, что она никогда не забывала своихъ обязанностей». Итакъ, слѣдуя соображенiямъ здраваго смысла, мы болѣе склонны думать, что баронъ Геккеренъ не повиненъ въ сводничествѣ: скорѣе всего, онъ дѣйствительно старался о разлученiи Дантеса и Пушкиной. Вспоминается одна фраза изъ письма Геккерена къ Дантесу, писаннаго изъ Петербурга послѣ высылки послѣдняго за границу: «Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрiя съ твоей стороны. Не скрою отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ я, что заслужилъ отъ тебя такое отношенiе» [2]). Отношенiя, зачерченныя въ этихъ строкахъ, не позволяютъ принять огульно утвержденiе о сводической роли барона Геккерена.

Ухаживанья Дантеса за Н. Н. Пушкиной стали сказкой города. Объ нихъ знали всѣ и съ пытливымъ вниманiемъ слѣдили за развитiемъ драмы [3]). Свѣтъ съ зловѣщимъ любопытствомъ наблюдалъ и ждалъ, чѣмъ разразится конфликтъ. Расцвѣтъ свѣтскихъ успѣховъ Натальи Николаевны больно поражалъ сердце поэта. Въ мартѣ 1836 года Пушкина была въ наибольшей модѣ въ петербургскомъ свѣтѣ, а Пушкинъ внимательнымъ и близкимъ наблюдателямъ казался все болѣе и болѣе скучнымъ и эгоистичнымъ [4]). Въ

---

[1]) «Дуэль», 186. Съ этимъ указанiемъ, кажется, слѣдуетъ сопоставлять тоже неясное сообщенiе князя Вяземскаго о письмѣ, которое будто бы, по просьбѣ Геккереновъ, должна была написать Наталья Николаевна къ Дантесу («Дуэль», 143).

[2]) «Дуэль», 279.

[3]) Графъ Отто фонъ-Брей, бывшiй въ 1833—1836 годахъ секретаремъ баварскаго посольства и въ *февралѣ 1836 года* переведенный изъ Петербурга въ Парижъ, уже былъ свидѣтелемъ того тяжелаго положенiя, которое привело Пушкина къ трагическому концу. Графъ Брей, живя въ Петербургѣ, вращался въ салонахъ Карамзиной и Вiельгорскихъ, поддерживалъ знакомство съ княземъ П. А. Вяземскимъ. См. Graf Otto von Bray-Steinburg. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. K. von Heigel, Lpz. 1901, S. 11, 14. А. О. Россетъ вспоминалъ впослѣдствiи, что лѣтомъ 1836 года шли толки, будто у Пушкина въ семьѣ что-то не ладно: двѣ сестры, сплетни, и уже замѣчали волокитство Дантеса— «Русск. Арх.», 1882, I, 246.

[4]) «Пушкинъ и его современники», XXI—XXII, стр. 332.

октябрѣ того же года, т. е. наканунѣ разсылки пасквилей, въ Петербургѣ говорили о Пушкиной гораздо больше, чѣмъ о ея мужѣ. Анна Николаевна Вульфъ признавала, что о Пушкинѣ въ Тригорскомъ больше говорили, чѣмъ въ Петербургѣ [1]. И никто изъ видѣвшихъ не подумалъ о томъ, что надо помочь Пушкину, надо предупредить возможный роковой исходъ. «Вашему Императорскому Высочеству»,—писалъ послѣ смерти поэта князь Вяземскій Михаилу Павловичу: «небезызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жею Пушкиной. Это неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе порождало сплетни въ гостиныхъ и мучительно озабочивало мужа» [2]. Михаилу же Павловичу писалъ то же послѣ смерти поэта императоръ Николай: «Давно ожидать должно было, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе» [3]. И этотъ монархъ, считавшій для себя все позволеннымъ, не сдѣлалъ ровно ничего къ предупрежденію рокового исхода. П. И. Бартеневъ слышалъ отъ графа В. Ѳ. Адлерберга о его попыткѣ устранить столкновеніе Пушкина съ Дантесомъ: «Зимой 1836—1837 гг., на одномъ изъ бывшихъ вечеровъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ увидѣлъ, какъ стоявшій позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукій кому-то указывалъ на Дантеса и при этомъ подымалъ вверхъ пальцы, растопыривая ихъ рогами... Находясь въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, восхищаясь дарованіемъ Пушкина, онъ тревожился мыслью о семъ послѣднемъ. Ему вспомнилось, что кавалергардъ Дантесъ какъ-то выражалъ желаніе проѣхаться на Кавказъ и подраться съ горцами. Графъ Адлербергъ поѣхалъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу (который тогда былъ Главнокомандующимъ Гвардейскимъ корпусомъ) и, сообщивъ ему свои опасенія, говорилъ, что слѣдовало бы хоть на время удалить Дантеса изъ Петербурга. Но остроумный французъ-красавецъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Его считали тамъ украшеніемъ баловъ. Онъ подкупалъ и своимъ острословіемъ, до котораго Великій Князь былъ большой охотникъ, и мѣру, предложенную графомъ Адлербергомъ, не успѣли привести въ исполненіе» [4].

«Неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе Дантеса за Н. Н. Пушкиной порождало сплетни въ гостиныхъ» [5]. Дантесъ и Пушкина встрѣчались на балахъ, въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Мѣстомъ встрѣчъ былъ также и домъ ближайшихъ друзей Пушкина, князей Вяземскихъ. Хозяйка дома,

---

[1]) Тамъ же, стр. 341.
[2]) «Дуэль», 140.
[3]) «Пушкинъ», 358.
[4]) «Русск. Арх.», 1892 г., т. II, стр. 488: Изъ записной книжки «Р. А.».
[5]) «Дуэль», 140.

Жоржъ Дантесъ, баронъ де-Геккеренъ

(Собственность г. Луи Метмана)

обязанная принимать и Дантеса и Пушкина, была поставлена въ двусмысленное положеніе. «Н. Н. Пушкина бывала очень часто и всякій разъ, какъ она пріѣзжала, являлся и Геккеренъ, про котораго уже знали, да и онъ самъ не скрывалъ, что Пушкина очень ему нравится. Оберегая честь своего дома, княгиня-мать напрямикъ объявила нахалу-французу, что она проситъ его свои ухаживанія за женою Пушкина производить гдѣ-нибудь въ другомъ домѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣзжаетъ вечеромъ и не отходитъ отъ Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно—приказать швейцару, коль скоро у подъѣзда ихъ будетъ нѣсколько каретъ, не принимать г-на Геккерена. Послѣ этого онъ прекратилъ свои посѣщенія, и свиданія его съ Пушкиной происходили уже у Карамзиныхъ»[1]).

У Карамзиныхъ Дантесъ былъ принятъ наилучшимъ образомъ. Въ особенно дружескихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Андреемъ Николаевичемъ Карамзинымъ: послѣ смерти Пушкина А. Н. Карамзинъ долженъ былъ употребить усиліе, дабы не стать вновь на такую же дружескую ногу, какъ было раньше[2]).

Мы уже говорили о томъ, что обвиненія Геккерена въ сводничествѣ врядъ ли имѣютъ подъ собой почву. Но были добровольцы, принявшіе на себя эту гнусную обязанность. Къ таковымъ молва упорно причисляетъ Идалію Григорьевну Полетику, незаконную дочь графа Григорія Александровича Строганова. «Она была извѣстна», говоритъ одинъ современникъ, князь А. В. Мещерскій, «въ обществѣ, какъ очень умная женщина, но съ весьма злымъ языкомъ, въ противоположность своему мужу, котораго называли «Божьей коровкой»[3]). «Она олицетворяла типъ обаятельной женщины не столько миловидностью лица, какъ складомъ блестящаго ума, веселостью и живостью характера, доставлявшими ей всюду постоянный несомнѣнный успѣхъ»[4]). Съ этой Идаліей подружилась Наталья Николаевна; сближенію сильно содѣйствовало то обстоятельство, что отецъ Идаліи, графъ Г. А. Строгановъ, былъ двоюроднымъ братомъ матери Пушкиной, Натальи Ивановны Гончаровой, рожденной Загряжской. Мужъ Полетики,—въ то время ротмистръ Кавалергардскаго полка, былъ пріятелемъ Дантеса.

---

[1]) «Русск. Арх.», 1888, II, 308. Срвн. тамъ же, 1906, III, 619.

[2]) О хорошемъ отношеніи къ Дантесу въ семьѣ Карамзиныхъ можно заключить по письмамъ А. Н. Карамзина—«Старина и Новизна», кн. 17.

[3]) С. А. Панчулидзевъ. Сборникъ біографій кавалергардовъ 1801—1826, Спб. 1906, стр. 351.

[4]) А. П. Арапова, назв. соч., «Нов. Время», 1908, № 11425.

Идалія Полетика дожила до преклонной старости (умерла въ 1889 году) и до самой смерти питала совершенно исключительное чувство ненависти къ самой памяти Пушкина [1]).

Причины этой ненависти намъ неизвѣстны и непонятны. Рѣдкія упоминанія о Полетикѣ въ письмахъ Пушкина къ женѣ рисуютъ довольно дружественныя отношенія Пушкиныхъ къ Идаліи. Но Идалія не платила имъ той же монетой. Княгиня В. Ѳ. Вяземская обвиняла Идалію Полетику въ томъ, что она сводила Дантеса съ Натальей Николаевной и предоставляла свою квартиру для свиданій [2]). Въ послѣдней главѣ исторіи дуэли мы еще встрѣтимся съ Полетикой.

Своеобразной пособницей Дантесу и Пушкиной явилась, по словамъ княгини В. Ѳ. Вяземской, и сестра Натальи Николаевны, дѣвица Екатерина Гончарова. Она была влюблена въ Дантеса и нарочно устраивала свиданія своей сестры съ Дантесомъ, чтобы только, въ качествѣ наперсницы, повидать лишній разъ предметъ своей тайной страсти [3]).

Пушкинъ зналъ объ ухаживаніяхъ Дантеса; онъ наблюдалъ, какъ крѣпло и росло увлеченіе Натальи Николаевны. До полученія анонимныхъ писемъ въ ноябрѣ онъ, повидимому, не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію, какъ ему поступить въ такихъ обстоятельствахъ. Вяземскій писалъ впослѣдствіи: «Пушкинъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, воспользовался своей супружеской властью, чтобы во время предупредить послѣ ствія этого ухаживанія, которое и привело къ неслыханной катастрофѣ» [4]).

Самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Геккерену пишетъ, что поведеніе его сына было ему давно извѣстно, и что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ; но до поры, до времени онъ довольствовался ролью наблюдателя, откладывая свое вмѣшательство до удобнаго момента. Въ Пушкинѣ сидѣлъ человѣкъ XVIII вѣка, раціоналистъ, дѣйствующій по извѣстнымъ максимамъ, которыхъ было такъ много въ этотъ вѣкъ. Онъ теоретически вѣрилъ тому, что, при нарастаніи любовнаго конфликта жены съ третьимъ человѣкомъ, мужъ въ опредѣленный моментъ и можетъ, и долженъ стать довѣреннымъ своей

---

[1]) О Полетикѣ см. любопытный разсказъ П. И. Бартенева—«Русск. Арх.», 1911, I, 175 и сл. Ея портретъ—въ «Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ», подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго, Спб. 1899.

[2]) См. «Русск. Арх.», 1911 г., I, стр. 176.

[3]) Тамъ же, 1888, II, 309.

[4]) «Дуэль», 140, 141.

жены и взять въ свои руки управленіе поведеніемъ жены. Но этотъ принципъ, удобный теоретически, на практикѣ оказался неудобопримѣнимымъ. Изъ письма Пушкина къ барону Геккерену видно, что онъ только по полученіи анонимныхъ писемъ счелъ моментъ подходящимъ для того, чтобы стать довѣреннымъ своей жены и хозяиномъ ея поведенія, но изъ всѣхъ дальнѣйшихъ событій ясно, что Пушкинъ упустилъ моментъ: довѣренность жены не оказалась полной, и полновластнымъ хозяиномъ поведенія молодой женщины онъ уже не могъ стать. Несмотря на свою пассивность, робость, Наталья Николаевна не имѣла силъ подчиниться исключительно волѣ мужа и противостоять сладкому вліянію Дантеса.

6.

«4-го ноября по утру»—писалъ Пушкинъ въ неотправленномъ письмѣ къ Бенкендорфу—«я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и чести моей жены»... [1]). Послѣ нѣкоторыхъ справокъ и розысковъ Пушкинъ узналъ, что «въ тотъ же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма, въ двойныхъ конвертахъ, запечатанныхъ и адресованныхъ на мое имя. Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какую-нибудь подлость, не отослали ихъ ко мнѣ» [2]). Намъ извѣстно, что такія письма получили князь П. А. Вяземскій, графъ М. Ю. Віельгорскій, тетка графа В. А. Соллогуба—г-жа Васильчикова, Е. М. Хитрово. «4 ноября»,—писалъ князь Вяземскій великому князю Михаилу Павловичу: «моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запиской, адресованной Пушкину, которую она только-что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что-либо оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ документъ. Первымъ моимъ движеніемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы» [3]). «Въ первыхъ числахъ

[1]) «Переписка», III, 416.
[2]) Тамъ же, 416.
[3]) «Дуэль», 141.

ноября 1836 г.»,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ графа В. А. Соллогуба,—«тетка моя Васильчикова, у которой я жилъ тогда на Большой Морской, велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: «Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?» Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ лакейскимъ почеркомъ: Александру Сергѣичу Пушкину. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что, слѣдовательно, уничтожить его я не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ: «Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитрово: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безымяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-жѣ Хитрово». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами» [1]).

Въ концѣ концовъ, анонимныя письма, которымъ нерѣдко приписываютъ гибель Пушкина, явились лишь случайнымъ возбудителемъ. Не будь ихъ,—все равно раньше или позже насталъ бы моментъ, когда Пушкинъ вышелъ бы изъ роли созерцателя любовной интриги его жены и Дантеса. Въ сущности, зная страстный и нетерпѣливый характеръ Пушкина, надо удивляться лишь тому, что онъ такъ долго выдерживалъ роль созерцателя. Отсутствіе реакціи можно приписать тому состоянію оцѣпенѣнія, въ которое его въ 1836 г. повергали всѣ его дѣла: и матеріальныя, и литературныя, и иныя. О состояніи Пушкина въ послѣдніе мѣсяцы жизни слѣдовало бы сказать особо и подробно.

Анонимныя письма были толчкомъ, вытолкнувшимъ Пушкина изъ колеи созерцанія. Чести его была нанесена обида, и обидчики должны были понести наказаніе. Обидчиками были тѣ, кто подалъ поводъ къ самой мысли объ обидѣ, и тѣ, кто причинилъ ее, кто составилъ и распространилъ пасквиль.

---

[1]) «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина», М. 1866, стр. 41—44. Письмо Пушкина къ Е. М. Хитрово до насъ не дошло.

Поводъ былъ очевиденъ: ухаживанія Дантеса. Лица, съ которыми Пушкинъ говорилъ по этому поводу, по его собственнымъ словамъ, «пришли въ негодованіе отъ неосновательнаго и низкаго оскорбленія». «Всѣ, повторяя, что поведеніе моей жены безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой клеветѣ послужило слишкомъ явное ухаживаніе за нею Дантеса»—писалъ Пушкинъ въ письмѣ къ Бенкендорфу [1]). Произошли объясненія съ женой, которыя, конечно, только утвердили общую молву. Наталья Николаевна, передавая мужу объ ухаживаніяхъ Дантеса, подчеркивала его навязчивость, а заодно указала и на то, что старый Геккеренъ старался склонить ее къ измѣнѣ своему долгу; о себѣ она призналась только въ томъ, что, по легкомыслію и вѣтрености, слишкомъ снисходительно отнеслась къ приставаніямъ Дантеса. Ея объясненія, если вѣрить словамъ Вяземскаго и самого Пушкина, оставили въ Пушкинѣ впечатлѣніе полной ея невинности и рѣшительной гнусности ея соблазнителей. «Пушкинъ»,—говоритъ Вяземскій—«былъ тронутъ ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ; мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце» [2]). «Я не могъ допустить»,—писалъ Пушкинъ въ письмѣ къ Бенкендорфу,—«чтобы въ этой исторіи имя моей жены было связано клеветою съ именемъ кого бы то ни было. Я просилъ сказать объ этомъ г. Дантесу» [3]).

4-го ноября Пушкинъ получилъ анонимныя письма и на другой день, 5-го ноября [4]), отправилъ вызовъ Дантесу на квартиру его пріемнаго отца барона Геккерена. Какъ разъ въ этотъ день Дантесъ находился дежурнымъ по дивизіону [5]), дома не былъ, и вызовъ попалъ въ руки барона Геккерена.

---

[1]) «Переписка», III, 417.

[2]) «Дуэль», 141.

[3]) «Переписка», III, 417.

[4]) «Геккеренъ въ письмѣ къ Загряжской отъ 13 ноября даетъ эту дату: «Depuis huit jours d'angoisses j'ai été si heureux et si tranquille hier au soir...» («Дуэль», 178). Промежутокъ восьми тревожныхъ дней, кончившійся 12 ноября вечеромъ, начался, слѣдовательно, съ 5 ноября,—дня, въ который въ руки барона Геккерена попалъ вызовъ, предназначенный Дантесу.

[5]) С. А. Панчулидзевъ сообщилъ мнѣ касающіяся Дантеса выписки изъ при-

Со словъ К. К. Данзаса сообщалось въ свое время, что «Пушкинъ послалъ вызовъ Дантесу черезъ офицера Генеральнаго Штаба К. О. Россета» [1]. Врядъ ли это сообщеніе вѣрно. Вызовъ былъ письменный. Когда графу Сол-

---

казовъ по Кавалергардскому полку. Изъ нихъ видно, что 4 ноября поручику барону Дантесу-Геккерену за незнаніе людей своихъ взводовъ и за неосмотрительность въ своей одеждѣ командиръ полка сдѣлалъ строжайшій выговоръ и предписалъ нарядить его дежурнымъ по дивизіону пять разъ. Дежурилъ Дантесъ, во исполненіе предписанія, 5, 7, 9, 11 и 13 ноября. Эти даты важны для хронологіи событій.

[1]) «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», со словъ К. К. Данзаса, Спб. 1863, стр. 10. Разсказы о секундантствѣ К. О. Россета вызываютъ много недоумѣній. По разсказу К. К. Данзаса, Пушкинъ приглашалъ К. О. Россета въ секунданты сейчасъ же по полученіи анонимныхъ писемъ, ибо Данзасъ сообщаетъ, что Дантесъ, принявъ переданный К. О. Россетомъ вызовъ, попросилъ на двѣ недѣли отсрочки. По приведеннымъ въ текстѣ соображеніямъ мы полагаемъ, что этотъ первый вызовъ Дантесу былъ письменнымъ. О К. О. Россетѣ, какъ секундантѣ, мы думаемъ, что Пушкинъ, приглашая его быть секундантомъ, ограничился только словами и о претвореніи ихъ въ дѣло, т. е. о формальномъ его приглашеніи и не подумалъ. Да и изъ разсказа брата К. О. Россета, А. О. Россета («Русск. Арх.» 1882, I, 247), ясно, что Пушкинъ, выслушавъ отвѣтъ со стороны К. О. Россета, не настаивалъ на своемъ приглашеніи. Неясно, когда Пушкинъ имѣлъ этотъ разговоръ съ К. О. Россетомъ. Если вѣрить А. О. Россету, это случилось какъ разъ въ тотъ день, когда Пушкинъ во время обѣда, на который онъ пригласилъ К. О. Россета, получилъ письмо Дантеса съ предложеніемъ Екатеринѣ Гончаровой. Но это случилось послѣ того, какъ дѣло съ первымъ вызовомъ было улажено секундантами Пушкина (гр. В. А. Соллогубъ) и Дантеса (виконтъ д'Аршіакъ). Но зачѣмъ же понадобился Пушкину новый секундантъ, разъ у него уже былъ приглашенъ гр. Соллогубъ! Или А. О. Россетъ ошибся, утверждая, что предложеніе секундантства его брату и предложеніе Дантеса Екатеринѣ Гончаровой были сдѣланы въ одинъ и тотъ же день, или же это сообщеніе даетъ намъ неизвѣстную въ исторіи дуэли подробность, которую мы не можемъ связать съ извѣстными намъ фактами.

Біографъ Дантеса, С. А. Панчулидзевъ (назв. соч., стр. 79), пишетъ, что первый вызовъ Пушкинъ послалъ черезъ своего шурина Ивана Гончарова. Это утвержденіе невѣрно и, кажется, не имѣетъ никакого другого основанія, кромѣ сообщенія П. И. Бартенева со словъ княгини В. Ѳ. Вяземской («Русск. Арх.» 1888, 307, II). Но и здѣсь сообщеніе только предположительное: «вызовъ послалъ, *вѣроятно*, черезъ брата жены, Гончарова».

Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ о способѣ вызова пишетъ: «Il ne me convenait pas de voir le nom de qui ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le Baron de Heckern vient chez moi» etc. («Переписка», III, 417). Какимъ образомъ Пушкинъ передалъ свой вызовъ, изъ этихъ словъ неясно. Больше похоже на то, что онъ кого-то просилъ передать вызовъ, но фраза можетъ быть истолкована и въ смыслѣ свидѣтельства о передачѣ письменнаго заявленія.

логубу пришлось позднѣе выступить въ роли секунданта, д'Аршіакъ, секундантъ Дантеса, желая ознакомить его съ обстоятельствами дѣла, предъявилъ ему документы и среди нихъ «вызовъ Пушкина Дантесу». По всей вѣроятности, вызовъ былъ просто посланъ, а не переданъ кѣмъ-либо, ибо попасть не по назначенію онъ могъ только въ томъ случаѣ, если онъ былъ посланъ, и ни одинъ секундантъ въ мірѣ не позволилъ бы себѣ передать вызовъ кому-либо иному, а не вызываемому. Вызовъ Пушкина не былъ мотивированъ.

Вызовъ Пушкина засталъ барона Геккерена врасплохъ. О его замѣшательствѣ, о его потрясеніи свидѣтельствуютъ и дальнѣйшее его поведеніе, и сообщенія Жуковскаго въ письмахъ къ Пушкину. Онъ въ тотъ же день отправился къ Пушкину, заявилъ, что онъ принимаетъ вызовъ за своего сына, и просилъ отложить окончательное рѣшеніе на 24 часа—въ надеждѣ, что Пушкинъ обсудитъ еще разъ все дѣло спокойнѣе и перемѣнитъ свое рѣшеніе. Черезъ 24 часа, т. е. 6-го ноября, Геккеренъ снова былъ у Пушкина и нашелъ его непоколебимымъ. Объ этомъ его свиданіи съ Пушкинымъ князь Вяземскій разсказываетъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу слѣдующее: «Геккеренъ разсказалъ Пушкину о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ говорилъ ему о своихъ отеческихъ чувствахъ къ молодому человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь съ цѣлью обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ зданіе всѣхъ своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т. е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ, тѣмъ не менѣе, увѣрялъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волненіемъ и слезами отца, сказалъ: «Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло» [1]). Пушкинъ въ

[1]) «Дуэль», 142. Въ позднѣйшихъ разсказахъ князей Вяземскихъ, записанныхъ П. И. Бартеневымъ, этотъ моментъ переданъ съ нѣкоторыми новыми подробностями: «Князь Вяземскій встрѣтился съ Геккереномъ на Невскомъ, и онъ сталъ разсказывать ему свое горестное положеніе: говорилъ, что всю жизнь свою онъ только и думалъ, какъ бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его въ Петербургъ, вдругъ приходится разстаться съ нимъ,

письмѣ къ Бенкендорфу излагаетъ кратко исторію отсрочки: «Баронъ Геккеренъ является ко мнѣ—и принимаетъ вызовъ, за г. Дантеса, прося отсрочки поединка на 15 дней» [1]).

7.

Геккерену удалось отсрочить поединокъ и выиграть такимъ образомъ время. Теперь надо было употребить всѣ старанія къ тому, чтобы устранить самое столкновеніе съ возможнымъ роковымъ исходомъ. Эта забота легла на сердце не одному Геккерену. Переполошилась, конечно, прежде всего Наталья Николаевна, а за нею—ея сестры и тетушка, покровительница всѣхъ сестеръ Гончаровыхъ,—фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская. Вызовъ былъ сдѣланъ; срамъ грозилъ ея любимой (fille de son coeur, sa fille d'adoption) племянницѣ, такъ хорошо принятой при Дворѣ, и, конечно, ей самой, опекавшей и охранявшей сестеръ Гончаровыхъ. Надо было сдѣлать все, что только возможно, чтобы предупредить скандалъ, устранить дуэль, затушить дѣло. Ни Наталья Николаевна, ни ея сестры, конечно, ничего тутъ не могли сдѣлать, и надо было дѣйствовать самой Загряжской. Она такъ и поступила и приняла дѣятельнѣйшее участіе въ развитіи дальнѣйшихъ событій. 6-го ноября молодой Гончаровъ, братъ Натальи Николаевны, съѣздилъ въ Царское Село къ Жуковскому, и въ тотъ же день Жуковскій былъ уже въ Петербургѣ. Жуковскій былъ другомъ, котораго Пушкинъ слушался въ мірскихъ дѣлахъ; Жуковскій любилъ Пушкина и былъ миролюбивъ, и Гончаровы поступили правильно, вызвавъ его и вмѣшавъ въ разыгравшіяся событія.

Пушкинъ отправилъ вызовъ. Надо было убѣдить его отказаться отъ вызова. Надъ вопросомъ, какъ это сдѣлать, ломали голову баронъ Геккеренъ, Е. И. Загряжская и Жуковскій.

6-го ноября Жуковскій, по вызову Гончарова, пріѣхалъ въ Петербургъ и направился къ Пушкину. Въ то время, какъ онъ находился у него, явился Геккеренъ. Это было второе посѣщеніе Пушкина Геккерсномъ, когда онъ добился двухнедѣльной отсрочки. Жуковскій оставилъ Пушкина и спустя

потому что во всякомъ случаѣ, кто изъ нихъ ни убьетъ друга друга, разлука несомнѣнна. Онъ передавалъ князю Вяземскому, что онъ желаетъ сроку на двѣ недѣли для устройства дѣлъ и просилъ князя помочь ему. Князь тогда же понялъ старика и не взялся за посредничество, но Жуковскаго старикъ разжалобилъ: при его посредствѣ Пушкинъ согласился ждать двѣ недѣли» («Русск. Арх.» 1888, II).

[1]) «Переписка», III, 417.

нѣкоторое время снова вернулся къ нему. Конецъ дня Жуковскій провелъ у графа Віельгорскаго и князя Вяземскаго. Очевидно, разговоръ шелъ о дѣлѣ Пушкина. Вечеромъ Жуковскій получилъ письмо отъ Е. И. Загряжской.

На другой день, утромъ 7-го ноября, Жуковскій былъ уже у Загряжской. «Отъ нее къ Геккерену»—кратко гласитъ конспективная записка Жуковскаго, которою мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ пользоваться; она является важнѣйшимъ источникомъ для исторіи ноябрьскаго столкновенія Пушкина съ Дантесомъ; къ сожалѣнію, многія замѣтки въ запискѣ Жуковскаго слишкомъ конспективны, писаны были про себя и толкованію не поддаются[1]).

«Поутру у Загряжской. Отъ нее къ Геккерену. (Mes antécédents—неизвѣстное совершенное прежде бывшаго)». Эти краткія указанія не трудно развернуть. Загряжская обратилась къ Жуковскому съ просьбой о содѣйствіи и помощи при разрѣшеніи конфликта и разсказала остававшіяся ему неизвѣстными обстоятельства, происшедшія до вызова. Эти «antécédents» мы не можемъ выяснить ни по замѣткамъ Жуковскаго, ни по другимъ источникамъ. А что-то было, дѣйствительно! На это есть намеки и въ разорванномъ черновикѣ письма Пушкина къ Геккерену [2]). Отъ Загряжской Жуковскій поѣхалъ къ Геккерену. Ясно, что посѣщеніе Геккерена было продиктовано Жуковскому именно Загряжскою. Во всякомъ случаѣ, сообщеніе Вяземскаго о томъ, что баронъ Геккеренъ бросился къ Жуковскому и Михаилу Віельгорскому съ уговорами о посредничествѣ, не вѣрно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Жуковскому. Если Геккеренъ искалъ помощи въ Жуковскомъ и другихъ, то и они, въ свою очередь, искали его содѣйствія. Неясно, было ли внушенное Загряжскою посѣщеніе Жуковскимъ Геккерена первымъ опытомъ ея сношеній съ Геккереномъ, или они обмѣнялись сношеніями еще до наступленія этого момента и Жуковскій явился офиціальнымъ посредникомъ? Неясенъ, по связи съ только-что поставленнымъ, и слѣдующій вопросъ: былъ ли у Загряжской уже опредѣленный (но пока не сообщенный Жуковскому) планъ предотвращенія бѣды, или она отправила Жуковскаго къ Геккерену только поговорить и посмотрѣть, нельзя ли что-либо сдѣлать?

---

[1]) Конспективная записка Жуковскаго, хранящаяся въ принадлежащемъ Пушкинскому Дому Музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ, появляется въ настоящей книгѣ (см. ниже, во второй части нашей книги) впервые. При цитированіи ея въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣльныхъ ссылокъ не дѣлаю.

[2]) «Le 2 de novembre vous eûtes (de) cru M-r votre fils (une) à la suite d'une.., (coup de plaisir). Il vous dit... té-que ma femme crei... n'elle en perdoit la tête...».

У Геккерена Жуковскаго ждали «открытія»: «о любви сына къ Катеринѣ; открытіе о родствѣ; о предполагаемой свадьбѣ». По поводу перваго открытія Жуковскій въ скобкахъ замѣтилъ: «моя ошибка насчетъ имени». Дѣло, кажется, надо представлять себѣ такъ. Геккеренъ сказалъ Жуковскому, что его сынъ любитъ не m-me Пушкину, а ея сестру. Жуковскій назвалъ Александрину и ошибся. Второе открытіе Геккерена невразумительно: о какомъ родствѣ могъ открыться Геккеренъ? О родствѣ съ Дантесомъ? Но объ этомъ говорили только сплетни, а въ дѣйствительности его не было. Быть можетъ, Геккеренъ говорилъ о далекомъ родствѣ или, вѣрнѣе, свойствѣ Дантеса съ Пушкиными? [1]).

Итакъ, уже 7-го ноября, черезъ 48 часовъ послѣ вызова, была пущена въ оборотъ мысль объ ошибочныхъ подозрѣніяхъ Пушкина и о предполагавшейся свадьбѣ Дантеса и Екатерины Гончаровой. Какъ, у кого возникла эта мысль? Жуковскій услышалъ ее впервые отъ Геккерена, но это не значитъ, что эта мысль его созданіе. Обычное представленіе таково: Геккерены такъ перепугались вызова и были въ такомъ смятеніи, что готовы были пойти па все, что открывало просвѣтъ среди темныхъ и тревожныхъ обстоятельствъ. Прежде всего подставили вмѣсто Натальи Николаевны Катерину Николаевну и заявили, что чувства Дантеса относились къ послѣдней. Ну, а если такое заявленіе поведетъ къ женитьбѣ? Не бѣда: можно и жениться, но только бы не драться, только бы не подставлять грудь подъ выстрѣлъ Пушкина! Такое обычное представленіе должно признать не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. *Проектъ сватовства Дантеса къ Екатеринѣ Гончаровой существовалъ до вызова.* Жуковскій въ одномъ изъ «дуэльныхъ» писемъ къ Пушкину упоминаетъ о бывшемъ въ его рукахъ и полученномъ отъ Геккерена матеріальномъ доказательствѣ, что «дѣло, о коемъ теперь идутъ толки (т. е., женитьба Дантеса), затѣяно было еще гораздо прежде вызова». Геккеренъ въ письмѣ къ Загряжской отъ 13-го ноября тоже говоритъ о томъ, что проектъ свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса существуетъ уже давно, и что самъ онъ отрицательно

---

[1]) Въ современныхъ французскихъ извѣстіяхъ нерѣдки ссылки на родство. Выше (стр. 14) мы упоминали о томъ, что Дантесъ по матери былъ внукъ графини Елизаветы Федоровны Вартенслебенъ, бывшей замужемъ за графомъ Алексѣемъ Семеновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ (1730—1817). Этотъ Мусинъ-Пушкинъ доводился шестиюроднымъ братомъ Надеждѣ Платоновнѣ Мусиной-Пушкиной, бабушкѣ жены поэта. Родство же Пушкиныхъ съ Мусиными-Пушкиными—родство кровное, хотя и весьма отдаленное—по общему предку Радшѣ (сообщеніе Б. Л. Модзалевскаго).

относился къ этому проекту по мотивамъ, извѣстнымъ Загряжской. Въ перепискѣ отца Пушкина съ дочерью Ольгой Сергѣевной есть упоминанія о возможномъ бракѣ m-lle Гончаровой и Дантеса еще въ письмѣ отъ 2 ноября 1836 года. Въ этотъ день Ольга Сергѣевна писала изъ Варшавы своему отцу: «Вы мнѣ сообщаете новость о бракѣ Гончаровой». А Сергѣй Львовичъ Пушкинъ жилъ въ то время въ Москвѣ, и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ *во второй половинѣ октября* въ Москву уже дошли слухи о возможной женитьбѣ [1]).

Итакъ, мысль о женитьбѣ Дантеса на Гончаровой существовала до вызова. Въ какихъ реальныхъ формахъ нашла выраженіе эта мысль, опредѣлить затруднительно. Было ли Геккеренами только брошено на вѣтеръ слово о возможности брака Екатерины Гончаровой и Дантеса, или мысль эта дебатировалась подробно, не извѣстно. Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что и въ самый моментъ возникновенія проектъ женитьбы на Гончаровой уже представлялся средствомъ отвести глаза Пушкину и скрыть отъ него истинный смыслъ ухаживаній Дантеса. Мысль была высказана не только между Дантесомъ и Геккереномъ, но пошла, какъ мы видѣли, и дальше и, слѣдовательно, не могла быть чуждой и Загряжской съ ея племянницами. Геккеренъ въ свое время отринулъ проектъ женитьбы, но произошли новыя событія, Пушкинъ прислалъ вызовъ; надо было отбиться отъ поединка,— и вотъ отверженная мысль становится спасительной. Но вѣдь точно такъ же, какъ Геккеренъ, и Загряжская, не менѣе Геккерена желавшая потушить все дѣло, могла схватиться за отброшенную въ свое время мысль о женитьбѣ, какъ за якорь спасенія. Какъ ни была мимолетна эта мысль, она тотчасъ же всплыла на поверхность, лишь только грянулъ громъ и Пушкинъ послалъ свой вызовъ. Геккеренъ заметался, ища выхода, ища спасенія отъ дуэли, а Дантесъ, лишь только освѣдомился о вызовѣ, сейчасъ же принялъ позу.

Въ объясненіяхъ своихъ передъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде и передъ нидерландскимъ правительствомъ Геккеренъ опредѣленно говоритъ о томъ, что Дантесъ рѣшился на бракъ съ исключительной цѣлью не компрометировать дуэлью m-me Пушкину. «Сынъ мой,—писалъ Геккеренъ своему министру барону Верстолку— понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жив-

---

[1]) См. «Пушкинъ и его современники», вып. XII, стр. 88 и 94.

шей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполнѣ приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разувѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, клянусь честью, что онъ имъ никогда и не былъ), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла. Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ» [1]). Въ письмѣ къ графу Нессельроде Геккеренъ выражается еще рѣзче, еще опредѣленнѣе. Опровергая предположеніе, выставлявшее Дантеса авторомъ подметныхъ писемъ, Геккеренъ пишетъ: «Съ какою цѣлью? Развѣ для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта и отвергнутой мужемъ? Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высоконравственнымъ чувствомъ, которое заставило моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины. Или онъ хотѣлъ вызвать тѣмъ поединокъ, надѣясь на благопріятный исходъ? Но три мѣсяца тому назадъ онъ рисковалъ тѣмъ же; однако, будучи далекъ отъ подобной мысли, онъ предпочелъ безвозвратно себя связать съ единственной цѣлью—не компрометировать г-жу Пушкину» [2]). Прусскій посланникъ Либерманъ, доносившій послѣ смерти Пушкина объ исторіи дуэли и почерпавшій свои свѣдѣнія, по всей вѣроятности, отъ самого Геккерена,—по поводу брака Дантеса сообщилъ, между прочимъ: «Чтобы положить конецъ поднявшемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-me Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, пріемный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ» [3]).

Каковы были психологическіе мотивы рѣшимости Дантеса «закабалить» себя бракомъ на немилой женщинѣ? Дѣйствительно ли для него на первомъ планѣ стояло счастье любимой женщины, и для того лишь только, чтобы не омрачить его, онъ, какъ рыцарь, приносилъ въ жертву своей любви счастье своей жизни? Или же онъ попросту испугался поединка и ради устраненія его, ради устраненія возможнаго рокового исхода предпочелъ «закабалить» себя на всю жизнь? Такіе вопросы ставилъ себѣ въ 1842 году, зна-

---

1) «Дуэль», 189.
2) «Дуэль», 186.
3) «Дуэль», 242.

Екатерина Ивановна Загряжская

(Съ акварели работы А. П. Брюллова. Собственность А. П. Араповой, рожд. Ланской)

чить черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Пушкина, его пріятель Н. М. Смирновъ. И не могъ ихъ разрѣшить. «Что понудило Дантеса вступить въ бракъ съ дѣвушкою, которой онъ не могъ любить, трудно опредѣлить; хотѣлъ ли онъ, жертвуя собою, успокоить сомнѣнія Пушкина и спасти женщину, которую любилъ, отъ нареканій свѣта, или надѣялся онъ, обманувъ этимъ ревность мужа, имѣть, какъ братъ, свободный доступъ къ Натальѣ Николаевнѣ; испугался ли онъ дуэли,—это неизвѣстно» [1]). Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, приведемъ любопытныя разсужденія князя Вяземскаго въ письмѣ къ Великому Князю Михаилу Павловичу: «Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ поединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понялъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазіи. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли о чемъ-либо подобномъ» [2]). Въ разсужденіяхъ Вяземскаго слѣдуетъ отмѣтить, что онъ и другіе друзья Пушкина не рѣшались приписать поступка Дантеса побужденію трусливаго характера. Очень темны сообщенія Вяземскаго о темныхъ интригахъ Геккерена, которыя будто бы вызвали Дантеса на такой поступокъ. Не согласнѣе ли съ истиной вещей признать, что рѣшеніе Дантеса, какъ и большинство человѣческихъ рѣшеній, не является слѣдствіемъ одного какого-либо мотива, а есть результатъ взаимодѣйствія мотивовъ? Остается, во всякомъ случаѣ, фактомъ то, что онъ былъ влюбленъ въ Наталью Николаевну, желалъ ея, тянулся къ ней черезъ всѣ препятствія, не останавливаясь и передъ смертельной опасностью. Послѣ всего того, что случилось въ ноябрѣ, не удержался же онъ отъ соблазна новыхъ сближеній съ ней въ январѣ, послѣ своей свадьбы! Чего достигалъ онъ, объявляя о своихъ матримоніальныхъ намѣреніяхъ и вступая въ бракъ? Да, конечно, прежде всего онъ могъ питать надежду, что его рѣшеніе отведетъ гнѣвъ Пушкина отъ головы Натальи Николаевны и охранитъ ея репутацію, ослабивъ свѣтское злословіе и свѣтскія сплетни. Но были и еще выгоды. Поединокъ оторвалъ, отдалилъ бы его навсегда отъ Пушкиной, а бракъ на ея сестрѣ, наоборотъ, приблизилъ бы, облегчилъ бы

---

[1]) «Русск. Арх.», 1882, I, стр. 235—236.
[2]) «Дуэль», 144.

возможность встрѣчъ, сближеній подъ покровомъ родственныхъ отношеній и чувствъ. Стоило только бракосочетанію совершиться, какъ Дантесъ сейчасъ же сталъ пользоваться такой возможностью. О томъ, что между ними станетъ третій человѣкъ—Екатерина Гончарова, Дантесъ, по всей вѣроятности, и не думалъ: онъ слишкомъ былъ легокъ для такихъ долгихъ мыслей и слишкомъ побѣдитель женскихъ сердецъ. Екатерина Гончарова была вся въ его власти, ибо она была страстно влюблена въ него и, зная, конечно, объ отношеніяхъ Дантеса къ сестрѣ, объ его влюбленности въ нее, ни на минуту не задумалась соединить свою руку съ рукой Дантеса. «Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда старыхъ дѣвъ»—писалъ князь Вяземскій, забывая добавить, что къ этому, вполнѣ законному, желанію присоединялось и страстное увлеченіе Геккереномъ. Припомнимъ и разсказъ княгини Вяземской о томъ, какъ Екатерина Николаевна содѣйствовала свиданіямъ сестры съ Дантесомъ, чтобы лишній разъ насладиться лицезрѣніемъ предмета своей страсти. А затѣмъ, какъ бы ни было сильно чувство любви Дантеса къ Н. Н. Пушкиной, выливавшееся, главнымъ образомъ, въ стремленіи къ обладанію, оно не исключало возможности любовныхъ достиженій у другихъ женщинъ. И даже передъ Натальей Николаевной Дантесъ могъ бы выиграть своимъ рѣшеніемъ,—она должна была оцѣнить самоотверженіе, съ какимъ онъ бросился въ кабалу. И такое разсужденіе могло быть у Дантеса, когда онъ рѣшался объявить свое намѣреніе жениться на Екатеринѣ Гончаровой.

8.

Возвратимся къ Жуковскому, выслушавшему «открытія» Геккерена. По разсказу князя Вяземскаго, «Геккеренъ увѣрялъ Жуковскаго, что Пушкинъ ошибается,—что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно сынъ его умоляетъ своего отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ не подходящимъ, не соглашался, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ, наконецъ, далъ свое согласіе» [1]. Свои дѣйствія и свое впечатлѣніе Жуковскій отмѣтилъ въ конспективной запискѣ кратко: «Мое слово.—Мысль все остановить». «Слово» Жуковскаго, по всей вѣроятности, вѣрно передано въ воспоминаніяхъ со словъ

[1]) «Пушкинъ», 315.

К. К. Данзаса: «Жуковскій совѣтовалъ барону Геккерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи» [1]). Разсказъ Геккерена открылъ умственнымъ очамъ Жуковскаго ранѣе не существовавшую возможность разстроить дуэль, внушилъ «мысль все остановить». Все оказывалось такимъ простымъ: стоило сказать Пушкину, что онъ ошибся, что Дантесъ желалъ въ дѣйствительности не его жену, а Екатерину Гончарову,—и дѣло образуется.

Но сдѣлать это было не легко. Геккеренъ открылся Жуковскому въ своихъ планахъ, но потребовалъ отъ него строжайшаго сохраненія всего имъ сказаннаго въ величайшей тайнѣ ото всѣхъ и отъ Пушкина въ томъ числѣ, представляя Жуковскому положеніе вещей въ такомъ видѣ. Обстоятельства складывались въ пользу брака, онъ самъ даетъ свое разрѣшеніе, бракъ могъ бы осуществиться, но теперь его осуществленію мѣшаетъ вызовъ Пушкина, ибо теперь въ свѣтѣ скажутъ, что угроза поединка заставила Дантеса неожиданно и противъ воли жениться на Гончаровой; а такое мнѣніе—мало того, что оно невѣрно,—оскорбительно и Геккеренами не можетъ быть допущено. Но въ то же время, разъ ихъ дѣйствительныя желанія таковы и разъ, вообще, дѣйствительность такова, какою рисуютъ ее они, а не Пушкинъ, то поединокъ явно нелѣпъ и долженъ быть устраненъ. Объ этомъ ужъ пусть заботятся друзья Пушкина. А Дантесъ исполнитъ то, что велитъ ему долгъ: онъ принялъ вызовъ, приметъ и поединокъ и послѣ поединка объявитъ о сватовствѣ своемъ къ Екатеринѣ Гончаровой. Поединокъ могъ бы быть устраненъ, по мнѣнію Геккереновъ, въ томъ случаѣ, если бы Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно и притомъ отнюдь не на основаніи предполагаемой возможности брака: Геккерены не приняли бы вожделѣннаго отказа отъ вызова, если бы онъ былъ мотивированъ именно такимъ образомъ. Выходило такъ, что дѣйствительнымъ основаніемъ для прекращенія дуэли была мысль о женитьбѣ Дантеса на Гончаровой, но Пушкинъ долженъ былъ взять обратно свой вызовъ на иномъ, мнимомъ основаніи, а не дѣйствительномъ. Жуковскому предстояло вести тонкую двойную игру. То, что Геккеренъ открылъ ему подъ великимъ секретомъ, онъ долженъ былъ передать Пушкину подъ такимъ же секретомъ. Пушкинъ внутри себя долженъ былъ рѣшать въ зависимости отъ узнаннаго подъ секретомъ, а внѣ, въ разсужденіяхъ съ другими, онъ не могъ опираться на внутреннія основанія.

Вслѣдъ за словами «мысль все остановить» въ конспективной запискѣ

---

[1]) Аммосовъ, назв. соч., 11.

слѣдуютъ краткія, но выразительныя фразы: «Возвращеніе къ Пушкину. Les révélations. Его бѣшенство». Révélations—это, конечно, тѣ открытія, которыя только-что выслушалъ Жуковскій отъ Геккерена. Открытія эти возмутили Пушкина до крайней степени, до степени «бѣшенства». Простодушному Жуковскому можно было отвести глаза, можно было внушить, что предметомъ исканій Дантеса была не жена Пушкина, а ея сестра! Но какъ можно было убѣдить въ этомъ Пушкина, какъ можно было пытаться говорить объ этомъ Пушкину, когда объ ухаживаніяхъ Дантеса за Натальей Николаевной, объ его влюбленности въ нее онъ зналъ отъ нея самой! Она сама созналась въ легкомысленной снисходительности къ ухаживаніямъ Дантеса; наконецъ, Пушкинъ видѣлъ, что «красивая наружность, несчастная страсть и двухлѣтнее постоянство» произвели уже дѣйствіе на сердце его жены. Смѣшно было убѣждать Пушкина въ противномъ, и потому нетрудно представить «бѣшенство» Пушкина въ отвѣтъ на открытія Жуковскаго и Геккерена. Въ упоминаніи о проектѣ женитьбы онъ увидѣлъ низкую и трусливую попытку увильнуть отъ дуэли. Пушкинъ способенъ былъ на бѣшеное изліяніе своихъ страстей, но онъ былъ прямой человѣкъ. И если, вызывая Дантеса, онъ могъ думать, что тотъ по-своему, но все-таки искренне увлеченъ Натальей Николаевной, то теперь этотъ, такъ легко отрекающійся отъ любимой имъ женщины человѣкъ показался ему неизмѣримо низкимъ, ничтожнымъ и, вдобавокъ, презрѣннымъ трусомъ, готовымъ ускользнуть отъ выстрѣла противника въ немилыя объятія. Не имѣя рѣшительно никакой возможности повѣрить въ свою ошибку (жена вмѣсто свояченицы), Пушкинъ не повѣрилъ и серьезности намѣренія Дантеса сочетаться бракомъ съ Екатериной Николаевной Гончаровой: онъ думалъ, что Геккеренамъ было важно лишь добиться съ его стороны отказа отъ вызова и сорвать поединокъ. Для этого надо было пустить мысль о бракѣ, а потомъ можно было и отложить ея осуществленіе навѣки.

Итакъ, предстояла тяжелая задача—переубѣдить Пушкина. Время было лучшимъ помощникомъ.

Непоколебимость Пушкина въ своемъ рѣшеніи о дуэли нужно было сломить не натискомъ, а продолжительной и настойчивой осадой. Эту осаду повели Жуковскій, Геккеренъ, Загряжская. Начались переговоры, въ которые былъ вовлеченъ и Пушкинъ. Цѣль ихъ была, съ одной стороны, вывести Геккереновъ изъ области словъ о предложеніи, о свадьбѣ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ теперь же, до наступленія момента дуэли; съ другой стороны—освоить Пушкина съ мыслью о бракѣ Гончаровой и Дантеса и убѣдить его въ непремѣнномъ осуществленіи этой мысли.

Подъ 7-мъ ноября Жуковскій отмѣтилъ еще слѣдующія событія: «свиданіе съ Геккерномъ. Извѣщеніе его Вьельгорскимъ. Молодой Геккернъ у Вьельгорскаго». День 8-го ноября былъ посвященъ переговорамъ. «Геккернъ у Загряжской»,—помѣтилъ Жуковскій. Тутъ, очевидно, разговоръ сводился къ убѣжденію Геккереновъ поскорѣе выявить свои намѣренія. Жуковскій былъ у Пушкина. «Большее спокойствіе. Его слезы. То, что я говорилъ о его отношеніяхъ». Подъ 9-мъ ноября Жуковскій занесъ опять неясное слово «les révélations de Heckern». Какія разоблаченія сдѣлалъ на этотъ разъ Геккеренъ, остается неизвѣстнымъ. Но въ результатѣ ихъ Жуковскій предложилъ посредничество. «Мое предложеніе посредничества. Сцена втроемъ съ отцомъ и сыномъ. Мое предложеніе свиданія». Чтобы понять эту запись Жуковскаго, надо вспомнить двойственность его игры. Оффиціально о предполагаемой женитьбѣ Дантеса Жуковскій не могъ говорить, ибо Геккеренъ взялъ съ него слово держать это въ тайнѣ. Неоффиціальная попытка воздѣйствовать на Пушкина не только была безуспѣшна, но и чрезмѣрно раздражила его. Такимъ образомъ, дѣло не подвинулось ни на шагъ. Оставался путь оффиціальный, требовавшій въ данномъ случаѣ особаго дипломатическаго такта, и Жуковскій предложилъ себя въ посредники по переговорамъ. Мало того, онъ намѣтилъ и первый пунктъ своей посреднической программы. По его мысли, необходимо было устроить свиданіе Дантеса съ Пушкинымъ. Въ этомъ свиданіи Пушкинъ долженъ былъ играть роль человѣка, оффиціально ни о чемъ не знающаго, и пойти на выясненіе мотивовъ своего немотивированнаго вызова. Затѣмъ вступалъ въ дѣло Дантесъ и, очевидно, излагалъ свой настоящій взглядъ насчетъ женитьбы. Въ результатѣ Пушкинъ долженъ былъ взять вызовъ обратно. Таковъ былъ замыселъ Жуковскаго. Ему принадлежитъ иниціатива посредничества и свиданія, но для Пушкина эта иниціатива должна была исходить отъ самого Геккерена. Оффиціальная версія: именно Геккеренъ обратился къ Жуковскому съ просьбой о посредничествѣ. Такъ Геккеренъ и поступилъ. 9-го ноября онъ написалъ Жуковскому слѣдующее письмо [1]):

9/21 ноября 1836 года.

Милостивый Государь!

Навѣстивъ m-lle Загряжскую, по ея приглашенію, я узналъ отъ нея самой, что она посвящена въ то дѣло, о которомъ я вамъ сегодня пишу.

---

[1]) Въ подлинникѣ это письмо напечатано впервые нами въ первомъ изданіи книги, стр. 171—172.

Она же передала мнѣ, что подробности вамъ одинаково хорошо извѣстны; поэтому я могу полагать, что не совершаю нескромности, обращаясь къ вамъ въ этотъ моментъ. Вы знаете, Милостивый Государь, что вызовъ г-на Пушкина былъ переданъ моему сыну при моемъ посредничествѣ, что я принялъ его отъ его имени, что онъ одобрилъ это принятіе, и что все было рѣшено между г-мъ Пушкинымъ и мною. Вы легко поймете, какъ важно для моего сына и для меня, чтобъ эти факты были установлены непререкаемымъ образомъ: благородный человѣкъ, даже если онъ несправедливо вызванъ другимъ почтеннымъ человѣкомъ, долженъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы ни у кого въ мірѣ не могло возникнуть ни малѣйшаго подозрѣнія по поводу его поведенія въ подобныхъ обстоятельствахъ.

«Разъ эта обязанность исполнена, мое званіе отца налагаетъ на меня другое обязательство, которое представляется мнѣ не менѣе священнымъ.

«Какъ вамъ также извѣстно, Милостивый Государь, все происшедшее по сей день совершилось безъ вмѣшательства третьихъ лицъ. Мой сынъ принялъ вызовъ; принятіе вызова было его первой обязанностью, но, по меньшей мѣрѣ, надо объяснить ему, ему самому, по какимъ мотивамъ его вызвали. Свиданіе представляется мнѣ необходимымъ, обязательнымъ,— свиданіе между двумя противниками, въ присутствіи лица, подобнаго вамъ, которое сумѣло бы вести свое посредничество со всѣмъ авторитетомъ полнаго безпристрастія и сумѣло бы оцѣнить реальное основаніе подозрѣній, послужившихъ поводомъ къ этому дѣлу. Но послѣ того, какъ обѣ враждующія стороны исполнили долгъ честныхъ людей, я предпочитаю думать, что вашему посредничеству удалось бы открыть глаза Пушкину и сблизить двухъ лицъ, которыя доказали, что обязаны другъ другу взаимнымъ уваженіемъ. Вы, Милостивый Государь, совершили бы такимъ образомъ почтенное дѣло, и если я обращаюсь къ вамъ въ подобномъ положеніи, то дѣлаю это потому, что вы одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ я особливо питалъ чувства уваженія и величайшаго почтенія, съ какимъ я имѣю честь быть вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга баронъ Геккеренъ».

Съ письмомъ Геккерена въ рукахъ Жуковскій пришелъ къ Пушкину и предложилъ ему устроить свиданіе и разговоръ съ Дантесомъ. «Дантесъ хотѣлъ бы видѣться и говорить съ Пушкинымъ»,—сказалъ Пушкину Жуковскій. Какъ Жуковскій объяснялъ положеніе вещей, какъ онъ мотивировалъ желаніе Дантеса, съ какимъ дипломатическимъ подходомъ подошелъ онъ къ Пушкину, обо всемъ этомъ ясное представленіе даютъ его письма къ Пушкину, которыя теперь уже можно датировать. Предложеніе свиданія Жуковскій сдѣлалъ 9-го ноября; Пушкинъ, очевидно (если судить

по письмамъ Жуковскаго), отнесся рѣзко-опредѣленно къ предложенію Жуковскаго, столь рѣзко-опредѣленно, что Жуковскій не успѣлъ даже развить передъ нимъ всю силу своей дипломатической аргументаціи и былъ вынужденъ убѣждать Пушкина письменно. Въ тотъ же день 9-го ноября Жуковскій отправилъ Пушкину слѣдующую записку: «Я не могу еще рѣшиться почитать наше дѣло конченнымъ. Еще я не далъ никакого отвѣта старому Геккерну; я сказалъ ему въ моей запискѣ, что не засталъ тебя дома и что, не видавшись съ тобою, не могу ничего отвѣчать. И такъ есть еще возможность все остановить. Рѣши, что я долженъ отвѣчать. Твой отвѣтъ невозвратно все кончитъ. Но ради Бога одумайся. Дай мнѣ счастіе избавить тебя отъ безумнаго злодѣйства, а жену твою отъ совершеннаго посрамленія. Я теперь у Вьельгорскаго, у котораго обѣдаю» [1]).

Вечеромъ 9-го ноября Пушкинъ былъ у Вьельгорскаго, и разговоры его съ Жуковскимъ на тему о дуэли продолжались здѣсь. Придя къ Вьельгорскому, Пушкинъ увидѣлъ, что Вьельгорскій знаетъ о дуэли, и взволновался: ему показалось, что слухи о дуэли распространяются слишкомъ быстро, и недостаетъ только того, чтобы о дуэли узнали жандармскія власти. На другой день утромъ Жуковскій написалъ новое письмо Пушкину. Онъ успокаивалъ Пушкина и убѣждалъ его въ томъ, что тайна сохранится. Но главная задача письма была не въ этомъ. «Пишу это однако не для того только, чтобы тебя успокоить на счетъ сохраненія тайны. Хочу, чтобы ты не имѣлъ никакого ложнаго понятія о томъ участіи, какое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ молодой Геккернъ. Вотъ его исторія. Тебѣ уже извѣстно, что было съ первымъ твоимъ вызовомъ, какъ онъ не попался въ руки сыну, а пошелъ черезъ отца, и какъ сынъ узналъ о немъ только по истеченіи 24 часовъ, т.-е. послѣ вторичнаго свиданія отца съ тобою. Въ день моего пріѣзда, въ то время, когда я у тебя встрѣтилъ Геккерна, сынъ былъ въ караулѣ и возвратился домой. А на другой день въ часъ, за какую-то ошибку, онъ долженъ былъ дежурить три дня не въ очередь. Вчера онъ въ послѣдній разъ былъ въ караулѣ и нынче съ часа пополудни будетъ свободенъ. Эти обстоятельства изъясняютъ, почему онъ лично не могъ участвовать въ томъ, что дѣлалъ его бѣдный отецъ, силясь отбиться отъ несчастія, котораго одно ожиданіе сводитъ его съ ума. Сынъ, узнавъ положеніе дѣлъ, хотѣлъ непремѣнно видѣться съ тобой, но отецъ, испугавшись свиданія, обратился ко мнѣ. Не желая быть зрителемъ или актеромъ въ трагедіи, я предложилъ свое посредство, то-есть, хотѣлъ предложить его, написавъ въ

---

[1]) «Переписка», III, 400.

отвѣтъ отцу то письмо, котораго брульонъ тебѣ показывалъ, но котораго не послалъ и не пошлю. Вотъ все. Нынче по утру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо изъ разговоровъ съ тобою вчера убѣдился, что посредство ни къ чему не послужитъ, почему я и не намѣренъ никого подвергать непріятности отказа. Старый Геккернъ такимъ образомъ не узнаетъ, что попытка моя съ письмомъ его не имѣла успѣха. Это письмо будетъ ему возвращено и мое вчерашнее оффиціальное свиданіе съ тобою можетъ считаться не бывшимъ.

«Все это я написалъ для того, что счелъ святѣйшею обязанностію засвидѣтельствовать передъ тобою, что молодой Геккернъ во всемъ томъ, что дѣлалъ его отецъ, былъ совершенно посторонній, что онъ также готовъ драться съ тобою, какъ и ты съ нимъ, и что онъ также боится, чтобы тайна не была какъ-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Онъ въ отчаяніи, но вотъ что мнѣ сказалъ: «Я приговоренъ къ гильотинѣ, я прибѣгаю къ милости; если мнѣ это не удастся—придется взойти на гильотину. И я взойду, такъ какъ люблю честь моего сына такъ же, какъ и его жизнь».— Этимъ свидѣтельствомъ роль, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается»... [1]).

Но Пушкинъ былъ непреклоненъ, и Жуковскому пришлось поступить такъ, какъ онъ хотѣлъ: онъ вернулъ Геккерену его письмо. Это письмо хранится до сего дня въ архивѣ барона Дантесъ-Геккерена. Въ своемъ конспектѣ событій подъ 10-мъ ноября Жуковскій записалъ: «Молодой Геккернъ у меня. Я отказываюсь отъ свиданія. Мое письмо къ Геккерну. Его отвѣтъ. Мое свиданіе съ Пушкинымъ».

Пушкинъ не пошелъ ни на какіе компромиссы, и роль Жуковскаго, весьма жалко и неудачно сыгранная, закончилась. Дружеское воздѣйствіе Жуковскаго не принесло желанныхъ результатовъ и уступило мѣсто воздѣйствію родственному. Въ дѣло вступила Екатерина Ивановна Загряжская, а отказавшійся Жуковскій игралъ роль ея пособника. Въ его конспективныхъ запискахъ читаемъ помѣту: «посылка ко мнѣ Е. И. Что Пушк. сказалъ Александринѣ». Слова Пушкина Александринѣ, очевидно, заключали въ себѣ что-то значительное, но что именно, сказать мы сейчасъ не можемъ, да и врядъ ли будемъ имѣть возможность. Но, очевидно, результатомъ посѣщенія Жуковскимъ Загряжской было отмѣченное имъ въ запискѣ его «посѣщеніе Геккерна». У Геккерена Жуковскій, конечно, говорилъ все о томъ же,—какъ уладить дѣло. Если бы Геккерены привели въ

[1]) «Переписка», III, 401—402.

исполненіе свой матримоніальный проектъ, то Пушкинъ взялъ бы вызовъ обратно—въ этомъ, очевидно, и Жуковскій, и Загряжская были убѣждены. Но Геккеренъ упирался и говорилъ, что невозможно приступить къ осуществленію этого проекта до тѣхъ поръ, пока Пушкинъ не возьметъ вызова, ибо въ противномъ случаѣ въ свѣтѣ намѣреніе Дантеса жениться на Гончаровой приписали бы трусливому желанію избѣжать дуэли. Упомянувъ въ конспектѣ о посѣщеніи Геккерена, Жуковскій записываетъ: «Его требованіе письма». Путь компромисса былъ указанъ, и иниціатива замиренія, по мысли Геккерена, должна была исходить отъ Пушкина. Онъ, Пушкинъ, долженъ былъ послать Геккерену письмо съ отказомъ отъ вызова. Этотъ отказъ устраивалъ бы господъ Геккереновъ. Но Пушкинъ не пошелъ и на это. «Отказъ Пушкина. Письмо, въ которомъ упоминаетъ о сватовствѣ»,—записываетъ въ конспектѣ Жуковскій. Эта запись легко поддается комментарію. Пушкинъ соглашался написать письмо съ отказомъ отъ вызова, но такое письмо, въ которомъ было бы упомянуто о сватовствѣ, какъ о мотивѣ отказа. Пушкинъ хотѣлъ сдѣлать то, что Геккерену было всего непріятнѣе. Есть основанія утверждать, что такое письмо было дѣйствительно написано Пушкинымъ и вручено Геккерену-отцу [1]). Но оно, конечно, оказалось непріемлемымъ для Геккереновъ.

12-го ноября произошло новое совѣщаніе Геккерена съ Загряжской, на которомъ выработанъ новый планъ воздѣйствія на Пушкина. Загряжская должна была лично переговорить съ Пушкинымъ и утверждать, что иниціатива брака Дантеса и Гончаровой исходитъ отъ нея, что старый Геккеренъ долго не соглашался на этотъ бракъ, но теперь согласился, и бракъ состоится сейчасъ же послѣ дуэли. Сколько правды въ этихъ заявленіяхъ Загряжской и сколько дипломатіи, которою надо было опутать Пушкина, сказать трудно. Я выше указывалъ на то, что слухи о женитьбѣ Дантеса на Гончаровой существовали гораздо раньше 4-го ноября. Содержаніе той бесѣды, которую должна была имѣть Загряжская съ Пушкинымъ, можно узнать изъ неизданнаго письма Геккерена къ Загряжской, которое онъ написалъ ей 13-го ноября утромъ:

«Послѣ безпокойной недѣли я былъ такъ счастливъ и спокоенъ вечеромъ, что забылъ просить васъ, сударыня, сказать въ разговорѣ, который вы

---

[1]) Указаніе на существованіе этого письма находится въ Воспоминаніяхъ графа Соллогуба. Объ этомъ указаніи дадимъ разъясненія дальше. Этого письма нельзя, во всякомъ случаѣ, отожествлять съ письмомъ къ графу В. А. Соллогубу («Переписка», т. III, № 1101, стр. 183).

будете имѣть сегодня, что намѣреніе, которымъ вы заняты, о К. и моемъ сынѣ существуетъ уже давно, что я противился ему по извѣстнымъ вамъ причинамъ, но, когда вы меня пригласили придти къ вамъ, чтобы поговорить, я вамъ заявилъ, что дальше не желаю отказывать въ моемъ согласіи, съ условіемъ, во всякомъ случаѣ, сохранять все дѣло въ тайнѣ до окончанія дуэли, потому что съ момента вызова П. оскорбленная честь моего сына обязывала меня къ молчанію. Вотъ въ чемъ главное, такъ какъ никто не можетъ желать обезчестить моего Жоржа, хотя, впрочемъ, и желаніе было бы напрасно, ибо достигнуть этого никому не удалось бы. Пожалуйста, сударыня, пришлите мнѣ словечко послѣ вашего разговора, страхъ опять охватилъ меня, и я въ состояніи, которое не поддается описанію.

«Вы знаете тоже, что съ Пушкинымъ не я уполномачивалъ васъ говорить, что это вы дѣлаете сами по своей волѣ, чтобы спасти своихъ».

Читая это письмо, чувствуешь, что Геккеренъ боится, какъ бы Загряжская чего не напутала, не сбилась, и, простившись съ ней наканунѣ, спѣшитъ послать къ ней подробнѣйшее наставленіе.

Въ какой мѣрѣ Пушкинъ былъ убѣжденъ рѣчами Загряжской, мы не знаемъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, согласился на свиданіе съ Геккереномъ у Загряжской, которое и состоялось, можетъ быть, уже 13-го ноября или же 14-го ноября. Очевидно, Пушкинъ тутъ уже въ нѣсколько оффиціальной обстановкѣ, въ присутствіи Загряжской и Геккерена, выслушалъ сообщеніе о предполагаемой свадьбѣ Дантеса и Гончаровой, и тутъ же съ него было взято слово, что все сообщенное ему останется тайной. Къ этому именно свиданію относится упоминаніе Жуковскаго въ письмѣ къ Пушкину: «Все это очень хорошо, особливо послѣ обѣщанія, даннаго тобою Геккерну въ присутствіи твоей тетушки (которая мнѣ о томъ сказывала), что все происшедшее останется тайною» [1]). Выслушавъ оффиціальное заявленіе, Пушкинъ нашелъ возможнымъ пойти на уступки и согласился взять свой вызовъ обратно. Старшій Геккеренъ долженъ былъ передать отказъ Пушкина своему пріемному сыну.

Пушкинъ далъ слово держать втайнѣ сообщенный ему проектъ бракосочетанія Дантеса и Гончаровой, но, кажется, онъ не считалъ себя особо связаннымъ имъ. Тутъ были особыя причины. Вѣдь онъ-то зналъ, что всѣ симпатіи Дантеса были на сторонѣ Натальи Николаевны и что проектъ женитьбы на Екатеринѣ Николаевнѣ есть только отводъ глазъ; не вѣрилъ онъ въ искренность и дѣйствительность желаній Дантеса и укрѣпился въ

[1]) «Переписка», III, № 1096, стр. 404.

убѣжденіи, что все это дѣлается съ исключительнымъ намѣреніемъ избѣжать дуэли. Этотъ образъ дѣйствій ему былъ противенъ, и онъ въ нѣкоторой степени афишировалъ низость Дантеса, разсказывая, правда, въ ближайшемъ кругу, о матримоніальныхъ планахъ Дантеса. Отъ нескромности Пушкина трепеталъ Жуковскій, который все боялся, что разглашеніе тайны Пушкинымъ станетъ извѣстно Геккеренамъ, они откажутся отъ брака и, слѣдовательно, дуэли не миновать. До насъ дошло два длиннѣйшихъ письма къ Пушкину Жуковскаго, въ которыхъ онъ выговариваетъ поэту за его нескромность. Онъ съ необыкновеннымъ жаромъ ратуетъ за Геккереновъ, за чистоту ихъ намѣреній. Письма Жуковскаго столь характерны, что я позволю себѣ привести ихъ почти цѣликомъ [1]):

«Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже противъ меня несправедливо. Зачѣмъ ты разсказалъ обо всемъ Екатеринѣ Андреевнѣ и Софьѣ Николаевнѣ? [2]) Чего ты хочешь? Сдѣлать невозможнымъ то, что теперь должно кончиться для тебя самого наилучшимъ образомъ. Думалъ долго о томъ, что ты мнѣ вчера говорилъ; я нахожу твое предположеніе совершенно невѣроятнымъ, и имѣю причину быть увѣреннымъ, что во всемъ томъ, что случилось для отвращенія драки, молодой Геккернъ ни мало не участвовалъ. Все это дѣло отца и весьма натурально, чтобы онъ на все рѣшился, дабы отвратить свое несчастіе. Я видѣлъ его въ такомъ положеніи, котораго нельзя выдумать и сыграть, какъ роль. Я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что молодой совершенно въ сторонѣ, и на это в ч е р а еще имѣлъ доказательство. Получивъ отъ стараго Г. доказательство матеріальное, что дѣло, о коемъ теперь идутъ толки, затѣяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я далъ ему совѣтъ поступить такъ, какъ онъ и поступилъ, основываясь на томъ, что, если т а й н а с о х р а н и т с я, то никакого безчестія не падетъ на его сына, что и ты самъ не можешь предполагать, чтобы онъ хотѣлъ избѣжать дуэли, который имъ принятъ, именно потому, что не онъ хлопочетъ, а отецъ о его отвращеніи. Въ этомъ послѣднемъ я увѣренъ, вчера еще болѣе увѣрился и всѣмъ готовъ сказать, что молодой Г. съ этой стороны совершенно чистъ. Это я сказалъ и Карамзинымъ, запретивъ имъ крѣпко-на-крѣпко говорить о томъ, что слышали объ тебѣ, и увѣривъ ихъ, что вамъ непремѣнно надобно будетъ драться

---

[1]) «Переписка», III, 402—405.

[2]) Екатерина Андреевна Карамзина, вдова историка. Пушкинъ относился къ ней съ большимъ уваженіемъ и любовью. Умирая, онъ просилъ вызвать ее къ нему и благословить его. Софья Николаевна—дочь Карамзина.

если тайна теперь или даже послѣ откроется. И такъ требую отъ тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у насъ умерла навсегда. Говорю для себя вотъ почему: полагая, что всѣ обстоятельства, сообщенныя мнѣ отцемъ Геккерномъ, справедливы (въ чемъ я не имѣлъ причины и нужды сомнѣваться), я сказалъ, что почитаю его, какъ отца, въ правѣ и даже обязательно предупредить несчастіе открытіемъ дѣла какъ оно есть; что это открытіе будетъ въ то же время и репараціею того, что было сдѣлано противъ твоей чести передъ свѣтомъ. Хотя я не вмѣшанъ въ самое дѣло, но совѣтъ мною данъ. Не могу же я согласиться принять участіе въ посрамленіи человѣка, котораго честь пропадаетъ, если тайна будетъ открыта. А эта тайна хранится теперь между нами; намъ ее должно и беречь. Прошу тебя въ этомъ случаѣ беречь и мою совѣсть. Если что-нибудь откроется и я буду это знать, то уже мнѣ по совѣсти нельзя будетъ утверждать того, что неминуемо должно нанести безчестіе. Напротивъ, я долженъ буду подать совѣтъ противный. Избавь меня отъ такой горестной необходимости. Совѣтъ есть человѣкъ; не могу же находить приличнымъ другому такого поступка, который осрамилъ бы самого меня на его мѣстѣ. И такъ требую тайны теперь и послѣ. Сохраненіемъ этой тайны ты также обязанъ и самому себѣ, ибо въ этомъ дѣлѣ и съ твоей стороны есть много такого, въ чемъ долженъ ты сказать: виноватъ! Но болѣе всего ты долженъ хранить ее для меня: я въ это дѣло замѣшанъ невольно и не хочу, чтобы оно оставило мнѣ какое-нибудь нареканіе; не хочу, чтобы кто-нибудь имѣлъ право сказать, что я нарушилъ довѣренность, мнѣ оказанную. Я увижусь съ тобою передъ обѣдомъ. Дождись меня».

Это письмо не подѣйствовало на Пушкина, и онъ продолжалъ совершать нескромности. Жуковскій вновь писалъ ему: «Вотъ что приблизительно ты сказалъ княгинѣ третьяго дня, уже имѣя въ рукахъ мое письмо: «Я знаю автора анонимныхъ писемъ, и черезъ недѣлю вы услышите, какъ будутъ говорить о мести, единственной въ своемъ родѣ; она будетъ полная, совершенная; она броситъ человѣка въ грязь; громкіе подвиги Раевскаго—дѣтская игра передъ тѣмъ, что я намѣренъ сдѣлать», и тому подобное».

Но Жуковскій не считался съ Пушкинымъ, не принималъ во вниманіе его взглядовъ на виновниковъ событія и только, какъ завороженный, продолжалъ твердить объ одномъ: о томъ, что надо хранить тайну и что несохраненіе тайны компрометируетъ его, Жуковскаго. «Все это очень хорошо»,—продолжалъ въ письмѣ Жуковскій,—«особливо послѣ обѣщанія, даннаго тобою Геккерну въ присутствіи твоей тетушки (которая мнѣ о томъ

сказывала), что все происшедшее останется тайною. Но скажи мнѣ, какую роль во всемъ этомъ я играю теперь и какую долженъ буду играть послѣ передъ добрыми людьми, какъ скоро все тобою самимъ обнаружится и какъ скоро узнаютъ, что и моего тутъ меду капля есть? И какимъ именемъ и добрые люди, и Геккернъ, и самъ ты наградите меня, если, зная предварительно о томъ, что ты намѣренъ сдѣлать, приму отъ тебя письмо, написанное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидѣтельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится и что каждаго честь останется неприкосновенною. Хорошо, что ты самъ обо всемъ высказалъ и что все это мой добрый Геній довелъ до меня заблаговременно. Само по себѣ разумѣется, что я ни о чемъ случившемся не говорилъ княгинѣ. Не говорю теперь ничего и тебѣ: дѣлай, что хочешь. Но булавочку свою беру изъ игры вашей, которая теперь съ твоей стороны жестоко мнѣ не нравится. А если Геккернъ вздумаетъ отъ меня истребовать совѣта, то не долженъ ли я по совѣсти сказать ему: остерегитесь. Я это и сдѣлаю».

9.

Дѣло все же казалось слаженнымъ. Какъ бы то ни было, а Пушкинъ все-таки согласился отказаться отъ вызова. Но тутъ пришла новая бѣда,— съ совершенно противоположной стороны. На сцену явилось дѣйствующее лицо, которое до сихъ поръ выступало безъ словъ. Это—Дантесъ.

До сихъ поръ о немъ говорили, за него высказывались, за него принимали рѣшенія,—теперь началъ дѣйствовать онъ самъ. По существу дѣло было очевидное: женитьба на Екатеринѣ Гончаровой была компромиссной сдѣлкой, средствомъ избѣжать дуэли (пусть такъ было для Геккерена) или охранить репутацію Натальи Николаевны (пусть такъ было для Дантеса). Для Дантеса было ясно, что такъ понималъ дѣло Пушкинъ. Наступилъ моментъ ликвидировать дѣло, и тутъ, когда Дантесъ остался наединѣ съ самимъ собой, передъ его умственнымъ взоромъ освѣтилась вдругъ вся закулисная дѣйствительность, заговорили голоса чести и благородства, и онъ сдѣлалъ неожиданный ходъ, который, конечно, былъ принятъ безъ вѣдома Геккерена и который чуть было не спуталъ всѣ карты въ этой игрѣ. Объ этомъ движеніи души Дантеса, невѣдомомъ для біографовъ поэта, мы узнаемъ впервые изъ найденныхъ нами матеріаловъ.

Въ архивѣ барона Геккерена хранится листокъ, писанный Дантесомъ. На этомъ листкѣ изложены слѣдующія размышленія Дантеса:

«Я не могу и не долженъ согласиться на то, чтобы въ письмѣ находилась

фраза, относящаяся къ m-lle Гончаровой: вотъ мои соображенія, и я думаю, что г. Пушкинъ ихъ пойметъ. Объ этомъ можно заключить по той формѣ, въ которой поставленъ вопросъ въ письмѣ.

«Жениться или драться». Такъ какъ честь моя запрещаетъ мнѣ принимать условія, то эта фраза ставила бы меня въ печальную необходимость принять послѣднее рѣшеніе. Я еще настаивалъ бы на немъ, чтобы доказать, что такой мотивъ брака не можетъ найти мѣста въ письмѣ, такъ какъ я уже предназначилъ себѣ сдѣлать это предложеніе послѣ дуэли, если только судьба будетъ мнѣ благопріятна. Необходимо, слѣдовательно, опредѣленно констатировать, что я сдѣлаю предложеніе m-lle Екатеринѣ не изъ-за соображеній сатисфакціи или улаженія дѣла, а только потому, что она мнѣ нравится, что таково мое желаніе и что это рѣшено единственно моей волей»[1].

Эти размышленія набросаны Дантесомъ сейчасъ же вслѣдъ за такой замѣткой, имъ же написанной вверху листка:

«Въ виду того, что г. баронъ Жоржъ де-Геккеренъ принялъ вызовъ на дуэль, отправленный ему при посредствѣ барона Геккерена, я прошу г. Ж. де Г. благоволить смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на несуществовавшій, убѣдившись, случайно, по слухамъ, что мотивъ, управлявшій поведеніемъ г. Ж. де Г., не имѣлъ въ виду нанести обиду моей чести—единственное основаніе, въ силу котораго я счелъ себя вынужденнымъ сдѣлать вызовъ»[2].

Это, очевидно, составленный самимъ Дантесомъ проектъ письма, которое долженъ былъ бы написать Пушкинъ и которое было бы пріемлемо для Геккереновъ.

Отъ размышленій Дантесъ перешелъ къ дѣлу. Онъ возмутился и написалъ примѣчательное письмо къ Пушкину, также впервые появившееся среди нашихъ матеріаловъ. Прежде, чѣмъ привести это письмо, необходимо остановиться на недоумѣніи, вызываемомъ первыми его строками. «Баронъ Геккеренъ сообщилъ ему, что онъ уполномоченъ увѣдомить его, что всѣ тѣ основанія, по которымъ онъ былъ вызванъ Пушкинымъ, перестали существовать, и что посему онъ можетъ смотрѣть на этотъ поступокъ, какъ на не имѣвшій мѣста»—вотъ слова Дантеса. Выходитъ, какъ будто баронъ Геккеренъ не сообщилъ Дантесу о письмѣ Пушкина съ упоминаніемъ о сватовствѣ, и будто онъ словесно передалъ объ отказѣ Пушкина отъ поединка безъ какихъ бы то ни было мотивовъ. А въ запискѣ, писанной про себя, Дантесъ даже говоритъ о формѣ, въ которой поставленъ вопросъ;

---

[1]) Напечатано впервые въ нашей книгѣ, I-ое изд., стр. 175.

[2]) Тамъ-же.

значитъ, о письмѣ не только зналъ, но и читалъ. Въ объясненіе этого разнорѣчія приходится сдѣлать ссылку на двойственность, проникающую всѣ поступки дѣйствующихъ въ исторіи дуэли лицъ: оффиціально—одно, неоффиціально—другое; всѣ играютъ роли, передъ одними одну, передъ другими другую, иногда прямо противоположнаго амплуа! Оффиціально обращаясь къ Пушкину, Дантесъ хотѣлъ бы убѣдить его въ томъ, что о письмѣ его онъ не знаетъ и отказъ Пушкина отъ поединка дошелъ до него совершенно не мотивированнымъ. Дантесъ писалъ Пушкину [1]):

«Милостивый Государь.

«Баронъ Геккеренъ сообщилъ мнѣ, что онъ уполномоченъ г-номъ [2]) увѣдомить меня, что всѣ тѣ основанія, по которымъ вы вызвали меня, перестали существовать, и что посему я могу смотрѣть на этотъ вашъ поступокъ, какъ на не имѣвшій мѣста.

«Когда вы вызвали меня безъ объясненія причинъ, я безъ колебаній принялъ этотъ вызовъ, такъ какъ честь обязывала меня это сдѣлать. Въ настоящее время вы увѣряете меня, что вы не имѣете болѣе основаній желать поединка. Прежде, чѣмъ вернуть вамъ ваше слово, я желаю знать, почему вы измѣнили свои намѣренія, не уполномочивъ никого представить вамъ объясненія, которыя я располагалъ дать вамъ лично. Вы первый согласились съ тѣмъ, что прежде, чѣмъ взять свое слово обратно, каждый изъ насъ долженъ представить объясненія для того, чтобы впослѣдствіи мы могли относиться съ уваженіемъ другъ къ другу».

Письмо это передано было Пушкину. Одновременно или почти одновременно Дантесъ сдѣлалъ еще одинъ «рыцарскій» ходъ, отправивъ къ Пушкину секунданта Аршіака съ заявленіемъ, что срокъ двухнедѣльной отсрочки кончился, и онъ, Дантесъ, къ услугамъ Пушкина. Напрашивается предположеніе, не было ли письмо передано именно Аршіакомъ и не являлся ли составленный Дантесомъ проектъ письма отъ имени Пушкина руководственнымъ указаніемъ того, чего долженъ былъ добиваться Аршіакъ. Дантесъ не жаждалъ, очевидно, кровавой встрѣчи; онъ надѣялся на мирное разрѣшеніе вопроса съ непремѣннымъ условіемъ соблюденія приличій. Мы знаемъ теперь, что у Пушкина въ это время уже былъ опредѣленный взглядъ на лица и дѣла: брачный проектъ Дантеса казался ему низкимъ и его роль—жалкой (pitoyable), а о Геккеренѣ онъ зналъ достовѣрно, что

[1]) Письмо впервые появилось въ нашей книгѣ,—изд. I-ое, стр. 174.
[2]) Къ величайшему сожалѣнію, фамилія осталась неразобранной.

онъ былъ авторомъ подметныхъ писемъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на Пушкина выходка Дантеса, предпринятая съ «благородными» намѣреніями! Въ конспективныхъ замѣткахъ Жуковскаго читаемъ выразительную строчку, не требующую никакихъ поясненій:

«Письмо Дантеса къ Пушкину и его бѣшенство» [1]).

10.

Обращеніе Дантеса къ Пушкину съ письмомъ и съ предложеніемъ своихъ услугъ по части дуэли произвело эффектъ, на который онъ ужъ никакъ не разсчитывалъ: Пушкинъ пришелъ въ ярость, и Дантесу пришлось спасаться отъ его гнѣва. Вслѣдъ за упоминаніемъ о «бѣшенствѣ» Пушкина въ конспективныхъ замѣткахъ Жуковскій записалъ:

«Снова дуэль. Секундантъ. Письмо Пушкина».

Эти три фразы расшифровать не трудно. Участникомъ событій, очерченныхъ въ этихъ пяти словахъ, былъ «секундантъ» графъ В. А. Соллогубъ, оставившій воспоминанія, въ общемъ своемъ содержаніи весьма достовѣрныя и ошибочныя лишь въ частностяхъ. Предоставимъ слово этому очевидцу и участнику, попутно указывая неточности его разсказа [2]).

Мы уже знаемъ, что графъ В. А. Соллогубъ доставилъ Пушкину присланный въ конвертѣ на его имя пасквиль. При встрѣчѣ съ поэтомъ черезъ нѣсколько дней Соллогубъ спросилъ его, не добрался ли онъ до составителя подметныхъ писемъ. Пушкинъ отвѣчалъ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. Графъ В. А. Соллогубъ предложилъ Пушкину свои услуги въ качествѣ секунданта. Пушкинъ сказалъ: «Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка мнѣ желательно для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности». Этотъ разговоръ проис-

---

[1]) Письмо Дантеса къ Пушкину извлечено изъ архива барона Геккерена. Оно, очевидно, является копіей того, которое было послано Пушкину. Косвенное подтвержденіе находимъ въ одномъ *черновикѣ*, напечатанномъ въ «Перепискѣ», III, № 1101, стр. 409—410. Тутъ есть фраза, являющаяся прямымъ отвѣтомъ на письмо Дантеса: «Pour avoir tenu envers ma femme une conduite qu'il ne me convient pas de souffrir (*en cas que M-r Heeckeren exige que la provocation soit motivée*)». См. прим. 2 на стран. 98.

[2]) Воспоминанія эти напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 г., стр. 1203—1239, и отдѣльно подъ заглавіемъ «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина», М. 1866. Ссылокъ на страницы не дѣлаю.

ходилъ до полученія письма Дантеса и до истеченія двухнедѣльной отсрочки дуэли. Повидимому, самъ Пушкинъ уже пришелъ къ заключенію, что дуэли не будетъ, но полученіе письма Дантеса измѣнило его настроеніе. Графъ Соллогубъ разсказываетъ:

«У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына[1]). Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій». Въ этомъ описаніи Соллогуба чувствуются отголоски того «бѣшенства», картину котораго наблюдалъ Жуковскій.

Вечеромъ 16-го ноября графъ Соллогубъ поѣхалъ на большой раутъ къ графу Фикельмону, австрійскому посланнику. Къ этому рауту относится, надо думать, темная для насъ запись Жуковскаго въ конспектѣ: «Записка Н. Н. ко мнѣ и мой совѣтъ. Это было на (балѣ) раутѣ Фикельмона». Запись свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, о тянущемся, неопредѣленномъ положеніи. Не только прямымъ участникамъ, но и ближайшимъ къ дѣйствующимъ лицамъ было извѣстно, что Дантесъ собирается жениться, а оффиціально дѣло все не получало соотвѣтственнаго разрѣшенія; и неизвѣстная намъ записка Натальи Николаевны Пушкиной къ Жуковскому, по всей вѣроятности, была вызвана побужденіемъ ликвидировать дѣло.

«На раутѣ»,—вспоминаетъ графъ Соллогубъ: «всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на раутѣ не было), отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Геккеренъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе, чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса

---

[1]) Здѣсь память измѣнила графу Соллогубу. Старшій сынъ Карамзина, Андрей Николаевичъ, родился 24-го октября 1814 года. Въ это время онъ находился за границей. Очевидно, графъ Соллогубъ былъ на иномъ семейномъ торжествѣ у Карамзиныхъ: 16-го ноября былъ день рожденія вдовы Карамзина, Екатерины Андреевны (род. 16-го ноября 1780 года).

я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ. «Я человѣкъ честный,—отвѣчалъ онъ,—и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ, какая лежала на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россiей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной [1]). Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русскаго рука на него бы не поднялась; но французу русской славы жалѣть было нечего.

«На другой день [2]) погода была страшная,—снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться насчетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ; что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Геккерена, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли [3]).

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой [4]).

«Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья [5]), причину двухнедѣльной отсрочки, причину ук-

---

[1]) Соллогубъ имѣетъ въ виду вызовъ на дуэль, который Пушкинъ послалъ ему весной 1836 года.

[2]) Т.-е., 17-го ноября.

[3]) Врядъ ли такая записка была! Геккеренъ лично просилъ объ отсрочкѣ Пушкина. Если бы такая записка и была, то она находилась бы скорѣе въ рукахъ Пушкина.

[4]) Это письмо, надо думать, не было показано Геккереномъ Дантесу, также, какъ и второе, писанное по настоянію д'Аршіака и Соллогуба.

[5]) Бѣлое платье, по мнѣнію Соллогуба, означало помолвку Дантеса и Екатерины Гончаровой, но въ это время ея еще не было, такъ какъ все дѣло велось пока неоффиціально.

живанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ [1]).

«Вотъ положеніе дѣла,—сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухнедѣльный срокъ [2]), и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе». Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью и самъ скоро потомъ умеръ насильственной смертью на охотѣ. Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ,—то, что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту».

Секундантамъ, дѣйствительно, было надъ чѣмъ поломать голову. Дантесъ не соглашался принять отказъ Пушкина отъ вызова, такъ какъ отказъ этотъ былъ мотивированъ дошедшими до Пушкина «слухами» о намѣреніи Дантеса жениться. Въ письмѣ къ Пушкину Дантесъ сдѣлалъ видъ,

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Воспоминаній Соллогуба имѣется слѣдующее отступленіе, содержащее собственныя соображенія разсказчика: «Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъимяннаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи онъ не сталъ бы дожидать подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, что онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти, или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ».

[2]) Здѣсь маленькая неточность. Аршіакъ былъ у Пушкина 16-го ноября; въ это время двухнедѣльный срокъ не истекъ, а только истекалъ. Если анонимныя письма были получены 4-го ноября (такъ отмѣтилъ и Жуковскій, и Пушкинъ) и если вызовъ былъ посланъ 5-го или даже уже 4-го ноября, то двухнедѣльный срокъ кончался 18-го или 19-го ноября. Значитъ, Дантесъ упредилъ событія и направилъ свое письмо секунданту, не дожидаясь конца отсрочки.

что этотъ мотивъ ему даже неизвѣстенъ, что отказъ переданъ ему безъ всякихъ мотивовъ, и наивно требовалъ отъ Пушкина, чтобы тотъ объяснился съ нимъ, дабы «впослѣдствіи они могли относиться съ уваженіемъ другъ къ другу». Пушкинъ, отвѣтившій новымъ вызовомъ на выходку Дантеса, былъ въ такомъ состояніи, что убѣждать его въ необходимости вступить въ объясненія съ Дантесомъ или измѣнить мотивы отказа отъ перваго вызова было бы дѣломъ прямо невозможнымъ. И если въ этомъ столкновеніи одна изъ сторонъ должна была въ чемъ-то поступиться, то такой стороной могъ быть только Дантесъ—такъ смотрѣли на дѣло секунданты; и потому въ разговорахъ, происходившихъ безъ участія Дантеса, они рѣшились принести въ жертву его интересы. Быть можетъ, они рѣшились на это потому, что видѣли, что и Дантесу хотѣлось только одного: закончить дѣло безъ скандаловъ и поединковъ, и были увѣрены, что Дантесъ посмотритъ сквозь пальцы на отступленія отъ его воли, которыя собирались допустить секунданты.

Въ результатѣ переговоровъ графъ Соллогубъ написалъ Пушкину записку. Въ «Воспоминаніяхъ» своихъ графъ Соллогубъ приводитъ по памяти эту записку, добавляя: «точныхъ словъ я не помню, но содержаніе вѣрно». Записка Соллогуба послѣ смерти Пушкина была найдена въ бумагахъ Пушкина и передана на храненіе въ III Отдѣленіе. Опубликована только въ самое послѣднее время [1]). Приводимъ текстъ записки въ переводѣ съ французскаго подлинника.

«Я былъ, согласно Вашему желанію, у г. д'Аршіака, чтобы условиться о времени и мѣстѣ. Мы остановились на субботѣ, такъ какъ въ пятницу я не могу быть свободенъ, въ сторонѣ Парголова, раннимъ утромъ, на 10 шаговъ разстоянія. Г. д'Аршіакъ добавилъ мнѣ конфиденціально, что баронъ Геккеренъ окончательно рѣшилъ объявить о своемъ брачномъ намѣреніи, но, удерживаемый опасеніемъ показаться желающимъ избѣжать дуэли, онъ можетъ сдѣлать это только тогда, когда между вами все будетъ кончено и Вы засвидѣтельствуете словесно передо мной или г. д'Аршіа-

[1]) «Переписка», т. III, № 1100, стр. 408; здѣсь напечатанъ и «черновикъ» этой записки, предварительно появившійся въ книгѣ проф. И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» (С.-Пб. 1903, 292—293). Проф. Шляпкинъ сомнѣвается въ томъ, что рукопись черновика является оригиналомъ. И, дѣйствительно, странно: приходится предположить, что графъ Соллогубъ передъ тѣмъ, какъ написать по-французски письмо Пушкину, составилъ еще черновичокъ по-русски. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло не съ черновикомъ, а просто съ переводомъ французскаго текста на русскій.

комъ, что Вы не приписываете его брака разсчетамъ, недостойнымъ благороднаго человѣка.

«Не имѣя отъ Васъ полномочія согласиться на то, что я одобряю отъ всего сердца, я прошу Васъ, во имя Вашей семьи, согласиться на это предложеніе, которое примиритъ всѣ стороны. Нечего говорить о томъ, что г. д'Аршіакъ и я будемъ порукою Геккерена. Будьте добры дать отвѣтъ тотчасъ»[1]).

Записка Соллогуба заключала минимумъ желаній, съ которыми можно было обратиться къ Пушкину. Въ то же время, по содержанію своему, она не соотвѣтствовала вожделѣніямъ Дантеса; они остались пренебреженными, и текстъ записки не былъ сообщенъ Дантесу. Надо отмѣтить, что Соллогубъ просилъ у Пушкина не письменнаго, а *словеснаго* заявленія объ увѣренности въ благонамѣренности поступка Дантеса.

«Д'Аршіакъ,—разсказываетъ Соллогубъ—прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея Дантесу, несмотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите». Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ везти на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако, онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».

---

[1]) «Очень мнѣ памятно число 21-го ноября, потому что 20-го было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой»,—замѣчаетъ графъ Соллогубъ. Замѣчаніе очень точное. 20-ое ноября приходилось въ 1837 г. именно въ пятницу, а отецъ Соллогуба родился 20-го ноября 1784 г. (см. «Остафьевскій Архивъ», т. II, стр. 505; указаніе «Петербургскаго Некрополя», т. IV, стр. 133, на 22-е ноября неправильно). Чтобы судить, насколько хорошо память Соллогуба сохранила подробности событія, приводимъ текстъ его записки, какой онъ приводитъ въ Воспоминаніяхъ по памяти.

«Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21-го ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ, какъ *честный* человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр.

Это письмо Пушкина, переданное Соллогубомъ по памяти, хранится въ архивѣ барона Геккерена [1]); впервые оно стало намъ извѣстнымъ по копіи въ военно-судномъ дѣлѣ, изданномъ въ 1900 году [2]). Приводимъ подлинный текстъ въ переводѣ.

«Я не колеблюсь написать то, что я могу заявить словесно [3]). Я вызвалъ г. Ж. Геккерена на дуэль, и онъ принялъ ее, не входя ни въ какія объясненія. Я прошу господъ свидѣтелей этого дѣла соблаговолить разсматривать этотъ вызовъ, какъ не существовавшій, освѣдомившись по слухамъ, что г. Жоржъ Геккеренъ рѣшилъ объявить свое рѣшеніе жениться на m-lle Гончаровой послѣ дуэли. Я не имѣю никакого основанія приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ благороднаго человѣка. Я прошу Васъ, графъ, воспользоваться этимъ письмомъ по Вашему усмотрѣнію».

Въ этомъ письмѣ Пушкинъ не сдѣлалъ никакой уступки. Онъ опять повторилъ, что беретъ вызовъ назадъ только потому, что по слухамъ узналъ о намѣреніи Дантеса жениться послѣ дуэли. Совершенно механически онъ добавилъ только, по просьбѣ Соллогуба, что не приписываетъ брачнаго проекта

---

[1]) Факсимиле подлинника дается нынѣ въ нашей книгѣ.

[2]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 года», Спб. 1900, 50—51. Это письмо было представлено барономъ Геккереномъ графу Нессельроде, а отъ послѣдняго, по приказанію Государя, было передано въ военно-судную Комиссію и по миновaніи въ немъ надобности возвращено черезъ Нессельроде барону Геккерену. Въ «Перепискѣ» (III, № 1101, стр. 409) оно напечатано по копіи изъ военно-суднаго дѣла; тутъ же напечатана и его «первоначальная редакція». Редакторъ «Переписки» впалъ въ ошибку: оригиналъ этой «первоначальной» редакціи находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и совершенно правильно помѣченъ Б. Л. Модзалевскимъ («Описаніе рукописей Пушкина, находящихся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ», стр. 24), какъ «черновое письмо отъ имени Пушкина, но писанное не его рукой». Дѣйствительно, это не автографъ, а списокъ,—быть можетъ, съ Пушкинскаго оригинала, первоначальной редакціи письма къ секундантамъ на имя графа В. А. Соллогуба отъ 17-го ноября. Этотъ списокъ не можетъ быть бѣловою редакціею, такъ какъ въ немъ просьба считать вызовъ не имѣвшимъ мѣста обращена не къ секундантамъ, а къ Геккерену-отцу. Во второй части этого письма, кстати сказать, написанной на значительномъ разстояніи отъ первой, къ концу листа, находится фраза, дающая отвѣтъ на требованіе мотивировать вызовъ. Мы уже указывали раньше, что эта фраза находится въ извѣстномъ соотношеніи къ письму Дантеса. Мы высказали предположеніе, что письмо Дантеса было доставлено Пушкину д'Аршіакомъ, но не настаиваемъ на немъ. Возможно раздѣлить эти моменты. Сначала было доставлено письмо и Пушкинъ попытался отвѣчать на него, а затѣмъ явился д'Аршіакъ и разразилась буря.

[3]) Графъ Соллогубъ просилъ въ своей запискѣ только объ устной декларація;

неблагороднымъ побужденіямъ. Такое письмо не могло бы удовлетворить самолюбія Дантеса, но секунданты не посчитались съ нимъ.

Соллогубъ разсказываетъ, какъ было встрѣчено письмо Пушкина. «Этого достаточно»,—сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами: «Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья». Поздравивъ со своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. «Съ моей стороны,—продолжалъ я,—я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться со своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ».—«Напрасно,—воскликнулъ запальчиво Пушкинъ.—Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ!» Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился. «Впрочемъ,—добавилъ онъ,—я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ». «Больше мнѣ и не нужно»,—подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

«Вечеромъ, на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, несмотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. «У него, кажется, грудь болитъ,—говорилъ онъ,—того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее».—А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія.—Хорошо.—(Онъ былъ въ это время какъ-то желчно веселъ)»[1]).

---

[1]) Заключительный моментъ ноябрьскаго столкновенія сохранился въ воспоминаніяхъ А. О. Россета. Со словъ брата своего, Клементія Осиповича Россета, А. О. разсказывалъ впослѣдствіи П. И. Бартеневу: «Осенью 1836 года Пушкинъ пришелъ къ Клементію Осиповичу Россету и, сказавъ, что вызвалъ на дуэль Дантеса, просилъ его быть секундантомъ. Тотъ отказывался, говоря, что дѣло секундантовъ, въ началѣ, стараться о примиреніи противниковъ, а онъ этого не можетъ сдѣлать, потому что не терпитъ Дантеса, и будетъ радъ, если Пушкинъ избавитъ отъ него петербургское общество; потомъ, онъ недостаточно хорошо пишетъ по-французски, чтобы вести переписку, которая въ этомъ случаѣ должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантомъ, на самомъ мѣстѣ поединка, когда уже все будетъ условлено, Россетъ былъ готовъ. Послѣ этого разговора Пушкинъ повелъ его прямо къ себѣ обѣдать. За столомъ подали Пушкину письмо. Прочитавъ

Какъ бы тамъ ни было, женитьба Дантеса была оглашена, и дѣло на этотъ разъ было слажено. Съ чувствомъ облегченія, послѣ всѣхъ передрягъ,— писала тетушка невѣсты, Е. И. Загряжская Жуковскому [1]): «Слава Богу, кажется, все кончено. Женихъ и почтенной его Батюшка были у меня съ предложеніемъ. Къ большому щастію за четверть часа предъ ними пріѣхалъ изъ Москвы старшой Гончаровъ и онъ объявилъ имъ Родительское согласіе, и такъ, все концы въ воду. Сегодня женихъ подаетъ просбу по формѣ о позволеніи женидьбы и завтре отъ невесте поступаитъ къ Императрицѣ [2]). Теперь позвольте мнѣ отъ всего моего сердца принести вамъ мою благодарность и проститѣ все мученіи, которыя вы претерпели во все сіе бурное время, я бы сама пришла къ вамъ, чтобъ отъ благодарить, но право силъ нѣту». Жуковскій кратко отмѣтилъ этотъ моментъ въ своемъ конспектѣ: «Сватовство. Пріѣздъ братьевъ».

Вѣсть о женитьбѣ Дантеса на Е. Н. Гончаровой вызвала огромное удивленіе у всѣхъ, кто не былъ достаточно близокъ, чтобы знать исторію этой помолвки, и въ то же время не былъ достаточно далекъ, чтобы не знать о бросавшемся въ глаза ухаживаніи Дантеса за Н. Н. Пушкиной. Приведемъ нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ.

Вотъ что писалъ Андрей Николаевичъ Карамзинъ своей матери, узнавъ о предстоящей свадьбѣ изъ ея письма, посланнаго изъ Петербурга *20-го ноября*: «Не могу притти въ себя отъ свадьбы, о которой мнѣ сообщаетъ Софья [3]). И когда я думаю объ этомъ, я, какъ Екатерина Гончарова, спрашиваю себя, не во снѣ ли я, или, по меньшей мѣрѣ, не во снѣ ли сдѣлалъ

его, онъ обратился къ старшей своей свояченицѣ Екатеринѣ Николаевнѣ: «Поздравляю, вы невѣста; Дантесъ проситъ вашей руки». Та бросила салфетку и побѣжала къ себѣ. Наталья Николаевна за нею. «Каковъ!—сказалъ Пушкинъ Россету про Дантеса» («Русск. Арх.», 1882, I, 247. Срвн. еще «Русск. Арх.», 1896, I, стр. 279 и 1888, II, 297).

[1]) Письмо это въ VI-мъ отдѣлѣ второй части нашей книги.

[2]) Мы не могли по архивнымъ даннымъ установить ни дня, въ который Дантесъ обратился по начальству за разрѣшеніемъ на женитьбу, ни дня, въ который невѣста Екатерина Николаевна Гончарова, фрейлина Двора, подала Государынѣ свою просьбу. Въ Архивѣ Министерства Двора сохранилось письмо Наталіи Ховенъ къ оберъ-гофмейстеру Нарышкину отъ 5-го декабря 1836 года: «Mon Prince! M-lle de Gontsheroff ayant obtenue de Sa Majesté d'Impératrice sa gracieuse permission pour son mariage avec M-r Baron de Heckern, vous supplie de lui accorder la bonté de la vérifier par une information à la Princesse Dolgorouky» etc. Это подтвержденіе было послано 7-го декабря 1836 года.

[3]) Софья Николаевна Карамзина. Андрей Николаевичъ Карамзинъ, бывшій въ моментъ полученія письма въ Парижѣ, выѣхалъ изъ Россіи лѣтомъ 1836 года.

свой ходъ Дантесъ; и если брачное счастье есть что-то иное, чѣмъ сонъ, то я боюсь, какъ бы оно навсегда не изчезло изъ сферы достиженія. Этимъ я былъ очень огорченъ, потому что я люблю ихъ обоихъ. Какого черта хотѣли этимъ сказать? Когда мнѣ нечего дѣлать и я курю свою трубку, потягивая свой кофій, я всегда думаю объ этомъ и не подвинулся дальше, чѣмъ былъ въ первый день. Это было самоотверженіе (dévouement)...» [1]). Андрей Карамзинъ принадлежалъ, очевидно, той части общества, которая, по словамъ князя Вяземскаго, захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести Пушкиной.

Въ письмѣ сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, къ отцу изъ Варшавы, отъ 24-го декабря 1836 года, находится любопытнѣйшее сообщеніе по поводу новости о предстоящемъ бракосочетаніи Дантеса и Е. Н. Гончаровой: «По словамъ Пашковой, которая пишетъ своему отцу, эта новость удивляетъ весь городъ и пригородъ не потому, что одинъ изъ самыхъ красивыхъ кавалергардовъ и одинъ изъ наиболѣе модныхъ мужчинъ, имѣющій 70.000 рублей ренты, женится на m-lle Гончаровой,—она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана,—но потому, что его страсть къ Наташѣ не была ни для кого тайной. Я прекрасно знала объ этомъ, когда была въ Петербургѣ, и я довольно потѣшалась по этому поводу; повѣрьте мнѣ, что тутъ должно быть что-то подозрительное, какое-то недоразумѣніе и что, можетъ быть, было бы очень хорошо, если бы этотъ бракъ не имѣлъ мѣста» [2]).

Анна Николаевна Вульфъ писала изъ Петербурга своей сестрѣ, баронессѣ Евпраксіи Вревской *28-го ноября*: «Васъ заинтересуетъ городская новость: фрейлина Гончарова выходитъ замужъ за знаменитаго Дантеса, о которомъ Вамъ Ольга навѣрное говорила, и способъ, которымъ, говорятъ, устроился этотъ бракъ, восхитителенъ». 22-го декабря Анна Николаевна Вульфъ сообщала подробности: «Про свадьбу Гончаровой такъ много разнаго разсказываютъ и такъ много, что я думаю лутче тебѣ это разсказать при свиданіи. Entre autres choses on prétend que P(ouchkine) a reçu par la petite poste un diplome avec des cornes en or, souscris par les personnes les plus marquants de la haute société et reconnue de la confrerie, qui lui écrivent qu'ils sont tout fiers d'avoir un homme aussi célèbre dans leur catégorie et qu'ils s'empressent de lui envoyer ce diplome comme à un membre de leur société, а что съ радостью онѣ принимаютъ въ свое общество et qu'à la suite de cela s'est arrangé le mariage de M-lle Gontcheroff. Pour les autres

---

[1]) «Старина и Новизна», книга 17, М. 1914, стр. 235.
[2]) «Пушкинъ и его современники», вып. XII, стр. 94.

versions je les garde pour avoir quelque choses à vous raconter quand nous reverrons» [1]). Умалчивая о подробностяхъ, А. Н. Вульфъ вѣрно передаетъ основной фактъ: женитьба Дантеса на Гончаровой была средствомъ отвести глаза, но общество или свѣтъ оцѣнилъ этотъ бракъ надлежащимъ образомъ.

Приведемъ еще не лишенный интереса отрывокъ изъ письма барона П. А. Вревскаго къ брату. Баронъ П. А. Вревскій жилъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Ставрополѣ и встрѣчался здѣсь съ братомъ Пушкина Львомъ Сергѣевичемъ, который и явился источникомъ его свѣдѣній. *23-го декабря* 1836 года баронъ Вревскій писалъ: «Знаете ли Вы, что старшая изъ его кузинъ, которая напоминаетъ нескладную дылду или ручку у метлы—сравненія кавказской вѣжливости!—вышла замужъ за барона Геккерена, бывшаго Дантеса... Влюбленный въ жену поэта, Дантесъ, выпровоженный, вѣроятно, изъ Сенъ-Сирской школы, должно быть, пожелалъ оправдать свои приставанія въ глазахъ свѣта» [2]).

Самъ Пушкинъ былъ доволенъ, что исторія съ Дантесомъ такъ кончилась, и что положеніе, въ которое онъ поставилъ Дантеса, было не изъ почетныхъ. «Случилось»,—резюмировалъ Пушкинъ событія въ письмѣ къ Бенкендорфу,—«что въ продолженіе двухъ недѣль г. Дантесъ влюбился въ мою свояченицу, Гончарову, и просилъ у нея руки. Молва меня предупредила—и я просилъ передать г. д'Аршіаку, секунданту г. Дантеса, что я отказываюсь отъ своего вызова» [3]). А въ письмѣ къ Геккерену Пушкинъ писалъ: «Я заставилъ вашего сына играть столь жалкую роль, что моя жена, удивленная такою низостію и плоскостію его, не могла воздержаться отъ смѣха, и ощущеніе, которое бы она могла имѣть къ этой сильной и высокой страсти, погасло въ самомъ холодномъ презрѣніи и заслуженномъ отвращеніи» [4]). Такимъ образомъ Пушкину представлялось, что нападеніе на его честь, произведенное по винѣ Дантеса, отражено извнѣ и внутри,—какъ въ нѣдрахъ семейныхъ, такъ и въ свѣтѣ. Знаменательно упоминаніе о томъ, что въ цѣли Пушкина входило и намѣреніе произвести опредѣленное впечатлѣніе на свою жену, показать ей Дантеса разоблаченнаго и тѣмъ погасить ея чувство къ нему. Показать своимъ друзьямъ и знакомымъ Дантеса до нелѣпости смѣшнымъ, заставивъ его подъ угрозою дуэли жениться

---

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. XXI—XXII, стр. 346—347.

[2]) Тамъ же, стр. 397.

[3]) «Переписка», т. III, № 1106, стр. 417.

[4]) Тамъ же, т. III, № 1138, стр. 444. Цитируемъ по переводу, сдѣланному въ Военно-Судной Комиссіи: см. «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Военно-судное дѣло», стр. 56.

на Е. Н. Гончаровой,—значило для Пушкина подорвать его репутацію въ обществѣ. Но всякая психологія имѣетъ два конца. Вышло такъ, что вскорѣ обнаружился другой конецъ, которымъ ударило по Пушкину.

11.

Отойдемъ отъ эпизода съ Дантесомъ. Пока длилась двухнедѣльная отсрочка, данная Пушкинымъ Геккерену, и пока разыгрывались вокругъ Дантеса всѣ разсказанныя нами событія, въ представленіи Пушкина центръ тяжести всей этой исторіи постепенно перемѣщался. Пушкинъ началъ съ Дантеса, какъ главнаго виновника, давшаго поводъ къ обидѣ подметныхъ писемъ, но ему было важно разыскать и составителей пасквиля и подметчиковъ. По «Воспоминаніямъ» графа Соллогуба, передавшаго Пушкину экземпляръ пасквиля въ день его полученія, выходитъ, что въ первый моментъ Пушкинъ заподозрѣлъ въ составленіи диплома на званіе рогоносца одну даму, которую онъ и назвалъ графу Соллогубу. Но Пушкинъ въ непосланномъ письмѣ къ Бенкендорфу даетъ иныя свѣдѣнія: «4-го ноября я получилъ три экземпляра анонимнаго письма... По бумагѣ, по слогу письма и по манерѣ изложенія я удостовѣрился *въ ту же минуту*, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго общества, дипломата». Князь Вяземскій сообщалъ Великому Князю Михаилу Павловичу, что, какъ только были получены анонимныя письма, Пушкинъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этой увѣренностью. «Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ было основано это предположеніе»... [1]). Въ черновыхъ наброскахъ письма къ Геккерену Пушкинъ напрямикъ объявляетъ Геккерена авторомъ писемъ. Въ этихъ обрывкахъ намъ многое неясно и въ высшей степени возбуждаетъ нашъ интересъ, но обвиненіе Геккерена изъ нихъ можно извлечь безъ всякаго труда. «2 ноября вы полагали, что сынъ вашъ вслѣдствіе.... (много) удовольствія. Онъ сказалъ вамъ.... что моя жена.... безыменное письмо....

---

[1]) Приведемъ конецъ этой фразы: «... и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему впослѣдствіи нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской». Насколько крѣпка была въ Пушкинѣ увѣренность въ виновности Геккерена, мы еще будемъ говорить по поводу его письма къ Геккерену отъ 25-го января 1837 года. О прикосновенности къ анонимнымъ письмамъ князя Гагарина и князя Долгорукова см. въ концѣ этой книги (ч. 2, отд. IX).

(у нея голова пошла кругомъ).... нанести рѣшительный ударъ..... сочиненное вами и (три экземпл)яра (безыменнаго письма).... роздали.... Смастерили съ.... на.... безпокоился болѣе. Дѣйствительно, не прошло и трехъ дней въ розыскахъ, какъ я узналъ, въ чемъ дѣло. Если дипломатія ничто иное, какъ искусство знать о томъ, что дѣлается у другихъ, и разрушать ихъ замыслы, то вы отдадите мнѣ справедливость, сознаваясь, что сами потерпѣли пораженіе на всѣхъ пунктахъ....»[1]). Позволяемъ себѣ еще разъ привести уже цитированный нами въ своемъ мѣстѣ отрывокъ изъ письма Жуковскаго: «Вотъ что приблизительно ты сказалъ княгинѣ третьяго дня, уже имѣя въ рукахъ мое письмо: «Я знаю автора анонимныхъ писемъ, и черезъ недѣлю вы услышите, какъ будутъ говорить о мести, единственной въ своемъ родѣ; она будетъ полная, совершенная; она броситъ человѣка въ грязь; громкіе подвиги Раевскаго—дѣтская игра передъ тѣмъ, что я намѣренъ сдѣлать», и т. д.

Заявленія Пушкина княгинѣ Вяземской совершенно разъясняютъ намъ, почему Пушкинъ не считалъ нужнымъ прилагать усилія къ охраненію тайны Геккереновъ, о чемъ такъ убѣдительно просилъ его Жуковскій: онъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что авторомъ анонимныхъ писемъ былъ баронъ Геккеренъ. А увѣрившись въ этомъ, онъ пришелъ къ какому-то опредѣленному плану дѣйствій, плану, который, по его разсчету, долженъ былъ окончательно уничтожить репутацію Геккерена и повергнуть его въ прахъ. Приведеніе этого плана онъ откладывалъ на недѣлю. Кажется, будетъ вѣрнымъ предположеніе, что, откладывая на недѣлю свою месть, Пушкинъ ждалъ окончанія имъ самимъ данной Геккерену отсрочки на двѣ недѣли. Но вотъ вопросъ о дуэли съ Дантесомъ былъ рѣшенъ 17-го ноября: быть можетъ, Пушкинъ такъ легко согласился исполнить просьбу Соллогуба именно потому, что въ это время Дантесъ его уже не интересовалъ такъ сильно, а все его вниманіе перешло на Геккерена. Умѣстно дать слово теперь опять графу Соллогубу. Черезъ нѣсколько дней послѣ 17-го ноября онъ былъ у Пушкина. Если принять указанную дальше въ его разсказѣ субботу за ближайшую къ событіямъ и, слѣдовательно, приходившуюся на 21-ое ноября, то получимъ точную дату этого посѣщенія Пушкина—*21-ое ноября*. Произошелъ слѣдующій разговоръ: «Послушайте,— сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней,— вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако, я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ». Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю

[1]) «Русск. Стар.», т. XXVIII, 1880, іюль, стр. 520.

Вамъ мое письмо къ старику Геккерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день князя Одоевскаго), то поѣхалъ къ князю Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось; черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай!»

Когда графъ В. А. Соллогубъ писалъ свои Воспоминанія о поединкѣ Пушкина, документы по исторіи дуэли были опубликованы Аммосовымъ въ 1863 году по оригиналамъ, принадлежавшимъ К. К. Данзасу; среди этихъ документовъ было напечатано впервые ходившее до тѣхъ поръ въ спискахъ извѣстное письмо Пушкина къ барону Геккерену, отъ 26-го января 1837 года. Графъ В. А. Соллогубъ утверждаетъ, что это письмо—то же самое, которое Пушкинъ прочелъ ему въ ноябрѣ мѣсяцѣ: «только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе». Съ легкой руки графа Соллогуба многіе изъ біографовъ повторяютъ, что письмо Геккерену, написанное въ ноябрѣ, Пушкинъ въ январѣ только переписалъ и отправилъ по адресу. Редакторъ же переписки Пушкина въ академическомъ изданіи печатаетъ это письмо дважды: и въ ноябрѣ (по снимку, сдѣланному Аммосовымъ съ подлиннаго пушкинскаго автографа, бывшаго у К. К. Данзаса), и въ январѣ (по копіи военно-суднаго о дуэли дѣла, тоже съ подлиннаго пушкинскаго автографа, доставленнаго въ военно-судную комиссію Геккереномъ). Но къ этому сообщенію графа В. А. Соллогуба надо отнестись съ величайшей осторожностью. И самъ Соллогубъ высказывается за тожество ноябрьскаго и январьскаго писемъ съ оговоркой, да и дѣйствительно трудно, не имѣя передъ глазами подлинниковъ, утверждать тожество двухъ документовъ, къ тому же весьма однообразныхъ по содержанію, ибо задача и ноябрьскаго, и декабрьскаго писемъ была одна и та же: нанести возможно болѣе рѣзкое и тяжкое оскорбленіе Геккерену. Трудно предположить, что Пушкинъ такъ долго хранилъ неотправленное въ ноябрѣ письмо къ Геккерену, чтобы Пушкинъ, переживъ 25—26-го января сильнѣйшую вспышку гнѣва и негодованія, не излилъ свои чувства набросаннымъ тутъ же злымъ письмомъ, а порылся въ своемъ

столѣ, досталъ оттуда документъ и отправилъ его Геккерену. Наконецъ, и по содержанію своему январьское письмо не могло быть написано въ ноябрѣ [1]).

Не признавая январьское письмо Геккерену тожественнымъ тому письму, которое Пушкинъ прочелъ графу Соллогубу въ ноябрѣ или точнѣе,—если наше предположеніе вѣрно,—именно 21-го ноября, мы не отрицаемъ реальнаго содержанія въ его сообщеніи: по нашему мнѣнію, оно намѣчаетъ еще одну стадію въ исторіи ноябрьскихъ событій,—ту стадію, намекъ на которую заключается въ цитированномъ отрывкѣ изъ письма В. А. Жуковскаго. Пушкинъ думалъ надъ осуществленіемъ плана какого-то необычайнаго отомщенія Геккерену. Можетъ быть, планъ былъ таковъ, какъ разсказываетъ графъ Соллогубъ, можетъ быть иной. Осуществленіе части этого плана мы находимъ въ извѣстномъ письмѣ къ графу А. Х. Бенкендорфу, датированномъ 21-го ноября 1836 года: «Я вправѣ и думаю даже, что обязанъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства о случившемся въ моемъ семействѣ»—такъ начинается это письмо. Изложивъ кратко исторію событій до отказа своего отъ вызова Дантесу, Пушкинъ пишетъ: «между тѣмъ я убѣдился, что анонимное письмо было отъ г. Геккерена, о чемъ считаю обязанностію довести до свѣдѣнія правительства и общества. Будучи единственнымъ судьею и хранителемъ моей чести и чести моей жены—почему и не требую ни правосудія, ни мщенія,—не могу и не хочу представлять доказательствъ кому бы то ни *было въ томъ, что я утверждаю* [2]).

---

[1]) «Vous sentez bien, qu'après tout cela je ne pouvais souffrir qu'il y eut des rélations entre ma famille et la votre» (Переписка, III, 445). Эта фраза могла быть написана только послѣ женитьбы Дантеса. Объ этомъ письмѣ намъ еще придется говорить.

[2]) Исторія этого письма загадочна. Впервые оно напечатано въ книжкѣ Аммосова по подлиннику, доставленному К. К. Данзасомъ (назв. соч., 43—46). Озаглавлено оно здѣсь: «письмо Пушкина, адресованное, *кажется*, на имя графа Бенкендорфа». Адресатъ указанъ здѣсь приблизительно, но въ текстѣ книжки (стр. 9) сказано уже положительно: «авторомъ анонимныхъ записокъ, по сходству почерка, Пушкинъ подозрѣвалъ барона Геккерена—отца, и *даже писалъ* объ этомъ графу Бенкендорфу». По традиціи считается, что письма Пушкинъ не послалъ. П. И. Бартеневъ «со словъ князей Вяземскихъ» повѣствуетъ, что письмо это найдено было у Пушкина въ карманѣ сюртука, въ которомъ онъ дрался. «Въ подлинникѣ я видалъ его у покойнаго Павла Ивановича Миллера, который служилъ тогда секретаремъ при графѣ Бенкендорфѣ; онъ взялъ себѣ на память это не дошедшее по назначенію письмо» («Русск. Арх.», 1888, II, 308). Желая объяснить мотивы, побудившіе Пушкина написать письмо графу Бенкендорфу, Бартеневъ разсказываетъ слѣдующую исторію: «Послѣ этого (т.-е. послѣ оглашенія

Итакъ задача этого письма—обличенiе Геккерена-старшаго, составителя анонимнаго пасквиля, и такимъ образомъ сильнѣйшая компрометацiя посланника европейской державы. По всей вѣроятности и по показанiямъ традицiи, письмо это осталось не посланнымъ и планъ неслыханной мести Геккерену остался неосуществленнымъ ни въ цѣломъ, ни въ части. Но у Пушкина создалось уже не покидавшее его глубокое убѣжденiе въ томъ, что главный его оскорбитель—Геккеренъ-старшiй, а Геккеренъ-младшiй—лицо второстепенное.

12.

Въ фамильномъ архивѣ бароновъ Геккеренъ-Дантесовъ сохранилось нѣсколько писемъ Дантеса-жениха къ своей невольной невѣстѣ Екатеринѣ Гончаровой. Эта письменная идиллiя показываетъ намъ, что Дантесъ съ добросовѣстностью отнесся къ задачѣ, возложенной на него судьбой, и попытался въ исполненiе обязанностей невольнаго жениха внести тонъ искренняго увлеченiя. Вотъ письмо, писанное, очевидно, въ самомъ началѣ жениховства:

«Завтра я не дежурю, моя милая Катенька, но я приду въ двѣнадцать часовъ къ теткѣ, чтобы повидать васъ. Между ней и барономъ условлено, что я могу приходить къ ней каждый день отъ двѣнадцати до двухъ, и, конечно, мой милый другъ, я не пропущу перваго же случая, когда мнѣ позволитъ служба; но устройте такъ, чтобы мы были одни, а не въ той комнатѣ, гдѣ сидитъ милая тетя. Мнѣ такъ много надо сказать вамъ, я хочу говорить о нашемъ счастливомъ будущемъ, но этотъ разговоръ не допускаетъ свидѣтелей. Позвольте мнѣ вѣрить, что вы счастливы, потому что я такъ счастливъ сегодня утромъ. Я не могъ говорить съ вами, а сердце мое было полно нѣжности и ласки къ Вамъ, такъ какъ я люблю васъ, милая Катенька, и хочу вамъ повторять объ этомъ самъ съ той искренностью, которая свойственна моему характеру, и которую вы всегда во мнѣ встрѣтите. До сви-

помолвки Дантеса) Государь, встрѣтивъ гдѣ-то Пушкина, взялъ съ него слово, что если исторiя возобновится, онъ не приступитъ къ развязкѣ, не давъ знать ему напередъ. Такъ какъ сношенiя Пушкина съ Государемъ происходили черезъ графа Бенкендорфа, то передъ поединкомъ Пушкинъ написалъ извѣстное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письма этого Пушкинъ не рѣшился послать». Но это объясненiе явно несостоятельно и заключаетъ цѣлую путаницу фактовъ. Вообще исторiя этого письма, пролежавшаго полтора мѣсяца въ карманѣ сюртука, весьма сомнительна и неясна. Гдѣ въ настоящее время находится подлинникъ этого письма, неизвѣстно.

данія, спите крѣпко, отдыхайте спокойно: будущее вамъ улыбается. Пусть все это заставитъ васъ видѣть меня во снѣ... Весь вашъ, моя возлюбленная».

Вотъ еще два письма, весьма стильныхъ для Дантеса: по этимъ немногимъ строкамъ можно схватить характерныя черты его личности.

«Если Богъ, производя на свѣтъ два существа, которыя вы называете вашими статсъ-дамами, хотѣлъ доказать своему созданію, что онъ можетъ сдѣлать его уродливымъ и безобразнымъ, сохраняя ему даръ рѣчи, я готовъ преклониться и признать Его всемогущество; во всю мою жизнь я не видѣлъ ничего менѣе похожаго на женщину, чѣмъ та изъ вашей свиты, которая говоритъ по-нѣмецки.

...P. S. Я писалъ сегодня утромъ моему отцу и передалъ ему отъ вашего имени милліонъ нѣжностей. Я думаю, что это доставитъ удовольствіе виновнику моего существованія».

Вотъ письмо поздравительное:

«Мой дорогой другъ, я совсѣмъ забылъ сегодня утромъ поздравить васъ съ завтрашнимъ праздникомъ. Вы мнѣ сказали, что это не завтра; однако, я имѣю основаніе не повѣрить вамъ на этотъ разъ; такъ какъ я испытываю всегда большое удовольствіе, высказывая пожеланія вамъ счастья, то не могу рѣшиться упустить этотъ случай. Примите же, мой самый дорогой другъ, мои самыя горячія пожеланія; вы никогда не будете такъ счастливы, какъ я этого хочу вамъ, но будьте увѣрены, что я буду работать изо всѣхъ моихъ силъ, и надѣюсь, что при помощи нашего прекраснаго друга [1]), я этого достигну, такъ какъ вы добры и снисходительны. Тамъ, увы, гдѣ я не достигну, вы будете, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ мою добрую волю и простите меня.—Безоблачно наше будущее, отгоняйте всякую боязнь, а главное—не сомнѣвайтесь во мнѣ никогда; все равно, кѣмъ бы мы ни были окружены—я вижу и буду видѣть всегда только васъ; я—вашъ, Катенька, вы можете положиться на меня, и, если вы не вѣрите словамъ моимъ, поведеніе мое докажетъ вамъ это».

Послѣднія слова этого письма свидѣтельствуютъ о томъ ревнивомъ чувствѣ, съ которымъ слѣдила Екатерина Николаевна за своимъ женихомъ. Въ число тѣхъ, кто могъ бы окружать чету Дантесовъ, входила конечно и Наталья Николаевна.

Не менѣе стиленъ отвѣтъ Дантеса своей невѣстѣ на ея просьбу о портретѣ. Екатерина Николаевна желала имѣть портретъ любимаго ей человѣка и получила въ отвѣтъ на свою просьбу слѣдующій отвѣтъ:

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о Геккеренѣ-старшемъ.

«Милая моя Катенька, я былъ съ барономъ [1]), когда получилъ вашу записку. Когда просятъ такъ нѣжно и хорошо—всегда увѣрены въ удовлетвореніи; но, мой прелестный другъ, я менѣе краснорѣчивъ, чѣмъ вы: единственный мой портретъ принадлежитъ барону и находится на его письменномъ столѣ. Я просилъ его у него. Вотъ его точный отвѣтъ. «Скажите Катенькѣ, что я отдалъ ей «оригиналъ», а копію сохраню себѣ».

Еще одна записочка, послѣдняя въ коллекціи писемъ Дантеса-жениха, сохранившейся въ фамильномъ архивѣ бароновъ Геккереновъ-Дантесовъ.

«Моя милая и дорогая Катенька, единственный мой отвѣтъ на Ваше письмо: я говорю Вамъ, что Вы—большой ребенокъ, если такъ благодарите меня. Цѣль моей жизни—доставить Вамъ удовольствіе, и если я достигъ этого, то я уже слишкомъ счастливъ. До завтра отъ всего сердца...»

Нельзя отказать въ извѣстной искренности этимъ куртуазнымъ письмамъ, но Дантесъ, повидимому, тщетно боролся съ самимъ собой, если только боролся, и съ своими чувствами къ Натальѣ Николаевнѣ.

Пушкинъ въ концѣ декабря 1836 года писалъ своему отцу: «У насъ свадьба. Моя свояченица Катенька выходитъ замужъ за барона Геккерена, племянника и пріемнаго сына посланника короля голландскаго. Это—un très beau et bon garçon fort à la mode, богатый и моложе своей невѣсты на 4 года. Приготовленіе приданаго очень занимаетъ и забавляетъ мою жену и ея сестеръ, но выводитъ меня изъ себя, такъ какъ мой домъ похожъ на модную лавку» [2]).

1-го января 1837 года въ приказѣ по Кавалергардскому Ея Величества полку было отдано о разрѣшеніи поручику барону Геккерену вступить въ законный бракъ съ фрейлиною Двора Екатериной Гончаровой, а черезъ два дня, 3-го января, приказомъ по полку было предписано: «Выздоровѣвшаго г. поручика барона де Геккерена числить на лицо, котораго по случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18 сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней» [3]). Бракосочетаніе было совершено 10 января, по католическому обряду—въ римско-католической церкви св. Екатерины и по православному—въ Исаакіевскомъ соборѣ. Свидѣтелями при бракосочетаніи росписались: баронъ Геккеренъ, графъ Г. А. Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ,

---

[1]) Геккереномъ.

[2]) «Переписка», т. III, стр. 434.

[3]) «Пушкинъ», стр. 349.

виконтъ д'Аршіакъ, л.-гв. Гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и полковникъ Кавалергардскаго полка Александръ Полетика.

Екатерина Николаевна вошла въ семью Геккереновъ-Дантесовъ и стала жить ихъ жизнью. Вотъ ея первое письмо своему свекру.

«Милый Папа, я очень счастлива, что, наконецъ, могу написать вамъ, чтобы благодарить отъ всей глубины моего сердца за то, что вы удостоили дать ваше согласіе на мой бракъ съ вашимъ сыномъ, и за благословеніе, которое вы прислали мнѣ и которое, я не сомнѣваюсь, принесетъ мнѣ счастье. Наша свадьба состоялась въ послѣднее воскресенье, 22-го текущаго мѣсяца, въ 8 часовъ вечера, въ двухъ церквахъ—католической и греческой. Моему счастію недостаетъ возможности быть около васъ, познакомиться лично съ вами, съ моимъ братомъ и сестрами и заслужить вашу дружбу и расположеніе. Между тѣмъ, это счастіе не можетъ осуществиться въ этомъ году, но баронъ обѣщаетъ намъ навѣрное, что будущій годъ соединитъ насъ въ Зульцѣ. Я была бы очень рада, если бы, ввиду этого, моя сестра Нанина вступила со мной въ переписку и давала мнѣ свѣдѣнія о васъ, милый папа, и о вашей семьѣ. Съ своей стороны я беру на себя держать васъ въ курсѣ всего, что можетъ васъ здѣсь интересовать, а ей я дамъ тѣ мелкія подробности интимной переписки, какія получаются съ радостію, когда близкихъ раздѣляетъ такое большое разстояніе. Мое счастіе полно, и я надѣюсь, что мужъ мой такъ же счастливъ, какъ и я; могу васъ увѣрить, что посвящу всю мою жизнь любви къ нему и изученію его привычекъ, и когда-нибудь представлю вамъ картину нашего блаженства и нашего домашняго счастія. Я ограничусь теперь очень нѣжнымъ поцѣлуемъ, умоляя васъ дать мнѣ вашу дружбу. До свиданія, милый папа, будьте здоровы, любите немного вашу дочь Катю и вѣрьте нѣжному и почтительному чувству, которое она всегда питаетъ къ вамъ».

Читая любовныя письма Дантеса-жениха и это идиллическое письмо, прямо не можешь себѣ и представить ту трагедію, которая разыгрывалась около баронессы Дантесъ-Геккеренъ и которой, кажется, только она одна въ своей ревнивой влюбленности въ мужа не хотѣла замѣтить или понять. Она ни въ чемъ не винила своего мужа и во всемъ виноватымъ считала Пушкина, до такой степени, что, покидая послѣ смерти Пушкина Россію, имѣла дерзкую глупость сказать: «я прощаю Пушкину» [1]).

[1]) «Пушкинъ и его современники», I, стр. 58.

13.

Между тѣмъ ни помолвка, ни совершившійся бракъ не внесли радикальныхъ перемѣнъ въ положеніе дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Самъ Пушкинъ на свадьбѣ Дантеса не былъ. Онъ только, по показанію Дантеса впослѣдствіи, въ военно-судной комиссіи, «прислалъ жену къ Дантесу въ домъ на его свадьбу». Отсутствіе Пушкина и присутствіе одной Пушкиной на свадьбѣ, по мнѣнію Дантеса, «вовсе не означало, что всѣ наши сношенія должны были прекратиться». На самомъ дѣлѣ такого заключенія Дантесъ не имѣлъ права дѣлать: оно соотвѣтствовало всего-на-всего только его желанію видѣть дѣйствительность такой, чтобы возможность его сношеній съ Натальей Николаевной продолжалась. Но Пушкинъ «непремѣннымъ» условіемъ требовалъ отъ Геккерена, чтобы не было «никакихъ сношеній между семействами»[1]. Геккерены, дѣйствительно, стремились къ возстановленію мирныхъ отношеній. По разсказу Данзаса, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ, но не былъ принятъ. Данзасъ прибавляетъ, что Дантесъ пытался писать Пушкину, но онъ возвратилъ письмо старшему Геккерену непрочитаннымъ. О сценѣ, разыгравшейся при возвращеніи письма, скажу дальше. Намъ понятно, почему Дантесъ стремился къ примиренію, но почему этого же добивался Геккеренъ, не совсѣмъ ясно. Желаніе, чтобы хотя по внѣшности все представлялось высоко-приличнымъ, играло тутъ, конечно, большую роль.

Геккерены не бывали у Пушкиныхъ, но сношенія не только не прекратились послѣ бракосочетанія, но участились, сдѣлались, какъ кажется, легче, интимнѣе. Дантесъ вѣдь сталъ родней Пушкинымъ. Встрѣчалась Пушкина съ Дантесомъ у своей тетушки, Е. И. Загряжской, на вечерахъ, на балахъ, которыхъ въ январѣ 1837 года было особенно много. Ухаживанія Дантеса сейчасъ же обратили общее вниманіе. Н. М. Смирновъ черезъ пять лѣтъ послѣ событій слѣдующимъ образомъ описывалъ положеніе дѣлъ послѣ свадьбы: «Поведеніе Дантеса послѣ свадьбы дало всѣмъ право думать, что онъ точно искалъ въ бракѣ не только возможность приблизиться къ Пушкиной, но также предохранить себя отъ гнѣва ея мужа узами родства. Онъ не переставалъ волочиться за своею невѣсткой; онъ откинулъ даже всякую осторожность, и казалось иногда, что насмѣхается надъ ревностью непримирившагося съ нимъ мужа. На балахъ онъ танцовалъ и любезничалъ съ Натальею Николаевной, за ужиномъ пилъ за ея здоровье,

---

[1]) Такъ говорилъ Пушкинъ 27-го января въ квартирѣ д'Аршіака.

словомъ довелъ до того, что всѣ снова стали говорить про его любовь. Баронъ же Геккеренъ сталъ явно помогать ему, какъ говорятъ, желая отмстить Пушкину за непріятный ему бракъ Дантеса»[1]).

Въ одномъ современномъ дневникѣ подъ 22 января 1837 года записана слѣдующая любопытная сцена, которую наблюдала на балу романтически настроенная дѣвица[2]):

«На балу я не танцовала. Было слишкомъ тѣсно.

«Въ мрачномъ молчаніи я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное созданіе!

«Дантесъ провелъ часть вечера неподалеку отъ меня. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ пожилою дамою, которая, какъ можно было заключить изъ долетавшихъ до меня словъ, ставила ему въ упрекъ экзальтированность его поведенія.

«Дѣйствительно—жениться на одной, чтобы имѣть нѣкоторое право любить другую, въ качествѣ сестры своей жены,—Боже, для этого нуженъ порядочный запасъ смѣлости (courage)...

«Я не разслышала словъ, тихо сказанныхъ дамой. Что же касается Дантеса, то онъ отвѣчалъ громко, съ оттѣнкомъ уязвленнаго самолюбія:

— Я понимаю то, что вы хотите дать мнѣ понять, но я совсѣмъ не увѣренъ, что сдѣлалъ глупость!

— Докажите свѣту, что вы сумѣете быть хорошимъ мужемъ... и что ходящіе слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судитъ свѣтъ.

«Минуту спустя я замѣтила проходившаго А. С. Пушкина. Какой уродъ! (Quel monstre!)

«Разсказываютъ,—но какъ дерзать довѣрять всему, о чемъ болтаютъ?!—Говорятъ, что Пушкинъ, вернувшись какъ-то домой, засталъ Дантеса tête-à-tête съ своею супругою.

«Предупрежденный друзьями, мужъ давно уже искалъ случая провѣрить свои подозрѣнія; онъ сумѣлъ совладать съ собою и принялъ участіе въ разговорѣ. Вдругъ у него явилась мысль потушить лампу. Дантесъ вызвался

---

[1]) «Русск. Арх.», 1882, I, стр. 236.

[2]) «Русская Старина», 1900, т. CIII, августъ, стр. 383—385. Ср. этотъ же разсказъ, но въ другомъ переводѣ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1893, мартъ, стр. 292—304, въ замѣткѣ: «Пушкинъ и Дантесъ-Геккеренъ». Дневникъ принадлежитъ М. К. Мердеръ. А. Мердеръ, сообщившій въ «Русскую Старину» отрывокъ изъ дневника, сообщилъ (по всей вѣроятности, изъ этого же дневника) еще двѣ мелочи о Дантесѣ—тамъ же, 1902, декабрь, стр. 602.

снова ее зажечь, на что Пушкинъ отвѣчалъ: «Не безпокойтесь, мнѣ, кстати, нужно распорядиться насчетъ кое-чего...»

«Ревнивецъ остановился за дверью, и чрезъ минуту до слуха его долетѣло нѣчто похожее на звукъ поцѣлуя...

«Впрочемъ, о любви Дантеса извѣстно всѣмъ. Ее, якобы, видятъ всѣ.

«Однажды вечеромъ я сама замѣтила, какъ баронъ, не отрываясь, слѣдилъ взорами за тѣмъ угломъ, гдѣ находилась она. Очевидно, онъ чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ для того, чтобы, надѣвъ маску равнодушія, рискнуть появиться съ нею среди танцующихъ».

И Дантеса, и Наталью Николаевну вновь неодолимо потянуло другъ къ другу. Побѣда надъ Екатериной Николаевной не могла особенно льстить самолюбію Дантеса: достиженья были легки. Не то съ Натальей Николаевной, желанной ему и трудно достижимой. Бракъ не насытилъ любовнаго жара Дантеса, и когда онъ оказался на положеніи родственника Натальи Николаевны, то частыя встрѣчи съ нею у Е. И. Загряжской, на балахъ, раздразнили вновь его любовныя стремленія къ Натальѣ Николаевнѣ. Если онъ, изъ любви къ Натальѣ Николаевнѣ, принесъ себя въ жертву и женился на женщинѣ, которая не была для него особливо желанной, то долженъ же онъ былъ вознаградить себя за воздержаніе и за жертву и добиться достиженій. Онъ возобновилъ свои нападенія на Наталью Николаевну, и любовная схватка началась. Пушкина такъ сильно потянулась къ своему бо-феру, что впечатлѣнія этой любви вытѣснили изъ области ея памяти и сознанія тяжелыя ноябрьскія переживанія. Атмосфера сгустилась. Князь Вяземскій въ письмѣ къ Великому Князю Михаилу Павловичу нарисовалъ слѣдующими чертами картину положенія послѣ бракосочетанія Дантеса:

«Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе; онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ отъ того не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же

отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности».

Нельзя не отмѣтить, что изъ всѣхъ свидѣтельствъ о послѣдней дуэли Пушкина, оставленныхъ друзьями Пушкина и редактированныхъ въ духѣ строгой охраны чести вдовы Пушкина, приведенныя слова князя Вяземскаго являются единственнымъ свидѣтельствомъ, несущимъ осужденіе поведенію Натальи Николаевны. Въ письмѣ къ А. Я. Булгакову отъ 9-го февраля 1837 года, предназначенномъ для разглашенія въ обществѣ, тотъ же князь Вяземскій почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ рисуетъ положеніе дѣлъ послѣ брака, такъ же характеризуетъ поведеніе Дантеса и отношеніе Пушкина, но... опускаетъ сообщеніе, касающееся Пушкиной. «Отношенія къ женѣ не пострадали», говоритъ князь П. А. Вяземскій въ этомъ письмѣ къ А. Я. Булгакову, «и стали еще нѣжнѣе».

Конспективныя замѣтки, набросанныя Жуковскимъ, не позволяютъ намъ принять утвержденіе Вяземскаго за истинное. Въ дѣйствительности отношенія Пушкина къ женѣ были очень сложны. Прежде всего, неровны. «Послѣ свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ея спиной»—записалъ Жуковскій. Что значитъ эта двойственность въ отношеніяхъ Пушкина: при женѣ мраченъ, безъ нея веселъ?

За только-что приведенной замѣткой слѣдуетъ въ замѣткахъ Жуковскаго совершенно нерасшифровываемая запись «des révélations d'Alexandrine». Какія разоблаченія и кому сдѣлала старшая изъ трехъ сестеръ, Александрина? Кому?—Кажется, по контексту надо думать: Жуковскому. Вслѣдъ за этой загадочной записью Жуковскій заноситъ: «При теткѣ ласка къ женѣ, при Александринѣ и другихъ, кои могли бы разсказать,—des brusqueries. Дома же веселость и большое согласіе». Въ этой замѣткѣ все неясно. При теткѣ Пушкинъ ласковъ къ женѣ, при другихъ, кто могъ бы разсказать, грубовать. Кому разсказать? Дантесу, что ли? Если Дантесу, то почему же Пушкину нужно, чтобы до Дантеса дошли свѣдѣнія не о томъ, что онъ ласковъ съ женой, а о томъ, что онъ съ ней грубъ? Послѣдняя фраза записи: «Дома же веселость и большое согласіе» какъ будто противорѣчитъ приведенной раньше записи: «Мрачность при ней. Веселость за ея спиной». Слишкомъ скудны замѣтки Жуковскаго, не даютъ онѣ отвѣта на безчисленные вопросы, не даютъ представленія о томъ, что же было? Онѣ бросаютъ намеки, тревожатъ наше воображеніе и остаются нѣмыми. Всѣ, кто занимается Пушкинымъ, кто любитъ его, будутъ склоняться въ тревожномъ раздумьѣ надъ записями Жуковскаго, и ихъ жадная и раздраженная пытливость

врядъ ли будетъ удовлетворена. И будутъ ли разрѣшены когда-либо загадки, заключенныя въ словахъ и фразахъ, набросанныхъ для памяти Жуковскимъ? Вотъ послѣднія три строки во второмъ листкѣ конспективныхъ замѣтокъ Жуковскаго:

Исторія кровати.
Le gaillard très bien [1]).
Vous m'avez porté bonheur.

Любопытство читателя возбуждено до крайности. Исторія кровати?.. Какое значеніе играла эта исторія въ событіяхъ послѣднихъ дней жизни поэта? Но помѣта «исторія кровати» связывается невольно въ нашемъ умѣ съ тѣмъ разсказомъ, который приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Арапова, дочь Н. Н. Пушкиной. Пушкинъ вошелъ въ интимное общеніе съ сестрой своей жены Александриной,—Азинькой, какъ звали ее въ семьѣ. Случай будто бы обнаружилъ эту связь. «Разъ какъ-то, — разсказываетъ А.П. Арапова въ своихъ воспоминаніяхъ,—Александра Николаевна замѣтила пропажу шейнаго креста, которымъ она очень дорожила. Всю прислугу поставила на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешаривъ комнаты, уже отложили надежду, когда камердинеръ, постилая на ночь кроватъ Александра Сергѣевича,—это совпало съ родами его жены,—нечаянно вытряхнулъ искомый предметъ. Этотъ случай долженъ былъ неминуемо породить много толковъ, и хотя другихъ данныхъ обвиненія няня не могла привести, она съ убѣжденіемъ повторяла мнѣ: «Какъ вы тамъ ни объясняйте, это ваша воля, а по-моему,—грѣшна была тетенька передъ вашей маменькой!»

И вотъ Жуковскій, какъ нѣчто примѣчательное для исторіи послѣднихъ дней Пушкина, отмѣчаетъ «исторію кровати», а строчкой выше—не комментированный имъ фактъ «les révélations d'Alexandrine». Создается навязчивая ассоціація, но соотвѣтствуетъ ли она въ какой-либо мѣрѣ дѣйствительности? Отвѣтить на этотъ вопросъ нѣтъ возможности.

А Александрина Гончарова знала много: недаромъ изъ всѣхъ домочадцевъ Пушкина ей одной было извѣстно о томъ, что Пушкинъ послалъ 26-го января письмо Геккерену.

14.

Итакъ, на виду у всего свѣта Дантесъ недвусмысленно ухаживалъ за Пушкиной. Не могъ не видѣть этого и Пушкинъ. Онъ узнавалъ объ уха-

[1]) Въ подлинникѣ оставленъ пробѣлъ для какого-то слова.

живаніяхъ изъ тѣхъ же источниковъ—отъ жены и изъ анонимныхъ писемъ. Жена передавала ему плоскія остроты Дантеса и разсказывала о той игрѣ, которую велъ Дантесъ, и объ участіи въ ней Геккерена старшаго. Приходится думать, что Пушкину въ этомъ новомъ сближеніи роль Натальи Николаевны не казалась активной. Ее соблазняли, и она была жертвой двухъ Геккереновъ. Недалеко отъ правды предположеніе, что послѣ всего происходившаго въ ноябрѣ Пушкинъ не считалъ искреннимъ и сколько-нибудь серьезнымъ увлеченіе Дантеса Натальей Николаевной. Наоборотъ, новая игра въ любовь со стороны Дантеса должна была представляться Пушкину сознательнымъ покушеніемъ не на вѣрность его жены, а на его честь, обдуманнымъ отмщеніемъ за то положеніе, въ которое были поставлены Геккерены имъ, Пушкинымъ. Само собой разумѣется, въ своихъ разсказахъ мужу Наталья Николаевна не выдвигала своей активности и, конечно, во всемъ винила Геккереновъ, въ особенности старшаго. Иного она не могла разсказать своему мужу. Въ ноябрьскомъ столкновеніи Пушкинъ на моментъ почувствовалъ нѣкій романтизмъ въ страсти Дантеса; теперь же романтизмъ исчезъ безслѣдно, и осталась одна грубая проза житейскихъ отношеній. Мотивы дѣйствій противниковъ были обнажены для Пушкина, и положеніе стало безмѣрно тягостнѣе, чѣмъ прежде. Гораздо острѣе почувствовалась Пушкину роль «свѣта». Онъ не могъ не сознавать, что онъ и его жена—притча во языцѣхъ, предметъ злорадства многихъ и многихъ свѣтскихъ людей, у которыхъ было немало своихъ причинъ негодовать на Пушкина. Князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ Великому Князю Михаилу Павловичу такъ изображаетъ душевное состояніе Пушкина:

«Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Аршіаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: «Есть двоякаго рода рогоносцы; одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рогоносцами по милости публики, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ». Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣ-

роятно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздражительнѣе, тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Воронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жей Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему остроту Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остротъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: «Je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme» [1]). Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравляли рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ».

Вотъ еще разсказъ о каламбурѣ Дантеса по воспоминаніямъ княгини В. Ѳ. Вяземской, записаннымъ П. И. Бартеневымъ: «На одномъ вечерѣ Геккеренъ, по обыкновенію, сидѣлъ подлѣ Пушкиной и забавлялъ ее собою. Вдругъ мужъ, слѣдившій за ними, замѣтилъ, что она вздрогнула. Онъ немедленно увезъ ее домой и дорогою узналъ отъ нея, что Геккеренъ, говоря о томъ, что у него былъ мозольный операторъ, тотъ самый, который обрѣзывалъ мозоли Натальѣ Николаевнѣ, прибавилъ: «Il m'a dit que le cor de madame Pouchkine est plus beau que le mien». Пушкинъ самъ передавалъ объ этой наглости княгинѣ Вяземской» [2]).

О степени раздраженія Пушкина разсказываютъ современники. Такъ, со словъ княгини В. Ѳ. Вяземской передаетъ П. И. Бартеневъ: «Наканунѣ Новаго года у Вяземскихъ былъ большой вечеръ. Въ качествѣ жениха Геккеренъ явился съ невѣстою. Отказывать ему отъ дому не было уже повода. Пушкинъ съ женою былъ тутъ же, и французъ продолжалъ быть возлѣ нея. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгинѣ Вяземской, что у него такой страшный видъ, что, будь она его женою, она не рѣшилась бы вернуться съ нимъ домой. Наталья Николаевна съ нимъ была то слишкомъ откровенна, то слишкомъ сдержанна. На разъѣздѣ съ одного бала Геккеренъ, подавая руку женѣ своей, громко сказалъ, такъ что Пушкинъ слышалъ: «Allons, ma légitime» [3]).

Въ воспоминаніяхъ А. О. Россета сохранился слѣдующій случай: «Въ воскресенье (передъ поединкомъ Пушкина: значитъ 24-го января) Россетъ пошелъ въ гости къ князю П. И. Мещерскому (зятю Карамзиной, они жили

---

[1]) Непереводимая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: «cor»—мозоль и «corps»—тѣло. Буквально: «Я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены».

[2]) «Русск. Арх.», 1888, II, стр. 311.

[3]) «Русск. Арх.», 1888, II, стр. 310.

въ д. Вьельгорскихъ), и изъ гостиной прошелъ въ кабинетъ, гдѣ Пушкинъ игралъ въ шахматы съ хозяиномъ. «Ну что,—обратился онъ къ Россету,—вы были въ гостиной: онъ ужъ тамъ, возлѣ моей жены?» Даже не назвалъ Дантеса по имени. Этотъ вопросъ смутилъ Россета и онъ отвѣчалъ, заминаясь, что Дантеса видѣлъ.—Пушкинъ былъ большой наблюдатель физіономій,—онъ сталъ глядѣть на Россета, наблюдалъ линіи его лица и что-то сказалъ ему лестное. Тотъ весь покраснѣлъ, и Пушкинъ сталъ громко хохотать надъ смущеніемъ 23-лѣтняго офицера»[1]).

Данзасъ разсказываетъ одинъ эпизодъ изъ этого періода, рисующій степень раздраженія Пушкина. Мнѣ кажется, что въ разсказѣ Данзаса не все соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но онъ можетъ объяснить, почему вызовъ былъ направленъ не Дантесу, а Геккерену.

«Геккеренъ заставлялъ сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ Дантесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться. Такихъ писемъ Пушкинъ получилъ два, одно еще до обѣда, бывшаго у графа Строганова, на которое и отвѣчалъ за этимъ обѣдомъ барону Геккерену на словахъ, что онъ не желаетъ возобновлять съ Дантесомъ никакихъ отношеній. Несмотря на этотъ отвѣтъ, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ; но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который Дантесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно, по совѣту Геккерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ Дантеса. Это письмо Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ г-жѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо Дантесу; но, встрѣтясь у ней съ барономъ Геккереномъ, онъ подошелъ къ нему и, вынувъ письмо изъ кармана, просилъ барона возвратить его тому, кто писалъ его, прибавивъ, что не только читать писемъ Дантеса, но даже и имени его онъ слышать не хочетъ.

«Вѣрный принятому имъ намѣренію постоянно раздражать Пушкина, Геккеренъ отвѣчалъ, что такъ какъ письмо это писано было къ Пушкину, а не къ нему, то онъ и не можетъ принять его.

«Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина, и онъ бросилъ письмо въ лицо Геккерену со словами: «Tu la recevra, gredin».

Ну, конечно, послѣдняя фраза не была сказана. Какъ ни смотрѣть на Геккерена, нельзя, конечно, не признать, что, выслушавъ такое оскорбленіе, Геккеренъ тотчасъ же долженъ былъ вызвать Пушкина. Недопустимо, чтобы онъ смолчалъ.

---

[1]) «Русск. Арх.», 1882, II, 247.

Ближайшій поводъ разсказанъ дочерью Пушкиной (отъ П. П. Ланского)—А. П. Араповой въ ея воспоминаніяхъ. Въ нихъ личность Пушкина изображена темными красками, а ей трудно вѣрить въ очень многихъ сообщеніяхъ о Пушкинѣ, но въ томъ разсказѣ, который я сейчасъ привожу, ей можно и должно повѣрить, ибо это говоритъ дочь о матери [1]).

«Геккеренъ, окончательно разочарованный въ своихъ надеждахъ, такъ какъ при рѣдкихъ встрѣчахъ въ свѣтѣ Наталья Николаевна избѣгала, какъ огня, всякой возможности разговоровъ, хорошо проученная ихъ послѣдствіями, прибѣгнулъ къ послѣднему средству.

«Онъ написалъ ей письмо, которое было—вопль отчаянія съ перваго до послѣдняго слова.

«Цѣль его была добиться свиданія. Онъ жаждалъ только возможности излить ей всю свою душу, переговорить только о нѣкоторыхъ вопросахъ, одинаково важныхъ для обоихъ, завѣрялъ честью, что прибѣгаетъ къ ней единственно, какъ къ сестрѣ его жены, и что ничѣмъ не оскорбитъ ея достоинство и чистоту. Письмо, однако же, кончалось угрозою, что если она откажетъ ему въ этомъ пустомъ знакѣ довѣрія, онъ не въ состояніи будетъ пережить подобное оскорбленіе. Отказъ будетъ равносиленъ смертному приговору, а можетъ быть даже и двумъ. Жена въ своей безумной страсти способна послѣдовать данному имъ примѣру, и, загубленныя въ угоду трусливому опасенію, двѣ молодыя жизни вѣчнымъ гнетомъ лягутъ на ея безчувственную душу».

«Года за три передъ смертью,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Арапова,—она разсказала во всѣхъ подробностяхъ разыгравшуюся драму нашей воспитательницѣ, женщинѣ, посвятившей младшимъ сестрамъ и мнѣ всю свою жизнь и внушавшей матери такое довѣріе, что на смертномъ одрѣ она поручила насъ ея заботамъ, прося не покидать домъ до замужества послѣдней изъ насъ. Съ ея словъ я узнала, что, дойдя до этого эпизода, мать, со слезами на глазахъ: «Видите, дорогая Констанція, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я не переставала строго допытывать свою совѣсть, и единственный поступокъ, въ которомъ она меня уличаетъ, это согласіе на роковое свиданіе... Свиданіе, за которое мужъ заплатилъ своей кровью, а я—счастьемъ и покоемъ всей своей жизни. Богъ свидѣтель, что оно было столь же кратко, сколько невинно. Единственнымъ извиненіемъ мнѣ можетъ послужить моя неопытность на почвѣ состраданія... Но кто допуститъ его искренность?»

[1]) «Нов. Вр.», № 11425, 2-го января 1908 г.

«Мѣстомъ свиданія была избрана квартира Идаліи Григорьевны Полетики, въ Кавалергардскихъ казармахъ, такъ какъ мужъ ея состоялъ офицеромъ этого полка... Чтобы предотвратить опасность возможныхъ послѣдствій, Полетика сочла нужнымъ посвятить въ тайну предполагавшейся встрѣчи своего друга, влюбленнаго въ нее кавалергардскаго ротмистра П. П. Ланского (впослѣдствіи второго мужа Н. Н. Пушкиной), поручивъ ему, подъ видомъ прогулки около зданія, зорко слѣдить за всякой подозрительной личностью». Когда Натальѣ Николаевнѣ пришлось давать объясненія по поводу свиданія своему мужу, получившему анонимное увѣдомленіе объ этомъ событіи, она такъ разсказала (въ передачѣ ея дочери) о томъ, что происходило во время этого свиданія. «Она не только не отперлась, но съ присущимъ ей прямодушіемъ повѣдала ему смыслъ полученнаго посланія, причины, повліявшія на ея согласіе, и созналась, что свиданіе ея не имѣло того значенія, которое она предполагала, а было лишь хитростью влюбленнаго человѣка. Этого открытія было достаточно, чтобы возмутить ее до глубины души, и тотчасъ же, прервавъ бесѣду, своей таинственностью одинаково оскорбляющую мужа и сестру, она твердо заявила Геккерену, что останется на вѣкъ глуха къ его мольбамъ и заклинаніямъ, и что это первое, его угрозами вынужденное свиданіе непреклонною ея волею станетъ и послѣднимъ».

А. П. Арапова окружаетъ свой разсказъ роемъ психологическихъ и моральныхъ соображеній. Мы можемъ оставить ихъ безъ вниманія и взять только одно утвержденіе о фактѣ свиданія. Да, на квартирѣ у Идаліи Григорьевны Полетики состоялось свиданіе Дантеса съ Натальей Николаевной.

Объ этомъ свиданіи мы знаемъ и изъ другого источника—изъ разсказовъ княгини В. Ѳ. Вяземской, записанныхъ П. И. Бартеневымъ: «Madame N. N., по настоянію Геккерена, пригласила Пушкину къ себѣ, а сама уѣхала изъ дому. Пушкина разсказывала княгинѣ Вяземской и мужу, что когда она осталась съ глазу на глазъ съ Геккереномъ, тотъ вынулъ пистолетъ и грозилъ застрѣлиться, если она не отдастъ ему себя. Пушкина не знала, куда ей дѣваться отъ его настояній; она ломала себѣ руки и стала говорить какъ можно громче. По счастію, ничего не подозрѣвавшая дочь хозяйки дома явилась въ комнату, и гостья бросилась къ ней» [1]).

---

[1]) «Русск. Арх.», 1888, II, стр. 310. Срвн. также въ замѣткахъ П. И. Бартенева: «Дантесъ былъ частымъ посѣтителемъ Полетики и у нея видался съ Натальей Николаевной, которая однажды пріѣхала оттуда вся впопыхахъ и съ негодованіемъ разсказала, какъ ей удалось избѣгнуть настойчиваго преслѣдованія Дантеса» («Русск. Арх.», 1908, III, стр. 295).

Наталья Николаевна, передававшая мужу всякія волновавшія его пустыя подробности своихъ отношеній къ Дантесу, на этотъ разъ не сочла нужнымъ разсказать ему о столь выдающемся и столь компрометирующемъ событіи, какъ свиданіе наединѣ съ Дантесомъ, и Пушкинъ узналъ о свиданіи, по разсказу А. П. Араповой, на другой же день изъ анонимнаго письма. Носило ли свиданіе въ Кавалергардскихъ казармахъ тотъ характеръ, какой стремилась придать ему Н. Н. Пушкина, или иной, гораздо болѣе обидный для ея женской чести,—все равно, чаша терпѣнія Пушкина была переполнена, и раздраженію уже не могло быть положено никакого предѣла. Оно стремительно вышло изъ границъ. Пушкинъ рѣшилъ быть поединку.

Въ своемъ рѣшеніи онъ открылся наканунѣ вызова давнишней своей пріятельницѣ изъ Тригорскаго, дочери П. А. Осиповой Зинѣ Вульфъ. Впрочемъ въ это время она уже не была «Зиной Вульфъ», а была замужемъ и звалась баронессой Евпраксіей Николаевной Вревской. За нѣсколько дней до дуэли, въ январѣ 1837 года, она пріѣхала въ Петербургъ къ жившей здѣсь сестрѣ своей Аннетѣ Вульфъ и видалась съ Пушкинымъ. Пушкинъ былъ очень близокъ съ П. А. Осиповой и ея дочерьми; съ ними онъ могъ говорить совершенно откровенно и просто, говорить такъ, какъ онъ, пожалуй, ни съ кѣмъ въ Петербургѣ не могъ говорить. И дѣйствительно, надо думать, онъ имѣлъ съ Вульфъ значительный разговоръ. Въ письмѣ къ брату Николаю Ивановичу отъ 28 февраля 1837 г. Александръ Ивановичъ Тургеневъ пишетъ: «Теперь узнаемъ, что Пушкинъ наканунѣ открылся одной дамѣ, дочери той Осиповой, у коей я былъ въ Тригорскомъ, что онъ будетъ драться. Она не умѣла или не могла помѣшать, и теперь упрекъ жены, которая узнала объ этомъ, на нихъ падаетъ» [1]). Когда Тургеневъ, отвозившій тѣло Пушкина въ Святогорскій монастырь, навѣстилъ Тригорское, Осипова разсказывала ему о разговорѣ дочери своей съ Пушкинымъ и впослѣдствіи писала о томъ же. По поводу ея письма Тургеневъ писалъ ей 24 февраля: «Умоляю васъ написать мнѣ все, что вы умолчали и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ,—это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ говорилъ съ вашей милой дочерью почти наканунѣ дуэли; передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣмъ, что онъ говорилъ другимъ,—и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обѣщаю вамъ ее; но для чего таить то, на чемъ уже лежитъ печать смерти!» [2]). Письма Осиповой къ Тургеневу до насъ не

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. VI, стр. 92.
[2]) Тамъ же, вып. I, стр. 59.

дошли, и неизвѣстно, отвѣтила ли она на запросъ Тургенева. Есть еще одно свидѣтельство о разговорѣ Пушкина съ сестрами Вульфъ. Мужъ Евпраксіи Николаевны, баронъ Б. А. Вревскій, писалъ 28-го февраля 1837 года мужу сестры Пушкина, Н. И. Павлищеву: «Евпраксія Николаевна была съ покойнымъ Александромъ Сергѣевичемъ всѣ послѣдніе дни его жизни. Она находитъ, что онъ счастливъ, что избавленъ этихъ душевныхъ страданій, которыя такъ ужасно его мучили послѣднее время его существованія» [1]). Очевидно, задушевныя бесѣды Пушкина съ тригорскими пріятельницами имѣли вліяніе на его душу, что-то выяснили, были значительными. Не даромъ и князь Вяземскій отмѣтилъ фактъ разговора Пушкина съ сестрами Вульфъ: «Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде». До послѣднихъ дней въ памяти князя и княгини Вяземскихъ сохранялось впечатлѣніе о томъ, что бесѣда съ дочерьми П. А. Осиповой имѣла какое-то рѣшительное значеніе въ исторіи поединка. По позднѣйшимъ ихъ разсказамъ, записаннымъ П. И. Бартеневымъ, «въ Петербургъ пріѣхали дѣвицы Осиповы, тригорскія пріятельницы поэта; ихъ разспросы, что значатъ ходившіе слухи, тревожили Пушкина. Между тѣмъ онъ молчалъ, и на этотъ разъ никто изъ друзей его ничего не подозрѣвалъ» [2]). Но почему Осипова не передала Тургеневу всего, что говорилъ Пушкинъ ея дочерямъ? Что онъ сказалъ имъ такого, что Осипова не сочла возможнымъ сообщить Тургеневу? Ясно, во всякомъ случаѣ, что ея сообщенія далеко не соотвѣтствовали той версіи исторіи дуэли, которую распространяли друзья Пушкина,—той версіи, которая тщательно умалчивала объ интимныхъ событіяхъ въ семьѣ Пушкина. Въ прямую связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Осипова и ея дочери знали о дуэли Пушкина больше того, что хотѣли бы оповѣстить о ней друзья Пушкина, надо поставить ихъ отрицательное отношеніе къ Натальѣ Николаевнѣ. А. И. Тургеневъ опасался даже, что П. А. Осипова окажетъ плохой пріемъ Натальѣ Николаевнѣ. 31-го мая 1837 года онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Не пошлешь ли ты Осиповой выписки изъ своего письма къ Давыдову всего, что ты говоришь о вдовѣ Пушкина. Не худо ее вразумить прежде, нежели Пушкина пріѣдетъ къ ней» [3]). Евпраксія Николаевна писала 25-го

---

[1]) Тамъ же, вып. XII, стр. 111.
[2]) «Русск. Арх.», 1888, II, стр. 309.
[3]) «Остафьевскій Архивъ», т. IV, стр. 18.

апрѣля 1837 года своему брату А. Н. Вульфу: «Недавно читали мы изъ Сенатскихъ Вѣдомостей приговоръ Дантеса: разжаловать въ солдаты и выслать изъ Россіи съ жандармомъ за то, что онъ дерзкимъ поступкомъ съ женою Пушкина вынудилъ послѣдняго написать обидное письмо отцу и ему, а онъ за это вызвалъ Пушкина на дуэль. Тутъ жена не очень пріятную играетъ роль во всякомъ случаѣ. Она проситъ у маминьки позволеніе пріѣхать отдать послѣдній долгъ *бѣдному Пушкину*—такъ она его называетъ. Какова?» [1]).

Вообще въ семействѣ Осиповыхъ-Вульфъ Пушкинъ оставилъ по себѣ долгую память. Проходили годы, а Пушкинъ все еще оставался живымъ въ преданіяхъ этой семьи, въ разговорахъ, письмахъ. Съ этимъ культомъ Пушкина хочется сопоставить отношеніе къ Пушкину и его памяти со стороны Гончаровыхъ. И если непріязнь П. А. Осиповой и ея дочерей, любившихъ Пушкина и освѣдомленныхъ въ исторіи послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни, является лишь косвеннымъ свидѣтельствомъ о степени прикосновенности Натальи Николаевны къ трагическимъ событіямъ, преждевременно лишившимъ насъ Пушкина, то такимъ же косвеннымъ доказательствомъ можетъ послужить отношеніе Гончаровыхъ къ памяти Пушкина. Вотъ ихъ-то память оказалась чрезвычайно коротка. Пушкинъ умеръ для нихъ 29-го января 1837 года и не былъ забытъ окончательно лишь по той простой причинѣ, что съ его памятью была крѣпко связана матеріальная жизнь его вдовы, его дѣтей. Никакого культа Пушкина у Натальи Николаевны не оказалось, да и не могло оказаться, и не прошло 4 лѣтъ, какъ Наталья Николаевна, выйдя замужъ за П. П. Ланского, вошла въ тихую и счастливую жизнь, заставившую ее забыть о годахъ перваго своего замужества. Даже малонаблюдательный старикъ Пушкинъ, отецъ поэта, повидавъ Наталью Николаевну осенью 1837 года, нашелъ, что сестра ея Александра Николаевна «болѣе ея огорчена потерею ея мужа» [2]). А о другихъ Гончаровыхъ и говорить нечего. Разговоры о томъ, будто общеніе между Гончаровыми и Дантесами было порвано, дѣйствительностью не оправдываются: въ архивѣ Дантесовъ-Геккереновъ сохранилось не мало про-

---

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. XIX—XX, стр. 110.

[2]) «Пушкинъ и его современники», вып. XIX—XX, стр. 110. Слишкомъ легкое отношеніе къ памяти Пушкина у Н. Н. Пушкиной бросалось въ глаза. Графиня Долли Фикельмонъ, узнавъ, что Пушкина появилась на балахъ, находила, что она, будучи причиной ужасной трагедіи, могла бы воздержаться отъ свѣтской жизни (См. Comte F. de Sonis, Lettres du Comte et de la Comtesse de Ficquelmont à la Comtesse Tiesenhausen, Paris, 1911, p. 38—39).

странныхъ и задушевныхъ писемъ Н. И. Гончаровой и ея сыновей къ Екатеринѣ Николаевнѣ и ея мужу Дантесу. Эта переписка съ очевидностью говоритъ намъ о томъ, что дѣяніе Жоржа Дантеса не диктовало Гончаровымъ никакой сдержки въ отношеніяхъ къ убійцѣ Пушкина. Слѣдовательно, его поведеніе не встрѣчало съ ихъ стороны отрицательной оцѣнки. Воздерживалась отъ переписки съ сестрой и ея мужемъ только Наталья Николаевна, а объясненія ея воздержанія, данныя ея братомъ Д. Н. Гончаровымъ въ письмѣ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, весьма любопытны: «Вы спрашиваете меня, по какой причинѣ Nathalie Вамъ не пишетъ; честное слово, не знаю, но думаю, что нѣтъ никакихъ другихъ причинъ, кромѣ опасенія скомпрометировать перепиской съ вами свое достоинство или скорѣе свое положеніе въ свѣтѣ» [1]). Итакъ, между Пушкиной и Дантесами стояла всего лишь боязнь скомпрометировать себя въ свѣтѣ—и больше ничего.

Еще одно косвенное доказательство противъ Пушкиной имѣется въ весьма категорическомъ указаніи Геккерена-старшаго. Въ своихъ объясненіяхъ графу Нессельроду баронъ Геккеренъ возложилъ отвѣтственность за случившееся на Наталью Николаевну. «Я яко бы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть она покажетъ подъ присягой, что̀ ей извѣстно, и обвиненіе падетъ само собой. Она сама сможетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пропасти, въ которую она летѣла; она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся». Извѣстно, что слѣдственная Комиссія не нашла возможнымъ обращаться съ какими-либо вопросами къ Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной [2]).

Дантесъ не считалъ себя виновнымъ и утверждалъ, что доказательства его невиновности находятся въ рукахъ Натальи Николаевны. Лѣтомъ 1837 года въ Баденъ-Баденѣ Дантесъ встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Карамзинымъ,—и вотъ какъ описывалъ эту встрѣчу А. Н. Карамзинъ въ письмѣ къ матери отъ 28-го іюня 1837 года: «Вечеромъ на гуляніи увидалъ я Дантеса съ женою: они оба пристально на меня поглядѣли, но не кланялись; я подошелъ къ нимъ первый, и тогда Дантесъ à la lettre бросился

---

[1]) См. ниже, во II-ой части нашей книги.

[2]) «Дуэль», 185. Срвн. наши соображенія («Пушкинъ», 387) и соображенія С. А. Панчулидзева въ біографіи Дантеса, назв. соч., стр. 87.

ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку. Я не могу выразить смѣшенія чувствъ, которыя тогда толпились у меня въ сердцѣ при видѣ этихъ двухъ представителей прошедшаго, которые такъ живо напоминали мнѣ и то, что было, и то, что ужъ нѣтъ и не будетъ. Обмѣнявшись нѣсколькими обыкновенными фразами, я отошелъ и присталъ къ другимъ: русское чувство боролось у меня съ жалостью и какимъ-то внутреннимъ голосомъ, говорящимъ въ пользу Дантеса. Я замѣтилъ, что Дантесъ ждетъ меня, и въ самомъ дѣлѣ онъ скоро опять присталъ ко мнѣ и, схвативъ меня за руку, потащилъ въ пустыя аллеи.

«Не прошло двухъ минутъ, что онъ уже разсказывалъ мнѣ со всѣми подробностями свою несчастную исторію и съ жаромъ оправдывался въ моихъ обвиненіяхъ, которыя я дерзко ему высказывалъ. Онъ мнѣ показывалъ копію съ страшнаго пушкинскаго письма, протоколъ отвѣтовъ въ Военномъ судѣ [1]) и клялся въ совершенной невинности. Всего болѣе и всего сильнѣе отвергалъ онъ малѣйшее отношеніе къ Натальѣ Николаевнѣ послѣ обрученія съ сестрою ея и настаивалъ на томъ, что второй вызовъ a été comme une tuile qui lui est tombée sur la tête. Со слезами на глазахъ говорилъ онъ о поведеніи вашемъ въ отношеніи къ нему и нѣсколько разъ повторялъ, что оно глубоко огорчило его... Votre famille que j'estimais de coeur, votre frère surtout que j'aimais et dans lequel j'avais confience m'abandonnait en devenant mon ennemi sans vouloir m'entendre ni me donner la possibilité de me justifier, c'était cruel, c'était mal à lui. Онъ прибавилъ: «Ma justification complète ne peut venir que de M-e Pouschkine, dans quelques années, quand elle sera calme, elle dira peut-être, que j'ai tout fait pour les sauver et que si je n'y ai pas réussi, cela n'a pas été de ma faute» и т.д. Разговоръ и гулянье наше продолжались отъ 8 до 11 час. вечера. Богъ ихъ разсудитъ, я буду съ нимъ знакомъ, но не друженъ по старому—c'est tout ce que je puis faire» [2]).

«Я сдѣлалъ все, чтобы *«ихъ» спасти»*—говорилъ Дантесъ А. Н. Карамзину. Когда Е. И. Загряжская собиралась переговорить съ Пушкинымъ о брачныхъ намѣреніяхъ Дантеса, баронъ Геккеренъ наканунѣ разговора писалъ ей: «Вы знаете, что я не уполномочивалъ Васъ говорить съ Пушкинымъ, что Вы дѣлаете это по своей волѣ, чтобы *спасти своихъ*». Этого заявленія Дантеса и Геккерена нельзя не оцѣнивать.

[1]) Это, очевидно, тотъ самый черновикъ отвѣтовъ, который по сей день хранится въ архивѣ бароновъ Геккереновъ. Напечатанъ въ первомъ изданіи нашей книги, стр. 178—180; см. также факсимиле.

[2]) «Старина и Новизна», книга 17-ая, стр. 317—318.

Приведенными свидѣтельствами—прямыми (разсказы дочери Н. Н. Пушкиной и княгини В. Ѳ. Вяземской со словъ самой Н. Н.) и косвенными—исчерпываются всѣ данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время о винѣ Натальи Николаевны. Эти свидѣтельства достаточно краснорѣчивы.

15.

Во вторникъ, 26-го января, Пушкинъ отправилъ барону Геккерену письмо, въ которомъ, по выраженію князя Вяземскаго, «онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего, желая, жаждая развязки, и перомъ, омоченнымъ въ желчи, запятналъ неизгладимыми поношеніями и старика, и молодого». Письмо было нужно лишь какъ символъ нанесенія неизгладимой обиды, и этой цѣли оно удовлетворяло вполнѣ—даже въ такой мѣрѣ, что ни одинъ изъ друзей Пушкина, ни одинъ изъ свѣтскихъ людей, ни одинъ дипломатъ, ни самъ Николай Павловичъ не могли извинить Пушкину этого письма. «Послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ, и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ»,—заключалъ Императоръ Николай Павловичъ въ письмѣ къ брату своему, Великому Князю Михаилу Павловичу [1]). Н. М. Смирновъ позднѣе отзывался объ этомъ письмѣ: «оно было столь сильно, что одна кровь могла смыть находившіяся въ нихъ оскорбленія» [2]).

Приводимъ это письмо въ переводѣ, сдѣланномъ (не вполнѣ точно, зато стильно) въ слѣдственной по дѣлу о дуэли Комиссіи.

«Господинъ Баронъ! Позвольте мнѣ изложить вкратцѣ все случившееся. Поведеніе Вашего сына было мнѣ давно извѣстно, и я не могъ остаться равнодушнымъ.

«Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый взяться за дѣло, когда почту за нужное. Случай, который во всякую другую минуту былъ бы мнѣ очень непріятнымъ, представился весьма счастливымъ, чтобы мнѣ раздѣлаться. Я получилъ безыменныя письма и увидѣлъ, что настала минута, и я ею воспользовался. Остальное Вы знаете. Я заставилъ Вашего сына играть столь жалкую роль, что моя жена, удивленная такою низостью и плоскостію его, не могла воздержаться отъ смѣха, и ощущеніе, которое бы она могла имѣть къ этой сильной и высокой страсти, погасло

---

[1]) «Пушкинъ», стр. 359.

[2]) «Русск. Арх.», 1882, I, стр. 236.

Пушкинъ на смертномъ одрѣ

(Съ рисунка съ натуры А. А. Козлова. Собственность Пушкинскаго Музея Александровскаго Лицея)

въ самомъ холодномъ презрѣніи и заслуженномъ отвращеніи. Я долженъ признаться, господинъ баронъ, что поведеніе собственно Ваше было не совершенно прилично. Вы, представитель коронованной главы, Вы родительски сводничали Вашему сыну; кажется, что все поведеніе его (довольно неловкое, впрочемъ) было вами руководимо. Это вы, вѣроятно, внушали ему всѣ заслуживающія жалости выходки и глупости, которыя онъ позволилъ себѣ писать. Подобно старой развратницѣ, вы сторожили жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденнаго или такъ называемаго сына, и когда, больной венерической болѣзнью, онъ оставался дома, Вы говорили, что онъ умиралъ отъ любви къ ней; вы ей бормотали: «возвратите мнѣ сына».—Вы согласитесь, господинъ баронъ, что послѣ всего этого я не могу сносить, чтобъ мое семейство имѣло малѣйшее сношеніе съ Вашимъ. Съ этимъ условіемъ я согласился не преслѣдовать болѣе этого гадкаго дѣла и не обезчестить васъ въ глазахъ вашего Двора и нашего, на что я имѣлъ право и намѣреніе. Я не забочусь, чтобъ жена моя еще слушала ваши отцовскія увѣщанія, не могу позволить, чтобъ сынъ вашъ послѣ своего отвратительнаго поведенія осмѣлился обращаться къ моей женѣ и еще менѣе того говорилъ ей казарменные каламбуры и игралъ роль преданности и несчастной страсти, тогда какъ онъ подлецъ и негодяй. Я вынужденъ обратиться и просить Васъ окончить всѣ эти продѣлки, если вы хотите избѣжать новой огласки, предъ которой, я, вѣрно, не отступлю.

«Имѣю честь быть, господинъ баронъ, Вашъ покорный и послушный слуга А. Пушкинъ» [1]).

---

[1]) Мы рѣшительно отказываемся принимать это письмо за то, которое въ ноябрѣ 1836 г. читалъ Пушкинъ графу В. А. Соллогубу (срвн. выше, стр. 106). В. И. Саитовъ печатаетъ это письмо дважды: подъ 21 ноября—№ 1105 («Переписка», III, 412) и подъ 26 января—№ 1138 (тамъ же, 444). По всей вѣроятности, основаніемъ къ такому размѣщенію послужила наличность разночтеній въ обоихъ текстахъ. Оба текста восходятъ къ пушкинскимъ автографамъ. Послѣдній текстъ (№ 1138) данъ по копіи, оставленной въ военно-судномъ о дуэли дѣлѣ и снятой съ того подлиннаго письма Пушкина, которое было въ рукахъ Геккерена, отъ него поступило въ слѣдственную Комиссію и затѣмъ было возвращено барону Геккерену (см. «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Военно-судное дѣло 1837 г.» С-Пб., 1900, стр. 51—52. Подлинное дѣло находится нынѣ въ Пушкинскомъ Музеѣ при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ). Другой собственноручный подлинникъ былъ изготовленъ Пушкинымъ для своего секунданта и врученъ имъ К. К. Данзасу. Въ 1863 году факсимиле этого автографа дано въ брошюрѣ Аммосова «Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина». По этому-то факсимиле В. И. Саитовъ далъ первый текстъ № 1105. Явное недоразумѣніе! Наличность разночте-

Князь Вяземскій,—очевидно, со словъ д'Аршіака—приводитъ сказанную ему Пушкинымъ за часъ до поединка фразу: «Съ начала этого дѣла я вздохнулъ свободно только въ ту минуту, когда именно написалъ это письмо» [1]). Въ тотъ день, когда письмо было отправлено къ Геккерену, Тургеневъ видѣлъ Пушкина два раза, и оба раза Пушкинъ былъ веселъ. Онъ провелъ съ нимъ часть утра и видѣлъ его веселаго, полнаго жизни, безъ малѣйшихъ признаковъ задумчивости; Тургеневъ и Пушкинъ долго разговаривали о многомъ и Пушкинъ шутилъ и смѣялся [2]).

ній, правда, весьма незначительныхъ, чисто словесныхъ, безъ измѣненія смысла, можетъ лишь свидѣтельствовать о томъ волненіи, въ которомъ находился Пушкинъ, оказавшійся не въ состояніи снять точную копію своего письма. О душевномъ состояніи Пушкина ярко говоритъ и тотъ фактъ, что не сразу ему далось это письмо: послѣ его смерти въ его кабинетѣ были найдены клочки бумаги; съ большимъ трудомъ удалось расположить эти лоскутки такъ, что изъ нихъ составилось два черновика, двѣ первоначальныхъ,—къ сожалѣнію, неполныхъ,—редакціи этого письма. Факсимиле этихъ черновыхъ было дано въ «Русской Старинѣ» 1880, іюль, 516—521. По этому факсимиле В. И. Саитовъ далъ свои черновые къ № 1105, т.-е. яко бы къ письму отъ 21-го ноября. Не входя въ сравнительный анализъ черновиковъ и окончательной редакціи письма, отмѣтимъ основное отличіе послѣдней редакціи отъ первоначальныхъ: въ черновикахъ Пушкинъ развивалъ тему объ отношеніи Геккерена-старшаго къ анонимнымъ пасквилямъ и категорически утверждалъ *его авторство* этихъ писемъ; въ бѣловомъ не осталось даже намека на это обстоятельство. Важное отличіе, указывающее, по нашему мнѣнію, на то, что полной и рѣшительной, основанной на фактахъ и могущей быть доказанной увѣренности въ авторствѣ Геккерена у Пушкина не было. Переходя къ содержанію письма въ окончательной редакціи, можно отмѣтить, что въ немъ самомъ есть указанія, не позволяющія относить его къ ноябрю 1836 года: упоминаніе о казарменныхъ каламбурахъ, которыми потчевалъ Дантесъ Наталью Николаевну, заключаетъ, очевидно, намекъ на каламбуръ о мозольномъ операторѣ, но эта острота могла быть сказана только послѣ женитьбы Дантеса. Самое выраженіе: «je ne pouvois souffrir qu'il y eût des relations entre ma famille et la vôtre» могло быть употреблено опять-таки только послѣ женитьбы Дантеса.

Не лишнее упомянуть здѣсь объ ошибкѣ В. И. Срезневскаго въ его описаніи «Пушкинской коллекціи, принесенной въ даръ Библіотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой» («Пушкинъ и его современники», IV, 35 и отд. отт., 35). Въ этой коллекціи находятся клочки письма Пушкина, отнесенные В. И. Срезневскимъ къ письму Пушкина къ барону Геккерену, а на самомъ дѣлѣ представляющіе черновикъ письма къ графу А. Х. Бенкендорфу отъ 21-го ноября 1836 года и напечатанные въ «Перепискѣ», т. III, стр. 417—418, № 1106.

[1]) «Русск. Арх.», 1879, II, 248.

[2]) «Пушкинъ и его современники», вып. XI, стр. 48. Внѣшняя веселость Пушкина бросалась въ глаза стороннимъ наблюдателямъ. Стоитъ вспомнить,

Почти никто изъ окружавшихъ Пушкина не зналъ о письмѣ, которое было послано 26-го января барону Геккерену. Веселость его, такъ запомнившаяся А. И. Тургеневу, могла обмануть всѣ подозрѣнія. Одинъ только человѣкъ въ домѣ Пушкина зналъ объ этомъ письмѣ: то была Александра Николаевна Гончарова [1]).

Какихъ результатовъ ждалъ Пушкинъ отъ своего письма? Конечно, онъ долженъ былъ предвидѣть, что можетъ послѣдовать вызовъ на дуэль, но можно ли думать, что Пушкинъ, зная характеръ Геккерена, могъ разсчитывать и на то, что Геккеренъ не пойдетъ на дуэль, промолчитъ о немъ и только приметъ мѣры къ дѣйствительному прекращенію флирта и какихъ-либо сношеній съ домомъ Пушкина? Такое мнѣніе было высказано въ литературѣ о пушкинской дуэли, но врядъ ли съ нимъ можно согласиться [2]). Пушкинъ жаждалъ именно развязки, а пока существовалъ свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ были своими Геккерены, до той поры не могъ бы успокоиться Пушкинъ. Наоборотъ: если бы письмо не подѣйствовало, Пушкинъ, конечно, не остановился бы и передъ дальнѣйшими воздѣйствіями.

Предоставимъ слово барону Геккерену. 30-го января въ донесеніи своему министру онъ слѣдующимъ образомъ излагалъ исторію дуэли:

«Мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и мстительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

«Не знаю, чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ, въ частности, зависти, или какому-либо другому невѣдомому побужденію,—но только прошлый втор-

---

напримѣръ, безподобную сцену въ мастерской К. Брюллова наканунѣ, т.-е. 26-го января, записанную въ дневникѣ А. Мокрицкаго («Современникъ» 1855, т. CIII, Воспоминанія о Брюлловѣ, стр. 165—166). Точно, принявъ безповоротное рѣшеніе покончить съ ненавистнымъ дѣломъ Дантеса, Пушкинъ дѣйствительно снялъ съ души своей тяжкое бремя. Но по нѣкоторымъ признакамъ, которые мы вскорѣ отмѣтимъ, надо думать, что внутреннее его состояніе было далеко неспокойнымъ и неровнымъ. Веселость же была результатомъ не внутренняго спокойствія, а возбужденія, вызваннаго предпринятымъ важнымъ рѣшеніемъ.

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. VI, стр. 50. О дуэльныхъ намѣреніяхъ Пушкина знала еще, какъ мы отмѣчали уже, баронесса Е. Н. Вревская. См. выше, стр. 121 и еще «Русск. Вѣстн.» 1869 г., т. LXXXIV, стр. 91.

[2]) Б. В. Никольскій. Послѣдняя дуэль Пушкина, Спб. 1901, стр. 68.

никъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собирались на обѣдъ къ графу Строганову, безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести всѣ отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

«Все же я готовъ представить Вашему Превосходительству копію съ него, если вы потребуете, но на сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самые презрѣнные эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

«Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, во-первыхъ, общественное званіе, которымъ королю было благоугодно меня облечь, препятствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако, я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посовѣтовался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ».

Эти строки подтверждаютъ разсказъ Данзаса: «Говорятъ, что, получивъ это письмо, Геккеренъ бросился за совѣтомъ къ графу Строганову, и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Геккерену. чтобы сынъ его, баронъ Дантесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ». Этотъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ (1770—1857) былъ родственникомъ Натальи Николаевны: онъ былъ по матери двоюродный братъ матери Натальи Николаевны—Н. И. Гончаровой. Въ свое время, будучи посланникомъ въ Испаніи (1805—1813), графъ Г. А. Строгановъ пріобрѣлъ шумную извѣстность своими побѣдами надъ женскими сердцами [1]).

Вызовъ Пушкину отъ лица Дантеса передалъ въ тотъ же день виконтъ д'Аршіакъ вмѣстѣ съ письмомъ Геккерена.

«Милостивый Государь!—писалъ баронъ Геккеренъ.—«Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ виконту д'Аршіаку, который передастъ Вамъ это письмо, съ просьбой удостовѣриться, точно ли письмо, на которое я отвѣчаю, отъ васъ».

---

[1]) Русскіе портреты XVIII и XIX вв. Изд. Великаго Князя Николая Михайловича, т. V, Спб., 1909, стр. 30 и «Русск. Арх.», 1908, III, стр. 204.

Начало письма неудачное и фальшивое. Геккеренъ пишетъ, что не знаетъ ни подписи, ни почерка Пушкина, а тремя строками ниже, упоминая о письмѣ съ отказомъ отъ вызова, онъ говоритъ, что это письмо, писанное рукою Пушкина, налицо: значитъ, почеркъ и подпись Пушкина были ему знакомы, и удостовѣряться въ подлинности письма Пушкина отъ 27-го января было дѣломъ лишнимъ [1]).

«Содержаніе письма—продолжалъ Геккеренъ—до такой степени переходитъ всякія границы возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на подробности этого посланія».—Но менѣе всего Пушкинъ хотѣлъ бы объясненій Геккерена!»—«Мнѣ кажется, вы забыли, Милостивый Государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Жоржу Геккерену, принявшему его. Доказательство того, что я говорю, писанное вашей рукой, налицо и находится въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только сказать, что виконтъ д'Аршіакъ ѣдетъ къ вамъ, чтобы условиться о мѣстѣ встрѣчи съ барономъ Геккереномъ; прибавляю при этомъ, что эта встрѣча должна состояться безъ всякой отсрочки. Впослѣдствіи, Милостивый Государь, я найду средство научить васъ уваженію къ званію, въ которое я облеченъ и которое никакая выходка съ вашей стороны оскорбить не можетъ».—Подъ письмомъ, кромѣ подписи барона Геккерена, находится еще надпись Дантеса «Читано и одобрено мною».

Въ письмѣ Геккерена останавливаетъ вниманіе послѣдняя фраза. Очевидно, Геккеренъ не вѣрилъ въ серьезность дуэли, если писалъ, что впослѣдствіи, послѣ дуэли онъ найдетъ средство научить Пушкина уваженію къ его званію. Не лишенная интереса черточка!

16.

Письмо къ барону Геккерену Пушкинъ написалъ и отправилъ днемъ: Геккеренъ получилъ его, собираясь на обѣдъ къ графу Строганову. Отвѣтное письмо Геккеренъ сочинилъ, вернувшись съ обѣда отъ графа Строганова, съ которымъ онъ посовѣтовался по поводу своихъ дѣйствій, и повидавшись съ д'Аршіакомъ, который далъ согласіе вручить письмо Геккерена Пушкину и быть секундантомъ Дантеса. Д'Аршіакъ запросилъ Пушкина записочкой на визитной карточкѣ: «Прошу г. Пушкина сдѣлать

---

[1]) Такимъ образомъ изъ первыхъ фразъ письма Геккерена нельзя извлечь доказательство того, что первый вызовъ Пушкина былъ не письменный, а устный. Срвн. выше, стр. 70, прим. 1.

мнѣ честь сообщить, можетъ ли онъ меня принять, и если онъ не можетъ сейчасъ, то въ какомъ часу это будетъ возможно» [1]). Сохранилась записка Пушкина къ А. И. Тургеневу, писанная, по обозначенію Тургенева, наканунѣ дуэли: «Не могу отлучиться. Жду васъ до 5 часовъ» [2]). Изъ сопоставленія записокъ Пушкина и д'Аршіака можно съ вѣроятностью заключить, что Пушкинъ не могъ отлучиться въ этотъ день 26-го января, такъ какъ онъ назначилъ часъ д'Аршіаку. Такимъ образомъ посѣщеніе д'Аршіака можно отнести ко времени передъ вечеромъ. Князь Вяземскій сообщаетъ слѣдующую подробность этого посѣщенія: «Д'Аршіакъ принесъ отвѣтъ. Пушкинъ его не читалъ, но принялъ вызовъ, который былъ ему сдѣланъ отъ имени сына» [3]). Своего секунданта Пушкинъ, конечно, не могъ назвать сразу и сказалъ, что онъ въ тотъ же день пришлетъ къ д'Аршіаку лицо, которое имъ будетъ избрано. Въ тотъ же день д'Аршіакъ сообщилъ Пушкину, что онъ будетъ ждать секунданта его, Пушкина, до 11 часовъ вечера, у себя на дому, а послѣ этого часа—на балу у графини Разумовской [4]).

Выборъ секунданта оказался для Пушкина дѣломъ нелегкимъ. Сейчасъ мы разскажемъ о неудачномъ его обращеніи къ англичанину Медженису. Друзья Пушкина объясняли это обращеніе нежеланіемъ Пушкина подводить своихъ соотечественниковъ подъ непріятность слѣдствія. Намъ кажется, у Пушкина было и другое, важнѣйшее соображеніе: онъ боялся, что, пригласивъ въ секунданты кого-либо изъ друзей своихъ или ближайшихъ знакомыхъ своего круга, онъ встрѣтитъ съ ихъ стороны противодѣйствіе своей рѣшимости и попытку опять устроить промедленіе, примиреніе въ родѣ того, что было устроено въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Пушкинъ боялся, что опять вмѣшаются Жуковскій, князь Вяземскій, потянется опять надоѣдливая канитель въ дѣлѣ, развязки котораго онъ страстно жаждалъ. И Пушкинъ достигъ своей цѣли. «Всѣ мы—писалъ впослѣдствіи П. А. Плетневъ—узнали объ общемъ нашемъ несчастіи только тогда, когда уже ударъ совершился» [5]). Пушкинъ велъ дѣло съ крайней стремительностью. 26-го января онъ послалъ вызовъ, и въ этотъ же день было рѣшено, что дѣло должно быть окончено на другой день—27-го января.

Вечеръ 26-го января Пушкинъ, по всей вѣроятности, посвятилъ по-

---

[1]) «Переписка», III, 446.

[2]) «Пушкинъ и его современники», II, 8—9.

[3]) «Дуэль», 146.

[4]) «Переписка», III, 446—447.

[5]) Изъ письма П. А. Плетнева къ В. Г. Теплякову—«Истор. Вѣстн.», 1887, іюль, 21.

искамъ секунданта, не давшимъ результата. На короткое время Пушкинъ заходилъ къ Вяземскимъ. Князя не было дома, и Пушкинъ открылся въ томъ, что онъ послалъ вызовъ, княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ, которая съ давняго времени, еще съ одесской поры была близкимъ его другомъ и повѣренной въ весьма интимныхъ событіяхъ его жизни. Сказалъ онъ ей о вызовѣ или потому, что былъ увѣренъ въ томъ, что она не приметъ мѣръ къ активному противодѣйствію, или потому, что зналъ, что колесо событій теперь уже нельзя повернуть въ обратную сторону никакими вмѣшательствами. По всей вѣроятности, Пушкинъ не сказалъ о стремительности, съ которой развивались событія. Княгиня Вяземская не знала, что ей дѣлать; не помогли ей въ этомъ и бывшіе у нея въ тотъ вечеръ В. А. Перовскій и графъ М. Ю. Вьельгорскій. Князь же Вяземскій на бѣду вернулся очень поздно [1]).

Вечеромъ Пушкинъ былъ на балу у графини Разумовской. Здѣсь онъ имѣлъ разговоръ съ д'Аршіакомъ. Кто-то обратилъ вниманіе князя Вяземскаго на Пушкина и д'Аршіака: «Пойдите, посмотрите, Пушкинъ о чемъ-то объясняется съ д'Аршіакомъ, тутъ что-нибудь недоброе»—сказали Вяземскому. Вяземскій направился въ сторону Пушкина и д'Аршіака, но при его приближеніи разговоръ прекратился [2]).

По всей вѣроятности, на балу же Пушкину пришла мысль обратиться съ просьбой быть его секундантомъ къ Артуру Медженису (Arthur C. Magenis), состоявшему при англійскомъ посольствѣ. Въ разсказахъ Н. М. Смирнова есть нѣсколько строкъ объ этомъ Медженисѣ: «Онъ часто бывалъ у графини Фикельмонъ—долгоносый англичанинъ (потомъ былъ посолъ въ Португаліи), котораго звали perroquet malade, очень порядочный человѣкъ, котораго Пушкинъ уважалъ за честный нравъ» [3]). Артуръ Меджемисъ не далъ категорическаго согласія, а только обѣщалъ переговорить съ д'Аршіакомъ тутъ же на балу.

Медженисъ сказалъ д'Аршіаку, что Пушкинъ только-что сообщилъ ему о своемъ дѣлѣ съ Геккереномъ и просилъ его быть секундантомъ; но

---

[1]) «Русск. Арх.», 1888, II, 310. Къ этому позднѣйшему разсказу княгини Вяземской, записанному П. И. Бартеневымъ, относимся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: выходитъ, будто княгиня ничего не предприняла къ предотвращенію дуэли только потому, что князь Вяземскій вернулся поздно. Но, вѣдь, было еще утро и день 27 января. Почему же утромъ или днемъ 27-го января княгиня не сказала князю?

[2]) «Русск. Арх.», 1888, II, 312. На балу у графини Разумовской видѣлъ Пушкина А. И. Тургеневъ. См. «Пушкинъ и его современники», вып. VI, стр. 48.

[3]) Тамъ же, 1882, II, 248.

Медженисъ добавилъ, что онъ не далъ окончательнаго согласія, а только обѣщалъ Пушкину переговорить съ нимъ, д'Аршіакомъ. Но д'Аршіакъ отказался вступить въ какіе-либо переговоры съ Меджениеомъ, такъ какъ формально онъ не являлся секундантомъ Пушкина. Медженисъ бросился искать по заламъ Пушкина, но не нашелъ его: онъ уже уѣхалъ домой. Было за полночь, Медженисъ не рѣшился лично заѣхать къ Пушкину въ такой поздній часъ, не желая вызвать своимъ посѣщеніемъ подозрѣнія въ хозяйкѣ дома, и во второмъ часу ночи отправилъ Пушкину письмо. Изложивъ свой разговоръ съ д'Аршіакомъ, Медженисъ закончилъ письмо отказомъ отъ секундантства, мотивируя его тѣмъ, что дѣло, на его взглядъ, не могло окончиться миромъ, а только надежда на возможность мирнаго улаженія дѣла и могла побудить его принять участіе въ дѣлѣ [1]).

Такимъ образомъ въ теченіе дня 26-го января Пушкинъ не успѣлъ найти секунданта [2]).

---

[1]) «Переписка», III, 448, письмо Меджениса къ Пушкину.

[2]) Въ «Перепискѣ» (III, 448, № 1143) напечатанъ еще одинъ «дуэльный» документъ—записочка къ К. О. Россету: «Partie remise, je vous previendrai». Мы отказываемся принимать въ соображеніе при нашемъ разсказѣ эту записку въ виду крайней сомнительности источника ея происхожденія. Текстъ ея сообщенъ въ запискахъ А. О. Смирновой (Записки. Часть II. Спб. 1897, 79); оригиналъ записки, по ея словамъ, затерялся. Какъ разъ передъ текстомъ письмеца въ запискахъ (стр. 78) помѣщенъ совершенно вздорный и невѣрный разсказъ о томъ, какъ Пушкинъ провелъ вечеръ наканунѣ дуэли у Мещерскихъ, гдѣ были въ это время Дантесъ съ женой и т. д. Ужъ одно сосѣдство документа съ такимъ разсказомъ должно бы внушить рѣшительное недовѣріе къ «тексту» записки.

Не считаемъ нужнымъ и полезнымъ отмѣчать представляющіеся намъ недостовѣрными различныя сообщенія современниковъ о Пушкинѣ наканунѣ дуэли. Все это разсказы, созданные въ позднѣйшее время подъ впечатлѣніемъ случившагося. Таковъ, напримѣръ, разсказъ графа А. Ѳ. Ростопчина о томъ, какъ Пушкинъ за день до поединка обѣдалъ у Ростопчиныхъ и неоднократно убѣгалъ изъ гостиной мочить себѣ голову: до того она у него горѣла («Русск. Арх.»,1905, III, стр. 212). Таковъ разсказъ князя П. П. Вяземскаго: «25-го января Пушкинъ и молодой Геккеренъ съ женами провели у насъ вечеръ. И Геккеренъ, и обѣ сестры были спокойны, веселы, принимая участіе въ общемъ разговорѣ. Въ этотъ самый день уже было отправлено Пушкинымъ барону Геккерену оскорбительное письмо. Смотря на жену, онъ сказалъ въ тотъ вечеръ: «Меня забавляетъ то, что этотъ господинъ забавляетъ мою жену, не зная, что ожидаетъ его дома. Впрочемъ, съ этимъ молодымъ человѣкомъ мои счеты кончены» (Князь П. П. Вяземскій, Собраніе сочиненій, Спб., 1893, стр. 556). Явно недостовѣрное сообщеніе: письмо было отправлено не 25-го, а 26-го, и 26-го былъ балъ у графини Разумовской. Посылая письмо старшему Геккерену, Пушкинъ, конечно, не могъ предвидѣть,

17.

Въ рѣшительный день 27-го января, день дуэли, Пушкинъ находился съ утра въ возбужденномъ, бодромъ и веселомъ настроеніи.

Жуковскій въ замѣткахъ, впервые оглашенныхъ въ нашей книгѣ, записалъ слѣдующія подробности этого утра Пушкина: «Всталъ весело въ 8 часовъ—послѣ чаю много писалъ—часу до 11-го. Съ 11 обѣдъ.—Ходилъ по комнатѣ необыкновенно весело, пѣлъ пѣсни—потомъ увидѣлъ въ окно Данзаса, въ дверяхъ встрѣтилъ радостно.—Вошли въ кабинетъ, заперъ дверь.—Черезъ нѣсколько минутъ послалъ за пистолетами.—По отъѣздѣ Данзаса началъ одѣваться; вымылся весь, все чистое; велѣлъ подать бекешь; вышелъ на лѣстницу.—Возвратился.—Велѣлъ подать въ кабинетъ большую шубу и пошелъ пѣшкомъ до извощика.—Это было въ 1 часъ». Вернулся домой Пушкинъ уже послѣ дуэли, раненымъ. Эти краткія, сжатыя и необычайно цѣнныя записи Жуковскаго мы можемъ нѣсколько развернуть при помощи извѣстныхъ уже намъ данныхъ. Жуковскій писалъ свои замѣтки на основаніи показаній домочадцевъ Пушкина, домочадцы судили о настроеніи Пушкина по его внѣшности, но было бы рискованно утверждать, что внутреннее его состояніе соотвѣтствовало его наружному виду, что онъ внутренне былъ такъ же спокоенъ и бодръ, какъ это казалось по его внѣшности.

27-го января Пушкинъ всталъ весело въ 8 часовъ. Послѣ чаю много писалъ—часу до 11-го. Въ началѣ 10-го часа Пушкинъ получилъ записку отъ д'Аршіака, который 26-го января такъ и не дождался встрѣчи съ секундантомъ Пушкина. «Я ожидаю,—писалъ д'Аршіакъ,—сегодня же утромъ отвѣта на мою записку, которую я имѣлъ честь послать къ вамъ вчера вечеромъ. Мнѣ необходимо переговорить съ секундантомъ, котораго вы выберете, притомъ въ возможно скоромъ времени. До полудня я буду дома;

что драться ему придется съ младшимъ, и т. д. Столь же недостовѣренъ разсказъ Н. М. Коншина о посѣщеніи имъ Пушкина въ день 27-го января 1837 года («Яросл. Губ. Вѣд.», 1864, №№ 17 и 18; перепечатано въ «Русск. Арх.», 1877, III, стр. 402—403). А. И. Кирпичниковъ (Очерки по исторіи новой русской литературы, т. II, М. 1903, стр. 113 сс.) выяснилъ недостовѣрность разсказа Коншина и указалъ психологическія основанія къ возникновенію такого свидѣтельства: «Сознательнаго искаженія, конечно, ни съ чьей стороны не было, а здѣсь дѣйствовалъ законъ безсознательнаго творчества, въ силу котораго мелкія и не характерныя событія исчезаютъ, а крупныя сближаются къ времени и мѣсту». Не оговариваемъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же свидѣтельствъ.

надѣюсь еще до этого времени увидѣться съ тѣмъ, кого вамъ будетъ угодно прислать ко мнѣ». На это обращеніе Пушкинъ отвѣчалъ письмомъ, которое ему далось не сразу. Сохранились клочки черновика съ поправками, свидѣтельствующіе о неспокойномъ, нервномъ состояніи духа Пушкина [1]); содержаніе отвѣта говоритъ о томъ же. Одинъ опытъ съ секундантомъ наканунѣ не удался, приглашать новаго, посвящать его въ подробности и рисковать получить отказъ значило для Пушкина давать пищу петербургскимъ празднолюбамъ. Разглашеніе же дѣла могло повести къ вмѣшательству друзей. Поэтому онъ писалъ д'Аршіаку: «Я вовсе не желаю, чтобы праздные петербургскіе языки вмѣшивались въ мои семейныя дѣла; поэтому я не согласенъ ни на какіе переговоры между секундантами. Я приведу моего только на мѣсто поединка». Изъ этихъ словъ видно, что у Пушкина какъ будто уже намѣтился секундантъ. Но слѣдующія слова письма приводятъ къ обратному заключенію: «Такъ какъ г. Геккеренъ—обиженный и вызвалъ меня, то онъ можетъ самъ выбрать для меня секунданта, если увидитъ въ томъ надобность: я заранѣе принимаю всякаго, если даже это будетъ его егерь». Предложеніе Пушкина шло противъ правилъ дуэльнаго кодекса и, понятно, ни въ коемъ случаѣ не могло быть принято противной стороной. Пушкинъ, конечно, зналъ это прекрасно, и если писалъ объ этомъ д'Аршіаку, такъ потому только, что не могъ сдержать себя, своей досады на невольную и нелегко исполнимую обязанность найти секунданта. Не удержался онъ и еще отъ одного выпада—уже по адресу д'Аршіака. «Что касается времени и мѣста—я всегда готовъ къ его услугамъ. По понятіямъ каждаго русскаго, это совершенно достаточно—писалъ Пушкинъ.—Виконтъ, прошу васъ вѣрить, что это мое послѣднее слово, что мнѣ нечего больше отвѣчать вамъ по поводу этого дѣла, и что я не тронусь съ мѣста до окончательной встрѣчи». Этотъ отвѣтъ д'Аршіаку былъ написанъ около 10 часовъ утра и тотчасъ же былъ отправленъ по адресу.

Но этотъ отвѣтъ не разрѣшилъ дѣла. Онъ освобождалъ Пушкина лишь на нѣкоторое время отъ настойчивости д'Аршіака. Секунданта еще не было и найти его нужно было непремѣнно и безотлагательно. Мы не знаемъ, какимъ образомъ всплыла въ памяти Пушкина мысль о лицейскомъ товарищѣ и другѣ Константинѣ Карловичѣ Данзасѣ. Въ 1837 году Данзасъ,

---

[1]) Черновикъ этого письма («Переписка», III, 450, № 1146) сообщенъ впервые И. А. Кубасовымъ въ «Русск. Стар.», 1900, мартъ, 589—592. Тутъ дано и факсимиле,—къ сожалѣнію въ уменьшенномъ видѣ. Текстъ черновика прочитанъ полнѣе и вѣрнѣе В. Я. Брюсовымъ, давшимъ транскрипцію. См. «Письма Пушкина и къ Пушкину», собр. кн—вомъ «Скорпіонъ», М. 1903, 26—27.

въ чинѣ подполковника, служилъ въ С.-Петербургской Инженерной Командѣ и аттестовался по кондуитному списку отлично-благороднымъ. Благородство своего характера онъ доказалъ въ дѣлѣ Пушкина. Не лишнее привести его характеристику: «Данзасъ, по словамъ знавшихъ его, былъ весельчакъ по натурѣ, имѣлъ совершенно французскій складъ ума, любилъ острить и сыпать каламбурами; вообще онъ въ полномъ смыслѣ былъ bon-vivant. Состоя вѣчнымъ полковникомъ, онъ только за нѣсколько лѣтъ до смерти, при выходѣ въ отставку, получилъ чинъ генерала, вслѣдствіе того, что онъ въ мирное время относился къ службѣ благодушно, индифферентно и даже черезчуръ безпечно; хотя его всѣ любили, даже его начальники, но хода по службѣ не давали... Данзасъ жилъ и умеръ въ бѣдности, безъ семьи, не имѣя и не наживъ никакого состоянія, пренебрегая постоянно благами жизни, житейскими расчетами. Его и хоронили на счетъ казны. Открытый, прямодушный характеръ, соединенный съ саркастическимъ взглядомъ на людей и вещи, не далъ ему возможности составить, какъ говорится, себѣ карьеру. Нѣсколько разъ ему даже предлагались разныя теплыя и хлѣбныя мѣста, но онъ постоянно отказывался отъ нихъ, говоря, что чувствуетъ себя неспособнымъ занимать такія мѣста» [1]).

Пушкинъ вспомнилъ о Данзасѣ и послалъ за нимъ. Мы не вѣримъ принятой и распространенной версіи о нечаянной встрѣчѣ Пушкина съ Данзасомъ на улицѣ утромъ 27-го января и всецѣло принимаемъ сообщеніе Жуковскаго, что Пушкинъ встрѣтилъ радостно Данзаса у себя въ домѣ около 12 часовъ [2]).

---

[1]) Н. Гастфрейндъ. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею, т. III, Спб., 1913, стр. 333. Сверхъ данныхъ, приведенныхъ у Н. Гастфрейнда и въ изданіи «Дуэль Пушкина... Военно-Судное дѣло», о Данзасѣ см. еще сообщеніе Е. Праве «Историческая справка по дѣлу инженеръ-подполковника Данзаса» (въ газетѣ «Народъ», № 886, отъ 20-го іюня 1899 г.).

[2]) Замѣтки Жуковскаго мы полагаемъ въ основу нашего разсказа о днѣ дуэли. Онѣ прекрасно дополняютъ данныя, имѣвшіяся въ распоряженіи изслѣдователей, но есть одинъ пунктъ—и довольно важный,—въ которомъ запись Жуковскаго рѣшительно расходится со свидѣтельствами современниковъ. Это вопросъ о приглашеніи Данзаса къ участію въ дуэли. 28-го января А. И. Тургеневъ сообщалъ А. И. Нефедьевой: «Пушкинъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, повезъ его къ себѣ на дачу и только тамъ показалъ ему письмо, писанное къ отцу Геккерена; Данзасъ не могъ отказаться быть секундантомъ» («Пушкинъ и его современники», VI, 49). 9-го февраля князь П. А. Вяземскій писалъ А. Я. Булгакову: «Въ день дуэли нечаянно напалъ онъ на улицѣ на стараго товарища лицейскаго Данзаса, съ которымъ онъ былъ всегда отмѣнно друженъ; не говоря ему ни слова, посадилъ въ свои сани и повезъ къ д'Аршіаку. Спустя два часа они были уже на мѣстѣ дуэли»

Среди размышленій о дуэли Пушкинъ вспомнилъ объ А. О. Ишимовой, составительницѣ «Русской исторіи въ разсказахъ для дѣтей». Онъ хотѣлъ

(«Русск. Арх.», 1879, II, 249). Въ письмѣ къ Великому Князю Михаилу Павловичу Вяземскій писалъ иначе: «Послѣ отказа Медженниса, въ отчаяніи, что дѣло разстроилось, Пушкинъ вышелъ 27-го утромъ, на удачу, чтобы поискать кого-нибудь, кто бы согласился быть секундантомъ. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, своего прежняго школьнаго товарища, а впослѣдствіи друга. Онъ посадилъ его къ себѣ въ сани, сказавъ, что везетъ его къ д'Аршіаку, чтобы взять его въ свидѣтели своего объясненія съ нимъ. Два часа спустя, противники находились уже на мѣстѣ поединка» («Пушкинъ», 320; «Дуэль», 146). Самъ Жуковскій въ неизданной части предназначавшагося къ оглашенію письма къ С. Л. Пушкину о смерти его сына утверждалъ: «Утромъ 27-го числа Пушкинъ, еще не имѣя секунданта, вышелъ рано со двора. Встрѣтясь на улицѣ со своимъ лицейскимъ товарищемъ подполковникомъ Данзасомъ, онъ посадилъ его съ собою въ сани и, не разсказывая ничего, повезъ къ д'Аршіаку. Тамъ, прочитавъ передъ Данзасомъ собственноручную копію съ того письма, которое имъ было писано къ министру Геккерену и которое произвело вызовъ молодого Геккерена, онъ оставилъ Данзаса для условій съ д'Аршіакомъ, а самъ возвратился къ себѣ и ждалъ спокойно развязки (См. ниже, стр. 171—172). Спустя нѣкоторое время, сообщаетъ дальше Жуковскій, Пушкинъ вышелъ изъ дома, «чтобы найти своего секунданта, кажется въ кондитерской лавкѣ Вольфа, дабы оттуда ѣхать на мѣсто; онъ пришелъ туда въ... часовъ» (Пустое мѣсто, оставленное въ рукописи для помѣты часа, осталось незаполненнымъ). Наконецъ, Данзасъ въ своихъ показаніяхъ въ Слѣдственной Комиссіи изъяснялъ: «27-го генваря, въ 1-мъ пополудни, встрѣтилъ его Пушкинъ на Цѣпномъ мосту, что близь Лѣтняго Сада, остановилъ и предложилъ ему быть свидѣтелемъ разговора, который онъ долженъ былъ имѣть съ виконтомъ д'Аршіакомъ: не предугадывая никакихъ важныхъ послѣдствій, а тѣмъ менѣе дуэли, онъ сѣлъ въ его сани и отправился съ нимъ; во время пути онъ съ нимъ разговаривалъ о предметахъ постороннихъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ». Изложивъ происшедшій у д'Аршіака разговоръ, Данзасъ показывалъ: «Объяснивъ всѣ причины неудовольствія, Пушкинъ всталъ и сказалъ г. д'Аршіаку, что онъ представляетъ ему, какъ секунданту своему, сговориться съ д'Аршіакомъ, изъявивъ твердую волю, чтобы дѣло непремѣнно было кончено того же дня. Г. д'Аршіакъ спросилъ его при Пушкинѣ, согласенъ ли онъ принять на себя обязанность секунданта. Послѣ такого неожиданнаго предложенія со стороны Пушкина, сдѣланнаго при секундантѣ противной стороны, онъ не могъ отказаться отъ соучастія... По окончаніи разговора съ д'Аршіакомъ, Данзасъ отправился къ Пушкину, который тотчасъ послалъ за пистолетами, по словамъ его, на сей предметъ уже купленными; въ исходѣ 4 часа они отправились на мѣсто дуэли» («Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г.», Спб. 1900, стр. 99—100). Наконецъ, въ позднѣйшее время со словъ Данзаса Аммосовъ записалъ слѣдующій его разсказъ: «27-го января 1837 г. К. К. Данзасъ, проходя по Пантелеймонской улицѣ, встрѣтилъ Пушкина въ саняхъ. Въ этой улицѣ жилъ тогда К. О. Россетъ; Пушкинъ какъ полагаетъ Данзасъ, заѣзжалъ сначала къ Россету и, не заставъ послѣдняго

привлечь ее къ работѣ для «Современника» и заказать ей переводъ изъ любимаго имъ Барри Корнуэля. 22-го января онъ заходилъ къ ней поговорить

дома, поѣхалъ уже къ нему. Пушкинъ остановилъ Данзаса и сказалъ: «Данзасъ, я ѣхалъ къ тебѣ, садись со мной въ сани и поѣдемъ во французское посольство, гдѣ ты будешь свидѣтелемъ одного разговора». Данзасъ, не говоря ни слова, сѣлъ съ нимъ въ сани, и они поѣхали въ Большую Милліонную. Во время пути Пушкинъ говорилъ съ Данзасомъ, какъ будто ничего не бывало, совершенно о постороннихъ вещахъ... (У д'Аршіака Пушкинъ сдѣлалъ свою декларацію и по окончаніи ея) Пушкинъ указалъ на Данзаса и прибавилъ: «Voilà mon témoin». Потомъ обратился къ Данзасу съ вопросомъ: «Consentez-vous?» Послѣ утвердительнаго отвѣта Данзаса, Пушкинъ уѣхалъ, предоставивъ Данзасу условиться съ д'Аршіакомъ... Условія поединка были составлены на бумагѣ. Съ этой роковой бумагой Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все... Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранѣе; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его. Было около 4 часовъ... Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской; сѣли въ сани и отправились по направленію къ Троицкому мосту» (Аммосовъ, назв. соч., 18—21).

Всѣми этими свидѣтельствами какъ будто и прочно устанавливается тотъ фактъ, что Пушкинъ рано утромъ 27-го января вышелъ изъ дому, встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, повезъ его къ д'Аршіаку и здѣсь Данзасъ вынужденъ былъ дать свое согласіе быть секундантомъ Пушкина. Но записи «для себя» Жуковскаго о днѣ дуэли заключаютъ категорическое утвержденіе, что Пушкинъ въ этотъ день до часу не выходилъ изъ дома, что незадолго до его ухода *къ нему пріѣхалъ* Данзасъ, что ровно въ часъ онъ вышелъ изъ дому и вернулся домой уже раненымъ, послѣ дуэли. Несмотря на рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, въ томъ числѣ самого Жуковскаго и самого Данзаса, мы считаемъ отвѣчающимъ дѣйствительности свидѣтельство, сохранившееся въ публикуемой нами записи Жуковскаго. Документальныя даты, которыми мы располагаемъ, приводятъ къ заключенію, что въ 10 часовъ утра Пушкинъ еще не остановилъ своего выбора ни на комъ и до часу дня, во всякомъ случаѣ, д'Аршіакъ не зналъ, кто будетъ секундантомъ. Слѣдовательно, *утромъ-то* Пушкинъ съ Данзасомъ не могли быть у д'Аршіака, а были только послѣ часу.

Умолчаніе въ показаніяхъ Данзаса въ Слѣдственной Комиссіи и въ разсказахъ современниковъ о посѣщеніи Данзасомъ дома Пушкина и утвержденіе факта нечаянной встрѣчи съ Данзасомъ на улицѣ объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующими соображеніями. Данзасу предстоялъ отвѣтъ по суду за участіе въ дуэли. По закону секунданты «при зачатіи дракъ должны были пріятельски искать помирить ссорящихся и ежели того не могутъ учинить, то немедленно по карауламъ послать и о такомъ дѣлѣ объявить» («Дуэль Пушкина... Военно-судное дѣло...», 104). При томъ объясненіи, которое далъ Данзасъ, ясно было, что Дан-

объ этой работѣ, но не засталъ ее, а 26-го января получилъ отъ нея приглашеніе побывать у ней 27-го января: «Если для васъ все равно, въ которую сторону направить прогулку Вашу завтра, то сдѣлайте одолженіе зайдите ко мнѣ»—писала ему А. О. Ишимова [1]). Она слышала отъ знакомыхъ Пушкина, что онъ обыкновенно по окончаніи утреннихъ трудовъ, часу въ четвертомъ всегда прогуливался. Но 27-го января Пушкину было не до обычной прогулки. Потому ли, что Пушкинъ вспомнилъ о письмѣ и приглашеніи Ишимовой, или потому, что попалась на глаза книга Ишимовой, но мысли объ Ишимовой пришли ему въ голову. Онъ развернулъ книгу Ишимовой и зачитался. А затѣмъ онъ разыскалъ томъ Барри Корнуэля и отправилъ его къ Ишимовой съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на Ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ Вамъ Barry Kornwall—Вы найдете въ концѣ книги пьэсы, отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ какъ умѣете—увѣряю Васъ, что переведете, какъ не льзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ Вашу исторію въ разсказахъ, и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!» [2]).

засъ, ежели бы и хотѣлъ, то не могъ ни отказаться отъ участія въ дуэли, ни помѣшать ей. Такимъ образомъ его вина въ значительной степени смягчалась такимъ объясненіемъ. Да и въ объясненіяхъ самого Данзаса, наряду съ утвержденіемъ о случайности встрѣчи съ Пушкинымъ на улицѣ, проскальзываетъ и заявленіе о томъ, что Пушкинъ остановилъ свой выборъ (именно выборъ!) не случайно на Данзасѣ: «Я не иначе могу пояснить намѣренія покойнаго, какъ тѣмъ, что, по извѣстному мнѣ и всѣмъ знавшимъ его коротко высокому благородству души его, онъ не хотѣлъ вовлечь въ отвѣтственность по своему собственному дѣлу никого изъ соотечественниковъ; и только тогда, когда вынужденъ былъ къ тому противниками, онъ рѣшился наконецъ искать меня, какъ товарища и друга съ дѣтства, на самоотверженіе котораго онъ имѣлъ болѣе права щитать» («Дуэль Пушкина... Военно-судное дѣло...», стр. 79).

[1]) Письма къ А. О. Ишимовой напечатаны въ «Современникѣ», кн. VIII (1837 г.) съ нѣкоторыми комментаріями «издателей» и перепечатаны въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, т. VIII, 1838 г., стр. 308—310, съ тѣми же примѣчаніями. См. также книгу И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», Спб. 1903, стр. 121—122.

[2]) Это послѣднее письмо хранится въ настоящее время въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ. Факсимиле его дано въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 г. февраль. Это письмо вмѣстѣ съ томомъ Корнуэля завернуто было Пушкинымъ въ пакетъ изъ толстой сѣроватой бумаги, на которомъ Пушкинъ написалъ адресъ. Эти строки, надо думать,—послѣднія, имъ писанныя. Обложка съ этими строками сохранилась и находится въ настоящее время въ Пушкинскомъ Домѣ, куда пожертвована В. А. Ляцкою.

Пушкинъ, въ роковой день дуэли зачитавшійся «Исторіей Россіи въ разсказахъ для дѣтей»,—вотъ подлинная пушкинская маска, приковывающая наше вниманіе и неустранимая изъ разсказа о послѣдней дуэли Пушкина.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ и содержаніе, и форма, и внѣшность послѣдняго письма къ Ишимовой. «Тонъ спокойствія, господствующій въ этомъ письмѣ, порядокъ всегдашнихъ занятій, не измѣнившійся до послѣдней минуты, изумительная точность въ частномъ дѣлѣ, даже почеркъ этого письма, сохраняющій всѣ признаки внутренней тишины, свидѣтельствуетъ ясно, какова была сила души поэта» [1]).

Пакетъ Пушкина былъ полученъ Ишимовой «въ 3-мъ часу пополудни» [2]).

Но возвратимся къ записи Жуковскаго.

«Съ 11 часовъ обѣдъ. Ходилъ по комнатѣ необыкновенно весело, пѣлъ пѣсни.—Потомъ увидѣлъ въ окно Данзаса, въ дверяхъ встрѣтилъ радостно.—Вошли въ кабинетъ, заперъ дверь.—Черезъ нѣсколько минутъ послали за пистолетами». По зову Пушкина или случайно (такое предположеніе черезчуръ диковинно!) Данзасъ пріѣхалъ, и радость Пушкина, что разрѣшился основной вопросъ, который мучилъ его все утро, какъ больной зубъ, была велика, бросалась въ глаза—«Данзаса встрѣтилъ радостно въ дверяхъ». Когда Данзасъ вошелъ въ кабинетъ, Пушкинъ заперъ двери: онъ хотѣлъ сохранить въ тайнѣ разговоръ съ Данзасомъ и то порученіе, которое онъ давалъ ему. Объяснился съ нимъ и послалъ за пистолетами, которые были имъ заказаны или закуплены раньше. Послѣ объясненія Данзасъ уѣхалъ: если онъ пріѣхалъ по зову Пушкина, не зная, въ чемъ дѣло, то естественно предположить, что ему надо было дать нѣкоторое время для подготовки,—быть можетъ, даже чисто внѣшней. Онъ уѣхалъ, конечно, условившись съ Пушкинымъ встрѣтиться въ опредѣленномъ мѣстѣ. Какое порученіе получилъ Данзасъ отъ Пушкина? Онъ долженъ былъ быть секундантомъ при дуэли, которая должна была произойти въ тотъ же день, безъ всякихъ отсрочекъ и промедленій, долженъ былъ вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ рѣшить вопросъ преимущественно о мѣстѣ,—не о времени: время—самое ближайшее. Данзасъ согласился съ предложеніями Пушкина, и послѣ его отъѣзда Пушкинъ сталъ готовиться къ послѣднему въ своей жизни поединку: началъ одѣваться; вымылся весь, надѣлъ чистое бѣлье, приказалъ подать бекешу, вышелъ-было въ бекешѣ на лѣстницу, но вернулся и велѣлъ подать

---

[1]) «Сочиненія Пушкина», т. VIII, Спб. 1838, 310.

[2]) Тамъ же, 309.

въ кабинетъ большую шубу и пошелъ пѣшкомъ до извощика. Было ровно часъ, когда онъ вышелъ изъ дому.

Какъ разъ въ это время пришло новое письмо д'Аршіака—отвѣтъ на письмо Пушкина, отправленное послѣднимъ въ 10 часовъ утра. Понятно, письмо Пушкина не удовлетворило д'Аршіака. Посовѣтовавшись, быть можетъ, со своимъ довѣрителемъ Жоржемъ Дантесомъ, д'Аршіакъ отвѣчалъ Пушкину слѣдующимъ письмомъ, датированнымъ «часъ дня пополудни»: «Оскорбивши честь барона Жоржа Геккерена, Вы обязаны дать ему удовлетвореніе. Вы обязаны найти своего секунданта. Рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы Вамъ его доставили. Готовый съ своей стороны явиться въ условленное мѣсто, баронъ Жоржъ Геккеренъ настаиваетъ на томъ, чтобы Вы соблюдали узаконенныя формы. Всякое промедленіе будетъ разсматриваемо имъ, какъ отказъ въ томъ удовлетвореніи, которое Вы обѣщали ему дать, и какъ намѣреніе оглаской этого дѣла помѣшать его окончанію. Свиданіе между секундантами, необходимое передъ дуэлью, становится—разъ Вы отказываете въ немъ—однимъ изъ условій барона Жоржа Геккерена, а Вы мнѣ сказали вчера и написали сегодня, что Вы принимаете всѣ его условія».Въ тотъ моментъ, когда это письмо пришло къ Пушкину, оно было уже ненужнымъ: дѣло было сдѣлано,—секундантъ былъ найденъ.

Ровно въ часъ дня Пушкинъ вышелъ изъ дома и пошелъ пѣшкомъ до извощика. Въ условленное время (черезъ полчаса или около того?), въ условленномъ мѣстѣ, онъ встрѣтился съ К. К. Данзасомъ, посадилъ его въ свои сани и повезъ во французское посольство къ д'Аршіаку. Прибывъ къ д'Аршіаку, Пушкинъ «послѣ обыкновеннаго привѣтствія съ хозяиномъ сказалъ громко, обращаясь къ Данзасу: «Je veux vous mettre maintenant au fait de tout»—и началъ разсказывать ему все, что происходило между нимъ, Дантесомъ и Геккереномъ» [1]). Въ Слѣдственной Комиссіи Данзасъ слѣдующимъ образомъ изложилъ содержаніе разговора у д'Аршіака: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ началъ объясненіе свое у д'Аршіака слѣдующимъ: «Получивъ письма отъ неизвѣстнаго, въ коихъ онъ виновникомъ почиталъ нидерландскаго посланника, и узнавъ о распространившихся въ свѣтѣ нелѣпыхъ слухахъ, касающихся до чести жены его, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вызывалъ на дуэль г. поручика Геккерена, на котораго публика указывала; но когда г. Геккеренъ предложилъ жениться на свояченицѣ Пушкина, тогда, отступивъ отъ поединка, онъ, однакожъ, непремѣннымъ условіемъ требовалъ отъ г. Геккерена, чтобъ не было никакихъ сношеній

[1]) Аммосовъ, назв. соч., 18.

между двумя семействами. Не взирая на сіе, гг. Геккерены, даже послѣ свадьбы, не переставали дерзкимъ обхожденіемъ съ женою его, съ которою встрѣчались только въ свѣтѣ, давать поводъ къ усиленію мнѣнія поносительнаго какъ для его чести, такъ и для чести его жены. Дабы положить сему конецъ, онъ написалъ 26 января письмо къ нидерландскому посланнику, бывшее причиною вызова г. Геккерена. За симъ Пушкинъ собственно для моего свѣдѣнія прочелъ и самое письмо, которое, вѣроятно, было уже извѣстно секунданту г. Геккерена». Прочитавъ копію съ своего письма, Пушкинъ вручилъ ее Данзасу, затѣмъ отрекомендовалъ его д'Аршіаку, какъ своего секунданта, и удалился, предоставивъ секундантамъ выработать условія дуэли. Къ 2½ часамъ условія были выработаны и закрѣплены на бумагѣ. Одинъ экземпляръ остался въ рукахъ д'Аршіака и сохранился въ архивѣ бароновъ Дантесовъ-Геккереновъ, второй экземпляръ предназначался для Данзаса. Вотъ текстъ условій въ русскомъ переводѣ:

1. «Противники становятся на разстояніи двадцати шаговъ другъ отъ друга и пяти шаговъ (для каждаго) отъ барьеровъ, разстояніе между которыми равняется десяти шагамъ.

2. Вооруженные пистолетами противники, по данному знаку, идя одинъ на другого, но ни въ коемъ случаѣ не переступая барьера, могутъ стрѣлять.

3. Сверхъ того, принимается, что послѣ выстрѣла противникамъ не дозволяется мѣнять мѣсто, для того, чтобы выстрѣлившій первымъ огню своего противника подвергся на томъ же самомъ разстояніи.

4. Когда обѣ стороны сдѣлаютъ по выстрѣлу, то, въ случаѣ безрезультатности, поединокъ возобновляется какъ бы въ первый разъ: противники ставятся на то же разстояніе въ 20 шаговъ, сохраняются тѣ же барьеры и тѣ же правила.

5. Секунданты являются непремѣнными посредниками во всякомъ объясненіи между противниками на мѣстѣ боя.

6. Секунданты, нижеподписавшіеся и облеченные всѣми полномочіями, обезпечиваютъ, каждый за свою сторону, своей честью строгое соблюденіе изложенныхъ здѣсь условій».

«Къ симъ условіямъ,—показывалъ на слѣдствіи Данзасъ,—д'Аршіакъ присовокупилъ не допускать никакихъ объясненій между противниками, но онъ (Данзасъ) возразилъ, что согласенъ, во избѣжаніе новыхъ какихъ-либо распрей, не дозволить имъ самимъ объясняться; но, имѣя еще въ виду не упускать случая къ примиренію, онъ предложилъ съ своей стороны, чтобы, въ случаѣ малѣйшей возможности, секунданты могли объясняться за нихъ».

Время поединка—пятый часъ дня; мѣсто—за Комендантской дачей.

Условія дуэли были составлены въ 2½ часа дня; очевидно немного позже бесѣда Данзаса съ д'Аршіакомъ была окончена, и Данзасъ поспѣшилъ къ Пушкину, который, по условію, поджидалъ его въ кондитерской Вольфа. «Было около 4-хъ часовъ. Выпивъ стаканъ лимонаду или воды,—Данзасъ не помнитъ,—Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской; сѣли въ сани и направились къ Троицкому мосту». Со словъ, конечно, Данзаса, Вяземскій сообщалъ вскорѣ послѣ рокового событія, что Пушкинъ казался спокойнымъ и удовлетвореннымъ [1]), а во время поѣздки съ Данзасомъ былъ покоенъ, ясенъ и веселъ [2]).

18.

Въ памяти Данзаса сохранились нѣкоторыя подробности этого путешествія на мѣсто дуэли [3]). На Дворцовой набережной они встрѣтили въ экипажѣ Наталью Николаевну. Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону, а жена его была близорука и не разглядѣла мужа. Въ этотъ сезонъ были великосвѣтскія катанья съ горъ, и Пушкинъ съ Данзасомъ встрѣтили много знакомыхъ, между прочимъ, двухъ конногвардейцевъ: князя В. Д. Голицына и Головина. Князь Голицынъ закричалъ имъ: «Что вы такъ поздно ѣдете, всѣ уже оттуда разъѣзжаются». Молоденькой, 19-тилѣтней графинѣ А. К. Воронцовой-Дашковой попались на встрѣчу и сани съ Пушкинымъ и Данзасомъ, и сани съ д'Аршіакомъ и Дантесомъ [4]). На Невѣ Пушкинъ шутливо спросилъ Данзаса: «Не въ крѣпость ли ты везешь меня?» «Нѣтъ,—отвѣтилъ Данзасъ:—черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога».

Переѣздъ продолжался около получаса или немногимъ больше. Выѣхавъ изъ города, увидѣли впереди другія сани: то былъ противникъ со своимъ секундантомъ. Подъѣхали они къ Комендантской дачѣ въ 4½ часа, одновременно съ Дантесомъ и д'Аршіакомъ. Остановились почти въ одно время и пошли въ сторону отъ дороги. Снѣгъ былъ по колѣна. Морозъ былъ небольшой, но было вѣтрено [5]). «Весьма сильный вѣтеръ, который былъ въ

---

1) «Дуэль», 146.

2) «Русск. Арх.», 1879, II, 249.

3) Излагая исторію самого поединка, мы основываемся на свидѣтельствахъ очевидцевъ—Данзаса и д'Аршіака—и ближайшихъ современниковъ—Жуковскаго и князя Вяземскаго. Дальнѣйшихъ ссылокъ не дѣлаемъ.

4) «Современныя Извѣстія» 1863, № 18, стр. 12,—отзывъ М. Н. Лонгинова о книжкѣ Аммосова.

5) По позднѣйшимъ воспоминаніямъ Данзаса, морозу было градусовъ пятнадцать. Въ камеръ-фурьерскомъ же журналѣ морозъ 27-го января утромъ отмѣченъ въ два градуса.

то время, принудилъ насъ искать прикрытія въ небольшомъ сосновомъ лѣску» (свидѣтельство д'Аршіака). «Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто. Они нашли такое саженяхъ въ полутораста отъ Комендантской дачи: болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извощиковъ то, что на ней происходило» (позднѣйшій разсказъ Данзаса).

Мѣсто было выбрано, но множество снѣга мѣшало противникамъ, и секунданты оказались въ необходимости протоптать тропинку. «Оба секунданта и Геккеренъ занялись этой работой, Пушкинъ сѣлъ на сугробѣ и смотрѣлъ на роковое приготовленіе съ большимъ равнодушіемъ. Наконецъ вытоптана была тропинка, въ аршинъ шириною и въ двадцать шаговъ длиною».

Секунданты отмѣрили тропинку, своими шинелями обозначили барьеры, одинъ отъ другого въ десяти шагахъ. Противники стали, каждый на разстояніи пяти шаговъ отъ своего барьера. Д'Аршіакъ и Данзасъ зарядили каждый свою пару пистолетовъ и вручили ихъ противникамъ.

Впослѣдствіи Данзасъ припоминалъ слѣдующія подробности: «Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ, повидимому былъ столько же покоенъ, какъ и во все время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его, находитъ ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто, Пушкинъ отвѣтилъ:

«Ca m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite».

Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:

«Et bien! est-ce fini?» [1]).

Всѣ приготовленія были закончены. Сигналъ къ началу поединка былъ данъ Данзасомъ. Онъ махнулъ шляпой, и противники начали сходиться. Они шли другъ на друга грудью. Пушкинъ сразу подошелъ почти вплотную къ своему барьеру. Дантесъ сдѣлалъ четыре шага. Соперники приготовились стрѣлять. Спустя нѣсколько мгновеній раздался выстрѣлъ. Выстрѣлилъ Дантесъ.

Пушкинъ былъ раненъ. Падая, онъ сказалъ:

«Je suis blessé».

---

[1]) Аммосовъ, назв. соч., 23.

Пушкинъ упалъ на шинель Данзаса, служившую барьеромъ, и остался недвижимъ, головой въ снѣгу. При паденіи пистолетъ Пушкина увязнулъ въ снѣгу такъ, что все дуло наполнилось снѣгомъ. Секунданты бросились къ нему. Сдѣлалъ движеніе въ его сторону и Дантесъ.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія и неподвижности Пушкинъ приподнялся до половины, опираясь на лѣвую руку, и сказалъ:

«Attendez, je me sens assez de force pour donner mon coup».

Дантесъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ свою грудь правой рукой. Данзасъ подалъ Пушкину новый пистолетъ въ замѣнъ того, который при паденіи былъ забитъ снѣгомъ [1]).

Опершись лѣвой рукой о землю, Пушкинъ сталъ прицѣливаться и твердой рукой выстрѣлилъ. Дантесъ пошатнулся и упалъ. Пушкинъ, увидя его падающаго, подбросилъ вверхъ пистолетъ и закричалъ:

«Bravo!»

---

[1]) Перемѣну пистолетовъ д'Аршіакъ считалъ дѣломъ неправильнымъ и въ описаніе поединка, которое онъ вручилъ князю Вяземскому, по этому поводу внесъ слѣдующія строки: «Такъ какъ оружіе, бывшее у Пушкина въ рукѣ, оказалось покрытымъ снѣгомъ, то онъ взялъ другое. Я могъ бы сдѣлать возраженіе, но знакъ, данный мнѣ барономъ Жоржемъ Геккереномъ, мнѣ въ этомъ воспрепятствовалъ». Данзасъ горячо протестовалъ противъ заявленія д'Аршіака. «Я не могу оставить безъ возраженія заключенія г. д'Аршіака, будто бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ со стороны г. Геккерена. Обмѣнъ пистолета не могъ подать повода во время поединка ни къ какому спору.—По условію, каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить, пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ, забившійся въ дуло пистолета А. С., усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ бы его; никакого знака ни со стороны г. д'Аршіака, ни со стороны г. Геккерена подано не было. Что до меня касается, я почитаю оскорбительнымъ для памяти Пушкина предположеніе, будто онъ стрѣлялъ въ противника своего съ преимуществами, на которыя не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказано не было; еслибъ оно могло возродиться, то г. д'Аршіакъ обязанъ бы былъ объявить возраженіе свое и не останавливаться знакомъ, будто отъ г. Геккерена поданнымъ; къ тому же сей послѣдній не иначе могъ бы узнать намѣреніе г. д'Аршіака, какъ тогда, когда бы и оно было выражено словами; но онъ ихъ не произнесъ. Я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка г. Геккереномъ,—но рѣшительно опровергаю, чтобы онъ произвольно подвергнулся опасности, которую бы онъ могъ отъ себя устранить. Не отъ него зависѣло не уклониться отъ удара своего противника, послѣ того, какъ онъ свой нанесъ» («Военно-судное дѣло...», 54—55). По поводу этого спора С. А. Панчулидзевъ пишетъ: «Въ данномъ случаѣ правъ д'Аршіакъ: замѣна пистолетовъ, разъ они взяты въ руки противниками, не допускается. Но Данзасъ правъ, что снѣгъ, набившійся въ дуло пистолета Пушкина, могъ на морозѣ только усилить «ударъ выстрѣла», а не ослабить его» (С. А. Панчулидзевъ, назв. соч., 84).

Поединокъ былъ оконченъ, такъ какъ рана Пушкина была слишкомъ серьезна, чтобы продолжать. Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ снова упалъ. Послѣ этого два раза онъ впадалъ въ полуобморочное состоянie, и въ теченie нѣсколькихъ мгновенiй мысли его были въ помѣшательствѣ. Но тотчасъ же онъ пришелъ въ сознанie и болѣе его не терялъ [1]).

«Когда оба противника—записалъ князь Вяземскiй—лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршiака:

— Est-il tué?

— Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine.

— C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non.

Д'Аршiакъ хотѣлъ сказать нѣсколько мировыхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать.

— Au reste, c'est égal; si nous rétablissons tous les deux, ce sera à recommencer [2]).

Между тѣмъ изъ раны Пушкина кровь лилась изобильно. Надо было поднять раненаго, но на рукахъ донести его до саней, стоявшихъ на дорогѣ на разстоянiи полверсты слишкомъ, было затруднительно. Данзасъ съ д'Аршiакомъ подозвали извощиковъ и съ ихъ помощью разобрали находившiйся тамъ изъ тонкихъ жердей заборъ, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извощику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ саней, вмѣстѣ съ д'Аршiакомъ. Пушкина сильно трясло въ саняхъ во время болѣе, чѣмъ полуверстнаго переѣзда до дороги по очень скверному пути. Онъ страдалъ, не жалуясь.

Дантесъ при поддержкѣ д'Аршiака могъ дойти до своихъ саней и ждалъ въ нихъ, пока не кончилась переноска его соперника.

У Комендантской дачи стояла карета, присланная на всякiй случай старшимъ Геккереномъ. Дантесъ и д'Аршiакъ предложили Данзасу воспользо-

---

[1]) «La blessure de M-r Pouchkine était trop grave pour continuer,—l'affaire était términée. Retombé après avoir tiré il eut presque immédiatement deux demi-évanouissements, quelques instants de trouble dans les idées. Il reprit tout à fait sa connaissance et ne la perdit plus» (Письмо д'Аршiака—князю Вяземскому).

[2]) Въ письмѣ къ Великому Князю Михаилу Павловичу князь Вяземскiй излагалъ этотъ моментъ такъ: «En revenant à lui il demanda à d'Archiac: L'ai-je tue?—Non, lui répondit l'autre, mais vous l'avez blessé.—C'est singulier, dit Pouchkine, j'avais pensé que cela m'aurait fait plaisir de le tuer, mais je sens que non. Au reste—c'est égal,—une fois que nous serons rétablis tous les deux, cela sera à recommencer».

зоваться ихъ каретой для перевозки въ городъ тяжело раненаго Пушкина. Данзасъ нашелъ возможнымъ принять это предложеніе, но рѣшительно отвергнулъ другое, сдѣланное ему Дантесомъ,—предложеніе скрыть его участіе въ дуэли. Не сказавъ, что карета была барона Геккерена, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и, сѣвъ съ нимъ рядомъ, поѣхалъ въ городъ.

Дорогой Пушкинъ, повидимому, не страдалъ; по крайней мѣрѣ, Данзасу это не было замѣтно. Онъ былъ даже веселъ, разговаривалъ съ Данзасомъ и разсказывалъ ему анекдоты. Пушкинъ вспомнилъ о дуэли общаго ихъ знакомаго офицера л.-гв. Московскаго полка Щербачева, стрѣлявшагося съ Дороховымъ, на которой Щербачевъ былъ смертельно раненъ въ животъ. Жалуясь на боль, Пушкинъ сказалъ Данзасу: «Я боюсь, не раненъ ли я такъ, какъ Щербачевъ». Онъ напомнилъ также Данзасу и о своей прежней дуэли въ Кишиневѣ съ Зубовымъ [1]).

Въ шесть часовъ вечера карета съ Данзасомъ и Пушкинымъ подъѣхала къ дому князя Волконскаго на Мойкѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ. У подъѣзда Пушкинъ попросилъ Данзаса выйти впередъ, послать за людьми вынести его изъ кареты и предупредить жену, если она дома, сказавъ ей, что рана не опасна.

Сбѣжались люди, вынесли своего барина изъ кареты. Камердинеръ взялъ его въ охапку.

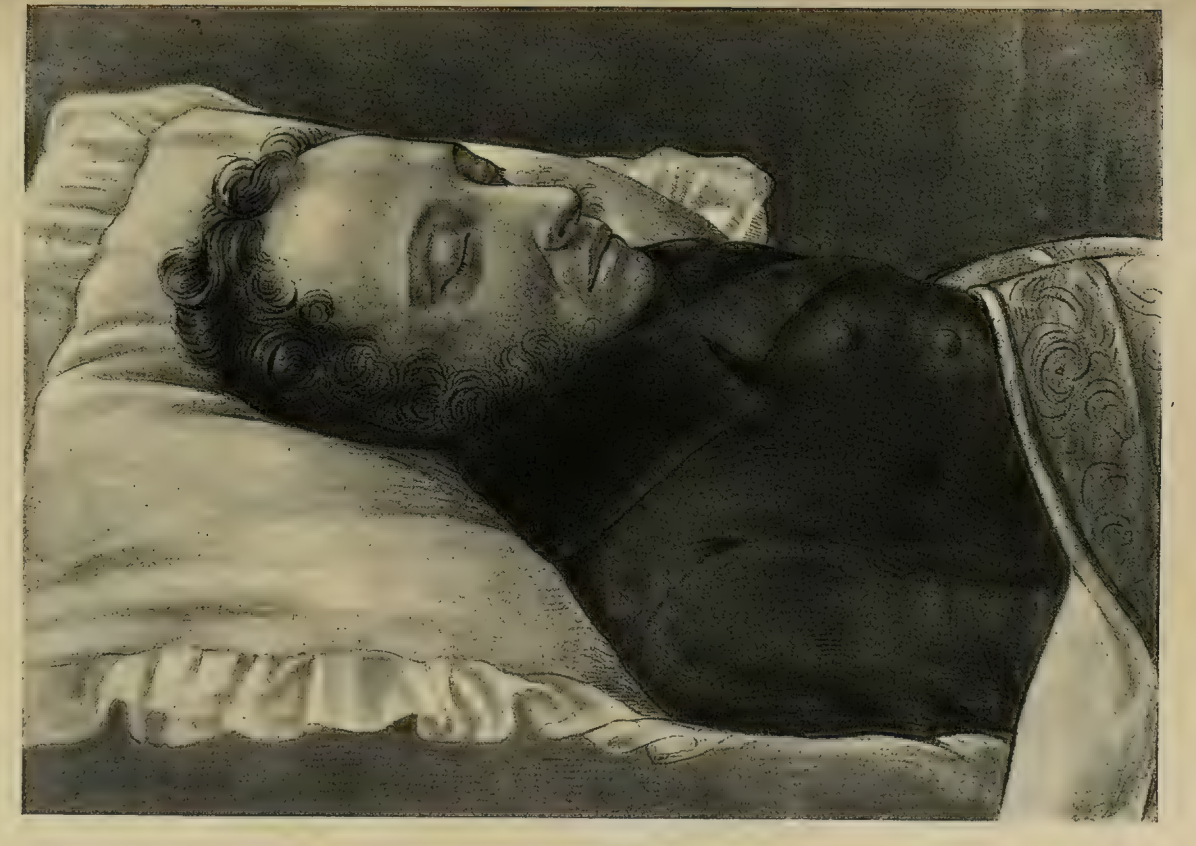
— «Грустно тебѣ нести меня?»—спросилъ его Пушкинъ.

Внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся и легъ на диванъ...

Пушкинъ былъ на своемъ смертномъ одрѣ.

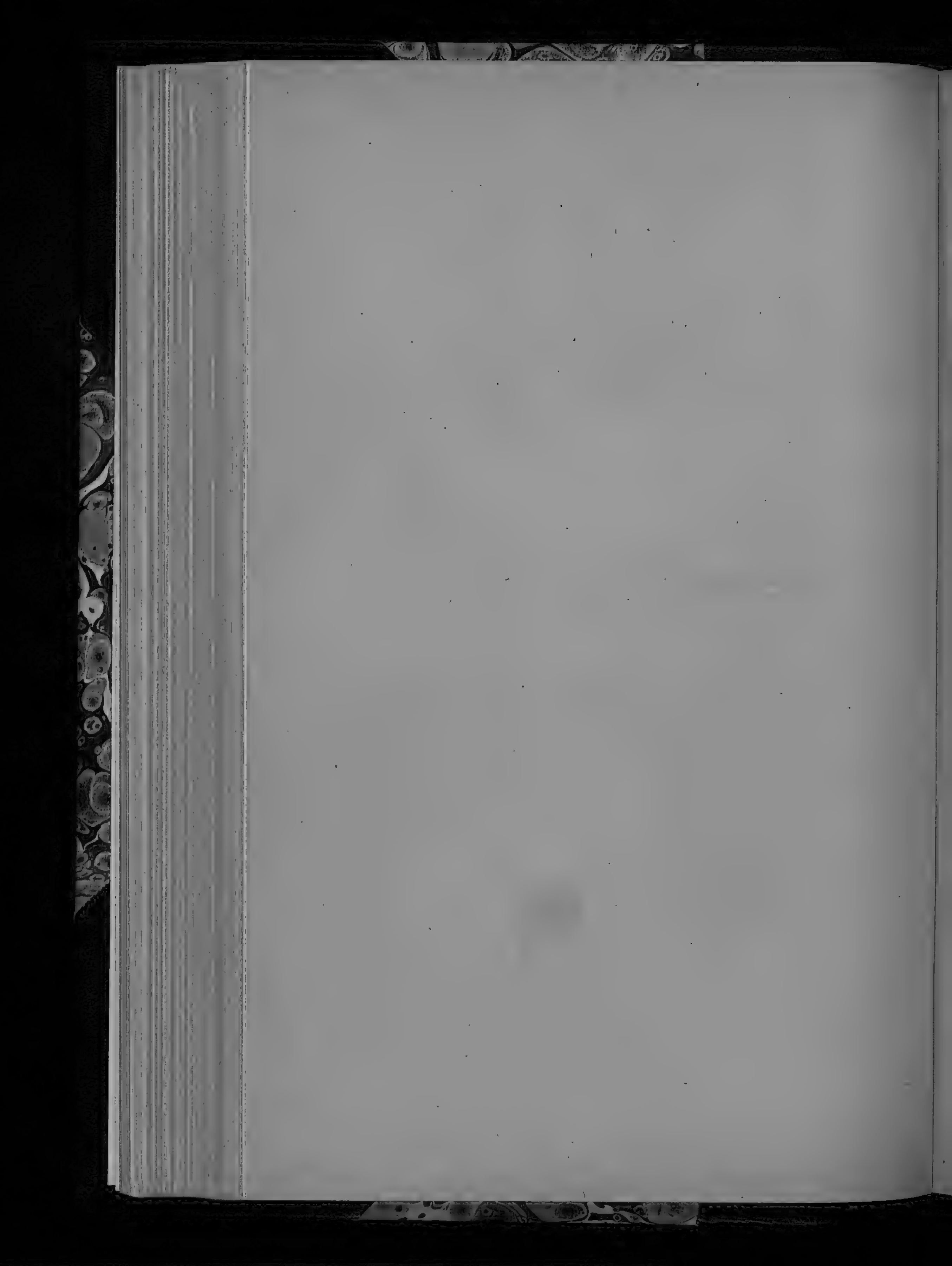
[1]) Въ разсказѣ П. В. Анненкова о дуэли встрѣчаются любопытныя детали. Не зная ихъ источниковъ, трудно судить о степени ихъ достовѣрности, но онѣ заслуживаютъ быть отмѣченными. «Извѣстно — пишетъ Анненковъ — радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку... Радость была столько же напрасна, сколько и противна нравственному чувству. Покамѣстъ противникъ садился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина перенесли въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника на случай несчастія. Пушкинъ еще поглядѣлъ вслѣдъ удаляющагося врага и прибавилъ: «Мы не все кончили съ нимъ», но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго въ дому его. Карета медленно подвигалась на Мойку, къ Пѣвческому мосту. Раненый чувствовалъ жгучую боль въ лѣвомъ боку, говорилъ прерывчатыми фразами и, мучимый тошнотою, старался преодолѣть страданія, возвѣщавшія близкую неизбѣжную смерть. Нѣсколько разъ принуждены были останавливаться, потому что обмороки слѣдовали часто одинъ за другимъ и сотрясеніе пути ослабляло силы больного» (П. В. Анненковъ, А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи, Спб., 1873, стр. 420).

Пушкинъ на смертномъ одрѣ

(Съ рис. карандашомъ Аполлона Мокрицкаго. Собственность Пушкинскаго Музея Александровскаго Лицея)

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРІАЛЫ.

I. Письмо В. А. Жуковскаго къ С. Л. Пушкину о смерти Пушкина.

1. Письмо, какъ источникъ для біографіи поэта. — 2. Первоначальная редакція письма.

---

1. Письмо В. А. Жукоскаго къ С. Л. ушкину, какъ источникъ для біографіи А. С. Пушкина.

1.

Важнѣйшими источниками для исторіи послѣдней дуэли и послѣднихъ дней жизни Пушкина, кромѣ документовъ, находящихся въ военно-судномъ дѣлѣ [1]) и касающихся дуэли писемъ, какъ напечатанныхъ въ изданіи переписки поэта [2]), такъ и печатающихся впервые въ этой книгѣ, являются письма А. И. Тургенева отъ 28, 29, 31 января и 1 февраля того же года [3]) и его же записи въ дневникѣ, впервые появляющіяся ниже; письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову отъ 5 и 9 февраля [4]) и письмо къ Великому князю Михаилу Павловичу отъ 14 февраля, опубликованное въ нашей

---

[1]) «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г.», С.-Пб. 1900.

[2]) Письма Пушкина Геккерену, Бенкендорфу, д'Аршіаку, письма къ нему Геккерена, барона д'Аршіака, Медженисa и др. См. «Сочиненія Пушкина». Изд. Имп. Акад. Наукъ. «Переписка», т. III, С.-Пб. 1911.

[3]) Въ изданіи «Пушкинъ и его современники». Вып. VI, С.-Пб. 1908. Новые матеріалы для біографіи Пушкина (Изъ Тургеневскаго архива).

[4]) «Русскій Архивъ», 1879, кн. 2-ая, стр. 243-253. Письмо отъ 5 февр. напечатано также и въ «Русской Старинѣ», т. XIV (1875), стр. 92—96.

книгѣ; записки врачей, лѣчившихъ Пушкина[1]), и, наконецъ, письмо В. А. Жуковскаго къ С. Л. Пушкину отъ 15 февраля 1837 года.

Самой достовѣрной и авторитетной исторіей послѣднихъ дней жизни Пушкина принято считать описаніе, составленное В. А. Жуковскимъ въ формѣ письма къ отцу поэта, жившему въ то время въ Москвѣ. Жуковскій воспользовался какъ своими наблюденіями и впечатлѣніями, такъ и показаніями другихъ свидѣтелей—очевидцевъ. Жуковскій произвелъ нѣчто въ родѣ опроса свидѣтелей. Князь Вяземскій въ письмѣ къ Булгакову отъ 5 февраля писалъ: «Собираемъ теперь, что каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и документами». А на другой день по отсылкѣ помянутаго письма, 6 февраля писалъ ему: «сдѣлай милость, не замедли выслать мнѣ копію со вчерашняго письма моего: Жуковскій требуетъ его для составленія общей реляціи изъ очныхъ нашихъ ставокъ»[2]). Письмо-статья Жуковскаго датировано 15 февраля. Когда А. И. Тургеневъ уѣзжалъ въ Москву, Жуковскій вручилъ ему это письмо при слѣдующей запискѣ[3]):

«Вотъ тебѣ мой милый Александръ письмо, которое передай отъ меня Сергѣю Львовичу. Можешь его послѣ вытребовать и прочитать, въ немъ подробное описаніе послѣднихъ минутъ Пушкина. Обнимаю тебя.

Жуковскій».

Описаніе предназначалось не столько для отца покойнаго поэта, сколько для самаго широкаго распространенія. Въ первой вышедшей послѣ смерти Пушкина книгѣ «Современника» (а съ основанія журнала 5-ой) Жуковскій напечаталъ это письмо подъ заглавіемъ «Послѣднія минуты Пушкина»[4]). Здѣсь оно появилось съ значительными сокращеніями. Только въ 1864 году въ «Русскомъ Архивѣ» были сообщены «Неизданные отрывки изъ письма В. А. Жуковскаго о кончинѣ Пушкина»[5]). Съ этого времени письмо-статья

---

[1]) Перепечатываются дальше.

[2]) «Русскій Архивъ», 1879, кн. 2, стр. 247.

[3]) Эта записка писана на 1-ой страничкѣ 1/2 листа плотной писчей бумаги. Хранится въ Пушкинскомъ Музеѣ Императорскаго Александровскаго Лицея.

[4]) «Современникъ», томъ пятый, С.-Пб. 1837, стр. I—XVIII.

[5]) «Р. А.», 1864, ст. 48—54. Редакторъ «Русскаго Архива» сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе къ своей публикаціи: «Письмо Жуковскаго о кончинѣ Пушкина обыкновенно печатается въ видѣ приложенія въ собраніяхъ сочиненій послѣдняго. Оно до сихъ поръ остается самымъ полнымъ, связнымъ разсказомъ объ этомъ несчастномъ событіи; но вѣроятно немногимъ было извѣстно, что оно печатается далеко не вполнѣ. Приводимые теперь отрывки, взятые изъ современной рукописи съ поправками Жуковскаго, благосклонно сообщенной намъ гр. А. С. Уваровымъ».

В. А. Жуковскаго въ полной редакціи помѣщается въ собраніяхъ его сочиненій[1]).

Сразу, съ момента появленія статьи Жуковскаго, было признано огромнѣйшее ея значеніе, какъ первостепеннаго и непререкаемаго источника для исторіи не только послѣднихъ смертныхъ дней, но и больше—всей жизни и міросозерцанія поэта. Свѣтъ, которымъ освѣщены въ изображеніи Жуковскаго послѣднія минуты жизни Пушкина, бросаетъ отблескъ свой на послѣдніе годы жизни поэта и проникаетъ сокровеннѣйшія основы его мысли и сердца. Съ такимъ искусствомъ написана статья Жуковскаго, что впечатлѣніе, навѣянное картиной умиранія поэта, неотвязно влечетъ за собой и опредѣленное,—то, а не иное,—представленіе объ его духовномъ образѣ, о внутренней жизни его въ основныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ. Описаніе Жуковскаго носитъ чисто житійный характеръ. Кончина Пушкина представлена, какъ идеалъ кончины во всей его житійной закругленности. Пушкинъ умеръ глубокимъ христіаниномъ, въ примиреніи, любви и просвѣтлѣніи. Въ моментъ перехода отъ жизни къ смерти онъ съ необычайной силой выказалъ чувства своей преданности Монарху, напоминающія по настроенію чувства сына къ отцу. Своей кончиной онъ далъ всѣмъ очевидцамъ завѣты любви къ Монарху. Наконецъ, всякому читателю ясно, что Пушкинъ умиралъ въ непоколебленныхъ чувствахъ любви и довѣрія къ женѣ своей; мало того, онъ далъ многочисленныя свидѣтельства въ пользу ея рѣшительной невинности. Вообще, быть можетъ, не характерны для жизни умирающаго тѣ настроенія и чувства, что проявляются въ моменты агоніи, тяжкой и безсознательной борьбы жизни и смерти. Но въ изображеніи Жуковскаго подчеркивается органическая связь настроенія, проникавшаго Пушкина въ послѣдніе дни жизни, съ жизнью его вообще. Поэтому-то описаніе Жуковскаго имѣетъ интересъ и значеніе не для исторіи частнаго эпизода жизни, а для біографіи поэта въ широкомъ смыслѣ слова.

Высказанное въ моментъ появленія признаніе именно такого значенія за статьей Жуковскаго остается въ силѣ и по сіе время. Всякій разъ, какъ изслѣдователю приходится говорить о духовной жизни и міросозерцаніи Пушкина въ послѣдніе годы его жизни, для исторіи которыхъ источниковъ меньше, чѣмъ для всякаго другого періода, онъ невольно и неизбѣжно подпадаетъ подъ вліяніе этой статьи Жуковскаго: столь непререкаемымъ свидѣтельствомъ она представляется. Но источникъ этотъ для біографіи Пуш-

---

[1]) См., напр., Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изд. 7-ое, т. VI, С-Пб. 1878, стр. 8—22.

кина еще не подвергался критикѣ и брался только на вѣру. А между тѣмъ у насъ есть о письмѣ Жуковскаго одно заявленіе, которымъ не слѣдовало бы пренебрегать, ибо оно исходитъ тоже отъ очевидца и человѣка, которому должно вѣрить,—отъ П. А. Плетнева. Въ письмѣ къ Я. К. Гроту отъ 3 декабря 1847 года онъ пишетъ: «Ты, кажется, не все выразумѣлъ, что я думалъ, говоря объ исторіи. Мнѣ сердце сжала мысль, какъ невѣрно то, чѣмъ занимаемся мы съ увлеченіемъ. Не отъ того дѣло портится, что много плохихъ историковъ, а отъ того, что это самое дѣло превышаетъ естественные способы наши къ его неукоризненному исполненію. Подобная мысль сжимаетъ мое сердце уже во второй разъ въ жизни. Въ первый разъ это было, когда я прочиталъ извѣстную прекрасную статью Жуковскаго подъ названіемъ «Послѣднія минуты Пушкина». Я былъ свидѣтелемъ этихъ послѣднихъ минутъ поэта. Нѣсколько дней онѣ были въ порядкѣ и ясности у меня на сердцѣ. *Когда я прочиталъ Жуковскаго, я пораженъ былъ сбивчивостью и неточностью его разсказа*; тогда-то я подумалъ въ первый разъ: такъ вотъ что значитъ наша исторія... Я тогда же могъ бы хоть для себя сдѣлать перемѣны въ этой статьѣ. Но время ушло. У меня самого потемнѣло и сбилось въ головѣ все, казавшееся окрѣпшимъ навѣки»[1]).

Слова Плетнева вызываютъ на критическое отношеніе къ статьѣ Жуковскаго и обязываютъ выяснить, въ какой мѣрѣ она можетъ быть признана соотвѣтствующей дѣйствительности. Выясненіе можетъ итти по двумъ путямъ. Во-первыхъ, должно и можно провѣрить статью Жуковскаго сравненіемъ съ другими источниками—письмами Вяземскаго и Тургенева и записками врачей. Во-вторыхъ, надо дать анализъ содержанія самой статьи и рѣшить вопросъ о возможности внутреннихъ противорѣчій. Съ этой цѣлью необходимо произвести и филологическую работу: сравненіе редакцій печатныхъ и извѣстныхъ намъ списковъ. Послѣдняя работа была, впрочемъ, невозможна, ибо авторскихъ рукописей письма не было извѣстно. Только въ самое послѣднее время стало возможнымъ изученіе списковъ письма, находящихся въ обраніи А. Ѳ. Онѣгина, принадлежащемъ нынѣ Пушкинскому Дому. Эти соображенія о методѣ изслѣдованія мы должны положить въ основу критики письма Жуковскаго, какъ историческаго источника.

Для нашей цѣли представляется необходимымъ критическое изданіе самаго текста статьи Жуковскаго.

Выше было упомянуто о двухъ печатныхъ редакціяхъ: краткой въ «Современникѣ» и полной по дополненіямъ «Русскаго Архива». Въ собраніи

---

[1]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. III, стр. 159.

А. Ѳ. Онѣгина оказалось два весьма авторитетныхъ списка письма, зарегистрированныхъ въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго подъ № 63 въ серіи «Документы изъ бумагъ Жуковскаго». Первый списокъ—тетрадка въ 12 листовъ почтовой бумаги большого формата; текстомъ занято въ ней 11 листовъ. Это—черновикъ съ многочисленнѣйшими исправленіями, часть коихъ сдѣлана, чернилами и карандашомъ, самимъ Жуковскимъ. Второй списокъ—тетрадка изъ такой же бумаги въ 18 листовъ, изъ которыхъ записано 17. Здѣсь текстъ перебѣленъ безъ помарокъ, весьма тщательно. Карандашомъ сдѣланы кое-какія помѣты и намѣчены мѣста, исключенныя въ печати.

При ближайшемъ изученіи выяснилось, что текстъ перваго списка до исправленій, тутъ же сдѣланныхъ, представляетъ первоначальную редакцію письма и пріобрѣтаетъ весьма значительный интересъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, часть этой редакціи отсутствуетъ въ обѣихъ печатныхъ редакціяхъ,—какъ полной, такъ и сокращенной,—и, слѣдовательно, становится извѣстной впервые. Надо думать, первый замыселъ Жуковскаго былъ—изложить не только исторію умиранія Пушкина, но и обстоятельства самаго поединка. Но разсказъ о поединкѣ, имѣющійся въ первоначальной редакціи, не попалъ въ нашедшіе распространеніе тексты. Во-вторыхъ, анализъ исправленій и измѣненій, сдѣланныхъ въ первоначальной редакціи, даетъ возможность вскрыть самый процессъ послѣдовательной работы Жуковскаго надъ фактическимъ матеріаломъ, легшимъ въ основу статьи, и установить фактъ весьма своебразнаго использованія этого матеріала. Отъ установленія этого факта уже не трудно перейти къ опредѣленію степени зависимости фактическаго изложенія отъ тенденцій, руководившихъ Жуковскимъ въ составленіи описанія, и къ выясненію дѣйствительнаго значенія его статьи, какъ фактическаго источника. Получаются выводы, весьма любопытные и важные для фактической исторіи послѣднихъ дней жизни поэта.

Мы издаемъ тотъ текстъ статьи Жуковскаго, который читается въ первомъ спискѣ, какъ онъ былъ положенъ на бумагу, до начала какихъ-либо исправленій. Это—первоначальная и самая полная редакція письма. Ее Жуковскій основательно «проредактировалъ»: внесъ много измѣненій и сдѣлалъ сокращенія. Всѣ измѣненія и сокращенія, которыя въ бо̀льшей части сдѣланы Жуковскимъ тутъ же, на этомъ спискѣ, и лишь въ незначительной части находятся въ другихъ спискахъ и печатныхъ редакціяхъ, указываются нами въ примѣчаніяхъ. Въ окончательномъ видѣ читается письмо во второмъ спискѣ. Первоначальная редакція сравнена мною съ текстомъ краткой редакціи въ «Современникѣ» и полной по «Русскому Архиву».

Не трудно сразу же опредѣлить мотивы, по которымъ были совершены Жуковскимъ исключенія для «Современника». Очевидно, въ печати Жуковскій не могъ или не долженъ былъ упоминать о томъ, что болѣзнь Пушкина была результатомъ дуэли, о томъ, какъ держалъ себя въ этихъ обстоятельствахъ императоръ Николай Павловичъ, и о томъ, какое отношеніе проявили въ этомъ случаѣ нѣкоторые иностранные дипломаты, какъ баронъ Барантъ и баронъ Люцероде. Особенно страннымъ является первый мотивъ умолчанія, но, дѣйствительно, если статью Жуковскаго прочтетъ человѣкъ, не слыхавшій, что Пушкинъ дрался на дуэли и былъ раненъ, онъ никогда не узнаетъ и не пойметъ, отчего же померъ Пушкинъ и зачѣмъ ему нужно было прощеніе государя. Жуковскій, напримѣръ, всегда выбрасываетъ слова «рана» и поэтому не останавливается передъ измѣненіемъ подлинныхъ словъ Пушкина. Такъ діалогъ между Пушкинымъ и первымъ осматривавшимъ его врачемъ Шольцемъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ. Въ скобкахъ ставимъ тотъ текстъ, который былъ первоначально, до исправленій, въ первомъ спискѣ и который сходенъ съ текстомъ записки Шольца. Пушкинъ спрашиваетъ:

«Что вы думаете о моемъ положеніи? [...о моей ранѣ; я чувствовалъ при выстрѣлѣ сильный ударъ въ бокъ и горячо стрѣльнуло въ поясницу. Дорогою шло много крови]. Скажите откровенно [, какъ вы находите рану?]

«Не могу вамъ скрыть, вы въ опасности [она опасная].

«Скажите лучше умираю [Скажите мнѣ, смертельная!].

Одного примѣра достаточно. Но для насъ цѣннѣе не отличія одной печатной редакціи отъ другой, а отличія всѣхъ ихъ отъ первоначальной.

Не ограничивая своей задачи сравненіемъ редакцій, въ примѣчаніяхъ мы даемъ матеріалъ для сужденія объ отношеніи Жуковскаго къ своимъ источникамъ и другимъ современнымъ свидѣтельствамъ. Непосредственными источниками являются печатаемыя ниже записки врачей Шольца, Спасскаго и Даля. Изъ свидѣтельствъ мы привлекаемъ письма князя Вяземскаго къ А. Я Булгакову и великому князю Михаилу Павловичу и письма А. И. Тургенева. Мы имѣемъ еще разсказъ со словъ очевидца и очень важнаго свидѣтеля К. К. Данзаса въ книгѣ «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта К. К. Данзаса. Изд. Я. А. Исакова. С.-Пб. 1863». Значеніе разсказовъ со словъ Данзаса сильно ослабляется по двумъ соображеніямъ: они только «со словъ» и, кромѣ — того, записаны уже значительно позже событій, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Поэтому, этимъ источникомъ мы пользуемся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Отсылая за подробностями сравненія къ примѣчаніямъ, здѣсь намѣтимъ только главные выводы, которые даетъ критическая провѣрка текста письма Жуковскаго.

2.

П. А. Плетневъ былъ пораженъ сбивчивостью и неточностью разсказа Жуковскаго. Подозрѣніе въ неточности возникаетъ тотчасъ же, если поставить на разрѣшеніе задачу хронологическую, задачу опредѣленія, что въ какой моментъ случилось. Жуковскій пользовался записками врачей, и въ примѣчаніяхъ нашихъ читатель найдетъ не одно указаніе на то, что фразу, пріуроченную тѣмъ или инымъ источникомъ къ одному мѣсту или къ одному времени, Жуковскій переноситъ въ другое время и мѣсто. Съ своими источниками, т. е., главнѣйшимъ образомъ, записками врачей Жуковскій обращается вполнѣ свободно: онъ не останавливается даже передъ редакціей тѣхъ подлинныхъ словъ Пушкина, которыя приводятся въ запискахъ. Иногда эти измѣненія вызываются соображеніями цензурными, по временамъ—просто литературными вкусами самого Жуковскаго, а кое-гдѣ—и его нарочитыми соображеніями. Такъ, напримѣръ, приводя въ передачѣ доктора Спасскаго слова Пушкина о женѣ («не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица, вы ее хорошо знаете»), Жуковскій опускаетъ еще одну фразу: «она должна все знать». Особенно чувствуется сбивчивость показаній Жуковскаго, излагающихъ отношеніе больного Пушкина къ женѣ. Такъ, въ первоначальной редакціи Жуковскій разсказываетъ, какъ жена встрѣтила больного въ передней, упала безъ чувствъ и, очнувшись, хотѣла войти въ кабинетъ и какъ Пушкинъ закричалъ: «n'entrez pas». А по печатной редакціи оказывается, что жена ничего не знала о прибытіи раненаго и хотѣла войти въ кабинетъ, а онъ закричалъ: «n'entrez pas, il y a du monde chez moi». Первоначальная версія о первой встрѣчѣ жены съ Пушкинымъ соотвѣтствуетъ и разсказу Данзаса, а, главное, сообщенію самого Жуковскаго въ конспективныхъ его запискахъ, печатаемыхъ дальше. «Жена встрѣтилась въ передней—дурнота—n'entrez pas». Остается неяснымъ, по какимъ причинамъ Жуковскій допустилъ явное искаженіе дѣйствительнаго факта. Еще одно противорѣчіе бросается въ глаза. Жуковскій, какъ, впрочемъ, и князь Вяземскій, старательно подчеркиваютъ всѣ изъявленія заботливости умирающаго Пушкина о женѣ, всѣ выраженія любви его къ ней. Оно и понятно. Князь Вяземскій совершенно отчетливо выразилъ основную задачу: «болѣе всего не забывайте, писалъ онъ 9 февраля 1837 года А. Я. Булгакову, что

Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприкащикамъ, завѣщалъ священную обязанность: оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ жилъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Это главное въ настоящемъ положеніи»[1]). Жуковскій нѣсколько разъ возвращается къ заявленіямъ о томъ, какъ Пушкинъ, изъ любви къ женѣ и изъ нежеланія ее безпокоить, старался скрыть отъ нея свои страданія, представить свою рану неопасной и т. д. И рядомъ съ этими заявленіями самъ же Жуковскій приводитъ фразу, сказанную Пушкинымъ вечеромъ 27 января Спасскому: «не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло... она должна все знать». Весьма знаменателенъ тотъ мотивъ, который, по объясненію А. И. Тургенева, побудилъ Пушкина не скрывать своего опаснаго положенія отъ жены. «Пушкинъ сказалъ женѣ: Arndt m'a condamné, je suis blessé mortellement... Онъ безпокоится за жену, думая, что она ничего не знаетъ объ опасности, и говоритъ, что «люди заѣдятъ ее, думая, что она въ эти минуты была равнодушною»: это рѣшило его сказать ей объ опасности». Съ обстоятельствомъ, засвидѣтельствованнымъ Спасскимъ и Тургеневымъ, мало согласуются многія подробности, сообщаемыя Жуковскимъ.

3.

Вопросъ о христіанскихъ чувствахъ Пушкина въ моментъ кончины поднятъ и рѣшенъ Жуковскимъ въ связи съ изложеніемъ обстоятельствъ исполненія имъ христіанскаго долга. Этотъ эпизодъ связанъ съ эпизодомъ полученія Пушкинымъ записки отъ государя. На немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Исторія записки государя къ Пушкину очень загадочна. Совершенно непонятно, почему Арендту было приказано не оставлять записки Пушкину, а только прочесть и вернуть обратно. По Жуковскому, Пушкинъ настоятельно умолялъ оставить ее при немъ, и Арендтъ «успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе», но письмо все-таки не вернулось къ Пушкину. Когда было привезено и прочитано это письмо Арендтомъ? По разсказу Спасскаго, Арендтъ, вернувшись въ 8 часовъ, остался съ Пушкинымъ наединѣ. Затѣмъ при немъ же явился священникъ и пріобщилъ его. Слѣдующій пріѣздъ Арендта, по Спасскому, былъ уже въ 11 часовъ; въ этотъ пріѣздъ онъ уже не могъ бы привезти записки, въ которой государь давалъ просимое Пушкинымъ

[1]) «Пушкинъ и его современники», вып. VI, стр. 54.

прощеніе и совѣтъ исполнить христіанскій долгъ. Вѣдь, если записка явилась отвѣтомъ на докладъ Арендта, хотя бы и заочный, то, несомнѣнно, докладывая просьбу Пушкина о прощеніи, онъ, только-что бывшій свидѣтелемъ исполненія христіанскаго долга, не преминулъ бы доложить о свершившемся фактѣ. Если вѣрить разсказу Спасскаго, написанному 2 февраля, то записка государя была прочитана Арендтомъ уже во второй его пріѣздъ, когда онъ вернулся въ 8 часовъ вечера. Надо, впрочемъ, подчеркнуть, что Спасскій не упоминаетъ о фактѣ чтенія записки. По разсказу Жуковскаго, составлявшемуся значительно позже, Арендтъ пріѣхалъ съ запиской въ полночь [1]). Любопытно сопоставить съ этими данными и сообщеніе Тургенева въ письмѣ къ Нефедьевой. Хронологически это самое первое извѣстіе о дуэли и болѣзни Пушкина. А. И. Тургеневъ корреспондировалъ, такъ сказать, съ мѣста: онъ писалъ свое письмо въ 9 часовъ утра отъ себя, собираясь итти вновь въ домъ Пушкина, изъ котораго онъ ушелъ въ 4-мъ часу утра. А прибылъ онъ туда съ вечеринки князя Щербатова уже послѣ Жуковскаго, бывшаго тамъ между 10 и 11 часами. И вотъ въ первомъ своемъ письмѣ, писанномъ въ 9 часовъ утра, Тургеневъ совершенно не упоминаетъ о запискѣ государя. По изложенію Тургенева, дѣло происходило такъ: «Пушкинъ просилъ Арендта съѣздить къ государю и попросить у него прощенія секунданту Данзасу, коего подхватилъ онъ на дорогѣ,—и себѣ самому; государь прислалъ къ нему Арендта сказать, что *если онъ исповѣдуется и причастится, то ему это будетъ очень пріятно и что онъ проститъ его.* Пушкинъ обрадовался, послалъ за священникомъ и пріобщился послѣ исповѣди... Государь велѣлъ сказать ему, что онъ не оставитъ жены и дѣтей его: это его обрадовало и успокоило» [2]). Итакъ, по этому раннѣйшему отчету, выходитъ, что во 1) записки вовсе и не было, и во 2) исполненіе Пушкинымъ христіанскаго долга было въ какой-то зависимости отъ выраженнаго государемъ совѣта-желанія и обѣщанія простить, обусловленнаго именно соблюденіемъ обряда. По Спасскому же, Пушкинъ изъявилъ желаніе исповѣдаться и пріобщиться до пріѣзда Арендта; тогда же и было послано за священникомъ. По Жуковскому, Пуш-

[1]) Благодаря любезности К. Я. Грота, я могъ навести справку въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. Ни посѣщенія Арендта, ни посѣщенія Жуковскаго тамъ не зарегистрированы. Государь вечеромъ 27 января дѣйствительно былъ въ Каменномъ театрѣ вмѣстѣ съ гостившимъ въ то время въ Петербургѣ принцемъ Карломъ Прусскимъ. Изъ дворца онъ отбылъ въ 8 час. 10 мин. и вернулся въ 10 час. 55 минутъ.

[2]) «Пушкинъ и его современники». Вып. VI, С.-Пб. 1908. Новые матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 47—51.

кинъ согласился исполнить долгъ, но «положено было» призвать священника утромъ. Послали же за священникомъ тотчасъ же по пріѣздѣ Арендта, спеціально вслѣдствіе выраженной въ запискѣ воли [1]).

Тургеневъ, отправивъ письмо Нефедьевой, отправился въ домъ Пушкина и отсюда въ 11 часовъ утра писалъ уже нѣчто иное: «Государь прислалъ къ нему вчера [2]) же Арендта съ письмомъ, писаннымъ карандашомъ, которое велѣлъ прочесть Пушкину и привезти къ себѣ назадъ: вотъ à peu près выраженія письма: «Есть ли Богъ не велитъ уже намъ увидѣться на этомъ свѣтѣ, то прими мое прощеніе и совѣтъ умереть по христіански и причаститься, а о женѣ и дѣтяхъ не безпокойся. Они будутъ моими дѣтьми и я беру ихъ на свое попеченіе».—Это обрадовало Пушкина и успокоило».

Но почему же Тургеневъ, просидѣвшій у Пушкина до 4 часа утра, узналъ о такомъ важномъ фактѣ только утромъ 29 января? Отвѣтъ представляется затруднительнымъ. Но если записка была, то какое же было ея содержаніе? Уѣхавъ въ полночь (если еще не раньше, если еще не вечеромъ), Арендтъ уже увозилъ ее съ собой. Показалъ ли онъ ее наполнявшимъ комнаты Пушкина его друзьямъ? Нѣтъ, ибо если бы показалъ хотя бы Жуковскому, то Тургеневъ уже конечно написалъ бы объ этомъ въ письмѣ, отправленномъ въ 9 часовъ утра. Если самый фактъ чтенія собственноручной записки государя сдѣлался извѣстенъ друзьямъ Пушкина значительно позже, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ записки самой уже не было, то какимъ образомъ сдѣлался извѣстенъ ея текстъ? Онъ не былъ никѣмъ записанъ: иначе онъ не варіировался бы во всѣхъ, самыхъ авторитетныхъ спискахъ у Вяземскаго, Тургенева, Жуковскаго.

Мало того, онъ варіируется подъ перомъ одного и того же лица. Такъ, Тургеневу пришлось сообщить текстъ записки еще разъ, 31 января, въ письмѣ къ брату Николаю Ивановичу. Въ текстахъ оказалось различіе. Воспроизводимъ еще разъ текстъ записки по спискамъ Тургенева, отмѣчая въ прямыхъ скобкахъ отличія по письму къ брату.

«Есть ли Богъ не велитъ уже намъ увидѣться [не приведетъ намъ свидѣться] на этомъ свѣтѣ то прими мое прощеніе и совѣтъ умереть по христіански и причаститься [исполнить долгъ христ. исповѣдайся и причастись]; а о женѣ и о дѣтяхъ не безпокойся. Они будутъ моими дѣтьми, и я беру ихъ на свое попеченіе».

---

[1]) По поздней записи разсказовъ Данзаса (цит. соч., стр. 30), Пушкинъ пріобщался послѣ отъѣзда Арендта и до его пріѣзда съ запиской.

[2]) Вчера, но ночью; по разсказу Спасскаго, фактъ имѣлъ мѣсто вчера, а, по разсказу Жуковскаго, ночью.

А въ своемъ дневникѣ подъ 27 января (л. 71) А. И. Тургеневъ сообщилъ записку государя уже съ новыми измѣненіями:

«Если Богъ не велитъ намъ свидѣться на этомъ свѣтѣ, то прими мое прощеніе (котораго Пушкинъ просилъ у него себѣ и Данзасу) и совѣтъ умереть христіаниномъ исповѣдаться и причаститься; а за жену и дѣтей не безпокойся: они мои дѣти и я буду пещись о нихъ».

Князь Вяземскій въ письмѣ къ А. Я. Булгакову даетъ слѣдующій текстъ:

«Есть ли Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки».

Переходя къ сообщенію Жуковскаго и обращаясь къ черновику его письма къ С. Л. Пушкину, мы можемъ видѣть, какъ Жуковскій работалъ надъ установленіемъ текста. Приводимъ текстъ окончательный, отмѣчая въ скобкахъ первоначальныя чтенія.

«Есть ли Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, [прими] посылаю тебѣ мое прощенье, [а съ нимъ и] и вмѣстѣ мой совѣтъ: [кончить жизнь христіански] исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся; я ихъ беру на свое попеченіе».

Итакъ точный текстъ записки Николая Павловича намъ неизвѣстенъ. Но содержаніе словъ, написанныхъ государемъ или только устно переданныхъ, по всѣмъ версіямъ одинаково: они содержали обѣщаніе позаботиться о женѣ и дѣтяхъ Пушкина и кромѣ того настоятельный совѣтъ исполнить христіанскій долгъ. Исполненіемъ долга, быть можетъ, было обусловлено просимое прощеніе. Несмотря на то, что Спасскій, Жуковскій и Вяземскій стараются представить дѣло такъ, что Пушкинъ согласился исполнить христіанскій долгъ по собственному почину, приходится признать, что обращеніе къ священнику было совершено подъ воздѣйствіемъ устно черезъ Арендта или письменно выраженной воли государя.

Вяземскій и Жуковскій стараются изобразить смерть Пушкина, какъ моментъ замиренія противоположныхъ чувствъ, моментъ забвенія обидъ и вражды, моментъ высшаго просвѣтлѣнія, или вообще, какъ идеалъ христіанской кончины въ Богѣ. «Дай Богъ, говоритъ князь Вяземскій, намъ каждому подобную кончину». Въ описаніяхъ Вяземскаго и Жуковскаго не мало риторическихъ мѣстъ, и если таланту Жуковскаго была свойственна нѣкоторая риторичность, мѣшающая различать риторику слова и риторику факта, то князю Вяземскому это свойство было чуждо, и онъ поистинѣ не похожъ самъ на себя въ своихъ риторическихъ отступленіяхъ. Но соотвѣтствіе дѣйствительности въ набросанной друзьями картинѣ смерти окажется весьма

сомнительнымъ, если вспомнимъ оброненный Тургеневымъ разсказъ въ письмѣ къ Нефедьевой отъ 1 февраля: «Когда Жуковскій представлялъ государю записку о семействѣ Пушкина, то, сказавъ все, что у него было на сердцѣ, онъ прибавилъ à peu près такъ: «Для себя же, государь, я прошу той же милости, какою я уже воспользовался при кончинѣ Карамзина: позвольте мнѣ такъ же, какъ и тогда, написать указы о томъ, что Вы повелѣть изволите для Пушкина (Жуковскій писалъ докладную записку и указы о пенсіи Карамзину и семейству его). На это государь отвѣчалъ Жуковскому: «Ты видишь, что я дѣлаю все, что можно для Пушкина и для семейства его и на все согласенъ, но въ одномъ только не могу согласиться съ тобою: это въ томъ, чтобы ты написалъ указы какъ о Карамзинѣ. Есть разница: ты видишь, что мы насилу довели его до смерти христіанской (разумѣя, вѣроятно, совѣтъ государя исповѣдаться и причаститься), а Карамзинъ умиралъ, какъ Ангелъ». Сообщая о томъ же фактѣ своему брату 31 января, Тургеневъ писалъ немного иначе: «Государь отвѣчалъ: «Я во всемъ съ тобою согласенъ, кромѣ сравненія твоего съ Карамзинымъ. Для Пушкина я все готовъ сдѣлать, но я не могу сравнить его въ уваженіи съ Карамзинымъ. Тотъ умиралъ, какъ Ангелъ». Къ этому слѣдуетъ добавить слова Д. В. Дашкова, который передавалъ князю Вяземскому, что государь сказалъ ему: «Какой чудакъ Жуковскій! Пристаетъ ко мнѣ, чтобы я семьѣ Пушкина назначилъ такую же пенсію, какъ семьѣ Карамзина. Онъ не хочетъ сообразить, что Карамзинъ человѣкъ почти святой, а какова была жизнь Пушкина[1]). Если бы все происходило такъ, какъ описываютъ Вяземскій и Жуковскій, то врядъ ли бы въ императорѣ могло возникнуть такое нехорошее мнѣніе о послѣднихъ минутахъ жизни Пушкина! Ясно, такимъ образомъ, что разсказамъ Жуковскаго и Вяземскаго нельзя довѣрять. Эпизодъ съ запиской государя и исполненіемъ христіанскаго долга для насъ остается темнымъ и весьма недоумѣннымъ; но можно, кажется, утверждать, что въ дѣйствительности событія развивались не такъ, какъ изображено у друзей Пушкина.

4.

Переходимъ къ тому изображенію патріотическихъ чувствъ Пушкина, которое находимъ въ письмѣ Жуковскаго.

«Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Пушкинымъ на своемъ смертномъ одрѣ, доказали, насколько онъ былъ привязанъ, преданъ и благодаренъ го-

[1]) «Русск. Арх.», 1888, II, стр. 297. Срвн. «Русск. Арх.», 1906, III, стр. 619.

сударю»—писалъ князь П. А. Вяземскій великому князю Михаилу Павловичу. «Въ эти два дня (дни предсмертныхъ мученій) Пушкинъ только и начиналъ говорить, что о женѣ и о государѣ»—читаемъ въ письмѣ Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ друзей Пушкина было показать силу и глубину вѣрноподданническихъ чувствъ Пушкина, тѣхъ чувствъ, въ которыхъ сильно сомнѣвались и графъ Бенкендорфъ, и самъ Николай Павловичъ. И, дѣйствительно, объ этихъ чувствахъ свидѣтельствуетъ фраза Пушкина, напечатанная курсивомъ въ «Современникѣ» въ описаніи Жуковскаго: *«скажи государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастія въ его сынѣ, счастія въ его Россіи»*. Эта патріотическая фраза, конечно, не была произнесена Пушкинымъ, а была сочинена Жуковскимъ: за авторство Жуковскаго говоритъ ея стиль съ закругленіями и повтореніями. Несомнѣнно также, что не могъ Пушкинъ говорить столь долго и столь стройно среди тяжкихъ физическихъ страданій. Даже прощаясь съ друзьями, онъ не въ состояніи былъ сказать имъ слово. Но если бы мы попытались выяснить, когда и кому была сказана эта фраза, то мы констатировали бы полное расхожденіе въ показаніяхъ друзей Пушкина. Такая фраза должна бы отлиться въ неизмѣнную форму въ памяти свидѣтелей кончины. А между тѣмъ, въ самомъ точномъ источникѣ—въ письмахъ А. И. Тургенева, писанныхъ въ комнатахъ Пушкина въ самый часъ развертывавшихся событій, такой фразы нѣтъ [1]). Только въ письмѣ отъ 28 января подъ датой «2-ой часъ» (дня) Тургеневъ, не придавая эпизоду еще того значенія, которое было закрѣплено Вяземскимъ и Жуковскимъ, упоминаетъ лишь о слѣдующемъ: «Прежде полученія письма государя сказалъ «жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно» и еще: «жаль, что умираю: весь его бы былъ» т. е. царевъ». По Тургеневу выходитъ, что слова эти сказаны были задолго до прощанія съ друзьями, до полученія письма, т. е. по крайней мѣрѣ до 12 часовъ ночи. Въ письмѣ къ А. Я. Булгакову князь Вяземскій относитъ произнесеніе этихъ словъ ко времени полученія записки государя. «Скажите государю, говорилъ Пушкинъ Арендту, что жалѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъявить ему мою благодарность, что я былъ бы весь его!» Итакъ, по этой версіи, слова эти были сказаны Арендту. Но князь Вяземскій, какъ бы боясь возможныхъ сомнѣній, счелъ нужнымъ завѣрить истину факта еще слѣдующимъ утвержденіемъ въ скоб-

[1]) А въ дневникѣ, сообщивъ текстъ записки, Тургеневъ добавляетъ всего лишь слѣдующее: «Пушкинъ сложилъ руки и благодарилъ Бога, сказавъ, чтобы Жуковскій передалъ государю благодарность».

кахъ: «эти слова слышаны мною и врѣзались въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены». Но если слова были сказаны Арендту часовъ въ 12 ночи, когда была прочтена записка, то князь Вяземскій не присутствовалъ въ этотъ моментъ, ибо, какъ изъ сообщенія Спасскаго видно, Арендтъ говорилъ съ Пушкинымъ наединѣ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, никто изъ друзей не входилъ въ комнату умирающаго: «я провелъ въ домѣ Пушкина, говоритъ Тургеневъ, до 4-го часа утра съ Жуковскимъ, гр. Віельгорскимъ, Данзасомъ; но къ нему входитъ только одинъ Данзасъ». Но, можетъ-быть, князь Вяземскій ошибся: не Арендту были сказаны эти слова, а Жуковскому. «Въ одномъ современномъ спискѣ съ этого письма — говорится въ примѣчаніи къ тексту письма въ «Русскомъ Архивѣ»— слова «говорилъ Арендту» зачеркнуты и рукою князя П. А. Вяземскаго вмѣсто ихъ написано «сказалъ Жуковскому». Но не сдѣланы ли эти поправки княземъ Вяземскимъ, когда уже распространилось письмо Жуковскаго къ С. Л. Пушкину? Въ подлинникѣ письма, писанномъ 5 февраля стоитъ «говорилъ Арендту»; такъ точно и въ копіи письма, приложенной къ письму князя Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу отъ 14 февраля [1]).

Обращаясь теперь къ сообщенію Жуковскаго, мы можемъ, благодаря сохранившимся черновикамъ, возстановить процессъ постепенной разработки этой фразы, постепеннаго ея округленія. Разсказъ о сценѣ прощанія и о томъ, какъ Пушкинъ только махнулъ рукою, когда Жуковскій съ нимъ прощался, кончается фразой «я отошелъ», а послѣ этихъ словъ въ черновикѣ слѣдовало: «также простился онъ и съ Вяземскимъ», но надъ строкой знакомъ отмѣчена вставка, которую Жуковскій предположилъ перенести изъ послѣдующаго своего разсказа. Сообщивъ о своемъ рѣшеніи (послѣ того, какъ услышалъ слова Пушкина: «жду царскаго слова, чтобы умереть покойно») ѣхать къ государю, Жуковскій объясняетъ свои мотивы: «Надобно знать, что простившись съ Пушкинымъ я опять возвратился къ его постели и сказалъ ему: «Можетъ быть я увижу государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя. Скажи ему, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы *весь* его». Эти слова были выдѣлены скобками, какъ подлежащія перенесенію въ отмѣченное мѣсто, но здѣсь же для этой цѣли они были выправлены такъ: «Но черезъ минуту я возвратился къ его постели и спросилъ у него, можетъ быть увижу государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя. Скажи, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы *весь* его». Но на этомъ разработка словъ Пушкина еще не закончилась,

[1]) Такъ и въ томъ спискѣ, по которому письмо къ Булгакову напечатано въ «Русской Старинѣ», т. XIV (1875 г.), стр. 92—96.

ибо при словѣ *весъ* Жуковскій сдѣлалъ карандашомъ отмѣтку, а вверху страницы, повторяя эту отмѣтку, онъ карандашомъ же написалъ: «Въ другой разъ нѣтъ... нѣтъ скажи, что я... я желаю ему долгаго... долгаго». На этихъ карандашныхъ строкахъ Жуковскій наконецъ написалъ слова Пушкина въ окончательной редакціи: «Онъ опять подозвалъ меня: скажи государю, сказалъ онъ, что мнѣ жаль умирать; былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія—что я ему желаю счастія въ его сынѣ, счастія въ его Россіи». Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно». Эта редакція была тутъ же перечеркнута самимъ Жуковскимъ. Итакъ, по первоначальной редакціи выходитъ, что, выслушавъ слова Пушкина («Скажи ему, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его»), Жуковскій отправился къ государю и встрѣтилъ фельдъегеря, посланнаго отъ царя звать Жуковскаго во дворецъ. «Я разсказалъ, пишетъ Жуковскій, о томъ, что говорилъ Пушкинъ: «Я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно Вашему Величеству». Затѣмъ Жуковскій передалъ государю просьбу за Данзаса и не получилъ на нее удовлетворительнаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе Жуковскій пишетъ: «я возвратился съ *утѣшительнымъ* отвѣтомъ Государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ: «Вотъ какъ я утѣшенъ! сказалъ онъ. Скажи государю, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи». Эти слова говорилъ слабо, отрывисто, но явственнно».

Изъ изложенія процесса работы Жуковскаго надъ возсозданіемъ или, вѣрнѣе, надъ созданіемъ патріотическихъ словъ Пушкина обнаруживается сомнительность самого факта ихъ произнесенія. Пушкинъ среди своихъ мученій такъ мало и рѣдко говорилъ, что каждое слово отпечатлѣвалось въ памяти, и странно было бы забыть или спутать его слова, особенно такія торжественныя. Признавая всю возможную слабость человѣческой памяти, нельзя же думать, что Жуковскій могъ забыть и спутать обстоятельства. Но мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи одинъ документъ, въ которомъ Жуковскій выдаетъ себя съ головой.

Въ черновомъ проектѣ просьбы о милостяхъ семьѣ Пушкина, который напечатанъ впервые въ III отдѣлѣ нашей работы, Жуковскій, между прочимъ, проситъ у государя разрѣшенія написать по поводу смерти Пушкина особую бумагу или манифестъ въ родѣ того, который онъ, Жуковскій, написалъ послѣ смерти Карамзина. Желая подвигнуть государя къ согласію, Жуковскій пишетъ: «Мною передано было отъ васъ послѣднее радостное слово услышанное Пушкинымъ на землѣ. Вотъ что онъ отвѣчалъ, поднявъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ *(и что я вчера забылъ передать*

Вашему Величеству): какъ я утѣшенъ! скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ сынѣ, что я желаю счастія въ счастіи Россіи».

Трудно, почти невозможно допустить, что Жуковскій забылъ бы передать государю такія слова Пушкина, докладывая ему о послѣднихъ минутахъ Пушкина. Легче допустить, что эти слова создались сами собой въ головѣ и сердцѣ Жуковскаго. И не принять ли за истинную—версію, записанную въ дневникѣ Тургенева: «Пушкинъ сложилъ руки и благодарилъ Бога, сказавъ, чтобы Жуковскій передалъ государю благодарность»? Не дали ли «сложенныя руки» поводъ Жуковскому говорить о судорожномъ движеніи, а изъявленіе чувства благодарности не развернулось ли въ риторическую фразу?

5.

Приведенными выше наблюденіями и данными анализа текста значеніе письма Жуковскаго, какъ непреложнаго и достовѣрнаго источника, сильно подрывается. Ясно, что картины смерти Пушкина, набросанныя Жуковскимъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Самые факты Жуковскій подгонялъ въ угоду излюбленнымъ своимъ тенденціямъ. Академикомъ А. Н. Веселовскимъ отмѣчено присущее Жуковскому стремленіе къ своеобразной идеализаціи всего, къ чему онъ ни прикасался. Процессъ идеализаціи совершался у него безсознательно. Эта особенность творческаго дарованія Жуковскаго отразилась и на разбираемомъ письмѣ не на пользу истинѣ факта. Пушкинъ у него явился такимъ же христіаниномъ и патріотомъ по настроенію и чувству, какимъ былъ онъ самъ, Жуковскій. Но не только указанная творческая особенность играла роль при возсозданіи исторіи послѣднихъ минутъ Пушкина. Послѣ катастрофической смерти Пушкина надлежало охранить моральные и матеріальные интересы семьи Пушкина, и надо отдать справедливость—Жуковскій и друзья Пушкина совершили съ этой цѣлью въ предѣлѣ земномъ все земное. Но охрана матеріальныхъ интересовъ была неразрывно связана съ защитой покойнаго Пушкина противъ сыпавшихся на него обвиненій и въ безбожіи, и въ неблагодарности императору, и въ отсутствіи у него истиннаго патріотизма, и въ забвеніи истинно монархическихъ началъ. Дѣло друзей Пушкина обострялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что эти обвиненія падали и на нихъ, какъ на друзей Пушкина. Защищая Пушкина, они защищали, слѣдовательно, и себя. Допустимъ, что помянутыя обвиненія въ значительной мѣрѣ не соотвѣтствовали дѣйствительности. Значитъ ли такое допущеніе, что абсолютно вѣрны опровергаю-

щія утвержденія Жуковскаго и Вяземскаго? Не перегнули ли они слишкомъ въ обратную сторону? А между тѣмъ, надо признать, что побѣду и въ памяти современниковъ, и въ памяти потомства одержали они, друзья Пушкина. Своимъ пониманіемъ Пушкина, которое было манифестировано ими сейчасъ же послѣ смерти и по поводу ея, они заразили всѣхъ изслѣдователей и біографовъ Пушкина.

Поэтому-то совершенно особенное значеніе пріобрѣтаютъ тѣ разоблаченія, которыя приноситъ критика письма Жуковскаго, какъ историческаго источника. Ибо пострадавшимъ является не только «самое достовѣрное» изображеніе послѣднихъ минутъ Пушкина, но и связанное съ нимъ извѣстное представленіе о Пушкинѣ въ послѣдніе годы, о религіозныхъ и политическихъ основахъ его міросозерцанія. Мы получаемъ возможность отрѣшиться, наконецъ, отъ навязаннаго намъ Жуковскимъ образа поэта; мы не пріобрѣтаемъ, правда, положительныхъ знаній о немъ, но мы можемъ сказать, что перо Жуковскаго не считалось съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей; можемъ сказать, что ни предсмертныя настроенія Пушкина, ни сокровенныя глубины его души не были такими, какими они явились въ изображеніи Жуковскаго. Какими же они были въ дѣйствительности? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы сейчасъ не можемъ, но мы будемъ искать отвѣта, ибо теперь нѣтъ у насъ ни достовѣрной картины послѣднихъ дней жизни поэта, ни авторитетной и безспорной характеристики его духовной личности въ послѣдніе годы.

---

2. Письмо В. А. Жуковскаго къ С. Л. Пушкину въ первоначальной редакціи.

Здѣсь печатается первоначальная редакція письма Жуковскаго, т. е. тотъ текстъ, который читался въ первомъ (черновомъ) изъ указанныхъ выше двухъ списковъ до начала какихъ-либо исправленій. Всѣ исправленія и измѣненія, сдѣланныя въ этомъ спискѣ, приводятся въ примѣчаніяхъ, въ которыхъ этотъ списокъ обозначается буквою **А**. Буква ж въ скобкахъ (**ж**) означаетъ, что исправленія сдѣланы собственноручно Жуковскимъ. Въ примѣчаніяхъ даются всѣ разночтенія по второму (бѣловому) списку, обозначаемому буквою **В**, по краткой печатной редакціи «Современника», отмѣчаемой буквою **С**[1]) и по полной «Русскаго Архива»—**Д**.

Для цѣлей сравненія и удобства сносокъ текстъ раздѣленъ на параграфы, а въ нѣкоторыхъ параграфахъ даже на отдѣльныя фразы. § 8 первоначальной редакціи до нашего изданія не былъ до сихъ поръ извѣстенъ ни въ полной, ни въ краткой печатныхъ редакціяхъ; исключены были въ краткой редакціи «Современника» и стали извѣстны по сообщенію «Русскаго Архива» §§ 2, 4, 15_{2-3}, 19_4, 23, 24, 26, 38—41, 49, 50, $51_{5 \text{ и } 10}$, 61, 64, 67.

---

[1]) Въ **С** тексту письма предпослано слѣдующее введеніе: «Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою—потеря невозвратная и ничѣмъ не вознаградимая. Что бы онъ написалъ, если бы судьба такъ внезапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ*. Здѣсь сообщаются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Они написаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его. * *Примѣчаніе*. Вскорѣ за полнымъ изданіемъ сочиненій, уже извѣстныхъ публикѣ и теперь издаваемыхъ въ шести частяхъ по подпискѣ. Если напечатать все найденное въ рукописяхъ Пушкина, то, конечно, составится два хорошихъ тома, или и *пять*, если присоединить къ литературнымъ отрывкамъ всѣ матеріалы, приготовленные для Исторіи Петра Великаго. *Ж*».

[§ 1] Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что я могъ тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей. Еще по привычкѣ продолжаешь искать его, еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздается[1]) его живой, веселый[2]) смѣхъ, и тамъ гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ; а онъ пропалъ и навсегда—непостижимо. Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная Генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдной[3]) дряхлый[3]) отецъ; не говорю объ насъ, горюющихъ друзьяхъ его. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣванье совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, буйною[4]), часто[4]) безпорядочною[4]) силою молодости, тревожимой Геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ здраваго[5]) мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца?

[§ 2][6]) И между всѣми русскими особенную потерю сдѣлалъ въ немъ самъ государь. При началѣ своего царствованія Онъ его себѣ присвоилъ; Онъ отворилъ[7]) руки ему въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; Онъ слѣдилъ за нимъ до послѣдняго его часа; бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще неостепенившійся[8]) ребенокъ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе своего хранителя: но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ими усиливалась, въ одномъ, чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ другомъ,

---

[1]) до исправленія читалась явная описка «рождается»
[2]) ребячески-веселый **АС**; ребяческій веселый **В**.
[3]) бѣдный и дряхлый **АС**; бѣдный дряхлый **В**.
[4]) иногда безпорядочною **А** (ж) **ВС**.
[5]) зрѣлаго **АВС**.
[6]) Весь § 2 въ **С** исключенъ.
[7]) развязалъ **Д**.
[8]) до исправленія читалась явная описка—неизмѣнившійся.

живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу Пушкина и наконецъ слилась въ ней съ поэзіею.

[§ 3] [1]) Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы къ славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра.

[§ 4] [2]) И Государь до послѣдней минуты Пушкина остался вѣренъ своему благотворенію. Онъ отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его; и какъ отозвался? какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? въ этомъ голосѣ выражалось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

I.

[§ 5] Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказали другіе очевидцы.

[§ 6] [3]) Опишу просто все, что *со мною* было. Въ середу 27-го числа генваря въ 10-ть часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Вхожу въ переднюю. Мнѣ говорятъ, что Князь и Княгиня у Пушкиныхъ. Это показалось мнѣ страннымъ. Почему меня не позвали? Сходя съ лѣстницы, я зашелъ

---

[1]) Этотъ § («Государь... Александра»), безъ всякихъ измѣненій повторяющійся въ **Д**, въ **А** послѣ исправленій (нашъ вѣкъ потерялъ... Славное царствованіе утратило...) получилъ слѣдующую редакцію, повторяющуюся дословно въ **C** и съ отмѣченнымъ въ прямыхъ скобкахъ отличіемъ въ **B**: «Слава нынѣшняго царствованія утратила [потеряла—**B**] въ немъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славѣ Екатеринина, а Карамзинъ—славѣ Александрова».

[2]) Весь § 4 въ **C** исключенъ.

[3]) Послѣ значительныхъ сокращеній этотъ § получилъ въ **А** слѣдующую редакцію, съ которой совершенно тожественненъ текстъ **C**. Единственное отличіе текста **B** въ томъ, что въ немъ не исключены слова, приводимыя нами въ прямыхъ скобкахъ: «Въ среду 27-го числа Генваря, въ 10 часовъ вечера, пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ: а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли Вы записку Княгини? За вами давно послали. Поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ: [онъ смертельно раненъ]. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину, въ его прихожей предъ дверьми его кабинета нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго и князя Мещерскаго. На вопросъ, каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохо; умретъ непремѣнно».

къ Валуеву. Онъ встрѣтилъ меня словами: «получили ли Вы записку Княгини? Къ Вамъ давно послали. Поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ; онъ смертельно раненъ». Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы, велѣлъ везти себя прямо къ Пушкину, но проѣзжая мимо Михайловскаго Дворца и зная, что Графъ Віельгорскій находится у Великой Княгини (у которой тогда былъ концертъ), велѣлъ его вызвать и сказалъ ему о случившемся, дабы онъ могъ немедленно по окончаніи вечера, вслѣдъ за мною же пріѣхать. Вхожу въ переднюю (изъ которой дверь была прямо въ кабинетъ твоего умирающаго сына), нахожу въ ней докторовъ Арендта и Спасскаго, князя Вяземскаго, князя Мещерскаго, Валуева. На вопросъ мой: *каковъ онъ?* Арендтъ, который съ самаго начала не имѣлъ никакой надежды, отвѣчалъ мнѣ: *очень плохъ, онъ умретъ непремѣнно.*

[§ 7] Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся [1]).

[§ 8] [2]) Дуэль была рѣшена наканунѣ (во Вторникъ 26-го Генваря); утромъ 27-го числа, Пушкинъ, еще не имѣя секунданта, вышелъ рано со двора. Встрѣтясь на улицѣ съ своимъ Лицейскимъ товарищемъ, полковникомъ [3]) Данзасомъ, онъ посадилъ его съ собою въ сани, и не разсказывая ничего, повезъ къ Д'Аршіаку, секунданту своего противника. Тамъ, прочитавъ передъ Данзасомъ собственноручную копію съ того письма, которое имъ было написано къ Министру Геккерну и которое произвело вызовъ отъ молодого Геккерна, онъ оставилъ Данзаса для условій съ Д'Аршіакомъ, а самъ возвратился къ себѣ и дожидался [4]) спокойно развязки. Его спокойствіе было удивительное; онъ занимался своимъ «Современникомъ» и за часъ передъ тѣмъ, какъ ему ѣхать стрѣляться, написалъ письмо къ Ишимовой (сочинительницѣ Русской Исторіи для дѣтей, трудившейся для [5]) его журнала);въ этомъ письмѣ, довольно длинномъ, онъ говоритъ ей о назначенныхъ имъ для перевода піесахъ, и входитъ въ подробности о ея исторіи, на которую дѣлаетъ критическія замѣчанія, такъ просто и внимательно, какъ будто бы

---

[1]) Такъ въ **С**; въ **АВ**—о случившемся въ этотъ день.

[2]) Всего этого § совсѣмъ нѣтъ ни въ **С**, ни въ **Д**. Въ этомъ исключенномъ отрывкѣ останавливаетъ вниманіе сообщеніе Жуковскаго о письмѣ къ А. О. Ишимовой. То письмо, которое мы знаемъ и которое печатается нынѣ («Переписка П.» Изд. Имп. Академіи Наукъ, т. III, № 1148, стр. 451), не соотвѣтствуетъ описанію Жуковскаго. Какъ объяснить это несоотвѣтствіе, не знаю.

[3]) подполковникомъ—**В**.

[4]) ждалъ—**АВ**.

[5]) и для—**АВ**.

ничего иного у него въ эту минуту въ [1]) умѣ [1]) не было. Это письмо есть памятникъ удивительной силы духа: нельзя читать его безъ умиленія, какой-то [2]) благоговѣйной грусти: ясный, простосердечный слогъ его глубоко трогаетъ, когда вспоминаешь при чтеніи, что писавшій это письмо съ такою беззаботностію черезъ часъ уже лежалъ умирающій [3]) отъ [3]) раны [3]). По условію, Пушкинъ долженъ былъ встрѣтиться [4]) въ [4]) положенный [4]) часъ [4]) со [4]) своимъ [4]) секундантомъ [4]), кажется въ кондитерской лавкѣ Вольфа, дабы оттуда ѣхать на мѣсто; онъ пришелъ туда въ [5]) часовъ. Данзасъ уже его дожидался съ санями; поѣхали; избранное [6]) мѣсто [6]) было [6]) въ [6]) лѣсу [6]) у Комендантской дачи; выѣхавъ изъ города, увидѣли впереди другія сани; это былъ Геккернъ съ своимъ секундантомъ; остановились почти въ одно время, и пошли въ сторону отъ дороги; снѣгъ былъ по колѣна; по выборѣ мѣста надобно было вытоптать въ снѣгу площадку, чтобы и [7]) тотъ [7]) и [7]) другой [7]) удобно могли и [8]) стоять [8]) другъ противъ друга и сходиться. Оба секунданта и Геккернъ занялись этою работою; Пушкинъ сѣлъ на сугробъ, и смотрѣлъ на роковое приготовленіе съ большимъ равнодушіемъ. Наконецъ вытоптана была тропинка въ аршинъ шириною и въ двадцать шаговъ длиною; плащами означили барьеры, одна отъ другой въ десяти шагахъ; каждый сталъ въ пяти шагахъ позади своей. Данзасъ махнулъ шляпою; пошли, Пушкинъ почти дошелъ до своей барьеры; Геккернъ за шагъ отъ своей выстрѣлилъ; Пушкинъ упалъ лицемъ на плащъ и пистолетъ его увязнулъ въ снѣгу такъ, что все дуло наполнилось снѣгомъ. Je suis blessé, сказалъ онъ, падая. Геккернъ хотѣлъ къ нему подойти, но онъ очнувшись сказалъ: Ne bougez pas; je me sens encore assez fort, pour tirer mon coup. Данзасъ подалъ ему другой пистолетъ. Онъ оперся на лѣвую руку, лежа прицѣлился, выстрѣлилъ и Геккернъ упалъ, но [9]) его [9]) сбила [9]) съ [9]) ногъ [9]) только [9]) сильная [9]) контузія [9]); пуля пробила мясистыя части правой руки, коею онъ закрылъ себѣ грудь, и будучи тѣмъ ослаблена, попала въ пуговицу, которою панталоны держались на подтяжкѣ противъ ложки: эта пуговица

---

1) на умѣ—**АВ**.
2) безъ какой-то—**АВ**.
3) на смертной постели безъ надежды спасенія—**АВ**.
4) найти своего секунданта—**АВ**.
5) послѣ этого слова пробѣлъ и въ **А** и въ **В**.
6) мѣсто для поединка выбрано было на Петербургской сторонѣ—**АВ**.
7) противники—**АВ**.
8) стоять—**АВ**.
9) опрокинутый сильною контузіею—**АВ**.

спасла Геккерна. Пушкинъ, увидя его падающаго, бросилъ вверхъ пистолетъ и закричалъ: Bravo! между тѣмъ кровь лила изъ [1]) раны [1]); было надобно поднять раненаго; но на рукахъ донести его до саней было невозможно; подвезли [2]) къ [2]) нему [2]) сани [2]), для чего надобно было разломать заборъ; и въ саняхъ довезли его до дороги, гдѣ дожидала [3]) его [3]) Геккернова карета, въ которую онъ и сѣлъ съ Данзасомъ. Лѣкаря на мѣстѣ сраженія не было. Дорогою онъ повидимому не страдалъ, по крайней мѣрѣ этого не было замѣтно; онъ былъ напротивъ даже веселъ, разговаривалъ съ Данзасомъ и разсказывалъ ему анекдоты.

[§ 9] Домой [4]) возвратились [4]) въ [4]) шесть [4]) часовъ [4]). Камердинеръ взялъ [5]) его [5]) на руки и понесъ на лѣстницу. Грустно тебѣ нести меня? спросилъ у него Пушкинъ.

[§ 10] [6]) Бѣдная жена встрѣтила его въ передней и упала безъ чувствъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся и легъ на диванъ, находившійся въ кабинетѣ. Жена, пришедши въ память, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: n'entrez pas, ибо опасался показать ей рану, чувствуя самъ, что она была опасною. Жена вошла уже тогда, когда онъ былъ совсѣмъ раздѣтъ.

[§ 11] Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Въ это время съ [7]) Пушкинымъ [7]) были Данзасъ и Плетневъ. Пушкинъ [8]) велѣлъ [8]) всѣмъ [8]) выйти [8]).

---

[1]) изобильно—**AB**.

[2]) ихъ къ нему подвезли—**AB**.

[3]) находилась—**AB**.

[4]) Эта фраза зачеркнута и вмѣсто нея въ **A** Жуковскимъ вписано: «Въ шесть часовъ послѣ обѣда привезенъ онъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ». Такъ точно и въ **BC**.

[5]) принялъ его изъ кареты—**A** (ж) **BC**

[6]) Этотъ § подвергся значительнымъ и существеннымъ измѣненіямъ въ A. Окончательная его редакція тожественна въ **ABC** «Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: n'entrez pas il y a du monde chez moi. Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый». Слова «онъ боялся ее испугать» вписаны Жуковскимъ вмѣсто зачеркнутыхъ: «онъ не хотѣлъ, чтобы она видѣла рану его которую самъ почиталъ опасною».

[7]) у него—**ABC**.

[8]) Эта фраза въ этомъ мѣстѣ въ **A** зачеркнута и перенесена выше, послѣ слова «Задлеръ»; такъ точно въ **BC**; въ **C** она—въ скобкахъ.

[§12] (1) *Плохо со мною* сказалъ онъ подавая руку Шольцу. Рану [1]) осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. (2) Оставшись съ Шольцомъ Пушкинъ спросилъ: что Вы думаете о моей [2]) ранѣ [2]); я чувствовалъ при выстрѣлѣ сильный ударъ въ бокъ и горячо стрѣльнуло въ поясницу. Дорогою шло много крови. Скажите откровенно, какъ вы находите рану [3])? (3) Не могу вамъ скрыть, она [4]) опасная [4]). (4) Скажите мнѣ [5]), смертельная [5])? (5) Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона, за коими послано [6]). (6) Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi—сказалъ Пушкинъ; замолчалъ; потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ «il faut que j'arrange ma maison [7]). (7) [8]) Мнѣ кажется, что идетъ много крови». (8) Шольцъ осмотрѣлъ рану; нашлось что крови шло немного; онъ наложилъ новый компрессъ [9]). (9) Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ [10]) пріятелей [10]), спросилъ Шольцъ (10) «Прощайте, друзья! сказалъ Пушкинъ, и [11]) въ [11]) это [11]) время [11]) глаза [11]) его [11]) обратились [11]) на [11]) его [11]) библіотеку. (11) Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми не знаю. (12) Онъ, немного погодя, спросилъ: развѣ [12]) вы думаете, что я часу не про-

---

[1]) Его—**ABC**. И здѣсь, и дальше слово рана всюду исключается.

[2]) моемъ положеніи—**A** (ж) **BC**.

[3]) Это первое обращеніе и вопросъ Пушкина доктору Шольцу (1—2) буквально выписаны изъ записки Шольца, но подверглись обработкѣ. Въ **A** еще сохранился первоначальный съ указаннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи измѣненіемъ текстъ **A**, но уже въ **A** отмѣчены Жуковскимъ къ исключенію слова Пушкина. Согласно съ этими отмѣтами текстъ окончательный въ **A** и **C** таковъ: «что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно». Въ виду исключенія слова «рана» Жуковскому пришлось сдѣлать соотвѣтственныя измѣненія и дальше въ сообщеніи Шольца.

[4]) вы въ опасности—**A** (ж) **BC**.

[5]) лучше умираю—**A** (ж) **BC**.

[6]) послали—**B**.

[7]) Французскія слова Пушкина (фр. 6) Жуковскій приводитъ вполнѣ согласно съ запиской Шольца, но вмѣсто раздѣляющей ихъ вставки Жуковскаго у Шольца читаемъ только «при семъ рукою потеръ себѣ лобъ».

[8]) По Жуковскому, русскія слова (фр. 7) произнесены безъ перерыва вслѣдъ за французскими; у Шольца же послѣднія отдѣлены фразой: «черезъ нѣсколько минутъ сказалъ».

[9]) Словъ Пушкина по-русски (фр. 7) и слѣдующей (8) фразы о дѣйствіяхъ Шольца въ **C** нѣтъ.

[10]) ближнихъ — **ABC**; въ запискѣ Шольца — близкихъ пріятелей.

[11]) обративъ глаза на свою; въ запискѣ Шольца — глядя на.

[12]) по запискѣ Шольца, эти слова сказаны подъ рядъ вслѣдъ за словами «прощайте друзья»; такимъ образомъ, фр. 10—12 (безъ словъ Пушкина) являются образцомъ «редакціи» Жуковскаго.

живу? (13) О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть когонибудь изъ вашихъ. Г-нъ Плетневъ здѣсь—(14) Да; но я желалъ бы Жуковскаго [1]). Дайте мнѣ воды; тошнитъ». (15) Шольцъ тронулъ пульсъ, нашелъ руку [2]) довольно [2]) холодную [2]); пульсъ [2]) слабый [2]), скорый [2]), какъ [3]) при [3]) внутреннемъ [3]) кровотеченіи [3]); онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. (16) Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. (17) Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Соломонъ. (18) Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова.

[§ 13] (1) Скоро потомъ явился Арендтъ. (2) Онъ съ перваго взгляда увидѣлъ [4]), что не было никакой надежды. (3) [5]) Первою заботою было остановить внутреннее кровотеченіе; (4) начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; (5) они [6]) произвели [6]) желанное дѣйствіе, (6) [7]) и кровотеченіе остановилось. (7) [8]) Все это было поручено Спасскому, домовому доктору Пушкина, который явился за Арендтомъ и всю ночь остался при постелѣ страдальца.

[§ 14] (1) [9]) Плохо мнѣ, сказалъ Пушкинъ, увидя [10]) Спасскаго и подавая ему руку. (2) Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукою отрицательно. (3) Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ забо-

---

[1]) Эти слова совершенно одинаково цитируются въ запискѣ Шольца, въ **A** и **B**, но въ **C** внесена одна буква и: «и Жуковскаго».

[2]) руку довольно холодную; пульсъ слабый, скорый—**B**; что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ — **C**.

[3]) Эти четыре слова, взятыя изъ записки Шольца, обведены карандашомъ въ **A** и отсутствуютъ въ **B** и **C**.

[4]) увѣрился — **ABC**.

[5]) Этой фразы въ **C** нѣтъ, а въ **A** она обведена карандашомъ.

[6]) это произвело — **ABC**.

[7]) эта фраза обведена карандашомъ и надъ ней карандашомъ же рукой Жуковскаго написано: больной поуспокоился. Такъ и въ **B** и въ **C**. Въ **C** вслѣдъ за этими словами читается: передъ отъѣздомъ Арендта онъ сказалъ ему: попросите Государя, чтобы онъ меня простилъ. Въ **A** и **B** эта самая фраза въ иной уже редакціи и съ добавленіемъ просьбы за Данзаса помѣщена нѣсколько ниже, см. § 15. Въ **C** же весь параграфъ 15 отсутствуетъ.

[8]) Эта 7-ая фраза въ **ABC** — Арендтъ уѣхалъ, поручивъ больного Спасскому, домовому его доктору, который во всю ночь не отходилъ отъ его постели.

[9]) Первыя двѣ фразы — передѣлка словъ Спасскаго, а 3-ья фраза — собственное размышленіе Жуковскаго.

[10]) Вмѣсто конца фразы съ этого слова въ **ABC**: когда подошелъ къ нему Спасскій.

титься о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. (4)[1]) Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ Спасскому, не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. (5) Впрочемъ дѣлайте со мною что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ».

[§ 15] (1) Когда Арендтъ передъ своимъ отъѣздомъ, подошелъ къ нему, онъ ему сказалъ: попросите Государя, чтобы Онъ меня простилъ; (2)[2]) попросите за Данзаса, онъ мнѣ братъ, онъ невиненъ, я схватилъ его на улицѣ. (3)[3]) Арендтъ уѣхалъ.

[§ 16] Въ это время уже собрались мы[4]) всѣ[4]), Князь Вяземскій, Княгиня, Графъ Віельгорскій и[5]) я.

[§ 17] (1) Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; (2) какъ привидѣніе, иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; (3) онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицемъ отъ оконъ къ двери); (4)[6]) но онъ боялся, чтобы она къ нему подходила, ибо не хотѣлъ, чтобы она могла примѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ, (5) и[7]) всякій разъ когда она входила или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. (6) Жена здѣсь, говорилъ онъ. Отведите ее. (7) Что дѣлаетъ жена? спросилъ онъ од-

---

[1]) Слова Пушкина къ Спасскому переданы неточно по сравненію съ запиской. У Спасскаго стоитъ: «большихъ», а не «излишнихъ»; кромѣ того, въ запискѣ Спасскаго читаются заключительныя слова этой 4-й фразы, Жуковскимъ пропущенныя: она должна все знать.

[2]) эта 2-я фраза обведена въ **А** карандашомъ; см. пр. 7, стр. 175. Въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго А. Я. Булгакову этотъ эпизодъ изложенъ такъ: «Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему: «Ѣду къ Государю; не прикажете ли, что сказать ему?»—«Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса». Въ цитированной книжкѣ, составленной со словъ Данзаса, этотъ эпизодъ изложенъ еще суше: «Прощаясь, Арендтъ объяснилъ Пушкину, что, по обязанности своей, онъ долженъ доложить обо всемъ случившемся Государю. Пушкинъ ничего не возразилъ противъ этого, но поручилъ только Арендту просить, отъ его имени, Государя не преслѣдовать его секунданта» (стр. 30).

[3]) въ **А** зачеркнуто и въ **В** отсутствуетъ.

[4]) въ **С** нѣтъ.

[5]) Тургеневъ и — **С**.

[6]) фр. 4-ая зачеркнута въ **А**, а вмѣсто нея сейчасъ же за фр. 6-ой должна была быть внесена написанная на поляхъ фраза, которая и имѣется въ **В** и **С**: онъ боялся ея присутствія, ибо не хотѣлъ, чтобы она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. Въ **С** вмѣсто ея присутствія—допускать ее къ себѣ.

[7]) но — **АВС**.

нажды у Спасскаго. Она, бѣдная, безвинно терпитъ! въ[1]) свѣтѣ[1]) ее[1]) заѣдятъ[1]).

[§ 18] (1) Вообще съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія) онъ былъ удивительно твердъ. (2)[2]) «Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго».

[§ 19] (1) И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался иной; (2) буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу яростною[3]) страстію, исчезла, не оставивъ на немъ[4]) никакого[4]) слѣда; (3) ни слова, ниже воспоминанія о поединкѣ[5]). (4)[6]) Однажды только, когда Данзасъ упомянулъ о Геккернѣ, онъ сказалъ: не мстить за меня! Я все простилъ.

[§ 20][7]) Но вотъ черта, чрезвычайно трогательная. Въ[8]) самый[8]) день[8]) дуэля[8]) рано[8]) по[8]) утру[8]) получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди всѣхъ[9]) страданій[9]). Если увидите Греча, сказалъ онъ Спасскому, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.

---

[1]) но въ запискѣ Спасскаго иначе: «и можетъ еще потерпѣть во мнѣніи людскомъ». У Спасскаго вопросъ Пушкина пріурочeнъ къ тому времени, когда Спасскій вошелъ къ Пушкину послѣ его исповѣди.

[2]) Князь Вяземскій въ письмѣ къ А. Я. Булгакову пишетъ: Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго: такое терпѣніе при такихъ страданіяхъ!

[3]) неодолимою — **ABC**.

[4]) ней и — **ABC**.

[5]) въ **A** зачеркнуто слегка карандашомъ и надписано «случившемся». Такъ и въ **C**. Въ **B** — случившемся поединкѣ.

[6]) Вся 4-ая фраза въ **C** опущена. У Вяземскаго въ письмѣ къ А. Я. Булгакову: «Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Геккерену, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Геккерена? «Требую, отвѣчалъ онъ ему, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ». По разсказу Данзаса (цит. соч., 32), Пушкинъ снялъ съ руки кольцо и отдалъ Данзасу, прося принять его на память. При этомъ онъ сказалъ Данзасу, что не хочетъ, чтобы кто-нибудь мстилъ за него и что желаетъ умереть христіаниномъ.

[7]) Весь этотъ § основанъ на соотвѣтствующихъ строкахъ записки Спасскаго. Въ словахъ Пушкина по Жуковскому—поклонитесь, а по Спасскому—кланяйтесь.

[8]) въ **A** зачеркнуто карандашомъ и надписано: наканунѣ; такъ и въ **C**; въ **B** — наканунѣ дуэля.

[9]) своего страданія — **ABC**.

[§ 21] У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ [1]).

[§ 22] [2]) Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился.

[§ 23] [3]) (1) Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но не засталъ Государя, который былъ въ театрѣ, и сказалъ камердинеру, чтобы по возвращеніи Его Величества было донесено Ему о случившемся. (2) Около полуночи пріѣзжаетъ за [4]) Арендтомъ [4]) отъ Государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно Государемъ къ нему написанное, и тотчас обо всемъ донести. (3) Я не лягу, я [5]) буду ждать, стояло [6]) въ [6]) запискѣ [6]) Государя [6]) къ [6]) Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ? «Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, прими [7]) мое прощенье, а [8]) съ [8]) нимъ [8]) и [8]) мой совѣтъ: кончить [9]) жизнь [9]) христіански [9]). О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся, Я ихъ беру на свое попеченіе».

[§ 24] Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ. Какой трогательный конецъ земной связи между Царемъ и тѣмъ, кого Онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ: какъ много прекраснаго человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я [10]) буду ждать! О чемъ же онъ

---

[1]) Но Спасскій пишетъ: «по желанію родныхъ и друзей Пушкина, я сказалъ ему объ исполненіи христіанскаго долга. Онъ тотъ часъ на то согласился. «За кѣмъ прикажете послать?»—спросилъ я. «Возьмите перваго ближайшаго священника»,— отвѣчалъ П. Послали за отцомъ Петромъ, что въ Конюшенной.

[2]) По Спасскому, Арендтъ вернулся въ 11 часовъ. Въ словахъ записки Спасскаго «Арендтъ обѣщалъ вернуться въ 11 часовъ» рукою Жуковскаго «11» подчеркнуто и подписано «въ часъ».

[3]) Въ **С** §§ 23—27 опущены и замѣнены слѣдующими словами, которыя мы находимъ въ **А** записанными собственноручно Жуковскимъ сначала карандашомъ, а затѣмъ и чернилами рядомъ съ обведенными карандашомъ §§ 23—27: «То, что отъ него услышалъ умирающій, обрадовало, успокоило и укрѣпило его душу. Исполняя желаніе уже угаданное, въ которомъ выражалась трогательная заботливость о его судьбѣ и за гробомъ, онъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ».

[4]) къ Арендту — **Д**.

[5]) и — **В**.

[6]) писалъ Государь къ — **АВ**; приказывалъ Государь — **Д**.

[7]) посылаю тебѣ — **АВД**.

[8]) и вмѣстѣ — **АВД**.

[9]) исполнить долгъ христіанскій — **АВД**.

[10]) и — **В**.

думалъ въ эти минуты [1])? гдѣ онъ былъ своею мыслію? О конечно передъ постелію умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцемъ, его примирителемъ съ небомъ и землею [2]).

[§ 25] Въ [3]) ту [3]) же [3]) минуту [3]) было [3]) исполнено [3]) угаданное желаніе Государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Умирающій [4]) исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ.

[§ 26] [5]) Когда Арендтъ прочиталъ Пушкину [6]) письмо Государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его оставить [7]) ему [7]). Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ: отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо? Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у Государя.

[§ 27] Онъ скоро потомъ уѣхалъ.

[§28] (1) [8]) До пяти часовъ Пушкинъ страдалъ, но сносно. (2) [9]) Кровотеченіе было остановлено холодными примочками. (3) Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать; послали [10]) за Арендтомъ. По пріѣздѣ его нашли нужнымъ поставить промывательное, но оно не помогло и только что усилило страданія, которыя въ [11]) чрезвычайной [11]) силѣ [11]) своей [11]) продолжались до 7-и часовъ утра.

[§ 29] Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіи двухъ [12]) часовъ могла слышать эти [13]) крики [13]): я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она въ совершенномъ из-

---

[1]) минуты ожиданія — **АВД**.

[2]) собою — **АВД**.

[3]) умирающій немедленно исполнилъ уже — **АВД**.

[4]) Пушкинъ — **АВД**.

[5]) Этому § въ письмѣ Вяземскаго къ Булгакову соотвѣтствуетъ болѣе сухое изложеніе «Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами (словами записки) и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но Государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить».

[6]) ему **АВД**.

[7]) ему оставить **АВД**.

[8]) Такъ и въ **В**, но въ **А** на поляхъ есть написанная рукою Жуковскаго (сначала карандашомъ, потомъ тоже чернилами) замѣняющая ее фраза, имѣющаяся и въ **С**: «До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны»;

[9]) Эта фраза зачеркнута въ **А** и ея нѣтъ въ **ВС**.

[10]) послали опять — **АВС**.

[11]) наконецъ дошли до крайней степени и — **АВС**.

[12]) этихъ двухъ вѣковыхъ — **АВС**.

[13]) его стоны **АВС**.

нуренiи, лежала въ гостиной, головою [1]) къ [1]) дверямъ [1]), и [2]) онѣ [2]) однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, Княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый, летаргическiй сонъ овладѣлъ ею; и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стенанiе за дверями [3]).

[§ 30] (1) И [4]) въ эти минуты жесточайшаго испытанiя, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: (2) готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ [5]), чтобы жена не слышала [6]), чтобы ее не испугать [7]). (3) Къ семи часамъ боль утихла.

[§ 31] Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца мысли его были свѣтлы, и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу по [8]) русски [8]) написанную [9]) и заставилъ ее сжечь [10]). Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ [11]). Это его однако изнурило и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженiй.

[§32] Когда поутру кончились его сильныя [12]) страданiя, онъ сказалъ

---

[1]) у самыхъ дверей **ABC**.

[2]) кои — **ABC**.

[3]) У Тургенева въ письмѣ къ неизвѣстному отъ 28 января сказано: «ночью Пушкинъ кричалъ ужасно; почти упалъ на полъ въ конвульсiи страданiя. Благое провидѣнiе въ эти самыя 10 минутъ послало сонъ женѣ; она не слыхала криковъ; послѣднiй крикъ разбудилъ ее, но ей сказали, что это было на улицѣ: послѣ этого онъ еще не кричалъ».

[4]) Но — **ABC**.

[5]) говорилъ самъ — **ABC**.

[6]) услышала — **ABC**.

[7]) Фразы 1 и 2 этого § съ ничтожными измѣненiями взяты изъ записки Спасскаго, въ которой есть еще опущенная Жуковскимъ фраза: «Зачѣмъ эти мученiя, сказалъ онъ, безъ нихъ я бы умеръ спокойно».

[8]) его рукою — **ABC**.

[9]) писанную — **B**.

[10]) О бумагѣ, сожженной по просьбѣ Пушкина Спасскимъ, Жуковскiй упоминаетъ и въ своей запискѣ къ Бенкендорфу: см. дальше. Спасскiй не упоминаетъ объ этомъ фактѣ.

[11]) О томъ, что Данзасъ подъ диктовку Пушкина записалъ его долги, упоминается и въ разсказѣ со словъ Данзаса (цит. соч. 31—32).

[12]) нестерпимыя — **ABC**.

Спасскому: жену! позовите жену!—Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать [1]).

[§ 33] Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полу-сонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза, молча; клалъ ему на голову руку; крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ отъ [2] себя [2]).

[§ 34] Кто здѣсь? спросилъ онъ Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. Позовите—сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою, я отошелъ [3]).

[§ 35] Также [4]) простился [4]) онъ [4]) и [4]) съ Вяземскимъ [5]). Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему и также въ послѣдніе подалъ ему живому руку.

---

[1]) При этой прощальной минутѣ Жуковскій не присутствовалъ, такъ какъ до прощанія съ друзьями, которые прощались уже послѣ прощанія съ женой и дѣтьми, въ комнату Пушкина никто не допускался и тамъ были доктора, жена, изрѣдка и Данзасъ. Въ разсказѣ со словъ Данзаса сказано, что онъ при прощаніи Пушкина съ женой и сестрой жены Александриной не присутствовалъ. Спасскій пишетъ въ запискѣ: «Жену, просите жену» сказалъ П. Она съ воплемъ горести бросилась къ страдальцу. Это зрѣлище у всѣхъ извлекло слезы».

[2]) прочь — **ABC**.

[3]) Въ **C** идетъ далѣе: «Но онъ опять подозвалъ меня: скажи Государю, промолвилъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго Царствованія, что я Ему желаю счастія въ Его сынѣ, счастія въ Его Россіи.—Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно». Послѣ этихъ словъ идутъ въ **C** §§ 35, 36, 37, 42; §§ 38—41 въ **C** выпущены. Такимъ образомъ въ редакціи **C** оказываются соединенными вмѣстѣ слова Пушкина, которыя въ первоначальной редакціи **A** оказываются сказанными по двумъ разнымъ случаямъ и приведены въ разныхъ мѣстахъ, именно § 39_3 и 41_{4-5}. Рукопись **A** сохранила слѣды приспособленія къ редакціи **C**. Спачала, какъ видно изъ условной помѣтки, Жуковскій хотѣлъ просто перенести § 39 съ поправкой вмѣсто первоначальнаго начала: «но черезъ минуту я возвратился» и т. д. [какъ разъ на этой стадіи приспособленія— текстъ **Д**]. А къ этому § 39 Жуковскій приписалъ вверху страницы: Онъ опять подозвалъ меня: «скажи Государю, сказалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія,—что я ему желаю счастія въ Его сынѣ, счастія въ его Россіи».—Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно». Такая старательная работа надъ редакціей подлинныхъ словъ Пушкина не говоритъ ни за ихъ точность, ни даже за фактъ ихъ произнесенія.

[4]) Потомъ простился онъ — **ABC**.

[5]) Вяземскій въ письмѣ къ Булгакову пишетъ: «съ нами прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ руку и сказалъ: прости, будь счастливъ!»

[§ 36] (1) Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣднiй земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ идущую[1]) къ[1]) нему[1]) смерть[1]). (2)[2]) Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: смерть идетъ.

[§ 37] (1)[3]) Карамзина? тутъ ли Карамзина? спросилъ онъ, спустя немного. (2) Ея не было; за нею немедленно послали и она скоро прiѣхала. (3) Свиданiе ихъ продолжалось только минуту, (4) но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: перекрестите меня! потомъ поцѣловалъ у нея руку[4]).

[§ 38] Въ это время прiѣхалъ докторъ Арендтъ. Жду Царскаго слова, чтобы умереть спокойно, сказалъ ему Пушкинъ[5]). Это было для меня указанiемъ, и я рѣшился въ ту же минуту ѣхать къ Государю, чтобы извѣстить Его Величество о томъ, что слышалъ.

[§ 39] (1) Надобно[6]) знать[6]), что[6]) простившись[6]) съ[6]) Пушкинымъ[6]), я[6]) опять[6]) возвратился къ его постелѣ и сказалъ[7]) ему:[7]) (2) можетъ быть я[8]) увижу[8]) Государя; что мнѣ сказать Ему отъ тебя. 3) Скажи Ему, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы *весь* (Его[9])

[§ 40] (1) Сходя съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ посланнымъ за мной отъ[10]) Государя. (2) Извини, что я тебя потревожилъ, сказалъ Онъ мнѣ, при входѣ моемъ въ кабинетъ.—(3) Государь, я самъ спѣшилъ къ Вашему Величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною.

---

[1]) шаги приближающейся смерти — **ABC.**

[2]) Эта 2-ая фраза взята изъ записки Спасскаго.

[3]) Вмѣсто 1-ой фразы въ **C**: когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку, казалось, хотѣлъ что-то сказать; но махнулъ рукою и только промолвилъ: «Карамзину!» Тургеневъ въ письмѣ къ неизвѣстному пишетъ «Пушкинъ со всѣми нами прощается: жметъ руку и потомъ даетъ знакъ выйти. Мнѣ два раза пожалъ руку, взглянулъ, но не въ силахъ былъ сказать ни слова».

[4]) Тургеневъ въ томъ же письмѣ о прощанiи съ Карамзиной пишетъ: «Узнавъ, что К. А. Карамзина здѣсь же, просилъ два раза позвать ее, и далъ ей знакъ, чтобы перекрестила его. Она зарыдала и вышла».

[5]) Въ запискѣ Спасскаго: «Прiѣзда Арендта онъ ожидалъ съ нетерпѣнiемъ. «Жду слова отъ Царя, чтобы умереть спокойно»—промолвилъ онъ». Послѣдняя просьба, съ которой Пушкинъ обратился черезъ Арендта къ Государю,—за Данзаса.

[6]) Но черезъ минуту я — **АВД.**

[7]) спросилъ у него — **АВД.**

[8]) увижу — **АВД.**

[9]) Фразы 2-я и 3-я въ запискѣ Спасскаго такъ: «что сказать отъ тебя Царю — просилъ у него Жуковскiй. «Скажи, жаль, что умираю, весь его бы былъ»—отвѣчалъ Пушкинъ.

[10]) отъ самого — **АВ.**

(4) И[1]) я[1]) разсказалъ[1]) о томъ, что говорилъ Пушкинъ[2]). (5) Я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно Вашему Величеству. (6)[3]) Полагаю, что онъ тревожится о участи Данзаса. Я не могу перемѣнить законнаго порядка, отвѣчалъ Государь; но сдѣлаю все возможное. (8) Скажи ему отъ меня, что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ; они мои. (9) Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты послѣ ихъ самъ разсмотришь.

[§ 41] (1) Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ Государя. (2) Выслушавъ меня онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. (3) Вотъ какъ я утѣшенъ! сказалъ онъ. (4) Скажи Государю, что я желаю Ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю Ему счастія въ Его сынѣ, что я желаю Ему счастія въ Его Россіи. (5)[4]) Эти слова говорилъ[5]) слабо, отрывисто, но явственно.

[§ 42] Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ. Къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему. И онъ началъ послушно[6]) исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и ожидая[7]) смерти для ихъ прекращенія. Онъ[8]) сдѣлался послушнымъ какъ ребенокъ, самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Однимъ[9]) словомъ онъ сдѣлался гораздо спокойнѣе.

[§ 43] (1) Въ[10]) этомъ[10]) состояніи[10]) нашелъ его Докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. (2) Плохо[11]) братъ[11]), сказалъ Пушкинъ, улыбаясь[12]), Далю. (3)[13]) Въ это время онъ однако вообще былъ спокойнѣе;

---

[1]) Я разсказавъ — **А**; я разсказалъ **В**; разсказавъ **Д**.

[2]) Пушкинъ, я прибавилъ — **АД**; и прибавилъ **В**.

[3]) § 40_6 и $_7$ въ **Д** нѣтъ.

[4]) Этой фразы въ **Д** нѣтъ.

[5]) говорилъ онъ — **АВ**.

[6]) безпрекословно — **АВС**.

[7]) жадно желая — **АВС**.

[8]) Но тутъ онъ — **АВС**.

[9]) Вся эта фраза въ **АВС** — Словомъ ему повидимому стало лучше.

[10]) Такъ — **АВС**.

[11]) Такъ и въ запискѣ Даля, но уже въ **А**, а затѣмъ въ **В** и **С** слова измѣнены «худо братъ!»

[12]) съ улыбкою.

[13]) Фраза 3-я взята изъ записки Спасскаго. Фразы 3-я и 4-я зачеркнуты въ **А** и замѣнены въ **АВС**—«Но Даль дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды отвѣчалъ ему».

руки его были теплѣе, пульсъ явственнѣе. (4) Даль, имѣвшій сначала болѣе надежды, нежели другіе, началъ его ободрять. (5) Мы всѣ надѣемся сказалъ [1]) онъ [1]), не отчаивайся и ты. — (6) «Нѣтъ! отвѣчалъ [2]) онъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно такъ и надо» [3]).

[§ 44] (1) Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже. Началъ показываться небольшой общій жаръ. (2) [4]) Поставили піявки. (3) [5]) Пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо мягче. (4) Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя и другихъ. (5) Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: «никого тутъ нѣтъ?»—Никого. (7) «Даль, скажи мнѣ правду, скоро-ли я умру?»—«Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся».—(8) «Ну спасибо!» отвѣчалъ онъ. (9) Но повидимому только однажды и обольстился онъ надеждою [6]), ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ.

[§ 45] [7]) Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ [8]) или по крупинкѣ льда, въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: бралъ [9]) стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ снималъ [10]) и проч.

[§ 46] [7]) Онъ мучился менѣе отъ боли нежели отъ чрезмѣрной тоски: «Ахъ! какая тоска! иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили

[1]) зачеркнуто въ **A**; въ **BC** нѣтъ.

[2]) возразилъ—**ABC**.

[3]) Фразы 5-я и 6-я изъ записки Даля.

[4]) Фразамъ 1—2-ой въ запискѣ Даля соотвѣтствуетъ слѣдующее мѣсто: «съ обѣда пульсъ былъ крайне малъ, слабъ и частъ—по полудни сталъ онъ подыматься, а къ 6-му часу ударялъ не болѣе 120 въ минуту и сталъ плотнѣе и тверже. Въ то же время началъ показываться небольшой общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ Д-ра Арендта наставленій, приставляли мы съ Д-мъ Спасскимъ 25 піявокъ и въ то же время послали и за Арендтомъ. Онъ пріѣхалъ и одобрилъ распоряженіе наше. Больной нашъ твердою рукою самъ ловилъ и припускалъ себѣ піявки и неохотно позволялъ намъ около себя копаться».

[5]) Фразы 3—9 взяты изъ записки Даля съ незначительными измѣненіями.

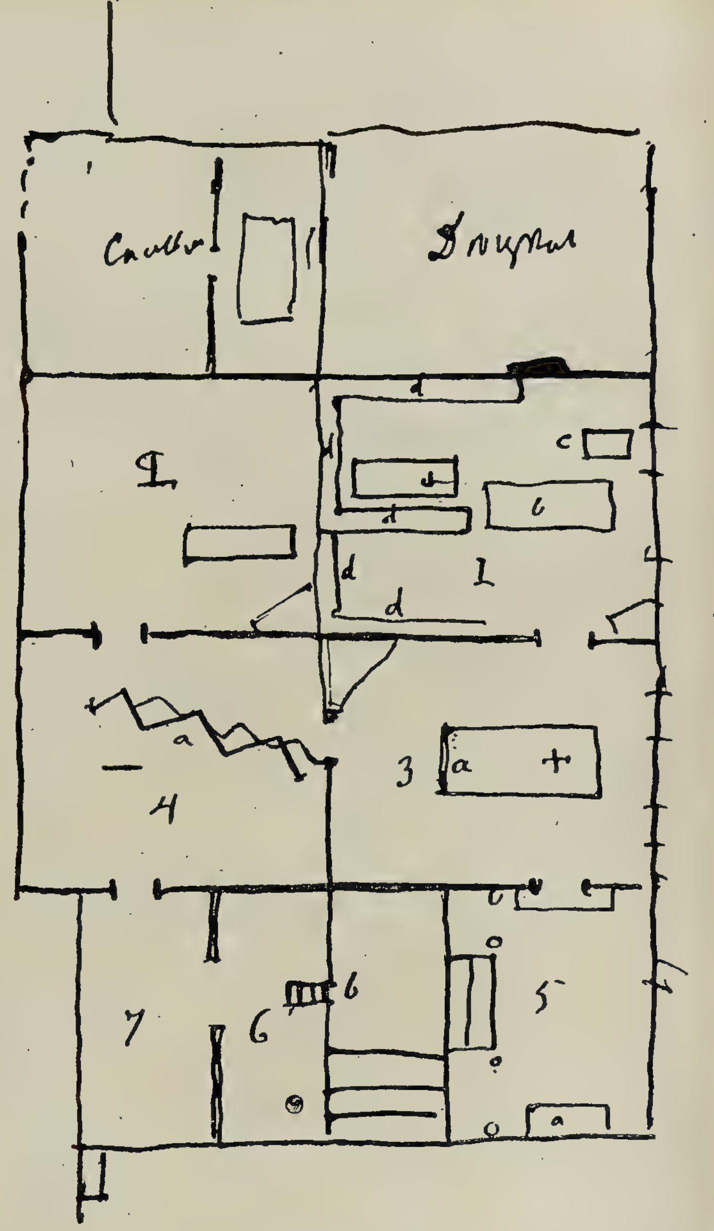
[6]) утѣшеніемъ надежды **A** (ж), **BC**.

[7]) §§ 45—47 съ ничтожнѣйшими измѣненіями взяты изъ записки Даля.

[8]) ложечкѣ воды — **ABC**.

[9]) снималъ — **ABC**.

[10]) перемѣнялъ — **ABC**.

Планъ квартиры Пушкина, набросанный В. А. Жуковскимъ

(Къ стр. 185, пр. 9)

на бокъ или поправили ему подушку, и, не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «Ну! такъ, такъ—хорошо; вотъ и прекрасно и довольно; теперь очень хорошо». Или: «постой—не надо—потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно». (Все это его точное[1]) выраженіе[1])). Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ и дѣлалъ все, что я хотѣлъ.

[§ 47] Однажды онъ спросилъ у Даля: «Кто у жены моей?—Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра и до ночи. «Ну спасибо, отвѣчалъ онъ, однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ пожалуй наговорятъ».

[§ 48] Даль его не обманулъ. Съ утра 28-го числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, передняя была полна приходящихъ. Одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ спрашивать[2]) объ[2]) немъ[2]), другіе—и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые—приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи, произвольномъ[3]), ни[3]) чѣмъ[3]) не[3]) приготовленномъ[3]). Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; мы[4]) придумали запереть дверь[5]) изъ[5]) прихожей[5]) въ[5]) сѣни[5]), задвинули ее[6]) залавкомъ и[7]) отворили другую узенькую прямо съ лѣстницы въ буфетъ, а гостинную[8]) отъ[8]) столовой[8]) отгородить[8]) ширмами (это[9]) распоряженіе поймешь изъ приложеннаго плана). Съ этой минуты буфетъ былъ[10]) набитъ народомъ; въ столовую[11]) входили только знакомые, на лицахъ выражалось простодушное участіе, очень многіе плакали.

---

[1]) точныя выраженія — **ВС**.
[2]) зачеркнуто въ **А**; нѣтъ въ **ВС**.
[3]) Этихъ словъ въ **С** нѣтъ.
[4]) и мы — **АВС**.
[5]) эту дверь — **АВС**.
[6]) ее изъ сѣней — **АВС**.
[7]) и вмѣсто ее — **АВС**.
[8]) гостинную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой **А**.
[9]) Фраза въ скобкахъ зачеркнута въ **А**, и ея нѣтъ въ **ВС**. Въ бумагахъ Жуковскаго, нынѣ принадлежащихъ Пушкинскому Дому и находящихся въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина, сохранился составленный Жуковскимъ планъ квартиры Пушкин ; онъ воспроизводится нами въ этой книгѣ.
[10]) былъ безпрестанно—**АВС**.
[11]) столовую же—**АВС**.

[§ 49] [1]) Государь Императоръ получалъ извѣстія отъ Доктора Арендта (который разъ по шести въ день, и по нѣскольку разъ ночью, пріѣзжалъ навѣстить больного); Государыня Великая Княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ Ея Высочеству, согласно съ ходомъ болѣзни.

[§ 50] [1]) Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно и въ Государѣ, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго Государя; Онъ любитъ все русское; Онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старые); естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только за одно съ своимъ Государемъ, но этою общею любовію къ отечественной славѣ укореняется между ими нравственная связь; Государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ Его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любитъ то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ нимъ на ряду; народу естественно быть благодарнымъ своему Государю, въ [2]) которомъ [2]) онъ видитъ представителя своей чести.

[§ 51] (1) [3]) Однимъ словомъ сіи изъявленія общаго участія нашихъ добрыхъ Русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. (2) Участіе [4]) иноземцевъ было для меня усладительною нечаятельностію [5]). (3) Мы теряли свое; мудрено ли, что мы горевали? (4) Но ихъ что такъ трогало? (5) [6]) Что думалъ этотъ почтенный Барантъ стоя долго въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около его шептали съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверями. (6) Отгадать [7]) не трудно. (7) Геній есть общее добро; въ поклоненіи Генію всѣ народы родня! и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинакою братскою скорбію. (8) Пушкинъ по своему Генію былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; (9) потому-то и посолъ [8]) Французскій [8]) (самъ [8]) знаменитый [8]) писатель [8]) приходилъ [8]) къ двери его съ печалію *собственною,* и о *нашемъ* Пушкинѣ

---

[1]) §§ 49 и 50 въ **С** нѣтъ.

[2]) за любовь къ отечественной славѣ и за великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ Государѣ—**АВ**.

[3]) Фраза 1-я въ **А** собственноручно изложена Жуковскимъ внизу страницы и вошла въ **С** въ такомъ видѣ: такое изъявленіе общей скорби меня глубоко трогало; въ Русскихъ, которымъ дорога отечественная слава, оно было неудивительно, но участіе иноземцевъ и т. д.

[4]) Но участіе **АВС**; участіе—**Д**.

[5]) Такъ и въ **В**; въ **С** и **Д** нечаянностію.

[6]) Этой фразы въ **С** нѣтъ.

[7]) Отвѣчать **А** (ж), **ВСД**.

[8]) многіе иноземцы приходили—**А** (ж) **ВС**.

пожалѣлъ[1]) какъ будто о *своемъ*. (10)[2]) Потому же и Люцероде, Саксонскій Посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ въ вечеру: нынче у меня танцовать не будутъ, нынче похороны Пушкина.

[§ 52] Возвращаюсь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: который часъ? И на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: «долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуста поскорѣй!...» Это повторилъ онъ нѣсколько разъ[3]): «скоро ли конецъ?... и всегда прибавлялъ «пожалуста поскорѣй!»[4])

[§ 53] (1) Вообще (послѣ мукъ первой ночи продолжавшихся два часа) онъ былъ удивительно терпѣливъ. (2)[5]) Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ что его почти не могли слышать. «Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче».—«Нѣтъ», онъ отвѣчалъ перерывчиво: «нѣтъ... не надо... стонать... жена... услышитъ... Смѣшно же... чтобъ этотъ... вздоръ... меня... пересилилъ... не хочу».

[§ 54] Я покинулъ его въ 5 часовъ и черезъ два часа возвратился въ[6]) 7-мъ[6]) то[6]) есть[6]) черезъ[6]) два[6]) часа[6]). Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но возвращаясь нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ[7]).

[§ 55][8]) (1) Ударило два часа пополудни и въ Пушкинѣ осталось жизни

---

[1]) Пожалѣли **А** (ж) **ВС**.

[2]) Этой фразы въ **С** нѣтъ.

[3]) разъ послѣ—**АВС**.

[4]) У Даля сказано короче: «(Пушкинъ) не вѣрилъ надеждѣ, спрашивалъ нетерпѣливо: «скоро ли конецъ?» и прибавлялъ еще: пожалуйста поскорѣй!»

[5]) Фразы 2-я и слѣдующія (до конца §) взяты изъ записки Даля.

[6]) Эти слова зачеркнуты въ **А** и ихъ нѣтъ въ **ВС**.

[7]) Спасскій, вернувшійся къ больному «рано утромъ» 29 января, нашелъ его въ такомъ положеніи: «Пушкинъ истаевалъ. Руки были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. Онъ безпрестанно требовалъ холодной воды и бралъ ее въ малыхъ количествахъ, иногда держалъ во рту небольшіе куски льду, и отъ времени до времени самъ теръ себѣ виски и лобъ льдомъ. Докторъ Арендтъ подтвердилъ мои и Даля опасенія».

[8]) Въ этомъ § фразы 1—5 взяты изъ записки Даля. У Спасскаго этотъ эпизодъ разсказанъ такъ. «Не задолго до смерти ему захотѣлось морошки. Наскоро

только на три четверти часа. (2) Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. (3) Когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: позовите жену, пускай она меня покормитъ. (4) Она пришла, опустилась на колѣна у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицемъ къ лицу его; (5) Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: ну, ну, ничего; слава Богу; все хорошо! поди».—(6)[1]) Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ[2]) просіявшая отъ радости лицемъ[3]). (7) Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому; онъ будетъ живъ, онъ не умретъ.

[§ 56] (1) А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ Графомъ Віельгорскимъ у постели его, въ головахъ; сбоку стоялъ Тургеневъ. (2)[4]) Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. (3) Но мысли его были свѣтлы. (4) Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало, (5) разъ онъ подалъ руку Далю, и пожимая ее, проговорилъ: ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ! (6) Но очнувшись онъ сказалъ: мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лечу[5]) вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ; высоко... и голова закружилась.

[§ 57] [6]) Немного погодя, онъ опять, не раскрывая[7]) глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: «ну пойдемъ же пожалуста да вмѣстѣ». (2) [8]) Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; (3) [8]) и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лице его прояснилось и онъ сказалъ: кончена жизнь. (4)[9]) Даль, не разслу-

---

послали за этой ягодой. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ее ожидалъ, и нѣсколько разъ повторялъ: морошки, морошки. Накопецъ привезли морошку. Позовите жену, сказалъ П., пусть она меня кормитъ. Онъ съѣлъ 2—3 ягодки, проглотилъ нѣсколько ложечекъ соку морошки, сказалъ—довольно, и отослалъ жену». Въ сохранившейся въ дѣлахъ опеки надъ имуществомъ Пушкина заборной книжкѣ отъ купца Герасима Дмитріева изъ Милютиныхъ лавокъ значится подъ 29 января «изъ лавки отпущено $2\frac{1}{2}$ фунта моченой морошки цѣною 2 р.». (См. статью Б. Л. Модзалевскаго: «Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина»—«Пушкинъ и его современники», вып. XIII, С.-Пб. 1910, стр. 104).

[1]) Фразы 6-я и 7-я взяты изъ записки Спасскаго.

[2]) какъ будто **ABC**.

[3]) зачеркнуто въ **A**; нѣтъ въ **B** и **C**.

[4]) Фразы 2-я и слѣдующія до конца § (кромѣ 3-ей) взяты изъ записки Даля.

[5]) въ запискѣ Даля—лѣзу; такъ и въ **C**.

[6]) Фраза 1-я взята у Даля.

[7]) закрывая—**B**.

[8]) Фразы 2-я и 3-я взяты у Даля.

[9]) У Даля изложено такъ: я не дослышалъ и спросилъ тихо «что кончено»,

шавъ, отвѣчалъ: да, кончено; мы тебя положили[1]).—(5)[2]) Жизнь кончена! повторилъ онъ внятно и положительно. (6)[2]) «Тяжело дышать, давитъ!» были послѣднія слова его[3]).

[§ 58] Въ[4]) эту[4]) минуту[4]) я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ[5]), что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывистымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно, ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, казалась мнѣ успокоеніемъ[6]). Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: что онъ? Кончилось, отвѣчалъ мнѣ Даль[7]). Такъ тихо, такъ таинственно[8]) удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ молча, не шевелясь, не смѣя нарушить великаго[9]) таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей.

[§ 59] Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго, одинъ смотрѣлъ ему въ лице. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха, послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо! Это было не

---

[1]) поворотили: **C**.

[2]) Фразы 5-я и 6-я взяты изъ записки Даля.

[3]) У Спасскаго этотъ конечный эпизодъ изложенъ такъ: «минутъ за пять до смерти, П. просилъ поворотить его на правый бокъ. Даль, Данзасъ и я исполнили его волю: слегка поворотили его и положили къ спинѣ подушку. Хорошо, сказалъ онъ, и потомъ нѣсколько погодя промолвилъ: жизнь кончена! Да, кончено, сказалъ Докторъ Даль, мы тебя поворотили. Кончена жизнь, возразилъ тихо П. Не прошло нѣсколько мгновеній какъ П. сказалъ: тѣснитъ дыханіе. То были послѣднія его слова».—Въ 3-мъ часу пополудни 29 января Тургеневъ писалъ Булгакову: «сію минуту я входилъ къ нему, видѣлъ его, слышалъ, какъ онъ кряхтитъ; ему надѣвали рукава на руки; онъ спросилъ: ну—что кончено?» Даль отвѣчалъ: «кончено», но послѣ подумавъ, что онъ о себѣ говоритъ, Даль спросилъ его: «что кончено?» Пуш. отвѣчалъ: «Жизнь». Ему сказали, что его перекладывали, и что кончили надѣваніе рукава».

[4]) Зачеркнуто въ **A** и нѣтъ въ **BC**.

[5]) замѣтилъ въ эту минуту—**ABC**.

[6]) успокоеніемъ, а его уже не было—**ABC**.

[7]) Въ три четверти третьяго часа 29 Генваря. *Примѣчаніе Жуковскаго.*

[8]) спокойно **ABC**.

[9]) зачеркнуто въ **A**, нѣтъ въ **B** и **C**.

сонъ и [1]) не покой! Это [2]) не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; это [3]) не было также и выраженіе поэтическое! нѣтъ! какая-то глубокая, удивительная мысль на немъ развивалась, что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубокое [4]), удовольствованное [5]) знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь другъ? и что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я видѣлъ самое [6]) смерть [6]), божественно [6]) тайную [6]), смерть [6]) безъ покрывала. Какую печать наложила [7]) она [7]) на [7]) лице [7]) его [7]), и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну. Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала [8]) въ немъ и прежде [9]). Но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

[§ 60] Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію я вспомнилъ во время, что надобно съ него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный; это не смерть, а сонъ [10]).

[§ 61] [11]) Спустя 3/4 часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось вглядѣться въ прекрасное лице его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣніе Государя Императора, запечаталъ кабинетъ своею печатію.

[§ 62] Не буду разсказывать того, что сдѣлалось съ печальною [12]) женою: при ней находились неотлучно Княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, Графъ и Графиня Строгановы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ.

---

[1]) въ **С** нѣтъ.
[2]) въ **С** нѣтъ.
[3]) въ **С** нѣтъ.
[4]) важная—**С**.
[5]) глубоко удовлетворяющее—**С**.
[6]) лице самой смерти, Божественное тайное лице смерти—**ABC**.
[7]) на него наложила она—**ABC**.
[8]) таилась **ABC**.
[9]) прежде, будучи свойственна его высокой природѣ—**ABC**.
[10]) глубокій величественный сонъ—**А(ж)В**; тихій величественный сонъ—**С**.
[11]) Этого § въ **С** нѣтъ.
[12]) бѣдною—**ABC**.

[§ 63] Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ я поѣхалъ къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за гробомъ [1]) къ этому обѣду: это [2]) былъ [2]) день моего рожденія.

[§ 64] [3]) Я [4]) счелъ [4]) обязанностію [4]) донести [4]) Государю [4]) Императору [4]) о томъ, какъ умеръ Пушкинъ; онъ выслушалъ меня насдинѣ въ своемъ кабинетѣ: этого прекраснаго часа моей жизни я никогда не забуду.

[§ 65] На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь.

[§ 66] И въ эти оба дни та горница, гдѣ онъ лежалъ въ гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ приходило [5]) взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лице его; было что-то разительное въ его неподвижности посреди этого движенія, и что-то умилительно таинственное въ той молитвѣ которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого шума [6]).

[§ 67] [7]) И особенно глубоко трогало [8]) мнѣ душу то, что Государь какъ будто соприсутствовалъ посреди своихъ Русскихъ, которые такъ просто и [9]) смиренно и съ Нимъ за одно выражали скорбь свою о утратѣ славнаго соотечественника. Всѣмъ [10]) было извѣстно, какъ Государь утѣшилъ послѣднія минуты Пушкина, какое Онъ принялъ участіе въ его христіанскомъ покаяніи, что онъ сдѣлалъ для его сиротъ, какъ почтилъ своего поэта и что въ тоже время (какъ Судія, какъ верховный блюститель нравственности) произнесъ въ осужденіе бѣдственному дѣлу, которое такъ внезапно лишило насъ Пушкина. Рѣдкій изъ посѣтителей, помолясь передъ гробомъ, не помолился въ то же время за Государя, и можно сказать, что это изъявленіе національной печали о поэтѣ было самымъ трогательнымъ прославленіемъ его великодушнаго покровителя.

---

[1]) три дни—**АВС.**

[2]) праздновать—**АВС.**

[3]) Этого § въ **С** нѣтъ.

[4]) Ввечеру увлеченный необходимостію пошелъ я къ Государю, чтобы донести Ему—**АВД.**

[5]) перебывало въ ней, чтобы—**АВС.**

[6]) смутнаго говора—**АВС.**

[7]) Этого § въ **С** нѣтъ.

[8]) тронуло—**Д.**

[9]) такъ—**АВСД.**

[10]) Всѣмъ уже—**АВД.**

[§ 68] Отпѣваніе происходило 1 февраля. Весьма [1]) многіе [1]) изъ [1]) нашихъ [1]) знакомыхъ [1]) людей [1]) и всѣ [2]) иностранные [2]) Министры [2]) были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до вывоза [3]) изъ города. 3 февраля въ 10 часовъ вечера собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; сани [4]) тронулись; при свѣтѣ мѣсяца нѣсколько [5]) времени [5]) я [5]) слѣдовалъ [5]) за [5]) ними [5]); скоро они поворотили за уголъ дома; и все, что было земной [6]) Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ [7]).

Февраля 15.

---

[1]) Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ—**ABC.**

[2]) многіе изъ иностранныхъ министровъ—**C.**

[3]) отправленія—**ABC.**

[4]) Въ полночь сани—**ABC.**

[5]) я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами—**ABC.**

[6]) на землѣ—**ABC.**

[7]) Въ «Современникѣ» вслѣдъ за подписью подъ письмомъ «В. Жуковскій» сдѣлано еще слѣдующее добавленіе: «За тѣломъ слѣдовалъ А. И. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говорилъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится Псковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго, гдѣ Пушкинъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа въ девятомъ часу вечера тѣло привезли во Псковъ, оттуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число февраля было отправлено черезъ городъ Островъ въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера.—Мертвый мчался къ своему послѣднему жилищу мимо своего опустѣвшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, имъ не давно воспѣтыхъ. (*Примѣчаніе*: это стихотвореніе помѣщено въ концѣ книжки, подъ заглавіемъ: Отрывокъ). Тѣло поставили на Святой горѣ въ Соборной Успенской церкви и отслужили свечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той, гдѣ покоится его мать. На другой день, на разсвѣтѣ, по совершеніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ доброму своему помѣщику. Чудно показалось предстоявшимъ изреченіе Библіи, сопровождавшее горсть земли, брошенной на Пушкина «земля еси».—Добавленіе это писано А. И. Тургеневымъ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ его дневника.

II. Записки врачей о болѣзни и смерти Пушкина.

Въ этомъ отдѣлѣ впервые издаются донесенія старшаго полицейскаго врача о дуэли Пушкина и записка доктора Шольца и вновь печатаются записки докторовъ Спасскаго и Даля, уже извѣстныя въ печати. Перепечатка этихъ документовъ допущена отчасти по тѣсной ихъ связи съ письмомъ Жуковскаго, а въ особенности потому, что въ нашемъ распоряженіи были авторитетнѣйшіе списки, именно тѣ, которые были въ рукахъ у Жуковскаго.

1.

Донесеніе полицейскаго врача.

Подлинникъ этого донесенія находится нынѣ въ Пушкинскомъ Музеѣ Императорскаго Александровскаго Лицея. Дѣло же, изъ котораго онъ извлеченъ, хранится нынѣ въ собраніяхъ Пушкинскаго Дома при Имп. Академіи Наукъ. Оно имѣетъ слѣдующее названіе: «По Донесеніямъ Старшаго Врача Полиціи о происшествіяхъ въ С.-Петербургѣ за 1837 годъ (Дѣло) Медицинскаго Департамента Министерства внутреннихъ дѣлъ Отдѣленіе 2 Столъ 1». Печатаемый нами документъ помѣщался здѣсь между донесеніемъ о «покусахъ супруговъ Биллингъ кошкой, подозрѣваемой въ бѣшенствѣ» и донесеніемъ о грабежѣ и отравленіи «содержательницы извѣстныхъ женщинъ».

18 Генв. 1837
30

№ 117.

28-го Генваря
1837-го года
№ 231-ый

Полиціею узнано, что вчера въ 5-мъ часу пополудни, за чертою Города позади комендантской Дачи, происходила дуель, между Камеръ-юнкеромъ Александромъ Пушкинымъ и Порутчикомъ Кавалергардскаго Ея Величества Полка Барономъ Геккереномъ,

первый изъ нихъ раненъ пулею въ нижнюю часть брюха, а послѣдній въ правую руку на вылетъ и получилъ контузію въ брюхо.—Г-нъ Пушкинъ при всѣхъ пособіяхъ, оказываемыхъ ему Его Превосходительствомъ Г-мъ Лейбъ Мѣдикомъ Арендтомъ, находится въ опасности жизни».—О чемъ Вашему Превосходительству
№ 252. имѣю честь донесть.

Старшій врачъ полиціи Іоделичъ.

2.

Записка доктора Шольца.

Привезя раненаго Пушкина домой, Данзасъ отправился за докторомъ. Сначала поѣхалъ къ Арендту, потомъ къ Саломону; не заставъ дома ни того, ни другого, оставилъ имъ записки и отправился къ доктору Персону; но и тотъ былъ въ отсутствіи. Оттуда, по совѣту жены Персона, Данзасъ поѣхалъ въ Воспитательный домъ, гдѣ, по словамъ ея, онъ могъ найти доктора навѣрно. Подъѣзжая къ Воспитательному дому, Данзасъ встрѣтилъ выходившаго изъ воротъ доктора Шольца. Выслушавъ Данзаса, Шольцъ сказалъ ему, что онъ, какъ акушеръ, въ этомъ случаѣ полезнымъ быть не можетъ, но что сейчасъ же привезетъ къ Пушкину другого доктора. Дѣйствительно онъ вскорѣ пріѣхалъ съ д-ромъ Задлеромъ, который передъ пріѣздомъ къ Пушкину успѣлъ перевязать руку Дантеса [1]).

Шольцъ оставилъ записку о своемъ посѣщеніи раненаго Пушкина. Эта записка была вручена имъ Жуковскому и оказалась нынѣ въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина. По описанію Б. Л. Модзалевскаго она значится подъ № 36 въ серіи «документы изъ бумагъ Жуковскаго». Это чисто переписанная копія писарской руки; слова Пушкина выдѣлены особымъ почеркомъ —готикомъ; писано на гладкомъ бѣломъ листѣ большого формата почтовой бумаги; занимаетъ 2³/₄ страницы.

При сравненіи записки Шольца, до сихъ поръ остававшейся неизвѣстной, съ письмомъ Жуковскаго о послѣднихъ минутахъ Пушкина оказывается, что Жуковскій воспользовался ею довольно основательно, но кое-что опустилъ, а кое-что измѣнилъ. Измѣненія простерлись даже на подлинныя слова Пушкина. При воспроизведеніи письма Жуковскаго, въ примѣчаніяхъ было указано отношеніе текста Жуковскаго къ запискѣ Шольца.

---

[1]) Все предыдущее взято изъ составленной по разсказамъ К. К. Данзаса книжки: «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», изд. Я. А. Исакова. С.-Пб. 1863.

27-го Января въ $6^1/_4$ ч., Полковникъ Данзасъ приглашалъ меня къ трудно раненому, Александру Сергѣевичу Пушкину.

Прибывши къ больному съ Докторомъ Задлеромъ, котораго я дорогою сыскалъ, взошли въ кабинетъ больнаго, гдѣ нашли его лежащимъ на диванѣ и окруженнымъ тремя лицами, супругою, Полковникомъ Данзасомъ и Г-мъ Плетневымъ.—Больной просилъ удалить и недопустить при изслѣдованіи раны жену и прочихъ домашнихъ. Увидѣвъ меня, далъ мнѣ руку и сказалъ: «*плохо со мною*»—Мы осматривали рану, и Г-нъ Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами.

Больной громко и ясно спрашивалъ меня: «*Что вы думаете о моей ранѣ—я чувствовалъ при выстрѣлѣ сильный ударъ въ бокъ и горячо стрѣльнуло въ поясницу; дорогою шло много крови—скажите мнѣ откровенно, какъ вы рану находили?*

Не могу Вамъ скрывать, что рана ваша опасная.

«*Скажите мнѣ—смертельна?*»

Считаю долгомъ Вамъ это не скрывать,—но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано.

«Je vous remercie, vous aves agi en honnête homme envers moi—(при семъ рукою потеръ себѣ лобъ)—il faut que j'arrange ma maison»—Черезъ нѣсколько минутъ сказалъ: «*мнѣ кажется, что много крови идетъ?*».

Я осмотрѣлъ рану,—но нашлось, что мало—и наложилъ новый компрессъ.

Не желаете ли Вы видѣть кого нибудь изъ близкихъ пріятелей.

«*Прощайте друзья!*» (сказалъ онъ, глядя на библіотеку).

«*Развѣ Вы думаете, что я часу не проживу.*

О нѣтъ, не потому, но я полагалъ, что Вамъ пріятнѣе кого-нибудь изъ нихъ видѣть... Г-нъ Плетневъ здѣсь—

«*Да—но я бы желалъ Жуковскаго.—Дайте мнѣ воды, меня тошнитъ*».

Я трогалъ пульсъ, нашелъ руку довольно холодною—пульсъ малый, скорый, какъ при внутреннемъ кровотеченіи; вышелъ за питьемъ и чтобы послать за Г-мъ Жуковскимъ; Полковникъ Данзасъ взошелъ къ больному. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ, Арендтъ, Саломонъ—и я оставилъ печально больнаго, который добродушно пожалъ мнѣ руку.

3.

Записка доктора Спасскаго.

Записка доктора Спасскаго подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни Пушкина. Разсказъ очевидца» напечатана впервые въ «Библіографическихъ Запискахъ» за 1859 годъ, № 18, ст. 555—559, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ М. Н. Лонгинова. «Предлагаемая статья была написана немедленно послѣ кончины Пушкина бывшимъ свидѣтелемъ послѣднихъ дней его жизни, извѣстнымъ петербургскимъ медикомъ Иваномъ Тимофѣевичемъ Спасскимъ (недавно умершимъ), который тогда же подарилъ мнѣ съ нея списокъ. Въ статьѣ этой заключаются многія выраженія, которыя цѣликомъ вошли въ «Послѣднія минуты Пушкина» сочиненіе В. А. Жуковскаго, для котораго они, вѣроятно, послужили матеріаломъ. Хоть въ статьѣ И. Т. Спасскаго найдутъ немного новаго, но мнѣ кажется—она стоитъ быть напечатанною, какъ современный разсказъ очевидца о смерти Пушкина».

Записка перепечатывалась не разъ. Въ новѣйшее время, какъ «новость», она была опубликована въ варшавской газетѣ «Свободное Слово» въ номерѣ 30-мъ, въ декабрѣ 1909 года и отсюда перепечатана во многихъ газетахъ.

Современный списокъ находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина. Онъ занимаетъ 6 страницъ и писанъ на большихъ писчихъ листахъ писарскимъ почеркомъ очень четко, безъ помарокъ. Дата въ концѣ и иниціалы—другой рукой, по всей вѣроятности самого Спасскаго. Одна, указанная нами въ своемъ мѣстѣ, помѣтка сдѣлана Жуковскимъ.

Въ запискѣ Спасскаго уже нѣтъ той протокольной непосредственности и простоты, которыя отличаютъ записку Шольца. Въ ней есть претензіи на литературность изложенія и чувствуется такое же стремленіе къ огражденію моральныхъ интересовъ семьи Пушкина, какое кладетъ печать на письма Жуковскаго и князя Вяземскаго. Спасскій былъ домашнимъ докторомъ въ семействѣ Пушкина. По словамъ К. К. Данзаса, Пушкинъ мало имѣлъ къ нему довѣрія [1]).

Текстъ списка, хранящагося въ собраніи г. Онѣгина, воспроизводится нами безъ всякихъ измѣненій: оставлены даже сокращенія—П. —Пушкинъ; Д. Д. —докторъ Даль и т. д. Въ виду авторитетности нашего списка и незначительности отличій другихъ списковъ, разночтенія не приводятся.

---

[1]) Послѣдніе дни жизни и т. д. Цит. соч., 31.

Послѣдніе дни А. С. Пушкина. Разсказъ очевидца.

Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!..

Евгеній Онѣгинъ Гл. VI. XXXI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
. . . .
. . . .
Увялъ!

Тамъ же XXXVI.

Въ 7 часовъ вечера, 27 числа минувшаго мѣсяца, пріѣхалъ за мною человѣкъ Пушкина. Александръ Сергѣевичъ очень болѣнъ, приказано просить какъ можно поскорѣе. Я не медля отправился. Въ домѣ больного я нашелъ докторовъ Аренда и Сатлера. Съ изумленіемъ я узналъ объ опасномъ положеніи Пушкина. Что, плохо, сказалъ мнѣ Пушкинъ, подавая руку. Я старался его успокоить. Онъ сдѣлалъ рукою отрицательный знакъ, показывавшій, что онъ ясно понималъ опасность своего положенія. Пожалуста не давайте большихъ надеждъ женѣ, не скрывайте отъ нее въ чемъ дѣло, она не притворщица; Вы ее хорошо знаете; она должна все знать. Впрочемъ дѣлайте со мною, что Вамъ угодно, я на все согласенъ, и на все готовъ. Врачи, уѣхавъ, оставили на мои руки больного. Онъ исполнялъ всѣ врачебныя предписанія. По желанію родныхъ и друзей П., я сказалъ ему объ исполненіи христіанскаго долга. Онъ тотъ же часъ на то согласился. За кѣмъ прикажете послать, спросилъ я. Возьмите перваго, ближайшаго священника, отвѣчалъ П. Послали за Отцомъ Петромъ, что въ Конюшенной. Больной вспомнилъ о Гречѣ. Если увидите Греча, молвилъ онъ, кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ. Въ 8 часовъ вечера возвратился Докторъ Арендъ. Его оставили съ больнымъ наединѣ. Въ присутствіи докт. Аренда прибылъ и священникъ. Онъ скоро отправилъ церковную требу: больной исповѣдался и причастился Св. Таинъ. Когда я къ нему вошелъ, онъ спросилъ, что дѣлаетъ жена? Я отвѣчалъ, что она нѣсколько спокойнѣе. Она бѣдная безвинно терпитъ и можетъ еще потерпѣть во мнѣніи людскомъ, возразилъ онъ; не уѣхалъ еще Арендъ? Я сказалъ, что

докт. А. еще здѣсь. Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мнѣ братъ. Желаніе П. было передано Докт. А., и лично самимъ больнымъ повторено. Докт. А. обѣщалъ возвратиться къ 11 часамъ [1]).—Необыкновенное присутствіе духа не оставляло больного. Отъ времени до времени онъ тихо жаловался на боль въ животѣ, и забывался на короткое время. Докт. А. пріѣхалъ въ 11 часовъ. Въ леченіи не послѣдовало перемѣнъ. Уѣзжая, Докт. А. просилъ меня тотчасъ прислать за нимъ, если я найду то нужнымъ. Я спросилъ П. неугодно ли ему сдѣлать какія-либо распоряженія. Все женѣ и дѣтямъ отвѣчалъ онъ; позовите Данзаса. Д. вошелъ. П. захотѣлъ остаться съ нимъ одинъ. Онъ объявилъ Д. свои долги. Около четвертаго часу боль въ животѣ начала усиливаться, и къ пяти часамъ сдѣлалась значительною. Я послалъ за А., онъ не замедлилъ пріѣхать. Боль въ животѣ возрасла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка. Физіономія П. измѣнилась; взоръ его сдѣлался дикъ, казалось глаза готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, чело покрылось холоднымъ потомъ, руки похолодѣли, пульса какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку. Но и тутъ необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ, чтобъ жена не услышала, чтобъ ее не испугать. Зачѣмъ эти мученія, сказалъ онъ, безъ нихъ я бы умеръ спокойно. Наконецъ боль, повидимому, стала утихать, но лице еще выражало глубокое страданіе, руки по прежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. Жену, просите жену, сказалъ П. Она съ воплемъ горести бросилась къ страдальцу. Это зрѣлище у всѣхъ извлекло слезы. Несчастную надобно было отвлечь отъ одра умирающаго. Таковъ дѣйствительно былъ П. въ то время. Я спросилъ его не хочетъ ли онъ видѣть своихъ друзей. Зовите ихъ, отвѣчалъ онъ. Жуковскій, Віельгорской, Вяземской, Тургеневъ и Данзасъ входили одинъ за другимъ и братски съ нимъ прощались. Что сказать отъ тебя Царю, спросилъ Жуковскій. Скажи, жаль, что умираю, весь его бы былъ, отвѣчалъ П. Онъ спросилъ здѣсь ли Плетневъ и Карамзины. Потребовалъ дѣтей и благословилъ каждаго особенно. Я взялъ больного за руку и щупалъ его пульсъ. Когда я оставилъ его руку, то онъ самъ приложилъ пальцы лѣвой своей руки къ пульсу правой, томно, но выразительно взглянулъ на меня и сказалъ: смерть идетъ. Онъ не ошибался, смерть летала надъ нимъ въ это время. Пріѣзда Аренда онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Жду слова отъ Царя, чтобы умереть спокойно, промолвилъ онъ. Наконецъ, Докт. А. пріѣхалъ. Его пріѣздъ, его слова оживили умирающаго. Въ 11-мъ часу утра я оставилъ П.

[1]) Карандашемъ рукою Жуковскаго подчеркнуто «11» и надписано: «въ часъ».

на короткое время, простился съ нимъ, не полагая найти его въ живыхъ по моемъ возвращеніи. Мѣсто мое занялъ другой врачъ. По возвращеніи моемъ въ 12-ть часовъ по полудни, мнѣ казалось, что больной сталъ спокойнѣе. Руки его были теплѣе и пульсъ явственнѣе. Онъ охотно бралъ лѣкарства, заботливо спрашивалъ о женѣ и о дѣтяхъ. Я нашелъ у него доктора Даля.— Пробывъ у больного до 4 часу, я снова его оставилъ на попеченіе Д. Д. и возвратился къ нему около 7 часовъ вечера. Я нашелъ, что у него теплота въ тѣлѣ увеличилась, пульсъ сдѣлался гораздо явственнѣе, и боль въ животѣ ощутительнѣе. Больной охотно соглашался на всѣ предлагаемыя ему пособія. Онъ часто требовалъ холодной воды, которую ему давали по чайнымъ ложечкамъ, что весьма его освѣжало. Такъ какъ эту ночь предложилъ остаться при больномъ Д. Д., то я оставилъ П. около полуночи. Рано утромъ 29 числа я къ нему возвратился. Пушкинъ истаевалъ. Руки были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. Онъ безпрестанно требовалъ холодной воды и бралъ ее въ малыхъ количествахъ, иногда держалъ во рту небольшіе куски льду, и отъ времени до времени самъ теръ себѣ виски и лобъ льдомъ.—Докт. А. подтвердилъ мои и Д. Д. опасенія. Около 12 часовъ больной спросилъ зеркало, посмотрѣлъ въ него и махнулъ рукою. Онъ неоднократно приглашалъ къ себѣ жену. Вообще всѣ входили къ нему только по его желанію. Нерѣдко на вопросъ: неугодно ли Вамъ видѣть жену, или кого-либо изъ друзей,—онъ отвѣчалъ: я позову.

Не за долго до смерти ему захотѣлось морошки. Наскоро послали за этой ягодой. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ее ожидалъ, и нѣсколько разъ повторялъ: морошки, морошки. Наконецъ привезли морошку. Позовите жену, сказалъ П., пусть она меня кормитъ. Онъ съѣлъ 2—3 ягодки, проглотилъ нѣсколько ложечекъ соку морошки, сказалъ—довольно, и отослалъ жену. Лице его выражало спокойствіе. Это обмануло несчастную его жену; выходя, она сказала мнѣ: вотъ увидите, что онъ будетъ живъ, онъ не умретъ. Но судьба опредѣлила иначе. Минутъ за пять до смерти, П. просилъ поворотить его на правый бокъ. Даль, Данзасъ и я исполнили его волю: слегка поворотили его и подложили къ спинѣ подушку. Хорошо, сказалъ онъ, и потомъ нѣсколько погодя промолвилъ: жизнь кончена! Да, кончено, сказалъ Докт. Даль, мы тебя поворотили,—кончена жизнь, возразилъ тихо П. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ П. сказалъ: тѣснитъ дыханіе. То были послѣднія его слова. Оставаясь въ томъ же положеніи на правомъ боку, онъ тихо сталъ кончаться, и—вдругъ его не стало.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.

2 февраля 1837. И. С.

4.

Записка доктора В. И. Даля.

Записка доктора Даля напечатана впервые въ «Медицинской Газетѣ» за 1860 годъ, № 49, и затѣмъ не разъ перепечатывалась[1]). Въ 1888 году В. П. Гаевскій сообщилъ одно исправленіе и одно дополненіе къ извѣстному тексту по имѣвшемуся у него списку[2]).

Въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина, среди бумагъ, принадлежавшихъ раньше Жуковскому, оказались три собственноручныя записки В. И. Даля: одна—безъ заглавія, содержащая разсказъ очевидца о болѣзни и смерти Пушкина; другая—подъ заглавіемъ «Вскрытіе тѣла А. С. Пушкина» и третья—подъ заголовкомъ «Ходъ болѣзни Пушкина». Всѣ эти три записки входятъ въ томъ же порядкѣ въ составъ извѣстнаго въ печати текста, но безъ заголовковъ. По сравненію съ послѣднимъ, въ рукописяхъ не мало отступленій. Первая часть въ печатномъ текстѣ изложена съ большими подробностями, но за то вторая и третья части въ рукописи изложены гораздо точнѣе и отчасти подробнѣе, чѣмъ въ печати.

Поэтому, сообщая въ примѣчаніяхъ всѣ мало-мальски важныя разночтенія печатнаго текста къ первой запискѣ, мы не приводимъ таковыхъ ко второй и третьей запискѣ Даля, ибо текстъ нашей рукописи долженъ быть безусловно предпочтенъ печатному.

Исправленіе, внесенное Гаевскимъ въ печатный текстъ, не касается нашего списка, ибо въ немъ данное мѣсто изложено правильно. Дополненіе же Гаевскаго на своемъ мѣстѣ приведено въ примѣчаніяхъ.

А.

28-го Генваря, во второмъ часу полудня, встрѣтилъ меня г. Башуцкій, когда я переступилъ порогъ его, роковымъ вопросомъ: «слышали?» и на отвѣтъ мой: нѣтъ—разсказалъ, что Пушкинъ умираетъ[3]).

У него, у Пушкина, нашелъ я толпу въ залѣ и въ передней—страхъ ожиданія пробѣгалъ шопотомъ[4]) по блѣднымъ лицамъ.—Гг. Арендтъ и Спасскій пожимали плечами. Я подошелъ къ болящему—онъ подалъ мнѣ руку, улыб-

---

[1]) Напримѣръ, въ 7 и 8 изданіяхъ сочиненій Пушкина подъ редакціей П. А. Ефремова въ 1880 и 1882 году. Въ «Полномъ собраніи сочиненій Владиміра Даля» (1-ое посмертное полное изданіе т-ва М. О. Вольфъ, С.-Пб. 1898) записка напечатана въ 10-мъ томѣ.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1888, мартъ, стр. 436—437. Замѣтки о Пушкинѣ—№ III.

[3]) наканунѣ смертельно раненъ.

[4]) Этого слова нѣтъ.

нулся, и сказалъ:—«плохо, братъ!» Я присѣлъ [1]) къ одру смерти—и не отходилъ, до конца страстныхъ [2]) сутокъ. Въ первый разъ Пушкинъ сказалъ мнѣ ты: Я отвѣчалъ ему также—и побратался съ нимъ за [3]) сутки [3]) до [3]) смерти [3] его [3]), уже не для здѣшняго мира!

Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдружиться со смертію [4]), такъ спокойно онъ ее ожидалъ, такъ твердо былъ увѣренъ, что роковой часъ ударилъ [5]). Пушкинъ положительно отвергалъ утѣшеніе наше и на слова мои: Всѣ мы надѣемся, не отчаивайся и ты! отвѣчалъ: Нѣтъ; мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно ужъ такъ и надо!» Въ ночи на 29-е онъ повторялъ нѣсколько разъ подобное; спрашивалъ напримѣръ: «который часъ» и на отвѣтъ мой продолжалъ [6]) отрывисто и съ разстановкою: «долго ли мнѣ такъ мучиться! Пожалуста поскорѣй!» Почти всю ночь продержалъ онъ меня за руку, почасту бралъ [7]) ложечку водицы или крупинку льда и всегда при этомъ управлялся своеручно: бралъ стаканъ самъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ сымалъ и накладывалъ себѣ на животъ припарки [8]), (   ) [9]) собственно отъ боли, страдалъ онъ, по словамъ его, не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски, что приписать должно воспаленію въ брюшной полости а можетъ быть еще болѣе воспаленію большихъ венозныхъ жилъ. «Ахъ [10]), какая тоска!» вос-

---

[1]) приблизился.

[2]) страшныхъ.

[3]) Этихъ словъ нѣтъ.

[4]) Къ этому мѣсту Даль сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «Хладнокровіе Пушкина къ смерти было всѣмъ извѣстно. У него было 4 поединка; всѣ 4 раза онъ стрѣлялся всегда черезъ барьеръ; всегда первый подходилъ быстро къ барьеру, выжидалъ выстрѣла противника и потомъ—3 раза оканчивалъ дѣло шуткою—и заключалъ стихомъ. Такъ, наприм., Пушкинъ, будучи вызванъ въ Кишиневѣ однимъ офицеромъ, стрѣлялся опять черезъ барьеръ, опять первый подошелъ къ барьеру, опять противникъ далъ промахъ. Пушкинъ подозвалъ его вплоть къ барьеру, на законное мѣсто, уставилъ въ него пистолетъ и спросилъ: довольны ли вы теперь? Полковникъ отвѣчалъ, смутившись: доволенъ. Пушкинъ снялъ шляпу и сказалъ улыбаясь: «Полковникъ Старовъ Слава Богу здоровъ!» Дѣло разгласилось секундантами, и два стишка эти вошли въ пословицу въ цѣломъ городѣ». Нѣсколько иначе разсказываетъ Даль объ этомъ поединкѣ Пушкина въ отрывкѣ изъ записокъ, напечатанномъ въ «Русс. Стар.» 1907, т. CXXXII (октябрь), 64—65.

[5]) ударилъ. Плетневъ говорилъ: «глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти».

[6]) снова спрашивалъ

[7]) просилъ

[8]) припарки, и всегда еще приговаривая: вотъ и хорошо и прекрасно,

[9]) Слово неразборчивое.

[10]) Охъ.

клицалъ онъ иногда, закидывая руки на голову—«сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ поднять его, поворотить на бокъ, или поправить подушку—и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «ну, такъ, такъ—хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо!» или [1]): «постой, ненадо, потяни меня только за руку—ну вотъ и хорошо, и прекрасно [2])!» Вообще былъ онъ—по крайней мѣрѣ въ обращеніи со мною, повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ. «Кто у жены моей?» спросилъ онъ между прочимъ. Я отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе—зала и передняя полны, съ [3]) утра [3]) до [3]) ночи [3]). «Ну, спасибо—отвѣчалъ онъ—однакоже, поди, скажи женѣ, что все слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ!»

[Свечера] Съ [4]) обѣда [4]) пульсъ былъ крайне малъ, слабъ и частъ—послѣ полу[ночи] дни сталъ онъ подыматься, а къ 6-му часу ударялъ не болѣе 120 въ минуту и сталъ полнѣе и тверже. Въ тоже время началъ показываться небольшой общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ Д-ра Арендта наставленій, приставили мы съ Д-мъ Спасскимъ 25 піявокъ и въ тоже время и (послали) [5]) за Арендтомъ. Онъ пріѣхалъ и одобрилъ распоряженіе наше. Больной нашъ твердою рукою самъ ловилъ и припускалъ себѣ піявки и неохотно позволялъ намъ около себя копаться. Пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я ухватился, какъ утопленникъ, за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ *надежду* и обманулъ было и себя и другихъ—но ненадолго. П. замѣтилъ, что я былъ пободрѣе, взялъ меня за руку и спросилъ [6]) :«никого [7]) тутъ нѣтъ?» Никого, отвѣчалъ я [8]). «Даль, скажи же мнѣ правду, скоро ли я умру?» Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, сказалъ я, право надѣемся! Онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку и сказалъ: «ну, спасибо!» Но, повидимому, онъ однажды только и обольстился моею надеждою: ни прежде, ни послѣ этого онъ не вѣрилъ ей, спрашивалъ нетерпѣливо: «скоро ли конецъ?»—и прибавлялъ еще: «пожалуста поскорѣе!» [9]) Впродолженіе долгой, томительной ночи

---

[1]—[2]) Словъ Пушкина (съ слова или и до конца фразы) нѣтъ.

[3]) Этихъ словъ нѣтъ.

[4]) Съ утра.

[5]) Это слово въ рукописи пропущено и поставлено мною.

[6]) сказалъ

[7]—[8]) Фразъ, заключенныхъ между отмѣченными словами, нѣтъ.

[9]) Поскорѣе! Я налилъ и поднесъ ему рюмку касторроваго масла. «Что это?»—Выпей это, хорошо будетъ, хотя можетъ быть на вкусъ и дурно; «ну давай», выпилъ и сказалъ: «а, это касторовое масло?»—Оно; да развѣ ты его знаешь? «Знаю, да зачѣмъ же оно плаваетъ по водѣ? сверху масло, внизу вода!»—Все равно, тамъ (въ желудкѣ) перемѣшается,—«ну хорошо, и то правда».

глядѣлъ я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти—и не могъ отбиться отъ трехъ словъ, изъ Онѣгина, трехъ страшныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ушахъ и въ головѣ моей:

Ну что жъ? Убитъ!

О, сколько силы и значенія въ трехъ словахъ этихъ![1]) ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ—я сидѣлъ, не смѣя дохнуть—и думалъ: Вотъ гдѣ надо изучать опытную мудрость, философію жизни—здѣсь, гдѣ душа рвется изъ тѣла; то[2]), что[2]) увидишь[2]) здѣсь[2]), не найдешь ни въ толстыхъ книгахъ, ни на шаткихъ[3]) кафедрахъ[3]) нашихъ[3]).

Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усильно и на слова мои «терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче»—отвѣчалъ отрывисто: «нѣтъ, не надо стонать[4]); жена услышитъ; и смѣшно же, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ; не[5]) хочу[5]).

Пульсъ сталъ упадать примѣтно, и вскорѣ исчезъ вовсе. Руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29-го янв.—и въ Пушкинѣ оставалось жизни—только на ³/₄ часа! П. раскрылъ глаза, и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: «позовите жену, пусть она меня покормитъ». Др.[6]) Спасскій исполнилъ желаніе умирающаго. Наталья Николаевна опустилась на колѣни у изголовья смертнаго одра, поднесла ему ложечку, другую—и приникла лицемъ къ челу отходящаго мужа. П. погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо!»

Вскорѣ подошелъ я къ В. А. Жуковскому, кн.[7]) Вяземскому[7]) и гр. Віельгорскому и сказалъ: отходитъ! Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое—изрѣдка только полудремотное забвенье на нѣсколько секундъ туманило мысли и душу. Тогда умирающій, нѣсколько разъ, подавалъ мнѣ руку, сжималъ ее и говорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше—

---

[1]) Этихъ! Они стоятъ знаменитаго Шекспировскаго рокового вопроса: быть или не быть.

[2]) вмѣсто этихъ словъ читается: гдѣ живое, мыслящее совершаетъ страшный переходъ въ мертвое и безотвѣтное, чего

[3]) кафедрѣ.

[4]) Этого слова нѣтъ.

[5]) Этихъ словъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ: Онъ продолжалъ по прежнему дышать часто и отрывисто, его тихій стонъ замолкалъ на время вовсе.

[6]) Всей послѣдующей фразы нѣтъ.

[7]) Этихъ словъ нѣтъ.

ну—пойдемъ!» Опамятовавшись сказалъ онъ мнѣ: мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко—и голова закружилась». [1])—Немного погодя онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать мою руку и потянувъ ее сказалъ: «Ну, пойдемъ же, пожалуста, да вмѣстѣ!»

Друзья и ближніе, молча, сложа [2]) руки [2]), окружили изголовье отходящаго. Я, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ, будто проснувшись, быстро раскрылъ глаза, лице его прояснилось, и онъ сказалъ: «кончена жизнь». Я не дослышалъ и спросилъ тихо: «что кончено». «Жизнь кончена»—отвѣчалъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ» —были послѣднія слова его. Всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу—руки остыли по самыя плечи, пальцы на ногахъ, ступни, колѣна также—отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе на медленное, тихое, протяжное—еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ—и—пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣляла уже живыхъ отъ мертваго! [3]).

В. Даль.

Подлинникъ занимаетъ всѣ четыре страницы обыкновеннаго писчаго листа. Помарокъ почти нѣтъ.

Б.

Вскрытіе тѣла А. С. Пушкина.

По вскрытіи брюшной полости, всѣ кишки оказались сильно воспаленными; въ одномъ только мѣстѣ, величиною съ грошъ, тонкія кишки были по-

---

[1]) закружилась»—Раза два присматривался онъ пристально на меня и спрашивалъ: «Кто это? ты?»—Я, другъ мой.—«Что это, продолжалъ онъ,—я не могъ тебя узнать».

[2]) Этихъ словъ нѣтъ.

[3]) «мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его». Въ спискѣ, бывшемъ въ рукахъ Гаевскаго, читались еще слѣдующія строки: «В. А. Жуковскій изумился когда я прошепталъ «аминь!» Докторъ Андреевскій наложилъ персты на вѣки его. День смерти Пушкина былъ день рожденія Жуковскаго. Въ тотъ самый день Жуковскій подписалъ послѣдній корректурный листъ своей Ундины: О томъ какъ рыцарь нашъ скончался. По смерти Пушкина надо было опечатать казенныя бумаги; трупъ вынесли, и запечатали опустѣлую рабочую комнату Пушкина чернымъ сургучемъ: краснаго, по словамъ камердинера, не нашлось».

ражены гангреной. Въ этой точкѣ, по всей вѣроятности, кишки были ушибены пулей.

Въ брюшной полости нашлось не менѣе фунта черной, запекшейся крови, вѣроятно изъ перебитой бедренной вены.

По окружности большаго таза, съ правой стороны, найдено было множество небольшихъ осколковъ кости, а наконецъ и нижняя часть крестцовой кости была раздроблена.

По направленію пули надобно заключать, что убитый стоялъ бокомъ, въ полъ-оборота и направленіе выстрѣла было нѣсколько сверху внизъ. Пуля пробила общіе покровы живота въ двухъ дюймахъ отъ верхней, передней оконечности чресельной или подвздошной кости (ossis iliaci dextri) правой стороны, потомъ шла, скользя по окружности большого таза, сверху внизъ, и встрѣтивъ сопротивленіе въ крестцовой кости, раздробила ее и засѣла гдѣ нибудь по близости. Время и обстоятельства не позволили продолжать подробнѣйшихъ розысканій.

Относительно причины смерти—надобно замѣтить, что здѣсь воспаленіе кишекъ не достигло еще высшей степени: не было ни сывороточныхъ или кровяныхъ изліяній, ни прирощеній, а и того менѣе общей гангрены. Вѣроятно кромѣ воспаленія кишекъ, существовало и воспалительное пораженіе большихъ венъ, начиная отъ перебитой бедренной; а наконецъ и сильное пораженіе оконечностей становой жилы (caudae equinae) при раздробленіи крестцовой кости.

На $1/2$ листѣ писчей бумаги, сложенной въ четвертку. Текстъ занимаетъ $2^1/_4$ страницы.

B.

Ходъ болѣзни Пушкина.

При самомъ началѣ, изъ раны послѣдовало сильное, венозное кровотеченіе; вѣроятно бедренная вена была перебита. Судя по количеству крови на плащѣ и платьѣ, раненый потерялъ нѣсколько фунтовъ крови. Пульсъ соотвѣтствовалъ этому положенію; оконечности стыли. Чело покрылось холоднымъ потомъ. Опасались, чтобы раненый не изошелъ кровью. И такъ, первое показаніе было унять кровотеченіе. Холодная, со льдомъ примочка на брюхо, холодительное питье и пр. вскорѣ отвратили опасеніе это и 28-го утромъ, когда боли усилились и показалась значительная опухоль живота, рѣшились поставить промывательное, чтобы облегчить и опростать кишки. Съ трудомъ только можно было это исполнить: больной не могъ лежать на

боку, а чувствительность воспаленной проходной кишки, отъ раздробленнаго крестца—обстоятельство въ то время еще неизвѣстное—были причиной жестокой боли и страданій послѣ этого промывательнаго. Оно не подѣйствовало. Больной былъ такъ раздраженъ, духовно и тѣлесно, что впродолженіе этого утра, отказывался вовсе отъ предлагаемыхъ ему пособій. Около полудня, дали ему нѣсколько капель опія, что принялъ онъ съ жадностію и успокоился. Передъ этимъ принималъ онъ extr. hyoskyami c. calomel, безъ всякаго видимаго облегченія. Послѣ обѣда и во всю ночь, давали попеременно aq. laurocerasi et opium c. calomel. Къ шести часамъ вечера, 28-го болѣзнь приняла иной видъ: пульсъ поднялся, ударялъ около 120, сдѣлался жестокъ; оконечности согрѣлись: общая теплота тѣла возвысилась, безпокойство усилилось—словомъ, начало образоваться воспаленіе. Поставили 25 піявокъ къ животу; [лихорадка стихла] жаръ уменьшился, опухоль живота опала, пульсъ сдѣлался ровнѣе и гораздо мягче, кожа показывала небольшую испарину. Это была минута надежды. Если бы пуля не раздробила костей, то можетъ быть надежда эта насъ и не обманула. Но уже съ полуночи и въ особенности къ утру общее изнеможеніе взяло верхъ: пульсъ упадалъ съ часу на часъ и къ полудню 29-го исчезъ вовсе; руки остыли—въ ногахъ теплота сохранилась гораздо долѣе—больной изнывалъ тоскою, начиналъ по временамъ уже забываться, ослабѣвалъ и лице его измѣнилось. При такихъ обстоятельствахъ—не было уже ни пособія, ни надежды. Надобно было полагать что гангрена въ кишкахъ начала уже образоваться. Жизнь угасала видимо и свѣтильникъ дотлѣвалъ послѣднею искрой.

Вскрытіе трупа показало, что рана принадлежала къ безусловно смертельнымъ. Раздробленія подвздошной и въ особенности крестцовой кости—неисцѣлимы. При такихъ обстоятельствахъ смерть могла послѣдовать: отъ истеченія кровью; 2-е) отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей, большихъ венъ, общее съ пораженіемъ необходимыхъ для жизни нервовъ и самой оконечности становой жилы (cauda equina); 3-е) самая медленная, томительная смерть, отъ всеобщаго изнуренія, при переходѣ пораженныхъ мѣстъ въ нагноеніе. Раненый нашъ перенесъ первое, и поэтому успѣлъ приготовиться къ смерти и примириться съ жизнію; и—благодаря Бога—не дожилъ до послѣдняго, чѣмъ избавилъ и себя и ближнихъ своихъ отъ напрасныхъ страданій.

В. Даль.

На ½ листѣ писчей бумаги, сложенной въ четвертку. Всѣ 4 страницы заняты текстомъ.

		Когда и кто именно помре.					
	10	Двадцать девятаго числа Придворной Конюшенной команды у Экипажнаго мастера Титулярнаго советника Андрея Сергеева Ефимова крепостная девица Агрипина Сергеева. —	—	42	От чахотки	Протоиерей	На Волковском Смоленском кладбище. Священник Петров Андрей Бердовский
		Въ Февралѣ.					
7. Священник Самсон	1837 года февраля 4-го	Перваго числа Двора Его Императорскаго Величества Камер-Юнкер Титулярный советник Александр Сергеев Пушкин. —	36 лет		От раны	Петр Дмитриев Свящ.	Псковской губернии Опочецкаго уезда в Святогорском монастыре погребен
"	10.	Четвертаго числа Придворной Конюшенной команды Вдоваго Стефана Иларионова Линдина дочь Пелагия. —	—	1	От коклюша	—	На Волковском кладбище. Священник

Начало листа изъ метрической книги съ записью о смерти Пушкина

(Уменьшено)

III. В. А. Жуковскій въ заботахъ по дѣлу Пушкина.

Введеніе. — Документы.

Введеніе.

I.

Въ моментъ смерти Пушкина и сейчасъ послѣ нея друзьямъ Пушкина пришлось дѣйствовать на двѣ стороны: на современниковъ и на Государя.

Въ письмахъ, назначенныхъ для широкаго распространенія, Жуковскій и Вяземскій, искусно и тщательно подкрашивая дѣйствительность, давали ей то изображеніе, которое вызывалось потребностью момента: необходимостью оградить моральные и матеріальные интересы семьи Пушкина. Та исторія трагическаго конца Пушкина, которую они предлагали вниманію современниковъ, имѣла въ виду прежде всего охрану добраго имени Пушкина и его жены. «Доброе имя», конечно, въ соотвѣтствіи съ уровнемъ тогдашнихъ представленій. Стремясь убѣдить окружавшихъ въ высокомъ и государственномъ значеніи дѣятельности Пушкина, друзья его въ своихъ разсказахъ внушали современникамъ, что Государь принялъ смерть Пушкина, какъ національное горе; заботливостью своей, проявленной въ моментъ смерти поэта, засвидѣтельствовалъ любовь къ нему, какъ человѣку, а милостями, оказанными его семьѣ, высказалъ высокую оцѣнку его дѣятельности.

Но дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала той картинѣ, которую рисовали друзья Пушкина. Такой выводъ намѣчается уже при разборѣ письма Жуковскаго къ С. Л. Пушкину. Документы, впервые печатаемые въ настоящемъ отдѣлѣ книги, даютъ возможность развить и укрѣпить этотъ выводъ. Мы получаемъ возможность судить, въ какомъ направленіи совершалось воздѣйствіе друзей Пушкина на Государя и какими результатами

оно сопровождалось. Разными путями друзья Пушкина *старались убѣдить* Государя въ томъ, что потеря Пушкина—великая національная потеря, и что Пушкинъ былъ искренній приверженецъ существующаго строя и Государя и, какъ таковой, достоинъ великихъ милостей. Старались убѣдить, но убѣдили ли? Образъ дѣйствій друзей Пушкина могъ повести только къ заключенію, что Государь убѣжденъ и раздѣляетъ всѣ ихъ взгляды на Пушкина. На основаніи публикуемыхъ теперь документовъ можно съ достовѣрностью утверждать, что убѣжденія Жуковскаго не достигли цѣли, и роль Государя въ моментъ смерти поэта и послѣ нея не была такой, какой она рисуется намъ на основаніи свидѣтельствъ друзей Пушкина.

Всѣ, стоявшіе въ Россіи на сторонѣ Пушкина, прославляли Николая Павловича за трогательное отношеніе къ памяти умершаго, съ восторгомъ говорили о его щедрыхъ милостяхъ вдовѣ и дѣтямъ умершаго и шопотомъ одобряли отъ души приказаніе его Жуковскому разобрать бумаги покойнаго и сжечь все, что онъ найдетъ предосудительнаго для памяти Пушкина. Представители иностранныхъ державъ, находившіеся въ 1837 году при петербургскомъ Дворѣ, сочли непремѣннымъ своимъ долгомъ въ своихъ депешахъ подчеркнуть отношеніе Государя къ Пушкину, и никто изъ нихъ не упустилъ упомянуть о пожертвованіяхъ Государя семьѣ Пушкина и о приказѣ его сжечь все предосудительное въ бумагахъ Пушкина. Всѣ предполагали, что въ бумагахъ поэта должны быть произведенія антиправительственныя, антирелигіозныя, рѣзко сатирическія или даже направленныя противъ самого Государя. Поэтому въ глазахъ современниковъ это разрѣшеніе или даже повелѣніе сжечь рукописи «возмутительныя» ярко иллюстрировало высокое благородство характера Государя. Государь творитъ доброе дѣло и не желаетъ ничего слышать о произведеніяхъ Пушкина, какъ бы несовмѣстимыхъ съ щедрымъ покровительствомъ его памяти.

Не только современники, но и позднѣйшіе изслѣдователи и біографы Пушкина излагаютъ эту страничку изъ исторіи отношеній Императора къ поэту такъ же и съ такимъ же паѳосомъ, какъ ее излагали въ свое время друзья поэта. Эпизодъ государевой милости за гробомъ обычно является въ изображеніи біографовъ поэта лишь увѣнчаніемъ этой исторіи. Государь, по ихъ мнѣнію, послѣ смерти поэта далъ высшее и прекрасное доказательство тому, что онъ любилъ лично Пушкина и что онъ признавалъ все его огромное значеніе для Россіи.

Печатаемые нами документы заставляютъ безпристрастнаго историка устранить обычный паѳосъ съ послѣднихъ страницъ исторіи отношеній поэта и Государя.

2.

Щедрыя милости Николая Павловича семьѣ Пушкина до сихъ поръ приписывали безраздѣльно его собственной иниціативѣ. Теперь приходится твердо установить, что вдохновителемъ Государя былъ В. А. Жуковскій, что распоряженія, сдѣланныя Государемъ 30-го января, были въ значительной мѣрѣ предусмотрѣны и продиктованы Жуковскимъ. Въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина сохранился черновикъ записки, въ которой Жуковскій изложилъ свои соображенія по вопросу, какъ достойнымъ образомъ почтить память умершаго поэта. Эта записка составлена вечеромъ 29 января 1837 года и должна была быть подана Жуковскимъ Государю. Въ бѣловомъ видѣ она еще неизвѣстна. Впрочемъ, быть можетъ, Жуковскій ограничился устнымъ изложеніемъ своихъ предположеній Государю.

Черновикъ свидѣтельствуетъ намъ о благодѣтельной иниціативѣ постояннаго ходатая и благотворителя русскихъ писателей—Жуковскаго. Это онъ «осмѣлился представить на благоусмотрѣніе Его Величества мысль» объ очищеніи отъ долговъ сельца Михайловскаго; это онъ убѣдилъ присоединить «къ такому великодушному дару и другой, столь же національный»—изданіе сочиненій Пушкина, съ предоставленіемъ дохода въ пользу его семьи; это онъ указалъ на необходимость «единовременно пожаловать что-либо на первыя домашнія нужды». Но Жуковскій хотѣлъ, чтобы милость Пушкину за гробомъ была оказана не по нуждѣ, а по заслугѣ; Жуковскій желалъ, чтобы милость не была совершена келейно, а была оглашена манифестомъ и, слѣдовательно, понята, какъ знакъ Высочайшаго признанія государственнаго значенія дѣятельности Пушкина. Въ 1826 году именно такъ былъ почтенъ Карамзинъ, и Жуковскій писалъ манифестъ по этому поводу. «Позвольте мнѣ, Государь,—пишетъ въ своей запискѣ Жуковскій,—и въ настоящемъ случаѣ быть истолкователемъ Вашей Монаршей воли и написать ту бумагу, которая должна будетъ ее выразить для благодарнаго отечества и Европы».

30 января Николай Павловичъ вручилъ Жуковскому собственноручно карандашомъ написанную записочку, въ которой обозначены милости семьѣ Пушкина. Изъ этой записочки, давно извѣстной и вновь печатаемой нами по подлиннику, видно, что Императоръ осуществилъ всѣ высказанныя Жуковскимъ пожеланія матеріальнаго характера и для семьи сдѣлалъ даже больше, чѣмъ онъ просилъ. Но самое главное желаніе Жуковскаго, характера не вещественнаго, осталось неисполненнымъ. Императоръ не пожелалъ своимъ милостямъ сообщить значеніе государственнаго дѣла и придалъ имъ

характеръ личной, частной благотворительности. Въ письмѣ А. И. Тургенева отъ 1-го февраля къ А. И. Нефедьевой находимъ и объясненіе такого отношенія Государя къ памяти Пушкина. Умѣстно повторить уже цитированныя нами выше (стр. 162) любопытныя подробности, находящіяся въ этомъ письмѣ.

«Когда Жуковскій представлялъ Государю записку о семействѣ Пушкина, то, сказавъ все, что у него было на сердцѣ, онъ прибавилъ a peu près такъ: «Для себя же, Государь, я прошу той же милости, какою я уже воспользовался при кончинѣ Карамзина: позвольте мнѣ такъ же, какъ и тогда, написать указы о томъ, что Вы повелѣть изволите для Пушкина» (Жуковскій писалъ докладную записку и указы о пенсіи Карамзину и семейству его). На это Государь отвѣтилъ Жуковскому: «Ты видишь, что я дѣлаю все, что можно для Пушкина и для семейства его, и на все согласенъ, но въ одномъ только не могу согласиться съ тобою: это—въ томъ, чтобы ты написалъ указы, какъ о Карамзинѣ. Есть разница: ты видишь, что мы насилу довели его до смерти христіанской, а Карамзинъ умиралъ, какъ ангелъ».

Итакъ, если Николай Павловичъ творилъ добро семьѣ Пушкина, то онъ дѣлалъ это отнюдь не во имя Пушкина, отнюдь не въ силу признанія за его личностью и дѣятельностью національнаго и государственнаго значенія, а по инымъ соображеніямъ. Тутъ играли роль и вліяніе Жуковскаго, и хорошое отношеніе къ женѣ Пушкина, которую онъ любилъ видѣть на придворныхъ балахъ, и, наконецъ, конечно, значительную роль игралъ и разсчетъ на добрую славу о его великодушіи и щедрости.

Несмотря на ясный смыслъ категорическаго отказа Государя огласить манифестъ сочувствія памяти Пушкина, Жуковскій, а за нимъ и остальные друзья Пушкина продолжали придавать поступку Государя тотъ смыслъ, который они хотѣли бы въ немъ видѣть и котораго въ немъ, завѣдомо для нихъ, не было.

3.

В. А. Жуковскій старался изобразить предъ Николаемъ Павловичемъ современниками смерть Пушкина, какъ идеалъ христіанской кончины. Государь не повѣрилъ и остался при особомъ мнѣніи, продолжая относиться къ религіозности Пушкина съ весьма большимъ сомнѣніемъ. Надо думать, Государь не отдѣлался отъ воспоминаній объ эпизодѣ съ «Гавриліадой», разыгравшемся въ 1828 году, и не позабылъ, какъ Пушкинъ, сначала отрекшійся отъ своей кощунственной поэмы, потомъ приносилъ покаяніе въ письмѣ, которое прочелъ одинъ онъ, Императоръ.

В. А. Жуковскій, отождествлявшій политическое міросозерцаніе Пушкина съ своимъ сентиментально-монархическимъ, старался и при жизни Пушкина, и послѣ его смерти убѣдить Государя въ благонамѣренности политическихъ настроеній и политическихъ взглядовъ поэта. Государь не вѣрилъ благонадежности Пушкина. Государю, повидимому, было мало того, что въ этомъ пунктѣ всѣ показанія были на сторонѣ Пушкина; ему хотѣлось, чтобы Пушкинъ не только внѣшне, но и внутренне былъ бы весь его, насквозь весь, съ его сердцемъ и его совѣстью. Тому, что Николай Павловичъ не вѣрилъ въ искренность Пушкина, мы имѣемъ не мало доказательствъ. Новыя и яркія подтвержденія такому взгляду Государя на поэта даютъ публикуемые нами матеріалы, относящіеся къ сношеніямъ Жуковскаго съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ въ первые дни по кончинѣ Пушкина.

Николай Павловичъ не вѣрилъ тому, что говорилъ о Пушкинѣ Жуковскій. Въ этомъ пунктѣ вліяніе Жуковскаго на Николая Павловича столкнулось съ вліяніемъ, діаметрально противоположнымъ, рѣзко враждебнымъ—графа А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармовъ и начальника III Отдѣленія. Но, конечно, Бенкендорфъ былъ ближе Государю, чѣмъ воспитатель его сына, рѣчи Бенкендорфа уму и сердцу Государя были понятнѣе рѣчей Жуковскаго. Не могли забыть и Государь, и Бенкендорфъ о 14-мъ декабря 1825 года, и Пушкинъ оставался для нихъ человѣкомъ 14-го декабря, однимъ изъ «des amis de 14».

Не разъ Жуковскому приходилось схватываться съ Бенкендорфомъ за Пушкина при его жизни. Была суждена ему и послѣдняя схватка съ Бенкендорфомъ—уже у гроба Пушкина. И если при жизни поэта борьба Жуковскаго оканчивалась нѣкоторыми видимыми побѣдами, то въ послѣднемъ столкновеніи, послѣ смерти Пушкина, онъ былъ разбитъ, а сердце его растерзано. Жуковскаго долженъ былъ мучить не тотъ верхъ, который взялъ надъ нимъ Бенкендорфъ, а то сочувствіе, которое оказалъ Бенкендорфу Государь. Для насъ же это сочувствіе является лишнимъ, неложнымъ свидѣтелемъ истиннаго отношенія Государя къ Пушкину. Столкновеніе разыгралось вокругъ бумагъ Пушкина.

Мы знаемъ изъ заявленій Жуковскаго объ исполненномъ великодушнаго благородства приказаніи Государя Жуковскому о разборѣ бумагъ Пушкина. Государь предполагалъ, что въ бумагахъ могутъ оказаться вещи антиправительственныя, предосудительныя, но онъ не желалъ ихъ знать. Онъ поручалъ Жуковскому запечатать бумаги Пушкина и затѣмъ на досугѣ разобрать ихъ. Жуковскій долженъ былъ сжечь все предосудительное, возвратить

письма ихъ авторамъ, а казенные документы—по принадлежности. Такова была первоначальная воля Государя.

Пушкинъ умеръ 29-го января, въ 2³/₄ часа по полудни. Черезъ часъ тѣло его было вынесено изъ кабинета, и кабинетъ, въ которомъ находились бумаги Пушкина, былъ опечатанъ Жуковскимъ. Приступить къ разбору Жуковскій предполагалъ, конечно, послѣ похоронъ поэта, но не прошло и двухъ дней со дня смерти, какъ Жуковскій узналъ, что разбирать бумаги будетъ онъ не одинъ, а совмѣстно съ жандармскимъ офицеромъ по назначенію графа Бенкендорфа. Чѣмъ было вызвано такое измѣненіе Высочайшей воли? Прежде всего, конечно,—вліяніемъ Бенкендорфа, а затѣмъ проснувшимся вновь недовѣріемъ къ Пушкину и страхомъ, теперь уже загробнымъ, передъ его сатирами и эпиграммами. Измѣненіе первоначальнаго распоряженія свидѣтельствовало и о недовѣріи къ Жуковскому и должно было оскорбить его, но къ такимъ оскорбленіямъ Жуковскій привыкъ. Что касается недовѣрія, то Бенкендорфъ всегда питалъ къ нему оное, считая его единомышленникомъ Пушкина, а Имп. Николай не довѣрялъ потому, что считалъ Жуковскаго человѣкомъ, довѣріе котораго легко можетъ быть обмануто. Такъ или иначе, но Жуковскій долженъ былъ раздѣлить трудъ по разбору пушкинскихъ бумагъ вмѣстѣ съ помощникомъ Бенкендорфа генераломъ Дубельтомъ.

Какими же указаніями должны были руководствоваться при разборѣ бумагъ Жуковскій и Дубельтъ? Въ своемъ простодушіи Жуковскій полагалъ, что должны остаться тѣ же правила, которыя были изложены имъ передъ Государемъ и были приняты послѣднимъ. Вотъ какъ изложилъ Жуковскій эти правила къ свѣдѣнію графа А. Х. Бенкендорфа въ письмѣ отъ 5 февраля.

1) Бумаги, кои по своему содержанію могутъ быть во вредъ памяти Пушкина, сжечь.

2) Письма, отъ постороннихъ лицъ къ нему писанныя, возвратить тѣмъ, кои къ нему ихъ писали.

3) Оставшіяся сочиненія какъ самого Пушкина, такъ и тѣ, кои были ему доставлены для помѣщенія въ «Современникѣ», и другія такого же рода бумаги сохранить (сдѣлавъ имъ списокъ).

4) Бумаги, взятыя изъ государственнаго архива, и другія казенныя возвратить по принадлежности.

Къ правиламъ Жуковскій присоединилъ еще свое мнѣніе, что письма жены Пушкина надо возвратить ей безъ разсмотрѣнія.

Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ Жуковскому 6 февраля. Бенкендорфъ вновь повергнулъ на благоусмотрѣніе Государя правила, уже разъ новер-

тнутыя Жуковскимъ и принятыя Государемъ. Результаты были неожиданные: на этотъ разъ правила были отвергнуты. Пожалуй, нельзя даже сказать «отвергнуты», но въ правила были внесены измѣненія столь существенныя, что измѣнился теперь самый смыслъ приказа о разборкѣ бумагъ. Достаточно посмотрѣть, во что обратились пункты Жуковскаго.

Предосудительныя для памяти Пушкина бумаги надо сжечь,—такъ говорилъ Жуковскій,—и съ нимъ согласился Царь. Что ихъ надо сжечь,—съ этимъ былъ согласенъ и Бенкендорфъ, но эту мѣру онъ дополнялъ еще одной: предварительно бумаги эти должны быть доставлены къ нему для прочтенія! Великолѣпно объясненіе, которое даетъ Бенкендорфъ такой мѣрѣ: «Мѣра сія принимается отнюдь не въ намѣреніи вредить покойному въ какомъ бы то ни было случаѣ, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто отъ наблюденія правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы».

Письма къ Пушкину надо вернуть ихъ авторамъ,—полагалъ Жуковскій и получилъ царское одобреніе. Письма постороннихъ лицъ будутъ возвращены тѣмъ, кои къ нему писали, не иначе, какъ послѣ моего прочтенія,—полагалъ Бенкендорфъ и тоже получилъ Высочайшее одобреніе.

Бенкендорфъ соглашался и съ мнѣніемъ Жуковскаго о необходимости сохранить сочиненія Пушкина и литературные матеріалы для «Современника», но онъ почиталъ необходимымъ сдѣлать имъ разборъ,—которые изъ нихъ могутъ быть допущены къ печати, которые возвратить сочинителямъ и которые истребить совершенно.

Относительно писемъ вдовы Пушкина Бенкендорфъ, конечно, соглашался съ мнѣніемъ Жуковскаго и считалъ нужнымъ вернуть ихъ ей «безъ подробнаго оныхъ прочтенія, но только съ наблюденіемъ о точности ея почерка».

Таковы тѣ измѣненія первоначальнаго распоряженія Государя, которыя послѣдовали по докладу Бенкендорфа, и о которыхъ онъ поставилъ въ извѣстность Жуковскаго.

И при измѣнившихся обстоятельствахъ Жуковскій не счелъ возможнымъ уклониться отъ разбора бумагъ. Мало того, онъ попрежнему продолжалъ вкладывать въ распоряженіе Государя о разборѣ и сожженіи бумагъ тотъ смыслъ, который онъ увидалъ въ первомъ изъявленіи его воли и который совершенно исчезъ во второмъ изъявленіи. Но, вѣдь, никоимъ образомъ нельзя усмотрѣть никакого благородства и великодушія въ преподанныхъ Бенкендорфомъ правилахъ разбора бумагъ, ибо большая разница между сожженіемъ бумагъ до прочтенія и сожженіемъ послѣ прочтенія.

В. А. Жуковскій и Л. В. Дубельтъ приступили къ разбору бумагъ и ра-

зобрали ихъ. Бенкендорфъ сдѣлалъ единственную уступку Жуковскому, отмѣнивъ свое распоряженіе разбирать бумаги въ помѣщеніи Третьяго Отдѣленія и разрѣшивъ сдѣлать это въ покояхъ Жуковскаго. Немало тяжелыхъ минутъ пришлось пережить Жуковскому во время разбора. Сохранился публикуемый ниже черновикъ его обращенія къ Государю, свидѣтельствующій о такомъ моментѣ въ жизни Жуковскаго. Исполняя буквально волю Государя, онъ долженъ былъ бы перечитать всѣ чужія письма, но онъ все же имѣлъ силы не дѣлать этого и предоставилъ чтеніе чужихъ писемъ жандармскому генералу. «Но все было мнѣ,—писалъ онъ впослѣдствіи Государю,—прискорбно, такъ-сказать, присутствіемъ своимъ принимать участіе въ нарушеніи семейственной тайны; передо мною раскрывались письма моихъ знакомыхъ». Такая щепетильность должна была казаться нѣсколько странной Николаю Павловичу. Ему постоянно докладывали письма, перлюстрированныя почтой; въ 1835 году ему было, напримѣръ, доставлено письмо Пушкина къ женѣ. По этому поводу Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ (подъ 10-мъ мая 1835 года): «Какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать Царю, человѣку благовоспитанному и честному, и Царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина».

Чтеніе писемъ въ общемъ сошло благополучно, но два письма графа В. А. Соллогуба, найденныя въ бумагахъ Пушкина, доставили не мало тревоги Жуковскому. Одно изъ писемъ касалось той дуэли, которая чуть было не состоялась въ началѣ 1836 года между Пушкинымъ и графомъ В. А. Соллогубомъ. Другое письмо было писано имъ къ Пушкину въ ноябрѣ 1836 года: указывая на рѣшеніе Дантеса жениться на Е. Н. Гончаровой, Соллогубъ вызывалъ Пушкина на примиреніе. Это послѣднее письмо Бенкендорфъ поспѣшилъ препроводить въ Военно-Судную Коммиссію по дѣлу о дуэли Дантеса и Пушкина. Графу В. А. Соллогубу грозили непріятности. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на Жуковскаго. Тяжело и теперь читать строки его обращенія къ Государю, которое дѣлается нынѣ извѣстнымъ въ черновомъ видѣ: «по найденнымъ двумъ запискамъ, какъ я слышалъ, хотятъ предать суду Соллогуба. Государь, будьте милостивы, избавьте меня отъ незаслуженнаго наказанія. Сохраните мнѣ доброе имя. Меня назовутъ доносчикомъ. Вы не для этого благоволили поручить мнѣ разсмотрѣніе бумагъ Пушкина: здѣсь не можетъ быть и мѣста наказанію».

Дѣлу противъ Соллогуба не было дано хода, а самое письмо было воз-

вращено графу Бенкендорфу и сохранялось до самаго послѣдняго времени въ архивѣ III Отдѣленія [1]).

Такъ было выполнено приказаніе о разборкѣ и сожженіи предосудительныхъ бумагъ, — приказаніе, о которомъ съ восторгомъ говорили современники, писали заграничные журналисты, доносили иностранные дипломаты, какъ о поступкѣ высокаго благородства.

У гроба Пушкина проснулась вся недовѣрчивость Николая Павловича. Онъ не вѣрилъ христіанскимъ чувствамъ умершаго, не вѣрилъ въ искренность его политическихъ взглядовъ. Какъ же онъ могъ относиться къ Пушкину, какъ къ человѣку и какъ дѣятелю? Онъ не могъ любить перваго и не могъ цѣнить и уважать послѣдняго. Таковы выводы, къ которымъ приводить насъ знакомство съ новыми матеріалами. Жуковскій, несмотря на цѣлый рядъ личныхъ непріятностей, несмотря на довольно категорическое выраженіе истинныхъ чувствъ Государя, продолжалъ твердить о томъ, что «Государь постигнулъ потерю Пушкина, какъ личный благотворитель и создатель своего поэта, какъ представитель своего народа, какъ образецъ и блюститель народной нравственности» и т. д., и т. д. Мы можемъ не придавать *никакой цѣнности* этимъ утвержденіямъ: все это—слова, слова, слова! Въ то время Жуковскій считалъ необходимыми, въ своихъ цѣляхъ, всѣ эти слова. Теперь уже нѣтъ такой необходимости въ нихъ, и наша обязанность передъ памятью Пушкина заключается въ возстановленіи истины, какъ она сть.

---

[1]) Письмо это напечатано въ «Перепискѣ Пушкина», изд. Акад. Наукъ, т. III, стр. 408, № 1100. См. относящіяся къ этому эпизоду бумаги въ книгѣ «Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ», С.-Пб. 1906, стр. 186, 187. Первое изъ упоминаемыхъ Жуковскимъ писемъ остается неизвѣстнымъ и по сей день. О столкновеніи графа В. А. Соллогуба съ Пушкинымъ въ началѣ 1836 года см. «Письма графа В. А. Соллогуба къ А. С. Пушкину по поводу ихъ дуэли», статья М. Голубцовой въ «Отчетѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ за 1913 годъ», стр. 107—115.

Документы.

1.

Записка В. А. Жуковскаго Имп. Николаю Павловичу о милостяхъ семьѣ Пушкина.

(Черновикъ).

Вотъ мысль, которую осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе В. И. В-а, Пушкинъ всегда говорилъ, что желалъ бы быть погребеннымъ въ той деревнѣ, гдѣ жилъ [кажется] если не ошибаюсь во младенчествѣ, гдѣ гробы его [отцовъ] предковъ, и гдѣ недавно похоронили его мать (мы хотѣли перенести туда его тѣло)[1]. Не можно ли съ исполненіемъ этаго [желанія] воли мертваго соединить и благо его осиротѣвшаго семейства и такъ сказать дать [дѣтямъ] его сиротамъ при гробѣ отца вѣрный пріютъ на жизнь и въ тоже время воздвигнуть трогательный, національный памятникъ поэту, за который вся Россія, его потерявшая, будетъ благодарна великодушному соорудителю? Эта деревня, сколько я знаю, заложена: ее могутъ продать; вмѣстѣ съ нею и прахъ Пушкина можетъ сдѣлаться собственностію равнодушнаго къ нему заимодавца и Русскіе могутъ не знать, гдѣ ихъ Пушкинъ. Не можно ли эту деревню [очистить] очистивъ отъ всѣхъ долговъ на ней лежащихъ, [купить и] обратить въ майоратъ для вдовы и семейства, отцу же, которому она принадлежитъ, дряхлому и больному старику опредѣлить пенсіонъ по смерть? Такимъ распоряженіемъ утвердилось бы навсегда все будущее осиротѣвшихъ, въ настоящемъ [былъ] было бы у нихъ [вѣрный приютъ] вѣрное пристанище (ибо если не ошибаюсь въ деревнѣ есть домъ и вдова, которая не имѣетъ теперь угла чтобы приклонить голову, могла бы тамъ поселиться) а Россія была бы обрадована памятникомъ, достойнымъ и ея перваго поэта и ея великаго Государя. Если же къ такому великодушному, національному дару присоедините, Государь, другой, столь же національный, изданіе стихотвореній умершаго, и присвоите себѣ его смерть, то будетъ исполнена въ полнѣ ваша высокая, благотворная мысль, а изъ изданія выручится вдругъ капиталъ, который къ совершеннолѣтію дѣтей составитъ значительную сумму. Къ вышесказанному осмѣли-

---

[1]) Фраза въ скобкахъ вписана надъ строкой; скобки мои.

ваюсь прибавить личную просьбу. Вы Государь уже даровали мнѣ высочайшее счастіе быть черезъ Васъ успокоителемъ послѣднихъ минутъ Карамзина. Мною же передано было отъ васъ послѣднее радостное слово, услышанное Пушкинымъ на землѣ. Вотъ что онъ отвѣчалъ поднявъ руки къ небу съ какимъ то судорожнымъ движеніемъ (и что я вчера забылъ передать В. В-у): какъ я утѣшенъ! скажи Государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ сынѣ, что я желаю счастія [его] въ счастіи Россіи. И такъ позвольте мнѣ, Государь, и въ настоящемъ случаѣ быть изъяснителемъ вашей монаршей Воли и написать ту бумагу, которая должна будетъ ее выразить для благодарнаго отечества и Европы.

Прибавлю еще одно: въ домѣ Пушкина нашлось всего на всего триста рублей. Деньги на необходимые расходы и на похороны далъ графъ Строгановъ. Не благоволите ли что-нибудь пожаловать на первыя домашнія нужды? Еще [одно] почитаю обязанностію сказать слово о бѣдномъ Данзасѣ. Онъ долженъ быть преданъ суду. Благоволите позволить чтобы онъ, который (больной отъ горя и отъ ранъ) неотходилъ отъ Пушкина, могъ остаться на свободѣ до совершенія похоронъ и чтобы подверженъ былъ домашнему аресту. Остальное предост. вашему милосердію. Онъ живетъ однимъ жалованьемъ и если въ слѣдствіе [суда долженъ] будетъ [оставить] куда нибудь сосланъ, то погибъ [соверш.] а это несчастіе упало на него какъ бомба; онъ немогъ даже и одуматься, — и [состоял] [отдалъ себя безусловно] предалъ себя безусловно судьбѣ Пушкина, [съ коимъ] его товарища.

Этотъ черновикъ находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго значится подъ № 20 въ серіи: «Документы Жуковскаго». Онъ писанъ на бѣломъ писчемъ листѣ бумаги весь рукою В. А. Жуковскаго. Слова зачеркнутыя поставлены мною въ скобки. На 4-ой страницѣ въ углу вверхъ ногами слѣдующій списокъ фамилій, записанный Жуковскимъ же:

Арбеневъ, Моро, Смирновъ, Стурдза, Штошъ, Семенъ, Рейтернъ, Гоголь, Жуковскій, Проташинскій, Якоби, Елагинъ.

2.

Записка Императора Николая Павловича о милостяхъ семьѣ Пушкина.

1. Заплатить долги
2. Заложенное имѣніе отца очистить отъ долга
3. вдовѣ пенсіонъ и дочери по замужество

4. Сыновей въ пажи и по 1500 р. на воспитаніе каждаго по вступленіе на службу.
5. Сочиненія издать на казенный щетъ въ пользу вдовы и дѣтей.
6. Единовременно 10 т.

Подлинная записка находится въ собраніи А. Ө. Онѣгина. Воспроизводится по калькѣ, сдѣланной А. Ө. Онѣгинымъ. Записка была вложена въ бумагу, на которой имѣется надпись Жуковскаго: Своеручная записка данная мнѣ Государемъ Императоромъ 30 Генваря 1837.

3.

В. А. Жуковскій—графу Г. А. Строганову.

(Черновикъ).

Милостивый Государь

Г. Григорій Александровичъ.

Имѣю честь препроводить къ Вашему Сіятельству [собственноручную записку которую я] копію съ собственноручной записки Государя Императора, которую я имѣлъ счастіе получить отъ Его Величества. Въ ней [Имъ самимъ] означены тѣ милости коими благоугодно было нашему великодушному [Государю] Монарху осыпать семейство покойнаго Пушкина; сія [записка] копія должна [остаться документомъ] храниться какъ документъ [въ опекѣ] при бумагахъ опеки, оригиналъ же, мнѣ драгоцѣнный, сохраню у себя.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть В. С. П. С.

Этотъ черновикъ писанъ рукою Жуковскаго на зеленоватой почтовой бумагѣ большого формата. Хранится въ собраніи А. Ө. Онѣгина (Описаніе Б. Л. Модзалевскаго, серія: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго», № 19).

Тутъ же завѣренная Жуковскимъ копія съ записки Государя. Въ копіи нѣсколько ошибокъ: такъ, написано «долговъ» вм. «долга»; со службу вмѣсто на службу.

4.

Просьба В. А. Жуковскаго о разрѣшеніи изданія сочиненій Пушкина.

Представляя всеподданнѣйше по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества проэктъ публикаціи о изданіи сочиненій Пушкина, осмѣливаюсь

просить разрѣшенія Вашего на ея напечатаніе. Само по себѣ разумѣется что из оставшихся сочиненій Пушкина будетъ сдѣланъ выборъ строгій. Все что найдется въ его бумагахъ касательно Исторіи Петра Великаго будетъ мною приведено въ порядокъ и представлено на разсмотрѣніе Вашему Императорскому Величеству. Я желалъ бы немедленно сдѣлать публикацію дабы имѣть болѣе подписчиковъ. Зимніе мѣсяцы для этаго самые удобные.

Дѣйствительный статскій Совѣтникъ Жуковскій.

Писано на большомъ писчемъ листѣ бумаги писарскимъ почеркомъ. Подпись—собственной руки Жуковскаго. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и занесено въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго подъ № 48. При этой бумагѣ находится и самый проэктъ.

Подписка
на полное изданіе
сочиненій въ стихахъ и прозѣ
А. С. Пушкина
въ пользу его семейства.

Сіе изданіе будетъ состоять изъ 7 томовъ въ 8-ю долю листа. Въ первыхъ шести помѣстятся всѣ сочиненія уже извѣстныя публикѣ; въ седьмомъ всѣ неизвѣстныя найденныя въ бумагахъ Пушкина послѣ его смерти.

Содержаніе VII томовъ.

I Томъ. Борисъ Годуновъ. Евгеній Онѣгинъ.
II Поэмы: Русланъ и Людмила. Кавказскій плѣнникъ. Бахчисарайскій фонтанъ. Полтава. Цыгане. Братья разбойники. Нулинъ.
III и IV. Разныя стихотворенія.
V Исторія Пугачевскаго бунта.
VI Повѣсти Бѣлкина. Пиковая дама. Капитанская дочка. Смѣсь.
VII Неизданныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Избранныя письма.

При первомъ томѣ будутъ помѣщены портретъ, біографическія извѣстія о Пушкинѣ и снимки его почерка.

Подписная цѣна.

На лучшей веленевой бумагѣ		40 рублей.
	Съ пересылкой	50 »
На простой бумагѣ		25 »
	Съ пересылкой	35 »

Подписка принимаетя въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородняя адресуется въ газетную экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. Имена Гг. подписавшихся будутъ напечатаны въ концѣ послѣдняго тома.

Надзоръ за изданіемъ будутъ имѣть В. А. Жуковскій, К. П. А. Вяземскій и П. А. Плетневъ.

Все изданіе должно кончиться къ исходу 1837 года.

На этомъ документѣ положена имп. Николаемъ Павловичемъ слѣдующая резолюція:

Согласенъ, но съ условіемъ выпустить все что не прилично изъ читаннаго мной въ Борисѣ Годуновѣ и строжайшаго разбора еще неизвѣстныхъ сочиненій.

Писано на большомъ писчемъ листѣ. Собственноручная Императора Николая резолюція писана карандашомъ и покрыта лакомъ.

Къ просьбѣ Жуковскаго о разрѣшеніи изданія Сочиненій Пушкина надо присоединить еще письмо его къ Государю отъ 5 апрѣля 1837 года, которое оказалось въ коллекціи Э. П. Юргенсона и напечатано въ «Современникѣ» 1913 г., сентябрь, стр. 326. Въ цѣляхъ полноты перепечатываемъ здѣсь это маленькое письмо:

«Основываясь на томъ, что я имѣлъ счастье лично слышать отъ Вашего Императорскаго Величества, я увѣдомилъ Министра Народнаго Просвѣщенія, что Ваше Величество насчетъ изданія сочиненій Пушкина соизволили изъявить мнѣ слѣдующее: «сочиненія уже напечатанныя пропустить не подвергая ихъ новому разбору; сочиненія еще ненапечатанныя отослать, въ цензуру для разбора по установленному порядку; всѣ рукописи, касающіяся до исторіи Петра Великаго, предварительно предоставить Вашему Императорскому Величеству». Будучи принужденъ, по причинѣ отъѣзда своего, поспѣшить сдѣлать всѣ нужныя распоряженія для начала изданія, о коемъ уже объявленіе публиковано, осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество благоволить подтвердить Вашу Высочайшую мнѣ изъявленную Волю, дабы Министръ Просвѣщенія могъ немедленно дать приказаніе о выдачѣ мнѣ экземпляра печатныхъ сочиненій Пушкина, представленнаго мною въ Цензуру для надлежащаго подписанія.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Жуковскій.

5 апрѣля
1837 г.

На этомъ письмѣ собственноручная резолюція Императора Николая: «Нѣтъ затрудненій».

5.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ — В. А. Жуковскому.

(Не позднѣе 3 февраля 1837 года).

(Переводъ). Е. В. Императоръ уполномочилъ меня спросить у Васъ анонимное письмо, которое Вы вчера получили и о которомъ вы сочли нужнымъ сказать Е. В. Императрицѣ. Графъ Орловъ получилъ подобное же письмо и поспѣшилъ вручить его мнѣ. Сравненіе двухъ писемъ можетъ дать указанія на составителя.

Вашъ А. Бенкендорфъ.

Записка писана по французски собственноручно Бенкендорфомъ на четвертушкѣ бумаги, сложенной вдвое, со штампомъ Н. И. П. Б. Ф. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и занесена въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго подъ № 14 въ серіи: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго». О какомъ анонимномъ письмѣ идетъ рѣчь, трудно сказать. Вѣроятно, тутъ имѣлись въ виду не анонимныя письма, разосланныя 4 ноября 1836 года, а другія.

6.

В. А. Жуковскій — графу А. Х. Бенкендорфу.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичъ,

Имѣю честь препроводить къ вашему Сіятельству требуемое вами письмо [1]). Повторяю просьбу мою о не задержаніи разрѣшенія на подписку *на сочиненія Пушкина и на Современникъ* [2]). Въ сей поспѣшности нѣтъ никакихъ особенныхъ видовъ, кромѣ желанія сдѣлать болѣе успѣшную подписку, воспользовавшись тѣмъ живымъ чувствомъ которое пробуждено въ сердцѣ

---

[1]) Рѣчь идетъ о томъ письмѣ, которое требовалъ отъ Жуковскаго графъ А. Х. Бенкендорфъ въ запискѣ, напечатанной нами передъ этимъ письмомъ.

[2]) Объявленія объ изданіи «Современника» и сочиненій Пушкина были препровождены Жуковскимъ при письмѣ отъ 2 февраля 1837. Самое письмо и объявленія напечатаны въ книгѣ «Дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ». С.-Пб. 1905, стр. 173—175.

каждаго Русскаго къ его памяти. Подписка въ пользу семейства и чѣмъ болѣе дасть она, тѣмъ лучше.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Вашего Сіятельства
покорный слуга
Жуковскій.

3 февраля.

Это письмо писано собственноручно Жуковскимъ на 1-ой страницѣ листа почтовой бумаги большого формата зеленоватаго цвѣта. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго занесено подъ № 15 въ серіи: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго».

7.

В. А. Жуковскій—графу А. Х. Бенкендорфу.

Милостивый Государь
Графъ Александръ Христофоровичъ!

Въ будущее воскресенье 7-го Февраля, полагаю приступить вмѣстѣ съ Генераломъ Дубельтомъ къ разбору бумагъ оставшихся въ кабинетѣ Пушкина. Но предварительно полагаю обязанностію извѣстить Ваше Сіятельство о слѣдующемъ. Когда Е. И. В—у было угодно призвать меня къ себѣ и возложить на меня этотъ разборъ, я представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя, что полагаю:

1е Бумаги, кои по своему содержанію могутъ быть во вредъ памяти Пушкина, сжечь.

2е Письма отъ постороннихъ лицъ къ нему писанныя возвратить тѣмъ кои къ нему ихъ писали.

3ье Оставшіяся сочиненія какъ самого Пушкина, такъ и тѣ кои были ему доставлены для помѣщенія въ Современникѣ и другія такого же рода бумаги, сохранить [сдѣлавъ имъ списокъ].

4е Бумаги взятыя изъ Государственнаго архива и другія казенныя возвратить по принадлежности.

При семъ имѣю честь извѣстить Ваше Сіятельство что супруга покойнаго просила меня собрать всѣ письма и записки ею писанныя къ мужу и возвратить ей. Полагаю, что этихъ писемъ разсматривать не слѣдуетъ.

Благоволите, Милостивый Государь, испросить разрѣшенія отъ Е. И. В—а, будетъ ли Ему угодно, чтобы и теперь, когда я буду разсматривать бумаги Пушкина вмѣстѣ съ Генераломъ Дубельтомъ, слѣдовалъ я тому же расположенію, о которомъ было уже мною лично представлено Государю Императору и на которое Е. В—у благоугодно было согласиться.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

5 февраля 1837 г.
Е. Сіят. Графу А. Х.
Бенкендорфу.

Писано на листѣ писчей бумаги писарскимъ почеркомъ. Только подпись—набранныя съ разрядкой три послѣднихъ слова—руки Жуковскаго. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина (въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго № 6 въ серіи: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго»).

8.

В. А. Жуковскій — графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновикъ).

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичъ.

Генералъ Дубельтъ сообщилъ мнѣ желаніе Вашего Сіятельства [разсматривать бумаги Пушкина] чтобы бумаги Пушкина разсматривались бы мною и имъ въ вашемъ кабинетѣ. Если [въ] на немъ выражается воля Государя Императора, повинуюсь безпрекословно. Если это только одно собственное желаніе вашего сіятельства, то я такъ же готовъ исполнить его; но позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: я имѣю другія занятія и для меня было бы гораздо удобнѣе разсматривать [эти] бумаги Пушкина у себя нежели въ другомъ мѣстѣ. В. С. можете быть увѣрены, что я къ [нимъ] этимъ бумагамъ однако не прикоснусь: [что] (впрочемъ это нрзб). Они будутъ самимъ генераломъ Дубельтомъ со стола въ кабинетѣ Пушкина положены въ сундукъ; этотъ сундукъ будетъ перевезенъ его же чиновникомъ ко мнѣ, запечатанный его и моею печатью. Эти печати будутъ сниматься при началѣ каждаго разбора и будутъ налагаемы снова самимъ генераломъ

всякой разъ, какъ скоро генералу будетъ нужно удалиться. Слѣдовательно за вѣрность ихъ сохраненія ручаться можно. Съ такимъ распоряженіемъ, время нужное мнѣ на другія занятія, сохранится.

Прошу ваше Сіятельство сдѣлать мнѣ честь увѣдомить меня можетъ ли быть принято мое предложеніе?

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашего Сіятельства

Покорнѣйшимъ слугою

В. Жуковскій.

Фев. 5, 1837.
Его Сіятельству
Графу А. Х. Бенкендорфу.

Этотъ черновикъ, хранящійся въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина (по описанію Б. Л. Модзалевскаго № 39 въ серіи: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго»), писанъ рукою Жуковскаго, съ его же исправленіями, на 2 страницахъ листа почтовой бумаги большого формата.

9.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ—В. А. Жуковскому.

Милостивый Государь

Василій Андреевичъ!

Получивъ два письма вашего превосходительства отъ 5 числа с. м. я имѣлъ счастье повергать оныя на Высочайшее благоусмотрѣніе—и поспѣшаю имѣть честь отвѣтствовать.

Бумаги, могущія повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мнѣ для моего прочтенія. Мѣра сія принимается отнюдь не въ намѣреніи вредить покойному въ какомъ бы то ни было случаѣ, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто отъ наблюденія правительства, бдительность коего должна быть обращена на всѣ возможные предмѣты. По прочтеніи этихъ бумагъ, ежели таковыя найдутся, онѣ будутъ немѣдленно преданы огню въ вашемъ присутствіи.

По той же причинѣ всѣ письма постороннихъ лицъ къ нему писанныя,

будутъ, какъ вы изволите предполагать, возвращены тѣмъ, кои къ нему ихъ писали, не иначе, какъ послѣ моего прочтенія.

Предложеніе вашего превосходительства относительно оставшихся сочиненій, какъ самого Пушкина, такъ и тѣхъ кои были ему доставлены для помѣщенія въ Современникѣ, и другія такого рода бумаги,—будетъ исполнено съ точностію, но также послѣ предварительнаго ихъ разсмотрѣнія, дабы можно было сдѣлать разборъ, которыя изъ нихъ могутъ быть допущены къ печати, которыя возвратить къ сочинителямъ, и которыя истребить совершенно.

Бумаги, взятыя изъ государственнаго архива, и другія казенныя, должны быть возвращены по принадлежности и, дабы имѣть вѣрное свѣдѣніе объ оныхъ, я вмѣстѣ съ симъ отнесся къ Г-ну вице-канцлеру графу Нессельроде.

Письма вдовы покойнаго будутъ немедленно возвращены ей, безъ подробнаго оныхъ прочтенія, но только съ наблюденіемъ о точности ея почерка.

Наконецъ пріемлю честь сообщить вашему Превосходительству, что предложеніе разсматривать бумаги Пушкина въ моемъ кабинетѣ было сдѣлано мною до полученія второго письма вашего, и единственно въ томъ предположеніи, дабы съ одной стороны отклонить наималѣйшее безпокойство отъ госпожи Пушкиной, съ другой же дать нѣкоторую благовидность, что бумаги разсматриваются въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и нечаянная утрата оныхъ не можетъ быть предполагаема. Но какъ по другимъ занятіямъ вашимъ вы изволите находить эту мѣру для васъ затруднительною, то для бо́льшаго доказательства моей совершенной къ вамъ довѣренности, я приказалъ генералъ-маіору Дубельту, чтобы всѣ бумаги Пушкина разсмотрѣны были въ покояхъ Вашего Превосходительства.

Пользуюсь случаемъ, чтобы удостовѣрить васъ въ чувствахъ моего отличнаго къ вамъ уваженія и преданности, съ коими пребыть честь имѣю Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Бенкендорфъ.

6 февраля
1837 года

Его Пр—ству
В. А. Жуковскому.

Писано на 5 страницахъ бѣлой плотной почтовой бумаги большого формата писарской рукой; только подпись—взятыя съ разрядкой слова—руки Бенкендорфа. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и занесена въ описаніе Б. Л. Модзалевскаго подъ № 24 въ серіи: «Документы изъ бумагъ В. А. Жуковскаго».

10.

В. А. Жуковскій — Имп. Николаю Павловичу.

(Черновикъ).

Когда Ваше И. Величество благоволили меня призвать [и съ такою милостивою ко мнѣ довѣренностію поручить мнѣ опечатаніе и разсматриваніе] дабы повелѣть мнѣ опечатать и разобрать бумаги Пушкина, я имѣлъ счастіе получить отъ Васъ разрѣшеніе на слѣдующее: все предосудительное памяти Пушкина сжечь, письма возвратить ихъ писавшимъ, сочиненія сберечь, казенныя бумаги доставить куда слѣдуетъ. Съ глубочайшею [радость] благодарностью принялъ я такое повелѣніе, въ коемъ выразилась и милостивая личная Ваша довѣренность ко мнѣ и ваша отеческая заботливость о памяти Пушкина, коему хотѣли Вы благотворить и за гробомъ. Въ послѣдствіи [это перемѣнилось. Теперь разбираетъ со мной] это распоряженіе перемѣнилось. [Чиновникъ жандармской полиціи помогаетъ] Генералу Дубельту поручено помогать мнѣ [По настоящему въ этомъ дѣлѣ я лишній] По настоящему мнѣ бы надобно испросить у Вашего Величества увольненіе меня отъ такого дѣла въ коемъ участіе совершенно стало излишнимъ, но я этого не сдѣлалъ изъ благодарности къ той довѣренности, внушившей Вамъ первое Ваше повелѣніе; во вторыхъ, изъ дружбы къ мертвому Пушкину, коему хотѣлъ я оказать послѣднюю услугу сохраненіемъ бумагъ его, будучи напередъ увѣренъ, что въ нихъ [ничего предосудительнаго такого] не найдется [на что Государственная пол. высшая полиція] ничего достойнаго преслѣдованія высшей полиціи. Мое ожиданіе оправдалось. Всѣ письма были пересмотрѣны и въ нихъ не нашлось ничего, кромѣ, можетъ быть, [немногихъ рѣзкихъ] нѣсколькихъ вольныхъ шутокъ или бранныхъ словъ вырвавшихся въ свободѣ переписки [но какая нужда государству до] и недостойныхъ вниманія Правительства. Но признаюсь, Государь, мое положеніе было чрезвычайно тягостное. Хотя я самъ и не читалъ ни одного изъ писемъ, а представилъ это исключительно моему товарищу Генералу Дубельту. Но все было мнѣ [тяжело видѣть письма] прискорбно такъ сказать присутствіемъ своимъ принимать [тамъ личное] участіе въ нарушеніи семейственной тайны; передо мной раскрывались письма моихъ [короткихъ друзей] знакомыхъ; я могъ бояться, что писанное въ разное время [въ разныхъ возрастахъ] въ разныя лѣта, въ разныхъ расположеіянхъ духа людьми, еще существующими, въ своей совокупности произвело впечатлѣніе, совершенно ложное на счетъ ихъ—къ счастію

этого не случилось. Переписка Пушкина оказалась совершенно невинная. Но случилось однако одно, что меня жестоко тревожитъ и что есть единственная причина [того что я осмѣлился написа. писать прямо В. И. В.] побудившая меня обезпокоить В. И. В. письмомъ моимъ. Нашлось два письма Сологуба, одно изъ Твери, изъ коего явствуетъ, что Сологубъ долженъ былъ самъ имѣть съ Пушкинымъ дуэль; другое написанное послѣ, изъ коего видно что онъ былъ выбранъ Пушкинымъ въ секунданты для того дуэля, которому надлежало произойти между имъ и Геккерномъ до свадьбы. Первый дуэль устраненъ примиреніемъ, слѣдовательно преступленіе не существуетъ. Второй дуэль не только не состоялся, но еще былъ остановленъ самими секундантами: это не преступленіе, а заслуга. Между тѣмъ по найденнымъ двумъ запискамъ, какъ я слышалъ, хотятъ предать суду Сологуба. Государь, будьте милостивы, избавьте меня отъ незаслуженнаго нареканія передъ свѣтомъ; [узнавъ о томъ меня назовутъ доносчикомъ сохраните мнѣ мое доброе имя. Вы сначала избрали меня] сохраните мнѣ мое доброе имя. Меня назовутъ доносчикомъ. Вы не для этого благоволили [избрать меня] поручить мнѣ разсмотрѣніе бумагъ Пушкина: здѣсь же не можетъ быть и мѣста наказанію. Намѣреніе не есть преступленіе, а неисполненіе худого намѣренія есть часто и заслуга.

Писано рукою Жуковскаго на 4 страницахъ почтовой бумаги большого формата. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина (по описанію Б. Л. Модзалевскаго № 23 въ серіи: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго»).

11.

В. А. Жуковскій — графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновикъ).

Этотъ черновикъ просьбы о передачѣ бумагъ Пушкина въ вѣдѣніе Жуковскаго для нуждъ изданія писанъ весь рукою Жуковскаго съ многочисленными перечеркиваніями и занимаетъ писчій листъ бумаги малаго формата. Страницы читаются въ такомъ порядкѣ 2_1, 1_2, 1_1 и 2_2. На 2_2 только двѣ строки. Хранится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго значится подъ № 8 въ серіи: «Документы изъ бумагъ Жуковскаго».

Бумаги Пушкина можно раздѣлить на три категоріи въ однихъ заключается его переписка которая должна быть разсмотрѣна.

Въ другихъ дѣловыя бумаги, счета, документы которые теперь же слѣдуетъ [сообщить] передать опекѣ.

Въ третьихъ его сочиненія, кои можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ:

1. Черновые манускрипты тѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, кои уже выданы, они заключаются въ 19 книгахъ и такъ перемараны, что ихъ и читать никакой нѣтъ возможности. Авторъ обыкновенно переписывалъ самъ. Съ его уже чистыхъ манускриптовъ производилось печатанье.

2. Выписки для Исторіи Пугачевскаго бунта.

3. Выписки для составленія исторіи Петра Великаго.

---

4. Стихотворенія и прозаическія сочиненія Пушкина въ чернѣ для Современника.

5. [Чужіе манускрипты] Статьи въ рукописяхъ присланныя Пушкину для Современника.

Сверхъ того

20 рукописныхъ книгъ, кои не входятъ въ число рукописей Пушкина.

Бумаги к. Долгорук.

Казенныхъ бумагъ не нашлось никакихъ.

Прошу ваше Сіятельство изпросить мнѣ высочайшее разрѣшеніе на счетъ литературныхъ рукописей Пушкина. Прошу Государя Императора ихъ мнѣ ввѣрить. Приступая къ изданію Современника и сочиненій Пушкина и имѣя понятіе дѣлъ литераторскихъ я извлеку изъ нихъ все то что можетъ быть выдано въ свѣтъ, разумѣется съ разрѣшенія цензуры остальное же не будетъ и не можетъ быть извлеченнымъ

Предосудительныя піесы, написанныя Пушкинымъ въ молодости давно ходили въ спискахъ; если они и найдутся въ его бумагахъ, то въ чернѣ и ходу имѣть никакого не могутъ, оставшись подъ [моею] у меня. Новыхъ такого рода піесъ, кажется нѣтъ; Пушкинъ давно ничего не писалъ подобнаго; по крайней мѣрѣ никто изъ его приближенныхъ ничего объ этомъ не знаетъ. Впрочемъ еслибы и было мною открыто что нибудь новое, то я не дамъ ему никакого хода. Изъ моихъ рукъ выйдетъ только то, что [бу] можетъ быть напечатано, и предоставлено въ цензуру. Что же у меня останется, того никто имѣть въ рукахъ не будетъ и ни одной страницы списать не получитъ. [Это] Въ этомъ могу увѣрить васъ своимъ честнымъ словомъ.

Чтобы прочитать же этихъ рукописей скоро нельзя. И нихъ никто не разберетъ.

IV. Свидѣтельства друзей Пушкина.

Введеніе.—1. Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. Х. Бенкендорфу.—2. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу.—3. Изъ дневника А. И. Тургенева.

Введеніе.

Вліяніе графа А. Х. Бенкендорфа было только одною изъ причинъ, побудившихъ Императора Николая взять назадъ опрометчиво данное Жуковскому приказаніе разобрать бумаги Пушкина и по своему усмотрѣнію уничтожить въ нихъ все предосудительное памяти покойнаго и вредное для общества. Вопреки первоначальной волѣ Государя бумаги были разсмотрѣны въ исключительныхъ условіяхъ, съ принятіемъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности: такъ прочна было увѣренность въ существованіи предосудительныхъ рукописей въ наслѣдіи Пушкина и такъ велика была боязнь возможнаго ихъ распространенія въ обществѣ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и вмѣстѣ съ нимъ Императоръ Николай Павловичъ не вѣрили Жуковскому и не полагались на него: боялись, что онъ не уничтожитъ, а распространитъ такія произведенія Пушкина. Графъ Бенкендорфъ не остановился даже передъ обвиненіемъ Жуковскаго въ похищеніи бумагъ изъ кабинета Пушкина. Трудно повѣрить въ возможность такого обвиненія, но это такъ! Жуковскому пришлось оправдываться противъ злокозненнаго навѣта. Безъ риска ошибиться можно утверждать, что шефъ жандармовъ выдвинулъ это обвиненіе для того, чтобы измѣнить первоначальную волю Государя. Но навѣты Бенкендорфа не ограничились предъявленіемъ обвиненія въ похищеніи бумагъ. Ему нужно было окончательно дискредитировать Жуковскаго и всѣхъ друзей и защитниковъ Пушкина въ глазахъ Государя. Онъ могъ достичь этого испытаннымъ пріемомъ всѣхъ, кто стоитъ во главѣ тайной полиціи. На основаніи донесеній своихъ аген-

товъ онъ утверждалъ, что друзья Пушкина желали воспользоваться похоронами Пушкина и произвести возмущеніе въ народѣ или, выражаясь въ современныхъ терминахъ, устроить противоправительственную демонстрацію. Правда, такое утвержденіе всякому непредубѣжденному человѣку должно казаться нелѣпостью, но «такъ доносили агенты», а кромѣ того Пушкинъ остался Пушкинымъ. По глубокому убѣжденію Бенкендорфа и вмѣстѣ съ нимъ Николая Павловича, Пушкинъ, несмотря на всѣ его слова и дѣйствія, былъ человѣкомъ по меньшей мѣрѣ оппозиціоннымъ правительству, а, возможно, и членомъ невѣдомой тайной политической партіи и во всякомъ случаѣ знаменемъ для лицъ, настроенныхъ враждебно правительству. И въ этомъ пунктѣ Государь повѣрилъ графу Бенкендорфу. Въ результатѣ—поражающія своей безсмысленностью мѣры, принятыя полиціей Бенкендорфа при погребеніи Пушкина. Нельзя не сказать, что дѣйствія Бенкендорфа противъ памяти Пушкина и противъ его друзей были тѣмъ острѣе и интенсивнѣе, должно быть, потому, что ему были извѣстны ходившіе тогда слухи, будто онъ, зная время и мѣсто дуэли, не принялъ мѣръ къ ея устраненію.

Возбуждающій и рѣзко враждебный образъ дѣйствій графа Бенкендорфа привелъ Жуковскаго къ рѣшенію объясниться съ нимъ начисто; защититься противъ всѣхъ на него нападокъ Бенкендорфа и его агентовъ, высказать все, что накопилось у него на душѣ, и показать, что въ той травлѣ, которая издавна велась противъ Пушкина и кончилась его смертью, не послѣдняя роль принадлежала ему, графу А. Х. Бенкендорфу. Жуковскій задумалъ представить шефу жандармовъ подробную записку не безъ тайной—надо думать—надежды на то, что записка станетъ извѣстна Государю. Въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина сохранились черновики этого любопытнаго произведенія Жуковскаго, которое до сихъ поръ было извѣстно лишь по очень краткимъ изъ него выдержкамъ, приведеннымъ въ книгѣ академика А. Н. Веселовскаго о В. А. Жуковскомъ [1]). Ниже мы издаемъ полностью краткую и полную редакцію записки. Въ подлинникѣ записка неизвѣстна, и остается открытымъ вопросъ, была ли она подана Бенкендорфу, и не оказался ли замыселъ Жуковскаго лишь благимъ намѣреніемъ. Въ дневникѣ А. И. Тургенева подъ 8 марта 1837 года читаемъ слѣдующую запись: «Жуковскій читалъ намъ свое письмо къ Бенкендорфу о Пушкинѣ и о поведеніи съ нимъ Государя и Бенкендорфа. Критическое разсмотрѣніе дѣйствій жандармскихъ: онъ закаталъ Бенкендорфу, что Пушкинъ погибъ отъ него,

---

[1]) Акад. А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій. С.-Пб. 1904, стр. 394—398.

что его не пустили ни въ чужіе края, ни въ деревню, гдѣ бы ни онъ, ни его жена не встрѣтили Дантеса. Совѣтовалъ ему не посылать этого письма въ такомъ видѣ». Вѣроятнѣе, пожалуй, Жуковскій послѣдовалъ совѣту А. И. Тургенева.

Несмотря на то, что въ запискѣ выдержанъ условный придворно-свѣтскій тонъ вѣжливости и деликатности, записка очень рѣзка по существу. Жуковскій сумѣлъ понять трагедію жизни Пушкина широко и глубоко. Онъ не останавливается на ближайшихъ обстоятельствахъ, послужившихъ причинами дуэли. Жуковскій говоритъ о томъ предубѣжденіи, которое было противъ Пушкина въ Бенкендорфѣ и, конечно, въ самомъ Николаѣ Павловичѣ. Жизнь Пушкина была окружена всевозможными запрещеніями: ему дѣлали выговоры за переѣзды съ мѣста на мѣсто, за чтеніе трагедіи друзьямъ; ему не разрѣшили ни съѣздить за границу, ни переѣхать на житье въ деревню. Милость Государя, выразившаяся въ разрѣшеніи Пушкину представлять свои произведенія на государеву цензуру, обратилась въ бремя для поэта. Самъ Бенкендорфъ, убѣжденный въ антиправительственномъ настроеніи Пушкина, не далъ себѣ труда хоть разъ побесѣдовать съ нимъ по вопросамъ политическимъ. Но Пушкинъ не заслуживалъ такого къ себѣ отношенія. «Не долженъ ли онъ былъ, спрашиваетъ Жуковскій, необходимо съ тою пылкостію, которая дана была ему отъ природы и безъ которой онъ не могъ бы быть поэтомъ, наконецъ придти въ отчаяніе, видя, что ни годы, ни самый измѣнившійся духъ его произведеній, ничто не измѣнили въ томъ предубѣжденіи, которое разъ навсегда на него упало и, такъ сказать, уничтожило все его будущее?» Жуковскій пишетъ Бенкендорфу о тягостномъ надзорѣ, которымъ онъ, Бенкендорфъ, окружилъ поэта; о раздражительной тягости положенія послѣдняго, объ угнетающемъ чувствѣ, которое грызло и портило жизнь Пушкина и котораго, конечно, не замѣчалъ Бенкендорфъ. Роль, сыгранная Пушкинымъ въ его трагедіи, не есть въ ней самая худшая.

Характеристика положенія Пушкина—самая цѣнная часть письма Жуковскаго, ибо это—показаніе очевидца. Даже онъ, столь склонный затирать въ потокѣ идеализаціи всѣ шероховатости, былъ вытолкнутъ изъ своего безразлично мягкаго и добраго настроенія и вдругъ понялъ то глубокое горе, которое наполняло чашу жизни Пушкина и которое было создано обстановкой, окружавшей поэта. Но въ устройствѣ этой обстановки и самъ Жуковскій принялъ не малое участіе, нерѣдко сковывая волю Пушкина напоминаніями о чувствѣ неблагодарности къ Государю, которымъ могли бы быть объяснены нѣкоторые его поступки.

Оправдывая Пушкина, Жуковскій уступалъ Бенкендорфу молодого Пушкина, автора буйныхъ произведеній безпорядочной молодости, но выдвигалъ противъ него Пушкина тридцатыхъ годовъ, созрѣвавшаго. Весьма любопытно въ устахъ Жуковскаго признаніе Пушкина въ моментъ смерти не зрѣлымъ, а созрѣвавшимъ... Благодаря отеческимъ заботамъ Государя, которыя привели бы въ порядокъ и душу, и жизнь Пушкина, онъ со временемъ произвелъ бы много истинно превосходнаго и сдѣлался бы славной принадлежностью славнаго времени своего Царя и благотворителя—такъ убѣждалъ Бенкендорфа Жуковскій, совершенно не замѣчая того противорѣчія, въ которое онъ впалъ. Онъ раскрылъ сущность жизненной трагедіи Пушкина и показалъ раздражительную тягость его положенія, созданную отеческими заботами графа А. X. Бенкендорфа. Эти отеческія заботы грызли и портили жизнь Пушкина, но Жуковскій не могъ не видѣть, что Бенкендорфъ былъ лишь исполнителемъ воли Николая Павловича. Жуковскій сознавалъ, но, можетъ быть, не имѣлъ силъ признаться въ томъ, что будь Николай Павловичъ дѣйствительно расположенъ къ Пушкину, такимъ отеческимъ заботамъ не было бы мѣста. Еще одно противорѣчіе въ разсужденіяхъ Жуковскаго должно быть отмѣчено для правильной оцѣнки его взгляда на отношенія высшей власти къ поэту. Поборникъ свободы поэтическаго творчества, защитникъ творческой индивидуальности, Жуковскій съ какимъ-то наслажденіемъ говоритъ о томъ, что Николай Павловичъ присвоилъ Пушкина, присвоилъ и душу его, и жизнь. Присвоеніе души—выраженіе просто кощунственное для памяти Пушкина. И врядъ ли у Жуковскаго это выраженіе—только раболѣпство стиля! Тутъ сказывается уже раболѣпство идеаловъ Жуковскаго зрѣлаго возраста.

Выдвигая Пушкина тридцатыхъ годовъ противъ Пушкина двадцатыхъ, Жуковскій набрасываетъ политическое credo Пушкина: Пушкинъ признавалъ самодержавіе необходимымъ условіемъ бытія России, былъ врагомъ іюльской революціи и революціи Польской, отрицалъ принципіально свободу книгопечатанія. Не мѣсто останавливаться здѣсь на правильности такой характеристики Пушкина. Разрозненныя высказыванія, подтверждающія ее, найдутся въ сочиненіяхъ и письмахъ Пушкина, но гораздо важнѣе опредѣлить ихъ дѣйственность, ихъ удѣльный вѣсъ въ политическомъ міросозерцаніи и настроеніи Пушкина. Нельзя не отмѣтить, что подтвержденіе, приводимое Жуковскимъ въ доказательство перваго своего положенія,—ссылка на письмо къ Чаадаеву—не очень состоятельно. Изъ заявленія Пушкина, что онъ не хотѣлъ бы имѣть для Россіи исторіи иной, кромѣ существующей, еще нельзя вывести признанія существующаго строя необхо-

димымъ условіемъ бытія. Но получилось бы впечатлѣніе, неожиданное и сильное, если бы Жуковскій вмѣсто глухой ссылки на письмо Чаадаева процитировалъ бы изъ него слѣдующія строки: «Хотя я лично сердечно привязанъ къ Императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель, я раздраженъ; какъ человѣкъ съ предразсудками, я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторіи нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ». И еще: «Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе»[1]).

Въ оцѣнкѣ записки Жуковскаго нельзя не присоединиться къ академику А. Н. Веселовскому. «Цѣнность этого документа,—говоритъ онъ,—опредѣляется его назначеніемъ; онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрить въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и безсознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелямъ: все, что входило въ кругъ его симпатіи, выростало или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій зналъ своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ. Эти цѣли выяснились для Жуковскаго изъ того ограниченнаго круга идей, въ которыхъ онъ выросъ и созрѣлъ и которыя начинаетъ приводить въ систему»[2]).

Съ точки зрѣнія интересовъ Жуковскаго и друзей Пушкина важна въ запискѣ какъ разъ вторая часть, въ которой подвергнута критикѣ дѣятельность полиціи, послѣ кончины Пушкина, у его гроба и выяснена полная нелѣпость полицейскихъ предположеній о заговорѣ на демонстрацію, которую будто бы собирались устроить друзья покойнаго. Жуковскій съ необыкновенной обстоятельностью разбираетъ обвиненіе, выдвинутое противъ него и друзей Пушкина. Для насъ эта часть письма не имѣетъ большого значенія.

---

[1]) Письмо Пушкина къ Чаадаеву (см. «Переписку Пушкина», изд. Акад. Наукъ, т. III, № 1083, стр. 387 и сл.) сохранилось въ бумагахъ Пушкина и напечатано впервые въ «Русскомъ Архивѣ» за 1884 годъ (см. также «Бумаги А. С. Пушкина». Вып. II, изд. П. И. Бартенева).

[2]) Назв. соч., стр. 397.

Съ запиской Жуковскаго надо сопоставить письмо князя П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу, письмо, которое мы печатаемъ вслѣдъ за запиской Жуковскаго. Одни и тѣ же побужденія руководили и Вяземскимъ, и Жуковскимъ: важно было защитить и охранить память Пушкина, важно было реабилитировать вмѣстѣ съ Пушкинымъ и себя. Вяземскій писалъ Михаилу Павловичу, конечно, въ надеждѣ, что онъ доведетъ содержаніе письма до свѣдѣнія Государя. Недалекимъ отъ истины будетъ предположеніе, что Вяземскій работалъ надъ своимъ письмомъ совмѣстно съ Жуковскимъ. Характеристика политическихъ взглядовъ Пушкина, сдѣланная Вяземскимъ, совершенно совпадаетъ съ характеристикой Жуковскаго. Иногда совпадаютъ даже подробности: подобно тому, какъ Жуковскій указываетъ, что Бенкендорфъ не удостоивалъ его разговоромъ на политическія темы, и Вяземскій пишетъ, что Бенкендорфъ не удостоилъ его разговоромъ хоть бы на четверть часа о его убѣжденіяхъ. Сходны разсужденія князя Вяземскаго и Жуковскаго о мѣрахъ, принятыхъ полиціей, и т. д.

Для характеристики взглядовъ Пушкина письмомъ Вяземскаго должно пользоваться съ такою же осторожностью, какая требуется и отъ изслѣдователей, желающихъ опираться на записку Жуковскаго.

Цѣнность письма Вяземскаго—не въ повѣствованіи объ обстоятельствахъ похоронъ Пушкина и не въ характеристикѣ его взглядовъ, а въ историческомъ очеркѣ роковой дуэли. Для историка дуэли описаніе Вяземскаго является источникомъ первостепеннаго значенія.

1.

Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. Х. Бенкендорфу (февраль-мартъ 1837 года).

А. Первая редакція.

Этотъ черновикъ написанъ собственноручно Жуковскимъ на зеленоватой почтовой бумагѣ большого формата со штампою НИПБФ; занимаетъ одинъ цѣлый листъ и 3 страницы другого. Страницы перемѣчены очевидно Жуковскимъ же; помѣта начинается съ цифры 3. Орѳографія Жуковскаго соблюдается; знаки препинанія кое-гдѣ поставлены мною. Слова зачеркнутыя приводятся въ прямыхъ скобкахъ. Разногласія чисто стилистическаго характера, не имѣющія рѣшительно никакого значенія для содержанія, не воспроизводятся.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичъ

Генералъ Дубельтъ безъ сомнѣнія словесно доложилъ Вашему сіятельству о дѣйствіяхъ нашихъ въ разсматриваніи бумагъ Пушкина. До сихъ поръ въ письмахъ, адресованныхъ къ покойному и прочтенныхъ самимъ Генераломъ Дубельтомъ, не найдено совершенно ничего такого, на что бы правительство могло обратить вниманіе, [хотя]. Мы начали съ лицъ [или] которые были въ особенной [могли бы] связи съ Пушкинымъ и особенно [замѣчены] извѣстны правительству, съ писемъ Рылѣева, Кюхельбекера, барона Дельвига, князя Вяземскаго и моихъ (сіи послѣднія Генералъ Дубельтъ прочиталъ; они по моему желанію сшиты въ четыре тетради и закрѣплены казенными печатями и могутъ быть во всякое время представлены для прочтенія]; но въ этихъ письмахъ не нашлось ничего такого, что могло бы потребовать дальнѣйшаго изслѣдованія. Въ иныхъ есть выраженія шуточныя, вольныя, весьма много, весьма мало значущія, смотря по тому какъ будешь ихъ изъяснять. Если смѣю здѣсь [выразить] сказать искренно свое мнѣніе, то подобныя *выраженія*, вырывающіяся по большей части безъ всякихъ [мыслей] особенныхъ намѣреній, въ свободѣ переписки, такъ же точно какъ и въ свободѣ разговора, не стоютъ того, чтобы правительство на нихъ обращало вниманіе. Такаго рода инквизиція производитъ только обоюдное раздраженіе, весьма ненравственнымъ образомъ дѣйствуетъ на общество, изъ котораго изчезаетъ всякое спокойствіе, всякая взаимная вѣра, и пугая правительство призраками, заставляетъ его видѣть враговъ и тайные вредные замыслы тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало, ничего не устраняетъ, напротивъ сама приводитъ ту вражду, которую отразить думаетъ, и своими по большей части ни на чемъ не основанными, [часто оскорбительными] опасеніями [производитъ и въ самыхъ честныхъ людяхъ раздраженіе и во всякомъ случаѣ] оскорбляетъ и честныхъ людей, стоющихъ довѣренность, и пылкихъ, но благородныхъ или, что еще хуже, основанными на толкованіяхъ пристрастныхъ и несправедливыхъ, только тревожитъ и сердитъ умы и, обнаруживая передъ ними какую-то безпокойную робость, невольно и ихъ заставляетъ бояться чего-то имъ неизвѣстнаго [или думать что Правительство въ опас. страшится]. Такого рода общее, неопредѣленное безпокойство, въ умахъ производимое, есть состояніе вредное: [отъ него заражаются въ обществѣ тайныя болѣзни] оно, какъ гнилой воздухъ, портитъ кровь и всю конституцію общества и производитъ

наконецъ тѣ сильныя болѣзни, оканчивающіяся или разрушеніемъ, или долгимъ выздоровленіемъ. Простите, что все это говорю: то что случилось въ послѣднее время по (нерзб. слово) смерти Пушкина [и та работа, которая теперь меня занимаетъ] произвело во мнѣ эти мысли. Сообщая ихъ Вашему Сіятельству безъ всякой закрышки, я доказываю тѣмъ мое искреннее уваженіе къ Вашему характеру. Пушкинъ умираетъ, убитый на дуэли; [весьма естественно] что произвело эту дуэль о томъ ни слова; скажу только, что роль, такъ бѣдственно [конченная] сыгранная Пушкинымъ въ его [дѣлѣ] трагедіи, не есть въ ней самая худшая; Пушкинъ былъ выведенъ изъ себя, потерялъ голову и заплатилъ за это дорого. Съ его стороны было одно бѣшенство обезу[мѣвшей?] ревности; съ другой стороны напротивъ былъ и вѣтренный и злонамѣренный развратъ. Но до этого нѣтъ дѣла. Теперь хотятъ видѣть въ обществѣ двѣ партіи, изъ коихъ одна стоитъ за Геккерна, другая за Пушкина. [Какъ можно быть какой-нибудь партіи]. Какъ можно думать о Геккернѣ, потерявъ Пушкина. Что намъ русскимъ до Геккерна; кто у насъ будетъ знать, что онъ когда-нибудь существовалъ, кто можетъ полагать его . . . . (нерзб.). Пушкинъ—потеря для цѣлой Россіи; онъ погибъ въ цвѣтѣ жизни, имѣлъ геній, какихъ не много и какіе родятся рѣдко. Этотъ геній только что пришелъ въ силу; благодаря Государю, котораго [довѣренность] отеческія заботы [и милости] подняли [душу] его изъ подъ гнѣта судьбы (имъ самимъ на себя навлеченной), примирили съ прошедшимъ, и наконецъ привели бы въ порядокъ и душу его и жизнь, онъ произвелъ бы со временемъ много истинно превосходнаго и здѣлался бы славною принадлежностію [его времени] славнаго времени своего Царя и благотворителя. Этотъ Пушкинъ погибъ для Россіи. По привычкѣ, указывая на нѣкоторыя буйныя произведенія его безпорядочной молодости, его называютъ демагогическимъ писателемъ, мутителемъ народа (забывая, что онъ съ тѣхъ поръ какъ Государь подалъ ему руку, не написалъ ничего подобнаго изключая нѣсколько злыхъ эпиграммъ и нѣсколькихъ выходокъ противъ литературныхъ враговъ, не стоившихъ его вниманія и клеветавшихъ на него въ тайнѣ. Но въ эпиграммахъ нѣтъ грѣха противъ правительства; [лучше ихъ не писать согласенъ] и тотъ еще не бунтовщикъ, кто [скажетъ на чье-либо лицо] оскорбителю своему отмстить забавною и острою насмѣшкою. Недостойно бы правительства вмѣшиваться въ эти личныя домашнія ссоры частныхъ людей [и на нихъ основывать].

Но какъ писатель Пушкинъ не демагогическій, а національный писатель, то есть выразившій въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ то что любезно сердцу русскому: Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра великаго,

ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи и многія другія написаны имъ при нынѣшнемъ Государѣ, это его послѣднія [сочиненія. И во всѣхъ виденъ иной духъ. Между тѣмъ все говоря] творенія, по нимъ и слѣдуетъ теперь судить его. Не смотря на то, по старому одинъ разъ навсегда укоренившемуся предубѣжденію, говоря о Пушкинѣ, все указываютъ на оду ко *Свободѣ*, на *Кинжалъ*—написанные имъ (въ то время когда Зандъ убилъ Коцебу) въ 1820, и выставляютъ 20 лѣтняго Пушкина, чтобъ осуждать 36 лѣтняго. Смѣю увѣрить, что въ послѣдніе годы онъ ничего [въ предосудительномъ] возмутительнаго не только не написалъ, но и про себя [въ этомъ родѣ не] не думалъ. Я зналъ его образъ мыслей. Въ сужденіяхъ политическихъ онъ, какъ ученикъ Карамзина, признавалъ *самодержавіе* необходимымъ условіемъ бытія и безопасности Россіи; былъ почти фанатическій врагъ польской революціи; и ненавидѣлъ революцію французскую: чему послѣднему доказательство нашелъ я еще недавно въ письмахъ его къ женѣ. Но предубѣжденіе, разъ укоренившись, не уступитъ и очевидности. А здѣсь многое способствовало ему сохраниться. Множество піесъ самыхъ предосудительныхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего похожаго на слогъ Пушкина (какъ напримѣръ отвратительная піеса, въ которой описывается его первая ночь), ходило подъ именемъ Пушкина; литтературные враги низкаго класса не дремали, и многіе изъ нихъ чернили его доносами, и самъ онъ—надобно признаться—иногда поступалъ неосторожно или безпорядочно. Въ одинъ пріемъ (?) изъ Демона не передѣлать (?) въ ангела. Но все Пушкинъ послѣднихъ годовъ уже былъ не прежній Пушкинъ; на немъ уже лежала печать благотворенія Его Государя: хотя еще и былъ онъ стѣсненъ строгимъ высшимъ присмотромъ, который не можетъ не быть тягостнымъ, сколь бы впрочемъ ни былъ кротокъ, но онъ уже начиналъ чувствовать, что заботливость о немъ обращалась въ довѣренность; [столь спаси, благотворную, столь цѣлительную для всякой души благородной] и эта довѣренность своею магическою силой начинала залѣчивать, возвышать и животворить его душу. И если бы непреодолимый порывъ гибельныхъ обстоятельствъ, вдругъ взолновавшихъ его пылкія страсти, не уничтожилъ [сего мирнаго] всего однимъ ударомъ, душа его наконецъ бы просвѣтлѣла и его Геній вспыхнулъ бы съ новой силой къ [чести] славѣ русскаго Царя и [его вѣка] нашего времени. Этотъ Пушкинъ вдругъ погибъ. [Весьма естественно что] Государь постигнулъ эту потерю, какъ личный благотворитель и создатель своего поэта, какъ представитель своего народа и въ то же время какъ образецъ и блюститель народной нравственности; какъ онъ выразился въ эту печальную минуту, этого я никогда

не забуду и благодарю Бога, что я былъ ея свидѣтель; это была одна изъ тѣхъ высокихъ минутъ жизни, въ которыя чувствуешь все благородство и высокое назначеніе души человѣческой; эта минута познакомила меня съ душой моего Государя.

Б. Вторая редакція.

Вторая редакція сохранилась въ черновикѣ, сплошь писанномъ рукою Жуковскаго, и въ переписанной съ него писцомъ копіи съ исправленіями автора.

Черновикъ, писанный весь рукою Жуковскаго,—на клѣтчатой бумагѣ частью синеватаго, частью желтоватаго цвѣта. Текстъ занимаетъ одну половину страницы, другая оставлена для исправленій, которыхъ не мало. Часть записки, соотвѣтствующая у насъ вступленію и 1-ой части, помѣщается въ черновикѣ на 3 полныхъ листахъ бумаги; 2-ая часть записки находится на 5 полулистахъ, исписанныхъ не вдоль, а поперекъ: 4 полулиста заполнены сплошь, а 5-го полулиста—только начало страницы. Черновики заключены въ листъ клѣтчатой почтовой бумаги большого формата.

Черновикъ былъ переписанъ писцомъ на 19 листахъ писчей бумаги четкимъ почеркомъ. Копія подверглась новымъ исправленіямъ Жуковскаго, сначала карандашомъ, а затѣмъ по карандашу чернилами.

Мы печатаемъ текстъ собственноручнаго черновика Жуковскаго, сообщая въ прямыхъ скобкахъ всѣ зачеркнутыя строки и слова. Въ примѣчаніяхъ указываемъ всѣ разночтенія и особенности бѣловой, переписанной писцомъ копіи; всѣ указанія, находящіяся въ примѣчаніяхъ, за исключеніемъ случаевъ оговоренныхъ, имѣютъ въ виду только текстъ копіи. Копія не закончена перепиской, такъ же, какъ и исправленіями.

[Дѣло возложенное на меня Государемъ Императоромъ кончено: бумаги Пушкина разобраны].

Генералъ Дубельтъ донесъ и[1]) я съ своей стороны почитаю обязанностію такъ же донести[2]) Вашему Сіятельству, что мы кончили дѣло, на насъ возложенное, и что бумаги Пушкина всѣ разобраны. *Письма* партикулярныя прочтены однимъ Генераломъ Дубельтомъ и отданы мнѣ для разсылки по принадлежности; рукописныя *Сочиненія,* оставшіяся по смерти Пушкина, по возможности приведены въ порядокъ; [тѣ, что можно было сшить] нѣкоторыя рукописи[3]) были сшиты въ тетради, занумерены и скрѣплены

[1]—[2]) Фраза, заключающаяся между этими словами, зачеркнута карандашомъ.
[3]) Изъ сихъ рукописей.

печатью; переплетенныя книги съ черновыми сочиненіями и отдѣльные листки, изъ коихъ нельзя было сдѣлать тетрадей, просто занумерены. Казенныхъ бумагъ не нашлось никакихъ. Корбова[1]) рукопись, о коей писалъ графъ Нессельродъ, вѣроятно отыщется въ библіотекѣ, которую [скоро я разобрать намѣренъ] на сихъ дняхъ будетъ разобрана[2]). Сверхъ означенныхъ рукописей нашлись рукописныя старинныя книги, коихъ [мы не сочли нужнымъ] не было никакой нужды разсматривать; [имъ сдѣланъ особый реестръ] онѣ принадлежатъ библіотекѣ. Всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ былъ веденъ протоколъ, извлеченіе изъ коего, содержащее въ себѣ полный реестръ бумагамъ Пушкина, Генералъ Дубельтъ представилъ Вашему Сіятельству.

Приступая къ [изданію] напечатанію полнаго собранія сочиненій Пушкина и взявъ на себя обязанность издать на нынѣшній годъ въ пользу его семейства четыре книги Современника, я долженъ имѣть предъ глазами манускрипты Пушкина и[3]) прошу позволенія ихъ у себя оставить [при на томъ условіи чтобы] съ обязательствомъ не выпускать ихъ (изъ) своихъ рукъ, и не [дѣлать] позволять списывать ничего, кромѣ единственно того, что [выберу самъ для напечатанія съ разрѣшенія цензуры] будетъ выбрано мною самимъ для помѣщенія въ Современникѣ и въ полномъ изданіи Сочиненій Пушкина съ одобренія Цензуры. Сіи манускрипты, занумеренные, записанные въ протоколъ и въ особый реестръ, всегда будутъ у меня на лицѣ, и я всякую минуту буду готовъ представить ихъ на разсмотрѣніе правительства[4]). Хотя я теперь послѣ [строгаго] внимательнаго разбора вполнѣ убѣжденъ, что между сими [бумагами] рукописями ничего предосудительнаго памяти Пушкина и вреднаго [читателю] обществу не находится, но для собственной безопасности напередъ[5]) протестую[6]) передъ Вашимъ Сіятельствомъ противъ всего, что можетъ современемъ, какъ то бывало часто и прежде, распущено быть въ манускриптахъ подъ именемъ Пушкина. Если бы паче чаянія и нашлось въ бумагахъ его что-нибудь предосудительное, то я разнощикомъ[7]) такого рода сочиненій не буду, и

---

[1]—[2]) Эта фраза, по исправленіи тутъ же въ бѣловой копіи, читается: «Я думалъ, что Корбова рукопись, о коей писалъ графъ Нессельродъ, отыщется въ библіотекѣ, на сихъ дняхъ разобранной, но она въ ней не нашлась.

[3]—[4]) Въ копіи весь отдѣлъ между этими словами перечеркнутъ и замѣненъ такъ: «манускрипты, которые у меня по повелѣнію Государя Императора и оставлены».

[5]—[6]) полагаю необходимымъ напередъ протестовать.

[7]) испр.: раздавателемъ.

списка ихъ никому не дамъ.— Въ[1]) этомъ[1]) увѣряю[1]) одинъ разъ навсегда, а все противное этому одинъ разъ навсегда отвергаю. Такую предосторожность почитаю необходимою тѣмъ болѣе, что на меня уже былъ сдѣланъ самый нелѣпый доносъ. [Вамъ] Было сказано, что три пакета были вынесены мною изъ горницы Пушкина[2]). При малѣйшемъ разсмотрѣніи обстоятельствъ такое обвиненіе должно бы было оказаться невѣроятнымъ [и недостойнымъ вниманія]. Пушкинъ былъ [раненъ въ 5 ч.] привезенъ въ шесть часовъ послѣ обѣда домой, 27 числа Генваря. 28-го въ десять часовъ утра Государь Императоръ благоволилъ поручить мнѣ запечатать кабинетъ Пушкина (предоставивъ мнѣ самому сжечь все что найду предосудительнаго въ бумагахъ). Итакъ похищеніе могло произойти только въ премежутокъ между 6 часовъ 27-го числа и 10 часовъ 28 числа. Съ этой же поры, т.е. съ той минуты какъ на меня возложено было сбереженіе бумагъ, всякая утрата ихъ сдѣлалась невозможною. Или мнѣ самому надлежало сдѣлаться похитителемъ, вопреки повелѣнія Государя и моей совѣсти. Но и это во первыхъ было бы не нужно; ибо все ввѣрено было мнѣ и я имѣлъ позволеніе сжечь все то, что нашелъ бы предосудительнымъ: на что же похищать то, что уже мнѣ отдано; во вторыхъ, невозможно (если бы впрочемъ я и былъ на то способенъ); ибо чтобы взять бумаги, надобно знать, гдѣ лежатъ онѣ; это могъ сказать одинъ только Пушкинъ; а Пушкинъ умиралъ. Замѣчу здѣсь однако, что я бы первый исполнилъ его желаніе, еслибы онъ (прежде нежели я получилъ повелѣніе, данное Государемъ, опечатать бумаги) самъ поручилъ мнѣ отыскать какую бы то ни было бумагу, ее уничтожить или кому-нибудь доставить. Кто же подобныхъ препорученій умирающаго не исполнитъ свято, какъ завѣщаніе? Это даже и случилось: онъ велѣлъ доктору Спасскому вынуть какую то его рукою написанную бумагу изъ ближняго ящика, и ее сожгли передъ его глазами; а Данзасу велѣлъ найти какой-то ящичекъ и взять изъ него находившуюся въ немъ цѣпочку. Болѣе никакихъ распоряженій онъ не дѣлалъ и не былъ въ состояніи дѣлать. Итакъ какія бумаги, гдѣ лежали, узнать было и неможно и некогда. Но я услышалъ отъ Генерала Дубельта, что Ваше Сіятельство получили извѣстіе о похищеніи трехъ пакетовъ отъ лица довѣреннаго (de haute volée). Я тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Это довѣренное лицо могло подсмотрѣть за мною только въ *гостиной*, а не въ *передней*[3]), въ которую вела запеча-

---

[1]) Это объявляю.

[2]) Послѣ этого въ копіи еще читается: хотя я это и объяснилъ уже словесно Вашему Сіятельству, но почитаю нелишнимъ то же самое повторить и письменно.

[3]) Конецъ фразы со словъ «а не въ передней» былъ въ копіи сначала зачеркнутъ, потомъ возстановленъ.

танная дверь изъ кабинета Пушкина, гдѣ стоялъ гробъ его и гдѣ бы мнѣ трудно было дѣйствовать безъ свидѣтелей. Въ гостинной же точно въ шляпѣ моей можно было подмѣтить не три пакета, а пять; жаль[1]) только, что неизвѣстное мнѣ довѣренное лицо [предположивъ напередъ похищеніе, не спросило меня самого] не подумало, если не объясниться со мною лично, что конечно не въ его ролѣ, то хотя для себя узнать какія-нибудь подробности, а поспѣшило такъ жадно убѣдиться въ похищеніи и обрадовалось случаю выставить передъ правительствомъ свою зоркую наблюдательность на счетъ моей чести и своей совѣсти. Эти пять пакетовъ[2]) были просто оригинальныя письма Пушкина писанныя имъ къ его женѣ [съ самой первой минуты его съ нею знакомства, запечатанныя по годамъ въ пакеты] которыя она сама вызвалась дать мнѣ прочитать; [сперва дала мнѣ пять пакетовъ, потомъ еще два]; я ихъ привелъ въ порядокъ, сшилъ въ тетради и возвратилъ ей. Пакетовъ же[3]) къ счастію не разорвалъ и они могутъ теперь служить [мнѣ доказательствомъ] убѣдительными свидѣтелями всего сказаннаго мною[4]). Само по себѣ разумѣется, что такія письма, мнѣ ввѣренныя, не могли принадлежать къ тѣмъ бумагамъ, кои мнѣ приказано было разсмотрѣть. [Да ихъ] впрочемъ и представлять было бы не нужно: всѣ они были читаны [къ чему доказательствомъ послужило то] въ чемъ убѣдило меня то, что между ними нашлось именно то письмо, изъ котораго за годъ предъ тѣмъ нѣкоторыя мѣста были представлены Государю Императору и навлекли на Пушкина гнѣвъ Его Величества, потому что въ отдѣльности своей представляли совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой имѣли въ самомъ письмѣ въ совокупности съ цѣлымъ[5]). Этотъ случай мнѣ особенно памятенъ, потому что мнѣ была показана Вашимъ Сіятельствомъ эта выписка; я тогда объяснилъ се на угадъ и теперь, по прочтеніи самаго письма, вижу, что моя догадка меня не обманула.

[Ваше Сіятельство знаете, что я уважаю Вашъ благородный характеръ].

---

[1]—[2]) Фразы между этими словами зачеркнуты и замѣнены такъ: «Жаль, что неизвѣстный мой обвинитель вмѣсто того, чтобы съ такою жадностью признать меня похитителемъ, не спросилъ у меня просто, что у меня въ шляпѣ? Онъ бы узналъ отъ меня, что эти пять пакетовъ»

[3]) вставлено: надписанныхъ ея рукою.

[4]) Злосчастные конверты съ письмами Натальи Николаевны, доставившіе столько непріятностей Жуковскому, были сохранены имъ и находятся сейчасъ въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина (см. «Описаніе» Б. Л. Модзалевскаго, отд. отт., стр. 26, Документы изъ бумагъ В. А. Жуковскаго, № 33).

[5]) предыдущимъ и послѣдующимъ.

Не имѣю нужды увѣрять Ваше Сіятельство въ томъ уваженіи, которое (несмотря на многое мнѣ лично горестное) я имѣю къ Вашему благородному характеру. Въ[1]) этомъ Вы сами должны быть увѣрены[2]). Новымъ[3]) доказательствомъ моего къ Вамъ чувства[4]) пускай послужитъ та искренность съ которою говорить съ Вами намѣренъ. Такому человѣку, какъ Вы, она ни оскорбительна, ни даже непріятна быть не можетъ.

I.

Сперва буду говорить о самомъ Пушкинѣ. Смерть его все обнаружила и несчастное предубѣжденіе, которое наложили на всю жизнь его буйные годы первой молодости и которое давило пылкую душу его до самаго гроба, теперь должно, и къ несчастію слишкомъ поздно, уничтожиться передъ явною очевидностію. Мы разобрали его всѣ бумаги. Полагали, что въ нихъ найдется много новаго, писаннаго въ духѣ враждебномъ противъ правительства, и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашлись бумаги, разительно доказывающія совсѣмъ иной образъ мыслей: это[5]) особенно выразилось въ его письмѣ[6]) къ Чаадаеву, [хоть написанномъ] которое онъ повидимому хотѣлъ послать не по почтѣ, но не послалъ[7]) вѣроятно по той причинѣ, что онъ не желалъ своими опроверженіями оскорблять пріятеля, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ Государя. Однимъ словомъ новаго предосудительнаго не нашлось ничего и не могло быть найдено[8]). Старое, писанное въ первой молодости, то именно, около чего вертѣлись[9]) всѣ предубѣжденія, на немъ лежавшія, все, какъ видно, было имъ самимъ уничтожено; [нѣтъ (сколько можно судить теперь)] въ бумагахъ его не осталось и черновыхъ рукописей. Онъ самъ про себя осудилъ свою молодость и произвольно истребилъ, для самого себя несчастные[10]) слѣды ея. Что же изъ сего слѣдуетъ заключить? Не то ли, что Пушкинъ въ послѣдніе годы свои былъ совершенно не тотъ, какимъ видѣли его въ первые? Но таково ли было объ немъ Ваше мнѣніе? Я перечиталъ всѣ письма, имъ отъ Вашего Сіятель-

---

[1]—[2]) Вычеркнута вся фраза.

[3]—[4]) Замѣнено: «Доказательствомъ сего уваженія».

[5]—[6]) Замѣнено: «особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное письмо».

[7]) въ чрнв. осталось неисправленнымъ: не посланному.

[8]) прибавлено: въ чемъ я былъ напередъ увѣренъ, зная каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы.

[9]) сосредоточивались.

[10]) нечистые.

ства полученныя: во всѣхъ нихъ, долженъ сказать, выражается благое намѣреніе. Но сердце мое сжималось при этомъ чтеніи. Во всѣ эти двѣнадцать лѣтъ, прошедшіе съ той минуты, въ которую Государь такъ великодушно его присвоилъ, его положеніе не перемѣнилось; онъ все былъ, какъ буйный мальчикъ, которому страшишься[1]) дать волю, подъ строгимъ, мучительнымъ[2]) надзоромъ. Всѣ формы этого надзора были благородныя: ибо отъ Васъ оно не могло быть иначе. Но надзоръ все надзоръ. [А годы между тѣмъ] Годы проходили; Пушкинъ созрѣвалъ; умъ его остепенялся. А прежнее противъ него предубѣжденіе, не замѣчая внутренней нравственной перемѣны его, было тоже и тоже. Онъ написалъ «Годунова», «Полтаву», свои оды «Къ Клеветникамъ Россіи», «На взятіе Варшавы» т. е. все свое лучшее, принадлежащее нынѣшнему царствованію, а въ сужденіи объ немъ все указывали на его оду *«Къ Свободѣ», «Кинжалъ»*, написанный въ 1820 году; въ 36-лѣтнемъ Пушкинѣ видѣли все 22-лѣтняго. Ссылаюсь на Васъ самихъ, такое положеніе могло ли не быть огорчительнымъ? Къ несчастію, оно и не могло быть иначе. Вы на своемъ мѣстѣ не могли слѣдовать за тѣмъ, что дѣлалось внутри души его[3]). Но подумайте сами, каково было бы Вамъ, когда бы Вы въ зрѣлыхъ лѣтахъ были обременены такою сѣтью, видѣли каждый шагъ Вашъ истолкованнымъ предубѣжденіемъ, не имѣли возможности произвольно перемѣнить мѣсто безъ навлеченія на себя [выговора] подозрѣнія или укора. Въ Вашихъ письмахъ нахожу выговоры за то, что Пушкинъ поѣхалъ въ Москву[4]), что Пушкинъ поѣхалъ въ Арзрумъ. Но

---

[1]) Замѣнено: опасно.

[2]) Замѣнено: непрестаннымъ.

[3]) Слѣдующая за симъ фраза зачеркнута, но за то есть слѣдующее добавленіе: «Вы матеріально на это не имѣли времени и должны были, основываясь на мнѣніи, разъ утвердившемся, дѣйствовать все въ одномъ смыслѣ; само по себѣ разумѣется, что всякое донесеніе на Пушкина, отъ существовавшаго противъ него предубѣжденія, должно было казаться вѣроятнымъ; а Пушкинъ имѣлъ враговъ, между коими были и литтературные враги, весьма дѣятельные на клеветы всякаго рода [и сверхъ того доступныя людямъ . . . . (нрзб.) тайною полиціею] и дѣйствовавшіе такимъ оружіемъ, котораго Пушкинъ самъ употребить противъ нихъ не былъ въ состояніи. Ваше Сіятельство не могли ни замѣтить, ни облегчить того чувства, которое въ такомъ положеніи грозило душѣ Пушкина и отравляло жизнь его; Вамъ даже и понять такого положенія невозможно. Вы дѣлали свои выговоры съ благонамѣреніемъ и тотчасъ о нихъ забывали, переходя отъ нихъ къ вашимъ важнымъ занятіямъ; а эти выговоры, для Васъ столь маловажные и составлявшіе одну незамѣтную для Васъ минуту, опредѣляли для Пушкина его жизнь. Напримѣръ въ Вашихъ письмахъ нахожу выговоръ за то», и такъ далѣе, какъ въ черновикѣ.

[4]) дальше было написано и затѣмъ зачеркнуто: «въ Арзрумъ».

какое же это преступленіе? Пушкинъ хотѣлъ поѣхать въ деревню на житье, чтобы заняться на покоѣ литературой, ему было въ томъ отказано подъ[1]) тѣмъ видомъ, что онъ служилъ, а дѣйствительно потому что не вѣрили, [чтобы онъ]. Но въ чемъ же была его служба? Въ томъ единственно, что онъ былъ причисленъ къ Иностранной коллегіи. Какое могло быть ему дѣло до Иностранной коллегіи? Его служба была его перо, его Петръ Великій, его поэмы, его произведенія, коими[2]) бы ознаменовалось нынѣшнее славное время? Для такой службы нужно свободное уединеніе. Какое спокойствіе[3]) могъ онъ имѣть съ своею пылкою, огорченною душой, съ своими стѣсненными домашними обстоятельствами, посреди того свѣта [къ которому былъ прикованъ необходимостію], гдѣ все тревожило его суетность, гдѣ было столько раздражительнаго для его самолюбія, гдѣ, наконецъ, тысячи презрительныхъ сплетней, изъ сѣти которыхъ не имѣлъ онъ возможности вырваться, погубили его. Государь Императоръ назвалъ себя его цензоромъ. Милость великая, особенно драгоцѣнная потому, что въ ней обнаруживалось[4]) все личное благоволеніе къ нему Государя. Но скажу откровенно, эта милость поставила Пушкина въ самое затруднительное положеніе. Легко ли было безпокоить ему Государя всякою мелочью, написанною имъ для помѣщенія въ какомъ-нибудь журналѣ? На многое, замѣченное Государемъ, не имѣлъ онъ возможности, дѣлать объясненій; до того ли Государю, чтобы ихъ выслушивать? И могъ ли вскорѣ[5]) рѣшиться на то Пушкинъ?[6]) А если [четыре] какіе-нибудь мелкіе стихи его появились напечатанными въ Альманахѣ (разумѣется съ вѣдома цензуры), это ставилось ему въ вину, въ этомъ видѣлись непослушаніе и буйство, [и Вы] Ваше Сіятельство дѣлали ему словесные или письменные выговоры[7]), а вина его состояла или въ томъ, что онъ съ такою мелочью не счелъ нужнымъ итти къ Государю и отдавалъ ее просто на судъ общей для всѣхъ цензуры (которая конечно къ нему не была благосклоннѣе нежели къ другимъ) или въ томъ, что стихи его, ходившіе по рукамъ въ рукописи, были напечатаны безъ его

---

[1]) Конецъ фразы такъ: «ибо онъ считался на службѣ».

[2]) это предложеніе въ такомъ видѣ: кои бы придавали новую славу нашему славному времени.

[3]) уединеніе вм. зачеркнутаго спокойствіе.

[4]) Замѣнено словомъ «выразилось».

[5]—[6]) Слово вскорѣ прочитано приблизительно. Эта фраза зачеркнута и вмѣсто нея читаемъ: И могъ ли Пушкинъ осмѣлиться представлять на благоусмотрѣніе Государя то, что всякую минуту безъ всякаго затрудненія могла и должна была принимать отъ него обыкновенная цензура?

[7]) Замѣнено словомъ «замѣчанія».

вѣдома, но такъ же съ одобренія цензуры (какъ то случилось съ этими несчастными стихами къ Лукуллу, за которые не одни Вы, но и всѣ друзья его жестоко ему упрекали). Замѣчу здѣсь однако, что злонамѣреннѣе этихъ стиховъ къ Лукуллу онъ не написалъ ничего, съ тѣхъ поръ какъ Государь Императоръ такъ благотворно обратилъ на него свое вниманіе. За то весьма часто ему было приписываемо чужое, какъ бы оно впрочемъ ни было нелѣпо[1]). Но[2]) что же эти стихи къ Лукуллу? Злая эпиграмма на лице, даже не пасквиль, ибо здѣсь нѣтъ имени. Пушкинъ хотѣлъ отомстить ею за какое-то личное оскорбленіе; не[4]) оправдываю его нравственности[5]), но тутъ еще нѣтъ ничего возмутительнаго противу правительства. И какое дѣло правительству до эпиграммы на лица? Даже и для того, кто оскорбленъ такою эпиграммой, всего благоразумнѣе не узнавать себя въ ней. Острота ума не есть государственное преступленіе. Могу указать на многихъ окружающихъ Государя Императора и заслуживающихъ его довѣренность, которые не скупятся на эпиграммы; правда, эти эпиграммы безъ риѳмъ и неписанныя, но за то онѣ повторяются въ обществѣ словесно (на что уже нѣтъ никакой цензуры) и именно отъ того врѣзываются глубже въ память[3]). Наконецъ въ одномъ изъ писемъ Вашего Сіятельства нахожу выговоръ за то, что Пушкинъ въ нѣкоторыхъ обществахъ читалъ свою трагедію, прежде нежели она была одобрена. Да что же это за преступленіе? Кто изъ писателей не сообщаетъ своимъ друзьямъ своихъ произведеній для того, чтобы слышать ихъ критику? Неужели же онъ долженъ до тѣхъ поръ, пока его произведеніе еще не позволено офиціально, самъ считать его не позволеннымъ? Чтеніе ближнимъ есть одно изъ величайшихъ наслажденій для писателя. Всѣ позволяли себѣ его[6]), оно есть дѣло семейное, тоже что разговоръ, что переписка. Запрещать его есть тоже, что запрещать мыслить[7]), [думать про себя, дышать] и прочее. Такого[8]) рода запрещенія вредны потому именно, что они безполезны, раздражительны и никогда исполнены быть не могутъ.

---

[1]) Дальше читаемъ въ скобкахъ: (Ставлю здѣсь въ примѣръ ту отвратительную піесу, въ коей описывается его первая ночь, которая была приписана ему, хотя уже одного слога, коимъ она написана, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что она не могла быть сочинена Пушкинымъ).

[2—3]) Весь отрывокъ, заключающійся между этими словами зачеркнутъ.

[4—5]) Этихъ словъ нѣтъ.

[6]) Это наслажденіе.

[7]) добавлено: «про себя, располагать своимъ временемъ и прочее.

[8]) Эта фраза зачеркнута.

Каково же было положеніе Пушкина подъ гнетомъ[1]) подобныхъ запрещеній? Не долженъ ли былъ онъ, необходимо, съ тою пылкостію, которая дана была ему отъ природы и[2]) безъ которой онъ не могъ бы быть поэтомъ[3]), наконецъ притти въ отчаяніе, видя, что ни годы, ни самый измѣнившійся духъ его произведеній, ничего[4]) не измѣнили въ томъ предубѣжденіи[5]), которое разъ навсегда на него упало, и такъ сказать уничтожило все его будущее?[6]) Вы называете его и теперь демагогическимъ писателемъ. По какимъ же его произведеніямъ даете Вы ему такое имя? По старымъ или по новымъ? И[7]) какія произведенія его знаете Вы, кромѣ тѣхъ, на кои указывала Вамъ полиція и нѣкоторые изъ литературныхъ враговъ, клеветавшихъ на него тайно?... что [Всѣ послѣднія произведенія его такого рода что] Вѣдь вы не [занимаетесь] имѣете времени заниматься русской литературой и должны въ этомъ случаѣ полагаться на мнѣнія другихъ? А истинно то, что Пушкинъ никогда не бывалъ демагогическимъ писателемъ?[8]). Если по старымъ, ходившимъ только въ рукописяхъ, то они всѣ относятся ко времени до 1826 года; это просто грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастіемъ. Но демагогическаго, то есть написаннаго съ[9]) намѣреніемъ [произвести возмущеніе] волновать[10]) общество[10]), ничего

---

[1]) Замѣнено: вліяніемъ.

[2]—[3]) Этихъ словъ нѣтъ.

[4]—[5]) Ничто не измѣнило этого предубѣжденія.

[6]) Слѣдуетъ вставка: Замѣчу еще одно: Пушкинъ былъ лишенъ наслажденія видѣть Европу, наслажденія, ему, какъ писателю, необходимаго. Онъ чувствовалъ, что оно было ему запрещено, потому что къ нему не имѣли довѣренности. Не говорю о томъ, какое горе должна была развить (?) на душѣ его такая недовѣренность. Но вотъ что вѣрно. Путешествіе было бы самымъ цѣлительнымъ для него лѣкарствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Бояться, что выѣздъ за границу вреденъ для Россіи, есть неуважать Россіи. Напротивъ въ душѣ каждаго *мыслящаго* русскаго поѣздка за границу только что укореняетъ любовь къ Россіи. Это *я* замѣтилъ во всѣхъ, кто имѣлъ (?) что-нибудь отличное. Отвыкаютъ отъ Россіи только тѣ, кои и въ Россіи уже не русскіе. Такого рода люди, каковъ былъ Пушкинъ, всегда благотворно образуются близкимъ знакомствомъ съ ходомъ вещей: они пріобрѣтаютъ твердость мысли, видя въ близи такимъ, каково оно есть, то, что въ дали можетъ казаться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Пушкинъ быстрѣе бы созрѣлъ и созрѣлъ въ пользу отечества мыслями и талантомъ, если бы могъ видѣть Европу; какъ бы возвысилась его душа, оказанною ему довѣренностію; и многое, многое, что послѣ привело его къ погибели, [можетъ быть] съ нимъ бы не случилось.

[7]—[8]) Все, что заключается между этими словами зачеркнуто.

[9]) съ точнымъ

[10]) замѣнено: привести къ волненію

не было между ими и тогда. Заговорщики противъ Александра пользовались, можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но въ ихъ смыслѣ (въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего, и они[1]) ему были[2]) чужды. Это однако не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ)[3]) причислить его къ героямъ 14 декабря и назвать его замышлявшимъ[4]) на жизнь Александра. За его напечатанныя же сочиненія и въ особенности за его новыя, написанныя подъ благотворнымъ вліяніемъ нынѣшняго Государя, его уже никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выразившій въ лучшихъ стихахъ своихъ, наилучшимъ образомъ все, что дорого русскому сердцу. Что же касается до политическихъ мнѣній, которыя имѣлъ онъ въ послѣднее время, то смѣю спросить Ваше Сіятельство, благоволили ли Вы взять на себя трудъ когда нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ? Правда и то, что Вы на своемъ мѣстѣ [не могли бы вѣрить ему] осуждены[5]) думать, что съ[6]) Вами не можетъ быть никакой искренности[7]), Вы осуждены[8]) видѣть притворство въ томъ мнѣніи, которое излагаетъ Вамъ человѣкъ[9]), противъ [коего Вы имѣете] котораго поднято Ваше предубѣжденіе[10]) (какъ бы онъ ни былъ прямодушенъ) и Вамъ нечего другого дѣлать, какъ принимать за истину то, что будутъ говорить Вамъ о немъ другіе. Однимъ[11]) словомъ вмѣсто оригинала Вы принуждены довольствоваться переводами, [иногда не] всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ. Я[12]) сообщу[12]) Вашему Сіятельству въ немногихъ словахъ политическія мнѣнія Пуш-

---

[1—2]) и замыслы ихъ были ему совершенно

[3]) слова въ скобкахъ зачеркнуты

[4]) замѣнено: умышленникомъ

[5]) замѣнено: принуждены

[6—7]) замѣнено: человѣкъ, пораженный подозрѣніемъ, не можетъ имѣть никакой искренности съ Вами

[8]) замѣнено: принуждены

[9—10]) замѣнено: такой человѣкъ

[11]) Эта фраза зачеркнута; вмѣсто нея вставка: «Но кто же эти другіе? Всегда ли они понимаютъ то, что слышатъ? всегда ли хотятъ понимать, ибо имъ нужна не истина?—всегда ли хотятъ понимать, ибо служатъ съ предубѣжденіемъ и всегда даютъ толкованіе пристрастное тому, что слышатъ? и наконецъ достойны ли довѣренности, будучи недостойны уваженія? Между тѣмъ ихъ слова часто рѣшаютъ участь человѣка и на всю его жизнь. Ибо клевета, какъ бы она впрочемъ нелѣпа ни была, всегда достигаетъ своей цѣли, и легче сдвинуть съ мѣста гору, нежели стереть то клеймо [пятно], которое клевета налагаетъ».

[12]) Почитаю обязаннымъ сообщить

кина, хотя напередъ знаю, что и мнѣ Вы не повѣрите [1]), ибо и я имѣю несчастіе принадлежать къ тѣмъ оригиналамъ, которые извѣстны Вамъ по однимъ лишь ошибочнымъ переводамъ. Первое: я уже не одинъ разъ слышалъ [отъ нѣкоторыхъ изъ переводчиковъ] и отъ многихъ, что Пушкинъ въ Государѣ любилъ одного Николая [2]), а не русскаго Императора и что ему для Россіи надобно совсѣмъ иное. [Я знаю, что Пушкинъ былъ... Утверждаю] Увѣряю Васъ напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорю о томъ, что онъ былъ въ послѣдніе свои годы) — рѣшительно былъ [убѣжденъ] утвержденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго Самодержавія, и это не по одной любви къ нынѣшнему Государю, а по своему [3]) внутреннему убѣжденію, основанному [4]) на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву). *Второе.* Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ *Свободы книгопечатанія* и въ этомъ онъ даже [переходилъ границы] доходилъ до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ тоже время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, что она, служа защитою обществу отъ писателей, должна и писателя защищать отъ всякаго произвола. *Третье.* Пушкинъ былъ врагъ іюльской революціи. По убѣжденію своему, онъ былъ карлистъ; онъ признавалъ короля Филиппа необходимою [5]) гарантіею [6]) спокойствія Европы, но права его опровергалъ и непотрясаемость законнаго [наслѣдственнаго права] наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорою гражданскаго порядка... Наконецъ *четвертое.* Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикомъ. Таковы были главныя, коренныя [7]) политическія убѣжденія Пушкина [ихъ можно назвать коренными], изъ коихъ всѣ другія выходили какъ отрасли. Опи были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ. Вамъ же они быть извѣстными не могли, ибо Вы съ нимъ никогда объ этихъ матеріяхъ [8]) не говорили; да Вы бы ему и не повѣрили, ибо [9]), опять скажу, Ваше положеніе таково, что Вамъ нельзя вѣрить никому изъ тѣхъ, кому бы Ваша вѣра

---

[1]) дальше конецъ фразы зачеркнутъ.
[2]) замѣнено: своего благотворителя
[3—4]) замѣнено: своей внутренней вѣрѣ основанной
[5—6]) необходимымъ для
[7]) зачеркнуто.
[8]) предметахъ
[9]) Съ этого слова до точки все зачеркнуто.

была вниманіемъ и что[1]   принуждены на счетъ другихъ вѣрить именно тѣмъ, кои недостойны Вашей вѣры, то есть доносщикамъ, которые нашу честь и наше спокойствіе продаютъ за деньги или за кредитъ, или свѣтскимъ болтунамъ, которые неподкупною[2]   иногда однимъ словомъ, брошеннымъ на вѣтеръ, убиваютъ доброе имя. [Въ этомъ поставлю примѣромъ и себя. Ваше Сіятельство никогда не удостаивали меня никакимъ разговоромъ, хотя нѣсколько обстоятельнымъ; а Вы считали меня если не демагогомъ, то какой-то вывѣской демагогіи, за которую прячутся тайные враги порядка; т. е.] Какъ бы то ни было, но мнѣнія политическія Пушкина были въ совершенной противуположности съ системой[3]) буйныхъ демагоговъ. И они были таковы уже прежде 1830 года. Пушкинъ мужалъ зрѣлымъ умомъ и[4]) поэтическимъ[4]) дарованіемъ[4]), несмотря на раздражительную тягость своего положенія[5]), которому не могъ конца предвидѣть, ибо онъ могъ постичь, что неизмѣнившееся въ теченіи десяти лѣтъ, останется такимъ и на цѣлую жизнь, и что ему никогда не освободиться отъ того надзора, которому онъ, уже отецъ семейства, въ свои лѣта подверженъ былъ, какъ двадцатилѣтній шалунъ. Ваше Сіятельство, не могли замѣтить этого угнетающаго чувства, которое грызло и портило жизнь его. Вы дѣлали изрѣдка свои выговоры, съ благимъ намѣреніемъ, и забывали

---

[1] и [2]) Далѣе въ оригиналѣ—слово, котораго я не могъ разобрать, какъ не разобралъ его и переписчикъ копіи, оставившій пробѣлы.

[3]) сначала было: мнѣніемъ.

[4]) эти слова зачеркнуты

[5]) дальше до конца абзаца все подлежало исключенію, хотя зачеркивающая черта и не доведена до конца, а останавливается на заканчивающихъ страницу словахъ «въ каждыхъ стихахъ его на», не переходя на слѣдующую страницу. Но вмѣсто этихъ, предназначенныхъ къ исключенію строкъ находимъ слѣдующую большую вставку: «Онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія. Его литературные враги печатали и говорили, что онъ упалъ (и когда же начали они это говорить или въ то время какъ написаны лучшія поэтическія его произведенія?) Публика имъ вѣрила на слово, и это сдѣлалось какой-то общею поговоркою. А Пушкинъ только что созрѣлъ и что бы онъ написалъ, если бы тяжелыя обстоятельства всякаго рода, скопленныя мало по малу, не упали на бѣдную его голову тѣмъ обваломъ, который толь внезапно раздавилъ его предъ нашими глазами. Отдадимъ же ему справедливость. Первые годы его были проведены въ буйствѣ; несчастіе, имъ самимъ на себя навлеченное, остепенило его; а то что сдѣлалъ съ нимъ Государь Императоръ, открыло ему новую, настоящую дорогу жизни. И съ этой минуты, смѣло утверждаю, Пушкинъ былъ гораздо лучше того имени, которое дала ему первая половина его жизни и которое къ несчастію сохранилось ему и на вторую, хотя въ послѣдній годъ свой онъ заслуживалъ совсѣмъ иное».

о нихъ, переходя къ другимъ важнѣйшимъ Вашимъ занятіямъ, которыя не могли дать Вамъ никакой свободы, чтобы заняться Пушкинымъ. А эти выговоры, для Васъ столь мелкіе, опредѣляли цѣлую жизнь его: ему нельзя было тронуться съ мѣста свободно, онъ лишенъ былъ наслажденія видѣть Европу [1]), ему нельзя было своимъ друзьямъ и своему избранному обществу читать свои сочиненія, въ каждыхъ стихахъ его, напечатанныхъ не имъ, а издателемъ альманаха съ дозволенія цензуры, было видно возмущеніе. Позвольте сказать искренно. Государь хотѣлъ своимъ особеннымъ покровительствомъ остепенить Пушкина и въ тоже время дать его Генію полное его развитіе; а Вы изъ сего покровительства сдѣлали надзоръ, который всегда притѣснителенъ сколь бы впрочемъ ни былъ кротокъ и благороденъ (какъ все, что отъ Васъ истекаетъ).

II.

Обращаюсь теперь ко второму предмету, о коемъ хотѣлъ говорить съ Вашимъ Сіятельствомъ; къ тому, что произошло по случаю смерти Пушкина. Я долго колебался, писать ли [2]) къ Вамъ объ этомъ. Объ этомъ происшествіи уже не говорятъ; никакихъ печальныхъ слѣдствій оно не имѣло; толки умолкли—для чего же возобновлять преніе о томъ, что лучше совсѣмъ изгладить изъ памяти. Это правда; но если общіе толки утихли, то предубѣжденіе еще осталось, и [еще многіе и, что всего важнѣе, Государь Императоръ могъ можетъ имѣть такое мнѣніе насчетъ] многіе благоразумные люди, не шутя, увѣрены, что было намѣреніе воспользоваться смертію Пушкина для взволнованія умовъ; но главное то, что я считаю своею обязанностію отразить въ глазахъ Государя Императора то обвиненіе, которое на меня и на [другихъ] немногихъ друзей Пушкина падаетъ, и сказать слово въ оправданіе наше, не обвиняя никого и даже не имѣя никакой надежды быть оправданнымъ.

Если бы Пушкинъ умеръ послѣ [горячки, даже послѣ] долговременной болѣзни или послѣ быстраго удара, о немъ бы пожалѣли; общее чувство національной потери выразилось бы въ разговорахъ, какихъ нибудь статьяхъ, стихами или прозою; въ обществѣ поговорили бы о немъ и скоро бы замолчали, предавъ его памяти современниковъ, умѣвшихъ цѣнить его высокое дарованіе, и потомству, которое конечно сохранитъ къ нему чистое

---

[1]) дальше еще есть: «ему нельзя было произвольно ѣздить и по Россіи».
[2]) Этого слова нѣтъ.

уваженіе. Но Пушкинъ умираетъ, убитый на дуэли, и убійца его [иностранецъ] французъ, [осыпанный] принятый въ нашу службу съ отличіемъ; этотъ [иностранецъ] французъ преслѣдовалъ жену Пушкина и за тотъ стыдъ, который нанесъ его чести, еще убилъ его на дуэли. Вотъ обстоятельства, поразившія вдругъ все общество и сдѣлавшіяся извѣстными во всѣхъ классахъ народа, отъ Гостиннаго Двора до петербургскихъ салоновъ. [Сіи обстоятельства сдѣлались извѣстны] Если бы такимъ образомъ погибъ и простой человѣкъ, безъ всякаго національнаго имени, то и объ немъ заговорили бы повсюду, но это было бы просто свѣтская болтовня, безъ всякаго особеннаго чувства. Но здѣсь жертвою иноземнаго разврат[а] ника сдѣлался первый поэтъ Россіи, извѣстный по сочиненіямъ своимъ большому и малому обществу. Чему же тутъ дивиться, что общее чувство [было сильно, что] при такомъ трагическомъ происшествіи вспыхнуло сильно. Напротивъ надлежало бы удивиться, когда бы это сильное чувство не вспыхнуло и если бы въ обществѣ равнодушно приняли такую внезапную потерю и[1]) не было бы такое равнодушіе оскорбительно для чувства народности[2]). Прибавить надобно къ этому и то, что обстоятельства, предшествовавшія кровавой развязкѣ, были всѣмъ извѣстны, знали, какими низкими средствами старались раздражить и осрамить Пушкина; анонимныя письма были [многимъ извѣстны] многими читаны и объ нихъ вспомнили съ негодованіемъ. Итакъ нужно ли было кому-нибудь [хлопотать] особенно заботиться о томъ, чтобы произвести въ обществѣ то впечатлѣніе, которое неминуемо въ немъ произойти долженствовало. Развѣ дуэль был [а] ъ тайною? Развѣ обстоятельства его были тайною? Развѣ погибъ на дуэли не Пушкинъ? Чему же дивиться, что всѣ ужаснулись, что всѣ [огорчились] были опечалены и всѣ ствова[почувли негодованіе] оскорбились? Какіе же тайные агенты могли быть нужны для произведенія сего неизбѣжнаго впечатлѣнія?

Весьма естественно, что послѣ того какъ распространилась въ городѣ вѣсть о погибели Пушкина, поднялось много разныхъ толковъ; весьма естественно, что во многихъ энтузіазмъ къ нему, какъ къ любимому русскому поэту, оживился его безвременною трагическою смертію (въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего враждебнаго; оно напротивъ благородное и дѣлаетъ честь націи, ибо изъявляетъ, что она дорожитъ своею славою); весьма естественно, что этотъ энтузіазмъ смотря по разнымъ характерамъ выражался различно, въ однихъ съ благоразуміемъ умѣренности, въ другихъ съ излишнею пылкостію; въ другихъ и вѣроятно во многихъ было соединено съ не-

[1—2]) Конца фразы, заключающагося между этими словами, нѣтъ.

годованіемъ противъ убійцы Пушкина, можетъ быть, и съ выраженіемъ мщенія. Все это въ порядкѣ вещей и тутъ еще нѣтъ ничего возмутительнаго. Не знаю, что въ это время говорилось и дѣлалось въ обществѣ (ибо и я и прочіе обвиненные друзья Пушкина были слишкомъ заняты имъ самимъ, его страданіями, его смертію, его семействомъ, чтобы заботиться о толкахъ въ обществѣ и еще менѣе о томъ, какъ бы производить эти толки), но по слухамъ, дошедшимъ до меня послѣ, полагаю, что блюстительная полиція подслушала тамъ и здѣсь (на улицахъ, въ Гостинномъ Дворѣ и пр.), что Геккерну угрожаютъ; вѣроятно, что не одинъ, а весьма многіе въ народѣ ругали иноземца, который застрѣлилъ русскаго, и кого же русскаго, Пушкина? Вѣроятно, что иные толковали между собою, какъ бы хорошо было его побить, разбить стекла въ его домѣ и тому подобное; вѣроятно, что и до самого министра Геккерна доходили подобные толки и что его испуганное воображеніе ихъ преувеличивало и что онъ сообщилъ свои опасенія и требовалъ защиты. Съ другой стороны вѣроятно и то, что говорили о Пушкинѣ съ живымъ участіемъ, о томъ, какъ бы хорошо было изъявить ему уваженіе какими-нибудь видимыми знаками; [молодежь вѣроятно говорила] многіе вѣроятно говорили, какъ бы хорошо отпречь лошадей отъ гроба и довезти его на рукахъ до церкви; другіе, можетъ быть, толковали, какъ бы хорошо произнести надъ нимъ рѣчь и въ этой рѣчи поразить его убійцу и прочее и прочее. Всѣ подобные толки суть естественное слѣдствіе подобнаго происшествія; его необходимый, неизбѣжный отголосокъ. Блюстительная полиція была обязана обратить на нихъ вниманіе и взять свои мѣры, но взять ихъ безъ всякаго изъявленія опасенія, ибо и опасности не было никакой. До сихъ поръ все въ порядкѣ вещей. Но здѣсь полиція перешла за границы своей бдительности. Изъ толковъ, не имѣвшихъ между собой никакой связи, она сдѣлала заговоръ съ политическою цѣлію и въ заговорщики произвела друзей Пушкина, которые окружали его страдальческую постель, и должны бы были имѣть особенную натуру, чтобы въ то время, какъ ихъ душа была наполнена глубокою скорбію, имѣть возможность думать о волнованіи умовъ въ народѣ черезъ какихъ-то агентовъ, съ какою то цѣлію, которой никакимъ разсудкомъ постигнуто быть не можетъ. Разъ допустивши [эту [1].] нелѣпую идею, что заговоръ существуетъ и что заговорщики суть друзья Пушкина, слѣдствія этой идеи сами собою должны были изъ нея излиться. Мы день и ночь проводили передъ дверями умирающаго Пушкина; на другой день послѣ дуэли т. е. съ утра 28 числа

[1]) Неразборчивое слово.

до самаго выноса гроба изъ дома, приходили посторонніе, сначала для освѣдомленія о его болѣзни, потомъ для того, чтобы его увидѣть въ гробѣ—приходили съ тихимъ, смиреннымъ чувствомъ участія, съ молитвою за него[1]) и горевали о немъ, какъ о другѣ, скорбѣли и о томъ великомъ дарованіи, въ которомъ угасала одна изъ звѣздъ нашего отечества, и въ то же время съ благодарностію помышляли о Государѣ, который, можно сказать, былъ впереди насъ тѣмъ участіемъ, что такъ человѣчески за одно съ нами выразилъ въ то же время. За[2]) Государя, очистившаго, успокоившаго конецъ Пушкина, простое, трогательное, христіанское [участіе благородное] выраженіе національнаго чувства—и все это дѣлалось такъ тихо; болѣе десяти тысячъ человѣкъ прошло въ эти два дня мимо гроба Пушкина, и не было слышно ни малѣйшаго шума, не произошло ни малѣйшаго безпорядка; жалѣли о немъ; большая часть молилась за него, молилась и за Государя; почти никому не пришло въ голову, въ виду гроба, упомянуть о Геккернѣ. Что же тутъ было кромѣ умилительнаго, кромѣ возвышающаго душу? И намъ, друзьямъ Пушкина, до самаго того часа, въ который мы перенесли [ночью] гробъ его въ Конюшенную церковь, не приходило и въ голову ничего иного, кромѣ нашей скорби о немъ и кромѣ благодарности Государю, который явился намъ во всей красотѣ своего человѣколюбія и во всемъ величіи своего царскаго сана; ибо онъ утѣшилъ его смерть, призрѣлъ его сиротъ, уважилъ въ немъ русскаго поэта, какъ русскій государь, и въ то же время осудилъ его смерть, какъ Судія верховный. [Какимъ жалкимъ созданіемъ надлежало бы быть, чтобы остаться нечувствительнымъ] Какое нравственное уродство надлежало имѣть, чтобы остаться нечувствительнымъ предъ такимъ трогательнымъ величіемъ и имѣть свободу [заниматься] для какихъ то замысловъ, коихъ цѣли никакъ себѣ представить не можно и кои только естественны сумасшедшимъ.

Но начавши съ ложной идеи, необходимо дойдешь и до заключеній ложныхъ; они произведутъ и ложныя мѣры. Такъ здѣсь и случилось. [Первая ложная идея (уже опровергнутая мною выше) была та] Основываясь на ложной идеѣ (опровергнутой выше), что Пушкинъ, глава демагогической партіи, [и первое ложное слѣдствіе этой идеи было то, что и друзья его принадлежатъ къ той же демагогической партіи], произвели и друзей

---

[1]) Это послѣднее слово на 5-ой страницѣ, а на слѣдующей 6-ой Жуковскій продолжалъ «и за Государя», но онъ сдѣлалъ на 5-ой вставку, разбивъ тему объ участіи общества къ Пушкину, и послѣ вставки не сдѣлалъ нужнаго исправленія начала 6-ой страницы.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

его въ демагоги. Друзья не отходили отъ его постели, и въ то же время разные толки бродили по городу и по улицамъ [(толки, не имѣющіе между собою связи)]. Изъ этого сдѣлали заговоръ, увидѣли какую-то тайную нить связывающую эти толки, ничѣмъ не связанные, и эту нить дали въ руки друзьямъ его. Подъ вліяніемъ этого непостижимаго предубѣжденія все, самое простое и обыкновенное, представилось въ какомъ-то таинственномъ враждебномъ свѣтѣ. Графъ Строгановъ, котораго уже нельзя обвинить ни въ легкомысліи, ни въ демагогіи, какъ родственникъ, взялъ на себя учрежденіе и издержки похоронъ Пушкина; онъ призвалъ своего повѣреннаго человѣка и ему поручилъ все устроить. И оттого именно, что графъ Строгановъ взялъ на себя всѣ издержки похоронъ, произошло то, что они произведены были самымъ блистательнымъ образомъ, согласно съ благороднымъ характеромъ графа. Онъ приглашалъ архіерея, и какъ скоро тотъ отказался отъ совершенія обряда, пригласилъ трехъ архимандритовъ. Онъ назначилъ для отпѣванія Исаакіевскій соборъ, и причина назначенія была самая простая: ему сказали, что домъ Пушкина принадлежалъ къ приходу Исаакіевскаго собора; слѣдовательно иной церкви назначать было не можно; о Конюшенной же церкви было нельзя и подумать, она придворная. На отпѣваніе въ ней надлежало получить особенное позволеніе, въ коемъ и нужды не было, ибо имѣли въ виду приходскую церковь. Билеты приглашеннымъ были разосланы безъ всякаго выбора; Пушкинъ былъ знакомъ цѣлому Петербургу; сдѣлали для погребенія его то, что дѣлается для всѣхъ; Дипломатическій корпусъ приглашенъ былъ, потому что Пушкинъ былъ знакомъ со всѣми его членами; для назначенія же тѣхъ, кому посылать билеты, сдѣлали просто выписку изъ реэстра, который взять былъ у графа Воронцова. Слѣдующее обстоятельство могло бы, если угодно, показаться подозрительнымъ. [У меня кто-то спрос] Мнѣ сказали, кто, право, не помню, что между приглашенными на похороны забыты нѣкоторые изъ прежнихъ лицейскихъ товарищей Пушкина. Я отвѣчалъ, что надобно непремѣнно ихъ пригласить. Но было ли это исполнено, не знаю. Этимъ я не занялся, но если бы мною были разсылаемы билеты, то конечно бы лицейскіе друзья Пушкина не были забыты. Какъ бы то ни было, но все до сихъ поръ въ обыкновенномъ порядкѣ. Вдругъ полиція [узнаетъ, что] догадывается, что долженъ существуетъ (т. существовалъ) заговоръ, что Министръ Геккернъ, что жена Пушкина въ опасности, что во время перевоза тѣла въ Исаакіевскую церковь лошадей отпрягутъ и гробъ понесутъ на рукахъ, что въ церкви будутъ депутаты отъ купечества, отъ Университета, что надъ гробомъ будутъ говорены рѣчи (обо всемъ этомъ узналъ я уже послѣ [изъ

разныхъ слуховъ] по слухамъ). Что же бы надлежало бы сдѣлать полиціи, если бы и дѣйствительно она могла предвидѣть что-нибудь подобное? Взять съ большею бдительностью тѣ же предосторожности, какія наблюдаются при всякомъ обыкновенномъ погребеніи, а не признаваться передъ цѣлымъ обществомъ, что [противъ правительства есть заговоръ] правительство боится заговора, не оскорблять своими нелѣпыми обвиненіями людей, не заслуживающихъ и подозрѣнія, однимъ словомъ, не производить самой [безпорядка] того волненія, которое она предупредить хотѣла неумѣстными своими мѣрами. Вмѣсто того назначенную для отпѣванія Церковь перемѣнили, тѣло перенесли въ нее ночью, съ какою-то[1]) тайною всѣхъ поразившею, безъ факеловъ, почти безъ проводниковъ; и въ минуту выноса, на который собралось не болѣе десяти ближайшихъ друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, гдѣ молились о умершемъ, насъ оцѣпили, и мы, такъ сказать, подъ стражей [отнесли] проводили тѣло до церкви. Какое намѣреніе могли въ насъ предполагать? Чего могли отъ насъ бояться? Этого [ни] я [никто] изъяснить не берусь. И признаться, будучи наполненъ главнымъ своимъ чувствомъ, печалью о концѣ Пушкина, я въ минуту выноса и не замѣтилъ того, что вокругъ насъ происходило; уже послѣ это пришло мнѣ въ голову и жестоко меня обидѣло:

2.

Письмо князя П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу отъ 14 февраля 1837 года.

Письмо князя П. А. Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу объ обстоятельствахъ дуэли и смерти Пушкина было извѣстно въ литературѣ или въ неполномъ, или въ неподлинномъ видѣ: черновикъ—не всего письма, а лишь части,—принадлежавшій князю П. А. Вяземскому, напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., кн. 1-ая, стр. 387—393, а переводъ всего письма сообщенъ въ статьѣ П. Е. Щеголева «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» («Историческій Вѣстникъ» 1905 январь и въ книгѣ «Пушкинъ. Очерки», С.-Пб. 1912) и повторяется въ настоящемъ изданіи книги. Въ первомъ изданіи оно напечатано съ подлиннаго французскаго текста, находящагося въ архивѣ Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. Оно хранится въ конвертѣ съ надписью «Его Императорскому Высочеству въ собственныя руки отъ К. Вяземскаго»; тутъ же помѣта Великаго Князя Михаила Пав-

[1]) Этимъ словомъ кончается копія; то, что идетъ далѣе на 9-ой страницѣ черновика Жуковскаго, осталось не переписаннымъ въ копіи.

ловича: «Affaire de Pouchkine». На самомъ письмѣ его же рукою надписано: «Получено въ Римѣ 14/26 Марта 1837 года. Отвѣтствовано изъ Баденъ-Бадена 29 мая/10 Іюня idem». Письмо не все писано рукою князя П. А. Вяземскаго; часть его дописана его женой, княгиней В. Ѳ. Вяземской. При письмѣ находятся упоминаемыя въ немъ слѣдующія приложенія:

№ 1. Копія извѣстнаго пасквиля, полученнаго Пушкинымъ. См. «Переписку Пушкина», изд. Имп. Акад. Наукъ, т. III, стр. 398, № 1091.

№ 2. Письмо Пушкина къ барону Геккерену; см. тамъ же, стр. 444, № 1138.

№ 3. Письмо барона Геккерена—отвѣтъ на предыдущее письмо Пушкина; см. тамъ же, стр. 445, № 1139.

№ 4. Письмо Пушкина къ виконту д'Аршіаку; см. тамъ же, стр. 449, № 1146.

№ 5. Les conditions du duel—условія дуэли; печатаются нами ниже, въ отдѣлѣ документовъ, относящихся до дуэли.

Кромѣ того,—копія съ извѣстнаго письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову; письмо (копія) Пушкина къ графу А. Х. Бенкендорфу, напечатанное въ «Перепискѣ», т. III, стр. 416, № 1106, и записки (въ копіи) виконта д'Аршіака къ Пушкину; см. тамъ же, №№ 1141 (стр. 446) и 1145 (стр. 449).

Такъ какъ въ черновикѣ изъ «Русскаго Архива» нѣкоторыя подробности изложены пространнѣе и рѣзче, чѣмъ въ подлинникѣ, то мы въ примѣчаніяхъ къ переводу подлинника даемъ извлеченія изъ черновика.

Ваше высочество!

По всей вѣроятности, ваше императорское высочество интересуетесь нѣкоторыми подробностями прискорбнаго событія, которое такимъ трагическимъ образомъ похитило отъ насъ Пушкина. Вы удостаивали его своей благосклонностью, его доброе имя и его слава принадлежатъ родинѣ и, такъ сказать, царствованію государя императора. При своемъ вступленіи на престолъ онъ самъ призвалъ поэта изъ изгнанія, любя своей благородной и русской душой его талантъ, и принялъ въ его геніи истинно-отеческое участіе, которое не измѣнилось (въ немъ) ни въ продолженіе жизни его, ни у его смертнаго одра, ни по ту сторону его могилы, такъ какъ онъ не забылъ своими щедротами ни его вдовы, ни дѣтей. Эти соображенія, а также тайна, которая окружаетъ послѣднія событія въ его жизни и тѣмъ даетъ обширную пищу людскому невѣжеству и злобѣ для всевозможныхъ догадокъ и ложныхъ истолкованій, обязываютъ друзей Пушкина разоблачить все, что только имъ извѣстно по этому поводу, и показать такимъ образомъ его лич-

ность въ ея настоящемъ свѣтѣ. Вотъ съ какою цѣлью я осмѣливаюсь обратиться къ вашему высочеству съ этими строками. Соблаговолите удѣлить имъ нѣсколько минутъ своего досуга. Я буду говорить одну только правду.

Вашему императорскому высочеству небезызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жей Пушкиной. Эти неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе порождало сплетни въ гостиныхъ и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, онъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во время предупредить послѣдствія этого ухаживанія, которое и привело, на самомъ дѣлѣ, къ неслыханной катастрофѣ, разразившейся на нашихъ глазахъ. 4-го ноября прошлаго года моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только-что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что-нибудь оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ дипломъ, здѣсь прилагаемый (№ 1). Первымъ моимъ движеніемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему его друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы. Эти письма привели къ объясненіямъ супруговъ Пушкиныхъ между собой и заставили невинную, въ сущности, жену признаться въ легкомысліи и вѣтрености, которыя побуждали ее относиться снисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть. Пушкинъ былъ тронутъ ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ: мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце. Необходимо при этомъ замѣтить, что какъ только были получены эти анонимныя письма, онъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ

этою увѣренностью. Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ было основано это предположеніе, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему впослѣдствіи нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской. Вызовъ Пушкина не попалъ по своему назначенію. Въ дѣло вмѣшался старый Геккеренъ. Онъ его принялъ, но отложилъ окончательное рѣшеніе на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все болѣе спокойно. Найдя Пушкина, по истеченіи этого времени, непоколебимымъ, онъ разсказалъ ему о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ ему говорилъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ молодому человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, съ цѣлью обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т.-е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ тѣмъ не менѣе увѣрялъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ только въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волненіемъ и слезами отца, сказалъ: «Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло». Итакъ, все должно было оставаться безъ перемѣны до рѣшающаго дня. Начиная съ этого момента, Геккеренъ пустилъ въ ходъ всѣ военные пріемы и дипломатическія хитрости. Онъ бросился къ Жуковскому и Михаилу Віельгорскому, чтобы уговорить ихъ стать посредниками между нимъ и Пушкинымъ. Ихъ миролюбивое посредничество не имѣло никакого успѣха. Черезъ нѣсколько дней Геккеренъ-отецъ распустилъ слухъ о предстоящемъ бракѣ молодого Геккерена съ Екатериной Гончаровой. Онъ увѣрялъ Жуковскаго, что Пушкинъ ошибается, что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно онъ умоляетъ ея отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ неподходящимъ, не соглашался, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ наконецъ далъ свое согласіе. Отецъ требовалъ, чтобы объ этомъ во всякомъ случаѣ ни слова не говорили Пушкину, чтобы онъ не подумалъ, будто эта свадьба была только

предлогомъ для избѣжанія дуэли. Зная характеръ Геккерена-отца, скорѣе всего можно предположить, что онъ говорилъ все это въ надеждѣ на чью-либо нескромность, чтобы обмануть довѣрчиваго и чистосердечнаго Пушкина. Какъ бы то ни было, тайна была соблюдена, срокъ близился къ окончанію, а Пушкинъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, и бракъ былъ рѣшенъ между отцомъ и теткой, г-жей Загряжской. Было бы слишкомъ долго излагать вашему императорскому высочеству всѣ лукавые происки молодого Геккерена во время этихъ переговоровъ. Приведу только одинъ примѣръ. Геккерены, старый и молодой, возымѣли дерзкое и подлое намѣреніе попросить г-жу Пушкину написать молодому человѣку письмо, въ которомъ она умоляла бы его не драться съ ея мужемъ. Разумѣется, она отвергла съ негодованіемъ это низкое предложеніе. Когда Пушкинъ узналъ о свадьбѣ, уже рѣшенной, онъ, конечно, долженъ былъ счесть ее достаточнымъ для своей чести удовлетвореніемъ, такъ какъ всему свѣту было ясно, что это бракъ по разсудку, а не по любви. Чувства, или такъ называемыя «чувства» молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая дѣлала этотъ бракъ довольно двусмысленнымъ. Вслѣдствіе этого Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно, но объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что между его семьей и семействомъ свояченицы онъ не потерпитъ не только родственныхъ отношеній, но даже простого знакомства, и что ни ихъ нога не будетъ у него въ домѣ, ни его—у нихъ. Тѣмъ, кто обращался къ нему съ поздравленіями по поводу этой свадьбы, онъ отвѣчалъ во всеуслышаніе: «Tu l'as voulu, Georges Dandin». Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ поединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понялъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазіи. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли ни о чемъ-либо подобномъ. Послѣдствія это хорошо доказали, какъ ваше высочество ниже увидите. Во всякомъ случаѣ, это оскорбительное и неосновательное предположеніе дошло до свѣдѣнія Пушкина и внесло новую тревогу въ его душу. Онъ увидалъ, что этотъ бракъ не избавлялъ его окончательно отъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Молодой Геккеренъ продолжалъ стоять, въ глазахъ общества, между нимъ и его женой и бросалъ на обоихъ тѣнь, невыносимую для щепетильности Пушкина.

Это былъ призракъ, не существовавшій въ дѣйствительности, такъ какъ Пушкинъ былъ увѣренъ въ своей женѣ, но, тѣмъ не менѣе, этотъ призракъ его преслѣдовалъ. Развѣ могъ страстный и воспріимчивый поэтъ обсудить свое положеніе и взглянуть на него, подобно мудрецу или безпристрастному зрителю? Легко такъ говорить равнодушнымъ людямъ, но надо перечувствовать его страданія, всю ту горечь, которая снѣдала бѣднаго Пушкина, чтобы позволить себѣ порицать его. Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда зрѣлыхъ дѣвъ. Пушкинъ все время думалъ, что какая-нибудь случайность помѣшаетъ браку въ самомъ же началѣ. Все же онъ совершился. Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе, онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Аршіаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: «Есть двоякаго рода рогоносцы: одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рогоносцами по милости публики, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ». Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно-быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ

его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Воронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жей Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему остроту Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остротъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: «je sais maintenant que votre *cor* est plus beau, que celui de ma femme!»[1]). Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравляли рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ. 25 января онъ послалъ письмо Геккерену-отцу (№ 2). Д'Аршіакъ принесъ ему отвѣтъ (№ 3). Пушкинъ его не читалъ, но принялъ вызовъ, который былъ ему сдѣланъ отъ имени сына. Самъ собою напрашивается вопросъ, какія причины могли побудить Геккерена-отца прятаться за сына, когда раньше онъ оказывалъ ему столько нѣжности и отеческой заботы; заставлять сына рисковать за себя жизнью, между тѣмъ какъ оскорбленіе было нанесено лично ему, а онъ не такъ старъ, чтобы быть вынужденнымъ искать себѣ замѣстителя? Такъ или иначе, но день 26-го и утро 27-го января прошли въ переговорахъ между Аршіакомъ и Пушкинымъ о секундантѣ, котораго долженъ былъ представить послѣдній. Пушкинъ отказался взять секунданта, не желая никого компрометировать, и боялся взять кого-нибудь изъ соотечественниковъ, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ непріятнымъ послѣдствіямъ своей дуэли. Противная партія настаивала на этомъ пунктѣ. 26-го, на балу у графини Разумовской, Пушкинъ предложилъ быть своимъ секундантомъ Магенису, совѣтнику при англійскомъ посольствѣ. Тотъ, вѣроятно, пожелалъ узнать причины дуэли; Пушкинъ отказался сообщить что-либо по этому поводу (№ 4). Магенисъ отстранился. Въ отчаяніи, что дѣло разстроилось, Пушкинъ вышелъ 27-го утромъ, на удачу, чтобы поискать кого-нибудь, кто бы согласился быть его секундантомъ. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, своего прежняго школьнаго товарища, а впослѣдствіи друга. Онъ посадилъ его къ себѣ въ сани, сказавъ, что везетъ его къ д'Аршіаку, чтобы взять его въ свидѣтели своего объясненія съ нимъ. Два часа спустя, противники находились уже на мѣстѣ поединка. Условія дуэли были выработаны (№ 5). Пушкинъ казался спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Бѣднякъ жаждалъ въ ту минуту

---

[1]) Непереводимая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: «cor» — мозоль, «corps»—тѣло. Буквально: «я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены».

избавленія отъ нравственныхъ страданій, которыя испытывалъ. Противники приблизились къ барьеру, цѣля другъ въ друга. Геккеренъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ былъ раненъ. Онъ упалъ на шинель, служившую барьеромъ, и не двигался, лежа внизъ лицомъ. Секунданты и Геккеренъ подошли къ нему; онъ приподнялся и сказалъ: «подождите, у меня хватитъ силы на выстрѣлъ». Геккеренъ сталъ опять на мѣсто. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой о землю, правой увѣренно прицѣлился, выстрѣлъ раздался. Геккеренъ въ свою очередь былъ раненъ. Пушкинъ послѣ выстрѣла подбросилъ свой пистолетъ и воскликнулъ: «браво»! Его рана была слишкомъ серьезна, чтобы продолжать поединокъ: онъ вновь упалъ и на нѣсколько минутъ потерялъ сознаніе, но оно скоро къ нему вернулось и больше уже его не покидало. Придя въ себя, онъ спросилъ д'Аршіака: «убилъ я его?»—«Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ:—вы его ранили».—«Странно,—сказалъ Пушкинъ:—я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ. Впрочемъ все равно. Какъ только мы поправимся, снова начнемъ».

Когда его привезли домой, докторъ Арендтъ и другіе послѣ перваго осмотра раны нашли ее смертельной и объявили объ этомъ Пушкину, который потребовалъ, чтобы ему сказали правду относительно его состоянія. До 7-го часа вечера я не зналъ рѣшительно ничего о томъ, что произошло. Какъ только мнѣ дали знать о случившемся, я отправился къ нему и почти не оставлялъ его квартиры до самой его смерти, которая наступила на третій день, 29-го января, около 3-хъ часовъ пополудни. Это были душу раздирающіе два дня; Пушкинъ страдалъ ужасно, онъ переносилъ страданія мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывалъ только одно безпокойство, какъ бы не испугать жены. «Бѣдная жена, бѣдная жена!»—восклицалъ онъ, когда мученія заставляли его невольно кричать. Идя къ государю, Арендтъ спросилъ Пушкина, не хочетъ ли онъ передать ему что-нибудь. «Скажите государю, что умираю и что прошу прощенія у него за себя и за Данзаса». Я попросилъ у Булгакова копіи письма, которое я ему написалъ послѣ смерти Пушкина, и въ которомъ я сообщилъ ему подробности о его послѣднихъ минутахъ. Я надѣюсь, что получу ее во время и успѣю вложить въ это письмо. Смерть обнаружила въ характерѣ Пушкина все, что было въ немъ добраго и прекраснаго. Она надлежащимъ образомъ освѣтила всю его жизнь. Все, что было въ ней безпорядочнаго, бурнаго, болѣзненнаго, особенно въ первые годы его молодости, было данью человѣческой слабости обстоятельствамъ, людямъ, обществу. Пушкинъ былъ не понятъ при жизни не только равнодушными къ нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу въ томъ прощенія у его памяти, я не считалъ его до такой степени

способнымъ ко всему. Сколько было въ этой истрадавшейся душѣ великодушія, силы, глубокаго, скрытаго самоотверженія! Его чувства къ женѣ отличались нѣжностью поистинѣ самаго возвышеннаго характера. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ на своемъ смертномъ одрѣ, доказали, насколько онъ былъ привязанъ, преданъ и благодаренъ государю. Ни одного горькаго слова, ни одной рѣзкой жалобы, никакого ѣдкаго напоминанія о случившемся не произнесъ онъ, ничего, кромѣ словъ мира и прощенія своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась въ немъ цѣлыми мѣсяцами мученій, казалось, исходила изъ него вмѣстѣ съ его кровью, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Свидѣтельства доктора Арендта и другихъ, которые его лѣчили, подтверждаютъ мое мнѣніе. Арендтъ не отходилъ отъ него и стоялъ со слезами на глазахъ, а онъ привыкъ къ агоніямъ во всѣхъ видахъ».

Эти событія и смерть Пушкина произвели во всемъ обществѣ сильное впечатлѣніе. Не счесть всѣхъ, кто приходилъ съ разныхъ сторонъ справляться о его здоровьѣ во время его болѣзни. Пока тѣло его выставлено было въ домѣ, наплывъ народа былъ еще больше, толпа не рѣдѣла въ скромной и маленькой квартиркѣ поэта. Изъ-за неудобства помѣщенія должны были поставить гробъ въ передней, слѣдовательно заколотить входную дверь. Вся эта толпа притекала и уходила черезъ маленькую потайную дверь и узкій отдаленный корридоръ. Участіе, съ которымъ всѣ относились къ этой столь неожиданной и трагической смерти, глубоко тронуло все общество; горе смягчалось тѣмъ, что государь усладилъ послѣднія минуты жизни Пушкина и осыпалъ благодѣяніями его семью. Не одинъ разъ слышалъ я среди посѣтителей подобныя слова: «Жаль Пушкина, но спасибо государю, что онъ утѣшилъ его». Однажды, ѣдучи въ саняхъ, я спросилъ своего кучера: «Жаль ли тебѣ Пушкина?»—«Какъ же не жаль? Всѣ жалѣютъ, онъ былъ умная голова: эдакихъ и государь любитъ». Было что-то умилительное въ этой народной скорби и благодарности, которыя такъ непосредственно отозвались и въ царѣ, и въ народѣ; это, какъ я уже сказалъ, было самое сильное, самое краснорѣчивое опроверженіе знаменитаго письма Чаадаева. Да, у насъ есть народное чувство, это чувство безвредное, чисто-монархическое. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, императоръ далъ толчекъ, положилъ начало. Такъ это и поняли всѣ сердечные и благонамѣренные люди. Къ несчастью, печальныя исключенія встрѣтились и здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ встрѣчаются. Нѣкоторые изъ коноводовъ нашего общества, въ которыхъ ничего нѣтъ русскаго, которые и не читали Пушкина, кромѣ произведеній, подобранныхъ недоброжелателями и тайной полиціей, не приняли никакого участія во всеобщей скорби. Хуже того—они оскорбляли, чернили его. Кле-

вета продолжала терзать память Пушкина, какъ терзала при жизни его душу. Жалѣли о судьбѣ интереснаго Геккерена, а для Пушкина не находили ничего, кромѣ хулы. Нѣсколько гостиныхъ сдѣлали изъ него предметъ своихъ партійныхъ интересовъ и споровъ. Я не изъ тѣхъ патріотовъ, которые содрогаются при имени иностранца, я удовлетворяюсь патріотизмомъ въ духѣ Петра Великаго, который былъ патріотомъ съ ногъ до головы, но признавалъ, несмотря на это, что есть у иностранцевъ преимущества, которыми можно позаимствоваться. Но въ настоящемъ случаѣ какъ можно даже сравнивать этихъ двухъ людей? Одинъ былъ самой свѣтлой, литературной славой нашего времени, другой—человѣкъ безъ традицій, безъ настоящаго и безъ будущаго для страны. Одинъ погибъ, какъ сугубая жертва врага, который его убилъ физически, убивъ его предварительно нравственно; другой—живъ и здоровъ и рано или поздно, покинувъ Россію, забудетъ причиненное имъ зло. Впрочемъ, всѣ эти слухи и споры происходятъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ, вникать въ которыя мнѣ не годится, но фактъ тотъ, что въ ту минуту, когда всего менѣе этого ожидали, увидѣли, что выраженія горя къ столь несчастной кончинѣ, потерѣ друга, поклоненія таланту были истолкованы, какъ политическое и враждебное правительству движеніе. Позвольте мнѣ, ваше высочество, коснуться нѣкоторыхъ подробностей относительно этого предмета.

Послѣ смерти Пушкина нашли только 300 рублей денегъ во всемъ домѣ. Старый графъ Строгановъ, родственникъ г-жи Пушкиной, поспѣшилъ объявить, что онъ беретъ на себя издержки по похоронамъ. Онъ призвалъ своего управляющаго и поручилъ ему все устроить и расплатиться. Онъ хотѣлъ, чтобы похороны были насколько возможно торжественнѣе, такъ какъ онъ устраивалъ ихъ на свой счетъ. Изъ друзей Пушкина были Жуковскій, Михаилъ Віельгорскій и я. Было ли мѣсто въ нашей душѣ чему-нибудь, кромѣ горя, поразившаго насъ? Могли ли мы вмѣшиваться въ распоряженія графа Строганова? [1]) Итакъ, распоряженія были отданы, приглашенія по городской

---

[1]) Въ черновикѣ кн. Вяземскій гораздо пространнѣе выясняетъ свою непричастность къ распоряженіямъ графа Строганова относительно похоронной церемоніи. Желаніе Строганова устроить ее возможно великолѣпнѣе было принято графомъ Бенкендорфомъ за попытку демонстраціи, приписанную друзьямъ Пушкина и прежде всего князю Вяземскому. Князь Вяземскій оправдывается въ черновикѣ слѣдующимъ образомъ: «Итакъ изложу, что относится до меня лично во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не присутствовалъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ Пушкина: по обязанностямъ службы мнѣ необходимо было съѣздить въ мой департаментъ. Когда я возвратился, Пушкина уже не было. Тутъ я узналъ, что въ домѣ нашлось только

почтѣ разосланы. Графъ Строгановъ получилъ приказаніе измѣнить отданныя распоряженія. Отпѣваніе предполагалось въ Исаакіевской церкви противъ дома, гдѣ умеръ Пушкинъ, вынос тѣла, по обыкновенію, утромъ, въ день погребенія. Приказали перенести тѣло ночью безъ факеловъ и поставить въ Конюшенной церкви. Объявили, что мѣра эта была принята въ видахъ обезпеченія общественной безопасности, такъ какъ толпа, будто бы, намѣревалась разбить оконныя стекла въ домахъ вдовы и Геккерена. Друзей покойнаго впередъ уже заподозрили самымъ оскорбительнымъ образомъ; осмѣлились, со всей подлостью, на которую были способны, приписать имъ намѣреніе учинить скандалъ, навязали имъ чувства, враждебныя властямъ, утверждая, что не друга, не поэта оплакивали они, а политическаго дѣятеля. Въ день, предшествовавшій ночи, въ которую назначенъ былъ выносъ тѣла, въ домѣ, гдѣ собралось человѣкъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы всѣ находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большомъ количествѣ не друзья,

---

300 рублей, что графъ Строгановъ въ качествѣ родственника г-жи Пушкиной принялъ на себя похоронныя издержки, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго и отдалъ ему всѣ нужныя приказанія, какъ поступать. Съ графомъ Строгановымъ я нахожусь не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ, если бы я того и желалъ, малѣйшее вмѣшательство въ эти распоряженія. Съ какого права сталъ бы я вмѣшиваться, да и что было сказать мнѣ? Если въ намѣреніи графа было придать погребенію нѣкоторую пышность, то очень естественно, что, принявъ на себя издержки, онъ хотѣлъ быть щедрымъ, даже расточительнымъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы то ни было, я положительно не принималъ тутъ никакого участія и не знаю, имѣлъ ли кто-нибудь малѣйшее, прямое или косвенное вліяніе на распоряженія графа Строганова. Онъ давалъ деньги, и кто изъ людей сколько-нибудь благоразумныхъ захотѣлъ бы опредѣлять и назначать, куда должны пойти эти деньги? Надобно замѣтить, что выборъ Исаакіевскаго собора мѣстомъ для отпѣванія подалъ поводъ къ совершенно неосновательному истолкованію, которое могло итти отъ людей, особенно предубѣжденныхъ и забывшихъ, что къ петербургскимъ соборамъ приписаны приходы, какъ и къ церквамъ обыкновеннымъ. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, принадлежалъ къ Исаакіевскому приходу, и выбирать тутъ было нечего. То же самое было бы сдѣлано и съ послѣднимъ нищимъ, обитателемъ этого квартала. Когда приглашенный графомъ Строгановымъ митрополитъ отказался прибыть къ отпѣванію и графъ Строгановъ выражалъ мнѣ по этому случаю свое неудовольствіе и находилъ отказъ незаконнымъ, я подалъ ему мысль обратиться къ графу Протасову, который, будучи прокуроромъ святѣйшаго синода, могъ разъяснить поводы этого отказа и предложить свое посредничество для устраненія, буде возможно, препятствій. Вотъ единственное мнѣніе, единственное слово, шедшее отъ меня касательно этого дѣла».

а жандармы. Противъ кого была выставлена эта сила, весь этотъ военный парадъ? Я не касаюсь пикетовъ, разставленныхъ около дома и въ сосѣднихъ улицахъ; тутъ могли выставить предлогомъ, что боялись толпы и безпорядка. Но чего могли опасаться съ нашей стороны? Какія намѣренія, какія заднія мысли могли предполагать въ насъ, если не считали насъ безумцами или негодяями? Не было той нелѣпости, которая не была бы намъ приписана [1]). Ра-

---

[1]) Въ черновомъ наброскѣ разсужденія о ложности полицейскихъ донесеній и о нелѣпости полицейскихъ мѣръ предупрежденія изложены въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, и много рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ. «Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлью исказить и оговорить изъявленіе столь возвышенныхъ чувствованій. Въ зложелательствѣ, въ арсеналѣ постороннихъ страстей захотѣли добыть орудіе, чтобы очернить эти чувствованія. Прикинулись, будто вѣрятъ слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣревались воспользоваться его кончиною для произведенія, не знаю, какого-то заговорщическаго дѣйствія и по своей наклонности къ смутѣ хотѣли устроить что-то въ родѣ похоронъ генерала Ламарка! Что за ослѣпленіе! Что за лживое примѣненіе къ нашей странѣ событій, нравовъ и обстоятельствъ другой страны! Мало было оклеветать нѣсколько человѣкъ; клевета не смутилась и передъ мыслью, что иностранцы, живущіе въ Петербургѣ, а черезъ нихъ и вся Европа, получатъ ложное понятіе о нашемъ общественномъ состояніи. Возможность уличныхъ безпорядковъ и враждебныхъ власти заявленій изобрѣтена на досугѣ, между тѣмъ какъ все было спокойно, любовь къ государю ощущалась всѣми сердцами, и всѣ благословляли его имя. Чтобы ни говорили, но если полицейскія донесенія противорѣчатъ моимъ словамъ, то я утверждаю, будучи въ томъ нравственно убѣжденъ, что эти показанія были невѣрны, что они во всякомъ случаѣ могли относиться лишь къ какимъ-нибудь отдѣльнымъ словамъ, сказаннымъ на вѣтеръ, не знаю гдѣ и кѣмъ, и не имѣвшимъ никакого значенія. Во всякомъ случаѣ было бы неблагородно соединять имена друзей Пушкина съ подобною гнусностью, каковая могла быть приписана развѣ самой подлой черни, и въ этомъ отношеніи нанесла имъ напрасное оскорбленіе тѣми мѣрами, которыя были приняты во время перенесенія тѣла изъ дома въ церковь. Онѣ не оправдываются и необходимостью предосторожности въ видахъ поддержанія угрожаемаго якобы общественнаго порядка. Не говорю о солдатскихъ пикетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрались туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ? Противъ кого эти переодѣтые, но всѣми узнаваемые шпіоны? Они были тамъ, чтобы не упускать насъ изъ виду, подслушивать наши сѣтованія, наши слова, быть свидѣтелями нашихъ слезъ, нашего молчанія. Скажутъ, что это также мѣры общественной безопасности; согласенъ, но мѣры эти оскорбительны для тѣхъ, противъ кого онѣ принимаются, а коль скоро оскорбленіе не заслуженно, не вдвойнѣ ли оно тяжко? Все узнается. Подозрѣнія, на насъ возведенныя, непремѣнно разгласились, а наше оправданіе не можетъ быть гласнымъ, и въ глазахъ легковѣрнаго и зложелательнаго общества мы останемся подъ бременемъ тяжкаго обвиненія».

зумѣется, и меня не пощадили; и даже думаю, что мнѣ оказали честь, отведя мнѣ первое мѣсто. Я долженъ все это высказать вашему высочеству, такъ какъ сердечно этимъ огорченъ и дорожу вашимъ уваженіемъ. Клянусь передъ Богомъ и передъ вами, что все, чему повѣрили, или хотѣли заставить повѣрить о насъ,—была ложь, самая отвратительная ложь. Единственное чувство, которое волновало меня и другихъ друзей Пушкина въ это тяжелое время, была скорбь о нашей утратѣ и благодарность государю за все, что было великодушнаго, истинно-христіанскаго, непосредственнаго въ его поступкѣ, во всемъ, что сдѣлалъ онъ для умирающаго и мертваго Пушкина. Боже великій! Какъ могла какая-нибудь супротивная мысль закрасться туда, гдѣ было одно умиленіе, одна благоговѣйная преданность, гдѣ характеръ государя явился передъ нами во всей своей чистотѣ, во всемъ, что только есть въ немъ благороднаго и возвышеннаго, когда онъ бываетъ самъ собою, когда дѣйствуетъ безъ посредниковъ? Кромѣ того, какое невѣжество, какія узкія и ограниченные взгляды проглядываютъ въ подобныхъ сужденіяхъ о Пушкинѣ! Какой онъ былъ политическій дѣятель! Онъ прежде всего былъ поэтъ, и только поэтъ. Увлекаемый своей пылкой поэтической натурой, онъ, безъ сомнѣнія, могъ обмолвиться эпиграммой, запрещеннымъ стихомъ; на это нельзя смотрѣть, какъ на непростительный грѣхъ; человѣкъ, вѣдь, мѣняется со временемъ, его мнѣнія, его принципы, его симпатіи видоизмѣняются. Затѣмъ, что значатъ въ Россіи названія—политическій дѣятель, либералъ, сторонникъ оппозиціи? Все это пустые звуки, слова безъ всякаго значенія, взятыя недоброжелателями и полиціей изъ иностранныхъ словарей, понятія, которыя у насъ совершенно не примѣнимы: гдѣ у насъ то поприще, на которомъ можно было бы играть эти заимствованныя роли, гдѣ тѣ органы, которые были бы открыты для выраженія подобныхъ убѣжденій? Либералы, сторонники оппозиціи въ Россіи должны быть, по крайней мѣрѣ, безумцами, чтобы добровольно посвящать себя въ траписты, обречь себя на вѣчное молчаніе и похоронить себя заживо. Шутки, нѣкоторая независимость характера и мнѣній—еще не либерализмъ и не систематическая оппозиція. Это просто особенность характера. Желать, чтобы всѣ характеры были отлиты въ одну форму, значитъ желать невозможнаго, значитъ хотѣть передѣлать твореніе Божіе. Власти существуютъ для того, чтобы пресѣкать злоупотребленіе подобными тенденціями—это ихъ обязанность, но бить тревогу и бросать грязью въ нѣкоторыя, хотя бы и слишкомъ свободныя, болтливыя изліянія, въ какую-нибудь вспышку, которая и сама улетучится, какъ дымъ,—есть, въ свою очередь, злоупотребленіе властью. Да Пушкинъ никоимъ образомъ и не былъ ни либераломъ, ни сторонникомъ оппозиціи, въ томъ смыслѣ,

какой обыкновенно придается этимъ словамъ. Онъ былъ глубоко, искренно преданъ государю, онъ любилъ его всѣмъ сердцемъ, осмѣлюсь сказать, онъ чувствовалъ симпатію, настоящее расположеніе къ нему. Въ своей молодости Пушкинъ нападалъ на правительство, какъ всякій молодой человѣкъ; такою была и эпоха, и молодежь, современныя ему. Но онъ былъ не либералъ, а аристократъ и по вкусу, и по убѣжденіямъ. Онъ открыто бранилъ паденіе прежняго режима во Франціи, не любилъ іюльскаго правительства и сочувствовалъ интересамъ Генриха V. Что касается возстанія Польши, то его стихи могутъ дать истинную оцѣнку его либерализма, эти стихи не вызваны обстоятельствами, это исповѣданіе его политическихъ убѣжденій. 14-ое декабря застало его чистымъ отъ всякаго участія въ разрушительныхъ проектахъ, занимавшихъ головы его друзей и товарищей его юности и лицейскихъ. Онъ былъ противникомъ свободы печати не только у насъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ. Его талантъ, его умъ созрѣли съ годами, его послѣднія и, слѣдовательно, лучшія произведенія: «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Исторія Пугачевскаго бунта»— монархическія. Наши, такъ называемые монархическіе, благонамѣренные журналы, пользующіеся особымъ покровительствомъ полиціи, часто старались подорвать народную къ нему любовь (и успѣвали въ этомъ), объявляя, что талантъ его померкъ какъ разъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, которыя они вмѣняли ему чуть не въ преступленіе. Суть заключалась въ томъ, что истинныя его убѣжденія не сходились съ доносами о немъ полиціи. Но развѣ тѣ, кто ихъ составлялъ, знали Пушкина лучше, чѣмъ его друзья? Развѣ наши должностныя лица, обязанныя наблюдать за общественнымъ настроеніемъ умовъ, стараются вникнуть въ истинныя мнѣнія (узнавъ ихъ отъ нихъ же самихъ) тѣхъ людей, чье доброе имя и благосостояніе зависятъ отъ ихъ сужденія и предубѣжденности? Развѣ генералъ Бенкендорфъ удостоилъ меня, хотя бы въ продолженіе четверти часа, разговора, чтобы самому лично узнать меня? А между тѣмъ, цѣлыхъ десять лѣтъ мое имя записано на черной доскѣ; своимъ же мнѣніемъ обо мнѣ онъ обязанъ нѣсколькимъ словамъ, отрывкамъ, которые ему были переданы, клеветамъ, донесеннымъ ему какимъ-либо агентомъ за опредѣленную, мѣсячную плату.

Извините, ваше высочество, искренность и рѣзкость моихъ жалобъ, съ которыми я обращаюсь къ вамъ не съ какою-либо скрытою цѣлью, а потому, что я знаю вашу чуткость къ правдѣ, а я, повторяю, дорожу вашимъ благоволеніемъ и вашимъ уваженіемъ. Я хочу, чтобы вы меня знали такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ меня желаютъ изобразить. Я долженъ еще просить ваше высочество извинить меня за чрезмѣрную

длину моего письма, у меня не было времени его сократить. Я только вчера узналъ объ отъѣздѣ генерала Философова и принялся вчера переписывать свои воспоминанія. Я даже позволилъ себѣ обратиться за помощью къ моей женѣ, и ваше императорское высочество соблаговолите оказать мнѣ вдвойнѣ снисхожденіе и за изложеніе, и за переписку набѣло.

Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго высочества свою глубочайшую почтительность и самую искреннюю преданность, съ каковыми имѣю честь быть

Вашего Императорскаго Высочества смиреннѣйшій и покорнѣйшій слуга

Кн. Вяземскій.

С.-Петербургъ 14 февраля 1836 г.[1])

3.

Изъ дневника А. И. Тургенева.

А. И. Тургеневъ оставилъ не мало цѣнныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ смерти и погребенія Пушкина въ своихъ письмахъ, напечатанныхъ въ статьѣ А. А. Ѳомина «Новые матеріалы для біографіи Пушкина» («Пушкинъ и современники», вып. VI, стр. 46—97). Но Тургеневъ велъ еще дневникъ и въ своихъ письмахъ широко пользовался записями въ своемъ дневникѣ. Воспроизводимъ изъ хранящагося въ Рукописномъ отдѣлѣ Библіотеки Академіи Наукъ дневника А. И. Тургенева за 1837 годъ записи, имѣющія отношенія къ смерти и погребенію Пушкина.

27 генваря . . . Встрѣтилъ Греча: онъ тронулъ меня изъявленіями за что-то какой-то признательности и приглашеніемъ на похороны сына, въ цвѣтѣ первой молодости и успѣховъ въ наукахъ умершаго. Пойду: смерть все примиряетъ. Заходилъ къ Люцероду—не засталъ. Обѣдалъ въ трактирѣ. Послѣ обѣда встрѣча съ прелестной шведкой... Къ К. Щербат. Тамъ знакомство съ Кн. Гол. Скарятинъ сказалъ мнѣ о дуэлѣ Пушкина съ Геккереномъ; я спросилъ у Карамзиной и побѣжалъ къ Мещерской: они уже знали. Я къ Пушкину: тамъ нашелъ Жуковскаго, князя и княгиню Вяземскихъ и раненаго *смертельно* Пушкина, Арндта, Спасскаго—всѣ отчаивались.—Пробылъ съ ними до полуночи и опять къ К. Мещерск. Тамъ до двухъ и опять къ Пушкину, гдѣ пробылъ до 4-го утра. Государь присылалъ Арндта съ письмомъ, собственн. карандашомъ: только показать ему: «Если Богъ не велитъ намъ

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ: le 14 Février 1836. Явная описка!

свидѣться на этомъ свѣтѣ, то прими мое прощенье (котораго Пушкинъ просилъ у него себѣ и Данзасу) и совѣтъ умереть христьянски, исповѣдаться и причаститься; а за жену и дѣтей не безпокойся: они мои дѣти и я буду пещись о нихъ». Пушкинъ сложилъ руки и благодарилъ Бога, сказавъ, чтобы Жуковскій передалъ Государю его благодарность. Пріѣздъ его: мысль о женѣ и слова, ей сказанныя: «будь спокойна, ты ни въ чемъ не виновата».

28 генваря. Пушкинъ. Справлялся: хуже. Въ 10 часовъ я уже былъ опять у Пушкина. Опасность увеличилась. Страданія ночью и крики, коихъ не слыхала жена. Послѣдній разбудилъ ее, но ей сказали, что это на улицѣ. Все описалъ сестрицѣ [1]) и просилъ Булгакова послать копію къ Аржевитинову. Получилъ письмо отъ Норова.

Былъ на похоронахъ у сына Греча; опять къ Пушкину, простился съ нимъ. Онъ пожалъ мнѣ два раза, взглянулъ и махнулъ тихо рукою. Карамзину просилъ перекрестить его. Віельгорскому сказалъ, что любитъ его. Жук.—все тотъ же.

Обѣдалъ у Путят. Потомъ опять къ Пушкину и домой и къ Пушкину и къ П.; пилъ чай у Карамзиной до 4 часу.

29 генваря. День рожденья Жуковскаго и смерти Пушкина. Мнѣ прислали сказать, что ему хуже да хуже. Въ 10-мъ часу я пошелъ къ нему. Жуковскій, Віельгорскій, Вяземскій ночевали тамъ. Князь А. Н. [2]) призвалъ къ себѣ: разсказалъ ему о Пушкинѣ и просилъ за Данзаса... Описалъ весь день и кончину Пушкина въ двухъ письмахъ для сестрицы [3]).

Въ 2¾ пополудни поэта не стало: послѣднія слова и послѣдній вздохъ его. Жуковскій, Вяземскій, сестра милосердія, Даль, Данзасъ, Дръ ..... [4]) закрылъ ему глаза.

Обѣдалъ у графа Віельгорскаго съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ. Оттуда съ Вяземскимъ къ Бравурѣ, письмо и комеражи ея. На панехиду Пушкина въ 8 часовъ вечера. Оттуда домой и вечеръ у Карамзиной. «La

---

[1]) Это письмо, датированное «СПБ. 1837. Генваря 28. 9 час. утра», напечатано А. А. Ѳоминымъ въ статьѣ «Новые матеріалы для біографіи Пушкина (Изъ Тургеневскаго архива)»—«Пушкинъ и его современники», вып. VI, стр. 47—51.

[2]) Голицынъ.

[3]) Эти два письма—тѣ самыя, которыя напечатаны А. А. Ѳоминымъ: одно подъ № 3 датировано 29 генваря 10 час. утра (стр. 51—53), другое подъ № 4—отнесено къ неизвѣстному и датировано «29 генваря 1837 года, съ квартиры Пушкина» (стр. 53—55). На самомъ дѣлѣ письмо написано не 29 генваря, а 28 генваря: въ текстѣ его сказано: «2 часа съ ½. Вотъ 22 часа ранѣ».

[4]) Пропускъ въ подлинникѣ; въ письмѣ къ Булгакову (названная статья А. А. Ѳомина, стр. 55) докторъ названъ «Андрѣевскій».

justice distributive»—обо мнѣ Софья Николаевна, отвѣчалъ ей это. О вчерашней встрѣчѣ моей съ отцомъ Геккерена. Барантъ у П. У меня Татар. записалъ къ Ив. Сем. и приложилъ 1812 г. Глинки и прибавленія къ Инвалиду. Въ письмѣ стих. Пушк. о морѣ [1]).

30 генваря. День Ангела Жуковскаго... Писалъ и къ сестрицѣ и къ Булгакову о вчерашнемъ днѣ [2]). О пенсіи Пуш., о дѣтяхъ. Въ 11 часовъ панехида. Письмо П. къ Геккерену. Былъ у Даршіака, читалъ всѣ письма его къ П. и П. къ нему и къ англичанину о секундантахъ. Поведеніе Пушкина на полѣ или на снѣгу битвы назвалъ онъ «parfaite». Но слова его о возобновленіи дуэля по выздоровленіи отняли у Даршіака возможность примирить ихъ. Обѣдалъ у графини Бобринской съ Перовскимъ: далъ ей Ламенэ... Не былъ на панехидѣ по нездоровью, не поѣхалъ на балъ къ кн. Гол. по причинѣ кончины Пушкина. Вечеръ у Карамзиной. О князѣ Иванѣ Гагаринѣ. О Кочубеѣ. «Хохлу отъ русскихъ». Катерина Андреевна пѣняетъ за дѣтей.

31 генваря. Воскресенье. Зашелъ къ Пушкину. Первыя слова, кои поразили меня въ чтеніи Псалтыря: «Правду твою не скрывъ въ сердцѣ твоемъ». Конечно, то, что Пушкинъ почиталъ *правдою,* т. е. злобу свою и причины оной къ антагонисту—онъ не скрылъ, не угомонился въ сердцѣ своемъ и погибъ. Обѣдня у К. Гол. Блудова болтовня. О бумагахъ, приписалъ о 14 тетрадяхъ Брогліо, опять къ Пушк. Оттуда къ Сербиновичу и къ Даршіаку, гдѣ нашелъ Вяземскаго и Данзаса: о Пушкинѣ! *Знать* наша не знаетъ Славы русской, олицетворенной въ Пушкинѣ. Слова Государя Жуковскому о Пушкинѣ и Карамзинѣ. «Карамзинъ Ангелъ». Пенсія, заплата долговъ, 10 тысячь на погребеніе, изданіе сочиненій и пр. Обѣдалъ у Карамзиной. Споръ о Геккеренѣ и Пушкинѣ. Подозрѣнія опять на К. И. Г. Послѣ обѣда на панехиду. Оттуда пить чай къ К. Мещер.—и опять на выносъ въ 12-ть т. е. въ полночь. Явились жандармъ, полиція, шпіоны—всего 10 штукъ, а насъ едва-ль столько было! Публику уже не впускали. Въ 1-мъ часу мы вывезли гробъ въ церковь Конюшенную, пропѣли заупокой, и я возвратился тихо домой.

1 февраля. У меня былъ А. Бестужевъ. Въ 11 часовъ нашелъ я уже въ церкви обѣдню, въ 10½ начавшуюся. Стеченіе народа, коего не впускали въ церковь, по Мойкѣ и на площади. Послы со свитами и женами. Лицо Баранта:

---

[1]) Это письмо къ И. С. Аржевитинову напечатано въ «Русск. Арх.» 1903, I, стр. 143—144.

[2]) Письмо къ А. Я. Булгакову въ статьѣ А. А. Ѳомина — № 5, стр. 55—56; письмо къ сестрицѣ—тамъ же, № 7, стр. 57—58.

le seul russe—вчера еще, но сегодня ген.- и флигель-адъютанты. Блудовъ—Уваровъ: смерть примиритель. Крыловъ. Князь Шаховской. Дамы—посольши и пр. Каратыгинъ—молодежь. Жуковскій. Мое чувство при пѣніи. Мы снесли гробъ въ подвалъ. Тѣснота. Оттуда къ вдовѣ: тамъ опять Жуковскій. Письмо вдовы къ Государю: Жуковскаго, графа Віельгорскаго, графа Строганова просить въ опекуны. Все описалъ сестрицѣ и для другихъ и послалъ билеты. Просилъ о присылкѣ моихъ портретовъ. Не засталъ Даршіака, обѣдалъ на свадебномъ обѣдѣ у Щербат.... и къ графинѣ Потоцкой, не зная, что отецъ ея скончался. Къ Бравурѣ и къ Арш. Опять не засталъ, къ Карамзиной, гдѣ нашелъ нижегородскую знакомку Зубову..., опять съ письмомъ къ Карамз., къ Аршіаку, нашелъ у него Кн. Ив. Гагарина, отдалъ письмо и книжку, Карам. и мы съ афишкой Каратыгина къ Ансело. Простился съ нимъ; дописалъ письмо къ брату и

2 февраля рано поутру послалъ его къ Даршіаку — о смерти Пушкина, о Штиглицѣ, о покупкѣ для Щерб. часиковъ и цѣпочекъ для двухъ дочерей, о посылкѣ книгъ черезъ Даршіака и знакомыхъ съ нимъ...[1]).

Жуковскій пріѣхалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что Государь назначаетъ меня провожать тѣло Пушкина до послѣдняго жилища его. Мы толковали о прекрасномъ поступкѣ Государя въ отношеніи къ Пушкину и къ Карамзину. Послѣ него Ѳедоровъ со стихами на день его рожденія, и опять Жуковскій съ письмомъ графа Бенкендорфа къ графу Строганову,—о томъ, что вмѣсто Данзаса назначенъ я, въ качествѣ старшаго друга (ancien ami), отдать ему послѣдній долгъ[2]). Я рѣшился принять и переговорить о времени отъѣзда съ графомъ Строгановымъ. Поручилъ Ѳедорову собрать свѣдѣнія о Псковѣ. Пошелъ къ Графу Строганову. Встрѣтилъ Даршіака, который ѣдетъ въ 8 часовъ вечера,—послалъ къ нему еще письмо къ брату, въ коемъ копія съ писемъ графа Бенкендорфа и съ моего къ Графу Строганову[3]), а M-me Ancelot послалъ афишку о бенефисѣ Bourbier съ припиской. Графа Строганова не засталъ, оставилъ карточку, встрѣтилъ жену его: она сказала, что будетъ графъ въ 4 часа дома; не засталъ кн. Голицына ни дома, ни у Муравьевой, ни во дворцѣ.—У князя Вяземскаго написалъ письмо къ графу Строганову, обѣдалъ у Путят. и заказалъ отыскать кибитку.—Встрѣтилъ кн.

---

[1]) Это письмо напечатано А. А. Ѳоминымъ: № 8, стр. 58—64.

[2]) Это письмо, разосланное въ копіи Тургеневымъ А. Я. Булгакову, Н. И. Тургеневу, сестрицѣ, было напечатано вмѣстѣ съ отвѣтомъ Тургенева нѣсколько разъ. См. «Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина», С.-Пб. 1863, стр. 67—68; «Русскій Архивъ» 1864, ст. 469—471; назв. статья А. А. Ѳомина—№№ 11 и 13, стр. 69 и 70-71.

[3]) Это письмо къ Н. И. Тургеневу не напечатано.

Святогорскій монастырь. Видна могила Пушкина

(Съ литографіи, сдѣланной во Псковѣ въ 1837 г. Собственность Пушкинскаго Музея Александровскаго Лицея)

Голиц. и въ сѣняхъ у кн. Кочубей прочелъ ему письмо и сказалъ слышанное: что не въ мундирѣ положенъ, якобы по моему или князя Вяземскаго совѣту? Жуковскій сказалъ Государю, что по желанію жены. Былъ въ другой разъ, до обѣда у графа Строганова, отдалъ письмо, и мы условились о днѣ отъѣзда. Государю угодно, чтобы завтра въ ночь. Я сказалъ, что поѣду на свой счетъ и съ особой подорожной.

Былъ у почтъ-директора: дадутъ почтальона... Къ Сербиновичу: условились о бумагахъ. Къ Жуковскому: тамъ Спасскій прочелъ мнѣ записку свою о послѣднихъ минутахъ Пушкина. Отзывъ гр. Б. Гречу о Пушкинѣ. Стихи Лермонтова прекрасные. Отсюда домой и къ Татаринову и на панехиду; тутъ Графъ Строгановъ представилъ мнѣ жандарма: о подорожныхъ и о крестьянскихъ подставахъ. Куда ѣду—еще не знаю. Заколотили Пушкина въ ящикъ. Вяземскій положилъ съ нимъ свою перчатку. Не поѣхалъ къ нему для жены. У Карамз. Ѳедоровъ отдалъ мнѣ книги и бумаги. О Вяземскомъ со мною: онъ еще не мертвый...

3 февраля... Писалъ къ сестрицѣ и къ Булгакову и послалъ копію съ писемъ графа Бенкендорфа и съ моего и къ Ивану Семеновичу тоже и справку для Татаринова [1]). Былъ у Арсеньева, много о Великомъ Князѣ и Государѣ: жизнію Петра еще живетъ Россія—сказалъ когда-то Государь. Мнѣніе Наслѣдника о Екатеринѣ II. Вразумленіе его Арсеньевымъ. Опоздалъ на панехиду къ Пушкину. Явились въ полночь, поставили на дроги и

4 февраля, въ 1-мъ часу утра или ночи, отправился я за гробомъ Пушкина въ Псковъ; передъ гробомъ и мною скакалъ жандармскій капитанъ. Проѣхали Софію, въ Гатчинѣ рисовались дворцы и шпицъ протестантской церкви; въ Лугѣ или прежде пилъ чай. Тутъ вошелъ въ церковь. На станціи передъ Псковомъ встрѣча съ камергеромъ Яхонтовымъ, который везъ письмо Мордвинова къ Пещурову, но не сказалъ мнѣ о немъ [2]). Я поилъ его чаемъ и обо-

---

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Это письмо воспроизведено факсимиле въ журналѣ «Искры» (№ 5 отъ 29 января 1912 года). Приводимъ его здѣсь: «Милостивый Государь Алексѣй Никитичъ! Г. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Яхонтовъ, который доставитъ сіе письмо Вашему Превосходительству, сообщитъ Вамъ наши новости. Тѣло Пушкина везутъ въ Псковскую губернію для преданія землѣ въ имѣніи его отца. Я просилъ г. Яхонтова передать Вамъ по сему случаю порученіе Графа Александра Христофоровича, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству волю Государя Императора, чтобы Вы воспретили всякое особенное изъявленіе, всякую встрѣчу, однимъ словомъ всякую церемонію, кромѣ того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребеніи тѣла дворянина. Къ сему неизлишнимъ считаю, что отпѣваніе тѣла уже здѣсь совершено. Съ отличнымъ почте-

гналъ его, пріѣхалъ къ 9-ти часамъ въ Псковъ, прямо къ Губернатору—на вечеринку. Яхонтовъ скоро и прислалъ письмо Мордвинова, которое губернаторъ началъ читать въ слухъ, но дошелъ до Высочайшаго повелѣнія—*о невстрѣчѣ*—тихо и показалъ только мнѣ, именно тому, кому казать не должно было: сцена хоть бы изъ комедіи! Напился чаю; мы вытребовали отъ Архіерея (за 5 верстъ) предписаніе Архимандриту въ Святогорскомъ Монастырѣ, отъ губернатора городничему въ Островъ и исправнику въ Опочковскомъ уѣздѣ и въ 1 часъ пополуночи

5 февраля отправились сперва въ Островъ, за 56 верстъ, оттуда за 50 верстъ къ *Осиповой*—въ Тригорское, гдѣ уже былъ въ три часа пополудни. За нами прискакалъ и гробъ въ 7-мъ часу вечера; почталіона оставилъ я на послѣдней станціи съ моей кибиткой. Осипова послала, по моей просьбѣ, мужиковъ рыть могилу; вскорѣ и мы туда поѣхали съ жандармомъ; зашли къ Архимандриту; онъ далъ мнѣ описаніе Монастыря; рыли могилу; между тѣмъ я осмотрѣлъ, хотя и ночью, церковь, ограду, зданія. Условились пріѣхать на другой день и возвратились въ Тригорское. Повстрѣчали тѣло на дорогѣ, которое скакало въ монастырь. Напились чаю; я уложилъ спать жандарма и самъ остался мыслить вслухъ о Пушкинѣ съ милыми хозяйками; читалъ альбумъ со стихами Пушкина, Языкова и пр. Нашелъ Пушкина нигдѣ не напечатанные. Дочь плѣняла меня; мы подружились. Въ 11 часовъ я легъ спать. На другой день

6 февраля, въ 6 часовъ утра, отправились *мы*—я и жандармъ!!—опять въ монастырь,—все еще рыли могилу; мы отслужили панехиду въ церквѣ и вынесли на плечахъ крестьянъ и дядьки гробъ въ могилу—немногіе плакали. Я бросилъ горсть земли въ могилу; выронилъ нѣсколько слезъ—вспомнилъ о Сережѣ,—и возвратился въ Тригорское. Тамъ предложили мнѣ ѣхать въ Михайловское, и я поѣхалъ съ милой дочерью, несмотря на желаніе и на убѣжденіе жандарма не ѣздить, а спѣшить въ обратный путь. Дорогой Марія Ивановна объяснила мнѣ Пушкина въ деревенской жизни его, показывала урочища, мѣста...... [1]), любимыя сосны, два озера, покрытыхъ снѣгомъ, и мы вошли въ домикъ поэта, гдѣ онъ прожилъ свою ссылку и написалъ луч-

---

ніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Мордвиновъ. С. Петербургъ 2-го февраля 1837 ». Подлинное письмо находится въ собраніи Б. Л. Модзалевскаго. См. также статью «О перевозѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія въ Псковскую губернію»,—дѣла архива Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ, напечатанную въ «Русск. Стар.», т. CXXIX, 1907, февр., стр. 453—457.

[1]) Клочекъ рукописи вырванъ.

шіе стихи свои. Все пусто. Дворникъ, жена его плакали. Я искалъ вещь, которую бы могъ унести изъ дома; двѣ каменныя вазы на печкахъ оставилъ я для сиротъ. Спросилъ стараго, исписаннаго пера: мнѣ принесли новое, неочиненное; насмотрѣвшись, мы опять сѣли въ кибитку-коляску и, дружно разговаривая, возвратились въ Тригорское. Отзавтракавъ, простились. Хозяйка дала мнѣ нѣм. keepsake на память.... Я обѣщалъ ей стихи Лермонтова, Онѣгина и мой портретъ. Мы нѣжно прощались, особливо съ Маріей Ивановной, усѣлись въ кибитку и на лошадяхъ хозяйки по рѣкѣ Великой менѣе нежели въ три часа достигли до 1-ой станціи. Заплатилъ за упадшую подъ гробомъ лошадь —и поѣхалъ дальше. Островъ. Здѣсь нагналъ насъ городничій; благодарилъ его и чиновника—и въ 4 часу утра пріѣхалъ во Псковъ

7 февраля въ воскресенье. Остановился на почтѣ; товарищъ началъ сбираться одинъ въ путь; я охотно благословилъ его; напились кофе и чаю; онъ ускакалъ, а я пошелъ въ Соборъ къ заутренѣ,—гулъ колоколовъ раздавался въ темнотѣ ночи, въ древнемъ городѣ, гдѣ бивалъ и вечевой колоколъ.

Узналъ, что обѣдню будетъ служить Архіерей, въ 9-ть часовъ; пошелъ по другимъ церквамъ, въ часовню церкви св. Николая, гдѣ передъ чудотворной иконой сіяли свѣчи и лампады, и народъ молился. Дослушалъ въ древней церквѣ заутреню. Гулялъ въ сумракѣ ночи по древнему городу, во тьмѣ рисовались развалины Пскова и стѣнъ его. Я возвратился на почту; переодѣлся и пошелъ къ Губернатору увѣдомить о моемъ возвращеніи. Былъ на рынкѣ, въ кордегардіи у арестантовъ; ко мнѣ пріѣхалъ губернаторъ; со мной къ обѣднѣ, въ Соборъ, гдѣ уже служилъ Архіерей, но прежде зашли мы въ древній Соборъ, осмотрѣли мечъ съ надписью: Honorem meum nemini dabo, гробъ осеребреный, образа, сбираемые для Дерптской архіерейской церкви, и выслушали въ новомъ Соборѣ обѣдню; познакомился съ Архіереемъ: онъ заѣхалъ для меня къ губернатору и тамъ болтали о многомъ; тутъ Львовъ по казеннымъ крестьянамъ, и дворяне, и военные, позавтракали и распрощались съ архіереемъ. Губернаторъ далъ мнѣ *Гуровскаго* въ провожатые.

Я осмотрѣлъ губернскія мѣста, военную тюрьму, госпиталь, гдѣ приняли меня, какъ важнаго ревизора. Всѣ въ мундирахъ. Тутъ подтвердилось мое замѣчаніе о желѣзныхъ цѣпяхъ на рукахъ, во время зимы. Солдатъ показалъ мнѣ отмороженную руку оттого, что прутъ желѣзный былъ къ рукѣ прикованъ. Наканунѣ видѣлъ я колодниковъ съ обнаженными руками на томъ мѣстѣ, гдѣ прутъ, и замѣтилъ это—почтальону. Я осмотрѣлъ и острогъ: тутъ чисто; стѣну, отъ защиты коей русскими бѣжалъ Баторій. Онъ показалъ мнѣ и домъ, гдѣ жилъ Петръ I.

19 марта. Встрѣтилъ Дантеса, въ саняхъ съ жандармомъ, за нимъ другой офицеръ, въ саняхъ. Онъ сидѣлъ бодро, въ фуражкѣ, разжалованный и высланный за границу... Къ Жуковскому, читалъ письмо Жуковскаго къ отцу Пушкина съ выпусками...

V. Документы 1836—1837 годовъ къ исторіи дуэли.

Розыски документовъ по исторіи дуэли Пушкина и Дантеса.

1. Письма и донесенія барона Геккерена о дуэли.—2. Документы, хранящіеся въ семейномъ архивѣ барона Геккерена-Дантеса.—3. Неразысканные источники для исторіи дуэли.

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются документы 1836—1837 годовъ, относящіеся непосредственно къ исторіи дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Это небольшое собраніе является итогомъ продолжительныхъ и настойчивыхъ разысканій. Исторія поисковъ за матеріалами о дуэли не лишена интереса для будущихъ изслѣдователей и разыскателей, хотя бы и по одному тому, что даетъ указанія на неразысканные источники. Нелишнее будетъ поэтому сообщить нѣкоторыя подробности этой исторіи [1]).

1.

Особенное вниманіе мое съ самаго начала работы было направлено на розыски письменныхъ свидѣтельствъ о дуэли, исходящихъ отъ столь важнаго участника печальныхъ событій—барона Геккерена. Онъ былъ представителемъ короля Голландскаго въ С.-Петербургѣ, дуэль его пріемнаго сына отозвалась на его карьерѣ. Вполнѣ естественно было предположить существованіе письменныхъ объясненій Геккерена передъ Русскимъ государемъ, съ одной стороны и передъ Голландскимъ правительствомъ съ другой. Дѣйствительно, въ С.-Петербургскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ оказались весьма любопытныя письма барона Геккерена къ графу К. В. Нессельроду, бывшему въ то время Русскимъ Мини-

---

[1]) О документахъ изъ музея А. Ѳ. Онѣгина (№№ II, V, XI) сказано въ замѣткахъ передъ самыми документами.

стромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ свое время эти письма были использованы мной въ статьяхъ о дуэли Пушкина («Истор. Вѣстн.» 1905 г., мартъ, апрѣль); въ подлинномъ же видѣ они появляются впервые въ настоящей работѣ (№ VIII).

Но всѣ старанія извлечь донесенія Геккерена своему правительству изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Гаагѣ не увѣнчались успѣхомъ, къ прискорбію друзей просвѣщенія. Нидерландское правительство рѣшительно отказало въ сообщеніи интересующихъ насъ документовъ. Еще въ 1905 году нашъ посланникъ въ Гаагѣ Н. В. Чарыковъ получилъ отъ Министра фанъ-Тетса увѣдомленіе, что «опубликованіе хранящейся въ Архивѣ переписки въ настоящее время является нежелательнымъ, такъ какъ оно было бы непріятно для проживающихъ нынѣ въ Голландіи и за границею родственниковъ барона Геккерена» [1]). Между тѣмъ, пока шли эти переговоры, въ моихъ рукахъ оказались современныя копіи съ двухъ писемъ барона Геккерена барону Верстолку, бывшему въ 1837 году Голландскимъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ, и съ письма къ принцу Оранскому, супругу Анны Павловны, въ то время еще наслѣднику Нидерландскаго престола. Въ 1905 году въ статьяхъ о дуэли Пушкина и Дантеса я сообщилъ въ переводѣ извлеченія изъ этихъ примѣчательныхъ писемъ барона Геккерена.

Нѣтъ сомнѣнія, что признанные неподлежащими опубликованію документы Голландскаго архива суть подлинники писемъ, извѣстныхъ намъ лишь по копіямъ. Кое-что объ архивныхъ бумагахъ мы знаемъ частнымъ образомъ. Такъ, намъ извѣстно, что по дѣлу Геккеренъ-Пушкинъ въ архивѣ находятся «донесенія Голландскаго Министра въ Петербургѣ (т. е., Геккерена), содержащія отчетъ о событіяхъ, донесеніе уполномоченнаго въ дѣлахъ барона Геверса (замѣнившаго барона Геккерена) о впечатлѣніи, произведенномъ смертью Пушкина въ С.-Петербургѣ, и кромѣ того вырѣзка изъ «Journal de St.-Pétersbourg» съ приговоромъ надъ Дантесомъ». Графу Бреверну де-ла-Гарди, бывшему въ 1905—1906 годахъ совѣтникомъ нашей миссіи въ Гаагѣ, были показаны донесенія Геккерена (числомъ три), и нѣкоторыя фразы напомнили ему донесенія, напечатанныя въ русскомъ переводѣ въ моихъ статьяхъ [2]). Такъ какъ для цѣлей ученаго изслѣдованія представлялось

---

[1]) Н. В. Чарыковъ. Свѣдѣнія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи— «Пушкинъ и его современники», вып. XI, стр. 65.

[2]) Письмо графа Бревернъ де-ла-Гарди находится въ собраніи Пушкинскаго Дома.

необходимымъ ознакомиться съ подлинниками и такъ какъ то, что казалось въ Гаагѣ неподлежащимъ опубликованію, было уже оглашено въ Россіи, то, по просьбѣ Комиссіи по изданію сочиненій Пушкина, нашъ посланникъ въ Гаагѣ графъ Паленъ въ 1911 году взялъ на себя трудъ новаго обращенія къ Голландскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ Ванъ-Свиндерену. Но г. Ванъ-Свиндеренъ сообщилъ графу Палену, что «онъ не находитъ возможнымъ дать разрѣшеніе для личнаго осмотра посланникомъ или секретаремъ миссіи Архива его Министерства по этому крайне деликатному еще понынѣ вопросу, а тѣмъ болѣе согласиться на опубликованіе такихъ вполнѣ довѣрительно сообщенныхъ барономъ Геккереномъ свѣдѣній, которыя до сихъ поръ составляютъ семейную тайну, въ особенности третье письмо, на имя принца Оранскаго; относительно этого письма для его публикаціи, онъ, министръ, былъ бы обязанъ предварительно исходатайствовать разрѣшеніе Ея Величества Королевы Нидерландской, каковаго Ея Величество, по его, министра, глубокому убѣжденію, никогда не соизволитъ дать».

Намъ не совсѣмъ понятны основанія такого взгляда г. Ванъ-Свиндерена, но во всякомъ случаѣ будемъ ждать лучшихъ временъ, когда соображенія, диктуемыя чрезмѣрной щепетильностью, не будутъ имѣть мѣста, и мы получимъ возможность, во-первыхъ, свѣрить имѣющіяся у насъ капіи съ хранящимися въ Гаагѣ подлинниками, и, во-вторыхъ, ознакомиться и съ другими матеріалами о дуэли, о существованіи которыхъ въ Голландскихъ архивахъ мы не знаемъ. Пока же считаемъ необходимымъ напечатать въ этомъ отдѣлѣ письма барона Геккерена по стариннымъ, сдѣланнымъ въ 1837 году копіямъ (№№ IX и X) [1]).

2.

Вполнѣ естественно предположеніе, что въ семейныхъ архивахъ барона Геккерена и барона Геккеренъ-Дантеса могли сохраниться письма и документы, имѣющіе отношеніе къ послѣдней дуэли Пушкина. Въ печать не разъ проникали соотвѣтствующія извѣстія о Пушкинскихъ документахъ въ архивѣ сына Дантеса. Такъ, напр., г. И. Яковлевъ въ 1899 г. со словъ барона Гек-

---

[1]) Впервые французскій текстъ писемъ появился въ приложеніи къ моей книгѣ: Пушкинъ. Очерки. С.-Пб. 1912., и затѣмъ въ первомъ изданіи настоящей книги, гдѣ текстъ вновь свѣренъ съ подлинными копіями. Эти письма должны быть перепечатаны рядомъ съ письмами къ графу Нессельроду, такъ какъ истина можетъ быть почувствована только при послѣдовательномъ сопоставленіи тѣхъ и другихъ писемъ, столь различныхъ по своему содержанію.

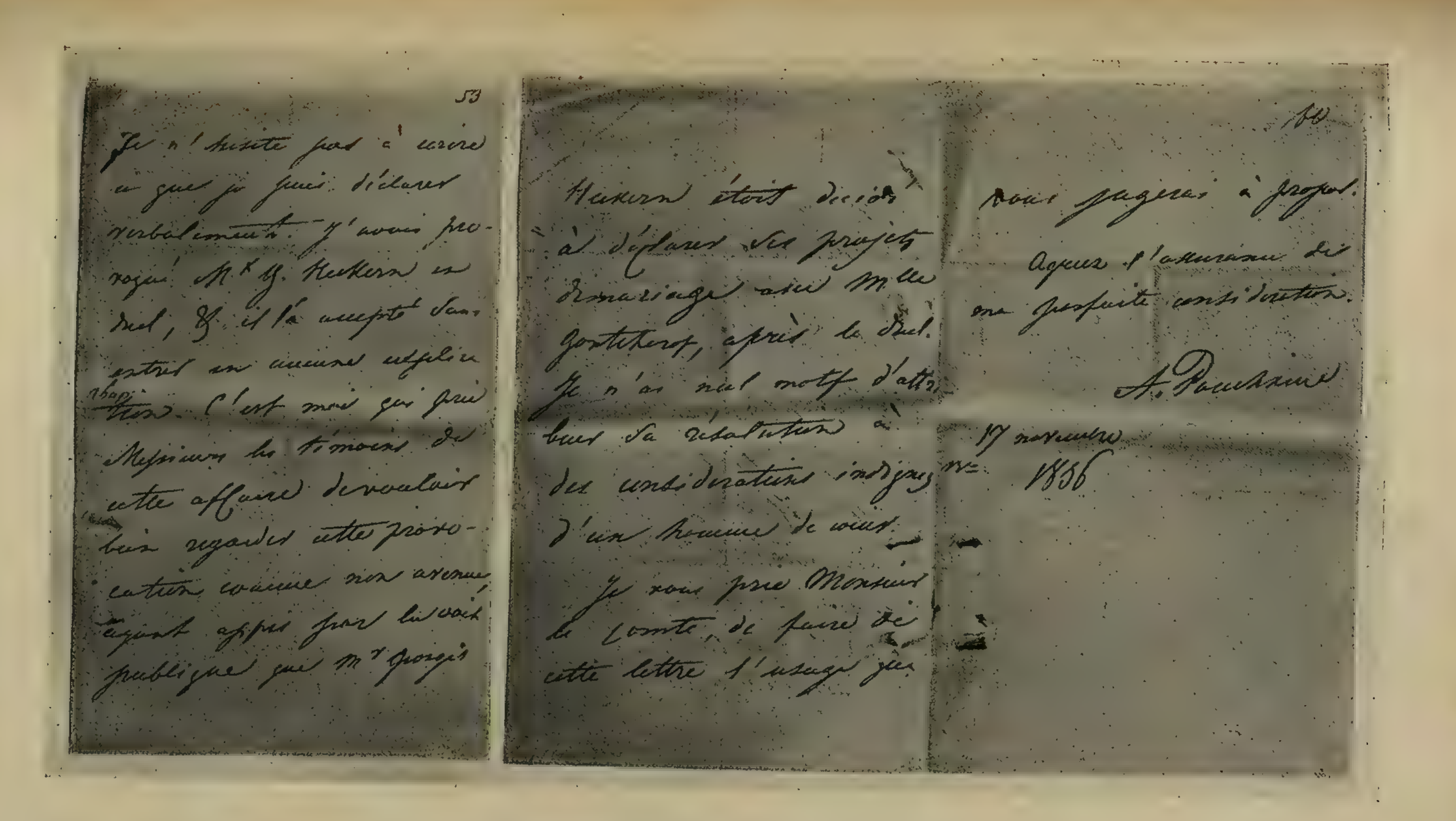
керенъ-Дантеса (сына) сообщалъ, что «въ бумагахъ, доставшихся ему послѣ отца, имѣется не мало документовъ, относящихся къ отношеніямъ его отца къ Пушкину, между прочимъ, два письма съ вызовомъ на дуэль»[1]). Но всѣ дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки извлечь матеріалъ изъ архива Дантеса не давали результатовъ, и ни одинъ документъ этого собранія не былъ опубликованъ. Нынѣ баронъ Геккеренъ-Дантесъ, внукъ барона Жоржа Геккеренъ-Дантеса, во владѣніи котораго находится фамильный архивъ, благодаря въ высшей степени обязательному содѣйствію гг. А. Мазона и Л. Метмана, съ большой любезностью согласился исполнить просьбу Комиссіи по изданію сочиненій Пушкина и сообщилъ цѣлый рядъ документовъ своего архива. Первая ихъ группа касается его дѣда внѣ его отношеній къ Пушкину и способствуетъ разрушенію того легендарнаго представленія о Дантесѣ, какое сложилось у пушкинистовъ; эти документы вошли въ седьмой отдѣлъ нашей книги. Вторую группу составляютъ документы, непосредственно относящіеся къ дуэли Пушкина и Дантеса. Изъ нихъ нѣкоторые являются новостью для изслѣдователей и имѣютъ важное значеніе для біографа Пушкина. Таково въ особенности неизвѣстное намъ письмо барона Жоржа Геккеренъ-Дантеса къ Пушкину (№ III). Въ настоящемъ отдѣлѣ помѣщены еще письма барона Геккерена Жуковскому (№ I), замѣтки Дантеса на письмо Пушкина (№ IV), правила дуэли (№ VI), оригиналъ объясненій Дантеса передъ судомъ (№VII).

Кромѣ печатаемыхъ документовъ, въ этомъ архивѣ находятся еще слѣдующіе, касающіеся дѣла Пушкина и Дантеса: 1) подлинное письмо Пушкина виконту д'Аршіаку отъ 17 ноября 1836 года. Это то самое письмо, которое было представлено въ военно-судную по дѣлу о дуэли Комиссію и, по снятіи копіи, возвращено черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ барону Геккерену[2]). (См. «Переписку Пушкина», изд. Имп. Академіи Наукъ, т. III, стр. 409, № 1101); 2) копія съ письма барона Геккерена Пушкину отъ 26 января 1837 года. Подлинникъ находится въ военно-судномъ дѣлѣ (см. «Переписку», т. III, стр. 445, № 1139); 3) копія съ письма Пушкина виконту д'Аршіаку съ датой «27 Janvier, 10 heures du matin» (см. «Переписку», т. III, стр. 449, № 1146). Виконтъ д'Аршіакъ передалъ князю П. А. Вяземскому собственноручно сдѣланный имъ списокъ этого письма; Вяземскій передалъ его Данзасу, а отъ Данзаса при рапортѣ онъ поступилъ въ военно-судную

---

[1]) «Новое Время», № 8125, 12 іюня 1899 г.

[2]) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло. Спб. 1900. Стр. 51.

53

Je n'hésite pas à écrire
ce que je puis déclarer
verbalement. J'avois pro-
voqué M.r G. Heckern en
duel, et il l'a accepté sans
entrer en aucune explica-
tion. C'est moi qui prie
Messieurs les témoins de
cette affaire de vouloir
bien regarder cette provo-
cation comme non avenue,
ayant appris par le bruit
public que M.r George

Heckern étoit décidé
à déclarer ses projets
de mariage avec M.lle
Gontcharof, après le duel.
Je n'ai nul motif d'attri-
buer sa résolution à
des considérations indignes
d'un homme de cœur.
Je vous prie Monsieur
le Comte, de faire de
cette lettre l'usage que

60

vous jugerez à propos.
Agréez l'assurance de
ma parfaite considération.

A. Pouchkine

17 novembre
1836.

Письмо Пушкина

(Изъ архива барона де-Геккернъ-Дантеса; см. стран. 280)

Комиссію. Подлинникъ остался, очевидно, у виконта д'Аршіака; гдѣ онъ теперь, неизвѣстно [1]); 4) отвѣтъ виконта д'Аршіака на это письмо въ копіи (см. «Переписку», т. III, стр. 450, № 1147). Подлинникъ его—въ военно-судномъ дѣлѣ [2]). Любопытно, что подлинникъ датированъ только днемъ, а копія и часомъ: «27 Janvier 1 heure après-midi». Текстъ же письма совершенно сходенъ.

Кромѣ перечисленныхъ, никакихъ другихъ документовъ и матеріаловъ, относящихся *непосредственно* къ исторіи дуэли Пушкина и Дантеса, въ семейномъ архивѣ гг. Дантесовъ, по свидѣтельству владѣльца архива, не находится.

3.

Императоръ Николай Павловичъ былъ хорошо освѣдомленъ о причинахъ и обстоятельствахъ несчастной дуэли. Онъ имѣлъ о дѣлѣ Пушкина доклады графа Нессельрода, графа Бенкендорфа и В. А. Жуковскаго. Всего того, что было вѣдомо Николаю Павловичу, мы, конечно, не знаемъ, и потому особый интересъ пріобрѣтаютъ всѣ письменныя высказыванія Государя по дѣлу Пушкина, какія только могутъ найтись.

О роли барона Геккерена, во всякомъ случаѣ, онъ былъ опредѣленнаго мнѣнія и потребовалъ отозванія барона изъ Россіи въ письмѣ къ наслѣднику Нидерландскаго трона принцу Вильгельму Оранскому, супругу сестры Русскаго государя, Великой Княгини Анны Павловны. Мы знаемъ, что это письмо было отправлено съ курьеромъ въ Гаагу 22-го февраля 1837 года [3]), но самое письмо намъ неизвѣстно. Въ виду особой важности этого письма, Комиссія по изданію сочиненій Пушкина, по моему ходатайству, приложила нарочитыя старанія къ разысканію какъ этого письма, такъ равно и тѣхъ писемъ Николая Павловича къ Аннѣ Павловнѣ, въ которыхъ могли бы оказаться упоминанія объ исторіи Пушкина. Нидерландскій посланникъ въ Петербургѣ баронъ Свергисъ де Ландасъ передалъ своему правительству просьбу о разысканіи и сообщеніи названныхъ писемъ; на эту просьбу былъ полученъ отвѣтъ: оказалось, что «ни въ архивѣ Королевскаго дома, ни въ ар-

---

[1]) См. въ назв. соч., стр. 83—84. Текстъ списка д'Аршіака въ военно-судномъ дѣлѣ и списка въ архивѣ Дантесовъ совершенно сходенъ, но есть разница въ датахъ: первый датированъ «27 Janvier enrte 9½ et 10 h. du matin», а второй «27 Janvier, 10 heures du matin».

[2]) Назв. соч., стр. 84.

[3]) См. назв. статью Н. В. Чарыкова—«Пушкинъ и его современники», вып. XI (1909), стр. 66.

хивѣ Кабинета Королевы не нашлось никакого письма Имп. Николая, относящагося къ исторіи послѣднихъ дней русскаго поэта». Директоръ же архива Королевскаго дома сообщилъ, что письма Николая Павловича къ Аннѣ Павловнѣ съ 1820 по 1852 годъ были перевезены въ Веймаръ Великой Герцогиней Софіей Саксенъ-Веймарской. Сочтено было необходимымъ продолжать розыски,—теперь уже въ Веймарскихъ архивахъ. Соотвѣтствующая просьба была обращена къ нашему посланнику въ Дрезденѣ, аккредитованному и при Веймарскомъ дворѣ. Изъ хранящихся въ Велико-Герцогскомъ архивѣ писемъ Императора Николая Павловича къ Аннѣ Павловнѣ были извлечены и сообщены письма съ 7—19 января по 31 мая (12 іюня) 1837 года—всего четыре письма. Упоминаніе о Пушкинѣ нашлось только въ одномъ письмѣ отъ 3 (15) февраля 1837 г. и занимаетъ всего нѣсколько строкъ:

«Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этихъ дняхъ пишу ему, мнѣ надо много сообщить ему объ одномъ трагическомъ событіи, которое положило конецъ жизни весьма извѣстнаго Пушкина, поэта; но это не терпитъ любопытства почты». Такъ писалъ Николай Павловичъ своей сестрѣ. Важное значеніе его письма къ Вильгельму Оранскому для исторіи дуэли не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ приходится констатировать, что поиски этого письма были безрезультатны. По сообщенію Голландскаго Министерства, этого письма не оказалось въ архивахъ Королевскаго дома и Кабинета Королевы. Не оказалось его и въ Веймарскихъ архивахъ. Сохранилось ли оно? Не уничтожено ли по соображеніямъ щепетильности? Или же, по этимъ соображеніямъ, не считается ли оно неподлежащимъ ни оглашенію, ни даже вѣдѣнію? Будемъ все-таки надѣяться, что со временемъ этотъ пробѣлъ въ источникахъ для біографіи Пушкина будетъ заполненъ.

Разъ начата рѣчь о неизвѣстныхъ намъ, но со временемъ могущихъ стать извѣстными біографическихъ источникахъ, не лишнее поставить вопросъ и о тѣхъ матеріалахъ, которые были подъ руками у графа Бенкендорфа. Мы уже знаемъ о перепискѣ съ нимъ В. А. Жуковскаго, извѣстной намъ по черновымъ послѣдняго. Значитъ, гдѣ-нибудь находятся же подлинники, если, конечно, они сохранились. Кромѣ того, надо думать, что всевѣдущее III Отдѣленіе, которое по всякому поводу собирало свѣдѣнія и составляло доклады, имѣло въ своемъ распоряженіи какіе-либо матеріалы и документы по этому дѣлу. Наконецъ, вѣроятно, что графъ А. Х. Бенкендорфъ по своему обыкновенію сдѣлалъ какой-либо письменный докладъ Государю. Наши розыски не дали никакихъ результатовъ. Въ архивѣ Департамента Полиціи или, вѣрнѣе, въ архивѣ III Отдѣленія мы не могли найти никакого досье о

смерти Пушкина. Дѣлъ III Отдѣленія о Пушкинѣ, какъ извѣстно, довольно много, но о смерти его въ нихъ нѣтъ ничего. Никакихъ подходящихъ сюда дѣлъ мы не могли подыскать и по алфавиту за 1837 годъ. Впрочемъ, такой результатъ еще не приводитъ къ выводу, что интересующихъ насъ документовъ не было или не сохранилось. Быть можетъ, розыски и увѣнчаются успѣхомъ, если будутъ производиться въ болѣе свободныхъ условіяхъ. Думается, что со временемъ и въ Собственной Его Величества Библіотекѣ могутъ быть найдены матеріалы, касающіеся исторіи дуэли и смерти Пушкина. Надо надѣяться на заполненіе и этихъ пробѣловъ.

I. Конспективныя замѣтки В. А. Жуковскаго о дуэли Пушкина.

По описанію Б. Л. Модзалевскаго, въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина, подъ № 25 въ серіи «Документы изъ бумагъ Жуковскаго», значится «5 записокъ Жуковскаго, въ видѣ конспективныхъ замѣтокъ на память, о времени, предшествовавшемъ дуэли Пушкина и о самой дуэли».

Изъ пяти записокъ двѣ совершенно незначительны. На одной написанъ только рядъ фамилій: «Данзасъ Плетневъ Вяземская Вяземскій Мещерскій Карамзина Даль Вьельгорскій Спасскій Одоевскій»; послѣдняя записанная фамилія «Краевскій» зачеркнута. Всѣ названныя тутъ лица играютъ ту или иную роль въ теченіи смертныхъ дней Пушкина. Другая записка—набросанный рукою Жуковскаго сначала карандашомъ, а потомъ воспроизведенный чернилами конспектикъ къ письму Жуковскаго къ графу А. Х. Бенкендорфу: «Разборъ сдѣланъ. Расположеніе. Протестую. Доносъ на меня. Что буду дѣлать съ нимъ. Что же оказалось мое положеніе Что оказалось о Пушкинѣ Его смерть Слухи—студенты мѣщане купцы рѣчи Графъ Строгановъ» и т. д. Замѣтки относятся къ напечатанной нами объяснительной запискѣ графа Бенкендорфа и никакого значенія при наличности полнаго текста не имѣютъ.

Зато остальныя три записки представляютъ первостепенный интересъ для исторіи обстоятельствъ, предшествовавшихъ дуэли. Въ нихъ цѣнно для насъ каждое слово Жуковскаго, и жаль, что многихъ его упоминаній нельзя расшифровать. Они были понятны писавшему, но для насъ недоступны. Эти замѣтки положены въ основу нашего изложенія исторіи дуэли и потому приводятся здѣсь безъ комментаріевъ. Воспроизводимъ ихъ съ буквальной точностью.

1.

4 ноября. Les lettres anonymes.

6 ноября. Гончаровъ у меня—моя поѣздка въ Петербургъ. Къ Пушкину. Явленіе Геккерна. Мое возвращеніе къ Пушкину. Остатокъ дня у Вьельгорскаго и Вяземскаго. Вечеромъ письмо Загряжской.

7 ноября. Я поутру у Загряжской. Отъ нее къ Геккерну (Mes antecedents. Неизвѣстное совершенное прежде бывшаго). Открытія Геккерна. О любви сына къ Катеринѣ (моя ошибка насчетъ имени) открытіе о родствѣ; о предполагаемой свадьбѣ.—Мое слово.—Мысль все остановить.—возвращеніе къ Пушкину. Les revelations. Его бѣшенство.—Свиданіе съ Геккерномъ. Извѣщеніе его Вьельгорскимъ. Молодой Геккернъ у Вьельгорскаго.

8. Pourparlers. Геккернъ у Загряжской. Я у Пушкина. Большее спокойствіе. Его слезы. то что я говорилъ о его отношеніяхъ.

9. Les revelations de Heckern.—Мое предложеніе посредничества. Сцена въ троемъ съ отцемъ и сыномъ. Мое предложеніе свиданія.

10. Молодой Геккернъ у меня. Я отказываюсь отъ свиданія. Мое письмо къ Геккерну. Его отвѣтъ. Мое свиданіе съ Пушкинымъ.

2.

Послѣ того какъ я отказался.

Присылка за мною Е. И. Что Пушк. сказалъ Александринѣ.

Мое посѣщеніе Геккерна.

Его требованіе письма.

Отказъ Пушкина. Письмо въ которомъ упоминаетъ о сватовствѣ.

Свиданіе Пушкина съ Геккерномъ у Е. И.

Письмо Дантеса къ Пушкину и его бѣшенство.

Снова дуель. Секундантъ. Письмо Пушкина.

Записка Н. Н. ко мнѣ и мой совѣтъ. Это было на (балѣ) раутѣ Фикельмона.

Сватовство. Пріѣздъ братьевъ.

Послѣ свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ея спиной.—

Les Revelations d'Alexandrine.

При Теткѣ ласка къ женѣ; при Александринѣ и другихъ кои могли бы разсказать des brusqueries. Дома же веселость и большое согласіе.

Исторія кровати.

Le gaillard tres bien [1]).

Vous m'avez porté bonheur.

[1]) Неразборчиво.

3.

Всталъ весело въ 8 часовъ—послѣ чаю много писалъ—часу до 11-го. Съ 11 обѣдъ. — Ходилъ по комнатѣ необыкновен. весело пѣлъ пѣсни — потомъ увидѣлъ въ окно Данзаса въ дверяхъ встр. радостно.—вошли въ кабинетъ, заперъ дверь.—черезъ нѣск. минутъ посл. за пистолетами.—по отъѣздѣ Данзаса началъ одѣваться; вымылся весь, все чистое; велѣлъ подать бекешь; вышелъ на лѣстницу.—возвратился.—велѣлъ подать въ кабинетъ большую шубу и пошелъ пѣшкомъ до извощика.—Это было ровно въ 1 ч.—возвратился уже темно, въ каретѣ. Данзасъ входитъ, спр. барыня дома—вынесенъ изъ кареты людьми—Камердинеръ взялъ его въ охапку. Грустно тебѣ нести меня попросилъ.

Жена встрѣтилась въ передней—дурнота—n'entrez pas Его положили на диванъ Горшокъ Раздѣли и все [1]) Бѣлье самъ велѣлъ потомъ легъ. У него все былъ Данзасъ. Жена вошла когда онъ былъ одѣтъ и когда уже послали за Арендтомъ—Задлеръ.—Арендтъ часу въ девятомъ.

Въ понедѣльникъ пріѣздъ Геккерена и ссора на лѣстницѣ.

Получилъ деньги изъ Государств. казначейства 1-го февр. 10,000. Отдалъ Графу Григорію Александровичу Строганову.

Третья страница не заполнена, на четвертой набросанъ рукою Жуковскаго планъ: «Спасеніе. О женѣ и братѣ. Арендтъ. Проситъ прощенія уѣхалъ фельдъегерь прибытіе Арендта Записка Исповѣдь и причащеніе Страданіе ночью Возвращеніе Арендта».

II. Письмо барона Геккерена Жуковскому.

9/21 Novembre 1836.

Monsieur,

Ayant été invité, par Mademoiselle de Zagriajsky, à passer chez elle, j'ai appris d'elle-même qu'elle était instruite de l'affaire au sujet de laquelle je vous écris aujourd'hui. Elle-même aussi m'a dit que les détails vous en étaient également connus, je ne puis donc croire commetre une indiscrétion en m'adressant à vous en ce moment. Vous savez, Monsieur, qu'une provocation de Monsieur de Pouchkine a été adressée à mon fils par mon entremise, que je l'ai acceptée en son nom, qu'il a ratifié cette acceptation et que tout cela a été déterminé entre Monsieur de Pouchkine et moi. Vous comprendrez facilement combien il importe à mon fils, et à moi, que ces faits soient admis d'une manière irrécusable; un homme d'honneur, lors même qu'il est

---

[1]) Слово неразобрано.

injustement provoqué par un autre homme honorable, doit avant tout veiller à ce qu'il ne puisse être permis à personne au monde d'élever le moindre doute sur sa conduite en semblables circonstances.—

Ce devoir rempli, ma qualité de père m'impose une autre obligation que je crois ne pas être moins sacrée.

Ainsi que vous savez, Monsieur, tout jusqu'à ce jour s'est passé par l'entremise de tierces personnes. Mon fils a reçu une provocation, son premier devoir était de l'accepter, mais au moins doit-on lui dire, à lui-même, pour quel motif on l'a provoqué. Une entrevue me semble donc convenable, obligatoire, même entre les deux parties, en présence d'une personne qui comme vous, Monsieur, saurait intervenir entre elles par toute l'autorité d'une impartialité complète, et saurait apprécier le fondement réel de susceptibilités qui ont pu occasionner cette affaire. Au point où on est arrivé, après que chaque partie a su remplir ces devoirs d'homme d'honneur, j'aime à croire que votre médiation saura facilement désabuser Monsieur de Pouchkine et pourra rapprocher deux hommes qui viennent de prouver qu'ils se doivent une estime mutuelle. Vous aurez ainsi accompli, Monsieur, une tâche bien honorable, et si je me suis adressé à vous en cette circonstance, c'est parce que vous êtes un des hommes pour lesquels je professe plus particulièrement les sentiments d'estime et de haute considération avec lesquels je suis, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

Baron de Heeckeren. [1])

III. Письмо барона Геккерена къ Е. И. Загряжской. [2])

Depuis huit jours d'angoisses j'ai été si heureux et si tranquille hier au soir que j'ai oublié, Mademoiselle, de vous bien recommender de dire dans la conversation que Vous aurez aujourd'hui que le projet que Vous occupe pour C. et mon fils existe depuis longtemps, que je m'y étais opposé pour les motifs à vous connus, mais que lorsque vous m'avez invité de passer chez vous pour m'entretenir de la dispute survenue, je vous avais declaré ne plus vouloir refuser mon consentement à condition toutefois de garder la chose secrete jusqu'après le Duel, puisque dès la provocation de P. l'honneur de mon fils compromis me faisait une loi de me taire. Voila ce qui est essentiel car personne ne peut vouloir le deshonneur de mon Georges, d'ailleur on le voudrait en vain on ne reuissira jamais à l'obtenir. De grace, Mademoiselle, envoyez moi de suite un mot après votre conversation, mes terreurs m'ont repris et je suis dans un etat difficile à decrire.

Vous saver aussi qu'avec P je ne vous ai pas autorisé à parler, que c'est de vous même que vous le faites pour sauver les votres.

Mes respectueux hommages

B. de Heeckeren.

Vendredi matin.

---

[1]) Переводъ этого письма данъ въ 8-ой главѣ изслѣдованія, стр. 81—82.
[2]) Переводъ см. въ 8-ой главѣ изслѣдованія, стр. 85—86.

Копія, сдѣланная рукою Жуковскаго на зеленоватомъ листкѣ почтовой бумаги на 2 страницахъ, находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и зарегистрирована въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго подъ № 12 въ серіи «Документы изъ бумагъ Жуковскаго». Пятница приходилась въ ноябрѣ 1836 года на 6, 13 и 20: это письмо надо, слѣдовательно, датировать 13-мъ ноября.

IV. Письмо барона Жоржа Геккерена Пушкину[1]).

Monsieur,

Le B-on de H. vient de me dire qu'il a été autorisé par M. [2]) de me faire savoir que toutes les raisons, pour lesquelles vous m'avez provoqué, avaient cessé, et que par conséquent je pouvais considérer cet acte de votre part comme non avenu.— Lorsque vous m'avez provoqué, sans me dire pourquoi, j'ai accepté sans hésiter, car l'honneur m'en faisait un devoir; aujourd'hui que vous assurez n'avoir plus de motifs à désirer une rencontre, avant de pouvoir vous rendre votre parole, je désire savoir pouquoi vous avez changé d'idées n'ayant chargé personne de vous donner des explications que je me réservais de vous donner moi-même.—Vous serez le premier à convenir qu'avant de nous retirer, il faut que les explications de part et d'autre soient données de manière à pouvoir par la suite nous estimer mutuellement.

Georges de Heeckeren.

V. Замѣтки барона Жоржа Геккерена [3]).

Monsieur le Baron Georges de Heeckeren ayant accepté la provocation en duel que je lui ai fait parvenir par l'entremise du Baron de Heeckeren, je prie Mr. G. de H. de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, m'étant persuadé, par hazard, par le bruit public que les motifs qui dirigeaient la conduite de Monsieur G. de H. n'étaient pas de nature à porter atteinte à mon honneur, seul motif pour lequel je m'étais cru forcé de le provoquer.—

Note de M-r G. de H.

Je ne puis et ne dois consentir à ce que la phrase concernant M-lle de G. se trouve dans la lettre: mes raisons les voici, et je pense que M-r de Pouchkine les comprendra; à la manière dont la question est posée dans la lettre on pourrait en conclure ceci.

«Epouser ou se battre». Comme mon honneur me défend de recevoir des conditions, cette phrase me mettrait dans la triste obligation d'accepter la dernière proposition. J'insisterais encore pour prouver que cette raison de mariage ne peut se

[1]) Переводъ см. въ 9-ой главѣ изслѣдованія, стр. 91.

[2]) Фамилія, къ сожалѣнію, осталась неразобранной.

[3]) Переводъ см. въ 9-ой главѣ изслѣдованія, стр. 89—90,

trouver dans la lettre, car moi je me suis toujours réservé de faire cette proposition après le duel, si toutefois les chances en avaient été favorables pour moi. Il faut donc qu'il soit bien constaté que ce n'est ni comme satisfaction ni comme arrangement que je demandrais M-lle Catherine, mais bien parce qu'elle me plaît, que c'est mon désir et que cela a été décidé par ma seule volonté!

Эти двѣ замѣтки писаны рукою барона Жоржа Геккерена, одна подъ другою, на одномъ и томъ же листкѣ бумаги, сохраняющемся въ архивѣ барона Геккеренъ-Дантесъ.

VI. Письмо Е. И. Загряжской В. А. Жуковскому.

Слава Богу кажется все кончено. Женихъ и почтенной его Батюшка были у меня съ предложеніемъ. Къ большому щастію за четверть часа предъ ними пріехалъ изъ Москвы старшой Гончаровъ и онъ объявилъ имъ Родительское согласіе, и такъ все концы въ воду. Сегодня женихъ подаетъ просбу по формѣ о позволеніи женидьбы и завтре отъ невесте поступаитъ къ Императрицѣ. Теперь позвольте мнѣ отъ всего моего сердца принести вамъ мою благодарность и простите все мученіи которыя вы претерпели во все сіе бурное время, я бы сама пришла къ вамъ чтобъ отъ благодарить но право силъ нѣту.

Честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и съ чувствительною благодарностію по гробъ мой

К. Загряжская.

Письмо на почтовой бумагѣ малаго формата («J. Whatman Turkey Mill 1835»—водяные знаки). На 4-ой стр. адресъ: Его Превосходительству Милостивому Государю Василію Андреевичу Жуковскому. Находится въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина, куда поступило уже послѣ составленія описанія Б. Л. Модзалевскаго.

VII. Условія дуэли Пушкина и барона Геккерена-Дантеса[1]).

Печатаемый ниже документъ составленъ на французскомъ языкѣ въ $2^1/_2$ часа дня 27 января 1837 года секундантами виконтомъ Даршіакомъ и инженернымъ подполковникомъ К. К. Данзасомъ, въ двухъ экземплярахъ. Одинъ находится въ рукахъ Даршіака, другой—Данзаса. Въ архивѣ барона Геккеренъ-Дантесъ сохранился первый экземпляръ; копія со второго была приложена княземъ П. А. Вяземскимъ къ письму къ Великому Князю Михаилу Павловичу. Текстъ, конечно, одинаковъ. Разница только въ томъ, что въ первомъ экземплярѣ на пер-

[1]) Переводъ см. въ 17-ой главѣ изслѣдованія, стр. 143.

1

On me nomme Georges B. de Heckeren, je suis âgé de 25 ans, j'ai été élevé à l'École militaire Française de St Cyr où j'ai ~~[illegible]~~ étudié mes sciences militaires ~~d'après les articles suivants~~.

2.

Je suis de la Religion Catholique, j'ai communié le 7 Janvier 1837

3.

~~Gentilhomme français~~, né en ~~Alsace~~ Colmar d'Alsace. Je suis entré au service de S. M. l'Empereur le 8 Février 1834 ~~comme officier~~ en [illegible] de fidélité, ma fortune est entre les mains de mon père, elle se compose de propriétés en Alsace

4

J'ai été promu au grade de Cornette et ensuite de Lieutenant le 28 Janvier 1836, je n'ai été ni sous jugement, ni aux arrêts

5

Je me suis battu ~~en duel~~ avec le Gentilhomme de la Chambre de S. M. Pouchkine le 27 Janvier à 5 heures de l'après midi derrière la barrière de Wiborg près de la Novaïa Derevnia dans le bois qui [illegible] derrière la Campagne du Commandant, les témoins qui m'ont obligé à [illegible] sont:

Отвѣты барона Геккерена-Дантеса на вопросы Военно Судной Комиссіи

(См. стр. 289)

вомъ мѣстѣ въ заголовкѣ стоитъ фамилія Геккерена, а первая подпись сдѣлана Даршіакомъ, а во второмъ документѣ первой помянута фамилія Пушкина, а первымъ подписался Данзасъ.

Воспроизводимъ документъ по тексту, находящемуся въ архивѣ барона Геккеренъ-Дантесъ.

Conditions du duel entre Monsieur le Baron Georges de Heeckeren et Monsieur de Pouchkine.

1. Les deux adversaires seront placés à vingt pas de distance, à cinq pas chacun des deux barrières qui seront distantes de dix pas entre elles.

2. Armés chacun d'un pistolet, à un signal donné, ils pourront en s'avançant l'un sur l'autre, sans cependant dans aucun cas dépasser la barrière, faire usage de leurs armes.

3. Il reste convenu en outre qu'un coup de feu parti, il ne sera plus permis à chacun des deux adversaires de changer de place pour que celui des deux qui aura tiré le premier essuie dans tous les cas le feu de son adversaire à la même distance.

4. Les deux parties ayant tiré, s'il n'y a point de résultat on recommencera l'affaire comme la première fois, en remettant les adversaires à la même distance de vingt pas, et en conservant les mêmes barrières et les mêmes conditions.

5. Les témoins seront les intermédiaires obligés de toute explication entre les adversaires sur le terrain.

6. Les témoins de cette affaire, soussignés, chargés de pleins pouvoirs, garantissent sur l'honneur la stricte exécution des conditions ci-dessus mentionnées chacun pour sa partie.

27 Janvier 1837, $2^1/_2$ de l'après-midi

signé: Vicomte d'Archiac, Attaché à
l'Ambassade de France
Constantin Danzas, Lieutenant-
Colonel de Génie.

VIII. Объясненія барона Жоржа Геккерена на судѣ.

Отвѣты Дантеса на вопросы, чинимые ему Комиссіей военнаго суда, находятся въ военно-судномъ дѣлѣ [1]). Они писаны по-русски и лишь подписаны Дантесомъ: «Къ сему объясненію подсудимый Поручикъ Баронъ Д. Геккеренъ руку приложилъ». Въ архивѣ барона Геккеренъ-Дантесъ сохранились собственноручные автографы нѣкоторыхъ объясненій Дантеса, написанные наспѣхъ и съ трудомъ разбираемые. Такъ какъ русскій текстъ ихъ давно оглашенъ [1]), то французскіе подлинники въ настоящемъ изданіи книги опускаются.

[1]) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло. Спб. 1900, стр. 41—44, 74—75.

IX. Письма барона Геккерена графу К. В. Нессельроде.

Подлинныя письма хранятся въ Общемъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Подлинный, французскій текстъ опубликованъ впервые въ первомъ изданіи настоящей книги, а въ русскомъ переводѣ они опубликованы были еще раньше въ статьѣ П. Е. Щеголева: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» («Историч. Вѣстн.», 1905 г., мартъ, и въ книгѣ: «Пушкинъ». Очерки. Спб. 1912) и въ этомъ же переводѣ даются въ настоящемъ изданіи.

При первыхъ двухъ письмахъ (отъ 28-го и 30-го января 1837 года) баронъ Геккеренъ препроводилъ графу Нессельроде всѣ документы, которые должны были поселить въ Императорѣ Николаѣ и графѣ Нессельроде убѣжденіе, что Дантесъ не могъ поступить иначе, чѣмъ поступилъ. Баронъ Геккеренъ очень дорожилъ этими документами и, не получивъ ихъ до своего отъѣзда, настойчиво требовалъ ихъ возвращенія. Изъ Гааги онъ писалъ 27-го мая н. ст. 1837 года своему замѣстителю въ Петербургѣ Геверсу: «Будьте добры отправиться отъ моего имени къ графу Нессельроде и скажите ему, что я не нашелъ здѣсь бумагъ, которыя онъ обѣщалъ мнѣ выслать и которыя касаются событія, заставившаго меня покинуть Россію. Эти бумаги моя собственность, и я не допускаю мысли, чтобы министръ, давшій формальное обѣщаніе ихъ возвратить, пожелалъ меня обмануть. Потребуйте ихъ и пошлите ихъ мнѣ немедленно же: документовъ числомъ пять».

Изъ офиціальныхъ документовъ мы знаемъ, что презусъ военносудной комиссіи по дѣлу о дуэли полковникъ Бревернъ 8-го февраля получилъ отъ графа Нессельроде два полученныхъ имъ отъ барона Геккерна письма Пушкина: одно—отъ 17-го ноября 1836 года и другое—отъ 26-го января 1837 года. 9-го февраля эти письма были доложены въ комиссіи; съ нихъ были сняты копіи, а подлинники, по требованію графа Нессельроде отъ 28-го апрѣля того же года, были возвращены сему послѣднему 1-го мая [1]), 26-го мая графъ Нессельроде отправилъ нашему посланному въ Гаагѣ пакетъ съ документами для врученія барону Геккерену.

Баронъ Геккеренъ передалъ графу Нессельроде пять документовъ; въ военно-судную комиссію Нессельроде передалъ только два документа изъ пяти. Три документа остаются намъ неизвѣстными. Что они заключали? Если бы они говорили что-либо въ пользу Пушкина, Геккеренъ, конечно, не передалъ бы ихъ Нессельроде. Но почему Нессельроде не препроводилъ эти три документа въ судную ко-

---

[1]) См. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 года. Спб. 1900, стр. 48, 50—52 и «Пушкинъ. Документы Госуд. Спб. Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ», Спб., 1900, стр. 58—59.

миссію? Возможно одно предположеніе: не заключали ли они что-либо, компрометирующее Пушкина или жену? Мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ біографіи Дантеса въ «Сборникѣ біографій кавалергардовъ 1825—1904 гг.» (Спб., 1908, стр. 91), предполагающимъ, что «остальные три документа были черновыя трехъ записокъ д'Аршіака Пушкину съ требованіемъ указать своего секунданта. Черновики эти не были переданы Нессельродомъ суду именно потому, что д'Аршіакъ принадлежалъ къ дипломатическому кругу». Во-первыхъ, такое предположеніе представляется совершенно произвольнымъ; во-вторыхъ, Нессельроде вручалъ документы презусу 8-го февраля, а д'Аршіакъ уѣхалъ заграницу 2-го февраля; въ-третьихъ, никакой компрометаціи д'Аршіака отъ передачи его черновыхъ писемъ не могло произойти, ибо бѣловыя-то находились въ бумагахъ Пушкина и могли быть все равно доложены суду, какъ это и случилось, правда, нѣсколько позже.

Изъ двухъ, поступившихъ въ судъ документовъ подлинникъ одного оказался въ архивѣ потомковъ Дантеса. Гдѣ находится подлинникъ другого—именно письма Пушкина къ барону Геккерену отъ 26-го января 1837 г. («Переписка Пушкина», т. III, стр. 444, № 1138) и гдѣ находятся три неизвѣстныхъ намъ документа, выяснить намъ не удалось.

1.

«Господинъ графъ! Имѣю честь представить вашему сіятельству прилагаемые при семъ документы, относящіеся до того несчастнаго происшествія, которое вы благоволили лично повергнуть на благоусмотрѣніе его императорскаго величества.

Они убѣдятъ, надѣюсь, его величество и ваше сіятельство въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ.

Примите увѣренія и проч.

Баронъ де-Геккеренъ

С.-Петербургъ. 28 января 1837 г.

2.

Вотъ, графъ, документъ, котораго не хватало въ числѣ тѣхъ, что я уже имѣлъ честь вамъ вручить.

Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора уполномочить васъ прислать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ оправданіе моего собственнаго поведенія въ этомъ грустномъ дѣлѣ; оно мнѣ необходимо для

того, чтобы я могъ себя чувствовать въ правѣ оставаться при императорскомъ дворѣ; я былъ бы въ отчаяніи, если бы долженъ былъ его покинуть; мои средства невелики, и въ настоящее время у меня семья, которую я долженъ содержать. Примите увѣренія и проч.

Баронъ де-Геккеренъ

Суббота, утро [1]).

3.

Тысяча благодарностей, графъ, за дружеское письмо, которое вы мнѣ только что написали. Я увидѣлъ здѣсь то благорасположеніе, которому многочисленныя доказательства вы мнѣ давали въ теченіе многихъ лѣтъ. Но слишкомъ поздно, моя просьба отправлена. Вчера я просилъ короля соизволить на мое отозваніе и сегодня дубликатъ этой просьбы отправляется почтой. Я чувствую, что я долженъ былъ сдѣлать то, что сдѣлалъ, и совершенно не жалѣю объ этомъ. Я разсчитываю получить отъ васъ извѣстіе въ ближайшую субботу и поэтому я буду имѣть, быть можетъ, удовольствіе васъ видѣть.

Примите и проч.

Баронъ де-Геккеренъ

3 февраля 1837 г.

4.

Неоффиціально. С.-Петербургъ 1-го (13-го) марта 1837 г.

Господинъ графъ!

Послѣ событія, роковой исходъ котораго я оплакиваю болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, я не предполагалъ, что долженъ буду обратиться къ вамъ съ письмомъ, подобнымъ настоящему. Но разъ я вижу, что вынужденъ сдѣлать это, у меня мужества хватитъ. Честь моя, и какъ частнаго человѣка, и какъ члена общества, оскорблена, и я не замедлю дать вамъ нѣкоторыя объясненія.

Когда послѣ кончины Пушкина мой сынъ былъ арестованъ, какъ совершившій уголовное преступленіе, предусмотрѣнное закономъ, чувства самой элементарной порядочности не допускали меня бывать въ обществѣ. Такое поведеніе, вполнѣ естественное при данныхъ обстоятельствахъ, было

[1]) Первая суббота вслѣдъ за 28-мъ января 1837 года—датой перваго письма—приходилась 30-го января.

невѣрно истолковано; его сочли за молчаливое сознаніе какой-то вины, которую я будто бы чувствовалъ за собою во всемъ совершившемся. Многоуважаемый графъ! Моя совѣсть смѣло заявляетъ, что я ни на одну минуту не переставалъ поступать такъ, какъ должно, и ваше сіятельство раздѣлите это убѣжденіе, если пожелаете удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ своего вниманія. Итакъ, общество не нашло бы неприличнымъ, если бы я при подобныхъ обстоятельствахъ сталъ принимать участіе во всѣхъ его развлеченіяхъ, посѣщалъ всѣ балы, привлекалъ на себя всеобщее вниманіе и тѣмъ поддерживалъ живость воспоминаній, еще не успѣвшихъ улечься. Значитъ, меня упрекаютъ въ томъ, за что должны были бы, казалось, чувствовать признательность.

Единственнымъ моимъ отвѣтомъ на подобныя инсинуаціи могло бы быть появленіе снова въ обществѣ. Я заставилъ бы умолкнуть въ себѣ голосъ крови; я сумѣлъ бы не отдаться во власть своему семейному горю и тревогамъ. Вооруженный сознаніемъ исполненнаго долга, я явился бы, чтобы лично отражать нападки, на которыя мнѣ нельзя долѣе отвѣчать презрѣніемъ, хотя онѣ порождены лишь праздностью или недоброжелательствомъ, отъ котораго меня могло бы избавить мое прошлое во время столь долгаго пребыванія въ столицѣ.

Но клевета могла дойти до свѣдѣнія государя; она могла поселить на мой счетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ умѣ августѣйшаго монарха; боязнь этого оправдываетъ объясненія, которыми я хочу отразить обвиненія, павшія на меня.

Итакъ, я долженъ положиться только на самого себя, чтобы опровергнуть клевету, предметомъ которой я сдѣлался.

Я якобы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть она покажетъ подъ присягой, что ей извѣстно, и обвиненіе падетъ само собой. Она сама сможетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пропасти, въ которую она летѣла, она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся.

Если г-жа Пушкина откажетъ мнѣ въ своемъ признаніи, то я обращусь къ свидѣтельству двухъ особъ, двухъ дамъ, высокопоставленныхъ и бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ, которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь (pour rompre cette funeste liaison).

Мнѣ возразятъ, что я долженъ бы былъ повліять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ, воспроизведя письмо, которое я потребовалъ отъ сына,—письмо, адресованное къ ней, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ какихъ бы то ни было видовъ на нее. Письмо отнесъ я самъ и вручилъ его въ собственныя руки. Г-жа Пушкина воспользовалась имъ, чтобы доказать мужу и роднѣ, что она никогда не забывала вполнѣ своихъ обязанностей.

Есть и еще оскорбленіе, относительно котораго, вѣроятно, никто не думаетъ, чтобы я снизошелъ до оправданій, а потому его никто и не нанесъ мнѣ прямо; однако примѣшали мое имя и къ другой подлости—анонимнымъ письмамъ! Въ чьихъ же интересахъ можно было бы прибѣгнуть къ этому оружію, оружію самаго низкаго изъ преступниковъ, отравителя? Въ интересахъ моего сына, или г. Пушкина, или его жены? Я краснѣю отъ сознанія одной необходимости ставить такіе вопросы. Кого же задѣли, кромѣ того, эти инсинуаціи, нелѣпыя и подлыя вмѣстѣ? Молодого человѣка, который обвиняется въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, и о которомъ я далъ себѣ слово молчать, такъ какъ его участь зависитъ отъ милосердія монарха.

Мой сынъ, значитъ, тоже могъ бы быть авторомъ этихъ писемъ? Спрошу еще разъ: съ какою цѣлью? Развѣ для того, чтобы добиться большаго успѣха у г-жи Пушкиной, для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта отвергнутой мужемъ? Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высоконравственнымъ чувствомъ, которое заставляло моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины. Или онъ хотѣлъ вызвать тѣмъ поединокъ, надѣясь на благопріятный исходъ? Но три мѣсяца тому назадъ онъ рисковалъ тѣмъ же, однако, будучи далекъ отъ подобной мысли, онъ предпочелъ безвозвратно себя связать съ единственной цѣлью—не компрометировать г-жу Пушкину; я не думаю, чтобы можно было дойти до отрицанія личной его храбрости; ему суждено было дать тому печальное доказательство.

Я покончилъ съ этимъ чудовищнымъ собраніемъ гнусностей, которымъ не удалось отнять у меня мужества отвѣтить на все. Мнѣ остается, графъ, только доказать, что дуэль не могла не состояться.

Изъ уваженія къ могилѣ я не хочу давать оцѣнку письма, которое я получилъ отъ г. Пушкина; если бы я представилъ его содержаніе, то было бы видно, какъ онъ, съ одной стороны, приписываетъ мнѣ позорное потворство, а съ другой—запрещаетъ мнѣ дѣлать родительскія внушенія его

женѣ; можно пожелать, ради памяти Пушкина, чтобы это письмо не существовало. Могъ ли я оставить его безъ отвѣта или спуститься на уровень подобнаго посланія? Повторяю, что дуэль была неизбѣжна. Теперь, кто же долженъ былъ быть противникомъ г. Пушкина? Если я самъ, то, какъ побѣдитель, я обезчещивалъ бы своего сына; злословіе распространило бы повсюду, что я самъ вызвался, что уже разъ я улаживалъ дѣло, въ которомъ сынъ мой обнаружилъ недостатокъ мужества; если же я былъ бы жертвою, то мой сынъ не замедлилъ бы отомстить мою смерть, и его жена осталась бы безъ опоры. Я это понялъ, а онъ просилъ у меня, какъ доказательства моей любви, позволенія заступить мое мѣсто. Каждый порядочный человѣкъ былъ бы вполнѣ убѣжденъ въ роковой необходимости этой встрѣчи.

Кончаю, графъ, мое письмо, и такъ уже слишкомъ длинное. Если всего того, что я изложилъ вашему сіятельству, недостаточно, чтобы выставить всю презрѣнность взведенныхъ на меня обвиненій, я соглашаюсь, вручивъ мои отзывныя грамоты, остаться въ странѣ, какъ частный человѣкъ, и все мое поведеніе поставить въ зависимость отъ результата слѣдствія, просить о назначеніи котораго прямо въ моихъ интересахъ. Не обладая собственными средствами, я безъ жалобъ оставляю почетный и выгодный постъ. Хотя моя будущность и не обезпечена, я ничего не требую, я не надѣюсь ни на что, но я не могу добровольно согласиться на потерю уваженія монарха, передъ которымъ я такъ долго имѣлъ счастіе быть представителемъ интересовъ моего государя и моей страны. Единственно съ этой цѣлью я рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ.

Я не имѣю правъ на благоволеніе его императорскаго величества, хотя я и получалъ тому доказательства, исполнившія меня признательностью, по совѣсть моя мнѣ говоритъ, что я никогда не переставалъ быть достойнымъ его уваженія; въ этомъ все мое честолюбіе; оно велико, конечно, но я осмѣливаюсь сказать, что все мое поведеніе всегда его оправдывало, и я осмѣливаюсь надѣяться, многоуважаемый графъ, что вы соблаговолите довести о немъ до свѣдѣнія государя.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашимъ почтительнымъ и покорнымъ слугой.

Баронъ де-Геккеренъ

X. Письма барона Геккерена барону Верстолку.

1.

Копія.

С.-Петербургъ, 11-го февраля (30-го января) 1837 г.

Господинъ баронъ!

Грустное событіе въ моемъ семействѣ заставляетъ меня прибѣгнуть къ частному письму, чтобы сообщить подробности о немъ вашему превосходительству. Какъ ни печаленъ былъ его исходъ, я былъ поставленъ въ необходимость поступить именно такъ, какъ я это сдѣлалъ, и я надѣюсь убѣдить въ томъ и ваше превосходительство простымъ изложеніемъ всего случившагося.

Вы знаете, баронъ, что я усыновилъ одного молодого человѣка, жившаго много лѣтъ со мною, и онъ носитъ теперь мое имя. Ужъ годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину, жену поэта съ той же фамиліей. Честью могу завѣрить, что это расположеніе никогда не переходило въ преступную связь, все петербургское общество въ этомъ убѣждено, и г. Пушкинъ также кончилъ тѣмъ, что призналъ это письменно и при многочисленныхъ свидѣтеляхъ. Происходя отъ одного африканскаго негра, любимца Петра Великаго, г. Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ предка свой мрачный и мстительный характеръ (caractère ombrageux et vindicatif).

Полученныя имъ отвратительныя анонимныя письма, около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, разбудили его ревность и заставили его послать вызовъ моему сыну, который тотъ принялъ безъ всякихъ объясненій.

Однако въ дѣло вмѣшались общіе друзья. Сынъ мой, понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жившей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполнѣ приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разувѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы болѣе поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, клянусь честью, что онъ имъ *никогда и не былъ*), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла.

Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ. Но мой сынъ, какъ порядочный человѣкъ и не трусъ, хотѣлъ сдѣлать предложеніе только послѣ поединка, несмотря на то, что зналъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Секунданты были выбраны обѣими сторонами, какъ вдругъ г. Пушкинъ написалъ имъ, что, будучи освѣдомленъ *общей молвой* о намѣреніяхъ моего сына, онъ не имѣетъ болѣе причинъ его вызывать, что считаетъ его человѣкомъ храбрымъ и беретъ свой вызовъ обратно, прося г. Геккерена возвратить ему его слово и вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочивая секундантовъ воспользоваться этимъ письмомъ по ихъ усмотрѣнію.

Когда это дѣло было, такимъ образомъ, покончено, я какъ это принято между порядочными людьми, просилъ руки г-жи Гончаровой для моего сына.

Два мѣсяца спустя, 10-го (22-го) января, бракъ былъ совершенъ въ обѣихъ церквахъ въ присутствіи всей семьи. Графъ Григорій Строгановъ съ супругой, родные дядя и тетка молодой дѣвушки, были ея посаженными отцомъ и матерью, а съ моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидѣтелями.

Съ этого времени мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и мстительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

Не знаю, чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ въ частности зависти, или какому-либо другому невѣдомому побужденію, но только прошлый вторникъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собрались на обѣдъ къ графу Строганову, и безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести всѣ отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

Все же я готовъ представить вашему превосходительству копію съ него, если вы потребуете, но па сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самые презрѣнные эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, во-первыхъ, общественное званіе, которымъ королю было угодно меня облечь, препят-

ствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ мой сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посовѣтывался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ. Встрѣча противниковъ произошла на другой день въ прошлую среду. Дрались на пистолетахъ. У сына была прострѣлена рука навылетъ, и пуля остановилась въ боку, причинивъ сильную контузію. Господинъ Пушкинъ былъ смертельно раненъ и скончался вчера среди дня. Такъ какъ его смерть была неизбѣжна, то императоръ убѣдилъ его умереть христіаниномъ, послалъ ему свое прощеніе и обѣщалъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ.

Нахожусь пока въ неизвѣстности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что императоръ, сообщая эту роковую вѣсть императрицѣ, выразилъ увѣренность, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе. Его жена находится въ состояніи, достойномъ всякаго сожалѣнія. О себѣ ужъ не говорю.

Таковъ, баронъ, быстрый ходъ изложеннаго здѣсь событія. Со слѣдующей почтой сочту своимъ долгомъ прислать вашему превосходительству новыя данныя, могущія окончательно освѣтить въ вашемъ сознаніи происшедшее, на тотъ случай, если бы вы пожелали довести до его величества этотъ отчетъ, вполнѣ точный и безпристрастный.

Если что-нибудь можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, такъ же, какъ и графъ и графиня Строгановы, оставили мой домъ только въ часъ пополуночи.

Примите увѣреніе и проч.

Подписано: Баронъ де-Геккеренъ

2.

Копія.

С.-Петербургъ, 2-го (14-го) февраля 1837 г.

Господинъ баронъ!

Я нахожусь въ необходимости возвратиться къ тому прискорбному событію, которое было предметомъ моего частнаго письма отъ 11-го февраля.

Долгъ чести повелѣваетъ мнѣ не скрыть отъ васъ того, что общественное мнѣніе высказалось при кончинѣ г. Пушкина съ большей силой, чѣмъ предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнѣніе принадлежитъ не высшему классу, который понималъ, что въ такихъ роковыхъ событіяхъ мой сынъ по справедливости не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека; его поведеніе было достойно честнаго человѣка и обнаруживаетъ осмотрительность несвойственную обыкновенно его возрасту, и на которую самъ онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, неспособенъ при другихъ обстоятельствахъ.

Чувства, о которыхъ я теперь говорю, принадлежатъ лицамъ изъ третьяго сословія, если такъ можно назвать въ Россіи классъ промежуточный между настоящей аристократіей и высшими должностными лицами, съ одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событію, о которомъ она и судить не можетъ,—съ другой. Сословіе это состоитъ изъ литераторовъ, артистовъ, чиновниковъ низшаго разряда, *національныхъ* коммерсантовъ высшаго полета и т. д. Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мѣрѣ, власти существованіе цѣлой партіи, главой которой онъ былъ, можетъ быть, исключительно благодаря своему таланту, въ высшей степени народному. Эту партію можно назвать реформаторской: этимъ названіемъ пользуются сами ея члены. Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ замѣшанъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ 1825 году, то можно заключить, что такое предположеніе не лишено основаній.

Выносъ тѣла почившаго въ церковь долженъ былъ состояться вчера днемъ, но чтобы избѣжать манифестацій при выраженіи чувствъ, обнаружившихся уже въ то время, какъ тѣло было выставлено въ домѣ покойнаго,—чувствъ, которыя подавить было бы невозможно, а поощрять ихъ не хотѣли,—погребальная церемонія была совершена въ часъ пополуночи. По этой же причинѣ участвующіе были приглашены въ церковь при Адмиралтействѣ, а отпѣваніе происходило въ Конюшенной церкви.

Очень можетъ быть, что нѣсколькихъ дней будетъ достаточно, чтобы утишить это волненіе, тѣмъ болѣе, что оно не выразилось ни разу угрожающимъ образомъ; однимъ словомъ, это былъ просто взрывъ чувства и гордости народной, затронутыхъ личностью поэта самаго популярнаго въ Россіи. Въ то время, какъ честь литератора охранялась почитателями, честь частнаго человѣка насчитывала лишь немногихъ друзей. Сказанное мною есть дань, которую я, думается, могу отдать истинѣ, не нарушая тѣмъ уваженія къ могилѣ.

Все-таки, ваше превосходительство, признаете, что я ничего не скрываю, даже, можетъ-быть, самъ склоненъ преувеличивать значеніе происходящаго. Какъ бы то ни было, считаю своимъ суровымъ долгомъ поставить васъ въ извѣстность объ истинномъ положеніи вещей въ ту минуту, какъ я могу опасаться, что уже буду не въ состояніи служить моему монарху здѣсь такъ, какъ моя честь и мои чувства къ родинѣ мнѣ повелѣваютъ, и какъ, смѣю надѣяться, я имѣлъ счастіе служить до сихъ поръ.

Его Величество рѣшитъ, долженъ ли я быть отозванъ, или могу помѣняться мѣстами съ однимъ изъ моихъ коллегъ. Если мнѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я лично заинтересованъ, позволено будетъ высказаться, то осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, что немедленное отозваніе меня было бы громогласнымъ выраженіемъ неодобренія моему поведенію. Я былъ бы этимъ глубоко огорченъ, а что касается настоящаго печальнаго событія, совѣсть моя говоритъ, что я не заслуживаю такого приговора, который сразу погубилъ бы всю мою карьеру, какъ общественнаго дѣятеля. Моимъ желаніемъ было бы перемѣнить резиденцію; эта мѣра, удовлетворяя настоятельной необходимости, доказала бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не лишился довѣрія короля, моего августѣйшаго повелителя, которымъ онъ удостаивалъ меня въ теченіе стольких лѣтъ, и потери котораго, осмѣлюсь повторить, я не заслужилъ.

Какъ вѣрный и преданный слуга, я буду ожидать приказаній его величества, будучи увѣренъ, что отеческое попеченіе короля приметъ во вниманіе при данныхъ обстоятельствахъ, которыхъ ни измѣнить, ни предвидѣть, я не могъ, тридцать одинъ годъ моей безпорочной службы, крайнюю ограниченность моихъ личныхъ средствъ и заботы о семьѣ, для которой я служу въ настоящее время единственной опорой; заботы эти въ виду положенія молодой жены моего сына не замедлятъ еще увеличиться.

Такъ какъ уже много лѣтъ я пользовался указаніями вашего превосходительства, то смѣю разсчитывать, господинъ баронъ, на вашу поддержку въ настоящемъ случаѣ. Ваше благоволеніе непрестанно придавало мнѣ

силъ для служенія государю; мнѣ хотѣлось бы надѣяться, что еще долго я смогу помогать вамъ въ исполненіи предначертаній нашего монарха къ чести и благу нашей родины. Вы обладаете, баронъ, такой великой душой, что я могу быть увѣреннымъ въ вашемъ одобреніи моего поведенія относительно этого рокового событія, гдѣ чувство чести должно было заставить смолкнуть всѣ другія соображенія. Тотъ, кто не смогъ бы самъ заставить себя уважать, имѣлъ ли бы право быть представителемъ государя, который являетъ собою нашей эпохѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей и самой изумительной твердости?

Ваше превосходительство поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать распоряженій, которыхъ я теперь домогаюсь.

Примите увѣренія и проч.

Баронъ-де-Геккеренъ

XI. Копія съ письма барона Геккерна къ Его Высочеству Принцу Оранскому.

Ваше высочество!

Въ эту минуту, когда меня поразило событіе, роковое и неожиданное въ одно и то же время, благоволеніе и, смѣю сказать, благорасположеніе, которымъ вашему королевскому высочеству угодно было меня удостоить, позволяетъ и даже вмѣняетъ мнѣ въ обязанность ничего не скрывать отъ васъ, что касается поводовъ и послѣдствій дуэли моего сына съ г. Пушкинымъ.

Чтобы не утруждать ваше королевское высочество подробностями, которыя, будучи, однако, необходимыми, слишкомъ бы растянули это письмо, я беру на себя смѣлость приложить къ нему копіи писемъ, посланныхъ мною по этому предмету министру иностранныхъ дѣлъ. Пусть ваше королевское высочество соблаговолитъ забыть на минуту свой высокій санъ и въ качествѣ только военнаго, только порядочнаго человѣка рѣшить: возможно ли было какъ-либо иначе отразить подобныя оскорбленія? Еще разъ прибѣгну къ мнѣнію вашего высочества для того, чтобы судить, могу ли я оставаться при императорскимъ дворѣ послѣ всего случившагося. Въ петербургскомъ обществѣ у меня есть и сторонники и хулители. Какъ частный человѣкъ, я бы остался, такъ какъ увѣренъ, что правда рано или поздно восторжествуетъ и привлечетъ общество на мою сторону, но какъ должностное лицо, имѣющее счастіе быть представителемъ своего

государя, я не въ правѣ допустить ни малѣйшаго порицанія своему образу дѣйствій.

Итакъ, смѣю надѣяться, что ваше королевское высочество поддержитъ передъ королемъ мою просьбу о переводѣ и назначеніи меня посланникомъ при другомъ дворѣ, гдѣ бы я могъ продолжать службу моему монарху и отечеству, посвящая имъ всѣ свои силы.

Ваше королевское высочество одобритъ меня, смѣю надѣяться, и эта увѣренность есть самое лучшее утѣшеніе въ горѣ, при обстоятельствахъ, отъ которыхъ страдала и страдаетъ моя любовь къ семьѣ, а карьерѣ угрожаетъ опасность, именно въ ту минуту, когда я менѣе всего могъ этого ожидать.

Благосклонность вашего королевскаго высочества всегда драгоцѣнна и почетна, но теперь я особенно живо чувствую, сколько утѣшенія заключается въ сознаніи, что можешь надѣяться на чувство дружескаго расположенія въ лицѣ судьи, такъ высоко поставленнаго благодаря своему сану, своимъ заслугамъ и благородству своей души.

Имѣю честь быть и т. д.

Баронъ де-Геккеренъ

2/15 февраля 1837 г,

VI. Къ исторіи Дантеса. Документы и матеріалы.

1. Къ біографіи барона Жоржа Дантеса до усыновленія. — 2. Письма его къ невѣстѣ, Е. Н. Гончаровой. — 3. Изъ переписки Гончаровыхъ съ Дантесами.—4. Изъ семейной переписки Геккереновъ и Дантесовъ (1837 г.).—5. Отзвуки дуэли въ письмахъ сторонниковъ барона Геккерена (1837 г.)—6. Къ дѣлу барона Геккерена (1837 г.).—7. Изъ позднѣйшихъ отношеній Дантеса къ Россіи. — 8. Жоржъ Дантесъ, біогр. очеркъ Луи Метмана.

Въ VI отдѣлѣ нами собраны документы и матеріалы, выясняющіе личность Дантеса и нѣкоторыхъ его сторонниковъ и, слѣдовательно, враговъ Пушкина, освѣщающіе положеніе Дантеса въ Петербургѣ до дуэли и послѣ дуэли и раскрывающіе тѣ взаимоотношенія, которыя установились между Дантесами и Гончаровыми, между Геккереномъ и Дантесами.

Матеріалы эти, не имѣя непосредственнаго касанія къ поединку, помогаютъ намъ понять обстановку, въ которой развертывались печальныя событія, и глубже проникнуть въ психологію людей, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ и своимъ отношеніемъ такъ или иначе влiявшихъ на образъ дѣйствій Пушкина. Документы, приводимые нами, имѣютъ еще и слѣдующее значеніе. Біографъ Пушкина вмѣнилъ себѣ въ правило, разсказывая о дуэли, останавливаться на личности убійцы поэта и приводить біографическія о немъ свѣдѣнія. «Фактическаго» въ этихъ свѣдѣніяхъ было очень мало,—вѣрнѣе почти не было, такъ какъ свѣдѣнія являлись повтореніемъ многочисленныхъ о Дантесѣ разсказовъ. Собранные нами документы значительно увеличиваютъ фактическое содержаніе свѣдѣній о Дантесѣ, о появленіи его въ Россіи, о связяхъ его съ посланникомъ Геккереномъ, объ отношеніяхъ его къ Гончаровымъ и т. д.

Документы, приводимые въ этомъ отдѣлѣ, извлечены изъ двухъ хранилищъ: частнаго, принадлежащаго внуку Дантеса—барону Геккерену-

Дантесу, и правительственнаго, въ которомъ случайно сохранились копіи нѣкоторыхъ писемъ.

Къ матеріаламъ мы присоединили въ первомъ изданіи и біографическій очеркъ Дантеса, составленный его родственникомъ г. Луи Метманомъ и съ величайшей любезностью предоставленный имъ въ наше распоряженіе. Въ настоящемъ изданіи этотъ очеркъ данъ въ переводѣ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, не имѣющихъ никакого отношенія ни къ дѣлу Пушкина и Дантеса, ни къ біографіи Дантеса.

На основаніи всѣхъ печатаемыхъ здѣсь документовъ, біографическаго очерка г. Луи Метмана и печатныхъ источниковъ въ первой части книги изложена нами краткая исторія жизненнаго поприща Дантеса.

Въ первомъ изданіи настоящей книги документы, составляющіе этотъ отдѣлъ, приведены въ подлинникѣ, французскомъ текстѣ, въ настоящемъ изданіи всѣ документы предлагаются только въ русскомъ переводѣ. Тѣ письма, которыя цѣликомъ приведены въ первой части въ русскомъ переводѣ, здѣсь опускаются.

I.

Къ біографіи барона Жоржа Дантеса (до усыновленія его барономъ Геккереномъ).

1. Письмо Л. де-Герляха къ барону Жоржу Дантесу.—2—3. Письмо къ нему же графа Адлерберга.—4—7. Письма барона Дантеса-отца къ барону Геккерену.

1. Письмо Л. де-Герляха—барону Ж. Дантесу [1]).

2—3. Письма графа Адлерберга барону Дантесу [2]).

4—7. Письма барона Дантеса-отца къ барону Геккерену.

4.

Сульцъ, Верхній-Рейнъ, 21-го декабря 1833.

Ваше Превосходительство,

Не могу въ достаточной степени выразить Вамъ всю мою признательность за доброту, съ которою Вы относитесь къ моему сыну, надѣюсь, что

---

[1]) Это письмо напечатано на стр. 16 книги.

[2]) Эти письма напечатаны на стр. 23—24 книги.

онъ окажется достойнымъ ея. Письмо Вашего Превосходительства совершенно успокоило меня, ибо не стану скрывать, что я тревожился за его судьбу. Я боялся, что съ его открытымъ и довѣрчивымъ характеромъ онъ завяжетъ знакомства, которыя принесутъ ему вредъ; но благодаря Вашей добротѣ, благодаря тому, что Вы пожелали взять его подъ Ваше покровительство и отнестись къ нему какъ другъ, я спокоенъ. Я надѣюсь, что онъ сдастъ экзаменъ успѣшно, такъ какъ въ Сенъ-Сирскую школу онъ былъ принятъ четвертымъ (изъ 180-ти, принятыхъ вмѣстѣ съ нимъ). Благодаря Вашей добротѣ и благосклонности его покровителей, я надѣюсь, что онъ получитъ званіе офицера.

Съ благодарностью принимаю предложеніе Вашего Превосходительства покрыть первые расходы по его экипировкѣ и прошу Васъ не отказать сообщить мнѣ сумму издержекъ, дабы я могъ вернуть ихъ Вамъ немедленно.

Доброе расположеніе Вашего Превосходительства позволяетъ мнѣ войти въ подробности, изъ коихъ явствуетъ все, что я могу сдѣлать для сына въ настоящую минуту.

У меня шестеро дѣтей; старшая дочь замужемъ, но вслѣдствіе іюльской революціи мужъ ея оказался въ такомъ положеніи, что не можетъ содержать жену, и мнѣ приходится поддерживать обоихъ. Они живутъ у меня. Второй сынъ оканчиваетъ ученіе въ Страсбургѣ, а младшая дочь живетъ въ пансіонѣ, что обходится мнѣ весьма дорого. Я былъ вынужденъ пріютить у себя сестру съ дѣтьми; вслѣдствіе той же революціи она осталась совсѣмъ безъ средствъ, овдовѣвъ послѣ смерти мужа, графа Бель-Иль, не оставившаго ей ничего, кромѣ долговъ; Карлъ X выдавалъ ей пенсію изъ собственныхъ средствъ въ размѣрѣ 6.000 франковъ, которой она лишилась. У нея пять человѣкъ дѣтей. Мое состояніе заключается въ рентѣ отъ 18 до 20.000 франковъ, обремененной разными повинностями. Сынъ прислалъ мнѣ счетъ, согласно которому проситъ высылать ему ежемѣсячно отъ 800 до 900 франковъ, но я не въ состояніи давать ему такой суммы. Кромѣ экипировки, которую я беру на себя всецѣло, я расчитываю посылать ему 200 франковъ въ мѣсяцъ, что составитъ 100 луидоровъ или 2400 франковъ въ годъ; вмѣстѣ съ жалованіемъ, при условіи бережливости, этого ему должно хватать, ибо это составляетъ тройную сумму противъ того, что онъ получалъ бы, служа во Франціи. Это научитъ его беречь деньги, ибо единственный недостатокъ, который я знаю за моимъ сыномъ, это его расточительность. Если Ваше Превосходительство найдетъ, однако, что этой суммы ему мало, я постараюсь въ теченіе нѣкотораго времени принести нѣсколько большую жертву, но я не смогу выдержать этого долго. Еще разъ

прошу извиненія за эти подробности, но дружеское письмо Вашего Превосходительства и благосклонность, которою Ваше Превосходительство удостаиваетъ моего сына, даютъ мнѣ на нихъ право.

Военный министръ спрашивалъ сына, какъ велико содержаніе, получаемое имъ отъ меня,—вѣроятно съ цѣлью рѣшить, къ какой части его причислить. Еслибы Вашему Превосходительству довелось увидѣть г. военнаго министра, то я былъ бы весьма обязанъ Вамъ сообщеніемъ ему той суммы, которую я выдаю сыну ежемѣсячно, а также и того, что я могъ бы принести еще нѣкоторую жертву для зачисленія сына въ Императорскую Гвардію.

Беру смѣлость присоединить къ этому письму письмо для моего сына, написавшаго мнѣ о Вашемъ разрѣшеніи пересылать ему письма въ пакетѣ на имя Вашего Превосходительства.

Еще разъ прошу Ваше Превосходительство принять мою глубокую благодарность за доброе расположеніе къ Жоржу.

Имѣю честь принести увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи къ Вашему Превосходительству и остаюсь Вашъ покорный слуга

Баронъ Дантесъ.

5.

Сульцъ, 12-го марта 1834.

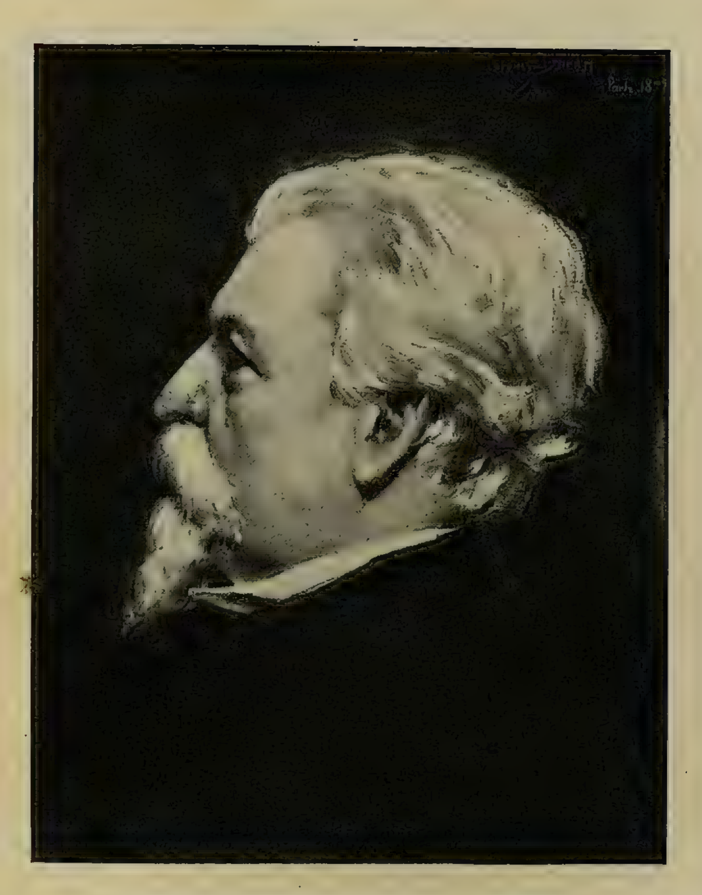
Ваше Превосходительство,

Я узналъ изъ сообщенія Жоржа о его назначеніи, равно какъ обо всемъ, что Вы для него сдѣлали, и у меня нѣтъ словъ благодарить Васъ. Жоржъ своимъ будущимъ обязанъ одному Вамъ, баронъ, и онъ это чувствуетъ, онъ видитъ въ Васъ какъ бы отца, и я надѣюсь, что онъ окажется этого достойнымъ. Мое единственное желаніе въ эту минуту лично выразить Вашему Превосходительству всю мою благодарность, ибо послѣ смерти жены это первая счастливая минута въ моей жизни, такъ какъ все мое утѣшеніе въ настоящее время составляютъ дѣти. Я спокоенъ за судьбу сына, которую всецѣло вручаю Вашему Превосходительству.

Я давно не имѣлъ извѣстій отъ гр. Мусиной-Пушкиной, но надѣюсь, что она порадуется, узнавъ о зачисленіи сына въ Кавалергардскій полкъ.

Примите, баронъ, и пр.

Баронъ Дантесъ.

Жоржъ Дантесъ баронъ де-Геккеренъ

(Съ портрета работы Каролюсъ Дюрана. Парижъ, 1878 г.
Собственность г-на Луи Метмана)

6.

Сульцъ, 15-го марта 1834.

(Отрывокъ изъ письма).

...Не желая злоупотреблять добрымъ расположенiемъ Вашего Превосходительства къ сыну, для коего Вы дѣлаете такъ много, я написалъ тотчасъ по полученiи отъ Жоржа извѣщенiя о его зачисленiи, моему повѣренному, г. Стефану Бальи, чтобы онъ въ кратчайшiй срокъ выслалъ Вашему Превосходительству 8.000 франковъ для покрытiя части издержекъ по его экипировкѣ, каковыя должны быть весьма значительны при поступленiи въ такой полкъ.

7.

Сульцъ, 15-го февраля 1836.

Баронъ,

Съ чувствомъ живѣйшей благодарности собираюсь отвѣтить Вамъ на Ваше предложенiе, которое Вы съ такой добротой дѣлаете мнѣ не въ первый разъ,—касательно усыновленiя Вами моего сына, Жоржа Шарля Дантеса, и о назначенiи его наслѣдникомъ Вашего имени и Вашего состоянiя.

Немало доказательствъ дружбы, которую Вы не переставали выказывать мнѣ уже столько лѣтъ, было дано мнѣ Вами, и это новое доказательство завершаетъ всѣ; ибо этотъ великодушный планъ, раскрывающiй передъ моимъ сыномъ будущность, которой я никогда не могъ бы устроить ему самъ, дѣлаетъ меня счастливымъ въ томъ, что для меня всего дороже.

Итакъ, припишите исключительно силѣ узъ, связующихъ отца съ сыномъ, то промедленiе, съ которымъ я изъявляю Вамъ мое согласiе, жившее давно въ моемъ сердцѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая внимательно за ростомъ той привязанности, которую мой ребенокъ внушилъ Вамъ, видя, съ какой заботливостью Вы взялись съ той поры слѣдить за нимъ, удавлетворять всѣ его нужды, словомъ окружать его заботами, которыя ни на минуту не прекращались до сего дня, когда Ваше покровительство раскрываетъ передъ нимъ будущность, въ которой онъ не можетъ не отличиться, я сказалъ себѣ, что эта награда всецѣло принадлежитъ Вамъ, и что моя отцовская любовь должна уступить передъ такимъ великодушiемъ и самоотверженiемъ.

Итакъ, баронъ, спѣшу сообщить Вамъ, что съ сегодняшняго дня я отказываюсь отъ всѣхъ моихъ отцовскихъ правъ на Жоржа Шарля Дантеса, и въ то же время разрѣшаю Вамъ усыновить его въ качествѣ Вашего сына, заранѣе и всецѣло утверждая всѣ хлопоты, которыя вы найдете нужнымъ предпринять для того, чтобы усыновленiе это получило силу передъ закономъ.

Я ознакомился съ прошеніемъ, копію съ котораго Вы мнѣ прислали, и которое мой сынъ предполагаетъ подать Его Величеству Королю Голландіи, съ цѣлью получить разрѣшеніе на принятіе Вашего имени и Вашего герба; я не только вполнѣ согласенъ съ нимъ, но еслибы оказалось необходимымъ, чтобы оно было подкрѣплено тѣмъ разрѣшеніемъ, которое я выдаю Вамъ сегодня, то думаю, что настоящаго письма, поданнаго королю, Вашему Повелителю, будетъ вполнѣ достаточно, чтобы достигнуть цѣли его и Вашихъ желаній.

Наконецъ, желая пополнить справки, въ коихъ Вы можете нуждаться, я просилъ власти города, гдѣ живу, изготовить мнѣ свидѣтельство, удостовѣряющее дворянское происхожденіе моего рода; прилагаю рисунокъ моего герба и обѣ бумаги присоединяю къ письму.

Мнѣ остается, баронъ, лишь высказать самое искреннее пожеланіе, чтобы сынъ мой своей преданностью Вамъ и своимъ поведеніемъ въ свѣтѣ оправдалъ все то, что Вы для него дѣлаете; разрѣшите прибавить къ этому новыя увѣренія въ глубочайшей благодарности, которую я никогда не перестану питать къ Вамъ и съ которой остаюсь

Вашъ старый другъ

Баронъ Жозефъ Конрадъ Дантесъ.

II.

Письма барона Жоржа Геккерена къ своей невѣстѣ Е. Н. Гончаровой [1]).

III.

Изъ переписки Гончаровыхъ съ Дантесами.

1—2. Письма Н. И. Гончаровой къ барону Жоржу Геккерену.—3—4. Письма баронессы Геккеренъ (рожд. Гончаровой) къ барону Дантесу-отцу и къ мужу, барону Жоржу Геккерену.—5. Письмо Н. И. Гончаровой къ дочери, баронессѣ Геккеренъ.—6—7. Письма Д. Н. Гончарова къ сестрѣ, баронессѣ Геккеренъ.

1—2. Письма Н. И. Гончаровой къ барону Жоржу Геккерену.

1.

7-го декабря 1836.

Баронъ,

Я имѣла удовольствіе получить Ваше письмо, въ которомъ Вы просите у меня руки моей старшей дочери; послѣдняя сообщаетъ мнѣ также о своемъ

[1]) Эти письма полностью приведены на стр. 107—109 книги.

намѣреніи соединить свою судьбу съ Вашей. Желая ей счастья, спѣшу, съ чувствами, свойственными матери, изъявить мое согласіе на Вашу просьбу, будучи увѣрена, что Вы составите счастье той, которую избрали въ подруги; постарайтесь сдѣлать счастливыми другъ друга,—вотъ самое искреннее мое пожеланіе.

Примите увѣреніе въ отмѣнномъ уваженіи той, которая имѣетъ честь быть

Вамъ преданная

Наталія Гончарова.

2.

25-го января 1837.

Милостивый Государь,

Примите самыя искреннія поздравленія по поводу Вашего бракосочетанія, а также и мою благодарность за готовность, съ которой Вы сообщили мнѣ объ интересующемъ меня событіи; съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія принимаю доказательства расположенія Вашего къ Катѣ, которыя дѣлаютъ ее вполнѣ счастливою, Ваши взаимныя желанія устроить обоюдное счастье другъ друга, желанія, достойныя связывающихъ Васъ узъ, а потому и достойны быть услышанными Небомъ; въ чистотѣ души моей присоединяюсь къ законности этихъ желаній, съ тѣмъ, чтобы ничто никогда ихъ не поколебало. Позвольте поблагодарить Васъ за тѣ почтительныя чувства, которыя Вы выражаете мнѣ, благодаря Вашей любви къ Катѣ; какъ мать я всегда буду цѣнить ихъ.

Примите, прошу Васъ, увѣреніе въ самой глубокой преданности той, которая имѣетъ честь быть

Ваша Наталія Гончарова.

3. Письмо баронессы Геккеренъ (рожд. Гончаровой) къ своему свекру, барону Дантесу послѣ свадьбы [1]).

4. Копія съ письма баронессы Е. Н. Геккеренъ къ барону Ж. Геккерену (Дантесу), въ Тильзитъ, безъ числа [2]).

Не могу пропустить почту, не написавъ тебѣ хоть нѣсколько словъ, мой добрый и дорогой другъ. Я очень огорчена твоимъ отъѣздомъ, не могу при-

---

[1]) Это письмо напечатано на стр. 110 книги.

[2]) Это письмо, безъ даты, писано послѣ высылки Дантеса за границу.

выкнуть къ мысли, что не увижу тебя двѣ недѣли. Считаю часы и минуты, которые осталось мнѣ провести въ этомъ проклятомъ Петербургѣ; я хотѣла бы быть уже далеко отсюда. Жестоко было такъ отнять у меня тебя, мое сердце; теперь тебя заставляютъ трястись по этимъ ужаснымъ дорогамъ, всѣ кости можно на нихъ переломать; надѣюсь, что хоть въ Тильзитѣ ты отдохнешь, какъ слѣдуетъ; ради Бога, береги свою руку; я боюсь, какъ бы ей не повредило путешествіе. Вчера, послѣ твоего отъѣзда, графиня Строганова оставалась еще нѣсколько времени съ нами; какъ всегда, она была добра и нѣжна со мной; заставила меня раздѣться, снять корсетъ и надѣть капотъ; потомъ меня уложили на диванъ и послали за Раухомъ, который прописалъ мнѣ какую-то гадость и велѣлъ сегодня еще не вставать, чтобы поберечь маленькаго: какъ и подобаетъ почтенному и любящему сыну, онъ сильно капризничаетъ, оттого что у него отняли его обожаемаго папашу; все-таки сегодня я чувствую себя совсѣмъ хорошо, но не встану съ дивана и не двинусь изъ дому; баронъ окружаетъ меня всевозможнымъ вниманіемъ и вчера мы весь вечеръ смѣялись и болтали. Графъ меня вчера навѣстилъ, я нахожу, что онъ дѣйствительно сильно опустился; онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося съ тобой и возмущенъ до бѣшенства глупымъ поведеніемъ моей тетушки и не сдѣлалъ ни шага къ сближенію съ ней; я ему сказала, что думаю даже, что это было бы и безполезно. Вчера тетка мнѣ написала пару словъ, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ и сказать мнѣ, что мысленно она была со мною; она будетъ теперь въ большомъ затрудненіи: такъ какъ мнѣ запретили подниматься на ея ужасную лѣстницу, я у нея быть не могу, а она, разумѣется, сюда не придетъ; но зная, что мнѣ нездоровится, и что я въ горѣ по случаю твоего отъѣзда, у нея не хватитъ духу признаться въ обществѣ, что не видится со мною; мнѣ чрезвычайно любопытно посмотрѣть, какъ она поступитъ; я думаю, что ограничится ежедневными письмами, чтобы справляться о моемъ здоровьѣ. Idalie [1]) приходила вчера на минуту съ мужемъ; она въ отчаяніи, что не простилась съ тобою; говоритъ, что въ этомъ виноватъ Бетанкуръ: въ то время, когда она собиралась итти къ намъ, онъ ей сказалъ, что ужъ будетъ поздно, что ты, по всей вѣроятности, уѣхалъ; она не могла утѣшиться и плакала, какъ безумная. M-me Загряжская умерла въ день твоего отъѣзда, въ семь часовъ вечера [2]).

Одна горничная (русская) восторгается твоимъ умомъ и всей твоей осо-

---

[1]) Idalie—Идалія Полетика.

[2]) Н. К. Загряжская, рожд. графиня Разумовская, умерла 19-го марта 1837 года.

бой, говоритъ, что тебѣ равнаго она не встрѣчала во всю свою жизнь и что никогда не забудетъ, какъ ты пришелъ ей похвастаться своей фигурой въ сюртукѣ. Не знаю, разберешь ли ты мои каракули, во всякомъ случаѣ немного потерялъ бы, если бы и не разобралъ, не могу сообщить тебѣ ничего интереснаго; единственную вещь, которую я хочу, чтобы ты зналъ ее, въ чемъ ты уже вполнѣ увѣренъ, это—то, что тебя крѣпко, крѣпко люблю, и что въ одномъ тебѣ все мое счастье, только въ тебѣ, тебѣ одномъ, мой маленькій S-r Jean Baptiste. Цѣлую тебя отъ всего сердца такъ же крѣпко, какъ люблю. Прощай, мой добрый, мой дорогой другъ; съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда смогу обнять тебя лично.

5. Письмо Н. И. Гончаровой къ дочери—баронессѣ Е. Н. Геккеренъ.

15 мая 1837.

Дорогая Катя,

Я нѣсколько промедлила съ отвѣтомъ на твое послѣднее письмо, въ которомъ ты поздравляла меня съ женитьбой Вани [1]); та же причина помѣшала мнѣ написать тебѣ раньше. Свадьба состоялась 27 числа прошлаго мѣсяца; я не сомнѣваюсь въ искренности твоихъ пожеланій счастья Ванѣ, есть всѣ поводы надѣяться, что онъ будетъ счастливъ: его жена—очаровательная женщина, нѣжная, умная, глубоко любящая Ваню, который, въ свою очередь, горячо ей преданъ.

Всѣ твои сестры и братья пріѣзжали къ свадьбѣ... Если намъ и не доставало твоего присутствія, то мы были глубоко увѣрены, что ты раздѣляешь вполнѣ нашу радость по поводу того, что будущее Вани такъ хорошо и прочно рѣшилось. Твои сестры остались еще здѣсь на нѣкоторое время. Нина съ двумя дѣтьми Наташи [2]) здѣсь, и я предлагала ей написать тебѣ, но она лѣнится... Правда, что здоровье ея не совсѣмъ удовлетворительно. Ты говоришь въ послѣднемъ письмѣ о твоей поѣздкѣ въ Парижъ; кому поручишь ты надзоръ за малюткой на время твоего отсутствія. Останется ли она въ вѣрныхъ рукахъ. Твоя разлука съ ней должна быть тебѣ тягостна. Я тронута радостью, которую ты выражаешь по поводу моей надежды пріѣхать навѣстить тебя; я не затрудню тебя необходимостью выѣзжать мнѣ далеко на встрѣчу, и устрою тебѣ сюрпризъ, пріѣхавъ въ такую минуту,

---

[1]) И. Н. Гончаровъ, женившійся на княжнѣ М. И. Мещерской.

[2]) А. Н. Гончарова и Н. Н. Пушкина.

когда ты совсѣмъ не будешь ждать меня. Я твердо намѣрена выполнить мой планъ, если только позволятъ средства...

Я въ восторгѣ, дорогая Катя, отъ того, что ты продолжаешь чувствовать себя счастливою; увѣренность въ этомъ—для меня большое утѣшеніе. Да хранитъ тебя Небо и да пошлетъ Оно тебѣ лишь дни счастья и покоя. Надѣюсь, дорогая Катя, что твое пребываніе въ Парижѣ не помѣшаетъ тебѣ вспоминать меня и писать мнѣ почаще. Я получила твое послѣднее письмо въ самый день твоего рожденія; ты знаешь, какъ я помню этотъ день. Я вознесла молитву къ Господу, дабы Онъ хранилъ тебя всю жизнь. Искреннія пожеланія твоему мужу, цѣлую тебя и желаю вамъ обоимъ всѣхъ благъ.

Наталія Гончарова.

6—7. Письма Д. Н. Гончарова къ сестрѣ, баронессѣ Е. Н. Геккеренъ (передъ отъѣздомъ ея въ 1837 году во Францію).

6.

Дорогая и добрѣйшая Катенька,

Извини, если я промедлилъ съ отвѣтомъ на твое письмо отъ 15 марта; но я уѣзжалъ на нѣсколько дней. Я понимаю, дорогая Катенька, что твое положеніе трудное, такъ какъ ты должна покинуть родину, не зная когда сможешь вернуться, а быть можетъ покидаешь ее навсегда; словомъ, мнѣ тяжела мысль, что мы, быть можетъ, никогда не увидимся; тѣмъ не менѣе, будь увѣрена, дорогой другъ, что какъ далеко я отъ тебя ни находился бы, чувства мои къ тебѣ неизмѣнны; я всегда любилъ тебя, и будь увѣрена, дорогой и добрый другъ, что если когда-нибудь я могъ бы тебѣ быть полезнымъ, я буду всегда въ твоемъ распоряженіи, насколько мнѣ позволятъ средства; въ моей готовности недостатка не будетъ. Итакъ, мужъ твой уѣхалъ и ты ѣдешь за нимъ; въ добрый путь, будь мужественна; я не думаю, чтобы ты имѣла право жаловаться; для тебя трудно было бы желать лучшей развязки, чѣмъ возможность уѣхать вмѣстѣ съ человѣкомъ, который долженъ быть впредь твоей поддержкой и твоимъ защитникомъ; будьте счастливы другъ съ другомъ, это смягчитъ вамъ боль нѣкоторыхъ тяжелыхъ воспоминаній; это единственное мое пожеланіе; да сбудутся мои желанія въ этомъ направленіи. Когда ты уѣдешь, пиши какъ можно чаще, и съ возможными подробностями, особенно во всемъ, что касается тебя, ибо ничто не интересуетъ меня такъ, какъ твоя дальнѣйшая судьба; по правдѣ сказать, изо

всей семьи ты сейчасъ интересуешь меня всѣхъ болѣе, поэтому будь откровенна со мною, и повторяю, въ минуту нужды расчитывай на мою дружбу.

Я уже приготовилъ Носову письмо о деньгахъ, когда получилъ твое письмо, въ которомъ ты пишешь, что онъ выдалъ тебѣ ту сумму, въ которой раньше отказывалъ. Чтобы не подвергать тебя возможности новаго отказа съ его стороны, я посылаю тебѣ при этомъ 416 рублей, которые адресую тебѣ черезъ Носова, чтобы въ случаѣ твоего отъѣзда онъ переслалъ тебѣ ихъ со Штиглицемъ; пишу ему сегодня же, чтобы условиться относительно дальнѣйшей доставки предназначаемыхъ тебѣ денегъ.

Матушка еще здѣсь и я посылаю тебѣ при семъ ея письмо. Ваня пріѣхалъ сегодня изъ Ильицына; что касается денегъ, которыя онъ долженъ тебѣ, дорогой другъ, потерпи немного; вскорѣ я тебѣ ихъ вышлю; сейчасъ наши дѣла въ застоѣ. Жена моя согласна взять твою горничную; но, въ самомъ дѣлѣ, дорогой другъ, мы не сможемъ платить ей болѣе двухсотъ рублей въ годъ. Если она согласна на это, пусть ѣдетъ и будь увѣрена, что изъ дружбы къ тебѣ мы будемъ хорошо относиться къ ней, только бы она не заводила сплетенъ.

Прощай, дорогой другъ, и проч.

Дмитрій Гончаровъ.

7.

(Отрывокъ изъ письма)

Заводъ, 14 сентября 1837.

Натали и Александрина[1]) въ серединѣ августа уѣхали въ Ераполисъ съ тремя старшими дѣтьми; маленькая Таша[2]) осталась здѣсь (она—очаровательный и очень рослый для своихъ лѣтъ ребенокъ). Но мы вернемся сюда не ранѣе 25 числа этого мѣсяца. Ты спрашиваешь меня, какъ онѣ поживаютъ и что дѣлаютъ: живутъ очень неподвижно, проводятъ время какъ могутъ; понятно, что послѣ жизни въ Петербургѣ, гдѣ Натали носили на рукахъ, она не можетъ находить особой прелести въ однообразной жизни Завода, и она чаще грустна, чѣмъ весела, нерѣдко прихварываетъ, что заставляетъ ее иногда цѣлыми недѣлями не выходить изъ своихъ комнатъ и не обѣдать со мною. Какіе у нея планы на будущее, не выяснено; это будетъ

[1]) Наталія Николаевна Пушкина и Александра Николаевна Гончарова.
[2]) Впослѣдствіи графиня Меренбергъ. *Ред.*

зависѣть отъ различныхъ обстоятельствъ и отъ добрѣйшей Тетушки [1]), которая обѣщаетъ въ теченіе ближайшаго мѣсяца подарить насъ своимъ присутствіемъ, желая навѣстить Натали, къ которой она продолжаетъ относиться съ материнской нѣжностью. Ты спрашиваешь меня, почему она не пишетъ тебѣ: по правдѣ сказать, не знаю; но не предполагаю иной причины, кромѣ боязни уронить свое достоинство или, лучше сказать, свое доброе имя, переписываясь съ тобою, и я думаю, что она напишетъ тебѣ не скоро. Что касается Матушки, то могу тебя завѣрить, что несмотря на всѣ странности, она относится къ тебѣ съ истиннымъ интересомъ, и всякій разъ съ самой большой радостью получаетъ о тебѣ извѣстія.

Сергѣй въ Москвѣ съ женой, которая сдѣлала его отцомъ маленькаго Мишеньки...

Кстати, дай мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія и подробности о Вашемъ городѣ Сульцѣ; я не могъ найти его на картѣ нашего стараго друга Папи. Есть ли у васъ пріятное общество?

Привѣтъ твоему мужу.

Дмитрій Гончаровъ.

IV.

Изъ семейной переписки Геккереновъ и Дантесовъ (1837 г.).

1. Письмо барона Дантеса-отца къ барону Геккерену.—2. Письмо къ нему же баронессы Н. Дантесъ (сестры Дантеса).—3—4. Письма барона Геккерена къ ней же.—5. Письмо его же къ барону Генриху Геккерену.—6—8. Письма его же къ барону Жоржу Геккеренъ.

1. Копія съ письма барона Дантеса-отца къ барону Геккерену изъ Сульца отъ 6 Марта н. ст., полученнаго въ Петербургѣ 6 Марта ст. ст. 1837.

Дорогой баронъ, ваше письмо совершенно успокоило насъ за участь Жоржа. Объ этомъ печальномъ происшествіи возвѣстили всѣ газеты, весь городъ зналъ о немъ, одинъ я оставался въ невѣдѣніи. Не далѣе, какъ вчера, письмо m-me Irene возвѣстило о пріѣздѣ г. д' Аршіака въ Парижъ и о томъ, что рана Жоржа не такъ опасна, какъ о ней сообщали. Всѣ газеты высказываютъ расположеніе моему сыну, объявляя г. Пушкина зачинщикомъ; «Journal des Débats» утверждаетъ даже, что клевета и анонимныя письма вынудили г. Пушкина на такой поступокъ, приведшій его къ гибели.

---

[1]) Е. И. Загряжская.

Жоржъ, мой дорогой баронъ, поступилъ такъ, какъ должно; зная его характеръ и его сердце, я удивился бы тому, если бы онъ поступилъ иначе... Нѣтъ, вы не могли бы дѣйствовать иначе, и я приглашаю васъ, дорогой баронъ, быть бодрымъ. Это несчастное происшествіе не могло не случиться, рано или поздно, и я благодарю Провидѣніе, покровительствовавшее Жоржу. Мои дѣти и я обнимаемъ васъ, а также Жоржа и его жену. Сообщайте намъ новости о бѣдномъ Жоржѣ.

Дантесъ.

2. Выписка изъ письма баронессы Дантесъ (сестры Дантеса), безъ подписи, къ барону Геккерену изъ Сульца отъ 21 марта н. ст., полученнаго въ Петербургѣ 23 марта ст. ст. 1837.

Альфонсъ съ вечера 10-го—въ Парижѣ, но онъ могъ видѣть Д'Аршіака только въ понедѣльникъ 12-го; послѣдній отправлялся за новостями изъ Петербурга; оказалось, что Жоржъ разжалованъ въ рядовые. Д'Аршіакъ находитъ, что это пустяки, но мнѣ кажется, что это чрезмѣрно. Вѣдь зачѣмъ же наконецъ подвергать наказанію, когда всѣ согласно одобряютъ его поведеніе: понятно, что онъ не могъ дѣйствовать иначе. Но, если, къ несчастію для него, онъ былъ бы русскимъ поданнымъ, то его карьера была бы разбита. Русскіе, проводящіе зиму въ Баденѣ, произносятъ похвальныя рѣчи въ честь своего поэта. Но, что васъ должно успокоить въ этомъ печальномъ дѣлѣ, такъ это увѣренность, что всѣ благомыслящіе люди не находятъ вины за Жоржемъ. Но все-таки я буду болѣе спокойна лишь тогда, когда вы будете внѣ Россіи. Признаюсь, я опасаюсь единственно того, не будете ли вы тосковать, покидая Россію такимъ образомъ.

Нанина.

3. Копія съ письма барона Геккерена къ г-жѣ Дантесъ въ Сульцъ отъ 29 марта н. ст. 1837.

Ваши послѣднія письма, моя дорогая Нанина, очень меня обрадовали тѣмъ, что успокоили насъ совершенно относительно тревоги, перенесенной вами до полученія моего перваго письма; письмо же вашего отца меня просто осчастливило; я и не ожидалъ ничего другого отъ его прямого образа мыслей и его благороднаго и возвышеннаго характера; иначе поступить мы и не могли; Жоржу не въ чемъ себя упрекнуть; его противникомъ былъ безумецъ, вызвавшій его безъ всякаго разумнаго повода; ему просто жизнь надоѣла, и онъ рѣшился на самоубійство, избравъ руку Жоржа орудіемъ для своего переселенія въ другой міръ. Вы легко поймете, что послѣ подоб-

наго событія я не могу оставаться въ Россіи и просилъ позволенія, которое мнѣ и было дано, уѣхать изъ С.-Петербурга; разсчитываю выѣхать въ скоромъ времени, жду только пріѣзда моего преемника; Жоржъ также оставляетъ русскую службу и вмѣстѣ съ женой явится прямо въ Сульцъ, а я ѣду сперва въ Голландію, гдѣ мнѣ надо устроить кое-какія дѣла, а потомъ къ вамъ; вы видите, что нѣтъ худа безъ добра: мы увидимся раньше, чѣмъ могли надѣяться; какой постъ мнѣ предназначаютъ, я еще не знаю, но все равно мы будемъ ближе другъ къ другу и сможемъ чаще видѣться. Какъ только я получу назначеніе, Жоржъ пріѣдетъ ко мнѣ съ женой. Они оба совсѣмъ здоровы; вашъ братъ совершенно оправился отъ раны: поведеніе его жены было безукоризненно при данныхъ обстоятельствахъ; она ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью и радуется возможности покинуть страну, гдѣ счастливой уже быть не можетъ. Что касается меня, то я также очень доволенъ, мнѣ и безъ того надоѣла страна, гдѣ я разстроилъ свое здоровье, и, приближаясь къ старости, я радъ поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ и всецѣло посвятить себя своей новой семьѣ; если Catherine будетъ умницей, то подаритъ насъ маленькимъ Жоржемъ, который утѣшитъ насъ во всѣхъ пережитыхъ треволненіяхъ. Какъ только день нашего отъѣзда будетъ назначенъ, мы васъ извѣстимъ. А пока шлемъ вамъ всѣ трое тысячу привѣтствій и просимъ васъ совершенно успокоиться на нашъ счетъ.

Баронъ де Геккеренъ.

4. Выписка изъ письма барона Геккерена къ г-жѣ Дантесъ въ Сульцъ отъ 5 апрѣля н. ст. 1837.

Это — послѣднее письмо, моя дорогая Нанина, которое я вамъ пишу отсюда. Для того, чтобы васъ совершенно успокоить, я скажу Вамъ, что я очень радъ; прежде всего мое здоровье не могло бы слишкомъ долго сопротивляться пребыванію въ этой странѣ. Событіе, которое удаляетъ меня въ настоящее время отсюда, нѣсколько ускорило мой отъѣздъ — вотъ и все. Жоржъ уже уѣхалъ; онъ покинулъ насъ пять дней тому назадъ, это было немного рѣзко, какъ и все въ этой странѣ, но онъ чувствуетъ себя хорошо; мы имѣли отъ него извѣстіе съ дороги, онъ сообщаетъ намъ, что ждетъ насъ въ Кенигсбергѣ. Катерина и я отправляемся черезъ нѣсколько дней, чтобы присоединиться къ нему. Мы поѣдемъ медленно: дорога ужасна, а Катерина нуждается въ предосторожностяхъ. Разжалованіе въ солдаты, о которомъ сообщилъ вамъ д'Аршіакъ, не имѣетъ никакого значенія, это — проформа.

Такъ какъ дуэль запрещена, то необходима кара. Но всякій честный человѣкъ пойметъ, что Жоржъ не могъ поступить иначе. Итакъ не будемъ болѣе объ этомъ говорить и подумаемъ исключительно о радости свиданія.

Баронъ де Геккеренъ.

5. Копія съ письма барона Геккерена къ барону Геккерену (Seigneur d'Enghuisen) въ Сонсбекъ, отъ 5 апрѣля н. ст. 1837.

Ужъ давно, мой милый Генрихъ, долженъ былъ я написать вамъ, но я не былъ въ состояніи взять перо въ руки, чтобы поговорить съ вами о роковомъ событіи, происшедшемъ въ моемъ домѣ; ни Жоржъ, ни я были тутъ ни при чемъ; все это свалилось мнѣ, какъ снѣгъ на голову: все, что было въ человѣческихъ силахъ, было сдѣлано, чтобы избѣжать, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ *правилъ чести,* этой дуэли; въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ; изъ газетъ вы могли узнать объ ея исходѣ. На другой же день я писалъ королю, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ оставить Россію, потому что я не желалъ оставаться въ Петербургѣ послѣ этой катастрофы отвѣтъ его величества былъ вполнѣ удовлетворителенъ: король даетъ мнѣ отпускъ; это все, чего я желалъ, и я ѣду черезъ нѣсколько дней; я продалъ всю свою обстановку, такъ какъ ни подъ какимъ видомъ не соглашусь когда-либо вернуться; хотя вообще мнѣ отдаютъ дань справедливости, но мнѣ пришлось бы бороться съ цѣлой партіей, главою которой былъ покойный; борьба съ ней отравила бы со временемъ все мое существованіе; вслѣдъ за этимъ письмомъ явлюсь и я и лично разскажу вамъ все подробно; одно могу сказать, что если бы мнѣ пришлось дѣйствовать опять сначала, я поступилъ бы точно также. Передайте мой привѣтъ Everdine; я ей не пишу, такъ какъ не стоитъ говорить о дѣлѣ, о которомъ мнѣ такъ тяжело вспоминать. Жоржъ больше не на русской службѣ; онъ уже уѣхалъ: я отправляю его вмѣстѣ съ женой къ его отцу, гдѣ онъ обождетъ новаго моего назначенія...

Баронъ де Геккеренъ.

6. Копія съ письма барона Геккерена къ барону Жоржу Геккерену въ Тильзитъ (безъ числа).

Я пишу тебѣ нѣсколько словъ, милый мой Жоржъ; судя по способу, которымъ тебя выслали, ты легко поймешь мою сдержанность; разъ твоя жена и я еще здѣсь, надо соблюдать осторожность; дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось много пострадать во время твоего ужаснаго путешествія,—

тебѣ, больному съ двумя открытыми ранами; позволили ли, или, вѣрнѣе, дали ли тебѣ время въ дорогѣ, чтобы перевязать раны? Не думаю и сильно безпокоюсь о томъ; береги себя въ ожиданіи насъ и, если хочешь, поѣзжай въ Кенигсбергъ, тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ въ Тильзитѣ. Не называю тебѣ лицъ, которыя оказываютъ намъ вниманіе, чтобы ихъ не компрометировать, такъ какъ рѣшительно мы подвергаемся нападкамъ партіи, которая начинаетъ обнаруживаться, и нѣкоторые органы которой возбуждаютъ преслѣдованіе противъ насъ. Ты знаешь, о комъ я говорю; могу тебѣ сказать, что мужъ и жена относятся къ намъ безукоризненно, ухаживаютъ за нами какъ родные, даже больше того,—какъ друзья. Какъ только прибудетъ Геверсъ, мы уѣдемъ. Все же пройдетъ недѣли двѣ, прежде чѣмъ мы будемъ съ тобой, если ты не остаешься въ Тильзитѣ; оставь намъ на почтѣ вѣсточку о твоемъ здоровьѣ. Во всякомъ случаѣ, вотъ паспортъ Баранта съ прусской визой. Твоей женѣ сегодня лучше, но докторъ не позволяетъ ей встать; она должна пролежать еще два дня, чтобы не вызвать выкидыша: была минута въ эту ночь, когда его опасались. Она очень мила, кротка и послушна и очень благоразумна. Каждую почту я буду тебя извѣщать о состояніи ея здоровья. Положись на меня, я позабочусь о ней. Прощай; Баранты очень тебѣ кланяются, они прекрасно относятся къ твоей женѣ; отъ души обнимаю тебя; до скораго свиданія. Старуха Загряжская умерла вчера вечеромъ. M-lle Z., тетка, сварливая и упрямая личность; но я употребилъ въ дѣло свой авторитетъ и запретилъ твоей женѣ проводить цѣлые дни за письмами къ ней, лишь бы удовлетворить ея любопытство, потому что ея заботы и расположеніе—только одно притворство. Сейчасъ выходитъ докторъ отъ твоей жены и говоритъ, что все идетъ хорошо...

Офицеръ G. (Г) хотѣлъ меня видѣть; Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрія съ твоей стороны. Не скрою отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ я, что заслужилъ отъ тебя такое отношеніе.

7. Выписка изъ письма барона Геккерена къ Жоржу Геккерену въ Кенигсбергъ отъ 5 апрѣля (27 марта) 1837.

Мы заняты по горло приготовленіями къ отъѣзду, сейчасъ упаковываютъ мебель. Я хочу быть совершенно готовымъ къ пріѣзду Геверса, у меня нѣтъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни отъ кого-либо изъ Гааги. Это обстоятельство заставляетъ меня предположить, что онъ въ дорогѣ; я надѣюсь, что ты по пути въ Кенигсбергъ увидишь его и порекомендуешь ѣхать скорѣе.

Здѣсь тоже нѣтъ ничего новаго для меня, то же молчаніе и никакого отвѣта. Я оставляю за собой право распоряжаться моимъ поведеніемъ независимо отъ того, какъ на него посмотрятъ послѣ моего отъѣзда. Нельзя же видѣть дурное въ томъ, что я хочу оправдать себя въ то время, когда упорно не желаютъ сказать мнѣ, что нельзя сдѣлать никакого упрека, потому что я ни о чемъ больше не прошу.

Баронъ де Геккеренъ.

8. Копія съ письма барона Геккерена къ Жоржу Геккерену въ Кенигсбергъ (безъ числа).

Два слова, мой возлюбленный Жоржъ! Пріѣхалъ Геверсъ. Я жду только прощальной аудіенціи, чтобы отправиться; еще немного терпѣнія, и мы свидимся. Письма, привезенныя Геверсомъ, не даютъ мнѣ надежды на новое мѣсто. Я ничего не сказалъ объ этомъ твоей женѣ, чтобы не огорчать ее. Я полонъ бодрости и самоотверженія, и отъ тебя я жду того же. Останемся вмѣстѣ, и мы будемъ еще счастливы... Твоя жена чувствовала себя очень хорошо утромъ и жаловалась только на голову... Докторъ увѣрилъ меня, что путешествіе не будетъ для нея вредно, но я беру съ собой до Берлина горничную. Строгановъ написалъ мнѣ великолѣпное письмо, мнѣ и тебѣ...

V.

Отзвуки дуэли въ письмахъ сторонниковъ барона Геккерена (1837).

1. Письмо А. Фаллу къ барону Жоржу Геккерену.—2. Письмо графа Г. А. Строганова къ барону Геккерену.—3—4. Письма полковыхъ товарищей барона Жоржа Дантеса къ нему: князя Куракина (?) и князя Барятинскаго.—5—6. Письма виконта Даршіака къ г. Флагаку и графу Монтессюи.—7. Изъ письма Франшъ-Денери къ герцогу де Блака.

1. Письмо Альфреда Фаллу къ барону Жоржу Геккерену.

8 марта 1837.

Если Вы располагаете Вашихъ друзей скорѣе по степени той привязанности, которую они къ Вамъ питаютъ, дорогой Жоржъ, нежели по долголѣтію ихъ дружбы, то я убѣжденъ, что Вы поставили бы меня во главѣ тѣхъ, которыхъ Ваше несчастье живѣйшимъ образомъ поразило. Я не сумѣю сказать Вамъ, насколько я былъ имъ удрученъ, и г. де Монтессюи сможетъ передать Вамъ, надѣюсь, черезъ своего beau frère'а, съ какой по-

спѣшностью и настойчивостью я искалъ г. д'Аршіака, какъ только узналъ о его возвращеніи въ Парижъ. Малѣйшія подробности этой ужасной катастрофы имѣли для меня реальный интересъ и подтвердили мнѣ то, въ чемъ я никогда не сомнѣвался. Я не могу притязать на высказываніе Вамъ какихъ-либо утѣшеній, сверхъ того Вы обладаете самымъ дѣйствительнымъ изъ нихъ—а именно сознаніемъ того, что Вы постоянно повиновались чувству чести, но я хочу увѣрить Васъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что я искренне сожалѣю о томъ, что не могу быть сейчасъ съ Вами. Единственное, что могло помѣшать мнѣ выразить Вамъ это въ первую же минуту, это увѣренія русскихъ, находящихся въ настоящую минуту въ Парижѣ, что первая формальность въ Вашемъ положеніи, которой Вы должны были подвергнуться—заключеніе въ крѣпости, и что мое письмо, по всей вѣроятности, до Васъ не дойдетъ. Я не знаю, желать ли мнѣ увидѣться съ Вами вскорѣ во Франціи, не знаю, каковы Ваши рѣшенія. Меня увѣрили, что Вы всецѣло останетесь ихъ хозяиномъ; на первое время съ меня этого достаточно, и я только хочу просить Васъ, чтобы Вы держали меня въ курсѣ Вашего положенія, когда оно окончательно выяснится. Въ случаѣ, если память о Родинѣ приведетъ Васъ къ намъ, я буду весьма огорченъ, если не узнаю о Вашемъ возвращеніи съ тѣмъ, чтобы первымъ воспользоваться имъ. Равнымъ образомъ, если бы я могъ быть Вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, располагайте мною заранѣе и безъ всякихъ колебаній. Въ каждомъ порученіи я увижу лишь доказательство Вашей дружбы и какъ бы знакъ нѣкоторой вѣры въ мою дружбу къ Вамъ.

Г. д'Аршіакъ передалъ мнѣ вчера письмо отъ Александра Трубецкого, скажите ему, что оно доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Доказательство памяти обо мнѣ Васъ обоихъ, повѣрьте, всегда будетъ трогать меня до глубины души; надѣюсь, что онъ получилъ отъ меня длинное письмо приблизительно въ то самое время, какъ писалъ мнѣ. Я надѣюсь, что наши мысли еще не разъ невольно встрѣтятся такимъ образомъ. Я отправлюсь тотчасъ къ князю Барятинскому и употреблю всѣ усилія, чтобы вмѣстѣ съ нимъ уплатить мой долгъ Вамъ. Я не хочу злоупотреблять конвертомъ г. де Монтессюи и на сегодняшній день долженъ ограничить этимъ все то, что я былъ бы счастливъ высказать Вамъ. Позвольте мнѣ заключить все дружескимъ объятіемъ.

Вашъ Альфредъ де Фаллу.

P. S. Тысячу почтительныхъ привѣтовъ барону Геккерену. Благодарныя воспоминанія о всѣхъ тѣхъ, кто помнитъ еще мое имя. Я не оставилъ еще мысли провести какъ-нибудь зиму въ Петербургѣ.

2. Письмо графа Г. А. Строганова къ барону Геккерену.

Я только-что вернулся домой и нашелъ у себя на письменномъ столѣ старинный сосудъ и при немъ любезную записку. Первый, несмотря на всю свою хрупкость, пережилъ вѣка и сталъ памятникомъ, соблазнительнымъ лишь для антикварія, а вторая, носящая отпечатокъ современности, пробуждаетъ недавнія воспоминанія и укрѣпляетъ будущія симпатіи. Съ этой точки зрѣнія и тотъ и другая для меня очаровательны, драгоцѣнны, и я испытываю, баронъ, потребность принести Вамъ всю мою благодарность. Когда Вашъ сынъ Жоржъ узнаетъ, что эта чаша находится у меня, скажите ему, что дядя его Строгановъ хранитъ ее, какъ память о благородномъ и лойяльномъ поведеніи, которымъ отмѣчены послѣдніе мѣсяцы его пребыванія въ Россіи. Если наказанный преступникъ является примѣромъ для толпы, то невинно осужденный, безъ надежды на возстановленіе имени, имѣетъ право на сочувствіе всѣхъ честныхъ людей.

Примите, прошу Васъ, увѣренія въ моей искренней привязанности и въ совершенномъ моемъ уваженіи.

Строгановъ.

Среда, утромъ.

3—4. Письма къ барону Жоржу Геккерену его полковыхъ товарищей.

3.

С.-Петербургъ, 27-го марта 1837.

Если, дорогой другъ, Вамъ тяжело было покидать насъ, то повѣрьте, что и мы были глубоко удручены злосчастнымъ исходомъ Вашего дѣла. Тотъ способъ, которымъ Вы были высланы изъ Петербурга, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго для насъ, привычныхъ къ высылкамъ такого рода, но, тѣмъ не менѣе, огорченіе, которое мы испытали, и особенно я, отъ того, что не могли проститься съ Вами передъ Вашимъ отъѣздомъ, было чрезвычайно велико. Я надѣюсь, что Вы не сомнѣваетесь въ моей дружбѣ, дорогой Жоржъ.

Богъ знаетъ, встрѣтимся ли мы когда-либо; тогда, быть можетъ, мы вспомнимъ болѣе счастливыя времена. Едва я узналъ, что Васъ высылаютъ, я первымъ дѣломъ бросился въ Кордегардію Адмиралтейства, чтобы обнять Васъ, но, увы, было уже поздно, Вы были уже далеко отъ насъ, а я этого и не подозрѣвалъ... Я надѣюсь, что Ваша супруга будетъ такъ добра, что

передастъ Вамъ мое письмо, равно какъ и небольшой подарокъ, сопровождающій его; это—бездѣлица и весьма слабый залогъ моей дружбы, дорогой Жоржъ, но примите ихъ, такъ какъ я посылаю Вамъ это отъ души, увѣряю Васъ.

Не пишу Вамъ о С.-Петербургѣ, такъ какъ Вы, навѣрно, не хотите о немъ слышать послѣ всего, что съ Вами случилось, а затѣмъ здѣсь нѣтъ и ничего новаго, что могло бы заинтересовать Васъ. Цѣлую Васъ нѣжно, дорогой Геккеренъ, и прошу Васъ вспоминать порою Вашего бывшаго сослуживца и друга; будьте счастливы и вѣрьте той искренней привязанности, которую я къ Вамъ питаю.

Вашъ искренній другъ А. К...[1])

4.

19-го марта 1837.

Мнѣ чего-то недостаетъ съ тѣхъ поръ, какъ я не видѣлъ Васъ, мой дорогой Геккеренъ; повѣрьте, что я не по своей волѣ прекратилъ мои посѣщенія, которыя приносили мнѣ столько удовольствія и всегда казались мнѣ слишкомъ краткими; но я долженъ былъ прекратить ихъ вслѣдствіе строгости караульныхъ офицеровъ. Подумайте, что меня возмутительнымъ образомъ два раза отослали съ галлереи, подъ тѣмъ предлогомъ, что это не мѣсто для моихъ прогулокъ, а еще два раза я просилъ разрѣшенія увидѣться съ Вами, но мнѣ было отказано. Тѣмъ не менѣе, вѣрьте попрежнему моей самой искренней дружбѣ и тому сочувствію, съ которымъ относится къ Вамъ вся наша семья.

Вашъ преданный другъ

Барятинскій.

5. Выписка изъ письма къ господину Флагану изъ Парижа отъ 15 марта н. ст., полученнаго въ Петербургѣ 18 марта ст. ст. 1837.

...Парижъ былъ весьма занятъ исторіей съ Жоржемъ. По пріѣздѣ я засталъ отца страшно возбужденнымъ; онъ видѣлся съ однимъ русскимъ изъ посольства, Спись, который не зналъ какъ было дѣло и, тѣмъ не менѣе, разсказывалъ и, вслѣдствіе этого, несъ всякій вздоръ. Я былъ въ Русскомъ Посольствѣ (не у посланника), гдѣ разсказалъ, какъ было дѣло,

---

[1]) Подпись неразборчива; судя по иниціаламъ (le P. A. K...), это, вѣроятно,— кавалергардъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

и тогда все измѣнилось. Медемъ былъ чрезвычайно любезенъ со мной, передайте это его братьямъ; Списъ принесъ публичное покаяніе, и все наладилось. Всѣ газеты, каждая по своему, разсказывали это дѣло. Я не думаю, чтобы мнѣ слѣдовало вмѣшиваться, въ виду того, что моего имени не называли (я разсматриваю это, какъ доказательство благосклонности ко мнѣ корреспондентовъ); я полагалъ, что лучше заставить забыть эту исторію, что теперь и сдѣлано. Нѣтъ возможности думать дольше о чемъ-либо въ этомъ чудесномъ городѣ. Я разсчитывалъ получить извѣстія о Геккеренахъ. Братъ Жоржа пріѣхалъ сюда, чтобы узнать о подробностяхъ поединка.

Я не слышалъ ни одного упрека по моему адресу. Господинъ Моле сказалъ мнѣ, что нечего возразить противъ того, какъ все произошло.

д'Аршіакъ.

Парижъ, 15-го марта 1837.

6. Выписка изъ письма къ графу Монтесюи изъ Парижа отъ 17 марта ст. ст., полученнаго въ Петербургѣ 18 марта ст. ст. 1837.

Какъ объяснить тотъ интересъ, съ которымъ отнеслись здѣсь къ дѣлу Геккерена? Почему писали о немъ во всѣхъ газетахъ? Правда, что въ теченіе недѣли наговорили кучу всевозможныхъ глупостей, которыя тотчасъ и позабыли. Моего имени нигдѣ упомянуто не было. Русское Посольство отнеслось къ дѣлу какъ должно; нѣкоторые русскіе отнеслись иначе; г. Смирновъ, между прочимъ, былъ нелѣпъ.

д'Аршіакъ.

Парижъ, 17-го марта 1837.

7. Выписка изъ письма М. Г. Франшъ-Денери къ герцогу де Блака.

Берлинъ, 28-го февраля 1837.

Я имѣлъ честь сообщить Вамъ недавно о несчастной дуэли между г. Дантесомъ и поэтомъ Пушкинымъ; послѣдній находился во главѣ русской молодежи и возбуждалъ ее къ революціонному движенію, которое ощущается повсюду, съ одного конца земли до другого. Императоръ приказалъ разсмотрѣть и сжечь всѣ тѣ изъ его бумагъ, которыя могли бы кого бы то ни было скомпрометировать.

VI.

Къ дѣлу барона Геккерена (1837 г.).

1. Донесеніе Геверса барону Верстолку.—2. Донесеніе барона Мальтица графу Нессельроде.—3. Изъ письма Геверса къ барону Геккерену.—4. Изъ письма барона Геккерена къ Геверсу.—5. Донесеніе барона Мальтица графу Нессельроде.—6. Письмо барона Линденъ де-Гемменъ къ русскому посланнику въ Гаагѣ Потемкину.

1. Выписка изъ письма г. Геверса къ г. Верстолку въ Гаагу отъ 3—15 апрѣля 1837.

...На другой день послѣ моего пріѣзда баронъ Геккеренъ ходатайствовалъ о прощальной аудіенціи у царской фамиліи, но Государь передалъ черезъ Нессельроде, что онъ желаетъ избѣжать объясненій, которыя могутъ быть только тягостными. Онъ предпочелъ не видѣть г. Геккерена и приказалъ по этому случаю пожаловать, какъ доказательство своего благоволенія, брилліантовую табакерку, украшенную портретомъ его величества. Не имѣя съ этого мгновенія никакихъ препятствій къ отправленію, г. Геккеренъ закончилъ необходимыя приготовленія къ отъѣзду и выѣхалъ въ Гаагу третьяго дня днемъ, сдавъ мнѣ архивъ и бумаги посольства.

Геверсъ [1]).

2. Письмо барона Мальтица графу Нессельроде.

Гаага, 12-24 мая 1837 г.

Конфиденціально.

Милостивѣйшій Государь,

Баронъ Геккеренъ прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ тотчасъ же попросилъ и получилъ аудіенцію у ихъ королевскихъ высочествъ, у принца Оранскаго и принцессы Оранской. Но только сегодня въ среду—обычный пріемный день у короля—г. Геккеренъ долженъ предстать предъ его величествомъ.

Не получая никакого увѣдомленія отъ вашего сіятельства относительно причины отозванія этого посланника и зная сверхъ того ваше всегдашнее

---

[1]) На копіи этого письма, хранящейся въ С.-Петербургскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, есть помѣта: «Геккеренъ не имѣлъ прощальной аудіенціи, но получилъ табакерку: онъ уѣхалъ».

благожелательное къ нему отношеніе, я полагалъ, что мой долгъ—отвѣчать сообразно той торопливости, съ которой онъ постарался меня видѣть тотчасъ... Геккеренъ, кажется, ожидалъ найти у меня нѣкоторые документы, которые ваше сіятельство разсчитывали доставить ему при посредствѣ посольства, и которые въ его глазахъ, повидимому, представляютъ огромную важность...

Я не могъ не замѣтить тяжелаго чувства, вызваннаго здѣсь всѣмъ этимъ дѣломъ, и я не скрою отъ Вашего Сіятельства, что здѣсь были, повидимому, оскорблены тѣми обстоятельствами, которыя сопровождали отъѣздъ барона Геккерена изъ С.-Петербурга.

Имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

смиреннымъ и покорнымъ слугой.

Его Сіятельству графу Нессельроде и проч.

3. Выписка изъ письма г. Геверса къ барону Геккерену въ Гаагу отъ 15/27 мая 1837.

...Здѣсь, г-нъ баронъ, нѣтъ никакихъ новостей сверхъ того, что я писалъ раньше; въ свѣтѣ не подымаютъ больше вопросовъ о смерти Пушкина. Съ перваго дня моего пріѣзда я избѣгалъ и прерывалъ всякій разговоръ на эту тему; вражда общества, исчерпавъ весь свой ядъ, наконецъ стихла. Императоръ принялъ меня нѣсколько дней тому назадъ въ частной аудіенціи; все, что касалось до этого дѣла, тщательно избѣгаемо.

Геверсъ.

4. Выписка изъ письма барона Геккерена къ г. Геверсу изъ Гааги отъ 27 мая н. ст., полученнаго въ Петербургѣ 26 мая ст. ст. 1837.

... Будьте добры отправиться отъ моего имени къ графу Нессельроде и скажите ему, что я не нашелъ здѣсь бумагъ, которыя онъ обѣщалъ мнѣ выслать, и которыя касаются событія, заставившаго меня покинуть Россію. Эти бумаги—моя собственность, и я не допускаю мысли, чтобы министръ, давшій мнѣ формальное обѣщаніе ихъ возвратить, пожелалъ меня обмануть. Потребуйте ихъ и пошлите ихъ мнѣ немедленно же: документовъ числомъ пять.

Баронъ де Геккеренъ.

5. Письмо барона Мальтица графу Нессельроде.

Гаага, 11-23 іюня 1837.

Господинъ Вице-Канцлеръ,

Пакетъ, адресованный барону Геккерену и порученный Вашимъ Превосходительствомъ попеченію моего предшественника письмомъ отъ 26-го мая (7-го іюня) 1837г., дошелъ до меня третьяго дня. Наведя немедленно справки о томъ, гдѣ въ настоящее время находится г. Геккеренъ, выѣхавшій изъ Гааги нѣсколько времени тому назадъ, я получилъ извѣстіе о томъ, что онъ отправился на воды въ Баденъ, вблизи Раштадта. Но такъ какъ я не зналъ ни времени, къ которому г. Геккеренъ разсчитываетъ прибыть въ это мѣсто, ни продолжительности его пребыванія тамъ, я не счелъ себя въ правѣ подвергнуть случайностямъ пересылку пакета, содержащаго, повидимому, важныя бумаги. Я рѣшилъ прибѣгнуть къ посредству нашего повѣреннаго въ Карлсруэ для сообщенія г. Геккерену о полученіи указаннаго пакета, который въ ожиданіи указаній, которыя онъ сочтетъ нужнымъ сдѣлать мнѣ относительно его дальнѣйшей пересылки, останется на храненіи въ архивѣ Посольства.

Льщу себя надеждой, что Ваше Сіятельство соблаговолитъ одобрить мое распоряженіе, и имѣю честь представить Вамъ, графъ, увѣреніе въ моей почтительнѣйшей преданности.

Мальтицъ.

Его Сіятельству графу Нессельроде, и проч.

6. Письмо барона Линденъ де Гемменъ.

Гаага, 1-го мая 1837.

Господинъ Полномочный Министръ,

Разрѣшите мнѣ справиться у Васъ, насколько достовѣрна замѣтка, напечатанная въ Гаагской газетѣ.

Въ С.-Петербургской газетѣ «*Русскій Инвалидъ*» напечатано:—«Баронъ Геккеренъ, поручикъ Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы полка, объявленъ, въ силу приговора Военнаго Суда, лишеннымъ чина и званія русскаго дворянина и разжалованъ въ солдаты, вслѣдствіе его дуэли съ Камергеромъ Двора Александромъ Пушкинымъ, скончавшимся отъ полученной во время поединка раны».

Въ виду того, что мнѣ, въ качествѣ Предсѣдателя Высшаго Суда по дѣламъ дворянства надлежитъ знать, согласно ли это сообщеніе съ истиной, или нѣтъ, я беру смѣлость обратиться къ Вамъ съ просьбой просвѣтить меня относительно этого вопроса.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ, Господинъ Полномочный Министръ, Вашимъ смиреннымъ и покорнымъ слугою

Ф. Г. баронъ Линденъ де Гемменъ.

VII.

Изъ позднѣйшихъ отношеній Дантеса къ Россіи.

1. Письмо И. П. Озерова къ барону Жоржу Дантесу-Геккерену.—2. Письмо къ нему же графа Адлерберга.

1. Письмо И. П. Озерова [1]) барону Жоржу Геккерену.

Баденъ, 27 августа 1847.

Дорогой другъ, спѣшу сообщить Вамъ, что намѣреніе моего князя пріѣхать въ Баденъ 7-го сентября не измѣнилось. Я нашелъ удобный случай поговорить съ нимъ о Васъ, о томъ, какъ Вы хорошо устроились, передалъ ему о Вашемъ желаніи явиться къ нему засвидѣтельствовать Ваше почтеніе, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что будетъ очень радъ Васъ видѣть. Онъ много разспрашивалъ о всей Вашей семьѣ, о Вашей настоящей жизни, и освѣдомился у меня, сохранили ли Вы Вашъ любезный и веселый нравъ. Я былъ радъ успокоить его на этотъ счетъ.

Въ случаѣ, если бы въ намѣреніяхъ князя произошла перемѣна, я тотчасъ увѣдомлю Васъ. Въ ожиданіи его, съ тысячью благодарностей за Ваше любезное гостепріимство, прошу принять увѣреніе въ чувствѣ глубокой преданности

Озеровъ.

2. Письмо графа В. Ѳ. Адлерберга [2]) барону Ж. Дантесу-Геккерену.

С.-Петербургъ, 20-го іюня (2-го іюля) 1852.

Баронъ,

Вы найдете меня нескромнымъ, когда ознакомитесь съ содержаніемъ письма, которое я имѣю честь направить Вамъ, и, признаюсь, Вы будете

---

[1]) Камергеръ Иванъ Петровичъ Озеровъ, повѣренный въ дѣлахъ.

[2]) Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, черезъ 2 мѣсяца назначенный Министромъ Императорскаго Двора.

правы! Тѣмъ не менѣе, въ память нашихъ прежнихъ добрыхъ отношеній, осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ просьбой, дерзость коей находитъ себѣ оправданіе не столько въ мотивѣ ея, сколько въ Вашемъ добромъ расположеніи, на продленіе котораго я смѣю надѣяться. Дѣло въ слѣдующемъ: г. Тамбурини, артистъ съ европейской извѣстностью, чей прекрасный талантъ былъ по достоинству оцѣненъ въ Парижѣ, г. Тамбурини, который въ теченіе десяти лѣтъ вызывалъ восторги любителей Итальянской оперы въ Петербургѣ, къ числу которыхъ я принадлежу въ первую очередь, г. Тамбурини, говорю я, умоляетъ меня порекомендовать Вашему благосклонному вниманію, Вашему покровительству его племянника, графа Александра Мальвецци де Ферраре, котораго онъ желалъ бы оставить вблизи себя въ Парижѣ, гдѣ самъ онъ устроился со всей своей семьей. Принимая живое участіе въ г. Тамбурини, я осмѣливаюсь просить Васъ, баронъ, принять его милостиво и устроить для него то, о чемъ онъ проситъ, если это возможно; онъ желаетъ и надѣется, что, благодаря Вашему могущественному вліянію, получитъ для племянника (который, кстати сказать, женатъ на дочери г. Струве, нашего посланника въ Гамбургѣ) мѣсто въ Министерствѣ или какую-нибудь административную должность въ Парижѣ. Г. Тамбурини, который будетъ имѣть честь передать Вамъ это письмо, объяснитъ лучше меня характеръ той должности, которая могла бы ему подойти.

Еще разъ прошу снисхожденія къ моему ходатайству, прошу не сердиться, если въ немъ есть что-либо нескромное, и пользуюсь случаемъ изъявить Вамъ, баронъ, еще разъ увѣреніе въ моемъ совершеннѣйшемъ почтеніи.

Графъ В. Адлербергъ.

VIII.

Жоржъ-Шарль-Дантесъ.

Біографическій очеркъ Луи Метмана[1]).

Семья Дантесовъ была родомъ съ острова Готланда. Въ 1529 году мы находимъ ее утвердившеюся въ Вейнгеймѣ, въ Пфальцѣ, гдѣ представители ея, въ нѣсколько пріемовъ, исполняютъ обязанности Консуловъ[2]).

---

[1]) Біографическій очеркъ о Дантесѣ принадлежитъ перу г. Луи Метмана; напечатанный по-французски въ первомъ изданіи нашей книги, здѣсь онъ дается въ русскомъ переводѣ съ опущеніемъ генеалогическихъ подробностей, совершенно неинтересныхъ для русскаго читателя.

[2]) Въ прирейнскихъ городахъ званіе консула носили муниципальные чиновники, несшіе обязанности, аналогичныя обязанностямъ мэра или бургомистра.

Жанъ-Анри Дантесъ, родившійся въ Вейнгеймѣ 2-го января 1670 года, поселился въ Верхнемъ Эльзасѣ, гдѣ у его отца въ Бельфорѣ былъ чугунноплавильный заводъ, а въ Жироманьи серебряныя копи. Онъ сталъ управлять желѣзодѣлательнымъ заводомъ въ Обербрюкѣ и создалъ тамъ королевскую мануфактуру для выдѣлки жести, для которой онъ получилъ исключительныя привиллегіи, съ освобожденіемъ отъ таможенныхъ пошлинъ въ силу писемъ-патентовъ отъ 14-го сентября 1720.

Около 1720 года онъ пріобрѣлъ имѣніе въ Сульцѣ (Верхній Эльзасъ), которое сдѣлалось обычнымъ мѣстопребываніемъ его семьи.

Потомство сына его, Жана-Филиппа Дантеса, продолжается въ его третьемъ сынѣ:

Жоржъ-Шарль-Франсуа-Ксавье Дантесъ родился въ Кольмарѣ въ 1739 году. 22-го іюля 1771 г. онъ женился на Маріи-Аннѣ-Сюзаннѣ-Жозефѣ, баронессѣ Рейттнеръ де Вейль, отъ которой имѣлъ семерыхъ дѣтей: четверыхъ сыновей и трехъ дочерей.

Во время революціи онъ эмигрировалъ; имѣніе его было секвестровано, но, благодаря тайнымъ друзьямъ, домъ, въ которомъ жила семья, былъ превращенъ въ тюрьму и такимъ образомъ не былъ отчужденъ.

Вернувшись въ Сульцъ 10-го Прэріаля года V, онъ былъ прощенъ за эмиграцію, и 16-го Брюмера года X его имущество было ему возвращено.

Его второй сынъ, Жозефъ-Конрадъ, продолжаетъ прямую линію и является отцомъ Жоржа-Шарля Дантеса, барона Геккерена.

Жозефъ-Конрадъ, баронъ Дантесъ, владѣлецъ Блотцгейма, родился въ Сульцѣ 8-го мая 1773; обучался въ Королевской Военной Школѣ Pont-à-Mousson, затѣмъ служилъ офицеромъ въ Королевскомъ германскомъ полку и принадлежалъ къ военнымъ частямъ, которыя, повинуясь маркизу де Буилье, въ іюнѣ 1791 сдѣлали попытку оказать содѣйствіе бѣгству короля Людовика XVI въ Вареннъ. Во время эмиграціи онъ жилъ въ Германіи, вблизи своего дяди и крестнаго отца, барона Рейттнера, командора Тевтонскаго Ордена.

Вернувшись съ отцомъ въ Сульцъ, онъ въ этомъ же городѣ 29-го сентября 1806 года женился на Маріи-Аннѣ-Луизѣ, графинѣ Гацфельдтъ, родившейся въ Майнцѣ 8 іюля 1784.

Марія-Анна-Луиза была единственной дочерью Лотаря-Франсуа-Жозефа, графа Гацфельдта, генералъ-маіора на службѣ у Майнцскаго Избирателя и капитана его конной Гвардіи, и Фредерики-Элеоноры, графини Вартенслебенъ.

Графъ Гацфельдтъ былъ младшимъ братомъ Франца-Людвига, перваго

князя Гацфельдта (1756-1827), сдѣлавшагося предметомъ милосерднаго распоряженія императора Наполеона I (октябрь 1806) и получившаго извѣстность благодаря изображенію на картинѣ. Губернаторъ Берлина во время французской оккупаціи, онъ былъ приговоренъ къ смерти Военнымъ Совѣтомъ за то, что, повидимому, сообщилъ въ письмѣ прусскому правительству свѣдѣнія о наличномъ составѣ французской арміи. Но вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ его жены, бывшей на третьемъ мѣсяцѣ беременности, Императоръ помиловалъ его.

Жена графа Гацфельдта, Фредерика-Элеонора Вартенслебенъ, принадлежала къ старинному дворянскому роду; ея сестра была *графиня Мусина-Пушкина*, жена посланника Императрицы Екатерины II при англійскомъ дворѣ.

Въ 1823 году баронъ Дантесъ, будучи уже членомъ Генеральнаго Совѣта Верхняго-Рейна, былъ избранъ въ Палату Депутатовъ. Онъ засѣдалъ въ ней до 1829 года. Будучи весьма привязанъ къ своимъ роднымъ мѣстамъ, онъ жилъ въ Парижѣ лишь въ теченіе законодательныхъ сессій и дѣлилъ свое время между имѣніемъ въ Сульцѣ и Кольмаромъ, гдѣ у него былъ домъ.

По традиціямъ семьи онъ принадлежалъ къ правой Законодательнаго Собранія.

Будучи любимъ коллегами за прямоту и лойяльность, стремясь оказать соотечественникамъ всевозможныя услуги, онъ сумѣлъ пріобрѣсти общую любовь и уваженіе достойнымъ характеромъ своей общественной дѣятельности и простотой семейной жизни [1]). Послѣ революціи 1830 года баронъ Дантесъ вернулся къ частной жизни; онъ былъ кавалеромъ Ордена Почетнаго Легіона.

Отъ брака съ Мари-Анной Гацфельдтъ у него было шестеро дѣтей.

Жоржъ-Шарль былъ третьимъ ребенкомъ и старшимъ изъ сыновей барона Дантеса. Онъ родился въ Кольмарѣ 5-го февраля 1812 года.

Первоначальное обученіе онъ получилъ въ Эльзасѣ въ коллежѣ Chapelle sous Rougemont, въ округѣ Верхняго Рейна, а послѣдующее въ Парижѣ въ Бурбонскомъ лицеѣ. Несмотря на рекомендацію генерала, графа Раппъ, не будучи принятъ, за недостаткомъ мѣста, въ Пажескій Корпусъ Карла X, директоромъ котораго былъ его дядя по отцу, графъ де Бель-Иль, генералъ-маіоръ, онъ пожелалъ поступить въ Военную школу Сенъ-Сиръ, куда и былъ принятъ въ 1829 году четвертымъ ученикомъ. Въ іюлѣ 1830 г. онъ

[1]) См. Зицманъ, Біографическій словарь знаменитыхъ граждaнъ Эльзаса.

участвовалъ въ отрядахъ Школы, которые вмѣстѣ съ полками, сохранившими вѣрность, попытались на площади Людовика XV защищать въ Парижѣ дѣло Карла X, который вскорѣ былъ принужденъ ѣхать въ изгнаніе. Но отказавшись, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами, служить Іюльской Монархіи, онъ долженъ былъ покинуть Военную Школу и, послѣ того какъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль состоялъ среди приверженцевъ, группировавшихся въ Вандеѣ вокругъ Герцогини Беррійской, онъ вернулся къ отцу, котораго засталъ глубоко удрученнымъ политическими перемѣнами, уничтожавшими законную монархію, которой онъ служилъ какъ по традиціи, такъ и по симпатіи.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день послѣ революціи, разрушившей всѣ его надежды, молодой человѣкъ съ живымъ и независимымъ нравомъ, каковъ былъ Жоржъ Дантесъ, не могъ найти приложенія своимъ способностямъ въ однообразной провинціальной жизни, которая выпала ему на долю.

Кончина баронессы Дантесъ въ 1832 году еще усилила для него грусть семейнаго очага. Жоржъ Дантесъ, отдалившійся, въ силу роялистскихъ взглядовъ своихъ родныхъ, отъ правительства, которое было призвано ко власти Франціей, рѣшилъ поступить на службу заграницу, согласно обычаю, довольно часто практиковавшемуся въ то время.

Семейныя связи, повидимому, должны были облегчить ему устройство въ Пруссіи, и, благодаря покровительству наслѣднаго принца Вильгельма, онъ могъ бы быть принятъ въ полкъ, если бы ему подошелъ чинъ унтеръ-офицера. Но для воспитанника Сенъ-Сира, который выходилъ изъ Военной Школы послѣ двухъ лѣтъ обученія офицеромъ, это было бы пониженіемъ, и Жоржъ Дантесъ отказался. Наслѣдный Принцъ Пруссіи, продолжая ему покровительствовать, посовѣтовалъ ему тогда отправиться въ Россію, гдѣ его родственникъ императоръ Николай I долженъ былъ выказать благосклонность французскому легитимисту. Прибывъ съ такой высокой рекомендаціей въ С.-Петербургъ, Жоржъ Дантесъ былъ увѣренъ, что найдетъ себѣ здѣсь покровителей [1]).

Графъ Адлербергъ занялся имъ, порекомендовалъ ему учителей; послѣдніе дали ему возможность успѣшно выдержать экзаменъ, которому онъ обязанъ

---

[1]) Вышеприведенныя генеалогическія подробности необходимы для того, чтобы опровергнуть бездоказательное утвержденіе плохо освѣдомленныхъ историковъ, изображавшее Жоржа-Шарля Дантеса незаконнымъ сыномъ барона Геккерена, имя котораго онъ принялъ въ 1836 году. (См статью: «Пушкинъ» въ первыхъ изданіяхъ Словаря Современниковъ Ваперо, статью, исправленную въ послѣдующихъ изданіяхъ).

чиномъ корнета въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку. Еще ранѣе отъ французскаго правительства онъ имѣлъ разрѣшеніе служить въ иностранномъ государствѣ, не теряя своей національности. Въ 1836 году онъ получилъ повышеніе и былъ зачисленъ поручикомъ по тому же полку.

Знаки вниманія, оказанные ему въ нѣсколькихъ случаяхъ Императоромъ Николаемъ I, семейныя связи его въ Германіи и въ Россіи, гдѣ Жоржъ Дантесъ разыскалъ свою бабушку по материнской линіи, графиню Мусину-Пушкину [1]), внѣшность которой портреты той эпохи изображаютъ весьма очаровательною,—создали вскорѣ молодому офицеру видное положеніе въ салонахъ С.-Петербурга.

Онъ имѣлъ счастье встрѣтить барона Геккерена-Беверварта, посла короля Голландіи при Россійскомъ Дворѣ, и баронъ Геккеренъ, увлеченный умомъ и красотой Жоржа Дантеса, принялъ въ немъ участіе и вступилъ въ правильную переписку съ его отцомъ, барономъ Дантесомъ, который сразу выказалъ благодарность за покровительство, способное выдвинуть его сына, какъ на военномъ поприщѣ, такъ и въ области его свѣтскихъ связей [2]).

Баронъ Луи Борхардъ де Геккеренъ родился въ 1792 году. Онъ принадлежалъ къ протестантской семьѣ стариннаго голландскаго рода, котораго онъ былъ послѣднимъ представителемъ [3]). Въ 1805 году онъ вступилъ въ Морское Вѣдомство въ качествѣ гардемарина. Первый портъ, куда онъ былъ назначенъ, былъ Тулонъ. Благодаря его службѣ при Наполеонѣ I, онъ сохранилъ навсегда живую симпатію къ французскимъ идеямъ.

Событія 1815 года прервали его морскую карьеру. Поступивъ на службу въ дипломатическій корпусъ у себя на родинѣ, ставшей вновь независимой, онъ былъ назначенъ въ 1815 году на постъ секретаря посольства въ Стокгольмъ. Его карьера отличалась быстротой, такъ какъ въ 1832 году, въ возрастѣ сорока двухъ лѣтъ, онъ былъ уже посланникомъ въ С.-Петербургѣ. Тѣсная дружба связывала его въ молодости съ герцогомъ Роганъ-Шабо, который, прослуживъ въ чинѣ полковника въ арміяхъ Императора, пережилъ ужасное несчастье, а именно: лишился своей молодой жены, сгорѣвшей вслѣдствіе неосторожности. Въ отчаяніи, принявъ монашество, герцогъ де-Роганъ весьма быстро достигъ высшихъ духовныхъ степеней;

---

[1]) Она была сестрой графини Вартенслебенъ, бабушки Жоржа Дантеса съ материнской стороны.

[2]) Mémoires d'un Royaliste, par le comte de Falloux, de l'Académie Française. 2 vol. Paris, librairie académique Didier-Perrin & C-ie, 1882. См. vol. I, chap. IV, p. 132.

[3]) Мать барона Геккерена-Беверварта была урожденная графиня Нассау.

ему было суждено умереть кардиналомъ-архіепископомъ Безансона въ 1833 году. Во время своего пребыванія въ Римѣ, кардиналъ де-Роганъ убѣдилъ своего друга принять католичество [1]), что нѣсколько лѣтъ спустя позволило барону Геккерену вести переговоры съ Григоріемъ XVI по поводу конкордата, возникшаго между Первосвятителемъ Римскимъ и Голландіей. Эта перемѣна религіи нѣсколько отдалила барона отъ его семьи.

Такимъ образомъ чисто французское образованіе и отдаленное свойство, могшее существовать между барономъ Геккереномъ и рейнскими семьями, съ которыми состоялъ въ родствѣ Жоржъ Дантесъ по отцу и по матери, объясняютъ дружбу, возникшую между двумя людьми съ весьма различными, на самомъ дѣлѣ, характерами и вкусами.

Во всякомъ случаѣ, горячая привязанность голландскаго посла, его уравновѣшенный умъ могли оказать лишь самое благодѣтельное вліяніе на пылкій характеръ молодого двадцатитрехлѣтняго человѣка, который, вращаясь въ блестящемъ обществѣ, долженъ былъ не только опасаться увлеченій, свойственныхъ его живому нраву, но, кромѣ того, и защищаться еще отъ зависти тѣхъ, которые недобрымъ взглядомъ смотрѣли на иностранца, преуспѣвавшаго на службѣ и блиставшаго въ Петербургскихъ гостиныхъ.

Эти чувства явствуютъ изъ каждой строчки переписки между барономъ Геккереномъ и барономъ Конрадомъ Дантесомъ. Поэтому-то послѣдній и не былъ изумленъ, когда голландскій посланникъ, будучи бездѣтнымъ, попросилъ у него разрѣшенія передать свое имя молодому человѣку, за карьерой котораго онъ слѣдилъ съ отеческой нѣжностью. Г. Дантесъ тѣмъ охотнѣе согласился на почетное предложеніе, что надѣялся, что его младшій сынъ Альфонсъ, весьма привязанный къ Эльзасу, останется близъ него, женится для продолженія рода и будетъ помогать ему въ управленіи имуществомъ, заключавшимся въ собственности, требовавшей сложнаго и постояннаго надзора.

Въ 1834 году баронъ Геккеренъ воспользовался поѣздкой въ Парижъ, чтобы посѣтить Эльзасъ и познакомиться съ господиномъ Дантесомъ и его семьей.

Послѣ того какъ согласіе членовъ семьи Геккереновъ было изложено въ особомъ актѣ, король Голландіи, грамотой отъ 5-го мая 1836 года раз-

---

[1]) Портретъ кардинала де-Рогана, сохранившійся въ Сульцѣ, и нѣсколько духовныхъ книгъ съ посвященіями вызываютъ воспоминаніе объ этой дружбѣ.

рѣшилъ Жоржу-Шарлю Дантесу принять имя, титулъ и гербъ барона Геккерена, какъ лично для него, такъ и для его потомства [1].

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ подъ этимъ новымъ именемъ онъ былъ занесенъ въ списки русской арміи (письмо графа Нессельроде къ барону Геккерену—архивъ барона Геккерена-Дантеса).

Въ салонахъ С.-Петербурга Жоржъ Геккеренъ встрѣтился съ госпожей Пушкиной, и если онъ имѣлъ неосторожность выказать ей нѣкоторое вниманіе, то вражда и злорѣчіе весьма скоро исказили характеръ тѣхъ свѣтскихъ отношеній, которыя существовали между нимъ и ею. Въ самомъ дѣлѣ, иное чувство, кромѣ чувства восхищенія, которое могла внушать изумительная красота госпожи Пушкиной, заставляло его посѣщать домъ, гдѣ онъ познакомился со старшей сестрой, Екатериной Гончаровой [2], возвышенный умъ привлекательная внѣшность которой увлекли его.

Поэтъ былъ, однако, встревоженъ той близостью, которой онъ не могъ себѣ объяснить: анонимное письмо раздражило его до такой степени, что 16-го ноября 1836 года онъ бросилъ Жоржу Геккерену словесный вызовъ, отъ котораго затѣмъ отказался сначала *устно*, а затѣмъ и *письменно*, по особой просьбѣ своего противника.

Письмо, текстъ котораго, написанный рукою Пушкина, хранится въ архивахъ барона Геккерена, было, повидимому, первой редакціей, неудовлетворившей Жоржа Геккерена, вслѣдствіе намека на предполагаемый бракъ. Копія второй редакціи, весьма отличная отъ первой, сопровождаемая замѣткой, подчеркивающей ея духъ, хранится въ томъ же архивѣ на мѣстѣ подлиннаго текста, который, быть можетъ, находится въ числѣ документовъ судебнаго процесса. Какъ бы то ни было, этотъ документъ устанавливаетъ, что Жоржъ Геккеренъ долженъ былъ объявить о своей женитьбѣ лишь послѣ дуэли, чтобы Пушкинъ не имѣлъ права разсматривать эти планы, какъ отступленіе со стороны своего противника.

Бракосочетаніе было совершено въ католической и въ православной церквахъ 10-го января 1837 года. Свидѣтелями были въ одной—баронъ

---

[1] Когда Жоржъ Дантесъ, баронъ Геккеренъ, вернулся во Францію, онъ занялся упорядоченіемъ своего положенія примѣнительно къ французскому закону. Королевскій указъ отъ 1-го апрѣля 1841 года разрѣшаетъ ему носить имя Геккереновъ съ титуломъ барона.

[2] Екатерина Гончарова родилась въ Москвѣ въ 1808 году. Она была старшей дочерью Николая Гончарова и Наталіи Загряжской. Она состояла въ числѣ фрейлинъ Иператрицы. У графини Вандаль, ея второй дочери, сохранился бриллiантовый шифръ, знакъ ея положенія.

Геккеренъ-Беверварть и дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Григорій Строгановъ, родной дядя невѣсты, въ другой—Огюстенъ де Бетанкуръ, капитанъ Кавалергардскаго полка, и виконтъ д'Аршіакъ, родственникъ жениха и состоявшій при французскомъ посольствѣ; госпожа Гончарова, урожденная Загряжская, не могла выѣхать изъ деревни, поэтому дядя и тетка невѣсты, графъ и графиня Строгановы были посажеными отцомъ и матерью; родители Жоржа Геккерена были представлены посломъ Голландіи и графинею Нессельроде [1].

Послѣ свадьбы отношенія между обоими домами остались корректными, хотя и холодными.

Вслѣдствіе многочисленныхъ анонимныхъ писемъ, почеркъ которыхъ мѣнялся постоянно, но которыя носили характеръ несомнѣннаго тожества и, благодаря этому, являлись доказательствомъ злостной интриги, Пушкинъ написалъ голландскому послу, барону Геккерену, оскорбительное письмо, которое побудило Жоржа Геккерена вступиться за оскорбленіе, посягавшее на честь не только того, чье имя носилъ Жоржъ, но и на честь его самого.

Переговоры, предшествовавшіе печальному событію января 1837 года, извѣстны; всѣ относящіеся къ нему документы были опубликованы. Жоржъ Дантесъ явился на мѣсто дуэли въ сопровожденіи виконта д'Аршіака, состоявшаго при французскомъ посольствѣ и родственника семьи Дантесовъ.

Послѣ дуэли Жоржъ Геккеренъ, раненый, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Надъ нимъ былъ наряженъ судъ. Въ своихъ показаніяхъ, отъ которыхъ сохранились неразборчивые черновики, онъ не переставалъ твердить о невинности госпожи Пушкиной и о чистотѣ тѣхъ чувствъ, которыя она могла ему внушить. Помилованный Императоромъ во вниманіе къ нанесенному ему тяжкому оскорбленію, онъ былъ высланъ за границу [2].

Его жена, никогда не сомнѣвавшаяся въ его привязанности къ ней, нагнала его въ Берлинѣ, въ сопровожденіи барона Геккерена, который среди этихъ обстоятельствъ выказалъ тѣмъ, кого онъ называлъ своими дѣтьми, самую нѣжную преданность.

Нѣсколько недѣль спустя молодые уѣхали въ Эльзасъ и поселились въ Сульцѣ, въ отцовскомъ домѣ, гдѣ господинъ Дантесъ отвелъ имъ помѣ-

[1]) Графиня Нессельроде была женой графа Нессельроде, впослѣдствіи канцлера Русскаго Императора (1760—1856). См. Mémoires d'un Royaliste, т. I, стр. 127.

[2]) Mémoires d'un Royaliste, par le C-te de Falloux см. выше, т. I, гл. IV и V. Разсказъ о дуэли графа Фаллу тожественъ съ разсказомъ о ней Жоржа Геккерена.

щеніе. 19 октября того же года здѣсь родилась ихъ старшая дочь Матильда-Евгенія.

Жоржъ Геккеренъ горячо любилъ жену и выказывалъ ей свою любовь и довѣріе, о которыхъ дѣти сохранили устныя и письменныя свидѣтельства. Нѣсколько краткихъ писемъ, написанныхъ имъ невѣстѣ въ недѣли, предшествовавшія ихъ союзу, записки, какими обмѣниваются молодые люди, влюбленные другъ въ друга и ежедневно встрѣчающіеся въ одномъ и томъ же городѣ,—показываютъ развитіе любви, обоюдная искренность которой разрушаетъ всѣ клеветы, которыми пытались исказить ея характеръ.

Къ тому же, Екатерина Гончарова вполнѣ заслужила такую горячую преданность. Она была высока ростомъ и стройна. Ея черные, слегка близорукіе глаза, оживляли лицо съ изящнымъ оваломъ, съ матовымъ цвѣтомъ кожи. Ея улыбка раскрывала восхитительные зубы. Стройная походка, покатыя плечи, красивыя руки дѣлали ее съ внѣшней стороны очаровательной женщиной. Мужъ, родные, друзья,—всѣ, кто ее зналъ, въ своихъ свидѣтельствахъ изображаютъ ее, какъ отмѣнную супругу и страстную мать.

Въ общемъ, въ этой двойной любви, которую она питала къ мужу и къ дѣтямъ, и должна выразиться исторія счастливыхъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ Эльзасѣ.

Жизнь была проста въ большомъ старомъ домѣ, которымъ въ Сульцѣ, близъ Кольмара, владѣлъ ея свекоръ, баронъ Дантесъ. Онъ былъ окруженъ многочисленной семьей, сыновьями, незамужними дочерьми, родственниками, которыхъ онъ пріютилъ послѣ паденія Карла X. Домъ, съ высокой крышей, по мѣстному обычаю, увѣнчанный гнѣздомъ аиста, просторныя комнаты, меблированныя безъ роскоши, лѣстница изъ вогезскаго розоваго камня,—все носило характеръ эльзасскаго дома состоятельнаго класса. Скорѣе городской домъ, нежели деревенскій замокъ, онъ соединялся просторнымъ дворомъ, превращеннымъ впослѣдствіи въ садъ, съ фермой, которая была центромъ земледѣльческой и винодѣльческой эксплоатаціи фамильныхъ земель. Боковой флигель, построенный въ XVIII вѣкѣ, былъ отведенъ молодой четѣ. Она могла жить въ немъ совершенно отдѣльно, въ сторонѣ отъ политическихъ споровъ и мѣстныхъ ссоръ, которые временами занимали, не задѣвая, впрочемъ, глубоко, маленькій провинціальный мірокъ, ютившійся вокругъ почтеннаго главы семейства, преданнаго идеямъ былого.

По перепискѣ, которою Екатерина Геккеренъ обмѣнивается съ матерью и съ прочими родственниками, по письмамъ, отвѣты на которыя хранятся въ архивахъ Сульца, чувствуется на каждой страницѣ, что если молодая женщина и продолжаетъ интересоваться братьями и сестрами, то живетъ

все-таки лишь для тѣхъ, кто ее окружаетъ, для мужа, котораго она обожаетъ, для дочерей, за физическимъ и нравственнымъ воспитанiемъ которыхъ она слѣдитъ шагъ за шагомъ.

Баронъ Геккеренъ, покинувшiй въ первые мѣсяцы 1842 года постъ посла въ Петербургѣ[1]) для того же поста при Вѣнскомъ Дворѣ, входилъ въ жизнь молодой четы многочисленными свидѣтельствами своего участiя. Екатерина Геккеренъ охотно посѣщала одно имѣнiе, лежавшее въ долинѣ Массево, близъ Сульца, и расположенное на одномъ изъ уступовъ Вогезъ, съ великолѣпнымъ видомъ; онъ поспѣшилъ купить небольшой участокъ земли Шиммель, построилъ тамъ простой домъ и подарилъ его дѣтямъ, чтобы они могли проводить тамъ лѣтнiе мѣсяцы вполнѣ интимно. Онъ пригласилъ ихъ въ 1842 году погостить у него нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, съ тремя ихъ дѣвочками[2]). Акварельный портретъ, копiя съ котораго была послана барономъ Геккереномъ-Бевервартъ госпожѣ Гончаровой въ ея имѣнiе Полотняный Заводъ, изображаетъ ихъ сидящихъ красивой группой, въ широкомъ креслѣ. Портретъ этотъ сохранился тамъ до сихъ поръ[3]).

Путешествiе въ Вѣну, рѣдкiя поѣздки въ Баденъ-Баденъ, гдѣ Жоржъ Геккеренъ видался съ нѣкоторыми Петербургскими товарищами и друзьями, и откуда его шуринъ, Иванъ Гончаровъ, посѣтилъ свою сестру въ Сульцѣ, путешествiе въ Парижъ (1838), во время котораго была написана миніатюра, одинъ изъ двухъ портретовъ Екатерины, написанныхъ за время ея замужества, лѣтнiе мѣсяцы, проводимые въ Шиммелѣ, вмѣстѣ съ рожденiемъ трехъ дочерей[4]), суть самыя крупныя событiя семейной жизни, полной интимности и взаимнаго довѣрiя.

Но мечта Екатерины могла сбыться лишь въ тотъ день, когда она подаритъ своему мужу сына.

Послѣдняя беременность принесла ей эту надежду. Несмотря на то, что она осталась православной, она посѣщала римско-католическiя церкви и усердно присутствовала на службахъ. Къ этому времени относится воспо-

---

[1]) Письма и бумаги канцлера графа Нессельроде (1760-1856), изъятыя изъ его архивовъ и опубликованныя графомъ Нессельроде, Paris, Lahure, t. VIII, p. 171-172.

[2]) Lettres du Comte et de la Comtesse de Ficquelmont à la Comtesse de Tiesenhausen publiées par F. de Jonis, Paris, 1911, pp. 35 et 298.

[3]) «Полотняный Заводъ» А. Средина, Старые Годы, сентябрь 1910.

[4]) Матильда-Евгенiя родилась въ Сульцѣ 19 октября 1837.
Берта-Жозефина родилась въ Сульцѣ 5 апрѣля 1839.
Леони-Шарлотта родилась въ Сульцѣ 3 апрѣля 1840.

минаніе о богомольѣ, которое она совершила со смиреніемъ, босая, согласно мѣстному обычаю, въ маленькую сосѣднюю часовню, которая укрываетъ чудотворную Мадонну. Ея мольбы были услышаны. 22 сентября 1843 года она родила сына, Луи-Жозефа-Жоржа-Шарля-Мориса. Но нѣсколько недѣль спустя родильная горячка, серьезность которой съ самаго начала не давала почти надежды, унесла эту избранную женщину.

Она принесла въ жертву свою жизнь вполнѣ сознательно. Ни одной жалобы не слетѣло съ ея устъ во время агоніи; ея единственныя слова были молитвы, въ которыхъ она благодарила Небо за счастливыя минуты, посланныя ей съ минуты замужества.

Она умерла 15 октября 1843 года и похоронена на кладбищѣ Сульца въ фамильномъ склепѣ.

Нѣсколько писемъ, написанныхъ лечившимъ ее докторомъ Вестомъ, бывшимъ другомъ дѣтства ея мужа, почти ежедневно держали барона Геккерена, жившаго тогда въ Вѣнѣ, въ курсѣ болѣзни, роковой исходъ которой былъ неизбѣженъ. Они рисуютъ съ разительной реальностью опасенія родныхъ, а также любовь и преданность, которыя баронесса Геккеренъ сумѣла внушить всѣмъ, кто ее окружалъ.

Горе ея мужа было глубоко. Онъ остался вдовцомъ въ 30 лѣтъ, съ четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ было едва шесть лѣтъ. Воспоминаніе о женщинѣ, которую онъ любилъ, никогда не покидало его. Въ блестящемъ положеніи, которое онъ занялъ впослѣдствіи, онъ неизмѣнно отказывался отъ новой женитьбы.

Его дѣти и внуки сохранили память о словахъ, въ коихъ онъ непрестанно говорилъ о той, которая принесла ему самое полное супружеское счастье.

Смерть Екатерины Гончаровой не прервала сношеній Жоржа Геккеререна съ Россіей. Судя по обмѣну писемъ, эти связи сдѣлались даже тѣснѣе. Его теща, госпожа Гончарова, въ длинныхъ письмахъ выражаетъ ему свою любовь и довѣріе. Съ живымъ интересомъ слѣдитъ она за воспитаніемъ и развитіемъ внучатъ. Она предполагаетъ совершить даже путешествіе въ Эльзасъ, осуществленію котораго мѣшаетъ плохое состояніе ея здоровья.

Послѣ ея смерти Жоржъ Геккеренъ нѣсколько разъ принималъ въ Сульцѣ своихъ племянниковъ, а его дочери поддерживали дружескія отношенія со своими двоюродными сестрами.

Мужчина въ возрастѣ Жоржа Геккерена не могъ остаться безъ дѣла. Потребность его въ дѣятельности, лежавшая въ основѣ его характера, должна была послужить исходомъ и для его горя, а такъ какъ его дѣти нашли

у его незамужнихъ сестеръ самыя нѣжныя материнскія заботы, то вскорѣ онъ выступилъ на политическомъ поприщѣ, согласно традиціямъ семьи.

Въ 1845 году онъ сдѣлался членомъ Генеральнаго Совѣта Верхняго Рейна; 28 апрѣля 1848 года онъ былъ избранъ народнымъ представителемъ въ Національное Собраніе и 13 мая 1849 года былъ переизбранъ въ Учредительное Собраніе количествомъ 34.000 голосовъ.

Обладая яснымъ умомъ, преданный друзьямъ, онъ вскорѣ выдвинулся въ первые ряды: назначаемый секретаремъ въ различныхъ собраніяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ въ Бурбонскомъ Дворцѣ между 1848 и 1851 годами, онъ пользовался дѣйствительнымъ вліяніемъ на своихъ коллегъ. Въ 1848 году (1 мая) во время вторженія народной толпы въ Палату онъ спасъ жизнь одному приставу, защитивъ его своимъ тѣломъ. Литографія художника Бономе напоминаетъ эту историческую сцену со всѣми различными обстоятельствами: мужественный поступокъ депутата Верхняго Рейна изображенъ въ ней на первомъ планѣ. Блестящій и остроумный собесѣдникъ, онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ салоновъ Тьера [1]), княгини Ливенъ [2]) и госпожи Калержи [3]).

Въ 1850 году, несмотря на легитимистскія привязанности его семьи, онъ присоединился къ принцу Луи-Наполеону, полагая, что его родина можетъ вновь обрѣсти покой лишь при условіи сильной власти. Такимъ образомъ онъ очутился въ числѣ политическихъ дѣятелей, образовавшихъ Комитетъ, извѣстный подъ именемъ Комитета улицы Пуатье и подготовившихъ водвореніе Имперіи.

---

[1]) Mémoires d' un Royaliste, par le C-te de Falloux, ouvr. cit.; vol. II, p. 160. Marquis Philippe de Massa, Souvenirs et Impressions 1840-1871, Paris, Calmann-Lévy éditeur, 1897, p. 31. Графъ де Фаллу разсказываетъ объ этомъ случаѣ иначе, стр. 319 вышеприведеннаго произведенія.

[2]) Княгиня Ливенъ, урожденная Бенкендорфъ (1784-1857), супруга генерала Ливена, россійскаго посла въ Берлинѣ и Лондонѣ, поселилась въ Парижѣ послѣ смерти мужа, и съ 1836 года у нея былъ тамъ политическій салонъ, возможности посѣщать который весьма добивались. Гизо былъ связанъ съ нею преданной дружбой.

[3]) Г-жа Калержи, урожденная Марія Нессельроде (1823-1874) и вышедшая вторично замужъ въ 1865 году за г. Муханова. Въ первые годы Имперіи у нея былъ въ Парижѣ салонъ, посѣщаемый художниками, писателями, музыкантами. Теофиль Готье посвятилъ въ честь ея необыкновенной красоты одно изъ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній своего сборника «Эмали и Камеи»: *La Symphonie en blanc majeur*. Г-жа Калержи была племянницей графа Нессельроде, и черезъ семью отца была въ родствѣ съ Гацфельдтами.

Въ важныхъ обстоятельствахъ принцъ-президентъ рѣшилъ, что онъ можетъ разсчитывать на умъ и на тактъ барона Геккерена. Облеченный Луи-Наполеономъ въ маѣ 1852 года тайной миссіей ко дворамъ Вѣны, Берлина и Петербурга, онъ долженъ былъ привести въ Парижъ увѣренія въ томъ, что восшествіе на императорскій престолъ принца-президента будетъ принято Дворами Сѣверныхъ державъ.

Принятый благосклонно въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Берлинѣ, онъ получилъ особыя аудіенціи у государей обѣихъ державъ. Въ послѣднемъ городѣ 22 мая, онъ выполнилъ ту же миссію при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, гостившемъ у своего родственника, короля Пруссіи. Царь высказалъ ему благосклонность, напомнилъ о его службѣ въ русской арміи и разрѣшилъ со всей откровенностью высказать ему пожеланія и надежды принца Луи-Наполеона [1]).

Кресло сенатора [2]) вознаградило въ 1852 году успѣхъ этой миссіи. Баронъ Геккеренъ вступилъ въ это высокое собраніе сорока лѣтъ отъ роду, будучи моложе всѣхъ своихъ коллегъ. Всегда вѣрный политикѣ императора, хотя въ 1859 году онъ и мало сочувствовалъ французскимъ операціямъ въ Италіи, онъ нерѣдко имѣлъ случай принимать участіе въ преніяхъ, то по крупнымъ вопросамъ внѣшней политики [3]), то съ цѣлью поддержки эльзасскихъ интересовъ, получая отъ національныхъ властей разрѣшеніе на постройку желѣзнодорожныхъ линій, необходимыхъ для развитія промышленности въ долинахъ Верхняго-Рейна. Благодаря его связямъ въ дипломатическомъ мірѣ [4]), его освѣдомленности объ иностранныхъ Дворахъ, которою онъ былъ обязанъ барону Геккерену, нидерландскому

---

[1]) Souvenirs du Second Empire, par A. Granier de Cassagnac, 2 vol. Dentu, éditeur, Paris, 1881, 2-e partie, pp. 121-133.

Lettres et papiers du Chancelier Comte de Nesselrode, ouvr. cité, vol. X, pp. 204 et 205. Lettres du comte de Nesselrode au baron de Meyendorff.

[2]) Императоръ лично назначалъ членовъ Сената, они были несмѣняемы и получали годовой окладъ 30.000 франковъ.

[3]) Lettres de Prosper Mérimée à Panizzi, 2 vol., Paris, 1881, t. I, pp. 178-180, lettre du 28 février 1861: «Après H. de la Rochejaquelein est venu M. Heeckeren, celui qui a tué Pouchkine. C'est un homme athlétique, avec l'accent germanique, l'air bourru, mais fin, bon homme très russé je ne sais s'il avait fait son discours, mais il l'a merveilleusement dit et avec une violence soutenue qui a fait impression...»

[4]) Прусскій посолъ въ Парижѣ, въ первые годы Имперіи графъ Гацфельдтъ былъ дядей барона Геккерена (См. Erinnerungen aus meinem Berufsleben, 1849 bis 1867, von Freiherrn von Löe, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1906).

послу въ Вѣнѣ, онъ бывалъ неоднократно вовлекаемъ въ щекотливые переговоры [1]). Въ послѣдніе годы Имперіи политическое положеніе барона Геккерена было видное: предсѣдатель генеральнаго Совѣта Верхняго-Рейна, мэръ Сульца, онъ былъ произведенъ въ кавалеры Ордена Почетнаго Легіона 12 августа 1863 года и въ Коммандоры Ордена 14 августа 1868 года. Онъ не писалъ мемуаровъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ записокъ, которыя относились бы къ его политической карьерѣ [2]).

Слѣдуетъ напомнить, наконецъ, что его практическое чувство дѣйствительности оказало ему большія услуги въ финансовомъ развитіи, отмѣтившемъ годы процвѣтанія Второй Имперіи; благодаря его близости къ братьямъ Перейръ, онъ былъ въ числѣ первыхъ учредителей нѣкоторыхъ кредитныхъ банковъ, желѣзнодорожныхъ компаній, обществъ морскихъ транспортовъ, промышленныхъ и страховыхъ обществъ, которые возникли во Франціи между 1850 и 1870 годами.

Незамужняя сестра барона Геккерена, Адель Дантесъ, взяла на себя заботу о воспитаніи четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ Екатерина Гончарова, умирая, оставила мужу. Съ необыкновенной преданностью она воспитала своихъ племянницъ такъ, какъ онѣ были бы воспитаны тою, отъ которой, по словамъ современниковъ, онѣ унаслѣдовали нѣкоторыя физическія и моральныя качества, и особенно ту природную грацію, которая составляетъ одну изъ очаровательныхъ чертъ славянской расы.

Дочери барона Геккерена [3]) были съ первой же минуты ихъ появленія въ свѣтѣ весьма отмѣчены. Императрица Евгенія выказала имъ свою благосклонность, по-матерински интересуясь ихъ судьбой. Она допустила ихъ въ интимный кругъ Тюльери и осеннихъ мѣстопребываній Двора въ Компьенѣ и Фонтенбло [4]).

Въ 1861 году Матильда-Евгенія, старшая дочь, вышла замужъ за бригаднаго генерала Жана-Луи Метмана, коммандора Ордена Почетнаго Легіона,

---

[1]) Souvenirs du Second Empire par H. Granier de Cassagnac. Ouvr. cité, vol. II, pp. 132-133.

[2]) Въ 1909-1910 гг. появились три тома, озаглавленные: «Мемуары барона d'Ambès» (Cocuault, édit. Paris), въ которыхъ ожидали увидѣть личность барона Дантеса-Геккерена. Примѣчаніе издателя, напечатанное въ началѣ третьяго тома устанавливаетъ, что эти мемуары не имѣютъ къ нему никакого отношенія.

[3]) Венгерскій живописецъ Горовицъ написалъ въ 1862 году трехъ дочерей барона Геккерена во всемъ блескѣ молодости.

[4]) Marquis P. de Massa. Souvenirs et Impressions (1840-1871), ouvr. cité, p. 150.

который во время Итальянской кампанiи командовалъ однимъ изъ полковъ императорской гвардiи, сопротивленiе котораго обезпечило побѣду при Маджента [1]. Она умерла въ Парижѣ 29 января 1893.

Въ 1864 году баронъ Геккеренъ выдалъ замужъ вторую дочь Берту-Жозефину (1839-1908) за Эдуарда, графа Вандаля (1813-1889), государственнаго совѣтника, главнаго директора почтъ, коммандора Почетнаго Легiона, оставившаго видное имя во французской администрацiи [2]. Графиня Вандаль умерла въ Аржантанѣ 17 апрѣля 1908 года [3]. Ея сестра, Леони-Шарлотта, оставшаяся незамужней, умерла въ Парижѣ 30 iюня 1888 года.

Его сынъ Луи-Жозефъ-Морисъ-Шарль-Жоржъ де-Геккеренъ Дантесъ съ физическими качествами соединялъ необыкновенное мужество и энергiю.

Послѣ перваго путешествiя въ Чили онъ въ двадцать лѣтъ поступаетъ на службу, ѣдетъ въ Мексику и участвуетъ въ походѣ въ качествѣ офицера отъ 1863 до 1867 года. Возвращается во Францiю тяжело раненый, и въ приказѣ по армiи объявляютъ о его подвигѣ, который занесенъ въ исторiю Мексиканской Экспедицiи подъ названiемъ дѣла при Котитланѣ.

Тотчасъ по объявленiи войны Пруссiи (iюль 1870) онъ поступилъ простымъ солдатомъ въ полкъ конныхъ охотниковъ и принималъ участiе во всѣхъ битвахъ подъ Мецомъ. Послѣ Гравелотта о немъ было объявлено въ приказѣ по армiи, и онъ былъ награжденъ Орденомъ Почетнаго Легiона. Онъ былъ гоффурьеромъ.

Чтобы не подвергнуться послѣдствiямъ сдачи Меца, онъ переодѣлся крестьяниномъ, и благодаря своему знанiю нѣмецкаго языка, прошелъ черезъ линiи прусскихъ войскъ, причемъ былъ два раза остановленъ. Добравшись до Тура, онъ предоставилъ себя въ распоряженiе Правительства Нацiональной Обороны. Возвращенный въ чинѣ поручика въ охотничiй полкъ, онъ въ въ этомъ чинѣ участвовалъ въ Луарскомъ, а затѣмъ и въ Восточномъ походѣ, въ 24-мъ корпусѣ.

Произведенный въ капитаны на полѣ битвы при Виллерсексель, онъ послѣдовалъ за Восточной армiей въ ея отступленiи, но послѣ того, какъ его солдаты вступили на Швейцарскую территорiю, онъ снова перебросился

---

[1]) Le Comte d' Hérisson, Journal de la Campagne d'Italie 1859. Paul Ollendorf, éditeur, 1889, Paris, pp. 43 et suivantes.

[2]) Mes amis. Souvenirs par L. de la Brière. Paris, Kolb, édit.—Souvenirs et Impressions par le Marquis P. de Massa, ouvr. cité, p. 345.

[3]) Отъ перваго брака съ m-lle de Naives у графа Вандаля былъ сынъ Альберъ, графъ Вандаль, французскiй историкъ, членъ Французской Академiи.

во Францію. Когда онъ пріѣхалъ въ Бордо, война была окончена, и его военная карьера завершена [1]).

Двѣнадцать лѣтъ спустя, 11 января 1883 года, онъ женился въ Сульцѣ на Маріи-Луизѣ-Викторіи-Эмиліи Шауэнбургъ-Люксембургъ, родившейся въ Оберкирхѣ (Великое Герцогство Баденское) и принадлежавшей къ старинной дворянской фамиліи Великаго Герцогства Баденскаго, одна вѣтвь которой долго жила въ Эльзасѣ.

Паденіе Имперіи закончило въ 1870 году политическую жизнь барона Геккерена. Во исполненіе статьи Франкфуртскаго договора, предоставлявшей Эльзасцамъ право избирать себѣ національность, онъ выбралъ французскую національность.

Съ тѣхъ поръ онъ раздѣлялъ свое существованіе между Эльзасомъ, Сульцемъ,—изъ котораго послѣ смерти отца въ 1852 году онъ сдѣлалъ болѣе уютное жилище, окруженное большимъ садомъ,—Шиммелемъ и Парижемъ.

Портретъ Каролюса Дюранъ, помѣченный 1878 годомъ, одна изъ лучшихъ работъ художника, изображаетъ барона Геккерена въ его бодрой старости, которая, на взирая на жестокіе припадки подагры, сохранила его уму всю его ясность.

Онъ изображенъ прямо, сидящимъ въ креслѣ и держащимъ въ свисающей рукѣ еще горящую сигару, съ нѣсколько высокомѣрно закинутой головой, что было для него привычно, и что мы видимъ и на маленькомъ портретѣ, писанномъ съ него въ Петербургѣ, на которомъ онъ изображенъ въ Кавалергардскомъ мундирѣ.

Серебристо-бѣлые, откинутые назадъ волосы, длинные усы и густая бородка обрамляютъ мужественное лицо, съ крупными чертами, со свѣжимъ цвѣтомъ кожи. Темно-голубые глаза смотрятъ прямо и пристально, что было отличительной чертой его своеобразнаго лица, и дополняютъ живой образъ барона Геккерена за послѣднія двадцать лѣтъ его жизни.

Въ 1875 году баронъ Геккеренъ-Беверварть переѣхалъ въ Парижъ къ дѣтямъ послѣ шестидесяти лѣтъ дѣятельной службы. Онъ покинулъ постъ нидерландскаго посла въ Вѣнѣ, который онъ занималъ съ 1842 года и гдѣ давно уже былъ старшиной дипломатическаго корпуса.

Вплоть до смерти, наступившей 27 сентября 1884 года (ему было около 89 лѣтъ) онъ сохранилъ свой живой умъ, свое колкое остроуміе. Его внукамъ, видѣвшимъ его, едва отмѣченнымъ годами, нетрудно было узнать въ

---

[1]) Arthur Meyer, «Ce que mes yeux ont vu», Plon-Nourrit, édit., Paris, 1911, pp. 217-218.

этомъ восьмидесятилѣтнемъ старикѣ, съ изящными манерами, дипломата, который въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ былъ коллегой графа Нессельроде, принца Меттерниха, принца Шварценберга, графа Буоля, этихъ вдохновителей европейской политики девятнадцатаго вѣка.

Жоржъ Шарль Дантесъ, баронъ де Геккеренъ, пережилъ своего пріемнаго отца девятью годами. Онъ умеръ въ возрастѣ 83 лѣтъ въ Сульцѣ (Верхній Эльзасъ) 2 ноября 1895 года, въ родномъ домѣ, окруженный дѣтьми, внуками и правнуками[1]).

Парижъ, 5 февраля 1912.

Луи Метманъ.

---

[1]) Баронъ Жоржъ де Геккеренъ-Дантесъ-сынъ умеръ въ Версали 27 сентября 1902 года. Онъ долженъ былъ на короткое время покинуть Эльзасъ, чтобы сохранить для своихъ сыновей, уроженцевъ Сульца, французскую національность. Имѣніе Сульцъ въ настоящее время принадлежитъ его вдовѣ баронессѣ де Геккеренъ-Дантесъ, урожденной Шауэнбургъ-Люксембургъ.

VII. Иностранные дипломаты о дуэли и смерти Пушкина.

Приложеніе. Статьи о Пушкинѣ въ «Journal des Débats» и «The Morning Chronicle».

---

1. Поиски въ дипломатическихъ архивахъ.—2. Донесеніе барона Баранта.—3. Донесеніе Британскаго посла графа Дёрама.—4. Донесеніе Австрійскаго посла графа Фикельмона.—5. Донесеніе Шведско-Норвежскаго повѣреннаго Густава де-Нординъ.—6. Донесенія Неаполитанскаго посланника графа ди-Бутера.—7. Донесеніе Сардинскаго посланника графа Симонетти.—8. Донесеніе Датскаго посланника графа Бломе (Блума).—9. Донесенія Виртембергскаго посланника графа Гогенлоэ-Кирхберга.—10. Донесенія Саксонскаго посланника барона Люцероде.—11. Донесенія Баварскаго посланника графа Лерхенфельда.—12. Донесенія Прусскаго посланника барона Либермана.

Предполагая, что въ депешахъ и донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся при Петербургскомъ дворѣ въ 1837 г., могутъ оказаться свѣдѣнія, любопытныя для исторіи дуэли Пушкина съ барономъ Геккереномъ, я обратился въ Пушкинскую Академическую Коммиссію съ просьбой о содѣйствіи въ разысканіи сихъ матеріаловъ. Коммиссія отнеслась весьма сочувственно къ моему предложенію и постановила возбудить соотвѣтствующее ходатайство у Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Министръ, идя навстрѣчу ходатайству Коммиссіи, поручилъ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ войти въ сношенія съ министрами державъ, при которыхъ они аккредитованы, по вопросу объ извлеченіи изъ дипломатическихъ архивовъ могущихъ тамъ быть сообщеній о дуэли и смерти Пушкина. Порученіе министра было выполнено нашими представителями въ Аѳинахъ, Берлинѣ, Вашингтонѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Копенгагенѣ, Лондонѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ, Римѣ, Стокгольмѣ и Штутгартѣ.

Безрезультатными оказались только поиски въ Аѳинахъ и Вашингтонѣ. Въ архивахъ Греческаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ «не нашлось какихъ-либо копій или выписокъ донесеній, касающихся дуэли и смерти Пушкина». Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ греческимъ представителемъ при Русскомъ дворѣ былъ въ 1837 году князь Михаилъ Суццо, съ которымъ Пушкинъ былъ знакомъ еще по Кишиневу и встрѣчался въ Петербургскомъ свѣтѣ. Въ отвѣтъ на обращеніе нашего посла въ Вашингтонѣ Государственный Департаментъ увѣдомилъ его, что, «несмотря на тщательный пересмотръ донесеній какъ Г-на Клая (Klay былъСѣверо-Американскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ въ 1837 году), такъ и Генеральнаго Консула Соединенныхъ Штатовъ въ С.-Петербургѣ и разной другой переписки за 1837 годъ, не удалось найти какихъ-либо свѣдѣній, касающихся дуэли и преждевременной смерти русскаго поэта».

Но зато поиски въ дипломатическихъ архивахъ всѣхъ остальныхъ названныхъ Министерствъ иностранныхъ дѣлъ принесли обильный результатъ. И если одни изъ дипломатовъ ограничились лишь попутнымъ упоминаніемъ о дѣлѣ Пушкина въ своихъ депешахъ, какъ, напр., послы Британскій и Французскій, то другіе посвятили этому дѣлу обширныя сообщенія или цѣлыя спеціальныя донесенія или даже рядъ донесеній. Особенно подробными оказались сообщенія представителей Германіи: посланниковъ Прусскаго—Либермана, Виртембергскаго—князя Гогенлоэ-Кирхберга, Саксонскаго—барона Люцероде и Баварскаго—графа Лерхенфельда.

1.

Нельзя не пожалѣть сугубо о скудныхъ результатахъ поисковъ въ архивѣ Французскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ. Французскимъ посломъ въ 1835—1841 гг. былъ баронъ Барантъ. Онъ самъ былъ выдающимся писателемъ, интересовался вопросами литературы, зналъ и цѣнилъ Пушкина. Объ его отношеніи къ Пушкину свидѣтельствуетъ оффиціальное обращеніе отъ 23-11 декабря 1836 года къ Пушкину съ просьбой о свѣдѣніяхъ по вопросамъ о литературной собственности для французской коммиссіи, занимавшейся разработкой правилъ. «Правила литературной собственности въ Россіи—писалъ Барантъ Пушкину—должны быть Вамъ извѣстны лучше, чѣмъ кому-либо другому, и, конечно, Вы не разъ обдумывали улучшеніе этого пункта русскихъ законовъ. Вы очень мнѣ поможете въ моихъ розыскахъ, сообщивъ дѣйствующіе правила и обычаи и Ваши соображенія насчетъ такихъ правилъ, которыя были бы пригодны въ разныхъ государствахъ въ

интересѣ авторовъ или ихъ замѣстителей. Зная достаточно Вашу любезность, я позволяю себѣ адресоваться къ Вамъ за подробными свѣдѣніями по этому важному вопросу»[1]). Но даже не это обстоятельство заставляло предполагать, что Барантъ долженъ былъ бы упомянуть о смерти Пушкина въ своихъ депешахъ. Къ дуэли былъ причастенъ состоявшій при французскомъ посольствѣ виконтъ д'Аршіакъ. Онъ былъ секундантомъ барона Геккерена и черезъ нѣсколько же дней,—очевидно, «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, былъ вынужденъ отправиться курьеромъ во Францію. Казалось бы, въ бумагахъ Французскаго Министерства должны храниться какія-либо сообщенія по этому поводу. Но результаты поисковъ были ничтожны. Нашъ посолъ могъ препроводить «единственное найденное донесеніе, въ которомъ упоминается о дуэли Пушкина». Это—извлеченіе изъ депеши барона Баранта къ графу Моле отъ 6 апрѣля 1837 года. Вотъ эти нѣсколько строкъ: «Неожиданный приказъ о высылкѣ г. Дантеса, противника Пушкина, который былъ посаженъ въ открытую телѣгу и отвезенъ на границу, какъ бродяга, безъ предупрежденія его семьи объ этомъ рѣшеніи, явился результатомъ этого раздраженнаго состоянія государя» (Affaires étrangers, Russie, *Correspondance politique)*. Чтобы понять смыслъ послѣднихъ словъ, надо упомянуть, что Барантъ, въ предшествующихъ отрывку фразахъ, сообщалъ Моле объ угрюмомъ и раздраженномъ настроеніи Императора Николая и приписывалъ его недовольству фактомъ объявленія свадьбы герцога Орлеанскаго съ принцессой Мекленбургской.

Необходимо добавить, что сообщенное изъ французскихъ архивовъ извлеченіе изъ донесенія не является новинкой: самое донесеніе напечатано въ «Souvenirs du baron de Barante», Paris, t. V, 1895, p. 557. Отсюда эта депеша съ сокращеніями переведена въ «Русскомъ Архивѣ» 1896, т. I, стр. 447—448.

Приходится все-таки предполагать, что въ архивахъ Французскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ находятся и остаются неразысканными и другія сообщенія о дѣлѣ Пушкина или, по крайней мѣрѣ, о роли д'Аршіака.

2.

Въ архивѣ Великобританскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ нашлось немного матеріала о смерти Пушкина. Маркизъ Лансдоунъ доставилъ

---

[1]) И. А. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. С.-Пб. 1903, стр. 290—298.

нашему послу копію съ извлеченія изъ депеши графа Дёрама (Durham) отъ 3 мая 1837 года и съ приложеннаго къ ней перевода, присовокупляя, что въ архивѣ Англійскаго Министерства другихъ сообщеній по сему предмету, повидимому, не имѣется.

Приложенный переводъ оказался переводомъ краткой сентенціи Военнаго суда съ конфирмаціей Государя по дѣлу Геккерена. Эта сентенція была распубликована въ выходившихъ въ С.-Петербургѣ газетахъ на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Самое же извлеченіе изъ депеши графа Дёрама виконту Пальмерстону отъ 3 мая 1837 года, за № 176, слѣдующаго содержанія:

«Первое приложеніе (Указъ)—приговоръ Военнаго Суда о баронѣ Геккеренѣ, пріемномъ сынѣ Голландскаго Министра. Онъ былъ офицеромъ на русской службѣ и недавно убилъ на дуэли прославленнаго поэта Пушкина. Оскорбленіе, которое было направлено противъ Голландскаго Министра въ письмѣ Пушкина, слишкомъ ясно для уразумѣнія и совсѣмъ не благожеланно для Его Превосходительства. Онъ оставилъ здѣшній дворъ, испросивъ отпускъ, вынужденный этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ, и получилъ отказъ въ аудіенціи у Его Величества, но былъ награжденъ табакеркой. Сынъ его былъ высланъ на границу, въ открытой телѣгѣ, въ сопровожденіи жандарма».

Графъ Дёрамъ былъ недолго представителемъ Англійскихъ интересовъ въ Россіи, но онъ вдумчиво наблюдалъ нашу общественную и государственную жизнь. О цѣнности его наблюденій свидѣтельствуютъ его оффиціальныя донесенія и отчеты и частныя письма въ Англію, могущія служить важнымъ источникомъ для русской исторіи. Они отчасти собраны въ книгѣ Reid'a «Life and Letters of First Earl of Durham (1792—1840)» London, T. I & II, 1907. О смерти и дуэли Пушкина въ этой книгѣ ничего не имѣется.

3.

Поиски въ архивѣ Австро-Венгерскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ дали незначительные результаты. Фикельмонъ, бывшій тогда посломъ въ Петербургѣ, былъ женатъ на дочери Е. М. Хитрово, пріятельницы Пушкина, влюбленной въ него и водившей близкое знакомство съ Пушкинымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, Жуковскимъ и другими русскими писателями; онъ былъ освѣдомленъ, конечно, объ исторіи Пушкина лучше, чѣмъ всякій другой дипломатъ. Онъ не обошелъ этого дѣла въ своихъ донесеніяхъ своему министру графу Меттерниху, но не счелъ нужнымъ распространиться о немъ

подробно. Австро-Венгерское Министерство препроводило нашему послу отрывокъ изъ депеши графа Фикельмона, касающійся дуэли Пушкина. Отрывокъ оказался уже извѣстнымъ въ Россіи. Онъ былъ извлеченъ изъ Вѣнскаго архива д-ромъ Карломъ Шрауфомъ и черезъ Г. Ѳ. Штендмана предоставленъ въ распоряженіе Л. Н. Майкова, который и напечаталъ его въ «Старинѣ и Новизнѣ», кн. III, С.-Пб. 1900, стр. 339—341. Въ видахъ сохраненія полноты подбора дипломатическихъ сообщеній о смерти Пушкина приводимъ переводъ этого документа [1]).

Изъ подлиннаго отчета графа Фикельмона князю Меттерниху, С.-Петербургъ, 1837, февраль 14-2.

Князь,

. . . .

. . . .

Вчера здѣсь хоронили г. Александра Пушкина, выдающагося писателя и перваго поэта Россіи. Императоръ приказалъ ему поселиться въ Петербургѣ, поручивъ ему написать исторію Петра Великаго; для этой цѣли въ его распоряженіе были предоставлены архивы Имперіи.

Г. Пушкинъ былъ убитъ на дуэли офицеромъ Кавалергардскаго полка барономъ Дантесомъ, французомъ, покинувшимъ Францію вслѣдствіе революціи 1830 года. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ солидными рекомендаціями, обезпечили ему благосклонный пріемъ; Императоръ отнесся къ нему милостиво. Геккеренъ привязался къ молодому человѣку; есть какая-то тайна въ поводахъ, побудившихъ его усыновить молодого человѣка, передать ему свое имя и свое состояніе.

У г. Пушкина была молодая, необыкновенно красивая жена, которая подарила ему уже четверыхъ дѣтей. Раздраженіе противъ Дантеса за то, что онъ преслѣдовалъ молодую женщину своими ухаживаніями, привели къ вызову на дуэль, жертвою которой палъ г. Пушкинъ. Онъ прожилъ 36 часовъ послѣ того, какъ былъ смертельно раненъ.

---

[1]) Нелишне привести примѣчапіе, сдѣланное Л. Н. Майковымъ къ этому донесенію графа Фикельмона: «П. О. Пирлингъ сообщилъ памъ слѣдующія свѣдѣнія о Дантесѣ: Георгъ-Шарль Дантесъ родился въ Кольмарѣ 5 февраля (н. ст.) 1812 года; поступилъ въ Сенъ-Спрское военное училище 19 ноября 1829 г., стбылъ въ отпускъ 30 августа 1830, а 19 октября того же года уволенъ пзъ училища по желанію семейства. Свѣдѣнія эти извлечены изъ находящагося въ училищѣ послужного списка Дантеса. По преданію, онъ былъ исключенъ за участіе въ политпческпхъ манифестаціяхъ».

Императоръ среди этихъ обстоятельствъ выказалъ то великодушіе, которое такъ свойственно его нраву. Его Величество поздно вечеромъ узналъ о томъ, что Пушкинъ дрался на дуэли, и что онъ безнадеженъ; онъ осчастливилъ поэта, написавъ ему нѣсколько словъ о томъ, что онъ его прощаетъ, призывалъ его къ выполненію христіанскаго долга и успокоилъ послѣднія минуты его жизни обѣщаніемъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ.

По слухамъ, Его Величество назначилъ пенсію въ 6.000 рублей вдовѣ и по 1500 рублей каждому изъ четверыхъ дѣтей; онъ приказалъ помѣстить обоихъ сыновей въ Пажескій корпусъ, съ тѣмъ, чтобы они воспитывались на его счетъ, и намѣревается уплатить долги мужа по закладной на принадлежащую ему землю.

Но все это великодушіе превзойдено слѣдующимъ рѣшеніемъ. Императоръ призвалъ г. Жуковскаго, воспитателя Его Высочества Наслѣдника, бывшаго также другомъ и, такъ сказать, духовнымъ опекуномъ г. Пушкина, и сказалъ ему: «У Пушкина была горячая голова, у него бывали часто экзальтированныя мысли; я прикажу передать Вамъ всѣ его бумаги; сожгите изъ нихъ тѣ, которыя захотите, меня это не касается, и оставьте только то, что Вы сочтете нужнымъ».

Я не осмѣливаюсь высказываться, ибо слова блѣдны и слабы для изображенія подобнаго факта, и я ограничусь простымъ сообщеніемъ его Вашей Свѣтлости.

Прошу принять, князь, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи.

Графъ Фикельмонъ.

Его Свѣтлости князю Меттерниху, и проч.

4.

Съ декабря 1836 по май 1837 года, за отсутствіемъ посла, секретарь Шведско-Норвежскаго посольства Густавъ Нординъ (Gustav de Nordin) состоялъ Шведско-Норвежскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ. Нординъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ и встрѣчался съ нимъ въ салонахъ. Въ дневникѣ подъ 18 декабря 1834 года Пушкинъ упоминаетъ о бесѣдѣ съ Нординомъ. «Вчера (т.-е. 17 декабря 1834 года) вечеръ у S—. Разговоръ съ Нордингомъ о р(усскомъ)дворянствѣ, о гербахъ, о семействѣ Екатерины I-ой et c.» Послѣ смерти Пушкина Нординъ въ своемъ донесеніи Министру Веттерштедту отъ 6-18 февраля 1837 года далъ сообщеніе о смерти Пушкина. По этому небольшому сообщенію видно, что онъ высоко цѣнилъ Пушкина

какъ писателя, и сознавалъ значеніе потери Пушкина для Россіи. Любопытно отмѣтить упоминаніе Нордина по поводу того, что Пушкинъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ занимался исторіей Петра Великаго: «лица, имѣвшія возможность—пишетъ Нординъ—ознакомиться съ отрывками, уже написанными имъ на эту тему, способную вдохновить русскаго историка, вдвойнѣ сожалѣютъ о его преждевременной кончинѣ».

Шведское Министерство иностранныхъ дѣлъ доставило нашему посланнику извлеченіе изъ депеши Нордина, увѣдомивъ его, что «кромѣ этого документа, другихъ сообщеній г-на Нордина по требуемому предмету въ архивахъ Министерства не оказалось».

Выдержка.

С.-Петербургъ 6/18 февраля 1837.

Графъ,

. . . .

Россія только-что понесла чувствительную утрату со смертью г. Александра Пушкина, писателя высокихъ достоинствъ и, какъ поэта, не имѣвшаго соперниковъ въ странѣ. Любимецъ русской публики, г. Пушкинъ началъ блистать на литературномъ горизонтѣ уже лѣтъ двадцать тому назадъ, когда его пылкія и смѣлыя стихотворенія были встрѣчены соотечественниками его съ истиннымъ энтузіазмомъ. Послѣднія работы автора, отмѣченныя бо̀льшимъ спокойствіемъ духа, носятъ печать необыкновенной законченности; но, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ нихъ менѣе поэтическаго вдохновенія, хотя въ отношеніи стиля г. Пушкинъ все болѣе и болѣе приближался къ той благородной простотѣ, которая является печатью подлиннаго генія. Императоръ поручилъ ему написать исторію Петра Великаго, и г. Пушкинъ въ послѣдніе годы занимался изученіемъ и изслѣдованіями, необходимость коихъ вытекала изъ столь огромной задачи; тѣ, кому довелось познакомиться съ отрывками, написанными имъ уже на эту тему, способную дѣйствительно вдохновить русскаго историка, вдвойнѣ оплакиваютъ его преждевременную кончину. Она была слѣдствіемъ смертельной раны, полученной имъ на дуэли со свойкомъ барономъ Геккереномъ-Дантесомъ, пріемнымъ сыномъ Нидерландскаго посла и офицеромъ Кавалергардскаго полка. Уже давно удостаивая г. Пушкина своимъ благоволеніемъ и цѣня его огромный талантъ, какъ украшеніе своего царствованія, Императоръ особенно оплакиваетъ эту національную потерю. Его Величество соблаговолилъ назначить вдовѣ и дѣтямъ покойнаго ежегодную пенсію въ 11.000 рублей, уплатилъ всѣ его долги и сверхъ того далъ обѣщаніе напечатать на свой счетъ роскошное изданіе

произведенiй Пушкина, выручка отъ продажи котораго должна поступить въ пользу семьи; этимъ путемъ семья, по всей вѣроятности, получитъ свыше 300.000 рублей.

Баронъ Геккеренъ-отецъ написалъ Нидерландскому Двору, прося отставить его отъ должности посла, занимаемой имъ здѣсь. Неизвѣстно, какому наказанiю будетъ подвергнутъ его сынъ, который, въ качествѣ русскаго офицера, находится подъ военнымъ судомъ, но предполагаютъ, что ему дадутъ возможность уѣхать, вычеркнувъ его изъ полковыхъ списковъ, тѣмъ болѣе, что оскорбленiе, полученное имъ отъ свояка, дѣлало смертельный поединокъ между ними неизбѣжнымъ.

. . . .

(Подпись) Густ. Нординъ.

Его Превосходительству Графу Веттерштедту, и пр.

5.

Итальянское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ доставило нашему послу въ Римѣ сообщенiя о дѣлѣ Пушкина, извлеченныя изъ депешъ посланниковъ Неаполитанскаго и Сардинскаго.

Съ декабря 1835 по iюнь 1841 года чрезвычайнымъ посланникомъ Неаполитанскимъ и Обѣихъ Сицилiй въ С.-Петербургѣ являлся князь Георгiй Вильдингъ ди Бутера и ди Радоли (Wilding di Butera et di Radoli). Англичанинъ по происхожденiю, Вильдингъ женился на княгинѣ Бутера изъ знатной Палермской семьи и получилъ въ 1822 году право на присоединенiе къ своей фамилiи княжескаго титула и фамилiи; въ 1835 году ему было разрѣшено присоединить еще княжескую фамилiю Радоли[1]). Въ 1836 году онъ женился на русской—графинѣ Варварѣ Петровнѣ Полье, по первому мужу Шуваловой, урожденной княжнѣ Шаховской (1796—1870)[2]). Пушкинъ въ своемъ дневникѣ подъ 17-мъ марта 1834 года записалъ: «Изъ Италiи пишутъ, что графиня Полье идетъ замужъ за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются и рады вѣрить». Очевидно, тутъ идетъ рѣчь объ ея третьемъ бракѣ съ княземъ ди Бутера. О князѣ Бутера сохранились отзывы, какъ объ умномъ и образованномъ человѣкѣ[3]).

---

[1]) Chronique de Dino, t. I, 412.

[2]) Великiй Князь Николай Михайловичъ. Русскiе портреты, т. IV, № 90.

[3]) Franz Freiherr von Andlaw. Mein Tagebuch, I-er Band. Frankf. am M. 1862, S. 155.

О дѣлѣ Пушкина князь Бутера упоминаетъ въ двухъ своихъ депешахъ—отъ 14 февраля и 15 апрѣля (нов. ст.) 1837 года. Вотъ эти упоминанія.

I.

«Петербургъ, 14 февраля 1837 г. . . . .
. . . .

8 числа сего мѣсяца здѣсь имѣла мѣсто дуэль между знаменитымъ русскимъ поэтомъ г. Пушкинымъ и г. барономъ де Геккеренъ, пріемнымъ сыномъ здѣшняго Голландскаго посланника и офицеромъ кавалерійскаго полка Е. В. Государыни. Говорятъ, что эта дуэль была вызвана настойчивымъ ухаживаніемъ офицера за г. Пушкиной, возбудившимъ ревность ея мужа; позавчера онъ, къ несчастью, умеръ, не проживши и двухъ дней послѣ нанесенія ему раны пистолетнымъ выстрѣломъ противника. Эта дуэль оцѣнивается всѣми классами общества, а въ особенности среднимъ, какъ общественное несчастье, потому что поэзія Пушкина очень популярна, и общество раздражено тѣмъ, что находящійся на русской государственной службѣ французъ лишилъ Россію лучшаго изъ ея поэтовъ. Кромѣ того, едва прошло пятнадцать дней, какъ офицеръ сдѣлалъ предложеніе сестрѣ жены Пушкина, которая жила въ домѣ покойнаго; говорятъ, что этотъ шагъ былъ сдѣланъ лишь съ цѣлью прекратить пересуды, вызванные его частымъ посѣщеніемъ дома Пушкина. Дуэли здѣсь очень рѣдки, и русскіе законы караютъ участниковъ смертью. Уже назначена военная коммиссія для суда надъ офицеромъ. Думаютъ, что Государь измѣнитъ приговоръ, который будетъ вынесенъ судьями, и смягчитъ суровость закона. Такъ какъ офицеръ—французъ по происхожденію и пріемный сынъ посла Голландіи, то послѣдній долженъ будетъ покинуть здѣшнюю резиденцію: настолько общественное мнѣніе возбуждено этимъ дѣломъ. Г. Пушкину не было еще 37 лѣтъ, и онъ оставилъ послѣ себя молодую жену и четырехъ малютокъ. Три года тому назадъ ему была назначена пенсія за работы надъ исторіей Петра Великаго, и онъ собралъ уже цѣнные матеріалы, имѣя разрѣшеніе обслѣдовать архивы Москвы, Казани и другихъ городовъ для извлеченія документовъ и собиранія свѣдѣній. Два поступка Императора въ этомъ прискорбномъ событіи дѣлаютъ ему честь. Во-первыхъ, едва только онъ былъ извѣщенъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича, другомъ г. Пушкина, что послѣдній смертельно раненъ и проситъ прощенія за нарушеніе закона, сейчасъ же написалъ ему по-русски собственноручное письмо съ обѣщаніемъ прощенія, если останется живъ, и съ просьбой быть спокойнымъ, если не придется увидѣться,

за жену и дѣтей, о которыхъ онъ позаботится, какъ о своихъ собственныхъ. И дѣйствительно, не прошло трехъ дней послѣ смерти Пушкина, какъ будущее двухъ мальчиковъ, двухъ дѣвочекъ и вдовы было обезпечено. Пушкинъ былъ склоненъ къ либерализму, и это было извѣстно Императору; не желая, чтобы бумаги и корреспонденція покойника кого-нибудь скомпрометировали, въ моментъ смерти онъ послалъ въ его домъ воспитателя Наслѣдника собрать бумаги, сохранить матеріалы по исторіи Петра Великаго и документы изъ Государственнаго архива, а все остальное, что можетъ омрачить память Пушкина и повредить другимъ, сжечь безъ разсмотрѣнія.

Общество оцѣнило по достоинству это рѣшеніе Императора». . . . .
. . . .

II.

Петербургъ, 15 апрѣля 1837 г.

«Баронъ Геккеренъ, Министръ Голландскій, отправился вчера съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться. Сынъ его, убійца г. Пушкина, разжалованъ и отправленъ на границу съ фельдъегеремъ».

6.

Сардинскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ съ апрѣля 1829 по ноябрь 1837 года состоялъ графъ Симонетти. Намъ не встрѣтилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній о немъ. Извѣстно только, что онъ жилъ на Дворцовой набережной въ домѣ князя Долгорукаго. Въ четырехъ своихъ донесеніяхъ Сардинскій посланникъ сообщалъ своему Министру въ Туринъ свѣдѣнія о дѣлѣ Пушкина: 2 (14), 9 (21) февраля, 25 марта (6 апрѣля) и 3 (15) апрѣля.

I.

Петербургъ, 2/14 февраля 1837.

Въ среду на прошлой недѣлѣ произошла дуэль на пистолетахъ между камеръ-юнкеромъ Александромъ Пушкинымъ и офицеромъ Кавалергардскаго полка барономъ Геккереномъ. Такъ какъ дуэль эта служитъ темою для разговоровъ во всѣхъ салонахъ, то я не могу не сообщить о ней Вашему Превосходительству. Дѣло въ томъ, что г. Пушкинъ счелъ себя обязаннымъ вызвать вторично на дуэль г. Геккерена, и что послѣдній равнымъ образомъ почелъ для себя неизбѣжнымъ,—да онъ и въ самомъ дѣлѣ не могъ поступить иначе,—принять этотъ вызовъ.

Они стрѣлялись; Пушкинъ былъ раненъ смертельно и скончался два дня спустя, Дантесъ получилъ легкую рану въ правую руку, отъ которой онъ вскорѣ оправится.

Г. Пушкина оплакиваютъ всѣ лица, причастныя къ литературѣ, въ виду того, что онъ былъ русскимъ поэтомъ, выдвинувшимся уже тѣми работами, которыя были имъ написаны, и обѣщавшимъ много впереди. Поэтому, когда, согласно обряду греко-русской религіи, прощаются съ покойникомъ, можно было видѣть въ церкви на похоронахъ множество лицъ, пришедшихъ въ послѣдній разъ выразить тѣ чувства, которыя къ нему питали. Дипломатическій корпусъ, приглашенный на похороны вдовою писателя, присутствовалъ въ полномъ составѣ. Не было только Англійскаго посольства, пословъ Прусскаго, Греческаго и Нидерландскаго. Что касается послѣдняго, который не былъ приглашенъ, то это вполнѣ естественно, ибо вышеупомянутый г. Геккеренъ, именовавшійся раньше г. Дантесомъ, усыновленъ восемьдесять мѣсяцевъ тому назадъ Геккереномъ и носитъ его фамилію.

Императоръ далъ доказательство своего великодушнаго, отеческаго сердца. Узнавъ, что надежды на спасеніе нѣтъ, онъ приказалъ передать Пушкину, что позаботится о его женѣ и дѣтяхъ, и взялъ ихъ уже подъ свое покровительство, назначивъ имъ пенсію.

Секундантами были: со стороны Геккерена—виконтъ д'Аршіакъ, состоявшій при Французскомъ посольствѣ, а со стороны Пушкина полковникъ русской службы. Д'Аршіакъ за то, что состоялъ секундантомъ, былъ отправленъ сегодня курьеромъ въ Парижъ, и покидаетъ здѣсь свой постъ совершенно,—мѣра, всѣми одобряемая.

Что касается полковника, то Императоръ не рѣшилъ еще, равнымъ образомъ какъ онъ не высказался и относительно г. Геккерена, если не считать того, что вмѣсто крѣпости разрѣшилъ ему отправиться домой, гдѣ онъ и находится подъ домашнимъ арестомъ. Законъ гласитъ, что если офицеръ дерется на дуэли, то онъ долженъ быть разжалованъ въ солдаты.

(Estratto dal Copialettere della Legazione di Sardegna a Pietroburgo; vol. 1836—37, rapp. n. 619).

II.

Петербургъ, 9/21 февраля 1837.

До сихъ поръ судьба барона Геккерена еще не рѣшена, его еще пользуютъ на дому, леча его рану, затѣмъ его будутъ судить. Полагаютъ, что онъ будетъ приговоренъ къ наказанію, согласно закону, но въ силу помило-

ванія, которое даруетъ ему Императоръ, онъ проведетъ нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпости, а затѣмъ уѣдетъ съ барономъ Геккереномъ, Нидерландскимъ посломъ при Россійскомъ Дворѣ, своимъ пріемнымъ отцомъ, который уже подалъ прошеніе объ отставкѣ своему государю и уже распродалъ свою обстановку и другія вещи. Въ виду того горя, которое обнаруживается здѣсь по поводу смерти Пушкина, ибо она разсматривается его соотечественниками, какъ невознаградимая утрата, понесенная Россіей въ области литературы и поэзіи, и тѣхъ сожалѣній, которыя здѣсь высказываются, въ виду того также, что въ качествѣ исторіографа на него была возложена задача написать исторію Петра Великаго,—я нахожу рѣшеніе, принятое вышеназваннымъ посломъ покинуть Петербургъ, весьма приличнымъ и соотвѣтствующимъ тому положенію, въ которое онъ будетъ поставленъ вслѣдствіе этой дуэли, такъ измѣнившей его прежнее положеніе. Императоръ выказалъ великодушіе сердца по отношенію къ вдовѣ и дѣтямъ покойнаго. Онъ назначилъ вдовѣ пенсію въ 6.000 рублей и по 1.500 рублей каждому изъ дѣтей; мальчики будутъ приняты въ Пажескій корпусъ, земля принадлежавшая покойному и заложенная имъ, будетъ освобождена отъ долговъ и возвращена во владѣніе вдовы, которой немедленно было выплачено впередъ 10.000 рублей. Сверхъ того, произведенія покойнаго поэта будутъ напечатаны и переплетены въ роскошный томъ на счетъ правительства, и будутъ продаваться въ пользу семьи поэта; полагаютъ, что выручка можетъ дать 200.000 рублей. Къ этимъ великодушнымъ поступкамъ со стороны Императора надо прибавить еще одинъ, предшествовавшій имъ, а именно Его Величество, зная характеръ и убѣжденія писателя, возложилъ на одного изъ его друзей сжечь передъ его смертью всѣ произведенія, которыя могли бы ему повредить и которыя находились въ его бумагахъ.

(Estratto dal Copialettere della Legazione di Sardegna a Pietroburgo; vol. 1836—37, rapp. n. 620).

III.

Петербургъ, 25 марта (6 апрѣля) 1837.

Въ моей депешѣ за № 619 я имѣлъ честь сообщить Вашему Превосходительству о дуэли, происшедшей между г. Пушкинымъ и барономъ Геккереномъ, и о томъ, что до этой дуэли относилось. Въ виду этого я изложу теперь, что г. Геккеренъ, будучи приговоренъ къ наказанію, согласно закону, и проведя около трехъ недѣль въ заключеніи на гауптвахтѣ, гдѣ посѣщать его разрѣшено было лишь его женѣ, былъ, согласно рѣшенію Императора,

разжалованъ и, въ сопровожденіи фельдъегеря, высланъ на дняхъ на Прусскую границу. Что касается Нидерландскаго посла, барона Геккерена, то отвѣтъ его правительства на прошеніе его объ отставкѣ гласитъ, что ему разрѣшенъ шестимѣсячный отпускъ, и что впослѣдствіи онъ увидитъ, какъ ему поступить, а въ ожиданіи онъ будетъ получать половинный окладъ; такимъ образомъ Нидерландскій посолъ уѣдетъ лишь въ отпускъ. Г. Геверсъ, секретарь посольства, бывшій въ отпуску, вернется сюда черезъ нѣсколько дней и останется въ качествѣ повѣреннаго; какъ только онъ пріѣдетъ, баронъ Геккеренъ уѣдетъ, чтобы присоединиться къ своему пріемному сыну въ Кенигсбергѣ, который долженъ его тамъ ждать, и они будутъ продолжать путешествіе вмѣстѣ. Холодность, выказанная разными лицами послу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ, должна ему показать, что постъ его въ С.-Петербургѣ уже не можетъ быть ему столь же пріятенъ, какъ былъ раньше: вслѣдствіе того полагаютъ, что онъ болѣе сюда не вернется.

(Estratto dal Copialettere della Legazione di Sardegna a Pietroburgo; vol. 1836—37, rapp. n. 626).

IV.

Петербургъ, 3/15 апрѣля 1837.

Г. Геверсъ, о которомъ я упоминалъ въ моей послѣдней депешѣ, прибылъ въ С.-Петербургъ недѣлю тому назадъ, чтобы остаться здѣсь въ качествѣ повѣреннаго Нидерландовъ, а баронъ Геккеренъ выѣхалъ третьяго дня утромъ съ супругою своего пріемнаго сына, сестрою вдовы Пушкина. Нидерландскій посолъ, заявившій, что онъ уѣзжаетъ лишь въ отпускъ, просилъ, согласно обычаю, передъ отъѣздомъ имѣть честь повергнуть свое уваженіе передъ Его Величествомъ, но въ этой чести, которою мы обычно пользуемся въ подобныхъ обстоятельствахъ, ему было отказано, и, сверхъ того, ему была вручена табакерка, украшенная портретомъ Императора и усыпанная брилліантами, которую, по установившемуся при Императорскомъ Дворѣ обычаю, дарятъ посламъ, покидающимъ свой постъ окончательно, изъ чего явствуетъ, что Императоръ не пожелалъ видѣть его здѣсь долѣе, и что его сюда не ждутъ. Это неудовольствіе, которое было ему выражено, должно обусловливаться тѣмъ, что онъ не старался совѣтами, которые онъ могъ и долженъ былъ подавать своему пріемному сыну, помѣшать дуэли, состоявшейся между свойственниками, результаты коей тѣмъ болѣе горестны для нихъ.—Причина дуэли есть ревность, которая возгорѣлась въ покойномъ г. Пушкинѣ къ женѣ, вслѣдствіе поводовъ, которые подавалъ къ ней молодой Геккеренъ

Фактъ тотъ, что многочисленныя версіи, существующія объ этомъ печальномъ дѣлѣ, о которыхъ я не знаю, насколько онѣ основательны и вѣрны, отчасти ли или цѣликомъ,—не говорятъ въ пользу барона Геккерена, и что Императоръ, зная, по всей вѣроятности, истину, предпочелъ не принять его и избавить себя отъ разговора, который могъ быть только непріятенъ и Его Величеству и Нидерландскому послу. Мнѣ кажется, однако, что послѣдній поступилъ не въ духѣ своего Двора, принявъ табакерку, и, такъ какъ ему написали, что онъ уѣдетъ изъ С.-Петербурга только послѣ отпуска, разрѣшеннаго ему его Государемъ, то онъ поступилъ бы болѣе согласно съ видами своего правительства, отклонивъ въ настоящую минуту принятіе подарка, который дарятъ только, когда посолъ окончательно покидаетъ свой постъ, или при представленіи отзывныхъ грамотъ, или послѣ отсылки послѣднихъ, что касательно его въ данное время не имѣетъ мѣста. Посолъ не дѣлалъ прощальныхъ визитовъ ни дипломатамъ, ни инымъ лицамъ. Онъ ограничился тѣмъ, что послѣ отъѣзда приказалъ вручить свои визитныя карточки съ надписью p. p. congé, да онъ и не могъ поступить иначе, такъ какъ положеніе его стало затруднительнымъ и требовало быстраго отъѣзда. Его пріемному сыну былъ выданъ французскій паспортъ, изъ чего видно, что, несмотря на усыновленіе, онъ признается французскимъ подданнымъ, какъ признавался имъ, нося свое первое имя Дантеса.

(Estratto dal Copialettere della Legazione di Sardegna a Pietroburgo; vol. 1836—37; rapp. n. 627).

7.

Въ Датскомъ Государственномъ Архивѣ нашлись два донесенія Датскаго посланника въ С.-Петербургѣ графа Бломе со свѣдѣніями о дуэли и смерти Пушкина.

Графъ Отто Бломе (Otto Blome) родился въ Килѣ въ 1770 г., а умеръ въ 1849 году; въ графское достоинство возведенъ въ 1826 году. Въ Петербургѣ онъ находился съ 1804 по январь 1824 года и затѣмъ съ января 1826 по октябрь 1841 года. Въ промежуткѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, былъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Во время войны Россіи со Швеціей онъ настойчиво совѣтовалъ своему правительству поддержать Россію[1]).

Графъ Бломе, или, по русской транскрипціи, Блумъ былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургскомъ обществѣ. По словамъ Д. Н. Свербеева, онъ былъ «любимецъ этого общества, страстный охотникъ до лошадей, постоянно

[1]) Dansk biografisk Lexicon udg. af C. F. Bricka, Bd. II, Kjøpb. 1888, стр. 430 и сл.

сопровождавшій Императора Александра въ красномъ своемъ мундирѣ на парадѣ и маневрахъ [1]).

Въ дневникѣ Пушкина за февраль 1835 года есть упоминаніе о Блумѣ. «На дняхъ въ театрѣ Фикельмонъ, говоря, что Bertrand et Raton [2]) не были играны на Петербургскомъ театрѣ по представленію Блума, датскаго посланника (и нашего стариннаго шпіона) присовокупилъ: Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemark. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe».

I.

С.-Петербургъ, 30 января (11) февраля 1837.

М. Г.

Послѣдняя почта не принесла мнѣ никакихъ извѣстій о Вашемъ Превосходительствѣ . . . .

. . . .

Трагическое событіе, разыгравшееся на-дняхъ, произвело тѣмъ сильнѣйшее и мучительнѣйшее впечатлѣніе на публику, что дѣйствующія лица драмы весьма извѣстны въ высшемъ обществѣ.

Молодой французъ, г. Дантесъ, въ прошломъ году законнымъ образомъ усыновленный въ качествѣ сына и наслѣдника Нидарландскимъ посломъ барономъ Геккереномъ, лишь нѣсколько дней тому назадъ отпраздновалъ свою свадьбу съ сестрою г-жи Пушкиной. Послѣдняя, выдающаяся красавица,—супруга писателя Пушкина, стяжавшаго вполнѣ заслуженную славу въ русской литературѣ, главнымъ образомъ благодаря стихамъ. Онъ былъ возведенъ въ званіе исторіографа россійскаго, причемъ ему было поручено использовать важнѣйшіе эпизоды Россійской исторіи, изъ которыхъ долженъ былъ составиться классическій трудъ. Отличаясь неистовымъ нравомъ и ревностью, не знавшей границъ, онъ сдѣлался жертвою своихъ подозрѣній относительно якобы существовавшихъ между его женою и его свояккомъ тайныхъ отношеній. Его ярость излилась въ письмѣ, грубо-оскорбительныя выраженія котораго сдѣлали дуэль неизбѣжною. Оба противника, назначивъ другъ другу мѣсто встрѣчи въ Екарингофской рощѣ, въ прошлую

[1]) Д. Н. Свербеевъ. Записки, томъ I, стр. 314—315. Въ «Русск. Арх.» 1882, кн. 2-ая, стр. 170—172 напечатаны два донесенія Блума министру Розенкрацу о ссылкѣ Сперанскаго.

[2]) Пьеса Скриба, сюжетомъ которой послужила исторія Струэнзе, министра Даніи.

среду въ 4 часа дня стрѣлялись, на разстояніи 15 шаговъ. Оба—искусные стрѣлки. Первый выстрѣлъ поразилъ г. Пушкина въ нижнюю часть живота и свалилъ его съ ногъ. Крайняя враждебность, одушевлявшая его, дала ему силы приподняться и, послѣ мѣткаго прицѣла, пронзить руку противника. Пуля, уже нѣсколько ослабленная, скользнула по одному изъ реберъ, слегка его контузивъ.

Г. Пушкинъ скончался вчера, заплативъ жизнью за неистовую страсть, ослѣпленіе коей возлагаетъ на него всю отвѣтственность за это печальное событіе. Что касается молодого Геккерена, то его рана не внушаетъ серьезныхъ опасеній.

Лордъ и леди Лондондерри уѣхали. . . . .
. . . .

Имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ

Вашего Превосходительства

смиреннымъ и покорнымъ слугою

О. Бломе.

Его Превосходительству

Г-ну Краббе Каризіусъ

Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и проч., и проч.

Въ Копенгагенъ.

II.

С.-Петербургъ, 2/14 февраля 1837.

М. Г.

Г. Вице-канцлеръ получилъ съ курьеромъ . . . .
. . . .
. . . .

Похороны г. Пушкина происходили вчера утромъ.

Императоръ передалъ слѣдствіе по этому злополучному дѣлу суду, которому, согласно обычному порядку правосудія, передаются подобныя преступленія. Законъ, карающій дуэли, весьма строгъ. Тотъ, кто убьетъ своего противника на дуэли, подлежитъ разжалованію въ солдаты, но отъ милости Его Величества зависитъ, несомнѣнно, ослабить нѣсколько его суровость, и въ виду смягчающихъ обстоятельствъ надѣются на то, что Императоръ

измѣнить приговоръ, который относительно молодого Геккерена выразится въ увольненіи его со службы и въ высылкѣ на границу. Что касается его секунданта, г. д'Аршіака, атташе Французскаго посольства, то баронъ Барантъ поспѣшилъ послать его въ Парижъ въ качествѣ курьера.

Артиллерійскій полковникъ, секундантъ Пушкина, не отдѣлается такъ легко.

Никто не думаетъ, чтобы баронъ Геккеренъ послѣ столь громкаго скандала и причиненныхъ ему въ связи съ этимъ дѣломъ непріятностей, захотѣлъ остаться здѣсь, и предполагаютъ, что онъ будетъ просить у своего правительства другого назначенія.

Г. Северинъ, россійскій посолъ при Швейцарской Конфедераціи, только-что пріѣхалъ. . . . .
. . . . Ваше Превосходительство.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

смиреннымъ и покорнымъ слугою

О. Бломе.

Его Превосходительству

Г-ну Краббе Каризіусъ

Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и пр., и пр.

Въ Копенгагенъ.

8.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ въ Штутгартѣ доставилъ нашему посланнику семь выписокъ изъ хранящихся въ архивахъ Виртембергскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ донесеній Виртембергскаго Посланника въ С.-Петербургѣ за 1837 годъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о поединкѣ Пушкина съ Дантесомъ. Кромѣ выписокъ, Предсѣдатель доставилъ копію довольно большой записки, хранящейся при названныхъ донесеніяхъ и неизвѣстно кѣмъ составленной.

Отправивъ первое сообщеніе о дуэли и смерти Пушкина въ депешѣ отъ 30 января (11 февраля) 1837 года, Виртембергскій посланникъ знакомилъ свое правительство послѣдовательно съ ходомъ разыгравшейся вокругъ имени Пушкина исторіи. Въ депешахъ отъ 6 (18), 9 (21) февраля, 20 марта (1 апрѣля), 30 марта (11 апрѣля), 3 (15), 14 (26) апрѣля. Его сообщенія выдаются изъ ряда другихъ дипломатическихъ донесеній обиліемъ любопытныхъ подробностей, а главное—яснымъ сознаніемъ абсолютной цѣнности и значенія творчества Пушкина. Очевидно, такое сознаніе побудило посланника не ограничиться фактическими свѣдѣніями о дуэли, смерти и судѣ, а приложить особую, и нельзя сказать, что малую, записку о Пушкинѣ, имѣвшую задачей дать представленіе о Пушкинѣ — о его жизни, о его литературной дѣятельности, о его духовной и физической личности. Записка имѣетъ большой интересъ и, если ее сравнить съ тѣмъ, что писано о Пушкинѣ въ иностранныхъ газетахъ въ 1837 году, то окажется, что она выгодно отличается отъ другихъ писаній своей фактической стороной.

Заботливое отношеніе къ памяти поэта, о которомъ свидѣтельствуютъ и донесенія, и записки, заставляетъ насъ подробнѣе остановиться на личности автора донесеній.

Виртембергскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ съ января 1829 по іюль 1848 года состоялъ князь Гогенлоэ-Кирхбергъ (Christian Ludwig Friedrich Heinrich Prinz von Hohenlohe-Langenburg-Kirchberg). Онъ родился въ 1788 году. Въ 1812 году онъ былъ однимъ изъ тѣхъ раненыхъ воиновъ, которые были привезены въ Петербургъ и за которыми ухаживали Петербургскія дамы. Съ января 1825 года въ теченіе 23 лѣтъ съ лишнимъ онъ оставался Виртембергскимъ посланникомъ. Въ 1833 году онъ женился на русской— Екатеринѣ Ивановнѣ Голубцовой (1802—1840). Такъ какъ князь Гогенлоэ приходился родственникомъ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ и Виртембергскому королевскому дому, то передъ выходомъ замужъ Голубцовой былъ пожалованъ титулъ графини. До самой своей смерти Гогенлоэ оставался въ Петербургѣ; здѣсь онъ и умеръ въ 1859 году. А. П. Бутеневъ въ своихъ Воспоминаніяхъ говоритъ, что Гогенлоэ пользовался постояннымъ уваженіемъ и при Дворѣ, и въ высшемъ обществѣ [1]).

---

[1]) О Гогенлоэ: Oettinger. Monuments des Dates contenant un million des renseignements biographiques, généalogiques et historiques, Lpz. 1869—1880; В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. I, 210; Воспоминанія А. П. Бутенева «Русск. Арх.» 1883, т I, стр. 14.

Выдержки

изъ семи депешъ Вюртембергскаго посла въ С.-Петербургѣ князя Гогенлое-Кирхберга.

I.

Депеша отъ 30 января (11 февраля) 1837.

Въ среду 27 января (8 февраля) въ 4 часа дня вблизи столицы произошла дуэль на пистолетахъ между двумя свояками, а именно, между знаменитымъ поэтомъ Пушкинымъ и юнымъ офицеромъ Кавалергардскаго Ея Величества полка барономъ Геккереномъ. Г. Пушкинъ былъ раненъ смертельно, пуля пронзила его навылетъ. Противники стрѣляли на разстояніи десяти шаговъ, и г. Пушкинъ, будучи уже раненъ пулею, велѣлъ себя приподнять и выстрѣлилъ еще въ своего противника, ранивъ его въ правую руку. Причиной этой дуэли была ревность г. Пушкина, возбужденная анонимными письмами, которыя съ нѣкоторыхъ поръ приходили на имя писателя и въ которыхъ говорилось объ интимныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ яко бы между молодымъ барономъ Геккереномъ и его красавицей-женой и продолжавшихся, несмотря на то, что послѣдній, будучи спрошенъ по этому поводу Пушкинымъ, заявилъ ему, что любитъ не его жену, а его свояченицу, Екатерину Гончарову, на которой баронъ Геккеренъ и женился недѣли двѣ тому назадъ. Г. Пушкинъ, узнавъ, что его противникъ раненъ не опасно, сказалъ, какъ передаютъ, своему секунданту: въ такомъ случаѣ придется начинать сызнова. Съ цѣлью вызвать эту дуэль, г. Пушкинъ написалъ оскорбительнѣйшее письмо Нидерландскому послу барону Геккерену, пріемному отцу молодого человѣка, гдѣ онъ употребляетъ выраженія, которыя благопристойность не позволяетъ повторить, и гдѣ онъ всячески оскорбляетъ посла, такъ что примирить противниковъ было невозможно. Съ первой же минуты возникли сильныя опасенія за жизнь г. Пушкина, и онъ скончался 29 января (10 февраля) въ 3 часа пополудни. Россія будетъ оплакивать его смерть, какъ утрату своего величайшаго поэта, но преданнѣйшіе изъ его друзей признали, что онъ слишкомъ далъ увлечь себя своему чувству мести. Секундантами въ этомъ злополучномъ поединкѣ были со стороны молодого барона Геккерена виконтъ д'Аршіакъ, состоящій при Французскомъ посольствѣ, а со стороны Пушкина Данзасъ, полковникъ Гвардейскаго Саперанаго полка. Императоръ, всегда готовый на поддержку несчастныхъ, извѣстилъ г. Пушкина, что въ случаѣ его смерти Его Величество позаботится о его

женѣ и дѣтяхъ. Посолъ баронъ Геккеренъ разсчитываетъ также на помилованіе своего сына, въ виду того, что для молодого человѣка являлось совершенно невозможнымъ избѣжать поединка, въ коемъ оба противника обнаружили равное мужество. Виконтъ д'Аршіакъ долженъ завтра или послѣзавтра ѣхать курьеромъ отъ Французскаго посольства. Онъ надѣется черезъ нѣкоторое время вернуться снова въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ былъ на отличномъ счету.

II.

Депеша отъ $^6/_{18}$ февраля 1837.

Въ моей послѣдней депешѣ отъ 11 февраля н. ст. я имѣлъ честь почтительнѣйше сообщить Вашему Величеству о томъ, что соблаговолилъ сдѣлать Императоръ для несчастной вдовы поэта Пушкина, чью печальную кончину не перестаютъ оплакивать, и равнымъ образомъ я писалъ объ этомъ въ рядѣ частныхъ писемъ г. Министру иностранныхъ дѣлъ Вашего Величества, но въ виду того, что я только недавно узналъ о томъ, что Императоръ сдѣлалъ для семьи и для памяти знаменитого поэта, я спѣшу сообщить Вашему Величеству эти подробности. Во-первыхъ, похороны г. Пушкина происходили на счетъ Его Императорскаго Величества, и тѣло было выставлено, по особому распоряженію Императора, въ часовнѣ дворцовой церкви на Конюшенной; затѣмъ Его Императорское Величество приказалъ выдать довольно значительную сумму вдовѣ Пушкина для покрытія необходимыхъ текущихъ расходовъ; сверхъ того ей будетъ выдаваться пенсія въ 10.000 рублей въ годъ, и ея четверо дѣтей будутъ воспитываться на казенный счетъ. Принадлежавшее Пушкину имѣніе въ Псковской губерніи совершенно освобождено Императоромъ отъ долговъ и останется въ качествѣ неприкосновеннаго дара его семьѣ. Пушкинъ будетъ похороненъ въ этомъ имѣніи, гдѣ на его могилѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ. Затѣмъ Его Императорское Величество повелѣлъ, чтобы за счетъ Императора было выпущено полное изданіе сочиненій поэта, которое должно продаваться въ пользу дѣтей: полагаютъ, что это послѣднее благодѣяніе Императора принесетъ семьѣ не менѣе 200.000 рублей. Эта злополучная дуэль, отнявшая у Россіи наиболѣе славнаго изъ поэтовъ въ возрастѣ 37 лѣтъ, отзовется неблагопріятно также и на карьерѣ Нидерландскаго посла, барона Геккерена, рѣшившаго покинуть свой постъ. Баронъ написалъ уже объ этомъ своему Государю и, безъ сомнѣнія, покинетъ С.-Петербургъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Что касается барона Дантеса, его пріемнаго сына, то его будутъ судить военнымъ судомъ, какъ только

его рана позволитъ ему предстать передъ судомъ. Тѣмъ временемъ эта ужасная драма, поразившая несчастіемъ столькихъ людей, не перестаетъ служить темою для разговоровъ во всѣхъ классахъ общества столицы.

III.

Депеша отъ $^{9}/_{21}$ февраля 1837.

Военнаго суда надъ молодымъ барономъ Геккереномъ еще не было. Полагаютъ, что дѣло затягиваютъ нарочно, до отъѣзда Нидерландскаго посла, и что затѣмъ молодого человѣка просто уволятъ со службы и вышлютъ изъ Россіи, разжаловавъ его изъ офицеровъ и не принуждая его служить въ полку въ качествѣ простого солдата, съ тѣмъ чтобы онъ могъ вмѣстѣ съ женою послѣдовать за своимъ пріемнымъ отцомъ. Объ этой злополучной дуэли больше не говорятъ, и мнѣ передавали, что таково желаніе Императора, положившаго конецъ всѣмъ разговорамъ на эту тему. Между тѣмъ Пушкинъ попрежнему оплакивается своими многочисленными друзьями, и по этому грустному поводу глазъ сторонняго наблюдателя могъ убѣдиться еще разъ, насколько сильна и могущественна чисто русская партія, къ которой принадлежалъ Пушкинъ. Непосредственно послѣ дуэли между Пушкинымъ и молодымъ барономъ Геккереномъ большинство высказывалось въ пользу послѣдняго, но не понадобилось и 24 часовъ, чтобы русская партія измѣнила настроеніе умовъ въ пользу Пушкина. Что же касается бароновъ Геккереновъ, то они, правда, сдѣлали все, чтобы, съ своей стороны, навлечь на себя всеобщее неудовольствіе, и многія лица, въ былыя времена отличавшія посла барона Геккерена, принуждены въ настоящую минуту сожалѣть объ этомъ.

IV.

Депеша отъ 20 марта (1 апрѣля) 1837.

Его Императорское Величество изволилъ смягчить смертный приговоръ, вынесенный, согласно русскимъ законамъ, военнымъ судомъ противъ личности молодого барона Геккерена, замѣнивъ его высылкою за предѣлы Имперіи; и вчера утромъ баронъ въ сопровожденіи фельдъегеря былъ вывезенъ на границу и такимъ образомъ уволенъ отъ службы Россіи. Въ этомъ распоряженіи надо удивляться еще милости и благородной добротѣ Его Императорскаго Величества, такъ какъ всѣ русскіе офицеры до сихъ поръ бывали караемы за дуэль разжалованіемъ въ солдаты. Баронъ Геккеренъ-отецъ получилъ отъ своего правительства разрѣшеніе на шестимѣсячный отпускъ,

которымъ онъ воспользуется тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ г. Геверса. Послѣдній приметъ вновь обязанности повѣреннаго Голландскаго короля, которыя онъ уже неоднократно исполнялъ во время отлучекъ барона Геккерена. Въ томъ случаѣ, если баронъ Геккеренъ не захочетъ болѣе возвращаться въ Россію, что весьма возможно, король Вильгельмъ разрѣшитъ ему находиться за штатомъ, удержавъ за нимъ половину того содержанія, которое онъ получалъ до сихъ поръ.

V.

Депеша отъ 30 марта (11 апрѣля) 1837.

Четыре дня тому назадъ прибылъ г. Геверсъ, назначенный представителемъ Голландіи на время отсутствія барона Геккерена, и баронъ поспѣшилъ испросить у Императора прощальную аудіенцію, но эта аудіенція до сихъ поръ ему еще не назначена. Между тѣмъ меня увѣряютъ, что баронъ, вмѣстѣ съ супругою своего пріемнаго сына, покинутъ Петербургъ въ будущую пятницу. Мнѣ передавали еще, что баронъ Геккеренъ-отецъ написалъ оффиціальное письмо вице-канцлеру графу Нессельроде съ запросомъ о томъ, что ставится ему въ упрекъ въ злополучномъ дѣлѣ его пріемнаго сына. До моего свѣдѣнія не дошло, отвѣтилъ ли вице-канцлеръ на это письмо, но повидимому письмо это, по крайней мѣрѣ, не повредило барону Геккерену, такъ какъ онъ былъ приглашенъ на большой званый обѣдъ, бывшій вчера у графа Нессельроде.

VI.

Депеша отъ 3/15 апрѣля 1837.

Утромъ третьяго дня баронъ Геккеренъ, посолъ Его Величества короля Голландіи, покинулъ столицу вмѣстѣ со своею невѣсткою, супругою своего пріемнаго сына, съ тѣмъ, чтобы вернуться въ Голландію. Въ прощальной аудіенціи, которой баронъ Геккеренъ добивался у ихъ Императорскихъ Величествъ, ему было отказано, и Императоръ приказалъ вручить барону табакерку съ портретомъ Его Величества, которая, согласно установившемуся при Императорскомъ Дворѣ обычаю, дарится каждому иностранному послу, когда онъ, будучи отозванъ своимъ Дворомъ, покидаетъ Россію. несмотря на то, что баронъ Геккеренъ покидалъ Петербургъ, отправляясь лишь въ шестимѣсячный отпускъ на родину. Невозможно болѣе выразительно отмѣтить, какъ мало желаютъ видѣть вновь этого посла въ Петербур-

гѣ. Сильно упрекаютъ барона Геккерена за то, что онъ принялъ въ подобныхъ обстоятельствахъ табакерку, и порицаютъ его за этотъ случай не менѣе, чѣмъ за многіе другіе, въ которыхъ баронъ Геккеренъ велъ себя не такъ, какъ того желали бы его коллеги. Для пріемнаго сына этого посла Прусскій посолъ г. Либерманъ былъ настолько добръ, что написалъ Прусскимъ властямъ на границу, чтобы молодой человѣкъ могъ остаться на границѣ до пріѣзда своего отца и своей супруги безъ непріятностей со стороны этихъ властей, что могло бы случиться, не будь этой любезности со стороны г. Либермана. Между тѣмъ баронъ Геккеренъ даже не заѣхалъ къ нему, также, какъ онъ не заѣхалъ и къ остальнымъ своимъ коллегамъ, которымъ только просилъ передать визитныя карточки уже послѣ своего отъѣзда изъ города. Объ его отъѣздѣ никто не жалѣетъ, несмотря на то, что онъ прожилъ въ С.-Петербургѣ около 13 лѣтъ и въ теченіе долгаго времени пользовался замѣтнымъ отличіемъ со стороны Двора, пользуясь покровительствомъ графа и графини Нессельроде; въ городѣ къ барону Геккерену относились хуже уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и многіе избѣгали знакомства съ нимъ.

VII.

Депеша отъ 14/26 апрѣля 1837.

Столичныя газеты опубликовали приговоръ военнаго суда по дѣлу барона Геккерена сына [1]).

VIII.

Замѣтка о Пушкинѣ.

Пушкинъ, замѣчательнѣйшій поэтъ, молва о которомъ разнеслась особенно благодаря тому глубокому трагизму, который заключался въ его смерти, Пушкинъ, представитель слишкомъ передовыхъ для строя своей родины взглядовъ, былъ на разные лады судимъ своими соотечественниками, чему слѣдуетъ приписать эту разницу въ чувствахъ къ человѣку, жизнь котораго всегда была общественною. На этотъ вопросъ нетрудно будетъ отвѣтить тому, кто жилъ въ Россіи, и особенно тому, кто имѣлъ возможность изучить разнообразные элементы, изъ которыхъ состоитъ русское общество, равно какъ и его привычки и предразсудки. Чтеніе произведеній Пушкина и его жизнь ясно указываютъ на то, почему этотъ писатель не поль-

---

[1]) Самый приговоръ опускаемъ.

зовался уваженіемъ среди извѣстной части аристократіи, межъ тѣмъ какъ все остальное общество превозноситъ его до небесъ и съ восторгомъ и благоговѣніемъ относится къ его памяти.

Остроумные и язвительные намеки, направленные большею частью противъ высокопоставленныхъ лицъ, проступки и пороки которыхъ изобличалъ Пушкинъ, создали поэту многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ. Бичующая эпиграмма противъ Аракчеева по поводу девиза, заключеннаго въ его гербѣ, сатира на Уварова, усыпившая подъ названіемъ подражанія Катуллу обычную бдительность цензуры и помѣщенная въ литературномъ журналѣ, отвѣтъ Булгарину, въ которомъ, отражая упреки аристократіи, Пушкинъ съ правомъ или безъ права нападалъ на самыя высокопоставленныя фамиліи въ Россіи,—вотъ истинныя преступленія Пушкина, преступленія тѣмъ болѣе тяжкія, чѣмъ выше и богаче были его враги, чѣмъ тѣснѣе они были связаны съ вліятельнѣйшими домами и окружены многочисленными приверженцами. Пушкину не трудно было возбудить противъ себя недовольство власти, ибо духъ и направленіе его произведеній давали слишкомъ много поводовъ для доносовъ враговъ. Вотъ настоящія причины того недоброжелательства, которое извѣстная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты въ государствѣ) питала къ Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло съ его смертью. Этимъ же можно, по всей вѣроятности, объяснить тотъ фактъ, что, пользуясь повидимому милостивымъ благорасположеніемъ государя, Пушкинъ тѣмъ не менѣе продолжалъ оставаться подъ надзоромъ полиціи.

Молодежь въ Россіи, наоборотъ, рукоплескала вольнолюбивымъ произведеніямъ этого писателя, остроумнымъ, и временами непристойнымъ, правда неосторожнымъ, но смѣлымъ и талантливымъ. Особенно спѣшили рукоплескать чиновники, многочисленный классъ, являющійся въ нѣкоторомъ родѣ третьимъ сословіемъ въ Россіи; въ настоящую минуту они создаютъ апофеозъ человѣку, произведенія котораго являются выраженіемъ ихъ собственныхъ чувствъ. Съ самаго начала и, быть можетъ, безсознательно Пушкинъ разсматривался и признавался ими, какъ представитель оппозиціи. Здѣсь мы даемъ его жизнеописаніе съ краткою оцѣнкою главнѣйшихъ его произведеній.

Родившись въ Москвѣ въ 1799 году, Александръ Пушкинъ по отцу принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій. Одинъ изъ его предковъ Радша, германскаго происхожденія и по всей вѣроятности тевтонскій рыцарь, поселился въ 13 вѣкѣ (1252—62) въ Россіи и вступилъ въ службу при Александрѣ Невскомъ. Онъ сдѣлался родоначальникомъ нѣсколькихъ

извѣстныхъ русскихъ фамилій, а именно: Пушкиныхъ, Бутурлиныхъ, Каменскихъ, Жулебеныхъ, Мятлевыхъ и пр. Дѣдъ Пушкина по отцу, сынъ арапа, найденнаго или купленнаго Петромъ Великимъ и привезеннаго ребенкомъ въ Россію, звался Аннибаломъ и при Екатеринѣ II достигъ чина адмирала. Ему принадлежитъ покореніе Наварина, его имя и подвиги высѣчены на полу-ростральной колоннѣ въ Царскомъ Селѣ.

Образованіе Пушкинъ получилъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ; его густые вьющіеся волосы, смуглый цвѣтъ кожи, несовсѣмъ правильныя черты лица, неукротимая пылкость его характера,—все обнаруживало въ немъ африканскую кровь, и въ ранней юности его уже намѣтились тѣ бурныя страсти, которымъ впослѣдствіи суждено было волновать его жизнь. Въ 14 лѣтъ онъ написалъ стихотвореніе, посвященное Царскому Селу, а также посланіе къ Александру, благодаря которому онъ былъ отмѣченъ учителями. По этому случаю его привѣтствовалъ въ качествѣ поэта старикъ Державинъ, бывшій министръ, лирическія произведенія котораго цѣнятся русскими гораздо выше такихъ же произведеній Ж. Ж. Руссо (особенно славится его ода «Богъ», величественное произведеніе, которое китайскій императоръ повелѣлъ перевести на китайскій языкъ и вывѣсить на стѣнѣ своего дворца, чтобы постоянно имѣть его передъ глазами). По выходѣ изъ лицея Пушкинъ написалъ свою оду вольности и вскорѣ затѣмъ цѣлый рядъ произведеній, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ, привлекшихъ къ нему вниманіе общества, а впослѣдствіи также и вниманіе правительства, повелѣвшаго ему покинуть столицу. Въ качествѣ мѣстожительства ему была указана Бессарабія, а послѣ этого въ теченіе пяти лѣтъ, до смерти Александра, Пушкинъ остается у гр. Воронцова въ Одессѣ.

Уступая настояніямъ историка Карамзина, вѣрнаго друга Пушкина и настоящаго цѣнителя его таланта, императоръ Николай, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, вызвалъ Пушкина въ столицу и оказалъ ему самый милостивый пріемъ, какъ о томъ можно судить по отвѣту императора на замѣчанія по этому поводу князя Волконскаго. «Это уже не прежній Пушкинъ,—сказалъ Николай,—это Пушкинъ раскаивающійся и чистосердечный; словомъ, это мой Пушкинъ, и отнынѣ я одинъ хочу быть цензоромъ его произведеній». Тѣмъ не менѣе, до самой смерти писатель оставался подъ негласнымъ надзоромъ полиціи.

Въ 1829 году Пушкинъ сопровождалъ Паскевича въ Турецкой кампаніи. На слѣдующій годъ, въ эпоху холеры, Пушкинъ женился въ Москвѣ на дѣвицѣ Гончаровой, замѣчательной красавицѣ, дѣдъ которой былъ купецъ и впослѣдствіи былъ возведенъ въ дворянство. Послѣ женитьбы Пуш-

кинъ пріѣхалъ снова въ Петербургъ, жена его была принята ко Двору, а самъ онъ вскорѣ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры.

Пушкинъ всегда проявлялъ большое презрѣніе къ должностямъ и милостямъ, но съ тѣхъ поръ, какъ его жена была принята ко Двору, суровость его мнѣній, повидимому, смягчилась. Назначеніемъ себя въ камеръ-юнкеры Пушкинъ почиталъ себя оскорбленнымъ, находя эту честь много ниже своего достоинства. Съ этой минуты взгляды его снова приняли прежнее направленіе, и поэтъ снова перешелъ къ принципамъ оппозиціи.

Главнѣйшія его произведенія суть:

Русланъ и Людмила—фантастическая поэма въ духѣ Аріоста, которую сравниваютъ съ Оберономъ Виланда.

Кавказскій плѣнникъ. } Поэмы.
Бахчисарайскій фонтанъ. }

Цыганы—легкая поэзія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Пушкина, которое у русскихъ почитается совершеннымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ.

Братья-Разбойники—повѣсть.

Полтава—поэма, написанная бѣлыми стихами, настоящее заглавіе которой должно бы было быть «Мазепа». Названіе Полтавы было дано Пушкинымъ во избѣжаніе упрека въ подражаніи Байрону, автору также вещи, озаглавленной «Мазепа», съ которою поэма Полтава не имѣетъ ничего общаго.

Евгеній Онѣгинъ—романъ въ прекрасномъ стилѣ, сравниваемый по типу и по формѣ съ Донъ Жуаномъ Байрона.

Исторія Пугачевскаго бунта—посредственная вещь.

Домикъ въ Коломнѣ—также посредственная вещь, поэма, написанная октавами въ подражаніе Тассу.

Черная Шаль—небольшое стихотвореніе, полное граціи и поэзіи.

Борисъ Годуновъ—хорошо написанная драма, согласная въ смыслѣ историческихъ данныхъ съ повѣствованіями Карамзина, изображающая героя пьесы убійцей сына Ивана IV и узурпаторомъ его престола, межъ тѣмъ какъ судя по новѣйшимъ историкамъ, каковы Устряловъ, Погодинъ, Краевскій, Булгаринъ и др. Борисъ Годуновъ былъ избранъ духовенствомъ, боярами и народомъ.

Анжело—стихотворный переводъ Шекспира.

Повѣсти—среди которыхъ особенной извѣстностью пользуются Пиковая Дама и Капитанская Дочка, и наконецъ огромное количество стихотвореній, изъ которыхъ особенно извѣстны два, одно озаглавленное «Байронъ», другое—«Наполеонъ». Кромѣ того Пушкинъ издавалъ литературный журналъ «Современникъ».

Стиль Пушкина въ большинствѣ случаевъ блестящъ, легокъ, отточенъ и изященъ. Пушкинъ собственно не принадлежитъ ни къ одной изъ двухъ крупнѣйшихъ школъ, оспаривающихъ другъ у друга область литературы. Въ качествѣ талантливаго писателя онъ съумѣлъ оцѣнить и классическія и романтическія красоты. Наконецъ въ Россіи онъ является главою школы ни одинъ ученикъ которой до сего времени не достигъ совершенства учителя.

Нравъ у Пушкина былъ страстный, порывистый, вспыльчивый. Онъ любилъ игру и искалъ сильныхъ ощущеній, особенно въ молодости, ибо годы начали смягчать въ немъ пылъ страстей: онъ былъ разсѣянъ, бесѣда его была полна очарованія для слушателей. Нелегко было заставить Пушкина говорить, но разъ вступивъ въ бесѣду, онъ выражался необычайно изящно и ясно, нерѣдко прибѣгая къ французской рѣчи, когда хотѣлъ придать фразѣ болѣе убѣдительности. Умъ у него былъ злой и насмѣшливый, тѣмъ не менѣе всѣ знавшіе его считаютъ его образцовымъ другомъ.

Его дуэль съ Геккереномъ и обстоятельства, сопровождавшія его смерть, слишкомъ извѣстны, чтобы быть упоминаемыми здѣсь, но чтобы вѣрнѣе понять его нравъ, не безполезно, быть можетъ, прочесть его письмо къ Геккерену, письмо, сдѣлавшее немыслимымъ всякое примиреніе. Оно полно выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько Пушкинъ долженъ былъ быть озлобленъ. Трудно узнать чистаго и всегда пристойнаго писателя въ необдуманныхъ словахъ, внушенныхъ этому огненному темпераменту гнѣвомъ. Океанъ прорвалъ плотину, ничто не въ силахъ его остановить.

Задолго до этой злополучной дуэли были разнесены и вручены всѣмъ знакомымъ Пушкина—частью черезъ прислугу, частью по городской почтѣ анонимныя письма, написанныя по-французски за подписью предсѣдателя Н... и графа Б..., постояннаго секретаря Общества Р..... Нѣкоторыя изъ этихъ анонимныхъ писемъ были доставлены даже знакомыми (такъ между прочимъ письмо В. П.), и наряду съ адресомъ, написаннымъ явно измѣненнымъ почеркомъ, была помѣщена просьба переслать эти письма Пушкину. По поводу этихъ писемъ, когда Ж...... упрекалъ Пушкина въ томъ, что онъ принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу это дѣло, и прибавилъ, что свѣтъ убѣжденъ въ невинности его жены, Пушкинъ отвѣтилъ: «Ахъ, какое мнѣ дѣло до мнѣнія графини такой-то или

княгини такой-то о невинности или о виновности моей жены. Единственное мнѣніе, которымъ я дорожу, есть мнѣніе средняго класса, который въ настоящее время является единственнымъ истинно русскимъ, и который восхищаетъ жену Пушкина».

По поводу этихъ анонимныхъ писемъ существуютъ два мнѣнія.

Наиболѣе пользующееся довѣріемъ публики указываетъ на О.... [1]).

Другое мнѣніе, мнѣніе власти, основывающееся на тожественности разстановки знаковъ препинанія, на особенностяхъ почерка и на сходствѣ бумаги, обвиняетъ Х......

«Пчела » отъ 12 апрѣля содержитъ въ себѣ резолюцію Е. В. Государя Императора относительно Геккерена.

9.

Изъ Саксонскаго Главнаго Государственнаго Архива нашему посланнику въ Дрезденѣ были доставлены извлеченія изъ донесеній Саксонскаго посланника при Россійскомъ Дворѣ барона Лютцероде.

Баронъ Лютцероде (Karl August Lützerode; род. въ 1794, ум. въ 1864 году) былъ посланникомъ съ октября 1832 по іюнь 1840 года. Во время пребыванія въ Россіи онъ прекрасно изучилъ русскій языкъ, полюбилъ русскую литературу и завелъ дружескія и пріятельскія связи съ передовыми русскими писателями: Жуковскимъ, Пушкинымъ, Плетневымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ. Занимаясь немного литературой, Лютцероде переводилъ на нѣмецкій языкъ Пушкина, Бенедиктова и Кольцова. Сохранился его переводъ стиховъ Казанской поэтессы Фуксъ: «На проѣздъ А. С. Пушкина чрезъ Казань въ 1833 году». Среди русскихъ Лютцероде оставлялъ самое благопріятное впечатлѣніе. Князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву 1 октября 1833 года: «баронъ Лютцероде не нахвалится Москвою и благосклоннымъ пріемомъ вашимъ. Вообще, онъ очень доволенъ путешествіемъ своимъ по Россіи и смотрѣлъ на нее глазами доброжелательнаго иностранца, что встрѣчается весьма рѣдко въ отношеніи къ намъ» [2]).

Содержаніе донесеній Лютцероде оправдываетъ представленіе о немъ, какъ о цѣнителѣ и другѣ русской литературы. Не обинуясь, онъ говоритъ,

---

[1]) Повидимому, въ подлинникѣ стоятъ полныя фамиліи, но въ копіяхъ, полученныхъ изъ Штутгардта, поставлены только иниціалы.

[2]) О Лютцероде: Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 610; Oettinger, Monuments des Dates... Lpz. 1809—1880; «Русск. Архивъ» 1902, т. I, стр. 604; Tagebücher von K. A. Varnhagen von Ense, B. IV, S. 107.

что послѣ смерти Гёте и Байрона Пушкину принадлежитъ первое мѣсто въ міровой литературѣ. Горькой ироніей звучитъ его сообщеніе о томъ, что смертный одръ Пушкина окружали немногіе, а Нидерландскій отель осаждался высшимъ обществомъ, справлявшимся о здоровьѣ барона Геккерена.

Кромѣ трехъ донесеній Лютцероде, въ которыхъ шла рѣчь о дѣлѣ Пушкина, въ томъ же архивѣ оказалось еще любопытное донесеніе Зеебаха изъ Тильзита о встрѣчѣ съ Геккереномъ въ Тильзитѣ послѣ его высылки изъ Россіи. «Все это дѣло принимаетъ иной видъ потому, что онъ (Геккеренъ) разсказываетъ объ обращеніи съ нимъ Пушкина. Съ величайшимъ хладнокровіемъ онъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности»... Авторъ донесенія Зеебахъ (Albin Leo) одно время также былъ Саксонскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, потомъ въ Парижѣ [1]).

I.

С.-Петербургъ, 11 февраля (30 января) 1837.

Его Превосходительству

Г-ну статсъ-секретарю Зешау.

М. Г.

Ужасное событіе, совершившееся три дня тому назадъ, глубоко потрясло всѣхъ истинно образованныхъ жителей Петербурга. Государственный исторіографъ (Der Historiograph des Reichs) Александръ Пушкинъ, который достоинъ быть названъ со времени смерти Гете и Байрона первымъ поэтомъ современной эпохи, палъ жертвою ревности, злонамѣренно доведенной до безумія. Молодой карлистъ, ранѣе носившій имя Дантеса, позднѣе, по усыновленіи его голландскимъ посланникомъ, принявшій титулъ барона Геккерена, увлекался и былъ очарованъ красивой женой Пушкина; анонимныя же письма ложно выставляли передъ мужемъ эти отношенія преступными. Вышеназванный эльзасецъ, служившій въ кавалергардскомъ полку, избѣжалъ ярости поэта, потомка африканскаго рода, только благодаря поспѣшному рѣшенію жениться на незначительной во всѣхъ отношеніяхъ старшей сестрѣ г-жи Пушкиной. Но, несмотря на то, что бракъ этотъ состоялся съ благословенія симпатизирующей всѣмъ карлистамъ семьи Нессельроде, онъ все-таки вызвалъ громкія замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ

---

[1]) Oettinger, Monuments des Dates... Lpz. 1809—1880.

лицъ. Раздражило ли снова страстнаго мужа продолжавшееся вниманіе лейтенанта Геккерена къ его невѣсткѣ, или произошло это по интригамъ другихъ тайныхъ враговъ, но 7-го февраля Пушкинъ написалъ посланнику барону Геккерену письмо, въ которомъ назвалъ только-что заключенный бракъ, съ одной стороны, дѣломъ змѣиной, способной на происки, хитрости двухъ негодяевъ, связанныхъ порокомъ, съ другой стороны, ихъ трусливой безнравственностью, и предсказывалъ, какія послѣдствія ожидаютъ его пріемнаго сына всюду, если онъ откажется принять его вызовъ на самыхъ серьезныхъ условіяхъ.

Это письмо посланникъ немедленно сообщилъ своему пріемному сыну, который тотчасъ же принялъ вызовъ на пистолетахъ на разстояніи десяти шаговъ.

Въ то время, какъ посланникъ докладывалъ графу Нессельроде самыя оскорбительныя выраженія изъ письма Пушкина и просилъ объ офиціальномъ удовлетвореніи, противники уже отправились за городъ въ сопровожденіи атташе французскаго посольства виконта Даршіака и друга Пушкина Данзаса. Молодой Геккеренъ выстрѣлилъ Пушкину въ животъ, но послѣдній имѣлъ еще силы протянутою впередъ рукой послать ему пулю, которая попала бы тому въ печень, если бы не была задержана металлическою пуговицей.

Пушкинъ скончался вчера, въ три часа, въ полномъ сознаніи, послѣ того, какъ просилъ Государя дать ему возможность унести съ собой въ могилу прощеніе за нарушеніе имъ закона и принять увѣренія въ томъ, что онъ никогда не переставалъ считать свою супругу чистой и невинной, но не могъ заставить себя жить на одной планетѣ съ человѣкомъ, котораго свѣтъ могъ считать близкимъ его женѣ. Государь далъ на это весьма трогательный письменный отвѣтъ, въ которомъ обѣщалъ поэту прощеніе, предлагалъ ему подумать о загробномъ будущемъ и обѣщалъ позаботиться о судьбѣ его жены и четырехъ маленькихъ дѣтей.

Тѣ немногіе часы, которые ему оставалось жить, несчастный провелъ согласно волѣ Государя, употребивъ ихъ на приведеніе въ порядокъ своихъ дѣлъ и любовно занимаясь своими близкими и литературнымъ будущимъ Россіи.

При наличности въ высшемъ обществѣ малаго представленія о геніи Пушкина и его дѣятельности не надо удивляться, что только немногіе окружали его смертный одръ, въ то время какъ нидерландское посольство атаковывалось обществомъ, выражавшимъ свою радость по поводу столь счастливаго спасенія элегантнаго молодого человѣка.

Не только столь выдающаяся личность и положеніе Александра Пушкина, но въ особенности тотъ прекрасный свѣтъ , который былъ брошенъ на эту мрачную сцену благороднымъ характеромъ Государя, дали мнѣ смѣлость обезпокоить васъ, ваше превосходительство, этимъ описаніемъ трагедіи, которою окончилъ свой жизненный путь одинъ изъ выдающихся умовъ Европы.

Секундантъ господна Геккерена отсылается бар. Барантомъ, по всей вѣроятности, навсегда въ Парижъ. Поведеніе его было похвально.

К. фонъ-Лютцероде.

II.

С.-Петербургъ, 18—6 февраля 1837.

Его Превосходительству

Г-ну статсъ-секретарю Зешау.

М. Г.

Это изумленіе породило самые странные слухи и предположенія, особенно потому, что сочувствіе, выказанное вторымъ и третьимъ классами жителей Петербурга по поводу смерти Александра Пушкина, вызвало нѣкоторыя мѣры надзора со стороны полиціи и корпуса жандармовъ, особенно вблизи дома Голландскаго посольства.

Императоръ довелъ свое великодушіе до того, что уплатилъ всѣ долги, лежавшіе на имѣніи Пушкина, превративъ его въ майоратъ для старшаго сына, назначилъ ежегодную пенсію въ 10.000 руб. его вдовѣ и столько же дочерямъ, и приказалъ выпустить новое полное изданіе его сочиненій на свой счетъ, изъ выручки отъ котораго долженъ составиться капиталъ для дѣтей. Похороны г. Пушкина отличались особенною пышностью, и въ то же время были необычайно трогательны. Присутствовали главы всѣхъ иностранныхъ миссій, за исключеніемъ графа Дёрама и князя Суццо — по болѣзни, барона Геккерена, который не былъ приглашенъ, и г. Либермана, отклонившаго приглашеніе вслѣдствіе того, что ему сказали, что названный писатель подозрѣвался въ либерализмѣ въ юности, бывшей, дѣйствительно, весьма бурною, какъ молодость многихъ геніевъ, подобныхъ ему.

Императоръ пожелалъ выразить свое уваженіе къ покойному, возложивъ на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева и на жандармскаго

капитана сопровождать останки писателя до монастыря, расположеннаго въ его имѣніи въ Псковской губерніи.

Милость Его Величества дошла до того, что онъ разрѣшилъ секунданту покойнаго, полковнику Данзасу, оставаться у постели умирающаго до его смерти, и въ числѣ ближайшихъ друзей поэта нести гробъ съ колесницы въ склепъ, имѣя при себѣ шпагу.

Баронъ Карлъ Лютцероде.

III.

С.-Петербургъ 11 апрѣля—30 марта 1837.

М. Г.

Мнѣ остается еще отмѣтить, что молодой баронъ Геккеренъ-Дантесъ былъ приговоренъ къ лишенію званій офицера и русскаго дворянина, и былъ вывезенъ жандармами за предѣлы Имперіи, съ запрещеніемъ когда-либо возвращаться въ нее. Его супруга вскорѣ послѣдуетъ за нимъ.

Баронъ Карлъ Лютцероде.

Его Превосходительству Г-ну статсъ-секретарю Зешау.

IV.

Тильзитъ, 18 апрѣля 1837.

М. Г.

Оканчивая письмо, я не могу обойти молчаніемъ, что случай столкнулъ меня здѣсь съ барономъ Дантесомъ Геккереномъ, убившимъ на дуэли Пушкина. Онъ былъ вывезенъ за границу какъ простой солдатъ жандармомъ, и здѣсь ожидаетъ свою жену и своего пріемнаго отца, Голландскаго посла, покинувшаго Петербургъ и получившаго отпускъ, съ которыми вмѣстѣ предполагаетъ продолжать свое путешествіе, куда—еще не рѣшено. Все это дѣло принимаетъ иной видъ по тому, что онъ разсказываетъ о поведеніи Пушкина по отношенію къ нему. Онъ съ громаднымъ хладнокровіемъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности, довольно вѣрно переданныя уже газетами.

Вашего Превосходительства покорный слуга Альбинъ Зеебахъ.

10.

Баварскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ въ годъ смерти Пушкина былъ графъ Лерхенфельдъ (Maximilian Reichsgraf von Lerchenfeld-Koefe-

ring; род. въ 1779, умеръ въ 1843 году)[1]. Онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ французскимъ посломъ барономъ Барантомъ. Какъ извѣстно, Ѳ. И. Тютчевъ весьма увлекался баронессой Амаліей Максимиліановной Криденеръ, по 2-му браку графиней Адлербергъ. Эта Криденеръ была незаконной дочерью княжны Турнъ и Таксисъ и графа Максимиліана Лерхенфельда. Въ библіотекѣ А. С. Пушкина оказалась книжка «Gedichte des Königs Ludvig von Bayern» съ надписью «A. Lerchenfeld». Книжка идетъ, конечно, изъ этой семьи Лерхенфельдовъ и можетъ свидѣтельствовать о знакомствѣ Пушкина съ ними [2]).

Графъ Лерхенфельдъ отправилъ цѣлое донесеніе о дуэли и смерти Пушкина и упоминалъ о немъ въ двухъ послѣдовавшихъ рапортахъ.

I.

С.-Петербургъ, 10 февраля 1837.

Ваше Величество!

Россія потеряла самаго замѣчательнаго своего писателя и самаго знаменитаго поэта, Александра Пушкина.

Онъ умеръ 37-ми лѣтъ, въ лучшую пору своей дѣятельности, отъ тяжкой раны, полученной имъ на дуэли.

Подробности этой катастрофы, которую покойный, къ несчастью, самъ навлекъ на себя своимъ ослѣпленіемъ и неистовой ненавистью (свидѣтельствовавшими объ его арабскомъ происхожденіи), являются уже въ теченіе нѣсколькихъ дней единственнымъ предметомъ разговоровъ столицы. Онъ дрался со своимъ собственнымъ зятемъ Жоржемъ Геккереномъ. Послѣдній—пріемный сынъ барона Геккерена, голландскаго посланника, французъ по рожденію, носилъ ранѣе имя Дантеса, былъ кавалергардскимъ офицеромъ и недавно женился на сестрѣ г-жи Пушкиной.

Несмотря на такое близкое родство и безупречность поведенія, которую выказалъ г. Геккеренъ, женясь на этой молодой особѣ, анонимныя письма съ самыми злостными намеками задѣли самолюбіе поэта такъ глубоко, что

---

[1]) О Лерхенфельдѣ: Oettinger, Monuments des Dates... Lpz. 1809—1880; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 575; Neuer Nekrolog der Deutschen, 1843, 2-er Theil, Weimar. 1845, S. 1251; Souvenirs du baron de Barante, t. VI, p. 457; Chronique de Dino, t. II, p. 513; «Русскій Архивъ» 1903, кн. 3, стр. 416.

[2]) Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина. С.-Пб. 1910, стр. 277.

сдѣлали его нечувствительнымъ къ самымъ яснымъ доказательствамъ невинности его жены, а также и къ его собственному убѣжденію, и онъ не находилъ себѣ отдыха до тѣхъ поръ, пока не вызвалъ своего зятя и не принудилъ его къ поединку, положившему конецъ его жизни.

Императоръ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы смягчить послѣднія минуты этого замѣчательнаго человѣка, убѣжденія котораго Его Величество порицалъ, но талантъ почиталъ. Наканунѣ его смерти Государь собственноручно написалъ ему нѣсколько словъ, чтобы успокоить его относительно судьбы его жены и дѣтей и предложить ему употребить тѣ немногіе дни, которые Провидѣніе, казалось, даровало ему, на исполненіе религіозныхъ обязанностей и на приготовленіе къ христіанской смерти.

Императоръ поручилъ еще Жуковскому, прежнему учителю Наслѣдника Цесаревича, другу покойнаго, просмотрѣть его бумаги и сжечь всѣ сочиненія, которыя могли бы скомпрометировать память Пушкина, относясь къ временамъ его юности, когда онъ предавался крайнимъ и революціоннымъ идеямъ.

Для русской литературы смерть Пушкина является существенной потерей. Его называли русскимъ Байрономъ, изъ всѣхъ ея писателей сдѣлавшимъ болѣе всего, чтобы очистить русскій языкъ и сдѣлать его языкомъ поэзіи. Должно отмѣтить также всеобщее возмущеніе и даже склонность къ болѣе сильному, чѣмъ обыкновенно, національному негодованію, которое не ограничивается справедливыми упреками, но устремляется на противника, какъ на иностранца, и требуетъ, чтобы онъ былъ строго наказанъ.

Послѣднее время Пушкину было поручено Императоромъ написать исторію Петра Великаго, и онъ былъ редакторомъ литературнаго журнала «Современникъ».

13 февраля.

Я только-что вернулся съ похоронъ Пушкина, которыя были замѣчательны по стеченію народа всѣхъ классовъ, собравшагося тамъ. Вслѣдъ за родственниками покойнаго, приблизившимися, по греческому ритуалу, къ тѣлу, чтобы проститься передъ тѣмъ, какъ закроютъ гробъ, всѣ друзья и многія другія лица поспѣшили, рыдая, къ катафалку и продлили эту сцену прощанія, какъ послѣднюю почесть таланту, отнятому у его родины.

Его Императорское Величество уже исполнилъ обѣщаніе, данное Пушкину передъ его смертью. Государь далъ пять тысячъ рублей пенсіи вдовѣ и шесть тысячъ на воспитаніе дѣтей, приказалъ списать со счетовъ сумму, за которую была заложена земля покойнаго, заплатить всѣ долги, кото-

рые онъ могъ оставить, и выпустить на казенный счетъ роскошное изданіе сочиненій Пушкина, съ предоставленіемъ дохода отъ продажи его въ пользу вдовы и дѣтей.

Г. Даршіакъ, атташе французскаго посольства, бывшій секундантомъ г. Геккерена, уѣзжаетъ завтра въ Парижъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Величества покорнѣйшій и почтительный слуга и вѣрноподданный

(подписано) Лерхенфельдъ.

II.

Выдержка изъ отчета отъ 5 апрѣля 1837.

Баронъ Геккеренъ получилъ отъ своего Двора разрѣшеніе покинуть С.-Петербургъ, сохранивъ половинный окладъ своего содержанія. Онъ отправится въ путь тотчасъ по пріѣздѣ г. Геверса, возвращающагося сюда въ качествѣ повѣреннаго.

Между тѣмъ разбиралось дѣло его пріемнаго сына. Онъ былъ лишенъ правъ, чиновъ и дворянства, и разжалованъ въ простые солдаты. Но въ то же время Императоръ сдѣлалъ этотъ приговоръ менѣе чувствительнымъ для г. Геккерена, приказавъ, чтобы онъ тотчасъ былъ высланъ изъ Имперіи, и вывезенъ на границу. Итакъ, въ тотъ самый день, когда приговоръ былъ опубликованъ въ приказѣ, къ г. Геккерену явился фельдъегерь, усадилъ его въ открытыя сани и вывезъ его на границу.

III.

Выдержка изъ отчета отъ 15 апрѣля 1837.

Голландскій посолъ г. Геккеренъ выѣхалъ третьяго дня, получивъ оскорбленіе въ видѣ отказа въ прощальной аудіенціи у Ихъ Императорскихъ Величествъ, и получивъ теперь же прощальную табакерку, несмотря на то, что онъ не представилъ отзывныхъ грамотъ и формально заявилъ графу Нессельроде, что Его Величество король Голландіи не отозвалъ его, а только разрѣшилъ ему отпускъ на неопредѣленное время.

По этой причинѣ присылка табакерки, вмѣстѣ съ отказомъ въ обычной ауденціи, явились настоящимъ ударомъ для г. Геккерена, вызваннымъ, повидимому, какою-нибудь особою причиною, что Императоръ, по всей вѣроятности, и объяснитъ королю Голландіи.

11.

Германскій департаментъ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ нашему послу выписки изъ донесеній бывшаго въ 1837 году при Русскомъ дворѣ г-на Либермана, относящихся до дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

Донесенія г-на Либермана самыя характерныя въ ряду дипломатическихъ свидѣтельствъ о дѣлѣ Пушкина. Имъ нельзя отказать въ освѣдомленности, иногда довольно детальной, повидимому, съ голоса старшаго Геккерена, но они проникнуты духомъ крайней нетерпимости къ Пушкину. Не понимая, а вѣроятнѣе не будучи въ состояніи понять значеніе поэта, Либерманъ, вѣрный идеаламъ космополитической реакціи, окрашивавшимъ тогдашній политическій горизонтъ, видитъ въ Пушкинѣ опаснаго революціонера, вождя третьяго сословія и т. д., а въ сочувственныхъ его памяти демонстраціяхъ усматриваетъ попытки мятежническія и бунтовщическія. Саксонскій посолъ баронъ Лютцероде, отмѣтивъ въ своемъ сообщеніи отсутствіе на похоронахъ Пушкина г-на Либермана, объясняетъ это отсутствіе весьма характерно для г-на Либермана: «онъ отказался присутствовать, такъ какъ ему сказали, что Пушкинъ въ молодости былъ заподозрѣнъ въ либерализмѣ».

Намъ не удалось встрѣтить обстоятельной хаактеристики г. Либермана. Онъ былъ посломъ въ Мадридѣ, затѣмъ съ ноября 1835 по іюнь 1845 года въ С.-Петербургѣ и наконецъ въ Парижѣ, гдѣ онъ и умеръ 15 мая 1847 г. [1]).

Либерманъ писалъ о дѣлѣ Пушкина въ депешахъ 30 января (11 февраля), 2 (14) февраля, 24 февраля (8 марта), 16 (28) марта, 20 марта (1 апрѣля), 14 (26) апрѣля.

Впервые депеши Либермана были использованы въ нашихъ статьяхъ о дуэли Пушкина («Историч. Вѣстн». 1905 и въ книгѣ «Пушкинъ», С.-Пб. 1913). Въ послѣднее время онѣ появились въ «Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte», hrsg. v. Theodor Schiemann etc. Band III, Heft 2. 1913, S. 227—233: «Ein preussischer Bericht über Puskins Tod. Mitgeteilt v. Th. Shiemann». Сообщеніе Т. Шимана использовано въ «Истор. Вѣст.» 1913, кн. 2, стр. 699—700: «Прусское донесеніе о смерти Пушкина».

---

[1]) См. Oettinger. Monuments des Dates... Lpz. 1809—1880; Neuer Nekrolog der Deutschen, Weimar. 1849, S. 921; Souvenirs du Baron de Barante, Paris, t. V et VI; Dino. Chronique, t. II, III. Объ его отставкѣ у Varnhagen von Ense, Tagebücher, B. III, S. 73.

I.

С.-Петербургъ, 11 февраля—30 января 1837.

Давно уже ни одно событіе не производило столь общей сенсаціи, и не заполняло столь исключительно всѣхъ бесѣдъ въ салонахъ столицы, какъ та дуэль, которая произошла на-дняхъ, и кровавую развязку которой я не смогу обойти полнымъ молчаніемъ, съ одной стороны потому, что дѣло касается смерти человѣка, громкая литературная слава котораго была распространена не только въ Россіи, но начинала дѣлаться до извѣстной степени европейскою, а съ другой стороны потому, что въ этомъ злополучномъ дѣлѣ замѣшаны, по крайней мѣрѣ косвенно, нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса.

Статскій совѣтникъ А. Мусинъ-Пушкинъ (sic!), по общему признанію, занимавшій первое мѣсто среди современныхъ русскихъ поэтовъ и пользовавшійся огромною популярностью, хотя, какъ человѣкъ, онъ былъ характера грубаго, насмѣшливаго и задирающаго (d'un caractère violent, satyrique et offensif), былъ женатъ уже нѣсколько лѣтъ на молодой женщинѣ замѣчательной красоты; она, находясь въ родствѣ со многими знатными семействами этой столицы (она—рожденная Гончарова и внучка графа Строганова), являлась однимъ изъ главныхъ украшеній баловъ высшаго общества.

Превозносимая свѣтомъ, m-me Пушкина была также предметомъ очень пылкаго обожанія со стороны одного молодого человѣка, француза по происхожденію, который состоитъ на русской службѣ, какъ офицеръ Кавалергардскаго полка. Его имя—Дантесъ, но, будучи усыновленъ въ прошломъ году нидерландскимъ министромъ, носитъ теперь фамилію барона Геккерена. Кажется, эти ухаживанія съ нѣкоторыхъ поръ вызывали безпокойство въ г. Пушкинѣ, у котораго была крайне некрасивая фигура, и ревность котораго вошла въ пословицу,—и вся его африканская ярость (потому что онъ былъ внукомъ негра, привезеннаго въ Россію) разразилась противъ этого офицера изъ-за какихъ-то анонимныхъ писемъ, которыя были адресованы ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ, и заключали что-то въ родѣ патента на званіе обманутаго мужа и т. д... Не входя ни въ какія предварительныя объясненія, Пушкинъ отправилъ молодому Геккерену вызовъ, написанный въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Они сдѣлали бы дуэль неизбѣжной, если бы письмо пришло прямо по назначенію; но случайно оно попало въ руки пріемнаго отца, который, не скрывъ отъ сына

факта вызова, не сообщилъ ему всего содержанія обиднаго письма. Такъ какъ молодой человѣкъ, заявляя, что онъ готовъ драться съ Пушкинымъ, если послѣдній можетъ считать себя обиженнымъ имъ, въ то же время самымъ торжественнымъ образомъ заявилъ своему отцу, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго посягательства на честь вызвавшаго и что жена его совершенно невинна, то нидерландскій министръ сдѣлалъ нѣсколько примирительныхъ попытокъ передъ родственниками и друзьями семьи Пушкиныхъ, въ результатѣ которыхъ убѣдилъ въ истинѣ Пушкина, который къ тому же съ самаго начала всегда заявлялъ, что онъ совершенно убѣжденъ въ невинности жены. Вызовъ Пушкинымъ былъ формально взятъ обратно, и его честь, какъ и честь жены его, были въ безопасности отъ всякихъ нападокъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ-концовъ, чтобы положить конецъ поднявшемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-me Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, пріемный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ. Графиня Нессельроде и графъ Строгановъ присутствовали на бракосочетаніи, которое совершилось около двухъ недѣль тому назадъ. Г-жа Пушкина, какъ прежде, появлялась на всѣхъ балахъ, окруженная, какъ всегда, поклонниками, и никто не могъ тогда подумать, что это дѣло такъ трагически кончится. Узналъ ли Пушкинъ какія-нибудь новыя скверныя шутки на свой счетъ, или по какому-либо другому мотиву, но въ прошлый понедѣльникъ онъ отправилъ нидерландскому министру новое письмо, которое заключало въ себѣ самыя грубыя оскорбленія не только молодого барона Геккерена, но и его пріемнаго отца. Все содержаніе этого письма полно такого бѣшенства, такой гнусности, какую трудно себѣ вообразить. Констатировавъ авторство этого невѣроятнаго посланія, молодой баронъ не могъ колебаться въ рѣшеніи принять вызовъ, и его пріемный отецъ отвѣтилъ Пушкину, напоминая ему, что первый вызовъ, сдѣланный имъ сыну, онъ взялъ обратно самъ, и предупреждая его, что относительно оскорбленій, направленныхъ лично противъ него, нидерландскаго посла, онъ съумѣетъ принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы наказать подобную дерзость, хотя такого рода брань и не можетъ посягать на его достоинство.

Дуэль между г. Пушкинымъ и молодымъ барономъ Геккереномъ состоялась днемъ, въ прошлую среду, подъ С.-Петербургомъ, на островахъ,— на пистолетахъ и съ барьеромъ. Оба противника сходились одновременно и весьма быстро дошли до барьера; г. Геккеренъ, увидя, что ему цѣлятъ въ сердце, выстрѣлилъ первымъ, и г. Пушкинъ тотчасъ упалъ, такъ какъ пуля,

пройдя со стороны праваго бедра, поразила его въ нижнюю часть живота. Когда секунданты и г. Геккеренъ подбѣжали къ нему, чтобы его поднять, онъ сказалъ Геккерену, чтобы тотъ вернулся къ барьеру, такъ какъ онъ намѣренъ стрѣлять въ него. На это согласились; онъ приказалъ подать себѣ другой пистолетъ, такъ какъ тотъ, который онъ держалъ, упалъ въ снѣгъ, цѣлился въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, наконецъ выстрѣлилъ и попалъ въ противника, который стоялъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, но который тѣмъ не менѣе раненъ неопасно, въ виду того, что пуля пронзила правую руку въ мясистой части, не раздробивъ кости, и ударилась затѣмъ о пуговицу мундира, такъ что не проникла въ тѣло, а лишь слегка контузила нижнюю часть груди.

Рана г. Пушкина была тотчасъ же признана смертельною; но только вчера послѣ полудня онъ скончался, оставивъ жену въ состояніи, не поддающемся описанію, и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, безъ всякихъ средствъ.

Его Императорское Величество и въ этомъ случаѣ проявилъ великодушіе самымъ высокимъ и достойнымъ глубочайшаго восхищенія образомъ. Хотя у Императора немало было поводовъ быть недовольнымъ г. Пушкинымъ, отличавшимся крайне либеральными убѣжденіями, любившимъ фрондировать и преслѣдовавшимъ сатирами и иными оскорбительными нападками многихъ высшихъ сановниковъ Имперіи, Его Величество, тѣмъ не менѣе, соблаговолилъ написать ему, вскорѣ послѣ дуэли и узнавъ, что спасти его было невозможно, собтвенноручное письмо, обѣщая ему позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ, но въ то же время приглашая его умереть христіаниномъ, прибѣгнувъ къ утѣшеніямъ и къ помощи религіи, отъ которой онъ до тѣхъ поръ отказывался, несмотря на близость и неизбѣжность смерти. Вслѣдствіе того же великодушнаго порыва Его Величество счелъ своимъ долгомъ поручить г. Жуковскому, близкому другу г. Пушкина, собрать всѣ бумаги покойнаго (среди которыхъ находились и нѣкоторые документы, порученные ему въ качествѣ исторіографа) и присоединить къ этому порученію разрѣшеніе уничтожить всѣ бумаги, которыя могли бы оказаться компрометирующими для покойнаго.

Поведеніе молодого барона Геккерена, оставшагося у его пріемнаго отца, отдано на рѣшеніе военнаго суда, созваннаго третьяго дня, и многіе надѣются, что, не взирая на строгость закона, Его Императорское Величество соблаговолитъ принять во вниманіе обстоятельства, которыя говорятъ въ его пользу, и по поводу которыхъ Его Величеству были сдѣланы самыя подробныя сообщенія.

Секундантомъ г. Пушкина былъ полковникъ корпуса путей сообщенія.

по фамилии Данзасъ, который арестованъ, а у г. Геккерена секундантомъ былъ атташе Французскаго посольства виконтъ д'Аршіакъ, который, не будучи въ состояніи оставаться здѣсь послѣ столь прискорбнаго событія, отправляется на-дняхъ курьеромъ въ Парижъ.

С.-Петербургъ.

II.

С.-Петербургъ, 2—14 февраля 1837.

Виконтъ д'Аршіакъ, бывшій секундантомъ лейтенанта барона Геккерена въ дуэли, въ которой былъ убитъ знаменитый русскій поэтъ Александръ Пушкинъ, ѣдетъ сегодня курьеромъ въ Парижъ и проѣздомъ будетъ въ Берлинѣ, до котораго онъ доѣдетъ въ обществѣ англійскаго курьера, отправляемаго лордомъ Дёрамомъ.

Военный судъ, учрежденный надъ барономъ Геккереномъ, еще не вынесъ приговора, и еще менѣе извѣстно, каково будетъ то наказаніе, какое императоръ признаетъ справедливымъ наложить на молодого офицера. Правда, его величество высказался вначалѣ довольно благопріятно на его счетъ, признавая, что онъ совершенно не могъ отказаться отъ вызова своего бѣшенаго противника, и что во время дуэли, которая, по всегдашнимъ заявленіямъ Пушкина, должна быть во всякомъ случаѣ смертельнымъ поединкомъ, поведеніе его было и честно и смѣло. Но между тѣмъ начинають думать, что императоръ не пожелаетъ, а, быть можетъ, не сможетъ всецѣло слѣдовать своимъ первымъ впечатлѣніямъ, но подвергнетъ барона Геккерена, по меньшей мѣрѣ, на нѣкоторое время достаточно суровому наказанію, хотя бы для того, чтобы успокоить раздраженіе и крики о возмездіи или, если угодно, горячую жажду публичнаго обвиненія, которую вызвало печальное происшествіе. Это чувство проявилось въ низшихъ слояхъ населенія столицы съ гораздо большей силою, чѣмъ въ рядахъ высшаго общества, потому что, съ одной стороны, въ послѣднихъ лучше знаютъ истинный ходъ и сущность дѣла, а съ другой стороны, понятно, Пушкинъ былъ болѣе популяренъ и встрѣчалъ большее поклоненіе у русскихъ низшихъ слоевъ, которые совсѣмъ не знаютъ иностранныхъ литературъ и, не имѣя вслѣдствіе этого критерія для справедливаго сравненія, создавали преувеличенную оцѣнку его литературныхъ заслугъ. Смерть Пушкина представляется здѣсь, какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе. Національное самолюбіе возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта,—иноземнаго происхожденія. Громко

кричатъ о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человѣка, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ. Эти чувства проявились уже во время похоронныхъ церемоній по греческому ритуалу, которыя имѣли мѣсто сначала въ квартирѣ покойнаго, а потомъ на торжественномъ богослуженіи, которое было совершено съ величайшей торжественностью въ придворной Конюшенной церкви, на которомъ почли долгомъ присутствовать многіе члены дипломатическаго корпуса. Думаютъ, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ перебывало до 50.000 лицъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили о разрѣшеніи нести останки умершаго. Шелъ даже вопросъ о томъ, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу; наконецъ, демонстраціи и оваціи, вызванныя смертью человѣка, который былъ извѣстенъ за величайшаго атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушенія общественнаго порядка, приказала внезапно перемѣнить мѣсто, гдѣ должны были состояться торжественныя похороны, и перенести тѣло въ церковь ночью.

Эти необычныя изъявленія скорби изображаются, разумѣется, друзьями и покровителями г. Пушкина, какъ дань уваженія, безусловно должная высотѣ его таланта, и какъ поразительное и блестящее доказательство тѣхъ успѣховъ, которые любовь къ поэзіи и къ литературѣ за послѣднее время сдѣлали въ Россіи. Но я не считаю нужнымъ скрывать, что существуетъ, къ сожалѣнію, немало причинъ полагать, что большая часть оващій, вызванныхъ смертью Пушкина, могутъ и должны быть отнесены насчетъ той популярности, которую покойный пріобрѣлъ у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и въ нѣкоторыхъ кругахъ, благодаря идеямъ новѣйшаго либерализма, которыя ему нравилось исповѣдывать, и которыя впослѣдствіи побудили его сочинять постыдные стихи по адресу покойнаго Императора Александра и вступить въ еще болѣе преступные политическіе происки. Ибо я знаю положительно, что подъ предлогомъ пылкаго потріотизма въ послѣдніе дни въ С.-Петербургѣ произносятся самыя странныя рѣчи, утверждающія между прочимъ, что г. Пушкинъ былъ чуть не единственною опорой, единственнымъ представителемъ народной вольности, и проч. и проч., и меня увѣряли, что офицеръ, одѣтый въ военную форму, произносилъ рѣчь въ этомъ смыслѣ, посреди толпы людей, собравшихся вокругъ тѣла покойнаго въ домѣ, гдѣ онъ скончался.

III.

С.-Петербургъ, 8 марта—24 февраля 1837.

Лейтенантъ баронъ Геккеренъ, почти оправившійся отъ раны, полученной имъ во время дуэли съ г. Пушкинымъ, и уже съ недѣлю находящійся въ заключеніи при гауптвахтѣ, въ прошлую пятницу былъ приговоренъ военнымъ судомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ офицеровъ Конногвардейскаго полка, подъ предсѣдательствомъ адьютанта Его Величества полковника Бреверна, къ смертной казни черезъ повѣшеніе, согласно старымъ военнымъ законамъ; но, по установившимся обычаямъ и правиламъ, этотъ приговоръ, неизбѣжный по формѣ, хотя и неисполнимый,—до того момента, когда онъ будетъ представленъ Его Императорскому Величеству, долженъ быть сообщенъ сначала командиру полка, въ которомъ служилъ совершившій преступленіе, затѣмъ командиру бригады или дивизіи, затѣмъ командующему Императорской Гвардіей, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ высшихъ офицерскихъ чиновъ могъ прибавить къ нему свое мотивированное мнѣніе; выполненіе этихъ формальностей влечетъ за собою обычно отсрочку въ нѣсколько дней, такъ что до сихъ поръ никто еще не знаетъ, какова въ окончательномъ счетѣ будетъ участь барона Геккерена, но предполагаютъ, что еслибы его и должно было приговорить къ болѣе суровому наказанію, чтобы успокоить народное раздраженіе, вызванное смертью г. Пушкина, тѣмъ не менѣе, онъ отъ него вскорѣ будетъ избавленъ, съ тѣмъ, чтобы быть уволену со службы и выслану изъ Россіи.

IV.

С.-Петербургъ, 16—28 марта 1837.

С.-Петербургская газета заявляетъ сегодня, что журналъ «Современникъ», основанный покойнымъ Пушкинымъ, будетъ продолжаться въ пользу семьи поэта, подъ руководствомъ г. Жуковскаго, князя П. А. Вяземскаго, князя В. Ф. Одоевскаго и еще двухъ русскихъ литераторовъ, Плетнёва и Краевскаго.

V.

С.-Петербургъ, 20 марта—1 апрѣля 1837.

Участь лейтенанта барона Дантеса-Геккерена, имѣвшаго несчастіе убить на дуэли поэта Пушкина, наконецъ рѣшилась. Первый приговоръ военнаго суда, въ силу котораго этотъ офицеръ былъ приговоренъ, согласно

стариннымъ военнымъ законамъ (равнымъ образомъ какъ и секундантъ г. Пушкина, и какъ самъ покойный), къ повѣшенію за ноги,—былъ смягченъ, и наказаніе, къ которому онъ приговоренъ, было замѣнено разжалованіемъ; но такъ какъ баронъ Геккеренъ иностраннаго происхожденія, то онъ одновременно приговоренъ къ высылкѣ изъ Имперіи, вмѣсто того чтобы служить простымъ солдатомъ въ Кавказской арміи, гдѣ онъ могъ бы получить обратно свои военные чины. Это рѣшеніе Его Императорскаго Величества было сообщено вчера утромъ г. Геккерену, и было приведено въ исполненіе безъ малѣйшей отсрочки, такъ что нѣсколько часовъ спустя, не давъ ему разрѣшенія проститься ни съ пріемнымъ отцомъ, ни съ женою, его вывезли отсюда, въ сопровожденіи жандармскаго офицера, на прусскую границу.

VI.

С.-Петербургъ, 14—26 апрѣля 1837.

Я позволяю себѣ приложить при семъ копію статьи, которую напечатала сегодня С.-Петербургская газета и которая заключаетъ въ себѣ кое-какія подробности по поводу приговора, вынесеннаго противъ барона Геккерена, вслѣдствіе его дуэли съ г. Пушкинымъ [1]).

---

[1]) Самой копіи не приводимъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Иностранныя газеты 1837 года о смерти Пушкина.

(«Journal des Débats» и «The Morning Chronicle»).

Дуэль и смерть Пушкина не нашли сколько-нибудь значительнаго отклика въ русскихъ газетахъ и журналахъ того времени. Статьи о Пушкинѣ, появившіяся въ 1837 г. въ русскихъ газетахъ, надо считать на строки, а журнальныя статьи во всей совокупности заняли нѣсколько десятковъ страницъ. Вотъ и вся «литература». Нельзя было писать не только о фактическихъ обстоятельствахъ кончины Пушкина, но и объ историко-литературномъ значеніи его дѣятельности. Но за-границей исторія дуэли и смерти Пушкина обошла столбцы всѣхъ мало-мальски крупныхъ органовъ. Западная пресса интересовалась дѣломъ Пушкина, главнымъ образомъ, въ виду его сенсаціонности. Пушкина, какъ поэта, на Западѣ знали плохо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было сдѣлано М. А. Веневитиновымъ обозрѣніе нѣмецкихъ статей 1837 г. о Пушкинѣ [1]). Число ихъ оказалось почтеннымъ, а фактическія свѣдѣнія нѣмецкихъ авторовъ при всей диковинности нѣкоторыхъ ихъ сообщеній представляютъ большой интересъ.

Писали много о Пушкинѣ и во французскихъ и англійскихъ газетахъ, и, кажется, французскія и англійскія статьи были обильнѣе нѣмецкихъ подробностями и обстоятельнѣе; по крайней мѣрѣ, нѣмецкіе некрологисты дѣлаютъ не мало ссылокъ на французскія и англійскія газеты. Къ сожалѣнію, еще не сдѣлано никакого обзора находящихся въ нихъ статей о дѣлѣ Пушкина,—не только обзора, но и простого перечня. Въ ожиданіи та-

[1]) «Русск. Стар.» 1900 и отд. отт.: М. Веневитиновъ, Некрологи Пушкина въ нѣмецкихъ газетахъ 1837 года. С.-Пб. 1900.

кого разслѣдованія не лишнее будетъ, въ добавленіе къ извѣстіямъ иностранцевъ-дипломатовъ о дуэли и смерти Пушкина, привести статьи о томъ же двухъ вліятельныхъ и распространенныхъ газетъ— французской «Journal des Débats» и англійской «The Morning Chronicle».

1.

Сообщенія «Journal des Débats» пріобрѣтаютъ особый интересъ, такъ какъ одна изъ посвященныхъ дѣлу Пушкина статей или, вѣрнѣе, цѣлый фельетонъ принадлежитъ перу Леве-Веймара, который лично зналъ Пушкина.

Въ «Journal des Débats» за первые мѣсяцы 1837 г. находимъ четыре статьи, касающихся если не цѣликомъ, то въ значительной части исторіи Пушкина. Первое извѣстіе о смерти Пушкина находится въ номерѣ отъ 28 февраля (н. ст.), въ корреспонденціи изъ Петербурга отъ 12 февраля.

On écrit de Saint-Pétersbourg, en date du 12 février: «Un événement des plus tragiques vient de répandre la consternation dans la société de cette capitale. Le célèbre M. Pouschkin, homme de lettres et le poète le plus distingué de la Russie, a éte tué en duel par son beau-frère, M. d'Anthès, officier français au service russe et fils adoptif d'un ministre étranger accrédité auprès de cette cour. Des discussions de famille, d'abord assoupies, et que la malignité s'est empressée de rallumer et d'envenimer, ont amené M. Pouschkin à provoquer M. d'Anthès. Le duel a eu lieu au pistolet. M. Pouschkin, frappé mortellement d'une balle qui lui a traversé la poitrine, a néanmoins survécu deux jours. Son adversaire a aussi été grièvement blessé.

«On parle beaucoup d'un bal que vient de donner ici M. le baron de Barante etc». Дальше идетъ описаніе этого бала, занимающее немного больше мѣста, чѣмъ замѣтка о смерти Пушкина. Вотъ и все, что на первый разъ было сообщено о дѣлѣ Пушкина. Невѣрно сообщеніе только о тяжелой ранѣ Дантеса, котрый былъ только контуженъ.

Въ номерѣ отъ 3 марта находимъ извѣстный фельетонъ Леве-Веймара, содержащій характеристику личности и значенія Пушкина. Въ номерѣ отъ 4 марта находимъ слѣдующія сообщенія.

«Le Morning Chronicle rend aussi compte des motifs du duel qui a lieu à S.-P. entre M. d'Anthès et le célèbre poète russe Pouschkine:

«M. d'Anthès, jeune français, récemment adopté par le baron de Heeckeren, ministre de Hollande à la cour de la Russie, avait épousé la soeur de M-me Pouschkine. Mais bientôt ses regards et son amour s'étaient portés

sur M-me Pouschkine elle-même. Le mari outragé provoqua son beau-frère, et fut tué dans ce fatal duel qui a beaucoup affligé l'Empereur».

«Une autre journal annonce que l'Empereur a donné ordre de traduire devant un conseil de guerre le baron d'Anthès, qui, après avoir quitté le service de France à la révolution de Juillet, avait obtenu un grade assez élevé dans la garde impériale russe».

Въ номерѣ отъ 5 марта въ отдѣлѣ «Confédération germanique» читаемъ слѣдующее извѣстіе изъ нѣмецкаго источника:

«On mande de S.-P.: «Avant de mourir, Pouschkine a fait recommander à l'Emp. Nikolas sa femme, dont il disait avoir reconnu l'innocence, et ses enfants qu'il laissait sans fortune. Pour toute réponse, l'Emp. lui a envoyé son confesseur, qui lui demanda s'il voulait en mourant persister dans les sentiments d'athéisme qu'il avait professés toute sa vie. Pouschkine ayant déclaré qu'il se repentait et qu'il abjurait son matérialisme, on a pu lui apprendre avant sa mort, que l'Emp. accordait une pension de dix mille roubles à sa veuve, et que ses enfants seraient tous placés dans des établissements de l'Etat».

Эта замѣтка остра и ядовита. Невѣрно то, что Николай Павловичъ послалъ духовника, но вѣрно то, что онъ предложилъ Пушкину умереть похристіански. Хотя друзья Пушкина и стараются завѣрить, что Пушкинъ приступилъ къ исполненію христіанскаго долга по собственной инициативѣ, есть не мало основаній полагать, что этотъ поступокъ совершенъ имъ именно подъ вліяніемъ воли государя.

Фельетонъ въ «Journal des Débats» отъ 3 марта подписанъ инициалами L.-V., обозначающими Loeve-Veimars. Франсуа-Адольфъ Леве-Веймаръ или, какъ въ шутку называли его русскіе пріятели, Левъ-Веймарскій—литераторъ, историкъ и дипломатъ (род. въ 1801 г., ум. въ 1854 г.). Онъ вышелъ изъ еврейско-нѣмецкой семьи, покинувшей въ 1814 году Францію и переселившейся въ Гамбургъ. Леве-Веймаръ принялъ христіанство и вернулся опять во Францію. Здѣсь онъ сыгралъ большую, еще не оцѣненную роль во французской литературѣ своими статьями о нѣмецкой литературѣ и своими переводами нѣмецкихъ романтиковъ. Позднѣе онъ получилъ отъ Луи-Филиппа титулъ барона. Занимаясь журналистикой, онъ оказывалъ услуги французскому министерству иностранныхъ дѣлъ, а на склонѣ своей жизни перешелъ на дипломатическую службу: онъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Багдадѣ (1841—48), въ Каракасѣ и уполномоченнымъ въ дѣлахъ въ Венецуэллѣ. О немъ есть любопытная статья Генриха Гейне, воздающая сочувственную дань его памяти [1]).

[1]) Heines Sämtliche Werke. Tempel-Verlag, IX-er Band, S. 193-198.

Въ 1836 году Леве-Веймаръ побывалъ въ Россіи и завязалъ здѣсь разнообразныя связи съ русскимъ обществомъ. О немъ писалъ 30 іюня 1836 года Тьеръ барону Баранту, французскому послу: «У васъ въ Петербургѣ г-нъ Леве-Веймаръ. Знайте, что ему не дано никакого порученія; не проговоритесь и устройте, чтобъ о томъ не писали въ Парижѣ. Дѣло его предпринять что-либо въ политической литературѣ. Это сотрудникъ (нашего министерства) очень умный, очень способный, и полезно держать его на лучшемъ пути. Прошу васъ хорошо съ нимъ обращаться и выразить, что вамъ о томъ писали отсюда, но въ сношеніяхъ съ нимъ будьте весьма осмотрительны. Мы посылаемъ ему орденъ, и вы отдадите ему грамоту на него»[1]. Въ это пребываніе въ Россіи Леве-Веймаръ даже женился на русской—Ольгѣ Викентьевнѣ Голынской. Леве-Веймаръ завелъ много знакомствъ въ литературномъ мірѣ Петербурга и Москвы и вошелъ въ пріятельскія отношенія съ княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ, Пушкинымъ[2]. Пушкинъ для него перевелъ на французскій языкъ русскія народныя пѣсни. Въ письмѣ, приложенномъ къ автографу Пушкина, Леве-Веймаръ сообщаетъ, что этотъ трудъ былъ сдѣланъ только для него одного за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, на дачѣ на Каменномъ островѣ.

Фельетонъ Леве-Веймара обратилъ вниманіе друзей Пушкина и понравился имъ. Князь В. Ф. Одоевскій писалъ 14 мая 1837 года М. С. Волкову: «Вы знаете уже ужасное происшествіе съ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ. Въ «Journal des Débats» была написана довольно справедливая статья».[3]. А князь Вяземскій, жалуясь въ письмѣ къ А. О. Смирновой на запретъ русскимъ писать о Пушкинѣ, пишетъ: «Съ Пушкинымъ точно то, что съ Пугачевымъ, котораго память велѣно было предать забвенію. Статья въ «Журналѣ Дебатовъ» Леве-Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ, а клеветы пропускаются»[4].

Вотъ этотъ фельетонъ Леве-Веймара:

Пушкинъ.

Россія потеряла своего, по истинѣ, самаго знаменитаго писателя—Пушкина, который погибъ на дуэли съ барономъ Дантесомъ, его свойкомъ,

[1]) Baron de Barante. Souvenirs, V, 427. См. здѣсь же еще стр. 375. Не лишенныя интереса свѣдѣнія о пребываніи Леве-Веймара въ Россіи см. еще у Duchesse de Dino. Chronique de 1831 à 1872, i. II, p. 83, 92.

[2]) См. Остафьевскій Архивъ, т. III, по указателю, и замѣтки въ дневникѣ И. М. Снегирева—«Р. А.» 1902, III.

[3]) «Русск. Стар.», т. XXVIII, 1880, авг., стр. 804.

[4]) «Руссск. Арх.», 1888, II, 303.

Это несчастное событіе взволновало все общество Петербурга, гдѣ Пушкинъ имѣлъ много искреннихъ почитателей и нѣсколькихъ благородныхъ и истинныхъ друзей. Клеветы и анонимныя письма, которыя погубили столько людей съ благороднымъ сердцемъ до Пушкина и которыя будутъ ихъ убивать и послѣ него, были причиной его смерти въ тотъ моментъ, когда онъ готовился къ большому труду—къ исторіи Петра Великаго. Предадимъ забвенію и не станемъ говорить (объ этомъ самъ онъ просилъ умирая) о причинахъ, вызвавшихъ событіе, прервавшее его жизнь, такъ какъ онъ считалъ себя оскорбленнымъ и самъ началъ нападеніе, и скажемъ только нѣсколько словъ о его столь высокомъ умѣ, о его личности и характерѣ.

Пушкинъ родился въ маѣ 1799 года. Пятеро изъ его предковъ подписали актъ восшествія на престолъ Романовыхъ. Мать была внучка арабскаго принца, подареннаго Петру Великому, и Пушкинъ носилъ еще слѣды своего происхожденія. Отецъ молодого Аннибала тщетно предлагалъ Петру Великому большой выкупъ за своего сына; Императоръ, уже полюбившій ребенка, сдѣлалъ его своимъ наперсникомъ, и Аннибалъ Пушкинъ умеръ въ должности начальника артиллеріи. А. Пушкинъ воспитывался въ Лицеѣ, въ Петербургѣ, откуда онъ вышелъ въ 1817 г.; онъ былъ воодушевленъ въ это время молодымъ и горячимъ стремленіемъ къ служенію либерализму, находившему въ то время покровительство у самого императора Александра. Талантъ поставилъ Пушкина во главѣ партіи, избравшей его своимъ орудіемъ. Первые его стихи были откровенно революціонными и подъ его именемъ ходили всѣ анонимныя сатиры и пѣсни, направленныя противъ правительства. Императоръ Александръ хотѣлъ помѣшать ему сдѣлаться болѣе преступнымъ и избавить его отъ несправедливыхъ обвиненій, предметомъ которыхъ онъ былъ, и причислилъ его къ бессарабскому намѣстничеству. Въ Бессарабіи Пушкинъ написалъ прекрасныя поэтическія произведенія. Въ своихъ стихахъ онъ описывалъ всегда только тѣ мѣста, гдѣ онъ былъ. Въ его отсутствіе друзья напечатали поэму его «Русланъ и Людмила», съ сюжетомъ изъ временъ двора Владиміра, былинной эпохи Россіи (въ родѣ «Чаши Грааля» и Круглаго стола—изъ временъ трубадуровъ). Его служба въ Бессарабіи продолжалась не долго. Онъ совершилъ путешествіе по Кавказу и былъ прикомандированъ къ новороссійскому генералъ-губернатору графу Воронцову. Бессарабія вдохновила его на прелестную поэму «Цыгане», въ которой онъ рисуетъ съ безконечнымъ очарованіемъ прелесть нравовъ этого кочующаго народа и его отвращеніе къ жестокостямъ. Во время путешествія, подъ вліяніемъ стиховъ Байрона, произведенія котораго онъ возилъ за своимъ сѣдломъ, онъ написалъ прелестную поэму въ

двухъ пѣсняхъ: «Кавказскій плѣнникъ», въ которой онъ описываетъ эту интересную страну, и «Бахчисарайскій фонтанъ». Съ тѣхъ поръ слава его имени упрочилась и прогремѣла по всей Россіи.

Новые доносы возстановили противъ него императора Александра, который сослалъ его въ небольшое, принадлежавшее ему имѣніе. Пушкинъ прожилъ тамъ два года, употребивъ ихъ на серьезные труды по исторіи Россіи, которую онъ изучилъ основательно. Его бесѣда на историческія темы доставляла удовольствіе слушателямъ; объ исторіи онъ говорилъ прекраснымъ языкомъ поэта, какъ будто самъ жилъ въ такомъ же близкомъ общеніи со всѣми этими старыми царями, въ какомъ жилъ съ Петромъ Великимъ его предокъ Аннибалъ—любимецъ негръ. Тамъ, въ тиши и уединеніи русской деревни, онъ сочинилъ еще множество мелкихъ стихотвореній, которыя русскія женщины такъ же хорошо знаютъ наизусть и декламируютъ, какъ въ Германіи молодыя дѣвушки стихи Шиллера. Опала его принесла въ даръ поэзіи еще шесть первыхъ пѣсенъ «Онѣгина», въ которыхъ Пушкинъ уже освобождается отъ вліянія лорда Байрона, и его лучшее произведеніе «Борисъ Годуновъ». Этими произведеніями Пушкинъ создалъ русскій языкъ, которымъ пишутъ и говорятъ теперь, и заслужилъ всѣ почести, которыя мы воздавали Малербу.

Пушкину были оказаны всѣ эти почести вскорѣ по прибытіи его въ Москву. Императоръ вернулъ его изъ имѣнія, гдѣ онъ все время жилъ въ уединеніи, но не въ безвѣстности, и обратился къ Пушкину въ своемъ кабинетѣ съ горячей и живой рѣчью, свойственной ему, которая проникла въ сердце поэта. Кажется, искренняя, простая, полная благороднаго чувства, рѣчь Пушкина понравилась Государю, такъ какъ всѣ предубѣжденія противъ него исчезли. Съ тѣхъ поръ его талантъ, оригинальность рѣчи, исключительныя особенности его жизни, его поэзія привлекли къ нему общее вниманіе. Онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи волонтеромъ, въ свитѣ фельдмаршала Паскевича, путешествовалъ по внутренней Россіи, изучалъ нравы, памятники, разыскивая предметы, любопытные для его вниманія: то старыя пѣсни, то слѣды знаменитаго Пугачева, исторію котораго онъ тщательно описалъ. Затѣмъ влеченія его мѣняются, онъ женится. Счастье его было велико и достойно зависти, онъ показывалъ друзьямъ съ ревностью и въ то же время съ нѣжностью свою молодую жену, которую гордо называлъ «своей прекрасной смуглой Мадонной». Въ своемъ веселомъ жилищѣ съ молодой семьей и книгами, окруженный всѣмъ, что онъ любилъ , онъ всякую осень приводилъ въ исполненіе замыслы всего года и перелагалъ въ прекрасные стихи свои планы, намѣченные въ шумѣ

петербургскихъ гостиныхъ, куда онъ приходилъ мечтать среди толпы. Счастье, всеобщее признаніе сдѣлали его, безъ сомнѣнія, благоразумнымъ. Его талантъ болѣе зрѣлый, болѣе серьезный не носилъ уже характера протеста, который стоилъ ему столькихъ немилостей во времена его юности. «Я болѣе не популяренъ», говорилъ онъ часто. Но, наоборотъ, онъ сталъ еще популярнѣе, благодаря восхищенію, которое вызывалъ его прекрасный талантъ, развивавшійся съ каждымъ днемъ.

Одного не доставало счастью Пушкина: онъ не былъ за границей. Въ ранней молодости пылкость его мятежныхъ идей повлекла за собой запрещеніе этого путешествія, а позднѣе семейныя узы удерживали его въ Россіи. Какою грустью проникался его взоръ, когда онъ говорилъ о Лондонѣ и въ особенности о Парижѣ! Съ какимъ жаромъ онъ мечталъ объ удовольствіи посѣщеній знаменитыхъ людей, великихъ ораторовъ и великихъ писателей. Это была его мечта! И онъ украшалъ всѣмъ, что могло представить ему его воображеніе поэта, то новое для него общество, которое онъ такъ жаждалъ видѣть. Объ этомъ безъ сомнѣнія сожалѣлъ Пушкинъ, умирая; это было однимъ изъ тѣхъ неудовлетворенныхъ желаній, которыя онъ оплакивалъ вмѣстѣ со всѣмъ, что ему было дорого и что онъ долженъ былъ покинуть!

Исторія Петра Великаго, которую составлялъ Пушкинъ по приказанію Императора, должна была быть удивительной книгой. Пушкинъ посѣтилъ всѣ архивы Петербурга и Москвы. Онъ разыскалъ переписку Петра Великаго включительно до записокъ полурусскихъ, полунемѣцкихъ, которыя тотъ писалъ каждый день генераламъ, исполнявшимъ его приказанія. Взгляды Пушкина на основаніе Петербурга были совершенно новы и обнаруживали въ немъ скорѣе великаго и глубокаго историка, нежели поэта. Онъ не скрывалъ между тѣмъ серьезнаго смущенія, которое онъ испытывалъ при мысли, что ему встрѣтятся большія затрудненія показать русскому народу Петра Великаго такимъ, какимъ онъ былъ въ первые годы своего царствованія, когда онъ съ яростью приносилъ все въ жертву своей цѣли. Но какъ великолѣпно прослѣдилъ Пушкинъ эволюцію этого великаго характера и съ какой радостью, съ какимъ удовлетвореніемъ правдиваго историка онъ показывалъ намъ государя, который когда-то разбивалъ зубы не желавшимъ отвѣчать на его допросахъ, и который смягчился настолько къ своей старости, что совѣтовалъ не оскорблять «даже словами» мятежниковъ, приходившихъ просить у него милости.

Пушкинъ умеръ мужественно и не измѣнилъ своему неустрашимому характеру. Пораженный на смерть пулею Дантеса, онъ приподнимается и

требуетъ оружія, чтобы выстрѣлить въ свою очередь. Два раза оно выскальзываетъ изъ его ослабѣвшей руки, наконецъ ему удается воспользоваться имъ и онъ ранитъ въ руку своего противника. Его отнесли домой и онъ жилъ еще два дня. Онъ умеръ, не обвиняя никого въ своемъ несчастьи. Пушкинъ былъ камеръ-юнкеромъ Императора и имѣлъ нѣсколько орденовъ. Онъ не оставилъ состоянія, но Императоръ великодушно принялъ подъ свое могущественное покровительство вдову великаго поэта и четырехъ бѣдныхъ малютокъ.

2.

Въ замѣткѣ «Journal des Débats» встрѣчается ссылка на англійскую газету «Утренняя Хроника» («The Morning Chronicle»). На статью этой англійской газеты не разъ ссылались и нѣмецкія газеты. Она помѣщена въ номерѣ отъ 1 марта 1837 г. Дѣйствительно, она любопытна по нѣкоторымъ подробностямъ и по общему освѣщенію дѣла и представляетъ кромѣ того особенный интересъ, какъ образецъ тѣхъ корреспонденцій, которыя посылали изъ С.-Петербурга англійскіе корреспонденты 75 лѣтъ тому назадъ. Вотъ эта статья:

С.-Петербургъ, 11 ферваля.

«Мы всѣ находимся въ самомъ разгарѣ споровъ, шума и движенія, вызванныхъ одной частной ссорой, о которой не слѣдовало бы съ вами бесѣдовать, если бы такія событія не пріобрѣтали важности при деспотическомъ режимѣ. Здѣсь находится баронъ Геккеренъ, посланникъ Его Величества короля Голландскаго. Нѣсколько времени тому назадъ онъ счелъ умѣстнымъ усыновить молодого француза, по фамиліи Дантеса; для него онъ выхлопоталъ зачисленіе въ Кавалергардскій полкъ. Молодой французъ принялъ фамилію Геккерена и вскорѣ потомъ женился на русской дамѣ, сестрѣ жены извѣстнаго поэта Пушкина. Собственная исторія Пушкина лыбопытна, хотя и не необыкновенна. Онъ былъ русскимъ патріотическимъ и національнымъ поэтомъ съ нѣкоторымъ либеральнымъ наклономъ: эта примѣсь—особенность его генія, создавшая ему непріятности и безпокойство. Онъ получилъ приказаніе избрать образъ жизни: или жить въ Сибири, или вести жизнь придворнаго поэта, осыпаннаго богатствомъ и почестями. Онъ выбралъ послѣднее и былъ счастливъ до тѣхъ поръ, пока въ семьѣ поэта не появился г-нъ Дантесъ-Геккеренъ. Живой и молодой французъ, пріемный сынъ Голландскаго посланника, скоро сталъ предпо-

читать m-me Пушкину своей собственной женѣ, бывшей ея сестрой. Пушкинъ узналъ объ этомъ и не могъ перенести обиды. Онъ вызвалъ Дантеса-Геккерена, и свояки дрались недалеко отъ столицы, по англійскому обычаю, на пистолетахъ, въ десяти шагахъ разстоянія. Оба выстрѣлили въ одно и то же время. Дантесъ былъ раненъ легко, а Пушкинъ смертельно. Но онъ все-таки прожилъ достаточно долго для того, чтобы составить и продиктовать письмо, содержащее жалобы на Голландскаго посланника и француза, его пріемнаго сына, вмѣстѣ съ обвиненіями самаго тяжкаго характера. Послѣ этого Пушкинъ умеръ. Всѣ русскіе приняли участіе въ ихъ любимомъ поэтѣ, громко выражая свою скорбь и въ то же время свое негодованіе противъ обстоятельствъ и лицъ, бывшихъ причиною потери. Самъ царь былъ сильно взволнованъ смертью Пушкина. Въ настоящій моментъ ни о о чемъ другомъ не думаютъ и не говорятъ».

VIII. Разсказъ князя А. В. Трубецкого объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу.

Въ литературѣ о Пушкинѣ существуетъ одна брошюрка, отпечатанная всего въ 10 экземплярахъ и составляющая поэтому величайшую библіографическую рѣдкость. Это—книжечка въ 8-ую долю листа, въ 10 страницъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ:

РАЗСКАЗЪ

объ отношеніяхъ

Пушкина къ Дантесу.

Записанъ со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генералъ-маіора состоящаго на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. Въ воскресенье 21-го іюня 1887 года.

Павловскъ, дача Краевскаго.

С.-Петербургъ.

Указаній на типографію, изъ которой выпущена эта брошюрка, нѣтъ.

Самому разсказу князя Трубецкого предшествуетъ слѣдующее вступленіе.

«Князь Трубецкой не былъ «пріятельски» знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и еще болѣе по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу.

«Въ 1836 году, лѣтомъ, когда Кавалергардскій полкъ стоялъ въ крестьянскихъ избахъ Новой деревни, князь Трубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дан-

тесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, вѣрнѣе, о своихъ побѣдахъ надъ женскими сердцами.

«Это обстоятельство и дало возможность кн. Трубецкому узнать о истинныхъ, быть можетъ, причинахъ роковой дуэли 27-го января 1837 года.

«Трудно предположить вымыселъ со стороны кн. Трубецкого, почтеннаго семидесятичетырехлѣтняго старца; быть можетъ, нѣкоторыя подробности затемнились въ его памяти; другія же получили нѣсколько иную окраску, но разсказъ его долженъ имѣть въ основаніи своемъ истинное происшествіе.

«Кн. Трубецкой въ теченіе многихъ лѣтъ упорно отмалчивался о томъ, какія именно подробности въ отношеніи Пушкина къ Дантесу ему извѣстны. Лишь совершенно случайно удалось выпытать у него этотъ разсказъ, тотчасъ же записывавшійся со словъ его.

«Такъ какъ лишь въ печатномъ видѣ разсказъ можетъ получить разъясненія или опроверженіе, то и явилась необходимость выпустить его въ свѣтъ.

«Нежеланіе же распространять его въ массѣ побудило печатать его лишь въ 10 экземплярахъ».

Издателемъ этой брошюры является Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ. Въ 1901 году В. А. Бильбасовъ, несмотря на заявленное имъ нежеланіе распространять этотъ разсказъ, счелъ возможнымъ воспроизвести его на страницахъ «Русской Старины» (т. CV, 1901, февр., 256—262). Никакихъ объясненій или опроверженій В. А. Бильбасовъ не далъ при воспроизведеніи, но самую брошюру перепечаталъ съ сокращеніями. Сокращенія, допущенныя имъ, несомнѣнно искажаютъ то впечатлѣніе, которое получается отъ прочтенія брошюры цѣликомъ: то плохое, что говорилось княземъ Трубецкимъ о Пушкинѣ, осталось въ подлинномъ видѣ, а рѣзкости, сказанныя имъ по адресу другихъ лицъ драмы, старика Геккерена, Н. Н. Пушкиной, оказались урѣзанными.

Авторъ біографіи Дантеса С. А. Панчулидзевъ, давшій разъясненія о происхожденіи брошюры, свидѣтельствуетъ, что по сообщеніи ему Бильбасовымъ рукописи разсказа онъ тотчасъ же приступилъ къ сбору матеріаловъ, дабы представить возможность самому В. А. подвергнуть критическому разбору разсказъ князя Трубецкого. «Къ прискорбію нашему,—пишетъ С. А. Панчулидзевъ,—тяжкій недугъ, а затѣмъ послѣдовавшая кончина В. А. помѣшали ему осуществить это намѣреніе»[1]). Въ своей біографіи

[1]) Сборникъ біографій кавалергардовъ, 1826—1908. Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева, С.-Пб. 1908, стр. 76.

Дантеса С. А. Панчулидзевъ далъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, критическія замѣчанія къ ряду подробностей разсказа князя Трубецкого.

Нелишенныя интереса,—не столько фактическія, сколько психологическія, критическія замѣчанія къ разсказу князя Трубецкого далъ А. И. Кирпичниковъ въ своей статьѣ: «По поводу Разсказа и т. д.» («Русс. Стар.», т. CVI, 1901, апр., стр. 77—87). Б. В. Никольскій въ очеркѣ «Послѣдняя дуэль Пушкина» (С.-Пб. 1901) отрицательно отнесся къ «Разсказу» и вынесъ ему суровое осужденіе, не вдаваясь, впрочемъ, въ фактическую критику.

Мы назвали тѣхъ авторовъ, которые, считаясь съ разсказомъ князя Трубецкого, болѣе или менѣе пристально останавливались на его разборѣ. Въ концѣ-концовъ значеніе этого источника для исторіи дуэли не выяснено. Должно ли, въ виду обилія анахронизмовъ и неточностей, въ виду явнаго затемнѣнія памяти разсказчика, отбросить его въ сторону и не пользоваться имъ, или же, не взирая на невѣроятность и неправильность многихъ сообщеній, слѣдуетъ попытаться извлечь отсюда зерно дѣйствительности.

Прежде чѣмъ высказаться по этому вопросу, воспроизведемъ самый разсказъ безъ всякихъ сокращеній по тексту отдѣльнаго изданія. Въ примѣчаніяхъ къ разсказу мы дадимъ указанія крупнѣйшихъ невѣрностей и анахронизмовъ.

«Въ 1834 году Императоръ Николай собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и, подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: «Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите какъ пажа» (кавалергарды пополнялись по большей части камеръ-пажами) и прибавилъ по-французски: «Этотъ юноша считаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку; онъ постарается заслужить вашу любовь и, я увѣренъ, оправдаетъ вашу дружбу»[1]). Это и былъ Дантесъ—племянникъ Голландскаго посланника Геккерна, родная сестра котораго была заму-

---

[1]) С. А. Панчулидзевъ по поводу приведенныхъ строкъ разсказа пишетъ: «Въ Кавалергардскомъ полку всегда служило мало иностранцевъ и на нихъ вообще въ полку косились. Мы не отвергаемъ самаго *факта* представленія, но, очевидно, Государь не собиралъ офицеровъ, а могъ при случаѣ, напр., на придворномъ балу лично представить имъ новаго товарища. Однако *подробности* этого эпизода слѣдуетъ безусловно отнести къ «затемненію въ памяти» 74-лѣтняго разсказчика событія, происшедшаго 53 года до разсказа: не говоря уже о томъ, что Дантесъ никогда не былъ пажемъ французскаго двора, но кавалергарды не только въ 30-хъ годахъ, но за все царствованіе Николая Павловича пополнялись преимущественно юнкерами полковыми и изъ школы, а вовсе не «исключительно воспитанниками Пажескаго Корпуса» (С. Панчулидзевъ, назв. соч., стр. 76).

жемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ[1]). Онъ былъ статенъ, красивъ; на видъ ему было въ то время лѣтъ 20, много 22 года. Какъ иностранецъ, онъ былъ пообразованнѣе насъ, пажей, и, какъ французъ,—остроуменъ, живъ, веселъ. Онъ былъ отличный товарищъ и образцовый офицеръ[2]). И за нимъ водились шалости, но совершенно невинныя и свойственныя молодежи, кромѣ одной, о которой, впрочемъ, мы узнали гораздо позднѣе. Не знаю, какъ сказать: . . . . Въ то время въ высшемъ обществѣ было развито бугрство. Судя по тому, что Дантесъ постоянно ухаживалъ за дамами, надо полагать, что въ сношеніяхъ съ Геккерномъ онъ игралъ только пассивную роль. Онъ былъ очень красивъ, и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его: онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, а какъ избалованный ими, требовательнѣе, если хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ.

«Въ то время Новая Деревня была моднымъ мѣстомъ. Мы стояли въ избахъ, эскадронныя ученья производили на той землѣ, гдѣ теперь дачки и садики 1 и 2 линіи Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ[3]). Дантесъ часто посѣщалъ Пушкина. Онъ ухаживалъ за Ната-

---

[1]) Это категорическое заявленіе не имѣетъ никакой почвы подъ собой. О родственныхъ связяхъ Дантеса см. выше, въ статьѣ г. Лун Метмана.

[2]) Это утвержденіе («образцовый офицеръ...») совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: С. А. Панчулидзевъ, на основаніи данныхъ полкового архива, сообщаетъ, что Дантесъ «оказался не только весьма слабымъ по фронту, но и весьма недисциплинированнымъ офицеромъ: то онъ «садится въ экипажъ» послѣ развода, тогда какъ «вообще изъ начальниковъ никто не уѣзжалъ», то онъ на парадѣ, «когда только скомандовано было полку вольно, позволилъ себѣ курить сигару» и т. д. 19 ноября 1836 года въ полковомъ приказѣ было отдано: «Неоднократно поручикъ баронъ де-Геккеренъ подвергался выговорамъ за неисполненіе своихъ обязанностей, за что уже и былъ нѣсколько разъ наряжаемъ безъ очереди дежурнымъ при дивизіонѣ; хотя объявлено вчерашняго числа, что я буду сегодня дѣлать репетицію ординарцамъ, на коей и онъ долженъ былъ находиться, но не менѣе того... на оную опоздалъ, за что и дѣлаю ему строжайшій выговоръ и наряжаю дежурнымъ «на 5 разъ». Число всѣхъ взысканій, которымъ былъ подвергнутъ Дантесъ за три года службы въ полку, достигаетъ, по свидѣтельству С. А. Панчулидзева, цифры 44.

[3]) Князь Трубецкой разсказываетъ о событіяхъ лѣта 1836 года. Въ этомъ году Пушкины жили лѣтомъ на Каменномъ Островѣ. Изъ Новой Деревни въ казармы кавалергарды въ 1836 году перешли 11 сентября,—по указанію С. А. Панчулидзева.

шей, какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «пріударялъ», какъ мы тогда выражались, за нею. Частыя записочки, приносимыя Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили: въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ хорошо зналъ, что Дантесъ не пріударяетъ за его женою, онъ вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, ему Дантесъ былъ *противенъ* своею манерою, нѣсколько нахальною, своимъ языкомъ, менѣе воздержаннымъ, чѣмъ слѣдовало съ дамами, какъ полагалъ Пушкинъ. Надо признаться, при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина, это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважаютъ, недостаточно почета оказываютъ; мы конечно боготворили его музу, а онъ считалъ, что мы мало передъ нимъ преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ. Быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но, какъ набитая дура, не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у ея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе къ своему ухаживанію. Если-бъ Nathalie не была такъ непроходимо глупа, если бы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ, въ то время, по крайней мѣрѣ, ничего собственно и не было,—рукопожатіе, обниманія, поцѣлуи, но не больше, а это въ наше время были вещи обыденныя.

«Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ и не имѣлъ къ тому повода.

«Необходимо отдѣлить двѣ фазы въ его отношеніяхъ къ Дантесу: первая, лѣтняя, окончившаяся женитьбой Дантеса на Catherine; вторая, осенняя, приведшая къ дуэли [1]).

«Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему двери своего дома. Легче всего это было для Nathalie, но та по свойственной ей дурости не знала, какъ взяться за дѣло. Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду, Пушкинъ и заставалъ у себя на дачѣ Дантеса. Такъ было и въ концѣ лѣта 36-го года. Дантесъ засидѣлся у Наташи; пріѣзжаетъ Пушкинъ, входитъ въ гостиную, видитъ Дантеса рядомъ съ женой

---

[1]) Тутъ безнадежный анахронизмъ: лѣтняя фаза закончилась женитьбой Дантеса на Catherine,—но женитьба состоялась 10 января 1837 года; осенняя фаза привела къ дуэли,—но дуэль произошла 27 января 1837 года.

и, не говоря ни слова, ни даже обычнаго «bonjour», выходитъ изъ комнаты; черезъ минуту онъ является вновь, цѣлуетъ жену, говоря ей, что пора обѣдать, что онъ проголодался, здоровается съ Дантесомъ и выходитъ изъ комнаты. «Ну, пора, Дантесъ, уходите, мнѣ надо идти въ столовую»,— сказала Наташа. Они поцѣловались и Дантесъ вышелъ. Въ передней онъ столкнулся съ Пушкинымъ, который пристально посмотрѣлъ на него, язвительно улыбнулся и, не сказавъ ни слова, кивнулъ головой и вошелъ въ ту же дверь, изъ которой только что вышелъ Дантесъ.

«Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу, онъ выразилъ мнѣ свое опасеніе, что Пушкинъ затѣваетъ что-то недоброе. «Онъ былъ сегодня какъ-то особенно страненъ»—и Дантесъ разсказалъ, какъ онъ засидѣлся у Nathalie, какъ та гнала его нѣсколько разъ, опасаясь, что мужъ опять застанетъ ихъ, но онъ все медлилъ, и мужъ дѣйствительно засталъ ихъ вдвоемъ.

— Только-то?

— «Только, но право у Пушкина былъ какой-то непріязненный взглядъ и въ передней онъ даже не простился со мной».

«Все это Дантесъ разсказалъ, переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ къ своему дядѣ. Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что Пушкинская Лиза принесла ему письмо и, узнавъ, что барина нѣтъ дома, наказывала переслать ему письмо, гдѣ бы онъ ни былъ. На конвертѣ было написано très pressée. Съ тѣмъ же денщикомъ было отправлено тотчасъ-же письмо къ Дантесу.

«Спустя часъ, быть можетъ съ небольшимъ, входитъ Дантесъ. Я его не узналъ, на немъ лица не было. «Что случилось?»—«Мои предсказанья сбылись. Прочти». Я вынулъ изъ конверта, съ надписью très pressée, небольшую записочку, въ которой Nathalie извѣщаетъ Дантеса, что она передавала мужу, какъ Дантесъ просилъ руки ея сестры Кати, что мужъ съ своей стороны тоже согласенъ на этотъ бракъ. Записочка была составлена по-французски, но отличалась отъ прежнихъ не только vous вмѣсто tu, но и вообще слогомъ вовсе не женскимъ и не дамскимъ billets doux.

— Что все это значитъ?

— «Ничего не понимаю! Ничьей руки я не просилъ».

«Стали мы обсуждать, совѣтоваться и порѣшили, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать démenti словамъ Наташи до разъясненія казуса.

— «Во всякомъ случаѣ Cathérine мнѣ нравится, и если я и не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ».

«На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города и увидѣвъ въ гостиной жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался

съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ; тамъ онъ намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Вслѣдъ за тѣмъ и Дантесъ простился съ Nathalie, при чемъ они поцѣловались и, конечно, сажа съ губъ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который, очевидно, поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку, — это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажи на губахъ Дантеса[1]).

«Взбѣшенный Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. Nathalie не знала, что отвѣчать, и, застигнутая въ расплохъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нея руки Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что поставила свое согласіе, въ зависимости отъ рѣшенія Пушкина. Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина, была написана Наташей та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса, и меня.

«Вскорѣ состоялся бракъ Дантеса съ Екатриной Николаевной Гончаровой[2]).

«Этимъ оканчивается первая фаза. Бракъ все прикрылъ и все примирилъ. Теперь Дантесъ являлся къ Пушкинымъ, какъ родной, онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и Пушкинъ не выражался объ немъ иначе, какъ въ самыхъ дружественныхъ терминахъ[3]). Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ.

«Откуда же дуэль? Чѣмъ вызвана ссора? Гдѣ безчестіе, смываемое только кровью?

«Это уже вторая фаза. Обстоятельства, вызвавшія вновь ссору и окончив-

---

[1]) Ни одинъ изъ изслѣдователей, касавшихся разсказа Трубецкого, не считаетъ исторіи съ поцѣлуемъ сколько-нибудь вѣроятной. А. И. Кирпичниковъ пишетъ: «Исторія съ обличительнымъ поцѣлуемъ есть «бродячая повѣсть», очень почтенная по своей древности, встрѣчающаяся въ огромномъ количествѣ пріуроченій у разныхъ народовъ, а сюда попавшая изъ какого-нибудь французскаго сборника contes pour rire. Нѣсколько лѣтъ назадъ она фигурировала въ анекдотической біографіи Пушкина при потушенной свѣчѣ, а нынѣ весьма неудачно измѣнила обстановку» («Русск. Стар.», т. CVI, 1901, апр., стр. 79).

[2]) Вскорѣ... На самомъ дѣлѣ 10 января 1837 года.

[3]) Заявленіе Трубецкого о томъ, что Пушкинъ сталъ хорошо относиться къ Дантесу послѣ женитьбы, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью и не требуетъ опроверженія для каждаго, мало-мальски знакомаго съ исторіей дуэли. См. выше, въ письмѣ князя Вяземскаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу и мн. др.

шіяся дуэлью, до сихъ поръ никѣмъ еще не разъяснены. Объ нихъ въ печати вообще не упоминается,—быть можетъ потому, что они набрасываютъ тѣнь на человѣка, имя котораго такъ дорого каждому изъ насъ русскихъ; быть можетъ однако и потому еще, что они были извѣстны очень немногимъ. Не такъ давно въ Одессѣ умерла Полетика (Полетыка), съ которой я часто вспоминалъ этотъ эпизодъ, и онъ совершенно свѣжъ въ моей памяти.

«Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантесъ, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть всѣ стихотворенія своего будущаго beau frère и была влюблена въ него заочно. Вскорѣ послѣ брака Пушкинъ сошелся съ Alexandrine и жилъ съ нею.

«Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Alexandrine сознавалась въ этомъ г-жѣ Полетикѣ. Подумайте же, могъ ли Пушкинъ при этихъ условіяхъ ревновать свою жену къ Дантесу. Если Пушкину и не нравились посѣщенія Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женою, а потому, что, посѣщая домъ Пушкиныхъ, Дантесъ встрѣчался съ Alexandrine. Влюбленный въ Alexandrine, Пушкинъ опасался, чтобы блестящій кавалергардъ не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ вполнѣ успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Екатерины и проситъ ея руки. Вотъ почему, послѣ брака Дантеса съ Екатериной, Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески. Повторяю, однако,—связь Пушкина съ Александриною мало кому была извѣстна. Едва ли многимъ извѣстно и слѣдующее обстоятельство, довольно, повидимому, ничтожное, но въ концѣ-концовъ отнявшее у насъ Пушкина. Вскорѣ послѣ брака, въ октябрѣ или ноябрѣ, Дантесъ съ молодой женой задумали отправиться заграницу къ роднымъ мужа[1]). Въ то время сборы заграницу были нѣсколько продолжительнѣе нынѣшнихъ, и во время этихъ-то сборовъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, оказалось, что съ ними собирается ѣхать и Alexandrine. Вотъ что окончательно взорвало Пушкина и онъ рѣшился во что бы то ни стало воспрепят-

[1]) «Вскорѣ послѣ брака, въ октябрѣ или ноябрѣ, Дантесы задумали отправиться за границу». Что ни слово, то ошибка. У насъ есть документальное доказательство, что Дантесы не собирались уѣзжать за границу; въ письмѣ къ своему тестю Екатерина Николаевна Дантесъ (см. выше, стр. 270) сожалѣетъ объ одномъ—о томъ, что она лично не знакома съ отцомъ своего мужа, и пишетъ: «счастье личнаго знакомства не суждено мнѣ въ этомъ (1837) году, но баронъ Геккеренъ обѣщаетъ, что въ будущемъ году мы всѣ соединимся въ Сульцѣ».

ствовать ихъ отъѣзду. Онъ опять сталъ придираться къ Дантесу, началъ повсюду бранить его, намекая на его ухаживанья, но не за Александриною, о чемъ онъ долженъ былъ прималчивать, а за Nathalie. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ дѣйствительно невыносимъ. Какъ теперь помню: на святкахъ былъ балъ у Португальскаго, если память не измѣняетъ, посланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевскаго моста. Во время танцевъ я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ ярымъ охотникомъ, и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то кипсэкъ. Вошелъ Пушкинъ.—«Вы зачѣмъ здѣсь?—Кавалергарду, да еще не женатому, здѣсь не мѣсто. Вы видите»—онъ указалъ на рога—«эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата». «Полноте, Пушкинъ, вы и на балъ притащили свою желчь; вотъ ужъ ей здѣсь не мѣсто». Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и вся, между прочимъ Дантеса, и такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардомъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и, стоя въ дверяхъ танцовальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie.

«Пушкинъ все настойчивѣе искалъ случая поссориться съ Дантесомъ, чтобы помѣшать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время нѣсколько шалуновъ изъ молодежи,—между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin,—стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ-рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время онъ не обратилъ бы вниманія на подобную шутку и, во всякомъ случаѣ, отнесся бы къ ней, какъ къ шуткѣ, быть можетъ заклеймилъ бы ее эпиграммой. Но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по своему.

«Письмо Пушкина къ Геккерну и подробности дуэли Пушкина съ племянникомъ Геккерна, Дантесомъ, всѣмъ извѣстны».

Несомнѣнно, память князя Трубецкого многое исказила въ былой дѣйствительности, да и трудно требовать точной передачи, точныхъ датъ отъ глубокаго старика, разсказывающаго о событіяхъ черезъ 50 лѣтъ послѣ ихъ свершенія. Но вѣдь старикъ вспоминалъ о самомъ дорогомъ ему времени, о своей молодости, когда ему было 24 года и когда изъ поручиковъ Кавалергардскаго полка онъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры[1]). Можно

[1]) Любопытная біографія князя А. В. Трубецкого напечатана въ цитированномъ «Сборникѣ біографій кавалергардовъ», 1826—1908, стр. 60—62.

забыть отдѣльные факты, эпизоды молодости, но нельзя забыть общаго содержанія, основного тона впечатлѣній молодости, нельзя забыть чувства жизни въ эти годы въ его характерныхъ особенностяхъ. Князь Трубецкой забылъ детали, но хорошо помнитъ общій фонъ, и та отчетливая картина молодой жизни его самого, его ближайшаго круга, которую рисуетъ разсказъ 74-лѣтняго старца, совершенно соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ о жизни этого круга изъ другихъ источниковъ. Легкость жизни, легкомысліе и безпечность живущихъ—вотъ тѣ основныя черты, которыми рисуется жизнь въ разсказѣ князя Трубецкого. И въ той старческой наивности, съ какою ведется разсказъ, чувствуется отголосокъ поразительнаго легкомыслія молодости. Шалуны изъ молодежи, поименно перечисляемые разсказчикомъ, шутки ради разсылаютъ анонимныя письма обманутымъ мужьямъ; честь женщины—предметъ для дружеской бесѣды въ казармахъ; всѣ подробности любовнаго романа передаются тотчасъ же другу и подвергаются совмѣстному обсужденію. А изъ трехъ—мужъ, жена и счастливый ухаживатель—человѣкомъ, наиболѣе смѣшнымъ, наиболѣе заслуживающимъ порицанія и наиболѣе виноватымъ оказывается, конечно, мужъ. Недружелюбное или, скорѣе, враждебное отношеніе къ Пушкину, которое, повидимому, не остыло еще въ 74-лѣтнемъ старцѣ, раздѣлялось полковыми товарищами Трубецкого и Дантеса. Особенно ярко сказалось пристрастіе кавалергардовъ къ своему полковому товарищу послѣ смерти Пушкина, когда они горой стали за Дантеса и громогласно защищали его въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. О поведеніи «красныхъ», т.-е. кавалергардскихъ офицеровъ особенно рѣзко отозвался князь П. А. Вяземскій въ письмахъ къ А. О. Смирновой и графинѣ Э. К. Мусиной-Пушкиной[1]). О преданности полковыхъ друзей свидѣтельствуютъ и напечатанныя нами выше (стр. 282—283) письма двухъ изъ нихъ къ Дантесу.

Мы вѣримъ князю Трубецкому въ томъ, что Дантесъ дѣйствительно разсказывалъ ему о ходѣ своего флирта съ Н. Н. Пушкиной, и что онъ, Трубецкой, былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ моментовъ этого флирта. Пока не станемъ говорить о подробностяхъ. То общее, къ чему можно свести въ этомъ пунктѣ воспоминанія Трубецкого, заключается въ утвержденіи слѣдующаго факта: Наталья Николаевна была увлечена серьезнѣе, чѣмъ Дантесъ, если вообще можно тутъ говорить о серьезности; доминировалъ въ любовномъ поединкѣ Дантесъ: его искали больше, чѣмъ искалъ онъ самъ.

---

[1]) Письма къ А. О. Смирновой—«Русскій Архивъ» 1888, кн. II, стр. 292 и слѣд.; письмо къ Э. М. Мусиной-Пушкиной—тамъ же 1900, кн. I, стр. 395 и слѣд.

Теперь о подробностяхъ. «Частыя записочки, приносимыя горничной, ничего не значили: въ наше время это было въ обычаѣ»... «Все (между Н. Н. Пушкиной и Дантесомъ) кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ въ то время, по крайней мѣрѣ, ничего собственно и не было,—рукопожатіе, обниманіе, поцѣлуи, но не больше, а это въ наше время были вещи обыденныя»... Вотъ эти утвержденія Трубецкого, эти детали больше всего шокировали современныхъ изслѣдователей и больше всего не располагали ихъ вѣрить князю Трубецкому. Ужъ очень такіе нравы не подходятъ къ современнымъ,—но вѣдь событія, о которыхъ разсказываетъ Трубецкой, происходили 50 лѣтъ тому назадъ, и нравы были иные. Бытовая исторія любовнаго чувства и любовныхъ нравовъ совершенно не затронута въ нашей культурной исторіи, но все-таки приходится повѣрить сообщеніямъ князя Трубецкого. У насъ есть одинъ документъ, недавно открытый и напечатанный въ настоящее время М. Л. Гофманомъ на страницахъ сборника «Пушкинъ и его современники» (вып. XXI—XXII),—документъ, который принуждаетъ насъ вѣрить князю Трубецкому. Это—дневникъ Юрьевскаго студента, друга и пріятеля Пушкина А. Н. Вульфа. Въ немъ—цѣлое откровеніе для исторіи чувства и чувственности въ Россіи въ 1820—30 годахъ. Самое обращеніе съ женщинами и дѣвушками такое, какое намъ трудно было представить. Правда, въ письмахъ самого Пушкина хотя бы къ женѣ, въ письмахъ князя Вяземскаго къ женѣ уже встрѣчались намъ намеки на иной, не похожій на нашъ, любовный бытъ, но то были намеки, разсѣянныя подробности картины, которая въ цѣломъ видѣ впервые появляется на страницахъ дневника Вульфа. Здѣсь не мѣсто входить въ частности и доказывать цитатами правильность нашего мнѣнія; отсылаемъ читателя къ дневнику А. Н. Вульфа и надѣемся, что онъ не откажетъ намъ въ своемъ согласіи съ нами. «Частыя записочки, рукопожатія, обниманія, поцѣлуи»—все это были вещи обыкновенныя въ Пушкинское время. А объ обмѣнѣ записочками есть указанія и въ дуэльномъ дѣлѣ Пушкина-Дантеса, и въ письмахъ Геккерна къ графу Нессельроде.

Есть въ исторіи флирта, какъ ее разсказываетъ князь Трубецкой, одна подробность, весьма любопытная и, можетъ быть, отвѣчающая дѣйствительности, но не могущая быть принятой всецѣло за отсутствіемъ другихъ свидѣтельствъ. Откинемъ въ сторону исторію поцѣлуя съ сажей: останется во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что одинъ разъ Дантесъ и Н. Н. Пушкина были застигнуты поэтомъ; Н. Н. объяснила свое интимничанье намѣреніемъ Дантеса сдѣлать предложеніе ея сестрѣ Екатеринѣ, и объ этой своей объясняющей свиданіе уловкѣ довела до свѣдѣнія Дантеса. И было все это лѣтомъ, до переѣзда кавалергардовъ (11 сентября 1837 года) съ Черной

рѣчки на городскія квартиры. Если предположить, что все было такъ въ дѣйствительности, то тогда станутъ для насъ ясными нѣкоторыя непонятныя иначе указанія. Обычно мы начинаемъ исторію дуэли съ 4 ноября—дня разсылки анонимныхъ пасквилей, но у насъ есть достовѣрныя свидѣтельства о томъ, что слухи о возможномъ бракѣ Дантеса на Екатеринѣ Гончаровой распространились еще до 4 ноября; старикъ Геккеренъ, ринувшійся послѣ 4 ноября хлопотать о примиреніи и выдвинувшій проектъ женитьбы Дантеса на Е. Н. Гончаровой, категорически ссылался на то, что проектъ этотъ существовалъ раньше вызова на дуэль, сдѣланнаго Пушкинымъ. Въ конспективныхъ замѣткахъ В. А. Жуковскаго (см. выше, стр. 284) есть нерасшифрованная помѣта. 7 ноября Жуковскій пріѣхалъ къ старику Геккерну для переговоровъ; то, что онъ услышалъ отъ него, конспектировано въ слѣдующихъ словахъ: «Mes antécédents. Неизвѣстное совершенное прежде бывшаго». Эта помѣта указываетъ на неизвѣстный намъ періодъ въ исторіи отношеній Пушкина къ Дантесу, предшествовавшій первому вызову Пушкина. Не нашла ли эта неизвѣстная намъ первая часть дуэльной исторіи нѣкотораго отраженія, хотя бы и очень искаженнаго, въ разсказѣ князя Трубецкого? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока дать нельзя.

«Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе: Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ» и т. д.—разсказываетъ князь Трубецкой и затѣмъ приводитъ основаніе къ отрицанію у Пушкина ревности къ женѣ. Насколько вѣрно основаніе, сейчасъ увидимъ, но въ словахъ Трубецкого, быть можетъ, отразился выводъ изъ наблюденій свѣта за отношеніями Пушкина къ женѣ. Свѣтскимъ наблюдателямъ Пушкинъ, очевидно, не казался вѣрнымъ семейному очагу и преданнымъ своей женѣ. Были факты, вызывавшіе такое впечатлѣніе. Княгиня В. Ѳ. Вяземская разсказывала П. И. Бартеневу, что жену Пушкина раздражали ухаживанія его за А. О. Смирновой и графиней Соллогубъ. Къ вызову и поединку Пушкинъ былъ вызванъ сложной, очень сложной игрой многообразнѣйшихъ мотивовъ, но въ первый рядъ—рядъ мотивовъ первостепеннаго значенія—мы не поставимъ чувства ревности, несмотря на то, что оно было сильно развито въ поэтѣ. Конечно, князь Трубецкой не понялъ, да онъ просто и не видѣлъ, не могъ видѣть всей сложности мотивовъ рѣшенія Пушкина; онъ, безпечный и легкомысленный, рѣшалъ дѣло совсѣмъ просто: слышалъ и видѣлъ, что Пушкинъ не приверженъ женѣ своей, и рѣшилъ, что у Пушкина ревности къ Дантесу изъ-за жены не было. А такъ какъ по своей духовной ограниченности Трубецкой не полагалъ, что мо-

гутъ быть иные мотивы къ поединку, а не чувство ревности, то ему надо было все-таки добраться до выясненія вопроса: если поединокъ, то значитъ изъ ревности; если же изъ ревности, то къ кому же, разъ не къ женѣ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ князь Трубецкой сообщилъ исторію о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ старшей сестрѣ жены Александринѣ Гончаровой. Эта исторія, по его мнѣнію, разрубала гордіевъ узелъ вопроса о причинахъ дуэли: Пушкинъ возревновалъ изъ-за Александрины, ибо ему показалось, что Дантесъ ухаживаетъ и за ней и собирается увезти ее за границу. Но, какъ объясненіе дуэли, эта исторія просто никуда не годится. У Трубецкого нѣтъ фактовъ, нѣтъ намека на факты. «Пушкину показалось, что блестящій кавалергардъ можетъ увлечь Александрину». Такое заявленіе изъ устъ князя Трубецкого—пустой звукъ. Мы не отказали бы ему въ правѣ, по званію друга и пріятеля, говорить не безъ основанія, что Дантесу показалось то и то. Ну, а о томъ, что показалось Пушкину, Трубецкому не слѣдовало бы говорить. Правда, онъ приводитъ одинъ фактъ или, вѣрнѣе, тѣнь факта: съ Дантесами собиралась уѣхать за границу и Александрина. Но, къ счастію, у насъ оказались фактическія данныя, свидѣтельствующія о томъ, что Дантесы-то не собирались уѣзжать за границу, а наоборотъ—твердо знали, что въ 1837 году имъ не попасть за границу: объ этомъ сожалѣла Екатерина Дантесъ въ письмѣ къ своему тестю, напечатанному у насъ (стр. 110).

Съ полнѣйшею увѣренностью можно утверждать, что исторія съ Александриной никакого отношенія къ дуэли Пушкина съ Дантесомъ не имѣетъ. Какія бы близкія связи ни существовали между Пушкинымъ и Александриной Гончаровой, эти связи не при чемъ въ столкновеніи поэта съ Дантесомъ. Но является новый вопросъ: откуда же взялъ князь Трубецкой исторію объ интимной связи поэта съ сестрой жены? Не выдумалъ же онъ самъ. Очевидно, опять въ разсказѣ князя Трубецкого мы должны искать отраженія ходившихъ въ свѣтѣ слуховъ. Значитъ, слухи были. Трубецкой ссылается на Идалію Полетику. «Фактъ (связи Пушкина съ Александриной) не подлежитъ сомнѣнію. Alexandrine сознавалась въ этомъ г-жѣ Полетикѣ». Идалія Полетика играла не послѣднюю роль въ исторіи Пушкинскаго поединка, она была очень освѣдомлена, но при всемъ томъ мы не рѣшаемся принять эту ссылку на Полетику, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію [1]). Но знаменательно уже и то, что слухи о связи ходили въ высшемъ обществѣ...

---

[1]) Объ Идаліи Полетикѣ и объ ея отношеніяхъ къ Пушкину и къ памяти о Пушкинѣ см. интересныя выдержки «Изъ записной книжки «Русскаго Архива»—«Русск. Арх.» 1911, I, стр. 175—176.

Мы имѣемъ еще два опредѣленныхъ указанія на близкія отношенія поэта къ Александринѣ Гончаровой.

Одно исходитъ отъ княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской, жены ближайшаго друга Пушкина,—женщины, пользовавшейся интимной довѣренностью Пушкина и хорошо знавшей его семейную жизнь. Въ 1888 году П. И. Бартеневъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1888, т. II, стр. 305—312) «Изъ разсказовъ князя Петра Андреевича и княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской. (Записано въ разное время, съ позволенія обоихъ)». Тутъ, между прочимъ, есть и слѣдующая запись (стр. 309): «Влюбленная въ Геккерена, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна Гончарова нарочно устраивала свиданія Натальи Николаевны съ Геккереномъ, чтобы только повидать предметъ своей тайной страсти. Наряды и выѣзды поглощали все время. Хозяйствомъ и дѣтьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, послѣ Фризенгофъ. Пушкинъ подружился съ нею...» Точки, поставленныя послѣ этой записи и очевидно означающія въ этомъ мѣстѣ не то пропускъ, не то желаніе умолчать о чемъ-то, заинтересовали меня, и я обратился за разъясненіями къ П. И. Бартеневу, спрашивая его, случайны ли точки или онѣ со значеніемъ. П. И. Бартеневъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ сообщеніемъ (въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1911 года): «Княгиня Вяземская сказывала мнѣ, что разъ, когда она на минуту осталась одна съ умиравшимъ Пушкинымъ, онъ отдалъ ей какую-то цѣпочку и попросилъ передать ее отъ него Александрѣ Николаевнѣ. Княгиня исполнила это и была очень изумлена тѣмъ, что Александра Николаевна, принимая этотъ загробный подарокъ, вся вспыхнула, что̀ и возбудило въ княгинѣ подозрѣніе». Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 14 декабря 1911 года) П. И. Бартеневъ сообщилъ мнѣ категорически: «что онъ (Пушкинъ) былъ въ связи съ Александрой Николаевной, объ этомъ положительно говорила мнѣ княгиня Вѣра Ѳедоровна».

Другое свидѣтельство идетъ отъ А. П. Араповой, дочери Н. Н. Пушкиной отъ ея второго брака съ П. П. Ланскимъ. Оно находится въ ея воспоминаніяхъ о матери[1]). Вотъ отрывокъ, относящійся къ этому вопросу...

«Роль старшей сестры, Екатерины Николаевны, трагически связанная со смертью Пушкина, стала историческимъ достояніемъ. Вторая же, Александра Николаевна, прожившая подъ кровомъ сестры большую часть своей

---

[1]) «Н. Н. Пушкина-Ланская» въ приложеніяхъ къ газетѣ «Новое Время» къ слѣд. №№: 1907 годъ №№ 11406, 11409, 11413, 11416, 11421; 1908 годъ—11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449.

жизни, положительно мучила ее своимъ тяжелымъ, строптивымъ характеромъ и внесла не мало огорченій и разлада въ семейный обиходъ.

«Все, что напоминало кровавую развязку семейной драмы, было такъ тяжело матери, что никогда не произносилось въ семьѣ не только имя Геккернъ, но даже и покойной сестры. Изъ насъ ея портрета никто даже не видѣлъ. Я слышала только, что, далеко не красавица, Ек. Н. представляла собою довольно оригинальный типъ—скорѣе южанки, съ черными волосами.

«Александра Николаевна высокимъ ростомъ и безукоризненнымъ сложеніемъ болѣе подходила къ матери, но черты лица, хотя и напоминавшія правильность гончаровскаго склада, явились бы его карикатурою. Матовая блѣдность кожи Натальи Николаевны переходила у нея въ нѣкоторую желтизну; чуть примѣтная неправильность глазъ, придающая особую прелесть вдумчивому взору младшей сестры, перерождалась у ней въ несомнѣнно косой взглядъ,—однимъ словомъ люди, видѣвшіе обѣихъ сестеръ рядомъ, находили, что именно это предательское сходство служило въ ущербъ явный Александрѣ Николаевнѣ.

«Мать до самой смерти питала къ сестрѣ самую нѣжную и, можно сказать, самую самоотверженную привязанность. Она инстинктивно подчинялась ея властному вліянію и часто стушевывалась передъ ней, окружая ее неустанной заботой и всячески ублажая ее. Никогда не только словъ упрека, но даже и критики не сорвалось у нея съ языка, а одному Богу извѣстно, сколько она выстрадала за нее, съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ она могла ее простить!

«Названная въ честь этой тети, сохраняя въ памяти образецъ этой рѣдкой любви, я не дерзнула бы коснуться болѣзненно-жгучаго вопроса, если бы за послѣдніе годы толки о немъ уже не проникли въ печать [1]).

«Александра Николаевна принадлежала къ многочисленной плеядѣ восторженныхъ поклонницъ поэта; совмѣстная жизнь, увядавшая молодость, не пригрѣтая любовью, незамѣтно для нея самой могли переродить родственное сближеніе въ болѣе пылкое чувство. Вызвало ли оно въ Пушкинѣ кратковременную вспышку? Гдѣ оказался предѣлъ обоюднаго увлеченія? Эта неразгаданная тайна давно лежитъ подъ могильными плитами.

«Знаю только одно, что, настойчиво разспрашивая нашу старую няню о былыхъ событіяхъ, я подмѣтила въ ней, при всей ея рѣдкой добротѣ,

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о разсказѣ князя Трубецкого, который съ сокращеніями былъ напечатанъ въ 1901 году.

какое-то странное чувство въ тетѣ. Что-то не договаривалось, чуялось не то осужденіе, не то негодованіе. Когда я была еще ребенкомъ, и причуды и капризы тети разстраивали мать, или, поддавшись безпричинному, непріязненному чувству къ моему отцу, она старалась возстановить противъ него дѣтей Пушкиныхъ,—у преданной старушки невольно вырывалось: «Бога не боится Александра Николаевна! Накажетъ Онъ ее за черную неблагодарность къ сестрѣ! Мало ей прежнихъ козней! Въ новой-то жизни—и то покою не даетъ. Будь другая, небось не посмѣла бы. Такъ осадила бы ее, что глазъ передъ ней не подняла бы! А наша-то ангельская душа все стерпитъ, только огорченія отъ нея принимаетъ... Мало что простила,—во всю жизнь не намекнула!»

«Уже впослѣдствіи, когда я была замужемъ и стала матерью семейства, незадолго до ея смерти, я добилась объясненія сохранившихся въ памяти оговоровъ.

«Разъ какъ-то Александра Николаевна замѣтила пропажу шейнаго креста, которымъ она очень дорожила. Всю прислугу поставили на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешаривъ комнаты, уже отложили надежду, когда камердинеръ, постилая на ночь кровать Александра Сергѣевича,—это совпало съ родами его жены,—нечаянно вытряхнулъ искомый предметъ. Этотъ случай долженъ былъ неминуемо породить много толковъ, и хотя другихъ данныхъ обвиненія няня не могла привести, она съ убѣжденіемъ повторяла мнѣ:

— Какъ вы тамъ ни объясняйте, это ваша воля, а по моему—грѣшна была тетенька передъ вашей маменькой!

«Эта всѣмъ намъ дорогая, чудная женщина была олицетвореніемъ исчезнувшаго, съ отмѣной крѣпостного права, типа преданныхъ слугъ, сливавшихся въ единую плоть и кровь съ своими господами; прямодушіе и правдивость ея внѣ всякаго сомнѣнія, но сужденіе ея все-таки могло бы сойти за плодъ людскихъ сплетенъ, если бы другой, мало извѣстный фактъ не придалъ особаго вѣса ея разсказу.

«Сама Наталья Николаевна, бесѣдуя однажды со старшей дочерью о послѣднихъ минутахъ ея отца, упомянула, что, благословивъ дѣтей и прощаясь съ близкими, онъ отвѣтилъ необъясненнымъ отказомъ на просьбу Александры Николаевны допустить и ее къ смертному одру, и никакой послѣдній привѣтъ не смягчилъ ей это суровое рѣшеніе. Она сама воздержалась отъ всякихъ комментаріевъ, но мысль невольно стремится къ краснорѣчивому выводу.

«Наконецъ, когда, много лѣтъ спустя, а именно въ 1852 году, Александра Николаевна была помолвлена съ австрійцемъ барономъ Фризенгофомъ, за нѣсколько времени до свадьбы она сильно волновалась, перешептываясь съ сестрою о важномъ и неизбѣжномъ разговорѣ, который могъ имѣть рѣшающее значеніе въ ея судьбѣ. И на самомъ дѣлѣ,—послѣ продолжительной бесѣды съ глазу на глазъ съ женихомъ, она вышла успокоенная, но съ заплаканнымъ лицомъ, и съ наблюдательностью подростковъ дѣти стали замѣчать, что съ этого дня восторженныя похвалы Пушкину смѣнились у барона рѣзкими критическими отзывами.

«Вотъ всѣ скудныя свѣдѣнія, сохранившіяся въ семьѣ объ этомъ мимолетномъ увлеченіи. Если я рѣшилась приподнять завѣсу минувшаго, то исключительно въ виду важности для характеристики матери ея постоянно проявлявшагося незлобія,—той сверхчеловѣческой доброты и любви, которая проповѣдуется Евангеліемъ и такъ мало примѣняется въ жизни,—любви, способной все понять и все простить».

Мы привели этотъ отрывокъ изъ воспоминаній А. П. Араповой безъ всякихъ сокращеній, сохранивъ всѣ ея отступленія и размышленія, ибо контекстъ можетъ облегчить правильное впечатлѣніе отъ ея сообщенія. Имѣли или не имѣли мѣста факты, о которыхъ разсказываетъ А. П. Арапова, психологически ихъ появленіе въ ея разсказѣ понятно: разсказывая объ отношеніяхъ своей матери къ Дантесу, она лишь умножила бывшій уже въ нашемъ распоряженіи обвинительный противъ Натальи Николаевны матеріалъ. Подчеркивая рѣшительную невинность матери, А. П. Арапова не умолчала о состоявшемся наканунѣ второго вызова на квартирѣ у Идаліи Полетики свиданіи Дантеса съ Пушкинымъ. Чтобы оправдать поведеніе Натальи Николаевны, чтобы, такъ сказать, уравновѣсить грѣхи, потребовался разсказъ о нарушеніи Пушкинымъ всякихъ супружескихъ обѣтовъ. Вообще А. П. Арапова не пощадила поэта, и исторія о его связи съ Александриной лишь увѣнчала ея воспоминанія.

Къ приведеннымъ даннымъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Александрѣ Николаевнѣ Гончаровой надо добавить еще слѣдующія указанія, использованныя и во введеніи: «Пушкинъ и его современники», вып. VI, стр. 50, 52; вып. XIX—XX, стр. 110; вып. XXI—XXII, стр. 331; «Русскій Архивъ» 1882, I, стр. 246; 1908, III, стр. 296.

Вотъ рѣшительно все, чѣмъ мы располагаемъ по вопросу объ отношеніяхъ Пушкина и А. Н. Гончаровой.

IX. Князья И. С. Гагаринъ и П. В. Долгоруковъ въ дѣлѣ Пушкина.

4 ноября 1836 года Пушкинъ и близкіе его друзья и знакомые получили обидный для чести Пушкина и его жены анонимный пасквиль слѣдующаго содержанія:

Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus réunis, au Grand-Chapître, sous la présidence du vénérable Grand-Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Naryshkine, ont nommé à unanimité M-r Alexandre Pouchkine coadjuteur du Grand-Maître de l Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre. Le Secrétaire perpétuel Comte Borck[1]).

Вопросъ о томъ, кто составлялъ этотъ дипломъ и кто разослалъ его Пушкину и его знакомымъ, остается невыясненнымъ и по сей день. Вопросу этому придавали особо важное значеніе всѣ говорившіе и писавшіе о дуэли, считая составителей и распространителей непосредственными виновниками катастрофы, лишившей насъ Пушкина. Но, несмотря на столь преимущественное вниманіе къ этому вопросу, изслѣдователи не собрали никакихъ фактическихъ данныхъ и не пошли дальше голословныхъ заявленій и подозрѣній. Мы думаемъ, что разслѣдованіе объ авторахъ и распространителяхъ не имѣетъ существеннаго значенія для исторіи послѣдней дуэли: мы далеки отъ мысли приписывать рѣшающую роль пасквилю. Пасквиль былъ поводомъ, пасквиль переполнилъ чашу терпѣнія Пушкина, но не было бы пасквиля—нашелся бы другой поводъ, и все равно катастрофѣ было не миновать. Поэтому, при изложеніи обстоятельствъ дуэли, мы не нашли возможнымъ останавливаться на разслѣдованіи этого вопроса. Но, въ виду того, что въ дневникѣ А. И. Тургенева содержится

[1]) Переписка, III, 398.

первое по времени указаніе на подкидчиковъ, считаемъ умѣстнымъ войти въ нѣкоторыя разъясненія.

Съ наибольшимъ упорствомъ молва называла три имени: князя И. С. Гагарина, князя П. В. Долгорукова и графа С. С. Уварова. Эти имена стали произносить въ первые же дни послѣ смерти Пушкина. А. И. Тургеневъ записалъ въ дневникѣ подъ 30 января 1837 года: «Вечеръ о Карамзинѣ. О князѣ Иванѣ Гагаринѣ». Подъ 31 января: «Обѣдалъ у Карамзиной. Споръ о Геккеренѣ и Пушкинѣ. Подозрѣнія опять на К. И. Г.» (т.-е. на князя И. Гагарина). Такъ какъ князь И. С. Гагаринъ жилъ вмѣстѣ съ княземъ П. В. Долгоруковымъ, то, естественно, подозрѣніе распространилось и на него. Н. М. Смирновъ, мужъ А. О. Смирновой, въ 1842 году, т.-е. черезъ пять лѣтъ послѣ событій, изложилъ въ своемъ дневникѣ взглядъ на происхожденіе и распространеніе подметнаго пасквиля,—взглядъ, очевидно, принятый въ свѣтскихъ кругахъ, сочувствовавшихъ Пушкину: «Весьма правдоподобно, что Геккеренъ былъ виновникомъ сихъ писемъ съ цѣлью поссорить Дантеса съ Пушкинымъ и, отвлекши его отъ продолженія знакомства съ Натальей Николаевной,—исцѣлить его отъ любви и женить на другой. Подозрѣніе также падало на двухъ молодыхъ людей—кн. Петра Долгорукаго и кн. Гагарина, особенно на послѣдняго. Она князя были дружны съ Геккереномъ и слѣдовали его примѣру, распуская сплетни. Подозрѣніе подтверждалось адресомъ на письмѣ, полученномъ К. О. Россетомъ: на немъ подробно описанъ былъ не только домъ его жительства, куда повернуть, взойдя на дворъ, по какой идти лѣстницѣ, и какая дверь его квартиры. Сіи подробности, неизвѣстныя Геккерену, могли только знать эти два молодые человѣка, часто посѣщавшіе Россета, и подозрѣніе, что кн. Гагаринъ былъ помощникомъ въ семъ дѣлѣ, подкрѣпилось еще тѣмъ, что онъ былъ очень мало знакомъ съ Пушкинымъ и казался очень убитымъ тайною грустью послѣ смерти Пушкина. Впрочемъ, участіе, имъ принятое въ пасквилѣ, не было доказано, и только одно не подлежитъ сомнѣнію,—это то, что Геккеренъ былъ ихъ сочинитель»[1]).

Обвиненія князя И. С. Гагарина и князя П. В. Долгорукова были оглашены въ печати впервые въ 1863 году въ брошюрѣ Аммосова «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина»[2]). Аммосовъ писалъ со словъ К. К. Дан-

---

[1]) «Русск. Арх.» 1882, I, 234—235.

[2]) О князѣ И. С. Гагаринѣ см. біографическую статью о. Пирлинга въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ»; о князѣ П. В. Долгоруковѣ см. статью М. К. Лемке—«Князь П. В. Долгоруковъ въ Россіи» («Былое» 1907, февраль) и «Князь П. В. Долгоруковъ-эмигрантъ» (тамъ же, мартъ).

заса слѣдующее: «Авторомъ пасквилей, по сходству почерка, Пушкинъ подозрѣвалъ барона Геккерена-отца и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. Послѣ смерти Пушкина многіе въ этомъ подозрѣвали князя Гагарина; теперь же подозрѣніе это осталось за жившимъ тогда вмѣстѣ съ нимъ княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгоруковымъ.

«Поводомъ къ подозрѣнію князя Гагарина въ авторствѣ безъименныхъ писемъ послужило то, что они были писаны на бумагѣ, одинаковаго формата съ бумагою князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагаринъ признался, что записки были писаны дѣйствительно на его бумагѣ, но только не имъ, а княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгоруковымъ.

«Мы не думаемъ, чтобы это признаніе сколько-нибудь оправдывало Гагарина—позоръ соучастія въ этомъ грязномъ дѣлѣ, соучастія, если не дѣятельнаго, то пассивнаго, заключающагося въ знаніи и допущеніи—остался все-таки за нимъ»[1]).

Заявленія Аммосова были перепечатаны во многихъ русскихъ журналахъ и газетахъ и нашли широкое распространеніе какъ въ Россіи, такъ и за границей[2]). Обвиняемые были въ то время живы: князь Ив. Серг. Гагаринъ, принявшій католичество еще въ 1843 году, былъ священникомъ іезуитскаго ордена, а князь П. В. Долгоруковъ былъ эмигрантомъ и велъ жестокую литературную войну съ русскимъ правительствомъ. И тотъ, и другой не оставили безъ отвѣта позорившія ихъ сообщенія Данзаса.

Первымъ отозвался князь П. В. Долгоруковъ. Онъ напечаталъ въ Герценовскомъ «Колоколѣ» (1863 годъ, № 168 отъ 1 августа) и въ своемъ журнальчикѣ «Листокъ» (1863 годъ, № 10) письмо въ редакцію «Современника», повторившаго на своихъ страницахъ заявленія Аммосова въ рецензіи на его книжку. Это письмо появилось затѣмъ и въ сентябрьской книжкѣ «Современника» за 1863 годъ, съ исключеніемъ одной фразы, выброшенной цензурой[3]). Приводимъ полностью это письмо, содержащее кое-какія любопытныя фактическія данныя.

---

[1]) Аммосовъ, назв. соч., 9—10.

[2]) Въ русской журналистикѣ, кажется лишь одинъ М. Н. Лонгиновъ не только отнесся съ недовѣрчивостью къ разсказу Аммосова, но высказалъ ему порицаніе за предъявленіе подобнаго обвиненія безъ всякихъ доказательствъ. См. отзывъ М. Н. Лонгинова о книжкѣ Аммосова въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 1863, № 18, стр. 12.

[3]) Письмо напечатано и въ помянутой статьѣ М. К. Лемке—«Былое» 1907 г., мартъ, 185—186.

«М. Г. Въ іюньской книгѣ Вашего журнала прочелъ я разборъ книжки г. Аммосова: «Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина» и увидѣлъ, что г. Аммосовъ позволяетъ себѣ обвинять меня въ составленіи подметныхъ писемъ въ ноябрѣ 1836 г., а князя И. С. Гагарина—въ соучастіи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ, и увѣряетъ, что Гагаринъ, будучи за границею, *признался* въ томъ.

«Это клевета и только: клевета и на Гагарина, и на меня. Гагаринъ не могъ *признаться* въ томъ, чего никогда не бывало, и онъ никогда не говорилъ подобной вещи, потому что Гагаринъ человѣкъ честный и благородный и лгать не будетъ. Мы съ нимъ соединены съ самаго дѣтства узами тѣснѣйшей дружбы, неоднократно бесѣдовали о катастрофѣ, положившей столь преждевременный конецъ поприщу нашего великаго поэта, и всегда сожалѣли, что не могли узнать именъ лицъ, писавшихъ подметныя письма.

«Г. Аммосовъ говоритъ, что писалъ свою книжку со словъ К. К. Данзаса. Не могу вѣрить, чтобы г. Данзасъ обвинялъ Гагарина или меня. Я познакомился съ г. Данзасомъ въ 1840 г., черезъ три года послѣ смерти его знаменитаго друга, и знакомство наше продолжалось до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 г., т.-е. 19 лѣтъ. Г. Данзасъ не сталъ бы знакомиться съ убійцею Пушкина и не онъ, конечно, подучилъ г. Аммосова напечатать эту клевету.

«Г. Аммосову неизвѣстно, что Гагаринъ и я, послѣ смерти Пушкина, находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ людьми, бывшими наиболѣе близкими къ Пушкину; г. Аммосову неизвѣстно, что я находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ друзьями Пушкина: гр. М. Ю. Віельгорскимъ, гр. Гр. А. Строгановымъ, кн. А. М. Горчаковымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, П. А. Валуевымъ; съ первыми двумя до самой кончины ихъ, съ тремя послѣдними до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 г. Г. Аммосову неизвѣстно, что уже послѣ смерти Пушкина я познакомился съ его отцомъ, съ его роднымъ братомъ и находился въ знакомствѣ съ ними до самой смерти ихъ.

«Начальнику III Отдѣленія, по офиціальному положенію его, лучше другихъ извѣстны общественныя тайны. Л. В. Дубельтъ (младшій сынъ его женатъ на дочери великаго поэта) никогда не обвинялъ ни Гагарина, ни меня по дѣлу Пушкина. Когда въ 1843 г. я былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку, въ предложенныхъ мнѣ вопросныхъ пунктахъ не было ни единаго намека на подметныя письма.

«Съ негодованіемъ отвергаю, какъ клевету, всякое обвиненіе какъ меня, такъ и Гагарина въ какомъ бы то ни было соучастіи въ составленіи или распространеніи подметныхъ писемъ. Гагаринъ, нынѣ находящійся въ Бейрутѣ, въ Сиріи, вѣроятно, самъ напишетъ Вамъ то же. Но обвиненіе—

и какое ужасное обвиненіе!—напечатано было въ «Современникѣ» и долгъ чести предписываетъ русской цензурѣ разрѣшить напечатаніе этого письма моего [1]). Прося Васъ помѣстить его въ ближайшей книгѣ «Современника», имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Князь Петръ Долгоруковъ» [2]).

Оправданіе князя Ивана Гагарина появилось въ № 154 «Биржевыхъ Вѣдомостей» за 1865 годъ и было отвѣтомъ на помѣщенную въ № 102 этой газеты статью, которая въ свою очередь была заимствована изъ «Русскаго Архива». Въ «Русскомъ Архивѣ» этого года былъ помѣщенъ отрывокъ «Изъ воспоминаній графа В. А. Соллогуба» [3]). Сообщивъ со словъ Дантеса о томъ, что документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ и среди нихъ дипломъ, написанный поддѣльной рукой, графъ Соллогубъ высказалъ предположеніе: «Стоитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему Русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его отыщетъ и назоветъ не достовѣрная догадка, а Божіе правосудіе!» Графъ Соллогубъ не назвалъ этого имени, но редакторъ «Русскаго Архива» П. И. Бартеневъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту процитировалъ приведенное нами выше заявленіе Аммосова. Князь И. С. Гагаринъ опубликовалъ любопытнѣйшее письмо, которое мы и приводимъ безъ измѣненій. Упоминаемыя въ письмѣ его лица обозначены инициалами, которые раскрыты (вполнѣ вѣрно) Бартеневымъ, перепечатавшимъ письмо Гагарина въ «Русскомъ Архивѣ» (1865, изд. 2-ое, 1242—1246).

«Въ № 102 «Биржев. Вѣдомостей» помѣщена статья, въ которой, по поводу безъименныхъ писемъ, причинившихъ смерть Пушкина, приводится мое имя. Статья эта меня огорчила, и невозможно мнѣ ее пропустить безъ отвѣта. Въ этомъ темномъ дѣлѣ, мнѣ кажется, прямыхъ доказательствъ быть не можетъ. Остается только честному человѣку дать свое честное слово. Поэтому я торжественно утверждаю и объявляю, что я этихъ писемъ не писалъ, что въ этомъ дѣлѣ я никакого участія не имѣлъ; кто эти письма писалъ,

---

[1]) Строки, напечатанныя разрядкой, цензурой были исключены.

[2]) Подъ текстомъ письма въ «Колоколѣ» слѣдующая дата: «I. Parson's Green, Fulhom, London, 12 (24) іюля 1863».

[3]) Вышли отдѣльнымъ оттискомъ—«Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина», М. 1866.

я никогда не зналъ и до сихъ поръ не знаю. Чтобы устранить всѣ недоразумѣнія и всѣ недомолвки, мнѣ кажется нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Въ то время, какъ случилась вся эта исторія, кончившаяся смертью Пушкина, я былъ въ Петербургѣ и жилъ въ кругу, къ которому принадлежали и Пушкинъ, и Дантесъ, и я съ ними почти ежедневно имѣлъ случай видѣться. Съ Пушкинымъ я былъ въ хорошихъ сношеніяхъ; я высоко цѣнилъ его геніальный талантъ и никакой причины вражды къ нему не имѣлъ. Обстоятельства, которыя дали поводъ къ безъименнымъ письмамъ, происходили подъ моими глазами, но я никакимъ образомъ къ нимъ не былъ примѣшанъ, о письмахъ я не зналъ и никакого понятія о нихъ не имѣлъ. Первый человѣкъ, который мнѣ о нихъ говорилъ, былъ К. О. Р.[1]). Въ то время я жилъ на одной квартирѣ съ кн. П. В. Д.[2]) на Милліонной. Съ Д. я также съ самаго малолѣтняго возраста былъ знакомъ. Бабушка его княгиня Д. и особенно тетушка его М. П. К. были въ дружной и тѣсной связи съ моей матушкой. Мы въ Москвѣ очень часто видались, потомъ Д. отправленъ былъ въ Петербургъ въ Пажескій корпусъ. Я потерялъ его изъ виду и встрѣтился съ нимъ опять въ Петербургѣ въ 1835 или 1836 году. Мы наняли вмѣстѣ одну квартиру. Однажды мы обѣдали дома вдвоемъ, какъ приходитъ Р. При людяхъ онъ ничего не сказалъ, но какъ мы встали изъ-за стола и перешли въ другую комнату, онъ вынулъ изъ кармана безъименное письмо на имя Пушкина, которое было ему прислано запечатанное подъ конвертомъ, на его (Р.) имя. Дѣло ему показалось подозрительнымъ, онъ рѣшился распечатать письмо и нашелъ извѣстный пасквиль. Тогда начался разговоръ между нами; мы толковали, кто могъ написать пасквиль, съ какою цѣлію, какія могутъ быть отъ этого послѣдствія. Подробностей этого разговора я теперь припомнить не могу; одно только знаю, что наши подозрѣнія ни на комъ не остановились и мы остались въ невѣдѣніи. Тутъ я имѣлъ въ рукахъ это письмо и разсматривалъ. Другого экземпляра мнѣ никогда не приходилось видѣть. Сколько я могу припомнить, Р. намъ сказалъ, что этотъ конвертъ онъ получилъ наканунѣ.

«Нѣсколько времени послѣ того, однажды утромъ, въ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, я услышалъ отъ графа Д. К. Н.[3]), что Пушкинъ наканунѣ дрался съ Дантесомъ, и что онъ тяжело раненъ. Въ тотъ же день я отправился къ Пушкину и къ Дантесу; у Пушкина не принимали; Дантеса я видѣлъ легко раненаго, лежавшаго на креслахъ.

---

[1]) Конечно, Клементій Осиповичъ Россетъ.

[2]) Князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ.

[3]) Графъ Димитрій Карловичъ Нессельроде.

«Въ то время было въ Петербургѣ много толковъ о безъименныхъ письмахъ; многіе подозрѣвали барона Геккерена-отца; эти подозрѣнія тогда, какъ и теперь, мнѣ казались чрезвычайно нелѣпыми. Я и не воображалъ, что меня также подозрѣвали въ этомъ дѣлѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ; я провелъ эти года въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Въ Парижѣ я часто видался со многими Русскими; въ Петербургѣ я вездѣ бывалъ и почти ежедневно встрѣчался съ Л.[1]), и во все это время помину не было о моемъ мнимомъ участіи въ этомъ темномъ дѣлѣ. Въ 1843 году я оставилъ свѣтъ и поступилъ въ новиціатъ ордена іезуитовъ, въ ахеоланскую обитель (l'acheul), гдѣ и оставался до сентября 1845 года. Въ ахеоланской обители меня навѣстилъ А. И. Т.[2]), мы долго съ нимъ разгововаривали про былое время. Онъ мнѣ тутъ впервые признался, что онъ имѣлъ на меня подозрѣніе въ дѣлѣ этихъ писемъ, и разсказывалъ, какъ это подозрѣніе разсѣялось. На похоронахъ Пушкина онъ съ меня глазъ не сводилъ, желая удостовѣриться, не покажу ли я на лицѣ какихъ-нибудь знаковъ смущенія или угрызенія совѣсти; особенно пристально смотрѣлъ онъ на меня, когда пришлось подходить ко гробу—прощаться съ покойникомъ. Онъ ждалъ этой минуты: если я спокойно подойду, то подозрѣнія его исчезнутъ; если же я не подойду или покажу смущеніе, онъ увидитъ въ этомъ доказательство, что я дѣйствительно виноватъ. Все это онъ мнѣ разсказывалъ въ ахеоланской обители и прибавилъ, что, увидѣвши, съ какимъ спокойствіемъ я подошелъ къ покойнику и цѣловалъ его, всѣ его подозрѣнія исчезли. Я тутъ ему дружески примѣтилъ, что онъ могъ бы жестоко ошибиться. Могло бы случиться, что я имѣлъ бы отвращеніе отъ мертвецовъ и не подошелъ бы ко гробу. Подходить я никакой обязанности не имѣлъ,—не всѣ подходили, и онъ тогда бы очень напрасно остался бы убѣжденнымъ, что я виноватъ.

«Послѣ этого нѣсколько разъ до меня доходили слухи, что тотъ или другой человѣкъ меня подозрѣвалъ въ томъ же дѣлѣ. Я, признаюсь, не обращалъ на эти подозрѣнія никакого вниманія. Съ одной стороны я такъ твердо убѣжденъ былъ въ моей невинности, что эти слухи не дѣлали на меня впечатлѣнія. Съ другой стороны, такъ много людей не могли себѣ объяснить, почему я оставилъ свѣтъ и сдѣлался инокомъ. Стали выдумывать небывалыя причины. Иные предполагали, не знаю, какой романъ, любовь, отчаяніе и Богъ вѣстъ что такое. Другіе полагали, что я непремѣнно совершилъ какое-нибудь преступленіе, а какъ за мною никакого

[1]) Бартеневъ относитъ съ вопросомъ инициіалъ къ Лермонтову.

[2]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

преступленія не знали, то стали поговаривать: «а можетъ быть онъ написалъ безъименныя письма противъ Пушкина?»

«Пушкинъ убитъ въ февралѣ 1837 г., если я не ошибаюсь; я вступилъ въ орденъ іезуитовъ въ августѣ 1843 г.,—слишкомъ шесть лѣтъ спустя; въ продолженіи этихъ шести лѣтъ никто не примѣтилъ за мной никакого отчаянія, даже никакой грусти, и сколько я знаю, никто не останавливался на мысли, что я эти письма писалъ; но какъ я сдѣлался іезуитомъ, тутъ и стали про это говорить.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ старинный мой знакомый пріѣхалъ въ Парижъ изъ Россіи и сталъ опять меня разспрашивать про это дѣло; я ему сказалъ, что я зналъ, и какъ я зналъ. Разговоръ палъ на бумагу, на которой былъ писанъ пасквиль; я дѣйствительно примѣтилъ, что письмо, показанное мнѣ К. О. Р., было писано на бумагѣ, подобной той, которую я употреблялъ. Но это ровно ничего не значитъ: на этой бумагѣ не было никакихъ особенныхъ знаковъ, ни герба, ни литеръ. Эту бумагу не нарочно для меня дѣлали: я ее покупалъ, сколько могу припомнить, въ англійскомъ магазинѣ, и вѣроятно половина Петербурга покупала тутъ бумагу.

«Кажется, къ этимъ объясненіямъ на счетъ моего мнимаго участія въ безъименныхъ письмахъ болѣе ничего прибавлять не нужно. Но не могу умолчать о кн. Д. Конечно, онъ въ моей защитѣ не нуждается и самъ себя защищать можетъ. Одно только я хочу сказать. Какъ видно изъ предыдущаго, во время несчастной этой исторіи я съ нимъ на одной квартирѣ жилъ,—слѣдовательно, если бы были противъ него какія-нибудь улики или доказательства, никто лучше меня не могъ бы ихъ примѣтить. Поэтому я почитаю долгомъ объявить, что никакихъ такого рода уликъ или доказательствъ я не примѣтилъ.

Примите увѣреніе и т. д.

Ивана Гагарина,

Священника общества Іисусова».

Объясненія князя И. С. Гагарина и князя П. В. Долгорукова не удовлетворили нѣкоторыхъ изслѣдователей [1]). Но въ сущности какія же доказательства могли они привести, и не лежитъ ли тяжесть доказательства на тѣхъ, кто предъявляетъ къ нимъ подобныя обвиненія? Въ частности,

[1]) Напримѣръ, г. Петръ Устимовичъ никакъ не можетъ удовлетвориться объясненіями князя Гагарина, но отказываетъ имъ въ достовѣрности главнѣйше потому, что князь И. С. Гагаринъ былъ членомъ іезуитскаго ордена. См. его брошюру: «Память 29 января 1837 года. Кончина А. С. Пушкина», Варшава 1887, стр. 22—24.

въ указаніяхъ князя Гагарина мы не находимъ никакихъ противорѣчій. Ссылка на А. И. Тургенева находитъ подтвержденіе въ его дневникахъ. Намъ не встрѣтилась запись А. И. Тургенева о посѣщеніи и разговорѣ въ Ахеоланской обители, но въ дневникахъ масса упоминаній о князѣ Гагаринѣ самаго дружественнаго характера; въ особенности ихъ много въ 1838 году, когда Тургеневъ жилъ въ Парижѣ и чуть не ежедневно встрѣчался съ княземъ И. С. Гагаринымъ. Трудно было бы допустить такую легкость общенія, если бы А. И. Тургеневъ питалъ хоть сколько-нибудь основательное подозрѣніе на князя И. С. Гагарина. Значитъ, подозрѣніе, возникшее-было, дѣйствительно разсѣялось у А. И. Тургенева въ моментъ похоронъ, но какъ же оно было неосновательно, разъ для его разсѣянія достаточно было одного мимолетнаго впечатлѣнія! Психологическая трудность усвоенія пасквиля князю Гагарину бросается въ глаза при чтеніи опубликованныхъ писемъ князя И. С. Гагарина къ Ѳ. И. Тютчеву отъ 1836 года[1]). Гагаринъ въ 1833—1835 служилъ въ нашей дипломатической миссіи въ Мюнхенѣ и здѣсь сблизился съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Переѣхавъ въ концѣ 1835 года въ Петербургъ, князь Гагаринъ сталъ дѣятельнымъ пропагандистомъ поэзіи Пушкина. Черезъ него именно попали въ «Современникъ» стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. Гагаринъ писалъ Тютчеву въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «До сихъ поръ, любезнѣйшій другъ, я не поговорилъ съ вами какъ слѣдуетъ о тетради, которую вы мнѣ прислали съ Крюднерами. Я провелъ надъ нею пріятнѣйшіе часы. Тутъ вновь встрѣчаешься въ поэтическомъ образѣ съ тѣми ощущеніями, которыя сродны всему человѣчеству и которыя болѣе или менѣе переживались каждымъ изъ насъ; но сверхъ того для меня это чтеніе соединялось съ наслажденіемъ совершенно особеннымъ: на каждой страницѣ живо припоминались мнѣ вы и ваша душа, которую бывало мы вдвоемъ такъ часто и такъ тщательно разбирали... Пушкинъ цѣнитъ ваши стихи какъ должно и отзывался мнѣ о нихъ весьма сочувственно. Я отмѣнно радъ, что могу передать вамъ эти извѣстія. По моему, мало что можетъ сравниться со счастіемъ напечатлѣвать мысли и доставлять умственныя наслажденія людямъ съ дарованіемъ и со вкусомъ. Поручите мнѣ почетную должность быть вашимъ издателемъ». Трудно представить и повѣрить, чтобы пасквиль Пушкину писало то самое перо, которому принадлежатъ такія письма.

Приведенное нами оправданіе не является единственнымъ высказываніемъ князя Гагарина по поводу дуэли Пушкина. Н. С. Лѣскову принадлежитъ интереснѣйшій разсказъ объ его бесѣдахъ съ Гагаринымъ по этому

[1]) «Русскій Архивъ» 1879, II, 118—123.

вопросу [1]). Свои выводы Лѣсковъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Изъ встрѣчъ и бесѣдъ съ Гагаринымъ у меня сложилось убѣжденіе: 1) что дѣло смерти Пушкина тяготило и мучило Гагарина ужасно; 2) что онъ почиталъ себя жестоко оклеветаннымъ; 3) что опроверженій своихъ онъ не почиталъ достаточно сильными для ниспроверженія всей этой клеветы; и 4) что онъ былъ убѣжденъ въ существованіи болѣе сильнаго и неопровержимаго доказательства его правоты, каковое доказательство и есть во Франціи... Характеръ и судьба И. С. Гагарина чрезвычайно драматичны, и всякій честный человѣкъ долженъ быть крайне остороженъ въ своихъ о немъ догадкахъ. Этого требуютъ и справедливость и милосердіе».

Изложенными выше данными исчерпывается также и все то, что мы знаемъ о роли князя П. В. Долгорукова. Никакихъ выводовъ отсюда дѣлать было нельзя, но темные слухи съ теченіемъ времени превращались въ категорическія утвержденія. Такъ, въ изданной въ Берлинѣ въ 1869 году русской книжкѣ «Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели», на стр. 13-ой можно прочесть: «Вѣроятно, вамъ памятно, какъ онъ, Долгоруковъ, будучи еще молодъ и неопытенъ, позволилъ себѣ написать анонимное письмо къ нашему народному поэту Пушкину». Князь П. А. Вяземскій, весьма освѣдомленный свидѣтель-современникъ, противъ этой фразы отмѣтилъ на поляхъ книжки: «Это еще не доказано, хотя Долгоруковъ и былъ въ состояніи сдѣлать эту гнусность» [2]). Неприглядность нравственной личности князя Долгорукова, дѣйствительно, не есть еще достаточное основаніе для его обвиненія въ составленіи и распространеніи пасквиля.

Обвиненія министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова въ составленіи и распространеніи пасквилей никогда не были формулированы прямо и высказывались намеками [3]). Главной опорой этимъ обвиненіямъ послужилъ, конечно, непререкаемый фактъ исключительно враждебнаго отношенія къ Пушкину въ послѣдніе года его жизни и къ памяти Пушкина. Самъ Пушкинъ въ одѣ «На выздоровленіе Лукулла» далъ достаточный поводъ къ такимъ чувствамъ графа Уварова. Никакихъ фактическихъ указаній на его роль въ интригѣ, которая велась противъ Пушкина въ концѣ 1836 года, у насъ не имѣется [4]).

---

[1]) Іезуитъ Гагаринъ въ дѣлѣ Пушкина,—«Ист. Вѣст.» 1886, авг., 269—273.

[2]) Сообщеніе графа С. Д. Шереметева въ «Русскомъ Архивѣ» 1901, III, 255.

[3]) См. П. Устимовичъ, назв. соч., стр. 8.

[4]) Всѣ данныя объ отношеніяхъ графа Уварова къ Пушкину собраны Н. Лернеромъ въ примѣчаніяхъ къ «Соч. Пушкина», ред. С. А. Венгерова, т. VI, 480—484.

Гораздо большаго вниманія, чѣмъ слухи, указывавшіе на князя И. С. Гагарина, князя П. В. Долгорукова, графа С. С. Уварова, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, два сообщенія, идущія отъ современниковъ. Чрезвычайно характерное, одно изъ нихъ принадлежитъ князю А. В. Трубецкому [1]). «Въ то время нѣсколько шалуновъ изъ молодежи,—между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin,—стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ-рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ получилъ такое письмо и Пушкинъ». Характерно въ этомъ сообщеніи то, что авторъ не видитъ ничего особеннаго въ дѣйствіяхъ шалуновъ изъ молодежи, что ему представляется разсылка пасквилей по мужьямъ-рогоносцамъ дѣломъ обыкновеннымъ, въ порядкѣ вещей. Какой же низкій моральный уровень современнаго Пушкину свѣта зафиксированъ свидѣтельствомъ князя Трубецкого! Но если онъ дѣйствительно таковъ, то является еще одно лишнее основаніе къ тому, чтобы вопросу объ авторахъ и распространителяхъ писемъ было отведено въ исторіи послѣдней дуэли мѣсто даже не второстепенное, а просто послѣднее. Къ сообщенію князя А. В. Трубецкого надо добавить разсказъ графа В. А. Соллогуба о пасквиляхъ. Отъѣзжая изъ Петербурга въ началѣ декабря 1836 года, графъ Соллогубъ зашелъ проститься съ д'Аршіакомъ. «Онъ показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что Вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ» [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 405.

[2]) Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Новыя свѣдѣнія..., М. 1866, 59—60. Воспоминаніямъ графа В. А. Соллогуба очень повезло на Западѣ: появилось нѣсколько переводовъ, французскихъ и нѣмецкихъ. Такъ см. «Erinnerungen des Grafen W. A. Sollohub, 1884». Между прочимъ, см. «La mort de Pouschkine» въ «La Revue Nouvelle d'Alsace-Lorraine» 1884, № 4, 1 septembre. На Воспоминаніяхъ Соллогуба и на общественныхъ документахъ основана статья маркиза де Сегюра «Le duel et la mort de Pouchkine» въ его книгѣ «Vieux dossiers—Petits Papiers, Paris, Calmann-Lévy.

От ъ автора. Переводы документовъ выполнены Алдр. Ник. Чеботаревской, авторъ книги считаетъ своимъ долгомъ выразить ей благодарность.

КЪ РИСУНКАМЪ И ФАКСИМИЛЕ

Рисунки

Стр. 13. Снимокъ съ маски Пушкина, хранящейся въ Библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета. Объ этой маскѣ см. работу проф. Е. Ф. Шмурло: «Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ Библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета» (отд. отт., Юрьевъ, 1899 г., и въ «Пушкинскомъ сборникѣ, изданномъ Императорскимъ Юрьевскимъ Университетомъ», Юрьевъ. 1899, стр. 37—66). При статьѣ дано три снимка съ маски. Мы даемъ новый снимокъ, выполненный спеціально для нашей книги при любезномъ содѣйствіи проф. Д. Н. Кудрявскаго.

Стр. 18. Портретъ барона Луи де-Геккерена; воспроизведенъ по сообщенной черезъ посредство М. Мазона барономъ Ж.-А. де-Геккеренъ-Дантесомъ фотографіи съ портрета, рисованнаго въ 1843 году Крихуберомъ.

Стр. 44. Наталья Николаевна Пушкина. Воспроизведено по фотографіи съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго во время вдовства Натальи Николаевны и принадлежащаго А. П. Араповой. Фотографія предоставлена С. А. Венгеровымъ. Въ подписи ошибочно указаны инициалы «А. И. Араповой» вмѣсто дѣйствительныхъ А. П. Араповой.

Стр. 50. Александра Николаевна Гончарова. Воспроизведено по предоставленной въ наше распоряженіе С. А. Венгеровымъ фотографіи съ акварели, принадлежащей А. П. Араповой.

Стр. 58. Баронесса Екатерина Николаевна де-Геккеренъ-Дантесъ, рожденная Гончарова. Воспроизведено по фотографіи съ портрета, писаннаго въ 1840 году Вельцомъ въ Зульцѣ и принадлежащаго баронессѣ де-Геккеренъ-Дантесъ. Фотографія сообщена черезъ посредство А. Мазона барономъ Ж.-А. де-Геккеренъ-Дантесомъ.

Стр. 64. Жоржъ Дантесъ баронъ де-Геккеренъ. Воспроизведено по фотографіи съ портрета, принадлежащаго г. Луи Метману. Фотографія сообщена г. Метманомъ. Очевидно, это тотъ портретъ, о которомъ писалъ Жоржъ Дантесъ своей невѣстѣ Е. Н. Гончаровой (см. нашу книгу, стр. 108—109).

Стр. 76. Екатерина Ивановна Загряжская. Съ акварели работы А. П. Брюллова, принадлежащей А. П. Араповой.

Стр. 126. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Съ рисунка съ натуры А. А. Козлова. Собственность Пушкинскаго Музея Императорскаго Александровскаго Лицея. Въ Музеѣ хранится письмо А. И. Сомова, содержащее слѣдующія фантастическія данныя: «Переданный мною въ Пушкинскій Музей Императорскаго Александровскаго Лицея рисунокъ: «Пушкинъ на смертномъ одрѣ» исполненъ съ натуры художникомъ Александромъ Алексѣевичемъ Козловымъ, нынѣ умершимъ. Онъ пріобрѣтенъ мною отъ него самого въ 1880 году. По разсказу Козлова, онъ, на другой день смерти великаго поэта, пріѣхалъ на его квартиру вмѣстѣ со своимъ учителемъ, профессоромъ Ѳ. А. Бруни, съ тѣмъ, чтобы взглянуть на оплакиваемаго всею Россіею генія и присутствовать при томъ какъ. Бруни будетъ срисовывать черты. Но Бруни почему-то не нашелъ удобнымъ въ ту же минуту заняться этимъ рисункомъ, уѣхалъ и лишь позже сдѣлалъ эскизъ, послужившій оригиналомъ для извѣстныхъ литографій: «Пушкинъ въ гробу». Козловъ же остался у смертныхъ останковъ поэта и набросалъ въ своемъ альбомѣ эскизъ, по которому потомъ, у себя на дому, и исполнилъ рисунокъ, поступающій теперь въ собственность Пушкинскаго Музея. Козлову было тогда 18 лѣтъ». (С. М. Аснашъ и А. Н. Яхонтовъ. Описаніе Пушкинскаго Музея Императорскаго Александровскаго Лицея, стр. 23—24).

Стр. 148. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Съ рисунка карандашомъ Аполлона Мокрицкаго. Собственность Пушкинскаго Музея Императорскаго Александровскаго Лицея. Рисунокъ былъ сдѣланъ вечеромъ 27 января 1837 года ученикомъ К. П. Брюллова, впослѣдствіи академикомъ живописи, Аполлономъ Мокрицкимъ. Имъ былъ подаренъ П. А. Каратыгину (см. «Русск. Стар.» 1880, іюль, 531).

Стр. 272. Святогорскій монастырь. Съ литографіи, сдѣланной во Псковѣ въ 1837 году. Воспроизведено съ экземпляра, принадлежащаго Пушкинскому Музею Императорскаго Александровскаго Лицея.

Стр. 340. Жоржъ Дантесъ баронъ де-Геккеренъ. Съ портрета работы Каролюсъ Дюрана, сдѣланнаго въ Парижѣ въ 1878 году. Принадлежитъ г. Луи Метману, сообщившему фотографію для нашего изданія.

Факсимиле

Стр. 184. Планъ квартиры Пушкина, рисованный В. А. Жуковскимъ. Подлинникъ въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина. (См. Б. Л. Модзалевскій. Описаніе рукописей Пушкина находящихся въ Музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ», С.-Пб. 1909, стр. 33 и 85. См. нашу книгу, стр. 185, примѣч. 9). Срвн. сообщеніе В. Н. Давыдова «Квартира А. С. Пушкина въ концѣ января 1837 года»—«Русская Старина» 1887, апр., стр. 161—164, а также «Новое Время», 1908 года 16 марта, «Русскій Архивъ» 1910, II, стр. 370.

Стр. 206. Начало листа изъ метрической книги съ записью о смерти Пушкина. Нельзя не отмѣтить, что въ столь оффиціальномъ документѣ, какъ метрическая книга, день смерти обозначенъ невѣрно: днемъ смерти показано 1-ое февраля, а лѣтъ исчислено Пушкину 36! Метрическая книга хранится въ С.-Петербургской церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа, что при главныхъ конюшняхъ (нынѣ церковь Придворной Конюшенной части).

Стр. 280. Письмо Пушкина къ виконту д'Аршіаку. (См. стр. 280 нашей книги). Подлинникъ хранится въ архивѣ барона Ж.-А. де-Геккеренъ- Дантеса.

Стр. 289. Отвѣтъ барона Геккерена-Дантеса на допросѣ Военно-Судной Комиссіи. (См. въ нашей книгѣ стр. 289). Подлинникъ хранится въ архивѣ барона Ж.-А. де-Геккеренъ-Дантеса.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
28	1 снизу	XIV	XII
39	1 »	1912	1902
105	4 »	что	чтобы
158	1 »	[1])	[2])
»	*Пропущена 2-ая строка снизу:*	[1]) «Русс. Арх.», 1879, II, стр. 253.	
»	16 сверху	опасности».	опасности» [2]).
162	13 снизу	Пушкина	Пушкина?»

Переводы съ англійскаго редакціей Н. Таберіо:

РИЧ. БЕККЪ. — **Космическое сознаніе.** Очеркъ эволюціи человѣческаго разума. Съ портретомъ автора.

Ясное и увлекательное изложеніе, глубина и серьезность идей автора создали для этой книги огромный успѣхъ въ Америкѣ и Англіи. Нынѣшнюю форму человѣческаго сознанія авторъ считаетъ переходной и предсказываетъ новую высшую форму, космическое сознаніе, котораго до сихъ поръ достигали лишь отдѣльные умы, создатели и руководители нашей культуры и цивилизаціи.

Ч. Х. ХИНТОНЪ. — **Четвертое измѣреніе.**

» — **Новая эра мысли.**

Всѣ перечисленныя выше печатающіяся книги представляютъ начало новаго (IX) отдѣла „Исканія“, имѣющаго своей задачей — ознакомить русскаго читателя съ наиболѣе выдающимися сочиненіями изъ области духовныхъ исканій человѣчества, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Съ этой цѣлью предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, посвященныхъ вопросамъ духа и его культуры, подъ редакціей **Д. В. СТРАНДЕНА** и **Н. П. ТАБЕРІО**, работавшихъ раньше вмѣстѣ съ **П. Д. УСПЕНСКИМЪ** надъ подборомъ и обработкою подобныхъ сочиненій въ издательствѣ **„НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“**.

ИМѢЮТСЯ ВСѢ КНИГИ П. Д. УСПЕНСКАГО:

1) **Четвертое измѣреніе.** Обзоръ главнѣйшихъ теорій и попытокъ изслѣдованія области неизмѣримаго. 3-ье изданіе. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 15 к.

2) **Tertium Organum, ключъ къ загадкамъ міра.** Высшія измѣренія и новая логика. 2-ое исправленное и дополненное авторомъ изданіе. Петроградъ, 1915 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 90 к.

3) **Символы Таро.** Философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ. 2-ое исправленное изданіе. Съ 23 рисунками картъ „Таро“. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 90 к.

4) **Внутренній кругъ.** О „послѣдней чертѣ“ и о сверхчеловѣкѣ. Двѣ лекціи. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

5) **Разговоры съ дьяволомъ** („Изобрѣтатель“, „Добрый чортъ“). Оккультные разсказы. Петроградъ, 1916 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.

6) **«Кинемодрама»** (не для кинематографа). Оккультная повѣсть. Петроградъ, 1917 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.

Подробный каталогъ высылается за 35 коп. (можно марками) по первому требованію.

Адресовать: Петроградъ, Ижорская ул., д. 14, кв. 12, М. В. Пирожкову.

Цѣна **10** р., съ перес. **11** р.

Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА
(„ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА“)

